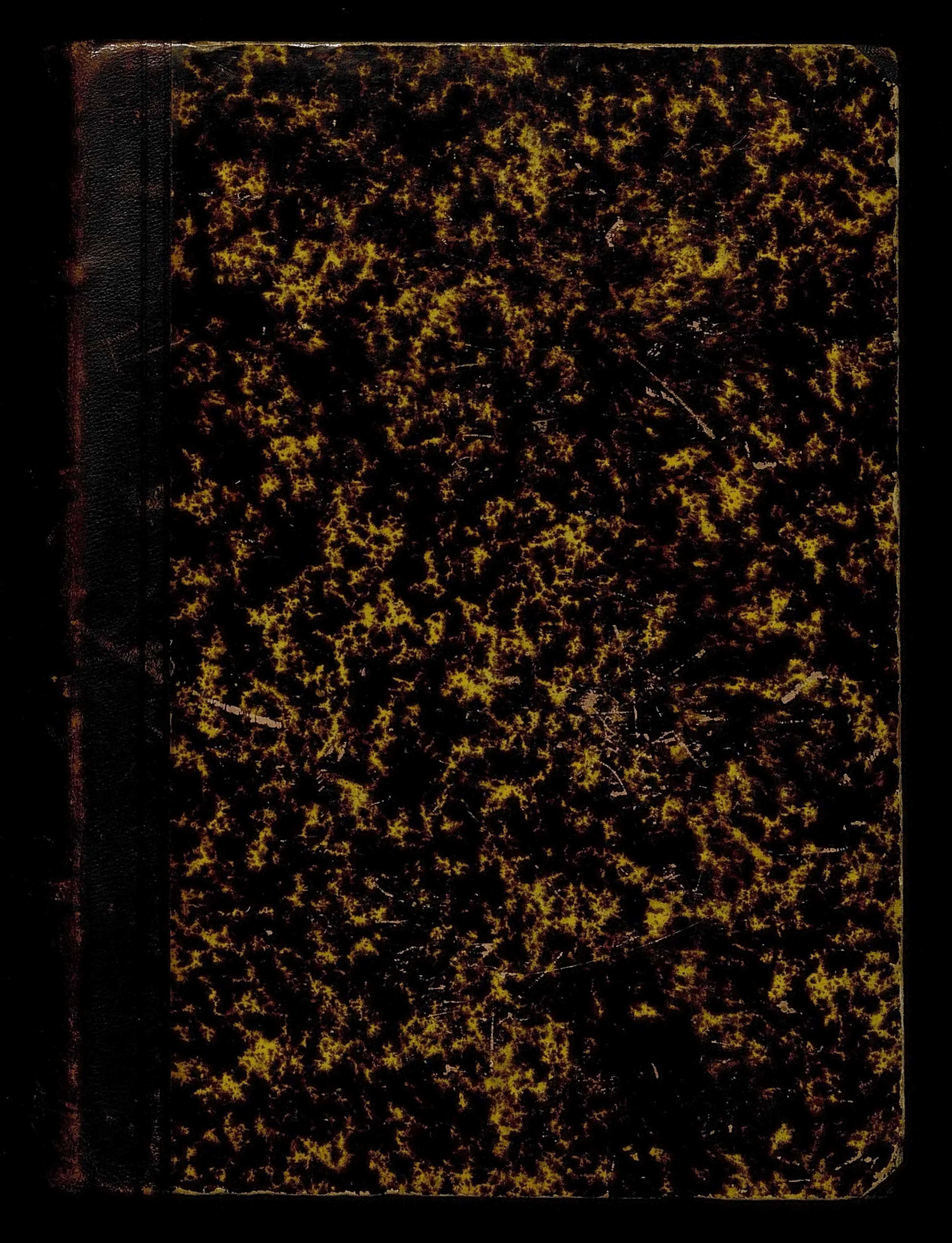

СОЧИНЕНІЯ и ПИСЬМА

НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

ГОГОЛЯ.

IV.

СОЧИНЕНІЯ и ПИСЬМА

Н. В. ГОГОЛЯ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ИЗДАНІЕ П. А. КУЛИША.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, марта 28 дня, 1857 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА,

ИЛИ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА I.

Въ ворота гостинницы губернскаго города NN въѣхала довольно красивая рессорная небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки: отставные подполковники, штабсъ-капитаны, помѣщики, имѣющіе около сотни душъ крестьянъ, словомъ, всѣ тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки. Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ, не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ. Въѣздъ его не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопровожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два Русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостинницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся впрочемъ болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ. »Вишь ты«, сказалъ одинъ другому, »вонъ какое колесо! что̀ ты думаешь? доѣдетъ то колесо, если бъ случилось, въ Москву, или не доѣдетъ?« — »Доѣдетъ«, отвѣчалъ другой. »А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ?« — »Въ Казань не доѣдетъ«, отвѣчалъ другой. Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостинницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая Тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ. Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой.

Когда экипажъ въѣхалъ на дворъ, господинъ былъ встрѣченъ трактирнымъ слугою, или половымъ, какъ ихъ называютъ въ Русскихъ трактирахъ, живымъ и вертлявымъ до такой степени, что

даже нельзя было разсмотрѣть, какое у него было лицо. Онъ выбѣжалъ проворно съ салфеткой въ рукѣ, весь длинный и въ длинномъ демикотоновомъ сюртукѣ, со спинкою чуть не на самомъ затылкѣ, встряхнулъ волосами и повелъ проворно господина вверхъ по всей деревяной *галдарећ*, показывать ниспосланный ему Богомъ покой. Покой былъ извѣстнаго рода; ибо гостинница была тоже извѣстнаго рода, то есть, именно такая, какъ бываютъ гостинницы въ губернскихъ городахъ, гдѣ за два рубли въ сутки проѣзжающіе получаютъ покойную комнату съ тараканами, выглядывающими какъ чернословъ изъ всѣхъ угловъ, и дверью въ сосѣднее помѣщеніе, всегда заставленною коммодомъ, гдѣ устроивается сосѣдъ, молчаливый и спокойный человѣкъ, но чрезвычайно любопытный, интересующійся знать о всѣхъ подробностяхъ проѣзжающаго. Наружный фасадъ гостинницы отвѣчалъ ея внутренности: она была очень длинна, въ два этажа; нижній не былъ выштукатуренъ и оставался въ темно-красныхъ кирпичикахъ, еще болѣе потемнѣвшихъ отъ лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками. Въ угольной изъ этихъ лавочекъ, или, лучше, въ окнѣ помѣщался сбитенщикъ, съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такъ же краснымъ, какъ самоваръ, такъ что издали можно бы подумать, что на окнѣ стояло два самовара, если бъ одинъ самоваръ не былъ съ черною какъ смоль бородою.

Пока проѣзжій господинъ осматривалъ свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемоданъ изъ бѣлой кожи, нѣсколько поистасканный, показывавшій, что былъ не въ первый разъ въ дорогѣ. Чемоданъ внесли кучеръ Селифанъ, низенькій человѣкъ въ тулупчикѣ, и лакей Петрушка, малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержанномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, малый немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и носомъ. Вслѣдъ за чемоданомъ внесенъ былъ небольшой ларчикъ, краснаго дерева, съ штучными выкладками изъ корельской березы, сапожныя колодки и завернутая въ синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучеръ Селифанъ отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устрои-

ваться въ маленькой передней, очень темной конуркѣ, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ нею какой-то свой собственный запахъ, который былъ сообщенъ и принесенному вслѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Въ этой конуркѣ онъ приладилъ къ стѣнѣ узенькую треногую кровать, накрывъ ее небольшимъ подобіемъ тюфяка, убитымъ и плоскимъ какъ блинъ, и, можетъ быть, также замаслившимся какъ блинъ, который удалось ему вытребовать у хозяина гостинницы.

Покамѣсть слуги управлялись и возились, господинъ отправился въ общую залу. Какія бываютъ эти общія залы — всякій проѣзжающій знаетъ очень хорошо: тѣ же стѣны, выкрашенныя масляной краской, потемнѣвшія вверху отъ трубочнаго дыма и залосненныя снизу спинами разныхъ проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными купеческими, ибо купцы по торговымъ днямъ приходили сюда самъ-шестъ и самъ-семъ испивать свою извѣстную пару чаю; тотъ же закопченный потолокъ; та же копченая люстра со множествомъ висящихъ стеклышекъ, которыя прыгали и звенѣли всякой разъ когда половой бѣгалъ по истертымъ клеенкамъ, помахивая бойко подносомъ, на которомъ сидѣла такая же бездна чайныхъ чашекъ, какъ птицъ на морскомъ берегу; тѣ же картины во всю стѣну, писанныя масляными красками; словомъ, все то же, что и вездѣ; только и разницы, что на одной картинѣ изображена была нимфа съ такими огромными грудями, какихъ читатель, вѣрно, никогда не видывалъ. Подобная игра природы, впрочемъ, случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно въ какое время, откуда и кѣмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію, иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусствъ, накупившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьеровъ. Господинъ скинулъ съ себя картузъ и размоталъ съ шеи шерстяную, радужныхъ цвѣтовъ косынку, какую женатымъ приготовляетъ своими руками супруга, снабжая приличными наставленіями, какъ закутываться, а холостымъ, навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ. Богъ ихъ знаетъ: я никогда не носилъ такихъ косынокъ. Размотавши косынку, господинъ велѣлъ подать обѣдъ. Покамѣсть ему подавались разныя обычныя въ трактирахъ блюда, какъ-то: щи съ слоенымъ пирожкомъ, нарочно сберегаемымъ въ теченіе нѣсколькихъ

недѣль, мозги съ горошкомъ, сосиски съ капустой, пулярка жареная, огурецъ соленый и вѣчный слоеный сладкій пирожокъ, всегда готовый къ услугамъ; покамѣсть ему все это подавалось, и разогрѣтое, и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или полового разсказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь, и много ли даетъ дохода, и большой ли подлецъ ихъ хозяинъ, на что половой, по обыкновенію, отвѣчалъ: »О, большой, сударь, мошенникъ!« Такъ и въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма много почтенныхъ людей, которые безъ того не могутъ покушать въ трактирѣ, чтобъ не поговорить съ слугою, а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ. Впрочемъ пріѣзжій дѣлалъ не всё пустые вопросы: онъ съ чрезвычайною точностію разспросилъ, кто въ городѣ губернаторъ, кто предсѣдатель палаты, кто прокурокъ, словомъ — не пропустилъ ни одного значительнаго чиновника; но еще съ большею точностію, если даже не съ участіемъ, разспросилъ обо всѣхъ значительныхъ помѣщикахъ, сколько кто имѣетъ душъ крестьянъ, какъ далеко живетъ отъ города, какого даже характера и какъ часто пріѣзжаетъ въ городъ; разспросилъ внимательно о состояніи края: не было ли какихъ болѣзней въ ихъ губерніи, повальныхъ горячекъ, убійственныхъ какихъ-либо лихорадокъ, оспы и тому подобнаго, и всё такъ и съ такою точностію, которая показывала болѣе, чѣмъ одно простое любопытство. Въ пріемахъ своихъ господинъ имѣлъ что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, но только носъ его звучалъ какъ труба. Это повидимому совершенно невинное достоинство пріобрѣло, однакожъ, ему много уваженія со стороны трактирнаго слуги, такъ что онъ всякій разъ, когда слышалъ этотъ звукъ, встряхивалъ волосами, выпрямливался почтительнѣе и, нагнувши съ вышины свою голову, спрашивалъ: не нужно ли чего? Послѣ обѣда господинъ выкушалъ чашку кофею и сѣлъ на диванъ, подложивши себѣ за спину подушку, которую въ Русскихъ трактирахъ вмѣсто эластической шерсти набиваютъ чѣмъ-то чрезвычайно похожимъ на кирпичъ и булыжникъ. Тутъ началъ онъ зѣвать и приказалъ отвести себя въ свой нумеръ, гдѣ, прилегши, заснулъ два часа. Отдохнувши, онъ написалъ на лоскуткѣ бумажки, по

просьбѣ трактирнаго слуги, чинъ, имя и фамилію, для сообщенія, куда слѣдуетъ, въ полицію. На бумажкѣ, половой, спускаясь съ лѣстницы, прочиталъ по складамъ слѣдующее: »Коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, помѣщикъ, по своимъ надобностямъ.« Когда половой всё еще разбиралъ по складамъ записку, самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ отправился посмотрѣть городъ, которымъ былъ, какъ казалось, удовлетворенъ; ибо нашелъ, что городъ никакъ не уступалъ другимъ губернскимъ городамъ: сильно била въ глаза желтая краска на каменныхъ домахъ и скромно темнѣла сѣрая на деревяныхъ. Домы были въ одинъ, два и полтора этажа съ вѣчнымъ мезониномъ, очень красивымъ, по мнѣнію губернскихъ архитекторовъ. Мѣстами эти дома казались затерянными среди широкой какъ поле улицы и нескончаемыхъ деревяныхъ заборовъ; мѣстами сбивались въ кучу, и здѣсь было замѣтно болѣе движенія народа и живости. Попадались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и подписью какого-то *Аршавскаго* портного; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: ***Иностранецъ Василій Өедоровъ;*** гдѣ нарисованъ былъ биліярдъ съ двумя игроками во фракахъ, въ какіе одѣваются у насъ на театрахъ гости, входящіе въ послѣднемъ актѣ на сцену. Игроки были изображены съ прицѣлившимися кіями, нѣсколько вывороченными назадъ руками и косыми ногами, только что сдѣлавшими на воздухѣ антраша. Подъ всѣмъ этимъ было написано: ***И вотъ заведеніе.*** Кое-гдѣ просто на улицѣ стояли столы съ орѣхами, мыломъ и пряниками, похожими на мыло; гдѣ харчевня съ нарисованною толстою рыбою и воткнутою въ нее вилкою. Чаще же всего замѣтно было потемнѣвшихъ двуглавыхъ государственныхъ орловъ, которые теперь уже замѣнены лаконическою надписью: ***Питейный домъ.*** Мостовая вездѣ была плоховата. Онъ заглянулъ и въ городской садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ, дурно принявшихся, съ подпорками внизу, въ видѣ треугольниковъ, очень красиво выкрашенныхъ зеленою масляною краскою. Впрочемъ, хотя эти деревца были невыше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что »городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ,

состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широковѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день, и что при этомъ было очень умилительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ, въ знакъ признательности къ господину градоначальнику.« Разспросивши подробно будочника, куда можно пройти ближе, если понадобится, къ собору, къ присутственнымъ мѣстамъ, къ губернатору, онъ отправился взглянуть на рѣку, протекавшую по срединѣ города; дорогою оторвалъ прибитую къ столбу афишу, съ тѣмъ, чтобы, пришедши домой, прочитать ее хорошенько, посмотрѣлъ пристально на проходившую по деревяному тротуару даму недурной наружности, за которой слѣдовалъ мальчикъ въ военной ливреѣ, съ узелкомъ въ рукѣ, и еще разъ окинувши все глазами, какъ-бы съ тѣмъ, чтобы хорошо припомнить положеніе мѣста, отправился домой прямо въ свой нумеръ, поддерживаемый слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою. Накушавшись чаю, онъ усѣлся передъ столомъ, велѣлъ подать себѣ свѣчу, вынулъ изъ кармана афишу, поднесъ ее къ свѣчѣ и сталъ читать, прищуря немного правый гразъ. Впрочемъ замѣчательнаго немного было въ афишкѣ: давалась драма г. Коцебу, въ которой Роллу игралъ г. Поплевинъ, Кору — дѣвица Зяблова, прочія лица были и того менѣе замѣчательны; однакоже онъ прочелъ ихъ всѣхъ, добрался даже до цѣны партера и узналъ, что афиша была напечатана въ типографіи губернскаго правленія; потомъ переворотилъ на другую сторону, узнать, нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протеръ глаза, свернулъ опрятно и положилъ въ свой ларчикъ, куда имѣлъ обыкновеніе складывать все, что̀ ни попадалось. День, кажется, былъ заключенъ порціей холодной телятины, бутылкою кислыхъ щей и крѣпкимъ сномъ *во всю насосную завертку*, какъ выражаются въ иныхъ мѣстахъ обширнаго Русскаго государства.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ визитамъ. Пріѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ сановникамъ. Былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну, и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда

по тюлю; потомъ отправился къ вице-губернатору, потомъ былъ у прокурора, у предсѣдателя палаты, у полицеймейстера, у откупщика, у начальника надъ казенными фабриками.... жаль, что нѣсколько трудно упомнить всѣхъ сильныхъ міра сего; но довольно сказать, что пріѣзжій оказалъ необыкновенную дѣятельность на счетъ визитовъ: онъ явился даже засвидѣтельствовать почтеніе инспектору врачебной управы и городскому архитектору; и потомъ еще долго сидѣлъ въ бричкѣ, придумывая, кому бы еще отдать визитъ, да ужъ больше въ городѣ не нашлось чиновниковъ. Въ разговорахъ съ сими властителями, онъ очень искусно умѣлъ польстить каждому. Губернатору намекнулъ какъ-то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя, и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы; полиціймейстеру сказалъ что-то очень лестное на счетъ городскихъ будочниковъ; а въ разговорахъ съ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, сказалъ даже ошибкою два раза *ваше превосходительство*, что очень имъ понравилось. Слѣдствіемъ этого было то, что губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе пожаловать къ нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочіе чиновники тоже съ своей стороны, кто на обѣдъ, кто на бостончикъ, кто на чашку чаю.

О себѣ пріѣзжій, какъ казалось, избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими-то общими мѣстами, съ замѣтною скромностію, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что онъ незначущій червь міра сего, и недостоинъ того, чтобы много о немъ заботились, что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищетъ избрать наконецъ мѣсто для жительства, и что, прибывши въ этотъ городъ, почелъ за непремѣнный долгъ засвидѣтельствовать свое почтеніе первымъ его сановникамъ. Вотъ все, что узнали въ городѣ объ этомъ новомъ лицѣ, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринкѣ. Приготовленіе къ этой вечеринкѣ заняло слишкомъ два часа времени, и здѣсь въ пріѣзжемъ оказалась та-

кая внимательность къ туалету, какой даже не вездѣ видывано. Послѣ небольшого послѣ-обѣденнаго сна, онъ приказалъ подать умыться и чрезвычайно долго теръ мыломъ обѣ щеки, подперши ихъ извнутри языкомъ; потомъ, взявши съ плеча трактирнаго слуги полотенце, вытеръ имъ со всѣхъ сторонъ полное свое лицо, начавъ изъ-за ушей и фыркнувъ прежде раза два въ самое лицо трактирнаго слуги; потомъ надѣлъ передъ зеркаломъ манишку, выщипнулъ вылѣзшіе изъ носу два волоска и непосредственно за тѣмъ очутился во фракѣ брусничнаго цвѣта съ искрой. Такимъ образомъ одѣвшись, покатился онъ въ собственномъ экипажѣ по безконечно широкимъ улицамъ, озаренным тощимъ освѣщеніемъ изъ кое-гдѣ мелькавшихъ оконъ. Впрочемъ губернаторскій домъ былъ такъ освѣщенъ, хоть бы и для бала; коляски съ фонарями, передъ подъѣздомъ два жандарма, форейторскіе крики вдали; словомъ — все, какъ нужно. Вошедши въ залъ, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому что блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго іюльскаго лѣта, когда старая ключница рубитъ и дѣлитъ его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ; дѣти всѣ глядятъ собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и, пользуясь подслѣповатостію старухи и солнцемъ, безпокоящимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ въ-разбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенныя богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или, протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться и опять улетѣть, и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами. Не успѣлъ Чичиковъ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, который представилъ его тутъ же губерна-

торшѣ. Пріѣзжій гость и тутъ не уронилъ себя: онъ сказалъ какой-то комплиментъ, весьма приличный для человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не слишкомъ малый. Когда установившіяся пáры танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ, заложивши руки назадъ, глядѣлъ на нихъ минуты двѣ очень внимательно. Многія дамы были хорошо одѣты и по модѣ, другія одѣлись во чтò Богъ послалъ въ губернскій городъ. Мущины здѣсь, какъ и вездѣ, были двухъ родовъ: одни тоненькіе, которые всё увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ Петербургскихъ, имѣли также весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанныя бакенбарды, или просто благовидные, весьма гладко выбритые овáлы лицъ, также небрежно подсѣдали къ дамамъ, также говорили по-Французски и смѣшили дамъ также, какъ и въ Петербургѣ; другой родъ мущинъ составляли толстые, или такіе же какъ Чичиковъ, то есть не такъ чтобы слишкомъ толстые, однакожь и не тонкіе. Эти, напротивъ того, косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ, не разставлялъ ли гдѣ губернаторскій слуга зеленаго стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто былъ и рябоватъ, волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манеръ *чортъ меня побери*, какъ говорятъ Французы; волосы у нихъ были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ. Увы! толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе служатъ больше по особымъ порученіямъ, или только числятся, и виляютъ туда и сюда; ихъ существованіе какъ-то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ ненадежно. Толстые же никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а всё прямыя, и ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣй мѣсто затрещитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружного блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, зато въ шкатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души незаложенной въ ломбардъ; у толстаго спокойно глядь — и явился гдѣ-нибудь въ концѣ города

домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близъ города деревенька, потомъ и село со всѣми угодьями. Наконецъ толстый, послуживши Богу и Государю, заслуживши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ Русскимъ бариномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. А послѣ него опять тоненькіе наслѣдники спускаютъ, по Русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ общество, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ наконецъ присоединился къ толстымъ, гдѣ встрѣтилъ почти всё знакомыя лица: прокурора, съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ, такъ, какъ-будто бы говорилъ: »Пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что-то скажу!« человѣка, впрочемъ, серьезнаго и молчаливаго; почтмейстера, низенькаго человѣка, но остряка и философа; предсѣдателя палаты, весьма разсудительнаго и любезнаго человѣка, — которые всѣ привѣтствовали его какъ старинняго знакомаго, на что Чичиковъ раскланивался, нѣсколько на бокъ, впрочемъ не безъ пріятности. Тутъ же познакомился онъ съ весьма обходительнымъ и учтивымъ помѣщикомъ Маниловымъ и нѣсколько неуклюжимъ на взглядъ Собакевичемъ, который съ перваго раза ему наступилъ на ногу, сказавши: »Прошу прощенія.« Тутъ же ему всунули карту на вистъ, которую онъ принялъ съ такимъ же вѣжливымъ поклономъ. Они сѣли за зеленый столъ и не вставали уже до ужина. Всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда наконецъ предаются занятію дѣльному. Хотя почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразилъ на лицѣ своемъ мыслящую физіогномію, покрылъ нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая, если была дама: »Пошла, старая попадья!« если же король: »Пошелъ, Тамбовскій мужикъ!« А предсѣдатель приговаривалъ: »А я его по усамъ! а я ее по усамъ!« Иногда при ударѣ картъ по столу вырывались выраженія: »А! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ!« или же просто восклицанія: »черви! чер-

воточина! пикенція!« или: »пикендрасъ! пичурущухъ! пичура!« и даже просто: »пичукъ!« названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры, спорили, какъ водится, довольно громко. Пріѣзжій нашъ гость также спорилъ, но какъ-то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: »Вы пошли«, но »Вы изволили пойти; я имѣлъ честь покрыть вашу двойку«, и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ-нибудь своихъ противниковъ, онъ всякій разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой замѣтили двѣ фіялки, положенныя туда для запаха. Вниманіе пріѣзжаго особенно заняли помѣщики Маниловъ и Собакевичъ, о которыхъ было упомянуто выше. Онъ тотъ-часъ же освѣдомился о нихъ, отозвавши тутъ же нѣсколько въ сторону предсѣдателя и почтмейстера. Нѣсколько вопросовъ, имъ сдѣланныхъ, показали въ гостѣ не только любознательность, но и основательность; ибо прежде всего разспросилъ онъ, сколько у каждаго изъ нихъ душъ крестьянъ и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія, а потомъ уже освѣдомился, какъ имя и отчество. Въ немного времени, онъ совершенно успѣлъ очаровать ихъ. Помѣщикъ Маниловъ, еще вовсе человѣкъ непожилой, имѣвшій глаза сладкіе какъ сахаръ и щурившій ихъ всякій разъ, когда смѣялся, былъ отъ него безъ памяти. Онъ очень долго жалъ ему руку и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ пріѣздомъ въ деревню, до которой, по его словамъ, было только пятнадцать верстъ отъ городской заставы; на что Чичиковъ, съ весьма вѣжливымъ наклоненіемъ головы и искреннимъ пожатіемъ руки, отвѣчалъ, что онъ не только съ большою охотою готовъ это исполнить, но даже почтетъ за священнѣйшій долгъ. Собакевичъ тоже сказалъ нѣсколько лаконически: »И ко мнѣ прошу«, шаркнувши ногою, обутою въ сапогъ такого исполинскаго размѣра, которому врядъ-ли гдѣ можно найти отвѣчающую ногу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться богатыри.

На другой день Чичиковъ отправился на обѣдъ и вечеръ къ полиціймейстеру, гдѣ съ трехъ часовъ послѣ обѣда засѣли въ вистъ и играли до двухъ часовъ ночи. Тамъ, между прочимъ, онъ

познакомился съ помѣщикомъ Ноздревымъ, человѣкомъ лѣтъ тридцати, разбитнымъ малымъ, который ему, послѣ трехъ-четырехъ словъ, началъ говорить *ты*. Съ полиціймейстеромъ и прокуроромъ Ноздревъ тоже былъ на *ты* и обращался подружески; но когда сѣли играть въ большую игру, полиціймейстеръ и прокуроръ чрезвычайно внимательно разсматривали его взятки и слѣдили почти за всякою картою, съ которой онъ ходилъ. На другой день Чичиковъ провелъ вечеръ у предсѣдателя палаты, который принималъ гостей своихъ въ халатѣ, нѣсколько замасленномъ, и въ томъ числѣ двухъ какихъ-то дамъ; потомъ былъ на вечерѣ у вицъ-губернатора, на большомъ обѣдѣ у откупщика, на небольшомъ обѣдѣ у прокурора, который впрочемъ стоилъ большого; на закускѣ послѣ обѣдни, данной городскимъ главою, которая тоже стоила обѣда. Словомъ, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и въ гостинницу пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ только, чтобы заснуть. Пріѣзжій во всемъ какъ-то умѣлъ найтиться и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка. О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла-ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ — онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ — и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою — онъ показалъ, что ему не безъизвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о биліардной игрѣ — и въ биліардной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили ли о добродѣтели — и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина — и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможенныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ — и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ-будто бы самъ былъ и чиновникомъ, и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни повороти, былъ очень порядочный человѣкъ. Всѣ чиновники были довольны пріѣздомъ новаго лица. Губернаторъ объ немъ изъяснился, что онъ благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ — что онъ дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ ученый человѣкъ; предсѣдатель

палаты — что онъ знающій и почтенный человѣкъ; полиціймейстеръ — что онъ почтенный и любезный человѣкъ; жена полиціймейстера — что онъ любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ. Даже самъ Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ-нибудь съ хорошей стороны, пріѣхавши довольно поздно изъ города и уже совершенно раздѣвшись и легши на кровать возлѣ худощавой жены своей, сказалъ ей: »Я, душенька, былъ у губернатора на вечерѣ, и у полиціймейстера обѣдалъ, и познакомился съ коллежскимъ совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: препріятный человѣкъ!« На что̀ супруга отвѣчала: »Гм!« и толкнула его ногою.

Такое мнѣніе, весьма лестное для гостя, составилось о немъ въ городѣ, и оно держалось до тѣхъ поръ, покамѣстъ одно странное свойство гостя и предпріятіе, или, какъ говорятъ въ провинціяхъ, *пассажъ*, о которомъ читатель скоро узнаетъ, не привело въ совершенное недоумѣніе почти всего города.

ГЛАВА II.

Уже болѣе недѣли пріѣзжій господинъ жилъ въ городѣ, разъѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ и такимъ образомъ проводя, какъ говорится, очень пріятно время. Наконецъ онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣстить помѣщиковъ, Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово. Можетъ быть, къ сему побудила его другая, болѣе существенная причина, дѣло болѣе серьёзное, близшее къ сердцу.... Но обо всемъ этомъ читатель узнаетъ постепенно и въ свое время, если только будетъ имѣть терпѣніе прочесть предлагаемую повѣсть, очень длинную, имѣющую послѣ раздвинуться шире и просторнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу, вѣнчающему дѣло. Кучеру Селифану отдано бѣло приказаніе рано поутру заложить лошадей въ извѣстную бричку; Петрушкѣ приказано было оставаться дома, смотрѣть за комнатой и чемоданомъ. Для читателя будетъ нелишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя конечно они лица не такъ замѣтныя и то, что̀ называютъ, второстепенныя, или даже третье-

степенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ кое-гдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ; но авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ во всемъ, и съ этой стороны, не смотря на то, что самъ человѣкъ Русскій, хочетъ быть аккуратенъ, какъ Нѣмецъ. Это займетъ, впрочемъ, немного времени и мѣста, потому что немного нужно прибавить къ тому, что уже читатель знаетъ, то есть, что Петрушка ходилъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, то есть чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно всё равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ, — онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или, лучше сказать, процессъ самого чтенія, что вотъ, де, изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое иной разъ чортъ знаетъ, что и значитъ. Это чтеніе совершалось болѣе въ лежачемъ положеніи, въ передней, на кровати и на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка. Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить всегда съ собою какой-то свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха, отзывавшійся нѣсколько жилымъ покоемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить гдѣ-нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди. Чичиковъ, будучи человѣкъ весьма щекотливый и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ привередливый, потянувши къ себѣ воздухъ на свѣжій носъ поутру, только помарщивался да встряхивалъ головою, приговаривая: »Ты, братъ, чортъ тебя знаетъ, потѣешь, что-ли. Сходилъ бы ты хоть въ баню.« На что Петрушка ничего не отвѣчалъ и старался тутъ же заняться какимъ-нибудь дѣломъ, или подходилъ съ щеткой къ висѣвшему

барскому фраку, или просто прибиралъ что-нибудь. Что думалъ онъ въ то время, когда молчалъ, — можетъ быть, онъ говорилъ про себя: »И ты однакожъ хорошъ; не надоѣло тебѣ сорокъ разъ повторять одно и то же.«... Богъ вѣдаетъ; трудно знать, что думаетъ дворовый крѣпостной человѣкъ въ то время, когда баринъ ему даетъ наставленіе. И такъ вотъ что на первый разъ можно сказать о Петрушкѣ. Кучеръ Селифанъ, былъ совершенно другой человѣкъ. Но авторъ весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ не охотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже Русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, тѣ, Богъ вѣсть, можетъ быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что ни пресмыкается у ногъ его, или, что еще хуже, можетъ быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ. Но какъ ни прискорбно то и другое, а всё однакожъ нужно возвратиться къ герою. Итакъ, отдавши нужныя приказанія еще съ вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись съ ногъ до головы мокрою губкой, что дѣлалось только по воскреснымъ днямъ, а въ тотъ день случись воскресенье, выбрившись такимъ образомъ, что щеки сдѣлались настоящій атласъ въ разсужденіи гладкости и лоска, надѣвши фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ шинель на большихъ медвѣдяхъ, онъ сошелъ съ лѣстницы, поддерживаемый подъ руку то съ одной, то съ другой стороны трактирнымъ слугою, и сѣлъ въ бричку. Съ громомъ выѣхала бричка изъ-подъ воротъ гостиницы на улицу. Проходившій попъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчишекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протянули руки, приговаривая: »Баринъ, подай сиротинкѣ!« Кучеръ, замѣтивши, что одинъ изъ нихъ былъ большой охотникъ становиться на запятки, хлыснулъ его кнутомъ, и бричка пошла прыгать по камнямъ. Не безъ радости былъ вдали

узрѣтъ полосатый шлагбаумъ, дававшій знать, что мостовой, какъ и всякой другой мукѣ, будетъ скоро конецъ, и, еще нѣсколько разъ ударившись довольно крѣпко головою въ кузовъ, Чичиковъ понесся наконецъ по мягкой землѣ. Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги; кочки, ельникъ, низенькіе жидкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій верескъ и тому подобный вздоръ. Попадались вытянутыя по шнурку деревни, постройкою похожія на старыя складенныя дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ рѣзными деревяными подъ ними украшеніями, въ видѣ висячихъ шитыхъ узорами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ по обыкновенію зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами, въ своихъ овчинныхъ тулупахъ. Бабы, съ толстыми лицами и перевязанными грудями, смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ, или высовывала слѣпую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстные. Проѣхавши пятнадцатую версту, онъ вспомнилъ, что здѣсь, по словамъ Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетѣла мимо, а деревни всё не было видно, и если бы не два мужика, попавшіеся навстрѣчу, то врядъ ли бы довелось имъ потрафить на ладъ. На вопросъ: далеко ли деревня Заманиловка? Мужики сняли шляпы, и одинъ изъ нихъ, бывшій поумнѣе, и носившій бороду клиномъ, отвѣчалъ: »Маниловка, можетъ быть, а не Заманиловка?«

»Ну, да, Маниловка!«

»Маниловка! а какъ проѣдешь еще одну версту, такъ вотъ тебѣ, то есть, такъ прямо направо.«

»Направо?« отозвался кучеръ.

»Направо«, сказалъ мужикъ. »Это будетъ тебѣ дорога въ Маниловку; а Заманиловки никакой нѣтъ. Она зовется такъ, то есть, ея прозваніе Маниловка, а Заманиловки тутъ вовсе нѣтъ. Тамъ прямо на горѣ увидишь домъ, каменный, въ два этажа, господскій домъ, въ которомъ, то есть, живетъ самъ господинъ. Вотъ это тебѣ и есть Маниловка, а Заманиловки совѣмъ нѣтъ никакой здѣсь, и не было.«

Поѣхали отыскивать Маниловку. Проѣхавши двѣ версты, встрѣтили поворотъ на проселочную дорогу, но уже и двѣ, и три, и четыре версты, кажется, сдѣлали, а каменнаго дома въ два этажа всё

еще не было видно. Тутъ Чичиковъ вспомнилъ, что если пріятель приглашаетъ къ себѣ въ деревню за пятнадцать верстъ, то значитъ, что къ ней есть вѣрныхъ тридцать. Деревня Маниловка немногихъ могла занимать своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатость горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по-Англійски двѣ-три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій; пять-шесть березъ небольшими купами кое-гдѣ возносили свои мелколистныя, жиденькія вершины. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревяными голубыми колонами и надписью *храмъ уединеннаго размышленія;* пониже прудъ, покрытый зеленью, что впрочемъ не въ диковинку въ Аглицкихъ садахъ Русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и частію по самому скату, темнѣли вдоль и поперегъ сѣренькія, бревенчатыя избы, которыя герой нашъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ ту жъ минуту принялся считать и насчиталъ болѣе двухъ сотъ. Нигдѣ между ними растущаго деревца, или какой-нибудь зелени: вездѣ глядѣло только одно бревно. Видъ оживляли двѣ бабы, которыя, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача за два деревяные кляча изорваный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака и блестѣла попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою въ ссорѣ и за что-то перебранивались. Поодаль въ сторонѣ темнѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтлосѣраго цвѣта, какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ. Для пополненія картины не было недостатка въ пѣтухѣ, предвозвѣстникѣ перемѣнчивой погоды, который, не смотря на то, что голова его продолблена была до самаго мозгу носами другихъ пѣтуховъ по извѣстнымъ дѣламъ волокитства, горланилъ очень громко и даже похлопывалъ крыльями, обдерганными, какъ старыя рогожки. Подъѣзжая ко двору, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шалоновомъ сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ

зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка близилась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе, и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

»Павелъ Ивановичъ!« вскричалъ онъ наконецъ, когда Чичиковъ вылѣзалъ изъ брички. »Насилу вы таки насъ вспомнили!«

Оба пріятеля очень крѣпко поцѣловались, и Маниловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіе котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какъ-нибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно, черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный, или алый какъ огонь плащъ, — и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ-вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ особенностей — эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ *люди такъ себѣ, ни то ни сё, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ*, по словамъ пословицы. Можетъ быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезъ-чуръ было передано сахару; въ пріемахъ и оборотахъ его было что-то заискивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ, не можешь не сказать: »Какой пріятный и добрый человѣкъ!« Въ слѣдующую за тѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: »Чортъ знаетъ, что̀ такое!« и отойдешь подальше; если жъ не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живого, или

хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета. У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый, съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтись на гуляньи съ флигель-адъютантомъ, напоказъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголъ какому-нибудь бубновому тузу или двойкѣ, тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, подобраться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ; словомъ — у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и большею частію размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ, нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля, хозяйство шло какъ-то само собою. Когда прикащикъ говорилъ: »Хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать.« — »Да, не дурно«, отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ. »Да, именно не дурно«, повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: »Баринъ, позволь отлучиться на работу, пóдать заработать«; »Ступай«, говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провели подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами. Въ его кабинетѣ всегда

лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 странице, которую онъ постоянно читалъ уже два года. Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно недоставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольскою шелковою матеріей, которая, вѣрно, стоила весьма недешево; но на два кресла ея не достало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: »Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы.« Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: »Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель.« Въ-вечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы, съ тремя античными граціями, съ перломутровымъ щегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромой, свернувшійся на сторону и весь въ салѣ, хотя этого не замѣчалъ ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги. Жена его.... впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Не смотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ всё еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: »Разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ.« Само собою разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготовляемы были сюрпризы — какой-нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіе его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что говорится, счастливы. Конечно, можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій, кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ и много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. Зачѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухнѣ? зачѣмъ довольно пусто въ кладовой? зачѣмъ воровка ключница, за-

чѣмъ нечистоплотны и пьяницы слуги? зачѣмъ вся дворня спитъ немилосердымъ образомъ и повѣсничаетъ все остальное время? Но все это предметы низкіе; а Манилова воспитана хорошо; а хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: Французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни; фортепьяно, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ. Впрочемъ бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ Французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ Французскій языкъ, а тамъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы. Не мѣшаетъ сдѣлать еще замѣчаніе, что Манилова... но, признаюсь, о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ пора возвратиться къ нашимъ героямъ, которые стояли уже нѣсколько минутъ передъ дверями гостиной, взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ.

»Сдѣлайте милость, не безпокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ«, говорилъ Чичиковъ.

»Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы гость«, говорилъ Маниловъ, показывая ему рукою на дверь.

»Не затрудняйтесь, пожалуста не затрудняйтесь; пожалуста проходите«, говорилъ Чичиковъ.

»Нѣтъ ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю.«

»Почему жъ образованному?.. пожалуста проходите.«

»Ну, да ужъ извольте проходить вы.«

»Да отчего жъ?

»Ну, да ужъ оттого!« сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ.

Наконецъ оба пріятеля вошли въ дверь бокомъ, и нѣсколько притиснули другъ друга.

»Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою«, сказалъ Маниловъ. »Душенька! Павелъ Ивановичъ!«

Чичиковъ точно увидѣлъ даму, которую онъ совершенно было не примѣтилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ. Она была недурна; одѣта къ лицу. На ней хорошо сидѣлъ матерчатый шелковый капотъ блѣднаго цвѣта; тонкая небольшая кисть руки ея что-то бросила поспѣшно на столъ и сжала батистовый платокъ съ вышитыми уголками. Она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла; Чичиковъ не безъ удовольствія подошелъ къ ея ручкѣ. Манилова проговорила, нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ, и что мужъ ея, не проходило дня, чтобы не вспоминалъ о немъ.

»Да«, примолвилъ Маниловъ, »ужъ она бывало всё спрашиваетъ меня: »Да что же твой пріятель не ѣдетъ?« »Погоди, душенька, пріѣдетъ.« А вотъ вы наконецъ и удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ. Ужъ такое право доставили наслажденіе, майскій день, именины сердца...

Чичиковъ, услышавши, что дѣло уже дошло до именинъ сердца, нѣсколько даже смутился и отвѣчалъ скромно, что ни громкаго имени не имѣетъ, ни даже ранга замѣтнаго.

»Вы все имѣете«, прервалъ Маниловъ съ такою же пріятною улыбкою, »все имѣете, даже еще болѣе.«

»Какъ вамъ показался нашъ городъ?« примолвила Манилова. »Пріятно ли провели тамъ время?«

»Очень хорошій городъ, прекрасный городъ«, отвѣчалъ Чичиковъ, »и время провелъ очень пріятно; общество самое обходительное.«

»А какъ вы нашли нашего губернатора?« сказала Манилова.

»Не правда ли, что препочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ?« прибавилъ Маниловъ.

»Совершенная правда«, сказалъ Чичиковъ: »препочтеннѣйшій человѣкъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ людей.«

»Какъ онъ можетъ этакъ, знаете, принять всякаго, наблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ«, присовокупилъ Маниловъ

съ улыбкою, и отъ удовольствія почти совсѣмъ зажмурилъ глаза, какъ котъ, у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ.

»Очень обходительный и пріятный человѣкъ«, продолжалъ Чичиковъ; »и какой искусникъ! я даже никакъ не могъ предполагать этого: какъ хорошо вышиваетъ разные домашніе узоры! Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить.«

»А вице-губернаторъ, не правда ли, какой милый человѣкъ?« сказалъ Маниловъ, опять нѣсколько прищуривъ глаза.

»Очень, очень достойный человѣкъ«, отвѣчалъ Чичиковъ.

»Ну, позвольте, а какъ вамъ показался полицеймейстеръ? Не правда ли, что очень пріятный человѣкъ?«

»Чрезвычайно пріятный, и какой умный, какой начитанный человѣкъ! Мы у него проиграли въ вистъ, вмѣстѣ съ прокуроромъ и предсѣдателемъ палаты, до самыхъ позднихъ пѣтуховъ. Очень, очень достойный человѣкъ.«

»Ну, а какого вы мнѣнія о женѣ полицеймейстера?«, прибавила Манилова. »Не правда ли, прелюбезная женщина?«

»О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю«, отвѣчалъ Чичиковъ.

За симъ не пропустили предсѣдателя палаты, почтмейстера, и такимъ образомъ перебрали почти всѣхъ чиновниковъ города, которые всѣ оказались самыми достойными людьми.

»Вы всегда въ деревнѣ проводите время?« сдѣлалъ наконецъ въ свою очередь вопросъ Чичиковъ.

»Больше въ деревнѣ«, отвѣчалъ Маниловъ. »Иногда впрочемъ пріѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить въ-заперти.

»Правда, правда«, сказалъ Чичиковъ.

»Конечно«, продолжалъ Маниловъ, »другое дѣло, если бы сосѣдство было хорошее, если бы, напримѣръ, такой человѣкъ, съ которымъ бы въ нѣкоторомъ родѣ можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелило душу, дало бы, такъ сказать, паренье этакое....« Здѣсь онъ еще что-то хотѣлъ выразить и, за-

мѣтивши, что нѣсколько зарапортовался, ковырнулъ только рукою въ воздухѣ и продолжалъ: »тогда конечно деревня и уединеніе имѣли бы очень много пріятностей. Но рѣшительно нѣтъ никого.... Вотъ только иногда почитаешь Сынъ Отечества.«

Чичиковъ согласился съ этимъ совершенно, прибавивши, что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеніи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую-нибудь книгу....

»Но знаете ли?« прибавилъ Маниловъ, »всё, если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно подѣлиться....«

»О, это справедливо, это совершенно справедливо!« прервалъ Чичиковъ. »Что̀ всѣ сокровища тогда въ мірѣ! *Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія,* сказалъ одинъ мудрецъ.«

»И знаете, Павелъ Ивановичъ!« сказалъ Маниловъ, явя въ лицѣ своемъ выраженіе не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ засластилъ немилосердно, воображая ею обрадовать паціента. »Тогда чувствуешь какое-то, въ нѣкоторомъ родѣ духовное наслажденіе.... Вотъ какъ, напримѣръ, теперь, когда случай мнѣ доставилъ счастіе, можно сказать, образцовое, говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ....«

»Помилуйте, что̀ жъ за пріятный разговоръ?.... Ничтожный человѣкъ, и больше ничего«, отвѣчалъ Чичиковъ.

»О, Павелъ Ивановичъ! позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостію отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы!...«

»Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее....«

Не извѣстно, до чего бы дошло взаимное изліяніе чувствъ обоихъ пріятелей, если бы вошедшій слуга не доложилъ, что кушанье готово.

»Прошу покорнѣйше!« сказалъ Маниловъ.

»Вы извините, если у насъ нѣтъ такого обѣда, какой на паркетахъ и въ столицахъ: у насъ просто по Русскому обычаю, щи, но отъ чистаго сердца. Покорнѣйше прошу.«

Тутъ они еще нѣсколько времени поспорили о томъ, кому первому войти, и наконецъ Чичиковъ вошелъ бокомъ въ столовую.

Въ столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за свою суповую чашку; гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкою, слуга завязалъ дѣтямъ на шею салфетки.

»Какія миленькія дѣти!« сказалъ Чичиковъ, посмотрѣвъ на нихъ; »а который годъ?«

»Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть«, сказала Манилова.

»Ѳемистоклюсъ!« сказалъ Маниловъ, обратившись къ старшему, который старался освободитъ свой подбородокъ, завязанный лакеемъ въ салфетку. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое отчасти Греческое имя, которому, не извѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на *юсъ;* но постарался тотъ же часъ привесть лицо въ обыкновенное положеніе.

»Ѳемистоклюсъ, скажи мнѣ, какой лучшій городъ во Франціи?«

Здѣсь учитель обратилъ все вниманіе на Ѳемистоклюса и, казалось, хотѣлъ ему вскочить въ глаза, но наконецъ совершенно успокоился и кивнулъ головою, когда Ѳемистоклюсъ сказалъ: »Парижъ.«

»А у насъ, какой лучшій городъ?« спросилъ опять Маниловъ.

Учитель опять настроилъ вниманіе.

»Петербургъ«, отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

»А еще какой?«

»Москва«, отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

»Умница, душенька!« сказалъ на это Чичиковъ. Скажите однакожъ....« продолжалъ онъ, обратившись тутъ же съ нѣкоторымъ видомъ изумленія къ Маниловымъ. Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности.

»О, вы еще не знаете его!« отвѣчалъ Маниловъ: »у него чрезвычайно много остроумія. Вотъ меньшой, Алкидъ, тотъ не такъ быстръ, а этотъ сейчасъ, если что-нибудь встрѣтитъ, бу-

кашку, казявку, такъ ужъ у него вдругъ глазенки и забѣгаютъ; побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе. Я его прочу по дипломатической части. Ѳемистоклюсъ!« продолжалъ онъ снова, обратясь къ нему, »хочешь быть посланникомъ?«

»Хочу«, отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ, жуя хлѣбъ и болтая головой направо и налѣво.

Въ это время, стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы канула въ супъ препорядочная посторонняя капля. Разговоръ начался за столомъ объ удовольствіи спокойной жизни, прерываемый замѣчаніями хозяйки о городскомъ театрѣ и объ актерахъ. Учитель очень внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ и, какъ только замѣчалъ, что они были готовы усмѣхнуться, въ ту же минуту открывалъ ротъ и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ заплатить этимъ хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ, впрочемъ, лицо его приняло суровый видъ, и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Ѳемистоклюсъ укусилъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились жиромъ. Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову съ словами: »Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли.« На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ: »Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда.«

Уже встали изъ-за стола. Маниловъ былъ доволенъ чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился такимъ образомъ препроводить его въ гостиную, какъ вдругъ гость объявилъ, съ весьма значительнымъ видомъ, что онъ намѣренъ съ нимъ поговорить объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

»Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ попросить въ мой кабинетъ«, сказалъ Маниловъ, и повелъ въ небольшую комнату, обращенную окномъ на синѣвшій лѣсъ. »Вотъ мой уголокъ«, сказалъ Маниловъ.

»Пріятная комнатка«, сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами. Комната была точно не безъ пріятности: стѣны были выкрашены какой-то голубенькой краской, въ родѣ сѣренькой; четыре стула, одно кресло, столъ, на которомъ лежала книжка съ заложенною закладкою, о которой мы уже имѣли случай упомянуть; нѣсколько исписанныхъ бумагъ; но больше всего было табаку. Онъ былъ въ разныхъ видахъ: въ картузахъ и въ табачницѣ, и наконецъ насыпанъ былъ просто кучею на столѣ. (На обоихъ окнахъ тоже помѣщены были горки выбитой изъ трубки золы, разставленныя не безъ старанія очень красивыми рядками. Замѣтно было, что это иногда доставляло хозяину препровожденіе времени.

»Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ«, сказалъ Маниловъ. »Здѣсь вамъ будетъ покойнѣе.«

»Позвольте, я сяду на стулѣ.«

»Позвольте вамъ этого не позволить«, сказалъ Маниловъ съ улыбкою. »Это кресло у меня ужъ ассигновано для гостя: рады, или не рады, но должны сѣсть.«

Чичиковъ сѣлъ.

»Позвольте мнѣ васъ попотчивать трубочкою.«

»Нѣтъ, не курю«, отвѣчалъ Чичиковъ ласково и какъ-бы съ видомъ сожалѣнія.

»Отъ чего?« сказалъ Маниловъ тоже ласково и съ видомъ сожалѣнія.

»Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушитъ.«

»Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе, нежели нюхать табакъ. Въ нашемъ полку былъ поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, который не выпускалъ изо рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. И вотъ ему теперь уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ такъ здоровъ, какъ нельзя лучше.«

Чичиковъ замѣтилъ, что это точно случается и что въ натурѣ находится много вещей, неизъяснимыхъ даже для обширнаго ума.

»Но позвольте прежде одну просьбу....« проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ отдалось какое-то странное, или почти странное выраженіе, и вслѣдъ за тѣмъ, не извѣстно отъ чего, оглянулся назадъ. Маниловъ тоже, неизвѣстно отъ чего, оглянулся назадъ. »Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?«

»Да, ужъ давно; а лучше сказать — не припомню.«

»Какъ съ того времени много у васъ умерло крестьянъ?«

»А не могу знать; объ этомъ, я полагаю, нужно спросить прикащика. Эй, человѣкъ! позови прикащика; онъ долженъ быть сегодня здѣсь.«

Прикащикъ явился. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, брившій бороду, ходившій въ сюртукѣ и, по видимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что̀ такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотчасъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе прикащики: былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домѣ, потомъ женился на какой-нибудь Агашкѣ ключницѣ, барыниной фавориткѣ, сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и прикащикомъ. А сдѣлавшись прикащикомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ прикащики: водился и кумился съ тѣми, которые на деревнѣ были побогаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе, проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай.

»Послушай, любезный! сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизію?«

»Да какъ—сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ«, сказалъ прикащикъ, и при этомъ икнулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою, на подобіе щитка.

»Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ«, подхватилъ Маниловъ, »именно очень многіе умирали!« Тутъ онъ оборотился къ Чичикову и прибавилъ еще: »точно, очень многіе.«

»А какъ, напримѣръ, числомъ?« спросилъ Чичиковъ.

»Да, сколько числомъ?« подхватилъ Маниловъ.

»Да какъ сказать—числомъ? Вѣдь не извѣстно, сколько умирало: ихъ никто не считалъ.«

»Да, именно«, сказалъ Маниловъ, обратясь къ Чичикову; »я тоже предполагалъ, большая смертность; совсѣмъ неизвѣстно, сколько умерло.«

»Ты пожалуйста ихъ перечти«, сказалъ Чичиковъ, »и сдѣлай подробный реестрикъ всѣхъ поименно.«

»Да, всѣхъ поименно«, сказалъ Маниловъ. Прикащикъ сказалъ: »Слушаю!« и ушелъ.

»А для какихъ причинъ вамъ это нужно?« спросилъ, по уходѣ прикащика, Маниловъ.

Этотъ вопросъ, казалось, затруднилъ гостя: въ лицѣ его показалось какое-то напряженное выраженіе, отъ котораго онъ даже покраснѣлъ — напряженіе что-то выразить не совсѣмъ покорное словамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Маниловъ наконецъ услышалъ такія странныя и необыкновенныя вещи, какихъ еще никогда не слыхали человѣческія уши.

»Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ....« сказалъ Чичиковъ, заикнулся и не кончилъ рѣчи.

»Но позвольте спросить васъ«, сказалъ Маниловъ, »какъ желаете вы купить крестьянъ: съ землею, или просто на выводъ, то есть, безъ земли?«

»Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ«, сказалъ Чичиковъ: »я желаю имѣть мертвыхъ....«

»Какъ-съ? извините.... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово....«

»Я полагаю пріобрѣсть мертвыхъ, которые впрочемъ значились бы по ревизіи, какъ живые«, сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ выронилъ тутъ же чубукъ съ трубкою на полъ, и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Оба пріятеля, разсуждавшіе о пріятностяхъ дружеской жизни, остались недвижимы, вперя другъ въ друга глаза, какъ тѣ портреты, которые вѣшались въ старину одинъ противъ другого, по обѣимъ сторонамъ зеркала. Наконецъ Маниловъ поднялъ трубку съ чубукомъ и поглядѣлъ снизу ему въ лицо, стараясь высмотрѣть, не видно ли какой усмѣшки на губахъ его, не пошутилъ ли онъ; но ничего не было видно такого;

напротивъ, лицо даже казалось степеннѣе обыкновеннаго. Потомъ подумалъ, не спятилъ ли гость какъ-нибудь невзначай съ ума, и со страхомъ посмотрѣлъ на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны; не было въ нихъ дикаго, безпокойнаго огня, какой бѣгаетъ въ глазахъ сумасшедшаго человѣка; все было прилично и въ порядкѣ. Какъ ни придумывалъ Маниловъ, какъ ему быть и что ему сдѣлать, но ничего другого не могъ придумать, какъ только выпустить изо рта оставшійся дымъ очень тонкою струею.

»Итакъ я бы желалъ знать, можете ли вы мнѣ таковыхъ, не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить, или какъ вамъ заблагоразсудится лучше?«

Но Маниловъ такъ сконфузился и смѣшался, что только смотрѣлъ на него.

»Мнѣ кажется, вы затрудняетесь?...« замѣтилъ Чичиковъ.

»Я?... нѣтъ, я не то«, сказалъ Маниловъ, »но я не могу постичь ... извините..... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться.... Можетъ быть, здѣсь.... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи.... скрыто другое... Можетъ быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?«

»Нѣтъ«, подхватилъ Чичиковъ, »нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то есть тѣ души, которыя точно уже умерли.«

Маниловъ совершенно растерялся. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что-то сдѣлать, предложить вопросъ, а какой вопросъ — чортъ его знаетъ. Кончилъ онъ наконецъ тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а чрезъ носовыя ноздри.

»Итакъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости«, сказалъ Чичиковъ.

»Какъ, на мертвыя души купчую?«

»А, нѣтъ!« сказалъ Чичиковъ. »Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня дѣло священное, законъ — я нѣмѣю предъ закономъ.«

Послѣднія слова понравились Манилову, но въ толкъ самого дѣла онъ всё-таки никакъ не вникъ и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ сильно, что тотъ началъ наконецъ хрипѣть, какъ фаготъ. Казалось, какъ-будто онъ хотѣлъ вытянуть изъ него мнѣніе относительно такого неслыханнаго обстоятельства; но чубукъ хрипѣлъ и больше ничего.

»Можетъ быть, вы имѣете какія-нибудь сомнѣнія?«

»О, помилуйте, ничуть! Я не на-счетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое-нибудь, то есть, критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція, — такъ не будетъ ли эта негоція несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?«

Здѣсь Маниловъ, сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣлъ очень значительно въ лицо Чичикова, показавъ во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого, можетъ быть, и не видано было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого-нибудь слишкомъ умнаго министра, да и то въ минуту самаго головоломнаго дѣла.

Но Чичиковъ сказалъ просто, что подобное предпріятіе, или негоція, никакъ не будетъ несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, а чрезъ минуту потомъ прибавилъ, что казна получитъ даже выгоды, ибо получитъ законныя пошлины.

»Такъ вы полагаете?...«

»Я полагаю, что это будетъ хорошо.«

»А, если хорошо, это другое дѣло: я противъ этого ничего«, сказалъ Маниловъ и совершенно успокоился.

»Теперь остается условиться въ цѣнѣ ...«

»Какъ въ цѣнѣ?« сказалъ опять Маниловъ и остановился. »Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то съ своей стороны я предаю ихъ вамъ безъинтересно и купчую беру на себя.

Великій упрекъ былъ бы историку предлагаемыхъ событій, если бы онъ упустилъ сказать, что удовольствіе одолѣло гостя послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ Маниловымъ. Какъ онъ ни былъ степененъ и разсудителенъ, но тутъ чуть не произвелъ даже скачекъ по образцу козла, что̀, какъ извѣстно, производится только въ самыхъ сильныхъ порывахъ радости. Онъ поворотился такъ сильно въ креслахъ, что лопнула шерстяная матерія, обтягивавшая подушку; самъ Маниловъ посмотрѣлъ на него въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Побужденный признательностію, онъ наговорилъ тутъ же столько благодарностей, что тотъ смѣшался, весь покраснѣлъ, производилъ головою отрицательный жестъ, и наконецъ уже выразился, что это сущее *ничего*, что онъ точно хотѣлъ бы доказать чѣмъ-нибудь сердечное влеченіе, магнитизмъ души; а умершія души въ нѣкоторомъ родѣ совершенная дрянь.

»Очень не дрянь«, сказалъ Чичиковъ, пожавъ ему руку. Здѣсь былъ испущенъ очень глубокій вздохъ. Казалось, онъ былъ настроенъ къ сердечнымъ изліяніямъ; не безъ чувства и выраженія произнесъ онъ наконецъ слѣдующія слова: »Если бъ вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человѣку безъ племени и роду! Да, и дѣйствительно, чего не потерпѣлъ я? какъ барка какая-нибудь среди свирѣпыхъ волнъ.... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испыталъ, какого горя не вкусилъ, а за что̀? за то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной, и сиротѣ горемыкѣ!...« Тутъ даже онъ отеръ платкомъ выкатившуюся слезу.

Маниловъ былъ совершенно растроганъ. Оба пріятеля долго жали другъ другу руку и долго смотрѣли молча одинъ другому въ глаза, въ которыхъ видны были навернувшіяся слезы. Маниловъ никакъ не хотѣлъ выпустить руки нашего героя и продолжалъ жать ее такъ горячо, что тотъ уже не зналъ, какъ ее выручить. Наконецъ, выдернувши ее потихоньку, онъ сказалъ, что не худо бы купчую совершить поскорѣе и хорошо бы, если бы онъ самъ понавѣдался въ городъ; потомъ взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

»Какъ? вы ужъ хотите ѣхать?« сказалъ Маниловъ, вдругъ очнувшись и почти испугавшись.

Въ это время вошла въ кабинетъ Манилова.

»Лизанька«, сказалъ Маниловъ съ нѣсколько жалостнымъ видомъ, »Павелъ Ивановичъ оставляетъ насъ!«

»Потому что мы надоѣли Павлу Ивановичу«, отвѣчала Манилова.

»Сударыня! здѣсь«. сказалъ Чичиковъ, »здѣсь, вотъ гдѣ«, тутъ онъ положилъ руку на сердце, »да, здѣсь пребудетъ пріятность времени, проведеннаго съ вами! и повѣрьте, не было бы для меня бо́льшаго блаженства, какъ жить съ вами, если не въ одномъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ.«

»А знаете, Павелъ Ивановичъ?« сказалъ Маниловъ, которому очень понравилась такая мысль, »какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы жить этакъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею, или подъ тѣнью какого-нибудь вяза, пофилософствовать о чемъ-нибудь, углубиться!...«

»О, это была бы райская жизнь!« сказалъ Чичиковъ вздохнувши. »Прощайте, сударыня!« продолжалъ онъ, подхотя къ ручкѣ Маниловой. »Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Не позабудьте просьбы!«

»О, будьте увѣрены!« отвѣчалъ Маниловъ. »Я съ вами растаюсь не долѣе, какъ на два дни.«

Всѣ вышли въ столовую.

»Прощайте, миленькія малютки!« сказалъ Чичиковъ, увидѣвши Алкида и Ѳемистоклюса, которые занимались какимъ-то деревянымъ гусаромъ, у котораго уже не было ни руки, ни носа. »Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привезъ вамъ гостинца, потому что, признаюсь, не зналъ даже, живете ли вы на свѣтѣ; но теперь, какъ пріѣду, непремѣнно привезу. Тебѣ привезу саблю. Хочешь саблю?«

»Хочу«, отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

»А тебѣ барабанъ. Не правда ли, тебѣ барабанъ?« продолжалъ онъ, наклонившись къ Алкиду.

»Парапанъ«, отвѣчалъ шопотомъ и потупивъ голову Алкидъ.

»Хорошо, я тебѣ привезу барабанъ, — такой славный барабанъ! этакъ всё будетъ туррр... ру... тра та та, та та та.... Прощай, душенька! прощай!« Тутъ поцѣловалъ онъ его въ голову и обратился къ Манилову и его супругѣ съ небольшимъ смѣхомъ. съ какимъ

обыкновенно обращаются къ родителямъ, давая имъ знать о невинности желаній ихъ дѣтей.

»Право останьтесь, Павелъ Ивановичъ!« сказалъ Маниловъ, когда уже всѣ вышли на крыльцо. »Посмотрите, какія тучи.«

»Это маленькія тучки«, отвѣчалъ Чичиковъ.

»Да знаете ли вы дорогу къ Собакевичу?«

»Объ этомъ хочу спросить васъ.«

»Позвольте, я сейчасъ разскажу вашему кучеру.« Тутъ Маниловъ съ такою же любезностію разсказалъ дѣло кучеру, и сказалъ ему даже одинъ разъ *вы*.

Кучеръ, услышавъ, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третій, сказалъ: »Потрафимъ, ваше благородіе«, и Чичиковъ уѣхалъ, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочкахъ хозяевъ.

Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалявшуюся бричку, и, когда она уже совершенно стала невидна, онъ всё еще стоялъ, куря трубку. Наконецъ вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулѣ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ предметамъ и наконецъ занеслись Богъ знаетъ куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву и тамъ пить вечеромъ чай на открытомъ воздухѣ и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ; потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и что самое высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами, и далѣе; наконецъ Богъ знаетъ что̀ такое, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдругъ всѣ его мечтанія. Мысль о ней какъ-то особенно не варилась въ его головѣ: какъ ни переворачивалъ онъ ее, но никакъ не могъ изъяснить себѣ, и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что̀ тянулось до самого ужина.

ГЛАВА III.

А Чичиковъ въ довольномъ расположеніи духа сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ. Изъ предъидущей главы уже видно, въ чемъ состоялъ главный предметъ его вкуса и склонностей, а потому не диво, что онъ скоро погрузился весь въ него и тѣломъ, и душою. Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно, были очень пріятны; ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки. Занятый ими, онъ не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ, довольный пріемомъ дворовыхъ людей Манилова, дѣлалъ весьма дѣльныя замѣчанія чубарому пристяжному коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ только для вида, будто-бы везетъ, тогда какъ коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся Засѣдателемъ, потому что былъ пріобрѣтенъ отъ какого-то засѣдателя, трудилися отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе. »Хитри, хитри! вотъ я тебя перехитрю!« говорилъ Селифанъ, приподнявшись и хлыснувъ кнутомъ лѣнивца. »Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты Нѣмецкой! Гнѣдой почтенный конь, онъ сполняетъ свой долгъ, я ему съ охотою дамъ лишнюю мѣру, потому что онъ почтенный конь, и Засѣдатель тожъ хорошій конь.... Ну, ну! что̀ потряхиваешь ушами? Ты, дуракъ, слушай, коли говорятъ! я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползетъ!« Здѣсь онъ опять хлыснулъ его кнутомъ, примолвивъ: »У, варваръ!..« Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ: »Эй вы, любезные!« и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ. Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому: »Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе? Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что̀ мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели:

выпить ли чаю, или закусить — съ охотою, коли хорошій человѣкъ. Хорошему человѣку всякій отдастъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякой уважаетъ, потому что онъ, слышь ты, сполняяъ службу государскую; онъ сколѣской совѣтникъ....«

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался наконецъ въ отдаленныя отвлеченности. Если бы Чичиковъ прислушалѣся, то узналъ бы много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотрѣть вокругъ себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ громовой ударъ раздался въ другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ, какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хлесталъ онъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ въ другую, потомъ, измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги наконецъ стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсматриваніе дорожнихъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смекнулъ, что точно не нужно мѣшкать, вытащилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то дрянь изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки возжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное разслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить, два, или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые всѣ пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ Русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдется, что̀ дѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ: »Эй вы, други почтенные!« и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога.

Дождь, однакоже, казалось, зарядилъ надолго. Лежавшая на дорогѣ пыль быстро замѣсилась въ грязь, и лошадямъ ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ

сильно безпокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По разсчету его, давно бы пора было пріѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая — хоть глазъ выколи.

»Селифанъ!« сказалъ онъ наконецъ, высунувшись изъ брички.

»Что̀, баринъ?« отвѣчалъ Селифанъ.

»Погляди-ка, не видно ли деревни?«

»Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно.« Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ — пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительные и побудительные крики, которыми потчиваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца до другого; прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора — какъ что̀ первое попалось на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ наконецъ секретарями.

Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и вѣроятно тащились по взбороненному полю. Селифанъ, казалось, самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

»Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь?« сказалъ Чичиковъ.

»Да что жъ, баринъ, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!« Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

»Держи, держи, опрокинешь!« кричалъ онъ ему.

»Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я опрокинулъ«, говорилъ Селифанъ. »Это не хорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не опрокину.« За тѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и наконецъ выворотилъ ее совершенно на бокъ. Чичиковъ и руками, и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей, однакожъ, остановилъ; впрочемъ онѣ остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками, въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, силясь от-

туда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія: »Вишь ты и перекинулась!«

»Ты пьянъ, какъ сапожникъ!« сказалъ Чичиковъ.

»Нѣтъ, баринъ; какъ можно, чтобъ я былъ пьянъ! Я знаю, что это не хорошее дѣло — быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить, въ томъ нѣтъ худого; и закусили вмѣстѣ. Закуска не обидное дѣло; съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить.«

»А что я тебѣ сказалъ послѣдній разъ, когда ты напился? а? забылъ?« сказалъ Чичиковъ.

»Нѣтъ, ваше благородіе; какъ можно, чтобы я позабылъ! Я уже дѣло свое знаю. Я знаю, что не хорошо быть пьянымъ. Съ хорошимъ человѣкомъ поговорилъ, потому что....»

»Вотъ я тебя какъ высѣку, такъ ты у меня будешь знать, какъ говорить съ хорошимъ человѣкомъ.«

»Какъ милости вашей будетъ завгодно«, отвѣчалъ на все согласный Селифанъ: »коли высѣчь, то и высѣчь; я ни чуть не прочь отъ того. Почему жъ не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему жъ не посѣчь?«

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашелся, что отвѣчать. Но въ это время, казалось, какъ-будто сама судьба рѣшилась надъ нимъ сжалиться. Издали послышался собачій лай. Обрадованный Чичиковъ далъ приказаніе погонять лошадей. Русскій возница имѣетъ доброе чутье вмѣсто глазъ; отъ этого случается, что онъ, зажмуря глаза, катаетъ иногда во весь духъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилась оглоблями въ заборъ и когда рѣшительно уже некуда было ѣхать. Чичиковъ только замѣтилъ, сквозь густое покрывало ливнаго дождя, что-то похожее на крышу. Онъ послалъ Селифана отыскивать ворота, что, безъ сомнѣнія, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такъ звонко, что онъ поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ. Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ

окошкѣ и досягнулъ туманною струею до забора, указавши нашимъ дорожнымъ ворота. Селифанъ принялся стучать, и скоро, отворивъ калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армякомъ, и баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ: »Кто стучитъ? чего расходились?«

»Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать«, произнесъ Чичиковъ.

»Вишь ты какой востроногой«, сказала старуха, »пріѣхалъ въ какое время! Здѣсь тебѣ не постоялый дворъ: помѣщица живетъ.

»Что жъ дѣлать, матушка? вишь, съ дороги сбились! Не ночевать же въ такое время въ степи.»

»Да, время темное, нехорошее время«, прибавилъ Селифанъ.

»Молчи, дуракъ«, сказалъ Чичиковъ.

»Да кто вы такой?« сказала старуха.

»Дворянинъ, матушка.«

Слово *дворянинъ* заставило старуху какъ-будто нѣсколько подумать. »Погодите, я скажу барынѣ«, произнесла она, и минуты черезъ двѣ уже возвратилась съ фонаремъ въ рукѣ. Ворота отперлись. Огонекъ мелькнулъ и въ другомъ окнѣ. Бричка, въѣхавши на дворъ, остановилась передъ небольшимъ домикомъ, который за темнотою трудно было разсмотрѣть. Только одна половина его была озарена свѣтомъ, исходившимъ изъ оконъ; видна была еще лужа передъ домомъ, на которую прямо ударялъ тотъ же свѣтъ. Дождь стучалъ звучно по деревяной крышѣ и журчащими ручьями стекалъ въ подставленную бочку. Между тѣмъ псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ-будто за это получалъ Богъ знаетъ какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ вѣроятно молодого щенка, и все это наконецъ повершалъ басъ, можетъ быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипитъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ, тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается къ верху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ, присѣвъ и

опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному изъ такихъ музыкантовъ, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокшій и озябшій герой нашъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о постели. Не успѣла бричка совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо, пошатнулся и чуть не упалъ. На крыльцо вышла опять какая-то женщина помоложе прежней, но очень на нее похожая. Она проводила его въ комнату. Чичиковъ кинулъ вскользь два взгляда: комната была обвѣшана старенькими, полосатыми обоями; картины съ какими-то птицами; между оконъ, старинныя маленькія зеркала, съ темными рамками въ видѣ свернувшихся листьевъ; за всякимъ зеркаломъ заложены были или письмо, или старая колода картъ, или чулокъ; стѣнные часы, съ нарисованными цвѣтами на циферблятѣ... не въ мочь было ничего болѣе замѣтить. Онъ чувствовалъ, что глаза его липнули, какъ-будто ихъ кто-нибудь вымазалъ медомъ. Минуту спустя, вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ-то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки и держатъ голову на бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшочки, размѣщенные по ящикамъ коммодовъ. Въ одинъ мѣшочекъ отбираютъ всё цѣлковики, въ другой полтинники, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будтобы въ коммодѣ ничего нѣтъ кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами, или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою: бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры, вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Чичиковъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ пріѣздомъ. »Ничего, ничего!« сказала хозяйка. »Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая... Съ дороги бы слѣдовало поѣсть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя.«

Слова хозяйки были прерваны страшнымъ шипѣніемъ, такъ что гость было испугался: шумъ походилъ на то, какъ-бы вся комната наполнилась змѣями; но, взглянувши вверхъ, онъ успокоился, ибо смекнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣньемъ тотчасъ же послѣдовало хрипѣнье и, наконецъ, понатужась всѣми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ, какъ-бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять покойно щелкать направо и налѣво.

Чичиковъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не безпокоилась ни о чемъ, что кромѣ постели онъ ничего не требуетъ, и полюбопытствовалъ только знать, въ какія мѣста заѣхалъ онъ, и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на что̀ старуха сказала, что и не слыхивала такого имени, и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

»По крайней мѣрѣ, знаете Манилова?« сказалъ Чичиковъ.

»А кто таковъ Маниловъ?«

»Помѣщикъ, матушка.«

»Нѣтъ, не слыхивала; нѣтъ такого помѣщика.«

»Какіе же есть?«

»Бобровъ, Свиньинъ, Канапатьевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ.«

»Богатые люди, или нѣтъ?«

»Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать; а такихъ, чтобъ по сотнѣ, такихъ нѣтъ.«

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь. »Далеко ли по крайней мѣрѣ до города?«

»А верстъ шестьдесятъ будетъ. Какъ жаль мнѣ, что нечего вамъ покушать! Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?«

»Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кромѣ постели.«

»Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья! принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послалъ Богъ: громъ такой... у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ. Эхъ, отецъ мой, да у тебя-то, какъ у борова, вся спина и бокъ въ грязи! гдѣ такъ изволилъ засалиться?«

»Еще слава Богу, что только засалился! нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ.«

»Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потереть спину?«

»Спасибо, спасибо. Не безпокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повысушить и вычистить мое платье.«

»Слышишь, Фетинья!« сказала хозяйка, обратясь къ женщинѣ, выходившей на крыльцо со свѣчою, которая успѣла уже притащить перину и, взбивши ее съ обоихъ боковъ руками, напустила цѣлый потопъ перьевъ по всей комнатѣ. »Ты возьми ихній-то кафтанъ вмѣстѣ съ исподнимъ и прежде просуши ихъ передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и выколоти хорошенько.«

»Слушаю, сударыня!« говорила Фетинья, постилая сверхъ перины простыню и кладя подушки.

»Ну, вотъ тебѣ постель готова«, сказала хозяйка. »Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ.«

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ. Хозяйка вышла, и онъ тотъ же часъ поспѣшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньи всю снятую съ себя сбрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также съ своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспѣхи. Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, какъ видно, была мастерица взбивать перины. Когда, подставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самого пола, и перья, вытѣсненныя имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись во всѣ углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ и, свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день онъ уже довольно позднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно на стѣнахъ и на потолкѣ, всѣ обратились къ нему: одна сѣла ему на губу, другая на ухо, третья наровила, какъ бы усѣсться на самый глазъ; ту же, которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ

носовой ноздрѣ, онъ потянулъ въ просонкахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чихнуть — обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не всё были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова и писанный масляными красками какой-то старикъ съ красными обшлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять; въ дверь выглянуло женское лицо и въ ту же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалось ему какъ-будто нѣсколько знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ, кто бы это былъ, и наконецъ вспомнилъ, что это была хозяйка. Онъ надѣлъ рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало возлѣ него. Одѣвшись, подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко, что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ — окно же было очень близко отъ земли — заболталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно *желаю здравствовать*, на что Чичиковъ сказалъ ему *дурака*. Подошедши къ окну, онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды: окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на бокъ, какъ-будто къ чему-то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; тутъ же, разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ, или курятникъ, перегораживалъ досчатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ

былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены въ-разсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но, по замѣчанію, сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей; ибо были поддерживаемы, какъ слѣдуетъ: изветшавшій тёсъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; вороты нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ — гдѣ стоявшую запасную, почти новую, телегу, а гдѣ и двѣ. »Да у ней деревушка не маленька!« сказалъ онъ и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она было высунула голову, и, увидѣвъ ее сидящею за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

»Здравствуйте, батюшка. Каково почивали?« сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера, — въ темномъ платьи и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ всё такъ же было что-то навязано.

»Хорошо, хорошо«, говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла. »Вы какъ, матушка?«

»Плохо, отецъ мой.«

»Какъ такъ?«

»Безсонница. Всё поясница болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ.«

»Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть.«

»Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлебнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.«

»Не дурно, матушка; хлѣбнемъ и фруктовой.«

Читатель, я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, не смотря на ласковый видъ, говорилъ, однакоже, съ большею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у насъ на Руси, если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣніи обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ, или Нѣмецъ, вѣкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій; онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ

же языкомъ станетъ говорить и съ миллiонщикомъ, и съ мелкимъ табачнымъ торгашомъ, хотя, конечно, въ душѣ поподличаетъ въ-мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такiе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста; а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ; а съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ; словомъ, хоть восходи до миллiона, всё найдутся оттѣнки. Положимъ, напримѣръ, существуетъ канцелярiя — не здѣсь, а въ тридевятомъ государствѣ; а въ канцелярiи, положимъ, существуетъ правитель канцелярiи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ — да просто отъ страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и ужъ чего не выражаетъ лицо его! просто, бери кисть да и рисуй: Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ будь всѣ небольшого чина — Прометей такъ и остается Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращенiе, какого и Овидiй не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи, — уничтожился въ песчинку! »Да это не Иванъ Петровичъ«, говоришь: глядя на него. »Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькiй, и худенькiй; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что̀: пищитъ птицей и всё смѣется.« Подходишь ближе, глядишь — точно Иванъ Петровичъ! »Эхе, хе!« думаешь себѣ... Но однакожъ обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ. Чичиковъ, какъ ужъ мы видѣли, рѣшился вовсе не церемониться, и потому, взявши въ руки чашку съ чаемъ и вливши туда фруктовой, повелъ такiя рѣчи:

»У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?«

»Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80«, сказала хозяйка: »да бѣда, времена плохи: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни.«

»Однакожъ мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время...«

»Коробочка, коллежская секретарша.«

»Покорнѣйше брагодарю. А имя и отчество?«

»Настасья Петровна.«

»Настасья Петровна? хорошее имя Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.«

»А ваше имя какъ?« спросила помѣщица. »Вѣдь вы, я чай, засѣдатель?«

»Нѣтъ, матушка«, отвѣчалъ Чичиковъ усмѣхнувшись, »чай, не засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлишкамъ.«

»А, такъ вы покупщикъ! Какъ же жаль право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево! а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.«

»А вотъ меду и не купилъ бы.«

»Что жъ другое? Развѣ пеньку? Да вить и пеньки у меня теперь маловато! полпуда всего.«

»Нѣтъ, матушка, другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?«

»Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ!« сказала старуха, вздохнувши. »И умеръ такой всё славный народъ, всё работники. Послѣ того, правда, народилось, да что въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ — подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.«

»Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?«

»Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезъчуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь. А такой былъ преискусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать.«

»На все воля Божья, матушка«, сказалъ Чичиковъ вздохнувши: »противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ Настасья Петровна?«

»Кого, батюшка?«

»Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что̀ умерли.«

»Да какъ же уступить ихъ?

»Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.«

»Да какъ же, я право въ толкъ-то не возьму? Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?«

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ, или покупка будетъ значиться только на бумагѣ и души будутъ прописаны какъ-бы живыя.

»Да на что̀ жъ онѣ тебѣ?« сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

»Это ужъ мое дѣло.«

»Да вѣдь онѣ жъ мертвыя.«

»Да кто же говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?«

»Право, не знаю«, произнесла хозяйка съ разстановкой. »Вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.«

»Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?«

»Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что̀ же въ нихъ за прокъ? проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ что онѣ уже мертвыя.«

»Ну, баба кажется крѣпколобая!« подумалъ про-себя Чичиковъ. »Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать какъ за живого...«

»Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ!« подхватила помѣщица. »Еще третью недѣлю взнесла больше полутораста, да засѣдателя подмаслила....«

»Ну, видите, матушка? А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ, — я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я совершу даже крѣпость на свои деньги, — понимаете ли вы это?«

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло точно какъ-будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое; а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ея этотъ покупщикъ; пріѣхалъ же, Богъ знаетъ откуда, да еще и въ ночное время.

»Такъ что̀ жъ, матушка, по рукамъ, что-ли?« говорилъ Чичиковъ.

»Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третьяго года Протопопову, — двухъ дѣвокъ, по сту рублей каждую; и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ.«

»Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ.

»Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того.... они больше какъ-нибудь сто́ятъ.«

»Послушайте, матушка.... эхъ какія вы! что̀ жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это, просто, прахъ. Вы возмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что̀ не нужно. Ну, скажите сами, на что̀ оно нужно?«

»Ужъ это точно правда. Ужъ совсѣмъ ни на что̀ не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь онѣ уже мертвыя.«

»Эхъ ее дубино-головая какая!« сказалъ про-себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. »Пойди-ты, сладь съ нею! въ потъ бросила, проклятая старуха!« Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій

на лбу. Впрочемъ Чичиковъ напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что̀ себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резинный мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною. »Вы, матушка«, сказалъ онъ, »или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить.... Я вамъ даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями,—понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почемъ продали медъ?«

»По 12-ти рублей пудъ.«

»Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцади не продали.«

»Ей Богу, продала.«

»Ну, видите-ль? Такъ зато — это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ; хлопотами, ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму; а мертвыя души дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія: на то была воля Божія, чтобъ онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что̀, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а всё синими ассигнаціями.« Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха наконецъ подастся.«

»Право«, отвѣчала помѣщица, »мое такое неопытное вдовье дѣло! лучше жъ я маленько повремению, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.«

»Страмъ, страмъ, матушка! просто, страмъ! Ну, что̀ вы это говорите, подумайте сами! кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?«

»А можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подъ случай понадобятся..,« возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ,

и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что̀ онъ на это скажетъ.

»Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что-ли?«

»Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь!« проговорила старуха крестясь.

»Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да впрочемъ, вѣдь кости и могилы — все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что̀ же? Какъ же? отвѣчайте, по крайней мѣрѣ!«

Старуха вновь задумалась.

»О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?«

»Право, я всё не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.«

»Да что̀ жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька пенькою, въ другой разъ пріѣду, заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?«

»Ей Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!«

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ-сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно. »Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!« вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ. »Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ.«

»Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного Христіянскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу — бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду.... да пропади и околѣй со всей вашей деревней!...«

»Ахъ, какія ты забранки пригинаешь!« сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

»Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняшка, что̀ лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не дастъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные под-

ряды тоже веду...« Здѣсь онъ прилгнулъ, хоть и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно-удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну, по крайней мѣрѣ она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ: »Да чего-жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.«

»Есть изъ чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!«

»Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацiей! только смотри, отецъ мой, на-счетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ пожалуста не обидь меня.«

»Нѣтъ, матушка, не обижу«, говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго, или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ. »Какъ же! протопопа, отца Кирилы, сынъ служитъ въ палатѣ«, сказала Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо и, чтобы избавить лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.

»Хорошо бы было«, подумала между тѣмъ про себя Коробочка, »если бы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетиньи, чтобъ испекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирогъ прѣсный съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да и времени беретъ немного.« Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе мысль на-счетъ загнутія пирога, и, вѣроятно, пополнить ее другими произведеніями домашней пекарни и стряпни; а Чичиковъ вышелъ въ гостиную, гдѣ провелъ ночь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостиной давно уже было все прибрано, роскошныя перины вынесены вонъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ весь въ поту какъ въ рѣкѣ: все, что ни было на немъ, начиная отъ рубашки до чулокъ, все было мокро. »Экъ уморила какъ, проклятая старуха!« сказалъ онъ, немного отдох-

нувши, и отперъ шкатулку. Авторъ увѣренъ, что есть читатели такіе любопытные, которые пожелаютъ даже узнать планъ и внутреннее расположеніе шкатулки. Пожалуй, почему же не удовлетворить? Вотъ оно, внутреннее расположеніе: въ самой срединѣ мыльница, за мыльницею шесть-семь узенькихъ перегородокъ для бритвъ; потомъ квадратные закоулки для песочницы и чернильницы съ выдолбленною между ними лодочкою для перьевъ, сургучей и всего, что̀ подлиннѣе; потомъ всякія перегородки съ крышечками и безъ крышечекъ для того что̀ покороче, наполненныя билетами визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на̀ память. Весь верхній ящикъ со всѣми перегородками вынимался, и подъ нимъ находилось пространство, занятое кипами бумагъ въ листъ; потомъ слѣдовалъ маленькій потаенный ящикъ для денегъ, выдвигавшійся незамѣтно съ боку шкатулки. Онъ всегда такъ поспѣшно выдвигался и задвигался въ ту же минуту хозяиномъ, что навѣрно нельзя сказать, сколько было тамъ денегъ. Чичиковъ тутъ же занялся и, очинивъ перо, началъ писать. Въ это время вошла хозяйка.

»Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой«, сказала она, подсѣвши къ нему. »Чай, въ Москвѣ купилъ его?«

»Въ Москвѣ«, отвѣчалъ Чичиковъ, продолжая писать.

»Я ужъ знала это: тамъ всё хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ — до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги!« продолжала она, заглянувши къ нему въ шкатулку. И въ самомъ дѣлѣ гербовой бумаги было тамъ немало. »Хоть бы мнѣ листокъ подарилъ! а у меня такой недостатокъ: случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ.«

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ, чтобы успокоить ее, онъ далъ ей какой-то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться и попросилъ маленькій списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ, ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть. Онъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе

прозвищами, такъ что онъ всякій разъ, слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ его какой-то Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, такъ что онъ не могъ не сказать: »Экой длинный!« Другой имѣлъ прицѣпленный къ имени *Коровій Кирпичъ*, иной оказался просто: Колесо Иванъ. Оканчивая писать, онъ потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего-то горячаго въ маслѣ.

»Прошу покорно закусить«, сказала хозяйка. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припёками: припёкой съ лучкомъ, припёкой съ макомъ, припёкой съ творогомъ, припёкой со сняточками, и нивѣсть чего не было.

»Прѣсный пирогъ съ яйцомъ!« сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ и, съѣвши тутъ же съ небольшимъ половину, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ, пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой, показался еще вкуснѣе.

»А блинковъ?« сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это, Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ и, обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

»У васъ, матушка, блинцы очень вкусны«, сказалъ Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

»Да, у меня-то ихъ хорошо пекутъ«, сказала хозяйка; »да вотъ бѣда, урожай плохъ, мука ужъ такая не авантажная.... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите?« проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузъ: »вѣдь и бричка еще не заложена.«

»Заложатъ, матушка, заложатъ. У меня скоро закладываютъ.«

»Такъ ужъ пожалуста, не позабудьте на-счетъ подрядовъ.«

»Не забуду, не забуду«, говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

»А свиного сала не покупаете?« сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

»Почему не покупать? Покупаю, только послѣ.«

»У меня о святкахъ и свиное сало будетъ.«

»Купимъ, купимъ, всего купимъ, и свиного сала купимъ.«

»Можетъ быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филиппову посту будутъ и птичьи перья.«

»Хорошо, хорошо«, говорилъ Чичиковъ.

»Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова«, сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

»Будетъ, будетъ готова. Разскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги?«

»Какъ же бы это сдѣлать?« сказала хозяйка. »Разсказать-то мудрено, поворотовъ много; развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ, гдѣ бы присѣсть ей?

»Какъ не быть?«

»Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу; только ты, смотри, не завези ея! у меня уже одну завезли купцы.«

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка, успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея; вперила глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную побратиму съ медомъ, на мужика, показавшагося въ воротахъ, и мало-помалу вся переселилась въ хозяйственную жизнь. Но зачѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь, или нехозяйственная — мимо ихъ! Не то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда Богъ знаетъ, что взбредетъ въ голову. Можетъ быть, станешь даже думать: »Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и выска-

зать вытверженныя мысли, мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, мысли не о томъ, что̀ дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ? Но мимо, мимо! зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою, вдругъ пронесется иная, чудная струя? еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей, и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо....

»А вотъ бричка, вотъ бричка!« вскричалъ Чичиковъ, увидя наконецъ подъѣзжавшую свою бричку. »Что̀ ты, болванъ, такъ долго копался? Видно, вчерашній хмѣль у тебя не весь еще выветрило?«

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

»Прощайте, матушка! А что̀ же? гдѣ ваша дѣвчонка?«

»Эй, Пелагея«, сказала помѣщица, стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платьи изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были облѣплены свѣжею грязью. »Покажи-ка барину дорогу.«

Селифанъ помогъ взлѣзть дѣвчонкѣ на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣстилась возлѣ него. Вслѣдъ за нею и самъ Чичиковъ занесъ ногу на ступеньку и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, наконецъ помѣстился, сказавши: »А! теперь хорошо! прощайте, матушка!« Кони тронулись.

Селифанъ былъ во всю дорогу суровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очень внимателенъ къ своему дѣлу, что̀ случалося съ нимъ всегда послѣ того, когда либо въ чемъ провинился, либо былъ пьянъ. Лошади были удивительно какъ вычищены. Хомутъ на одной изъ нихъ, надѣвавшійся дотолѣ почти всегда въ разодранномъ видѣ, такъ что изъ-подъ кожи выглядывала пакля, былъ искусно зашитъ. Во всю дорогу былъ онъ молчаливъ, только похлестывалъ

кнутомъ и не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ, хотя чубарому коню, конечно, хотѣлось бы выслушать что-нибудь наставительное; ибо въ это время возжи всегда какъ-то лѣниво держались въ рукахъ словоохотнаго возницы, и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ. Но изъ угрюмыхъ устъ слышны были на сей разъ одни однообразно-непріятныя восклицанія: »Ну же, ну, ворона! зѣвай! зѣвай!« и больше ничего. Даже самъ гнѣдой и засѣдатель были недовольны, не услышавши ни разу ни *любезные*, ни *почтенные*. Чубарый чувствовалъ пренепріятные удары по своимъ полнымъ и широкимъ частямъ. »Вишь ты, какъ разнесло его!« думалъ онъ самъ про-себя, нѣсколько припрядывая ушами. »Небось знаетъ, гдѣ бить! Не хлыснетъ прямо по спинѣ, а такъ и выбираетъ мѣсто, гдѣ поживѣе, по ушамъ зацѣпитъ, или подъ брюхо захлыснетъ.«

»Направо, что ли?« съ такимъ сухимъ вопросомъ обратился Селифанъ къ сидѣвшей возлѣ него дѣвчонкѣ, показывая ей кнутомъ на почернѣвшую отъ дождя дорогу между ярко-зелеными, освѣженными полями.

»Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ покажу«, отвѣчала дѣвчонка.

»Куда жъ?« сказалъ Селифанъ, когда подъѣхали поближе.

»Вотъ куды«, отвѣчала дѣвчонка, показывая рукою.

»Эхъ ты!« сказалъ Селифанъ. »Да это и есть направо. Не знаетъ, гдѣ право, гдѣ лѣво!«

Хотя день былъ очень хорошъ, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сдѣлались скоро покрытыми ею какъ войлокомъ, что̀ значительно отяжелило экипажъ; къ тому же почва была глиниста и цѣпка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться изъ проселковъ раньше полудня. Безъ дѣвчонки было бы трудно сдѣлать и это, потому что дороги расползались во всѣ стороны, какъ пойманные раки, когда ихъ высыплютъ изъ мѣшка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей винѣ. Скоро дѣвчонка показала рукою на чернѣвшее вдали строеніе, сказавши: »Вонъ столбовая дорога!«

»А строеніе?« спросилъ Селифанъ.

»Трактиръ«, сказала дѣвчонка.

»Ну, теперь мы сами доѣдемъ«, сказалъ Селифанъ, ступай себѣ домой.

Онъ остановился и помогъ ей сойти, проговоривъ сквозь зубы: »Эхъ ты, черноногая!«

Чичиковъ далъ ей мѣдный грошъ, и она побрела восвояси, уже довольная тѣмъ, что посидѣла на козлахъ.

ГЛАВА IV.

Подъѣхавши къ трактиру, Чичиковъ велѣлъ остановиться по двумъ причинамъ: съ одной стороны, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ, а съ другой стороны, чтобъ и самому нѣсколько закусить и подкрѣпиться. Авторъ долженъ признаться, что весьма завидуетъ аппетиту и желудку такого рода людей. Для него рѣшительно ничего не значатъ всѣ господа большой руки, живущіе въ Петербургѣ и Москвѣ, проводящіе время въ обдумываніи, что бы такое поѣсть завтра и какой бы обѣдъ сочинить на послѣ-завтра, и принимающіеся за этотъ обѣдъ не иначе, какъ отправивши прежде въ ротъ пилюлю — глотающіе устерсъ, морскихъ пауковъ и прочихъ чудъ, а потомъ отправляющіеся въ Карлсбадъ, или на Кавказъ. Нѣтъ, эти господа никогда не возбуждали въ немъ зависти. Но господа средней руки, что на одной станціи потребуютъ ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра, или какую-нибудь запеканую колбасу съ лукомъ, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, садятся за столъ, въ какое хочешь время, и стерляжья уха съ налимами и молоками шипитъ и ворчитъ у нихъ межъ зубами, заѣдаемая ростягаемъ, или кулебякой съ сомовьимъ плёсомъ, такъ что вчужѣ пронимаетъ аппетитъ — вотъ эти господа точно пользуются завиднымъ даяніемъ неба! Не одинъ господинъ большой руки пожертвовалъ бы сію же минуту половиною душъ крестьянъ и половиною имѣній, заложенныхъ и незаложенныхъ, со всѣми улучшеніями на иностранную и Русскую ногу, съ тѣмъ только, чтобы имѣть такой желудокъ, какой имѣетъ господинъ средней руки; но то бѣда, что ни за какія деньги, ниже имѣнія

съ улучшеніями и безъ улучшеній, нельзя пріобрѣсть такого желудка, какой бываетъ у господина средней руки.

Деревяный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ свой узенькій гостепріимный навѣсъ на деревяныхъ выточенныхъ столбикахъ, похожихъ на старинные церковные подсвѣчники. Трактиръ былъ что-то въ родѣ Русской избы, нѣсколько въ большемъ размѣрѣ. Рѣзные узорочные карнизы изъ свѣжаго дерева, вокругъ оконъ и подъ крышей, рѣзко и живо пестрили темныя его стѣны; на ставняхъ были нарисованы кувшины съ цвѣтами.

Взобравшись узенькою деревяною лѣстницею на верхъ, въ широкія сѣни, онъ встрѣтилъ отворявшуюся со скрипомъ дверь и толстую старуху въ пестрыхъ ситцахъ, проговорившую: »Сюда пожалуйте!« Въ комнатѣ попались всё старые пріятели, попадающіеся всякому въ небольшихъ деревяныхъ трактирахъ, какихъ немало выстроено по дорогамъ, а именно: заиндивѣвшій самоваръ, выскобленныя гладко сосновыя стѣны, треугольный шкафъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя яички передъ образами, висѣвшія на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вмѣсто двухъ четыре глаза, а вмѣсто лица какую-то лепешку, наконецъ натыканныя пучками душистыя травы и гвоздики у образовъ, высохшія до такой степени, что желавшій понюхать ихъ только чихалъ и больше ничего.

»Поросенокъ есть?« съ такимъ вопросомъ обратился Чичиковъ къ стоявшей бабѣ.

»Есть.«

»Съ хрѣномъ и со сметаною?«

»Съ хрѣномъ и со сметаною.«

»Давай его сюда!«

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась какъ засохшая кора, потомъ ножъ съ пожелтѣвшею костяною колодочкою, тоненькій какъ перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ.

Герой нашъ, по обыкновенію, сейчасъ вступилъ съ нею въ разговоръ и разспросилъ, сама ли она держитъ трактиръ, или есть

хозяинъ, и сколько даетъ доходу трактиръ, и съ ними ли живутъ сыновья, и что̀ старшій сынъ — холостой, или женатый человѣкъ, какую взялъ жену, съ большимъ ли приданымъ, или нѣтъ, и доволенъ ли былъ тесть, и не сердился ли, что мало подарковъ получилъ на свадьбѣ; словомъ, не пропустилъ ничего. Само собою разумѣется, что полюбопытствовалъ узнать, какіе въ окружности находятся у нихъ помѣщики, и узналъ, что всякіе есть помѣщики: Блохинъ, Почитаевъ, Мыльной, Чепраковъ полковникъ, Собакевичъ. »А! Собакевича знаешь?« спросилъ онъ, и тутъ же услышалъ, что старуха знаетъ не только Собакевича, но и Манилова, и что Маниловъ будетъ *повеликатнѣй* Собакевича: велитъ тотчасъ сварить курицу, спроситъ и телятинки; коли есть баранья печонка, то и бараньей печонки спроситъ, и всего только что попробуетъ; а Собакевичъ одного чего-нибудь спроситъ, да ужъ зато все съѣстъ, даже и подбавки потребуетъ за ту же цѣну.

Когда онъ такимъ образомъ разговаривалъ, кушая поросенка, котораго оставался уже послѣдній кусокъ, послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа. Выглянувши въ окно, увидѣлъ онъ остановившуюся передъ трактиромъ легенькую бричку, запряженную тройкою добрыхъ лошадей. Изъ брички вылѣзали двое какихъ-то мущинъ. Одинъ бѣлокурый, высокаго роста; другой немного пониже, чернявый. Бѣлокурый былъ въ темносиней венгеркѣ, чернявый — просто въ полосатомъ архалукѣ. Издали тащилась еще колясчонка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней съ изорванными хомутами и веревочной упряжью. Бѣлокурый тотчасъ же отправился по лѣстницѣ на верхъ, между тѣмъ какъ черномазый еще оставался и щупалъ что-то въ бричкѣ, разговаривая тутъ же со слугою и махая въ то же время ѣхавшей за ними коляскѣ. Голосъ его показался Чичикову какъ-будто нѣсколько знакомымъ. Пока онъ его разсматривалъ, бѣлокурый успѣлъ уже нащупать дверь и отворить ее. Это былъ мущина высокаго роста, лицомъ худощавый, или, что̀ называютъ, издержанный, съ рыжими усиками. По загорѣвшему лицу его можно было заключить, что онъ зналъ, что̀ такое дымъ, если не пороховой, то, по крайней мѣрѣ, табачный. Онъ вѣжливо поклонился Чичикову, на что̀ послѣдній отвѣтилъ тѣмъ же. Въ продолженіе

немногихъ минутъ они вѣроятно бы разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сдѣлано и оба почти въ одно и то же время изъявили удовольствіе, что пыль по дорогѣ была совершенно прибита вчерашнимъ дождемъ и теперь ѣхать и прохладно, и пріятно, какъ вошелъ чернявый его товарищъ, сбросивъ съ головы на столъ картузъ свой, молодцовато взъерошивъ рукой свои черные густые волосы. Это былъ средняго роста очень недурно сложенный молодецъ, съ полными румяными щеками, съ бѣлыми какъ снѣгъ зубами и черными какъ смоль бакенбардами. Свѣжъ онъ былъ, какъ кровь съ молокомъ; здоровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его.

»Ба, ба, ба!« вскричалъ онъ вдругъ, разставивъ обѣ руки при видѣ Чичикова. »Какими судьбами?«

Чичиковъ узналъ Ноздрева, того самого, съ которымъ онъ вмѣстѣ обѣдалъ у прокурора и который съ нимъ, въ нѣсколько минутъ, сошелся на такую короткую ногу, что началъ уже говорить *ты*, хотя, впрочемъ, онъ съ своей стороны не подалъ къ тому никакого повода.

»Куда ѣздилъ?« говорилъ Ноздревъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ: »А я, братъ, съ ярмарки. Поздравь: продулся въ пухъ! Вѣришь ли, что никогда въ жизни такъ не продувался? Вѣдь я на обывательскихъ пріѣхалъ! Вотъ посмотри нарочно въ окно!« Здѣсь онъ нагнулъ самъ голову Чичикова, такъ что тотъ чуть не ударился ею объ рамку. »Видишь, какая дрянь? насилу дотащили, проклятыя; я уже перелѣзъ вотъ въ его бричку.« Говоря это, Ноздревъ показалъ пальцемъ на своего товарища. »А вы еще не знакомы? Зять мой Мижуевъ! Мы съ нимъ все утро говорили о тебѣ. Ну, смотри«, говорю, »если мы не встрѣтимъ Чичикова! Ну, братъ, если бъ ты зналъ, какъ я продулся! Повѣришь ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ — все спустилъ! Вѣдь на мнѣ нѣтъ ни цѣпочки, ни часовъ....« Чичиковъ взглянулъ и увидѣлъ точно, что на немъ не было ни цѣпочки, ни часовъ. Ему даже показалось, что и одинъ бакенбардъ былъ у него меньше и не такъ густъ, какъ другой. »А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ«, продолжалъ Ноздревъ, »именно не больше, какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то есть, кромѣ того, что отыгралъ

бы, вотъ, какъ честный человѣкъ, тридцать тысячъ сейчасъ положилъ бы въ бумажникъ.«

»Ты, однако, и тогда такъ говорилъ«, отвѣчалъ бѣлокурый, »а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ же просадилъ ихъ.«

»И не просадилъ бы! ей Богу, не просадилъ бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право, не просадилъ бы. Не загни я послѣ пароле на проклятой семеркѣ утку, я бы могъ сорвать весь банкъ.«

»Однакожъ не сорвалъ«, сказалъ бѣлокурый.

»Не сорвалъ, потому что загнулъ утку не во время. А ты думаешь, маіоръ твой хорошо играетъ?«

»Хорошо; или не хорошо, однакожъ онъ тебя обыгралъ.«

»Эка важность!« сказалъ Поздревъ; »этакъ и я его обыграю. Нѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! Зато, братъ Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни! Правда, ярмарка была отличнѣйшая. Сами купцы говорятъ, что никогда не было такого съѣзда. У меня все, что ни привезли изъ деревни, продали по самой выгоднѣйшей цѣнѣ. Эхъ, братецъ, какъ покутили! Теперь даже, какъ вспомнишь.... чортъ возьми! то есть, какъ жаль, что ты не былъ! Вообрази, что въ трехъ верстахъ отъ города стоялъ драгунскій полкъ. Вѣришь ли, что офицеры, сколько ихъ ни было... сорокъ человѣкъ однихъ офицеровъ было въ городѣ... какъ начали мы, братецъ, пить... штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ... такой славный! усы, братецъ, такіе! Бордо называетъ просто бурдашкой. »Принеси-ка, братъ«, говоритъ, »бурдашки!« поручикъ Кувшинниковъ... Ахъ, братецъ, какой премилый человѣкъ! вотъ ужъ, можно сказать, во всей формѣ кутила. Мы всё были съ нимъ вмѣстѣ. Какого вина отпустилъ намъ Пономаревъ! Нужно тебѣ знать, что онъ мошенникъ, и въ его лавкѣ ничего нельзя брать: въ вино мѣшаетъ всякую дрянь — сандалъ, жженую пробку, и даже бузиной, подлецъ, затираетъ; но зато, ужъ если вытащитъ изъ дальней комнатки, которая называется у него особенной, какую-нибудь бутылочку, ну, просто, братъ, находишься въ эмпиреяхъ. Шампанское у насъ было такое... что передъ нимъ губернаторское? просто квасъ. Вообрази, не клико, а какое-то клико-матрадура; это значитъ — двойное клико. И еще досталъ одну бутылочку

французскаго подъ названіемъ: бонбонъ. Запахъ? розетка и все, что хочешь. Ужъ такъ покутили!.... Послѣ насъ пріѣхалъ какой-то князь, послалъ въ лавку за шампанскимъ,—нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ, все офицеры выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолженіи обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго!«

»Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпьешь«, замѣтилъ бѣлокурый.

»Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ«, отвѣчалъ Ноздревъ.

»Ты можешь себѣ говорить, что хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь.«

»Ну, хочешь объ закладъ, что выпью?«

»Къ чему же объ закладъ?«

»Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ.«

»Не хочу.«

»Ну, да поставь, попробуй!«

»И пробовать не хочу.«

»Да, былъ бы ты безъ ружья, какъ безъ шапки. Эхъ, братъ Чичиковъ! то есть, какъ я жалѣлъ, что тебя не было! Я знаю, что ты бы не разстался съ поручикомъ Кувшинниковымъ. Ужъ какъ бы вы съ нимъ хорошо сошлись! Это не то, что прокуроръ и всѣ губернскіе скряги въ нашемъ городѣ, которые такъ и трясутся за каждую копейку. Этотъ, братецъ, и въ гальбикъ, и въ банчишку, и во все, что хочешь. Эхъ, Чичиковъ! ну что бы тебѣ стоило пріѣхать? Право, свинтусъ ты за это, скотоводъ эдакой! поцѣлуй меня, душа; смерть люблю тебя! Мижуевъ, смотри: вотъ судьба свела! Ну что онъ мнѣ, или я ему? онъ пріѣхалъ Богъ знаетъ откуда, я тоже здѣсь живу.... А сколько было, братъ, каретъ, и всё это en gros. Въ фортунку крутнулъ, выигралъ двѣ банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потомъ опять поставилъ одинъ разъ, и прокутилъ, канальство, еще сверхъ шесть цѣлковыхъ. А какой, если бъ ты зналъ, волокита Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на всѣхъ почти балахъ. Одна была такая разодѣтая, рюши на ней и трюши, и чортъ знаетъ, чего не было.... я думаю себѣ только: »Чортъ возьми!« А Кувшинниковъ, то есть, это такая бестія,

подсѣлъ къ ней, и на Французскомъ языкѣ подпускаетъ ей такіе комплименты.... Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропустилъ. Это онъ называетъ *попользоваться на-счетъ клубнички.* Рыбъ и балыковъ навезли чудныхъ. Я таки привезъ съ собою одинъ,— хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь ѣдешь?

»А я къ человѣчку къ одному«, сказалъ Чичиковъ.

»Ну, что человѣчекъ? брось его! поѣдемъ ко мнѣ!«

»Нельзя, нельзя: есть дѣло.«

»Ну, вотъ ужъ и дѣло! ужъ и выдумалъ! Ахъ, ты Оподелдокъ Ивановичъ!«

»Право, дѣло, да еще и нужное.«

»Пари держу, врешь! ну, скажи только, къ кому ѣдешь?«

»Ну, къ Собакевичу.«

Здѣсь Ноздревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливается только свѣжій здоровый человѣкъ, у котораго всѣ до послѣдняго выказываются бѣлые какъ сахаръ зубы, дрожатъ и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя дверями, въ третьей комнатѣ, вскидывается со сна, вытаращивъ очи и произнося: »Экъ его разобрало!«

»Что жъ тутъ смѣшного?« сказалъ Чичиковъ, отчасти недовольный такимъ смѣхомъ.

Но Ноздревъ продолжалъ хохотать во все горло, приговаривая: »Ой пощади! право, тресну со смѣху!«

»Ничего нѣтъ смѣшного: я далъ ему слово«, сказалъ Чичиковъ.

»Да вѣдь ты жизни не будешь радъ, когда пріѣдешь къ нему: это просто жидоморъ! Вѣдь я знаю твой характеръ: ты жестоко опѣшишься, если думаешь найти тамъ банчишку и добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братецъ: ну къ чорту Собакевича! поѣдемъ ко мнѣ! какимъ балыкомъ попотчую! Пономаревъ, бестія, такъ раскланивался, говоритъ: »Для васъ только; всю ярмарку«, говоритъ, »обыщите, не найдете такого.« Плутъ, однакожъ, ужасный. Я ему въ глаза это говорилъ: »Вы«, говорю, »съ нашимъ откупщикомъ первые мошенники!« Смѣется бестія, поглаживая бороду. Мы съ Кувшинниковымъ каждый день завтракали въ его лавкѣ. Ахъ, братъ, вотъ позабылъ тебѣ сказать: знаю, что ты

теперь не отстанешь, но за десять тысячъ не отдамъ, напередъ говорю. Эй, Порфирій!« закричалъ онъ, подошедши къ окну, на своего человѣка, который держалъ въ одной рукѣ ножикъ, а въ другой корку хлѣба съ кускомъ балыка, который посчастливилось ему мимоходомъ отрѣзать, вынимая что-то изъ брички. »Эй, Порфирій!« кричалъ Ноздревъ, »принеси-ка щенка! Каковъ щенокъ!« продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову. »Краденый: ни за самого себя не отдавалъ хозяинъ. Я ему сулилъ каурую кобылу, которую, помнишь? вымѣнялъ у Хвостырева....« Чичиковъ впрочемъ отъ роду не видалъ ни каурой кобылы, ни Хвостырева.

»Баринъ! ничего не хотите закусить?« сказала въ это время, подходя къ нему, старуха.

»Ничего. Эхъ, братъ, какъ покутили! Впрочемъ давай рюмку водки. Какая у тебя есть?«

»Анисовая«, отвѣчала старуха.

»Ну, давай анисовой«, сказалъ Ноздревъ.

»Давай ужъ и мнѣ рюмку!« сказалъ бѣлокурый.

»Въ театрѣ одна актриса такъ, каналья, пѣла, какъ канарейка! Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня, »Вотъ«, говоритъ, »братъ, попользоваться бы на счетъ клубнички!« Однихъ балагановъ, я думаю, было пятьдесятъ. Фенарди четыре часа вертѣлся мельницею.« Здѣсь онъ принялъ рюмку изъ рукъ старухи, которая ему за то низко поклонилась. »А, давай его сюда!« закричалъ онъ, увидѣвши Порфирія, вошедшаго съ щенкомъ. Порфирій былъ одѣтъ такъ же, какъ и баринъ, въ какомъ-то архалукѣ, стеганомъ на ватѣ, но нѣсколько позамасляннѣй.

»Давай его, клади сюда на полъ!«

Порфирій положилъ щенка на полъ, который, растянувшись на всѣ четыре лапы, нюхалъ землю.

»Вотъ щенокъ!« сказалъ Ноздревъ, взявши его за спинку и приподнявши рукою. Щенокъ испустилъ довольно жалобный вой.

»Ты, однакожъ, не сдѣлалъ того, что̀ я тебѣ говорилъ«, сказалъ Ноздревъ, обратившись къ Порфирію и разсматривая тщательно брюхо щенка: »и не подумалъ вычесать его?«

»Нѣтъ, я его вычесывалъ.«

»А отчего же блохи?«

»Не могу знать. Статься можетъ, какъ-нибудь изъ брички повалѣзли.«

»Врешь, врешь, и не воображалъ чесать; я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ. Вотъ посмотри-ка, Чичиковъ, посмотри какія уши, на-ка, пощупай рукою.«

»Да зачѣмъ? я и такъ вижу: доброй породы!« отвѣчалъ Чичиковъ.

»Нѣтъ, возьми-ка нарочно, пощупай уши!«

Чичиковъ въ угодность ему пощупалъ уши, примолвивши: »Да, хорошая будетъ собака.«

»А носъ, чувствуешь, какой холодный? возьми-ка рукою.«

Не желая обидѣть его, Чичиковъ взялъ и за носъ, сказавши: »Хорошее чутье.«

»Настоящій мордашъ«, продолжалъ Ноздревъ; »я, признаюсь, давно острилъ зубы на мордаша. На, Порфирій, отнеси его!«

Порфирій, взявши щенка подъ брюхо, унесъ его въ бричку.

»Послушай, Чичиковъ, ты долженъ непремѣнно теперь ѣхать ко мнѣ; пять верстъ всего, духомъ домчимся, а тамъ, пожалуй, можешь и къ Собакевичу.«

»А что жъ«, подумалъ про-себя Чичиковъ, »заѣду и въ самомъ дѣлѣ къ Ноздреву. Чѣмъ же онъ хуже другихъ? такой же человѣкъ, да еще и проигрался. Гораздъ онъ, какъ видно, на все; стало быть, у него даромъ можно кое-что выпросить. — Изволь, ѣдемъ«, сказалъ онъ, »но чуръ не задержать: мнѣ время дорого.«

»Ну, душа, вотъ это такъ! вотъ это хорошо! Постой же, я тебя поцѣлую за это.« Здѣсь Ноздревъ и Чичиковъ поцѣловались. »И славно: втроемъ и покатимъ!«

»Нѣтъ, ты ужъ пожалуйста меня-то отпусти«, говорилъ бѣлокурый, »мнѣ нужно домой.«

»Пустяки, пустяки, братъ; не пущу.«

»Право, жена будетъ сердиться; теперь же ты можешь пересѣсть вотъ въ ихнюю бричку.«

»Ни, ни, ни! И не думай!«

Бѣлокурый былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они уже готовы спорить и, кажется, никогда не

согласятся на то, что̀ явно противуположно ихъ образу мыслей, что никогда не назовутъ глупаго умнымъ и что въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что̀ отвергали, глупое назовутъ умнымъ и пойдутъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку, словомъ — начнутъ гладью, а кончатъ гадью.

»Вздоръ!« сказалъ Ноздревъ въ отвѣтъ на какое-то представленіе бѣлокураго, надѣлъ ему на голову картузъ, и — бѣлокурый отправился вслѣдъ за ними.

»За водочку, баринъ не заплатили....« сказала старуха.

»А, хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятекъ! заплати пожалуйста. У меня нѣтъ ни копѣйки въ карманѣ.«

»Сколько тебѣ?« сказалъ зятекъ.

»Да что̀, батюшка? двугривенникъ всего«, сказала старуха.

»Врешь, врешь. Дай ей полтину; предовольно съ нея.«

»Маловато, баринъ«, сказала старуха, однакожъ взяла деньги съ благодарностію, и еще побѣжала въ-попыхахъ отворять имъ дверь. Она была не въ убыткѣ, потому что запросила вчетверо противъ того, что̀ стоила водка.

Пріѣзжіе усѣлись. Бричка Чичикова ѣхала рядомъ съ бричкой, въ которой сидѣли Ноздревъ и его зять, и потому они всѣ трое могли свободно между собою разговаривать въ продолженіе дороги. За ними слѣдовала, безпрестанно отставая, небольшая колясчонка Ноздрева на тощихъ обывательскихъ лошадяхъ. Въ ней сидѣлъ Порфирій съ щенкомъ.

Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то сдѣлаемъ лучше, если скажемъ что-нибудь о самомъ Ноздревѣ, которому, можетъ быть, доведется сыграть не вовсе послѣднюю роль въ нашей поэмѣ.

Лицо Ноздрева, вѣрно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать немало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, пря-

мое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ *ты*. Дружбу заведутъ, кажется, на-вѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женидьба его ни чуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оставивши двухъ ребятишекъ, которые рѣшительно ему были ненужны. За дѣтьми однакожъ присматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть. Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими съѣздами и балами; онъ уже въ одно мгновенье ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки, какъ мы уже видѣли изъ первой главы, игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ баккенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только баккенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что баккенбарды скоро выростали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что всего страннѣе, что можетъ только на одной Руси случиться, онъ чрезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего.

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая-нибудь исторія непремѣнно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ вытолкать свои же пріятели. Если же этого не случится, то всё-таки что-нибудь да будетъ такое, чего съ другимъ никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или проврется самымъ жестокимъ образомъ, такъ

что наконецъ самому сдѣлается совѣстно. И навретъ совершенно безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой, или розовой шерсти, и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе наконецъ всѣ отходятъ, произнесши: »Ну, братъ, ты, кажется, ужъ началъ пули лить!« Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностію, со звѣздою на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же, передъ вашими глазами, и нагадитъ вамъ, и нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздою на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, такъ что стоишь только, да дивишься, пожимая плечами, да и ничего болѣе. Такую же странную страсть имѣлъ и Ноздревъ. Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстроивалъ свадьбу, торговую сдѣлку, и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь по-дружески и даже говорилъ: »Вѣдь ты такой подлецъ, — никогда ко мнѣ не заѣдешь.« Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человѣкъ, то есть, человѣкъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти, въ какое хотите, предпріятіе, мѣнять все, что̀ ни есть, на все, что̀ хотите. Ружье, собака, лошадь — все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть: это происходило, просто, отъ какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ накупалъ кучу всего, что̀ прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, Голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду—на сколько хватало денегъ. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все

другому счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ, съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ, искать какого-нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ. Вотъ какой былъ Ноздревъ! Можетъ быть, назовутъ его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь нѣтъ уже Ноздрева. Увы! несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ. Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами, и, можетъ быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ три экипажа подкатили уже къ крыльцу дома Ноздрева. Въ домѣ не было никакого приготовленія къ ихъ принятію. Посерединѣ столовой стояли деревяные козлы, и два мужика, стоя на нихъ, бѣлили стѣны, затягивая какую-то безконечную пѣсню; полъ весь былъ обрызганъ бѣлилами. Ноздревъ приказалъ тотъ же часъ мужиковъ и козлы вонъ и выбѣжалъ въ другую комнату отдавать повелѣнія. Гости слышали, какъ онъ заказывалъ повару обѣдъ; сообразивъ это, Чичиковъ, начинавшій уже нѣсколько чувствовать аппетитъ, увидѣлъ, что раньше пяти часовъ они не сядутъ за столъ. Ноздревъ, возвратившись, повелъ гостей осматривать все, что ни было у него на деревнѣ, и, въ два часа съ небольшимъ, показалъ рѣшительно все, такъ что ничего ужъ больше не осталось показывать. Прежде всего пошли они обсматривать конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сѣрую въ яблокахъ, другую каурую, потомъ гнѣдого жеребца, на-видъ и неказистаго, но за котораго Ноздревъ божился, что заплатилъ десять тысячъ.

»Десяти тысячъ ты за него не далъ«, замѣтилъ зять. »Онъ и одной не стоитъ.«

»Ей Богу, далъ десять тысячъ«, скзталъ Ноздревъ.

»Ты себѣ можешь божиться, сколько хочешь«, отвѣчалъ зять.

»Ну, хочешь, побьемся объ закладъ?« сказалъ Ноздревъ.

Объ закладъ зять не захотѣлъ биться.

Потомъ Ноздревъ показалъ пустыя стойла, гдѣ были прежде

тоже хорошія лошади. Въ этой же конюшнѣ видѣли козла, котораго, по старому повѣрью, почитали необходимымъ держать при лошадяхъ, который, какъ казалось, былъ съ ними въ ладу, гулялъ подъ ихъ брюхами, какъ у себя дома. Потомъ Ноздревъ повелъ ихъ глядѣть волчонка, бывшаго на привязи. »Вотъ волчонокъ!« сказалъ онъ; »я его нарочно кормлю сырымъ мясомъ. Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ совершеннымъ звѣремъ!« Пошли смотрѣть прудъ, въ которомъ, по словамъ Ноздрева, водилась рыба такой величины, что два человѣка съ трудомъ вытаскивали штуку, въ чемъ, однакожъ, родственникъ не преминулъ усомниться. »Я тебѣ, Чичиковъ«, сказалъ Ноздревъ, »покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ просто наводитъ изумленіе, щитокъ — игла!« и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво, маленькому домику, окруженному большимъ загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ, и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, чорныхъ съ подпалинами, полво-пѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черно-ухихъ, сѣро-ухихъ... Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣляй, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ, совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ они, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у собачеевъ правилами, полетѣли прямо на встрѣчу гостямъ и стали съ ними здороваться. Штукъ десять изъ нихъ положили свои лапы Ноздреву на плеча. Обругай оказалъ такую же дружбу Чичикову, и, поднявшись на заднія ноги, лизнулъ его языкомъ въ самыя губы, такъ что Чичиковъ тутъ же выплюнулъ. Осмотрѣли собакъ, наводившихъ изумленіе крѣпостью черныхъ мясовъ — хорошія были собаки. Потомъ пошли осматривать Крымскую суку, которая была уже слѣпая, и, по словамъ Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но, года два тому назадъ, была очень хорошая сука. Осмотрѣли и суку — сука точно была слѣпая. Потомъ пошли осматривать водяную мельницу, гдѣ недоставало порхлицы, въ которую утверждается верхній камень, быстро вращающійся на веретенѣ, *порхающій*, по чудному выраженію Русскаго мужика. »А вотъ тутъ скоро будетъ и кузница!«

сказалъ Ноздревъ. Немного прошедши, они увидѣли точно кузницу. Осмотрѣли и кузницу.

»Вотъ на этомъ полѣ«, сказалъ Ноздревъ, указывая пальцемъ на поле, »русаковъ такая гибель, что земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги.«

»Ну, русака ты не поймаешь рукою!« замѣтилъ зять.

»А вотъ же поймалъ, нарочно поймалъ!« отвѣчалъ Ноздревъ. »Теперь я поведу тебя посмотрѣть«, продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову, »границу, гдѣ оканчивается моя земля.«

Ноздревъ повелъ своихъ гостей полемъ, которое во многихъ мѣстахъ состояло изъ кочекъ. Гости должны были пробираться между перелогами и взбороненными нивами. Чичиковъ начиналъ чувствовать усталость. Во многихъ мѣстахъ ноги ихъ выдавливали подъ собою воду: до такой степени мѣсто было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потомъ, увидя, что это ни къ чему не служитъ, брели прямо, не разбирая, гдѣ бо́льшая, а гдѣ ме́ньшая грязь. Прошедши порядочное разстояніе, увидѣли точно границу, состоявшую изъ деревянаго столбика и узенькаго рва. »Вотъ граница!« сказалъ Ноздревъ: »все, что̀ ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь лѣсъ, который вонъ синѣетъ, и все, что̀ за лѣсомъ, все мое.«

»Да когда же лѣсъ сдѣлался твоимъ?« спросилъ зять. »Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой.«

»Да, я купилъ его недавно«, отвѣчалъ Ноздревъ.

»Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить?«

»Какъ же? я еще третьяго дня купилъ, и дорого, чортъ возьми, далъ.«

»Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ.«

»Эхъ ты Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время и на ярмаркѣ, и купить землю? Ну, я былъ на ярмаркѣ, а прикащикъ мой тутъ безъ меня и купилъ.«

»Да, ну развѣ прикащикъ!« сказалъ зять, но и тутъ усомнился и покачалъ головою.

Гости воротились тою же гадкою дорогою къ дому. Ноздревъ повелъ ихъ въ свой кабинетъ, въ которомъ, впрочемъ, не было замѣтно слѣдовъ того, что̀ бываетъ въ кабинетахъ,

то есть, книгъ, или бумаги; висѣли только сабли и два ружья, одно въ триста, а другое въ восемьсотъ рублей. Зять, осмотрѣвши, покачалъ только головою. Потомъ были показаны Турецкіе кинжалы, на одномъ изъ которыхъ, по ошибкѣ, было вырѣзано: *Мастеръ Савелій Сибиряковъ.* Вслѣдъ затѣмъ показалась гостямъ шарманка. Ноздревъ, тутъ же, провертѣлъ предъ ними кое-что. Шарманка играла не безъ пріятности, но въ срединѣ ея, кажется, что-то случилось; ибо мазурка оканчивалась пѣснею *Мальбругъ въ походъ поѣхалъ;* а *Мальбругъ въ походъ поѣхалъ* неожиданно завершался какимъ-то давно-знакомымъ вальсомъ. Уже Ноздревъ давно перестал вертѣть, но въ шарманкѣ была одна дудка, очень бойкая, никакъ нехотѣвшая угомониться, и долго еще потомъ свистѣла она одна. Потомъ показались трубки деревяныя, глиненыя, пѣнковыя, обкуренныя и необкуренныя, обтянутыя замшею и необтянутыя, чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, недавно выигранный, кисетъ, вышитый какою-то графинею, гдѣ-то на почтовой станціи влюбившеюся въ него по уши, у которой ручки, по словамъ его, были самой субдительной *сюперфлю,* — слово, вѣроятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства. Закусивши балыкомъ, они сѣли за столъ близъ пяти часовъ. Обѣдъ, какъ видно, не составлялъ у Ноздрева главнаго въ жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорѣло, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что поваръ руководствовался болѣе какимъ-то вдохновеньемъ и клалъ первое, что̀ попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ — онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попалась — совалъ капусту, пичкалъ молоко, ветчину, горохъ, словомъ — катай-валяй, было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь, вѣрно, выдетъ. Зато Ноздревъ налегъ на вѝна: еще не подавали супа, онъ уже налилъ гостямъ по большому стакану портвейна и по другому госотерна, потому что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не бываетъ простого сотерна. Потомъ Ноздревъ велѣлъ принести бутылку мадеры, »лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ.« Мадера точно даже горѣла во рту, ибо купцы, зная уже вкусъ помѣщиковъ, любившихъ добрую мадеру, заправляли ее безпощадно ромомъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ надеждѣ, что все вынесутъ Русскіе желудки. Потомъ Ноздревъ велѣлъ еще

принесть какую-то особенную бутылку, которая, по словамъ его, была и бургоньонъ, и шампаньонъ вмѣстѣ. Онъ наливалъ очень усердно въ оба стакана, и направо и налѣво, и зятю и Чичикову; Чичиковъ замѣтилъ однакоже, какъ-то вскользь, что самому себѣ онъ не много прибавлялъ. Это заставило его быть осторожнымъ, и какъ только Ноздревъ какъ-нибудь заговаривался, или наливалъ зятю, онъ опрокидывалъ въ ту же минуту свой стаканъ въ тарелку. Въ непродолжительномъ времени была принесена на столъ рябиновка, имѣвшая, по словамъ Ноздрева, совершенный вкусъ сливокъ, но въ которой, къ изумленію, слышна была сивушища во всей своей силѣ. Потомъ пили какой-то бальзамъ, носившій такое имя, которое даже трудно было припомнить, да и самъ хозяинъ въ другой разъ назвалъ его уже другимъ именемъ. Обѣдъ давно уже кончился, и вины были перепробованы, но гости всё еще сидѣли за столомъ. Чичиковъ никакъ не хотѣлъ заговорить съ Ноздревымъ при зятѣ, на-счетъ главнаго предмета. Всё-таки зять былъ человѣкъ посторонній, а предметъ требовалъ уединеннаго и дружескаго разговора. Впрочемъ, зять врядъ ли могъ быть человѣкомъ опаснымъ, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стулѣ, ежеминутно клевался носомъ. Замѣтивъ и самъ, что находился не въ надежномъ состояніи, онъ сталъ, наконецъ, отпрашиваться домой, но такимъ лѣнивымъ и вялымъ голосомъ, какъ-будтобы, по Русскому выраженію, натаскивалъ клещами на лошадь хомутъ.

»И ни ни! не пущу!« сказалъ Ноздревъ.

»Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право поѣду«, говорилъ зять; »ты меня очень обидишь.«

»Пустяки, пустяки! мы соорудимъ сію минуту банчишку.«

»Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу: жена будетъ въ большой претензіи, право; я долженъ ей разсказать о ярмаркѣ. Нужно, братъ, право нужно, доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!«

»Ну ее жену къ...! важное въ самомъ дѣлѣ дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!«

»Нѣтъ, братъ! она такая почтенная и вѣрная! Услуги оказываетъ такія.... повѣришь? у меня слезы на глазахъ. Нѣтъ,

ты не держи меня; какъ честный человѣкъ, поѣду, и тебя въ этомъ увѣряю по истинной совѣсти.«

»Пусть его ѣдетъ: что̀ въ немъ проку!« сказалъ тихо Чичиковъ Поздреву.

»А и въ правду!« сказалъ Ноздревъ. »Смерть не люблю такихъ разстепелей!« и прибавилъ вслухъ: »Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться съ женою, ѳетюкъ!«

»Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня ѳетюкомъ« ([1]), отвѣчалъ зять: »я ей жизнью обязанъ. Такая, право, добрая, милая, такія ласки оказываетъ... до слезъ разбираетъ. Спроситъ, что̀ видѣлъ на ярмаркѣ, — нужно все разсказать... такая, право, милая.«

»Ну, поѣзжай, ври ей чепуху! вотъ картузъ твой.«

»Нѣтъ, братъ, тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ о ней такъ отзываться; этимъ ты, можно сказать, меня самого обижаешь... она такая милая.«

»Ну, такъ и убирайся къ ней скорѣе!«

»Да, братъ, поѣду, извини, что не могу остаться. Душой радъ бы былъ, но не могу.« Зять еще долго повторялъ свои извиненія, не замѣчая, что самъ уже давно сидѣлъ въ бричкѣ, давно выѣхалъ за ворота, и передъ нимъ давно были одни пустыя поля. Должно думать, что жена не много слышала подробностей о ярмаркѣ.

»Такая дрянь!« говорилъ Ноздревъ, стоя передъ окномъ и глядя на уѣзжавшій экипажъ. Вонъ какъ потащился! конекъ пристяжной не дуренъ, я давно хотѣлъ подцѣпить его. Да вѣдь съ нимъ нельзя никакъ сойтися: ѳетюкъ, просто ѳетюкъ!«

За симъ вошли они въ комнату. Порфирій подалъ свѣчи, и Чичиковъ замѣтилъ въ рукахъ хозяина неизвѣстно откуда взявшуюся колоду картъ.

»А что̀, братъ«, говорилъ Ноздревъ, прижавши бока колоды пальцами и нѣсколько погнувши ее, такъ что треснула и отскочила бумажка. »Ну, для препровожденія времени, держу триста рублей банку!«

([1]) *Ѳетюкъ* — слово обидное для мужчины, происходитъ отъ Ѳ, буквы, почитаемой нѣкоторыми неприличную буквою. *Прим. Гоголя.*

Но Чичиковъ прикинулся какъ-будто и не слышалъ, о чемъ рѣчь, и сказалъ, какъ-бы вдругъ припомнивъ: »А! чтобъ не позабыть: у меня къ тебѣ просьба.«

»Какая?«

»Дай прежде слово, что исполнишь.«

»Да какая просьба?«

»Ну, да ужъ дай слово!«

»Изволь.«

»Честное слово?«

»Честное слово.«

»Вотъ какая просьба: у тебя есть, чай, много умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи?«

»Ну, есть; а что̀?«

»Переводи ихъ на меня, на мое имя.«

»А на что̀ тебѣ?«

»Ну, да мнѣ нужно.«

»Да на что̀?«

»Ну, да ужъ нужно..... ужъ это мое дѣло, словомъ — нужно.«

»Ну, ужъ вѣрно что-нибудь затѣялъ. Признайся, что̀?«

»Да что̀ жъ затѣялъ? изъ этакого пустяка и затѣять ничего нельзя.«

»Да зачѣмъ же они тебѣ?

»Охъ, какой любопытный! ему всякую дрянь хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!«

»Да къ чему жъ ты не хочешь сказать?«

»Да что̀ же тебѣ за прибыль знать? Ну, просто такъ, пришла фантазія.«

»Такъ вотъ же: до тѣхъ поръ, пока не скажешь, не сдѣлаю!«

»Ну, вотъ видишь, вотъ ужъ и не честно съ твоей стороны: слово далъ, да и на попятный дворъ.«

»Ну, какъ ты себѣ хочешь, а не сдѣлаю, пока не скажешь, на что̀.«

»Что̀ бы такое сказать ему?« подумалъ Чичиковъ, и, послѣ минутнаго размышленія, объявилъ, что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, что онъ помѣстьевъ большихъ не имѣетъ, такъ до того времени хоть бы какія-нибудь душонки.

»Врешь, врешь!« сказалъ Ноздревъ, не давши окончить, »врешь, братъ!«

Чичиковъ и самъ замѣтилъ, что придумалъ не очень ловко, и предлогъ довольно слабъ. »Ну, такъ я жъ тебѣ скажу прямѣе«, сказалъ онъ поправившись; »только, пожалуста, не проговорись никому. Я задумалъ жениться; но нужно тебѣ знать, что отецъ и мать невѣсты преамбиціонные люди. Такая, право, коммисеія! не радъ, что связался: хотятъ непремѣнно, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехъ сотъ душъ, а такъ какъ у меня цѣлыхъ почти полутораста крестьянъ не достаетъ...«

»Ну, врешь! врешь!« закричалъ опять Ноздревъ.

»Ну, вотъ ужъ здѣсь«, сказалъ Чичиковъ, »ни вотъ на столько не солгалъ«, и показалъ большимъ пальцемъ на своемъ мизинцѣ самую маленькую часть.

»Голову ставлю, что врешь!«

»Однакожъ это обидно! Что же я такое въ самомъ дѣлѣ? почему я непремѣнно лгу?«

»Ну, да вѣдь я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ—позволь мнѣ это сказать тебѣ по-дружбѣ! Ежели бы я былъ твоимъ начальникомъ, я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ.«

Чичиковъ оскорбился такимъ замѣчаніемъ. Уже всякое выраженіе, сколько-нибудь грубое, или оскорбляющее благопристойность, было ему непріятно. Онъ даже не любилъ допускать съ собой ни къ какомъ случаѣ фимиліярнаго обращенія, развѣ только если особа была слишкомъ высокого званія. И потому теперь онъ совершенно обидѣлся.

»Ей Богу, повѣсилъ бы«, повторилъ Ноздревъ: »я тебѣ говорю это откровенно, не съ тѣмъ, чтобы тебя обидѣть, а, просто, по-дружески говорю.«

»Всему есть границы«, сказалъ Чичиковъ, съ чувствомъ достоинства. »Если хочешь пощеголять подобными рѣчами, такъ ступай въ казармы«, и потомъ присовокупилъ: »не хочешь подарить, такъ продай.«

»Продать! Да вѣдь я знаю тебя, вѣдь ты подлецъ, вѣдь ты дорого не дашь за нихъ?«

»Эхъ! да ты вѣдь тоже хорошъ! Смотри ты! что онѣ у тебя, бриллiантовыя, что ли?«

»Ну, такъ и есть. Я ужъ тебя зналъ.«

»Помилуй: братъ, что жъ у тебя за Жидовское побужденiе! Ты бы долженъ просто отдать мнѣ ихъ.«

»Ну, послушай, чтобъ доказать тебѣ, что я вовсе не какой нибудь скалдырникъ, я не возму за нихъ ничего. Купи у меня жеребца, я тебѣ дамъ ихъ въ придачу.«

»Помилуй, на что жъ мнѣ жеребецъ?« сказалъ Чичиковъ, изумленный въ самомъ дѣлѣ такимъ предложенiемъ.

»Какъ на что? да вѣдь я за него заплатилъ десять тысячъ, а тебѣ отдаю за четыре.«

»Да на что мнѣ жеребецъ? завода я не держу.«

»Да послушай, — ты не понимаешь: вѣдь я съ тебя возьму теперь всего три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мнѣ послѣ.«

»Да не нуженъ мнѣ жеребецъ, Богъ съ нимъ!«

»Ну, купи каурую кобылу.«

»И кобылы не нужно.«

»За кобылу и за сѣраго коня, котораго ты у меня видѣлъ, возьму я съ тебя только двѣ тысячи.«

»Да не нужны мнѣ лошади.«

»Ты ихъ продашь: тебѣ на первой ярмаркѣ дадутъ за нихъ втрое больше.«

»Такъ лучше жъ ты ихъ самъ продай, когда увѣренъ, что выиграешь втрое.«

»Я знаю, что выиграю, да мнѣ хочется, чтобы и ты получилъ выгоду.«

Чичиковъ поблагодарилъ за расположенiе и напрямикъ отказался и отъ сѣраго коня, и отъ каурой кобылы.

»Ну, такъ купи собакъ. Я тебѣ продамъ такую пару, просто — морозъ по кожѣ подираетъ! брудастая съ усами; шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина; бочковатость ребръ уму непостижимая; лапа вся въ комкѣ — земли не задѣнетъ!«

»Да зачѣмъ мнѣ собаки? я не охотникъ.«

»Да мнѣ хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если ужъ не хочешь собакъ, такъ купи у меня шарманку. Чудная шарманка! самому, какъ честный человѣкъ, обошлась въ полторы тысячи; тебѣ отдаю за 900 рублей.«

»Да зачѣмъ же мнѣ шарманка? Вѣдь я не Нѣмецъ, чтобы, тащася съ ней по дорогамъ, выпрашивать деньги.«

»Да вѣдь это не такая шарманка, какъ носятъ Нѣмцы. Это органъ; посмотри нарочно: вся изъ краснаго дерева. Вотъ я тебѣ покажу ее еще!« Здѣсь Ноздревъ, схвативши за руку Чичикова, сталъ тащить его въ другую комнату, и, какъ тотъ ни упирался ногами въ полъ и ни увѣрялъ, что онъ знаетъ уже, какая шарманка, но долженъ былъ услышать еще разъ, какимъ образомъ поѣхалъ въ походъ Мальбругъ. »Когда ты не хочешь на деньги, такъ вотъ что, слушай: я тебѣ дамъ шарманку и всѣ, сколько ни есть у меня, мертвыя души, а ты мнѣ дай свою бричку и триста рублей придачи.«

»Ну, вотъ еще! а я-то въ чемъ поѣду?«

»Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будетъ чудо-бричка.«

»Эхъ его неугомонный бѣсъ какъ обуялъ!« подумалъ про-себя Чичиковъ и рѣшился, во что бы ни стало, отдѣлаться отъ всякихъ бричекъ, шарманокъ и всѣхъ возможныхъ собакъ, не смотря на непостижимую уму бочковатость ребръ и комкость лапъ.

»Да вѣдь бричка, шарманка и мертвыя души — все вмѣстѣ!«

»Не хочу!« сказалъ еще разъ Чичиковъ.

»Отчего жъ ты не хочешь?«

»Оттого, что, просто, не хочу, да и полно.«

»Экой ты, право, такой! съ тобой, какъ я вижу, нельзя, какъ водится между хорошими друзьями и товарищами... такой, право!... Сейчасъ видно, что двуличный человѣкъ!«

»Да что же я, дуракъ, что ли? ты посуди самъ: зачѣмъ же пріобрѣтать вещь, рѣшительно для меня ненужную?«

»Ну, ужъ пожалуста не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалія! Ну, послушай: хочешь метнемъ банчикъ? Я поставлю всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже.«

»Ну, рѣшаться въ банкъ — значитъ подвергаться неизвѣстности«, говорилъ Чичиковъ и между тѣмъ взглянулъ искоса на бывшія

въ рукахъ у него карты. Обѣ таліи ему показались очень похожими на искусственныя, и самый крапъ глядѣлъ весьма подозрительно.

»Отчего жъ неизвѣстности?« сказалъ Ноздревъ. »Никакой неизвѣстности! будь только на твоей сторонѣ счастіе, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вонъ она! экое счастье!« говорилъ онъ, начиная метать для возбужденія задору: »экое счастье! экое счастье! вонъ: такъ и колотитъ! вотъ та проклятая девятка, на которой я все просадилъ! Чувствовалъ, что продастъ, да уже, зажмуривъ глаза, думаю себѣ: чортъ тебя побери, продавай, проклятая!«

Когда Ноздревъ это говорилъ, Порфирій принесъ бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть, такъ и пить.

»Отчего жъ ты не хочешь играть?« сказалъ Ноздревъ.

»Ну, оттого, что не расположенъ. Да признаться сказать, я вовсе не охотникъ играть.«

»Отчего жъ не охотникъ?«

Чичиковъ пожалъ плечами и прибавилъ: »Потому что не охотникъ.«

»Дрянь же ты!«

»Что̀ жъ дѣлать? такъ Богъ создалъ.«

»Ѳетюкъ, просто! Я думалъ было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человѣкъ, а ты никакого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ близкимъ.... никакого прямодушія, ни искренности! совершенный Собакевичъ, такой подлецъ!«

»Да за что̀ же ты бранишь меня? Виноватъ развѣ я, что не играю? Продай мнѣ душъ однѣхъ, если ужъ ты такой человѣкъ, что дрожишь изъ-за этого вздору.«

»Чорта лысаго получишь! хотѣлъ было, даромъ хотѣлъ отдать, но теперь вотъ не получишь же! Хоть три царства давай, не отдамъ. Такой шильникъ, печникъ гадкій! Съ этихъ поръ съ тобой никакого дѣла не хочу имѣть. Порфирій, ступай, скажи конюху, чтобы не давалъ овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно.«

Послѣдняго заключенія Чичиковъ никакъ не ожидалъ.

»Лучше бъ ты мнѣ просто на глаза не показывался!« сказалъ Ноздревъ.

Не смотря, однакожъ, на такую размолвку, гость и хозяинъ поужинали вмѣстѣ, хотя на этотъ разъ не стояло на столѣ никакихъ винъ съ затѣйливыми именами. Торчала одна только бутылка съ какимъ-то Кипрскимъ, которое было то, что называютъ кислятина во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ ужина Ноздревъ сказалъ Чичикову, отведя его въ боковую комнату, гдѣ была приготовлена для него постель: »Вотъ тебѣ постель! Не хочу и доброй ночи желать тебѣ.«

Чичиковъ остался по уходѣ Ноздрева въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Онъ внутренно досадовалъ на себя, бранилъ себя за то, что къ нему заѣхалъ и потерялъ даромъ время; но еще болѣе бранилъ себя за то, что заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ, поступилъ неосторожно, какъ ребенокъ, какъ дуракъ: ибо дѣло совсѣмъ не такого роду, чтобы быть ввѣрену Ноздреву.... Ноздревъ — человѣкъ-дрянь, Ноздревъ можетъ наврать, прибавить, распустить чортъ знаетъ что; выйдутъ еще какія-нибудь сплетни.... Не хорошо, не хорошо! Просто дуракъ я!« говорилъ онъ самъ себѣ. Ночь спалъ онъ очень дурно. Какія-то маленькія пребойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, приговаривая: »А, чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ!« Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться черезъ дворъ въ конюшню, приказать Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь черезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Ноздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ.

Ноздревъ привѣтствовалъ его по-дружески и спросилъ, каково ему спалось?

»Такъ себѣ«, отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

»А я, братъ«, говорилъ Ноздревъ, »такая мерзость лѣзла всю ночь, что гнусно разсказывать, и во рту послѣ вчерашняго точно эскадронъ переночевалъ. Представь: снилось, что меня высѣкли, ей, ей! И вообрази, кто? Вотъ ни за что не угадаешь: штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ.«

»Да«, подумалъ про-себя Чичиковъ: »хорошо бы, если бъ тебя отодрали наяву.«

»Ей Богу! да пребольно! Проснулся, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ что-то почесывается; вѣрно, вѣдьмы блохи. Ну, ты сту-

най теперь одѣвайся; я къ тебѣ сейчасъ приду. Нужно только ругнуть подлеца прикащика.«

Чичиковъ ушелъ въ комнату одѣться и умыться. Когда послѣ того вышелъ онъ въ столовую, тамъ уже стоялъ на столѣ чайный приборъ съ бутылкою рома. Въ комнатѣ были слѣды вчерашняго обѣда и ужина; кажется, половая щетка не притрогивалась вовсе. На полу валялись хлѣбныя крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти. Самъ хозяинъ, незамедлившій скоро войти, ничего не имѣлъ у себя подъ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа въ рукѣ чубукъ и прихлебывая изъ чашки, онъ былъ очень хорошъ для живописца, нелюбящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ подобно цирульнымъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ гребенку.

»Ну, такъ какъ же думаешь?« сказалъ Ноздревъ, немного помолчавши: »не хочешь играть на души?«

»Я уже сказалъ тебѣ, братъ, что не играю; купить, изволь, куплю.

»Продать я не хочу: это будетъ не по-пріятельски. Я не стану снимать плевы съ чортъ знаетъ чего. Въ банчикъ другое дѣло. Прокинемъ хоть талію!«

»Я ужъ сказалъ, что нѣтъ.«

»А мѣняться не хочешь?«

»Не хочу.«

»Ну, послушай: съиграемъ въ шашки выиграешь — твои всѣ. Вѣдь у меня много такихъ, которыхъ нужно вычеркнуть изъ ревизіи. Эй, Порфирій, принеси-ка сюда шашечницу!«

»Напрасенъ трудъ: я не буду играть.«

»Да вѣдь это не въ банкъ; тутъ никакого не можетъ быть счастія, или фальши: все вѣдь отъ искусства. Я даже тебя предваряю, что я совсѣмъ не умѣю играть, развѣ что-нибудь мнѣ дашь впередъ.«

»Сѣмъ-ка я«, подумалъ про-себя Чичиковъ, »съиграю съ нимъ въ шашки! Въ шашки игрывалъ я недурно, а на штуки ему здѣсь трудно подняться.«

»Изволь, такъ и быть, въ шашки съиграю.«

»Души идутъ въ ста рубляхъ!«

»Зачѣмъ же? довольно, если пойдутъ въ пятидесяти.«

»Нѣтъ, что жъ за кушъ пятьдесятъ? Лучше жъ въ эту сумму я включу тебѣ какого-нибудь щенка средней руки, или золотую печатку къ часамъ.«

»Ну, изволь!« сказалъ Чичиковъ.

»Сколько же ты мнѣ дашь впередъ?« сказалъ Ноздревъ.

»Это съ какой стати? конечно ничего.«

»По крайней мѣрѣ, пусть будутъ мои два хода.«

»Не хочу: я самъ плохо играю.«

»Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!« сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

»Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!« говорилъ Чичиковъ, подвигая тоже шашку.

»Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!« сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

»Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!« говорилъ Чичиковъ, подвигая шашку.

»Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!« сказалъ Ноздревъ, подвигая шашку, да въ то же самое время подвинулъ обшлагомъ рукава и другую шашку.

»Давненько не бралъ я въ руки!... Э, э! это, братъ, что? отсади-ка ее назадъ!« говорилъ Чичиковъ.

»Кого?«

»Да шашку-то«, сказалъ Чичиковъ, и въ то же время увидѣлъ почти передъ самымъ носомъ своимъ и другую, которая, какъ казалось, пробиралась въ дамки. Откуда она взялась, это одинъ только Богъ зналъ. »Нѣтъ«, сказалъ Чичиковъ, вставши изъ-за стола, »съ тобой нѣтъ никакой возможности играть! Этакъ не ходятъ — по три шашки вдругъ!«

»Отчего же по три? Это по ошибкѣ. Одна подвинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь.«

»А другая-то откуда взялась?«

»Какая другая?«

»А вотъ эта, что пробирается въ дамки?«

»Вотъ тебѣ на! будто не помнишь!«

»Нѣтъ, братъ, я всѣ ходы считалъ, и все помню; ты ее только теперь пристроилъ. Ей мѣсто вонъ гдѣ!«

»Какъ — гдѣ мѣсто?« сказалъ Ноздревъ покраснѣвши: »да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель!«

»Нѣтъ, братъ, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно.«

»За кого жъ ты меня почитаешь?« говорилъ Ноздревъ: »стану я развѣ плутовать?«

»Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть съ этихъ поръ никогда не буду.«

»Нѣтъ, ты не можешь отказаться«, говорилъ Ноздревъ, горячась: »игра начата!«

»Я имѣю право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человѣку.«

»Нѣтъ, врешь, ты этого не можешь сказать!«

»Нѣтъ, братъ, самъ ты врешь!«

»Я не плутовалъ, а ты отказаться не можешь; ты долженъ кончить партію!«

»Этого ты меня не заставишь сдѣлать«, сказалъ Чичиковъ хладнокровно и, подошедши къ доскѣ, смѣшалъ шашки.

Ноздревъ вспыхнулъ и подошелъ къ Чичикову такъ близко, что тотъ отступилъ шага два назадъ.

»Я тебя заставлю играть! Это ничего, что ты смѣшалъ шашки! я помню всѣ ходы. Мы ихъ поставимъ опять такъ, какъ были.«

»Нѣтъ, братъ, дѣло кончено: я съ тобою не стану играть.«

»Такъ ты не хочешь играть?«

»Ты самъ видишь, что съ тобою нѣтъ возможности играть.«

»Нѣтъ, скажи напрямикъ, ты не хочешь играть?« говорилъ Ноздревъ, подступая еще ближе.

»Не хочу!« сказалъ Чичиковъ и поднесъ, однакожъ, обѣ руки на всякій случай поближе къ лицу, ибо дѣло становилось въ самомъ дѣлѣ жарко. Эта предосторожность была весьма у мѣста, потому что Ноздревъ размахнулся рукой.... и очень бы могло статься, что одна изъ пріятныхъ и полныхъ щекъ нашего героя покрылась бы несмываемымъ безчестіемъ; но, счастливо отведши

ударъ, онъ схватилъ Ноздрева за обѣ задорныя его руки и держалъ его крѣпко.

»Порфирій, Павлушка!« кричалъ Ноздревъ въ бѣшенствѣ, порываясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиковъ, чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что держать Ноздрева было безполезно, выпустилъ его руки. Въ это самое время вошелъ Порфирій и съ нимъ Павлушка, парень дюжій, съ которымъ имѣть дѣло было совсѣмъ невыгодно.

»Такъ ты не хочешь оканчивать партіи?« говорилъ Ноздревъ. »Отвѣчай мнѣ напрямикъ!«

»Партіи нѣтъ возможности оканчивать«, говорилъ Чичиковъ, и заглянулъ въ окно: онъ увидѣлъ свою бричку, которая стояла совсѣмъ готовая, а Селифанъ ожидалъ, казалось, мановенія, чтобы подкатить подъ крыльцо; но изъ комнаты не было никакой возможности выбраться: въ дверяхъ стояли два дюжихъ крѣпостныхъ дурака.

»Такъ ты не хочешь доканчивать партіи?« повторилъ Ноздревъ съ лицомъ, горѣвшимъ какъ въ огнѣ.

»Если бъ ты игралъ, какъ прилично честному человѣку.... но теперь не могу.«

»А! такъ ты не можешь, подлецъ! когда увидѣлъ, что не твоя беретъ, такъ и не можешь! Бейте его!« кричалъ онъ изступленно, обратившись къ Порфирію и Павлушкѣ, а самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ. Чичиковъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но чувствовалъ, что губы его шевелились безъ звука. »Бейте его!« кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ-будто подступалъ подъ неприступную крѣпость. »Бейте его!« кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричитъ своему взводу: »Ребята, впередъ!« какой-нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже пріобрѣла такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его; передъ нимъ носится Суворовъ,

онъ лѣзетъ на великое дѣло. »Ребята, впередъ!« кричитъ онъ порываясь, не помышляя, что вредитъ уже обдуманному плану общаго приступа, что милліоны ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ какъ пухъ на воздухъ его безсильный взводъ и что уже свищетъ роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступившаго подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на неприступную. Напротивъ, крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки. Уже стулъ, которымъ онъ вздумалъ было защищаться, былъ вырванъ крѣпостными людьми изъ рукъ его, уже, зажмуривъ глаза, ни живъ ни мертвъ, онъ готовился отвѣдать Черкесскаго чубука своего хозяина и, Богъ знаетъ, чего бы не случилось съ нимъ; но судьбамъ угодно было спасти бока, плеча и всѣ благовоспитанныя части нашего героя. Неожиданнымъ образомъ звякнули вдругъ, какъ съ облаковъ, задребезжавшіе звуки колокольчика, раздался ясно стукъ колесъ подлетѣвшей къ крыльцу телеги, и отозвались даже въ самой комнатѣ тяжелый храпъ и тяжкая одышка разгоряченныхъ коней остановившейся тройки. Всѣ невольно глянули въ окно. Кто-то, съ усами, въ полувоенномъ сюртукѣ, вылѣзалъ изъ телеги. Освѣдомившись въ передней, вошелъ онъ въ ту самую минуту, когда Чичиковъ не успѣлъ еще опомниться отъ своего страха и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ когда-либо находился смертный.

»Позвольте узнать, кто здѣсь г. Ноздревъ?« сказалъ незнакомецъ, посмотрѣвши въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Ноздрева, который стоялъ съ чубукомъ въ рукѣ, и на Чичикова, который едва начиналъ оправляться отъ своего невыгоднаго положенія.

»Позвольте прежде узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?« сказалъ Ноздревъ, подходя къ нему ближе.

»Капитанъ-исправникъ.«

»А что вамъ угодно?«

»Я пріѣхалъ вамъ объявить сообщенное мнѣ извѣщеніе, что вы находитесь подъ судомъ до времени окончанія рѣшенія по вашему дѣлу.«

»Что̀ за вздоръ, по какому дѣлу?« сказалъ Ноздревъ.

»Вы были замѣшаны въ исторію, по случаю нанесенія помѣщику Максимову личной обиды розгами, въ пьяномъ видѣ.«

»Вы врете! я и въ глаза не видалъ помѣщика Максимова!«

»Милостивый государь! позвольте вамъ доложить, что я офицеръ. Вы можете это сказать вашему слугѣ, а не мнѣ!«

Здѣсь Чичиковъ, не дожидаясь, что̀ будетъ отвѣчать на это Ноздревъ, скорѣе за шапку, да по-за спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо, сѣлъ въ бричку и велѣлъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

ГЛАВА V.

Герой нашъ трухнулъ, однакожъ, порядкомъ. Хотя бричка мчалась во всю пропалую и деревня Ноздрева давно унеслась изъ вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками, но онъ всё еще поглядывалъ назадъ со страхомъ, какъ-бы ожидая, что вотъ-вотъ налетитъ погоня. Дыханіе его переводилось съ трудомъ, и когда онъ попробовалъ приложить руку къ сердцу, то почувствовалъ, что оно билось, какъ перепелка въ клѣткѣ. »Эхъ, какую баню задалъ! смотри ты какой!» Тутъ много было посулено Ноздреву всякихъ нелегкихъ и сильныхъ желаній; попались даже и нехорошія слова. Что̀ жъ дѣлать? Русскій человѣкъ, да еще и въ-сердцахъ! Къ тому жъ дѣло было совсѣмъ нешуточное. »Что̀ ни говори«, сказалъ онъ самъ въ себѣ, »а не подоспѣй капитанъ-исправникъ, мнѣ, можетъ быть, не далось бы болѣе и на свѣтъ Божій взглянуть! Пропалъ бы, какъ волдырь на водѣ, безъ всякаго слѣда, не оставивши потомковъ, не доставивъ будущимъ дѣтямъ ни состоянія, ни честнаго имени!« Герой нашъ очень заботился о своихъ потомкахъ.

»Экой скверной баринъ!« думалъ про-себя Селифанъ: »я еще не видалъ такого барина. То есть, плюнуть бы ему за это! Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ накормить, потому что конь любитъ овесъ. Это его продовольство: что̀, примѣромъ, намъ коштъ, то для него овесъ: онъ его продовольство.«

Кони тоже, казалось, думали невыгодно объ Ноздревѣ: не только гнѣдой и засѣдатель, но и самъ чубарый былъ не въ духѣ. Хотя ему на часть и доставался всегда овесъ похуже и Селифанъ не иначе всыпа́лъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: »Эхъ ты подлецъ!« но однакожъ это всё таки былъ овесъ, а не простое сѣно: онъ жевалъ его съ удовольствіемъ и часто засовывалъ длинную морду свою въ корытца къ товарищамъ, поотвѣдать, какое у нихъ было продовольствіе, особливо когда Селифана не было въ конюшнѣ; но теперь одно сѣно, — не хорошо! всѣ были недовольны!

Но скоро всѣ недовольные были прерваны, среди изліяній своихъ, внезапнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на нихъ наскакала коляска съ шестерикомъ коней и почти надъ головами ихъ раздалися крикъ сидѣвшихъ въ колясвѣ дамъ, брань и угрозы чужого кучера: »Ахъ ты мошенникъ эдакой! вѣдь я тебѣ кричалъ въ голосъ: сворачивай, воро́на, направо! Пьянъ ты, что-ли?« Селифанъ почувствовалъ свою оплошность, но такъ какъ Русскій человѣкъ не любитъ сознаться передъ другимъ, что онъ виноватъ, то тутъ же вымолвилъ онъ пріосамясь: »А ты что́ такъ разскакался? Глаза-то свои въ кабакѣ заложилъ, что-ли?« Вслѣдъ за симъ онъ принялся отсаживать назадъ бричку, чтобы высвободиться такимъ образомъ изъ чужой упряжи, но не тутъ-то было, — все перепуталось. Чубарый съ любопытствомъ обнюхивалъ новыхъ своихъ пріятелей, которые очутились по обѣимъ сторонамъ его. Между тѣмъ сидѣвшія въ коляскѣ дамы глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ. Одна была старуха, другая молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ. Хорошенькій овалъ лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко, и, подобно ему, бѣлѣлъ какою-то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, только что снесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ испытующей его ключницы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца; ея тоненькія ушки также сквозили, рдѣя проникавшимъ ихъ теплымъ свѣтомъ; при этомъ испугъ въ открытыхъ, остановившихся устахъ, на глазахъ слезы — все это въ ней было такъ мило, что герой нашъ глядѣлъ на нее нѣсколько минутъ, не обра-

щая никакого вниманія на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами. »Отсаживай что ли, Нижегородская ворона!« кричалъ чужой кучеръ. Селифанъ потянулъ поводья назадъ, чужой кучеръ сдѣлалъ тоже, лошади нѣсколько попятились назадъ и потомъ опять сшиблись, переступивши постромки. При этомъ обстоятельствѣ чубарому коню такъ понравилось новое знакомство, что онъ никакъ не хотѣлъ выходить изъ колеи, въ которую попалъ непредвидѣнными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего новаго пріятеля, казалось, что-то нашептывалъ ему въ самое ухо, вѣроятно, чепуху страшную, потому что пріѣзжій безпрестанно встряхивалъ ушами.

На такую сумятицу успѣли, однакожъ, собраться мужики изъ деревни, которая была, къ счастію, неподалеку. Такъ какъ подобное зрѣлище для мужика сущая благодать, всё равно, что для Нѣмца газеты, или клубъ, то скоро около экипажа накопилась ихъ бездна, и въ деревнѣ остались только старыя бабы да малые ребята. Постромки отвязали; нѣсколько тычковъ чубарому коню въ морду заставили его попятиться; словомъ, ихъ разрознили и развели. Но досада ли, которую почувствовали пріѣзжіе кони за то, что разлучили ихъ съ пріятелями, или, просто, дурь, — сколько ни хлысталъ ихъ кучеръ, они не двигались и стояли, какъ вкопанные. Участіе мужиковъ возрасло до невѣроятной степени. Каждый наперерывъ совался съ совѣтомъ: »Ступай, Андрюшка, проведи-ка ты пристяжного, что̀ съ правой стороны, а дядя Митяй пусть сядетъ верхомъ на коренного! Сядись, дядя Митя́й!« Сухощавый и длинный дядя Митяй, съ рыжей бородой, взобрался на коренного коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую колокольню, или, лучше, на крючокъ, которымъ достаютъ воду въ колодцахъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, но не тутъ-то было: ничего не пособилъ дядя Митяй. »Стой, стой! кричали мужики, садись-ка ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядетъ дядя Миняй!« Дядя́ Миняй, широкоплечій мужикъ, съ чорною какъ уголь бородою и брюхомъ, похожимъ на тотъ исполинскій самоваръ, въ которомъ варится сбитень для всего прозябнувшаго рынка, съ охотою сѣлъ на коренного, который чуть не пригнулся подъ нимъ до земли. »Теперь дѣло пойдетъ«, кричали мужики. »Накаливай, накаливай его! при-

шпандорь кнутомъ вонъ того-то солового,—что онъ корячется, какъ корамора [1]!« Но, увидѣвши, что дѣло не шло, и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сѣли оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. Наконецъ кучеръ, потерявши терпѣніе, прогналъ и дядю Митяя, и дядю Миняя; и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ лошадей пошелъ такой паръ, какъбудтобы онѣ отхватали, не переводя духа, станцію. Онъ далъ имъ минуту отдохнуть, послѣ чего онѣ пошли сами собою. Во все продолженіе этой продѣлки Чичиковъ глядѣлъ очень внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько разъ съ нею заговорить, но какъ-то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка, съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ, скрылась какъ что-то похожее на видѣнье, и опять остались — дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ-бы ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ хоть разъ встрѣтится на пути человѣку явленье, непохожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперегъ какимъ-бы ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ, неожиданно пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, невидавшей ничего, кромѣ сельской телеги, и долго мужики стоятъ, зѣвая, съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка тоже вдругъ, совершенно неожиданнымъ образомъ, показалась въ нашей повѣсти и такъ же скрылась. Попадись на ту пору вмѣсто Чичикова какой-нибудь двадцатилѣтній юноша — гусаръ ли онъ, студентъ ли онъ, или, просто,

(1) *Корамора* — большой, длинный, вялый комаръ; иногда залетаетъ въ комнату и торчитъ гдѣ-нибудь одиночкой на стѣнѣ. Къ нему можно спокойно подойти и ухватить его за ногу, въ отвѣтъ на что, онъ только топырится, или корячится, какъ говоритъ народъ.

только что начавшій жизненное поприще — и, Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило въ немъ! Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безсмысленно очи въ даль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры и распеканья за промедленіе, позабывъ и себя, и службу, и міръ, и все, что ни есть въ мірѣ.

Но герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и осмотрительно-охлажденнаго характера. Онъ тоже задумался и думалъ, но положительнѣе: не такъ безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. »Славная бабёшка!« сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табаку. »Но вѣдь что, главное, въ ней хорошо? Хорошо то, что она сей-часъ только, какъ видно, выпущена изъ какого-нибудь пансіона, или института, что въ ней, какъ говорится, нѣтъ еще ничего бабьяго, то есть, именно того, что у нихъ есть самаго непріятнаго. Она теперь, какъ дитя, все въ ней просто, она скажетъ, что ей вздумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нея все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выдти и дрянь, — и выдетъ дрянь! Вотъ пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнятъ всякимъ бабьёмъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возмется и надутость, и чопорность; станетъ ворочаться по вытверженнымъ наставленіямъ, станетъ ломать голову и придумывать, съ кѣмъ и какъ, и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть; всякую минуту будетъ бояться, чтобы не сказать больше, чѣмъ нужно, запутается наконецъ сама, и кончится тѣмъ, что станетъ наконецъ врать всю жизнь, и выдетъ, просто, чортъ знаетъ что!« Здѣсь онъ нѣсколько времени помолчалъ и потомъ прибавилъ: »А любопытно бы знать, чьихъ она? что, какъ ея отецъ? богатый ли помѣщикъ почтеннаго нрава, или просто благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь, если положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выдти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка.« Двѣсти тысячонокъ такъ привлекательно стали рисоваться въ головѣ его, что онъ внутренно началъ досадовать на самого себя, зачѣмъ, въ продолженіе хлопотни около экипажей, не

развѣдалъ отъ форейтора, или кучера, кто такія были проѣзжающія. Скоро, однакожъ. показавшаяся деревня Собакевича разсѣяла его мысли и заставила ихъ обратиться къ постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла, одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди виднѣлся деревяный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темносѣрыми, или, лучше, дикими стѣнами; домъ — въ родѣ тѣхъ, какъ у насъ строятъ для военныхъ поселеній и Нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ — удобства и, какъ видно, въ слѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну съ боку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревяною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. (На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе.) Деревенскія избы мужиковъ тожъ срублены были на диво: не было кирченыхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но (все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ.) Даже колодецъ былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли. Словомъ, все, на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна почти въ одно время два лица: женское въ чепцѣ, узкое, длинное какъ огурецъ, и мужское круглое, широкое, какъ Молдованскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя, и подмигивающаго и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошеихъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго треньканья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей въ сѣрой

куртке съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и ввелъ Чичикова въ сени, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидевъ гостя, онъ сказалъ отрывисто: »Прошу!« и повелъ его во внутреннiя жилья.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медведя. Для довершенiя сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвежьяго цвета, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ и вкривь, и вкось, и наступалъ безпрестанно на чужiя ноги. Цветъ лица имелъ каленый, горячiй, какой бываетъ на медномъ пятаке. Известно, что есть много на свете такихъ лицъ, надъ отделкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча; хватила топоромъ разъ—вышелъ носъ, хватила въ другой—вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на светъ, сказавши: »живетъ!« Такой же самый крепкiй и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его более внизъ, чемъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, редко глядел ъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медведь! совершенный медведь! Нужно же такое странное сближенiе: его даже звали Михаиломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно передвигалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грехъ и тотъ же часъ спросилъ: »Не побезпокоилъ ли я васъ?« Но Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого безпокойства.

Вошедъ въ гостиную, Собакевичъ показалъ на кресло, сказавши опять: »Прошу!« Садясь, Чичиковъ взглянулъ на стены и на висевшiя на нихъ картины. На картинахъ всё были молодцы, всё Греческiе полководцы, гравированные во весь ростъ: Маврокордато въ красныхъ панталонахъ и мундире, съ очками на носу, Мiаули, Канари. Все эти герои были съ такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу. Между крепкими Греками, неизвестно, какимъ образомъ и для чего, поместился

Багратіонъ, тощій, худенькій, съ маленькими знаменами и пушками внизу и въ самыхъ узенькихъ рамкахъ. Потомъ опять слѣдовала героиня Греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше туловища тѣхъ щеголей, которые наполняютъ нынѣшнія гостинныя. (Хозяинъ, будучи самъ человѣкъ здоровый и крѣпкій, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали тоже люди крѣпкіе и здоровые.) Возлѣ Бобелины, у самого окна, висѣла клѣтка, изъ которой глядѣлъ дроздъ темнаго цвѣта съ бѣлыми крапинками, очень похожій тоже на Собакевича. Гость и хозяинъ не успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостинной отворилась, и вошла хозяйка, дама высокая, въ чепцѣ съ лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо какъ пальма.

«Это моя Ѳеодулія Ивановна!« сказалъ Собакевичъ.

Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны, которую она почти впихнула ему въ губы, при чемъ онъ имѣлъ случай замѣтить, что руки были вымыты огуречнымъ разсоломъ.

»Душенька, рекомендую тебѣ«, продолжалъ Собакевичъ: »Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! У губернатора и почтмейстера имѣлъ честь познакомиться.«

Ѳеодулія Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: »Прошу!« и сдѣлавъ движеніе головою, подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ. За тѣмъ она усѣлась на диванѣ, накрылась своимъ мериносовымъ платкомъ и уже не двигнула болѣе ни глазомъ, ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидѣлъ Канари съ толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда въ клѣткѣ.

Почти въ теченіе цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрозда о дерево деревяной клѣтки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату, и все, что въ ней ни было, все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени и имѣло какое-то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома; въ углу гостинной стояло пузатое орѣховое бюро на препелѣныхъ четырехъ ногахъ — совершенный медвѣдь; столъ, кресла, стулья — все было самаго тяжелаго и безпокойнаго свойства; словомъ, каждый

предметъ, каждый стулъ, казалось, говорилъ: »И я тоже Собакевичъ! «или: »И я тоже очень похожъ на Собакевича!«

»Мы объ васъ вспоминали у предсѣдателя палаты, у Ивана Григорьевича«, сказалъ наконецъ Чичиковъ, видя, что никто не располагается начинать разговора, »въ прошедшій четвергъ. Очень пріятно провели тамъ время.«

»Да, я не былъ тогда у предсѣдателя«, отвѣчалъ Собакевичъ.

»А прекрасный человѣкъ!«

»Кто такой?« сказалъ Собакевичъ, глядя на уголъ печи.

»Предсѣдатель.«

»Ну, можетъ быть это вамъ такъ показалось: онъ только, что массонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ.«

Чичиковъ немного озадачился такимъ отчасти рѣзкимъ опредѣленіемъ, но потомъ, поправившись, продолжалъ: »Конечно, всякій человѣкъ не безъ слабостей, но зато губернаторъ — какой превосходный человѣкъ!«

»Губернаторъ превосходный человѣкъ?«

»Да, не правда ли?«.

»Первый разбойникъ въ мірѣ!«

»Какъ, губернаторъ разбойникъ!» сказалъ Чичиковъ, и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники. »Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ«, продолжалъ онъ. »Но позвольте, однакоже, замѣтить: поступки его совершенно не такіе; напротивъ, скорѣе даже мягкости въ немъ много.« Тутъ онъ привелъ въ доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался съ похвалою объ ласковомъ выраженіи лица его.

»И лицо разбойничье!« сказалъ Собакевичъ. »Дайте ему только ножъ, да выпустите его на большую дорогу, зарѣжетъ, за копѣйку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ — это Гога и Магога!

»Нѣтъ, онъ съ ними не въ-ладахъ«, подумалъ про-себя Чичиковъ. »А вотъ заговорю я съ нимъ объ полиціймейстерѣ? онъ, кажется, другъ его. — Впрочемъ, что до меня«, сказалъ онъ, »мнѣ, признаюсь, болѣе всѣхъ нравится полицеймейстеръ. Какой-то этакой характеръ прямой, открытый; въ лицѣ видно что-то простосердечное.«

»Мошенникъ!« сказалъ Собакевичъ очень хладнокрово: »продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами! Я ихъ знаю всѣхъ. это всё мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ Христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ — прокуроръ; да и тотъ, если сказать правду, свинья.«

Послѣ такихъ похвальныхъ, хотя нѣсколько краткихъ біографій. Чичиковъ увидѣлъ, что о другихъ чиновникахъ нечего упоминать, и вспомнилъ, что Собакевичъ не любилъ ни о комъ хорошо отзываться.

»Чтò жъ, душенька? пойдемъ обѣдать«, сказала Собакевичу его супруга.

»Прошу!« сказалъ Собакевичъ. За симъ, подошедши къ столу, гдѣ была закуска, гость и хозяинъ выпили, какъ слѣдуетъ, порюмкѣ водки, закусили, какъ закусываетъ вся пространная Россія по городамъ и деревнямъ, то есть, всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли всѣ въ столовую; впереди ихъ, какъ плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. На четвертое мѣсто явилась очень скоро — трудно сказать утвердительно, кто такая, дама, или дѣвица, родственница, домоводка, или просто проживающая въ домѣ, — что-то безъ чепца, около тридцати лѣтъ, въ пестромъ платкѣ. Есть лица, которыя существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки, или пятнышки на предметѣ. Сидятъ они на томъ же мѣстѣ, одинаково держатъ голову, ихъ почти готовъ принять за мебель и думаешь, что отъ роду еще не выходило слово изъ такихъ устъ; а гдѣ-нибудь въ дѣвичьей, или въ кладовой, окажется просто — ого-го!

»Щи, моя душа, сегодня очень хороши«, сказалъ Собакевичъ, хлебнувши щей и отваливши себѣ съ блюда огромный кусокъ няни, извѣстнаго блюда, которое подается къ щамъ и состоитъ изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневой кашей, мозгомъ и ножками. »Эдакой няни«, продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову, »вы не будете ѣсть въ городѣ: тамъ вамъ чортъ знаетъ чтò подадутъ!«

»У губернатора, однакожъ, недуренъ столъ«, сказалъ Чичиковъ.

»Да знаете ли, изъ чего это все готовится? вы ѣсть не станете, когда узнаете.«

»Не знаю, какъ приготовляется, объ этомъ не могу судить; но свинныя котлеты и разварная рыба были превосходны.«

»Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, что̀ они на рынкѣ покупаютъ. Купитъ вонъ тотъ каналья, поваръ, что̀ выучился у Француза, кота, обдеретъ его да и подастъ на столъ вмѣсто зайца.«

»Фу, какую ты непріятность говоришь!« сказала супруга Собакевича.

»А что̀ жъ, душенька? такъ у нихъ дѣлается; я не виноватъ, такъ у нихъ у всѣхъ дѣлается. Все, что̀ ни есть ненужнаго, что̀ Акулька у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лохань, они его въ супъ, — да, въ супъ! туда его!«

»Ты за столомъ всегда эдакое разскажешь«, возразила опять супруга Собакевича.

»Что̀ жъ, душа моя?« сказалъ Собакевичъ: »если бъ я самъ это дѣлалъ... но я тебѣ прямо въ глаза скажу, что я гадостей не стану ѣсть. Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ея въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что̀ устрица похожа. Возьмите барана«, продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову; »это бараній бокъ съ кашей! Это не тѣ фрикасе, что̀ дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется! Это всё выдумали доктора Нѣмцы да Французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это! Выдумали діету — лѣчить голодомъ! Что у нихъ Нѣмецкая жидкокостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ Русскимъ желудкомъ сладятъ! Нѣтъ, это всё не то, это всё выдумки, это всё....« Здѣсь Собакевичъ даже сердито покачалъ головою. »Толкуютъ просвѣщенье, просвѣщенье, а это просвѣщенье — фукъ! Сказалъ бы и другое слово, да вотъ только что за столомъ неприлично. У меня не такъ. У меня, когда свинина — всю свинью давай на столъ, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ.« Собакевичъ подтвердилъ это дѣломъ: онъ опрокинулъ половину бараньяго бока къ себѣ на тарелку, съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки.

»Да«, подумалъ Чичиковъ, »у этого губа не дура.«

»У меня не такъ«, говорилъ Собакевичъ, вытирая салфеткою руку; »у меня не такъ, какъ у какого-нибудь Плюшкина: 800 душъ имѣетъ, а живетъ и обѣдаетъ хуже моего пастуха.«

»Кто такой этотъ Плюшкинъ?« спросилъ Чичиковъ.

»Мошенникъ!« отвѣчалъ Собакевичъ. »Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ: всѣхъ людей переморилъ голодомъ.«

»Вправду!« подхватилъ съ участіемъ Чичиковъ, »и вы говорите, что у него точно люди умираютъ въ большомъ количествѣ?«

»Какъ мухи мрутъ.«

»Неужели, какъ мухи! А позвольте спросить, какъ далеко живетъ онъ отъ васъ?«

»Въ пяти верстахъ.«

«Въ пяти верстахъ!« воскликнулъ Чичиковъ и даже почувствовалъ небольшое сердечное біеніе. »Но если выѣхать изъ вашихъ воротъ, это будетъ направо, или налѣво?«

»Я вамъ даже не совѣтую дороги знать къ этой собакѣ!« сказалъ Собакевичъ. »Извинительнѣй сходить въ какое-нибудь непристойное мѣсто, чѣмъ къ нему.«

»Нѣтъ, я спросилъ не для какихъ-либо... а потому только, что интересуюсь познаніемъ всякаго рода мѣстъ«, отвѣчалъ на это Чичиковъ.

За бараньимъ бокомъ послѣдовали ватрушки, изъ которыхъ каждая была гораздо больше тарелки, потомъ индюкъ ростомъ въ теленка, набитый всякимъ добромъ: яйцами, рисомъ, печенками и ни вѣсть чѣмъ, что̀ все ложилось комомъ въ желудкѣ. Этимъ обѣдъ и кончился; но, когда встали изъ-за стола, Чичиковъ почувствовалъ въ себѣ тяжести на цѣлый пудъ больше. Пошли въ гостиную, гдѣ уже очутилось на блюдечкѣ варенье, — ни груша, ни слива, ни иная ягода, — до котораго, впрочемъ, не дотронулись ни гость, ни хозяинъ. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы накласть его и на другія блюдечки. Воспользовавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который, лежа въ креслахъ, только покряхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ

ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою. Чичиковъ обратился къ нему съ такими словами: »Я хотѣлъ бы поговорить съ вами объ одномъ дѣльцѣ.«

»Вотъ еще варенье!« сказала хозяйка, возвращаясь съ блюдечкомъ: »рѣдька вареная въ меду!«

»А вотъ мы его послѣ!« сказалъ Собакевичъ. »Ты ступай теперь въ свою комнату, мы съ Павломъ Ивановичемъ скинемъ фраки, маленько пріотдохнемъ.«

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяинъ сказалъ: »Ничего, мы отдохнемъ въ креслахъ«, и хозяйка ушла.

Собакевичъ слегка принагнулъ голову, приготовляясь слушать, въ чемъ было дѣльцо.

Чичиковъ началъ какъ-то очень отдаленно, коснулся вообще всего Русскаго государства и отозвался съ большою похвалою объ его пространствѣ, сказалъ, что даже сама древняя Римская монархія не была такъ велика и иностранцы справедливо удивляются.... (Собакевичъ всё слушалъ, наклонивши голову) и что по существующимъ положеніямъ этого государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизкія души, окончивши жизненное поприще, числятся, однакожъ, до подачи новой ревизской сказки, наравнѣ съ живыми, хотя въ замѣнъ того и вновь родившіяся не вносятся въ подушные списки, чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и не увеличить сложности и безъ того уже весьма сложнаго, государственнаго механизма.... (Собакевичъ всё слушалъ, наклонивши голову) и что однакоже, при всей справедливости этой мѣры, она бываетъ отчасти тягостна для многихъ владѣльцевъ, обязывая ихъ взносить подати, такъ какъ-бы за живой предметъ, и что онъ, чувствуя уваженіе личное къ нему, готовъ бы даже отчасти принять на себя эту дѣйствительно тяжелую обязанность. На-счетъ главнаго предмета Чичиковъ выразился очень осторожно: никакъ не назвалъ души умершими, а только несуществующими.

Собакевичъ слушалъ всё по прежнему, нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выраженіе показалось на лицѣ его. Казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была,

но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а, какъ у безсмертнаго Кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что̀ ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности.

»Итакъ?...« сказалъ Чичиковъ, ожидая не безъ нѣкотораго волненія отвѣта.

»Вамъ нужно мертвыхъ душъ?« спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ-бы рѣчь шла о хлѣбѣ.

»Да«, отвѣчалъ Чичиковъ и опять смягчилъ выраженіе, прибавивши: »несуществующихъ.«

»Найдутся; почему не быть?« сказалъ Собакевичъ.

»А если найдутся, то вамъ, безъ сомнѣнія.... будетъ пріятно отъ нихъ избавиться?«

»Извольте, я готовъ продать«, сказалъ Собакевичъ, уже нѣсколько приподнявши голову и смекнувши, что покупщикъ, вѣрно, долженъ имѣть здѣсь какую-нибудь выгоду.

»Чортъ возьми!« подумалъ Чичиковъ про-себя: »этотъ ужъ продастъ прежде, чѣмъ я заикнулся!« и проговорилъ вслухъ: »А, напримѣръ, какъ же цѣна? хотя, впрочемъ, это та̀кой предметъ.... что о цѣнѣ даже странно...«

»Да чтобы не запрашивать съ васъ лишняго, по сту рублей за штуку«, сказалъ Собакевичъ.

»По сту!« вскричалъ Чичиковъ, разинувъ ротъ и поглядѣвши ему въ самые глаза, не зная, самъ ли онъ ослышался, или языкъ Собакевича, по своей тяжелой натурѣ, не такъ поворотившись, брякнулъ, вмѣсто одного, другое слово.

»Что̀ жъ, развѣ это для васъ дорого?« произнесъ Собакевичъ, и потомъ прибавилъ: »А какая бы, однакожъ, ваша цѣна?«

»Моя цѣна! Мы, вѣрно, какъ-нибудь ошиблись, или не понимаемъ другъ друга, позабыли, въ чемъ состоитъ предметъ. Я полагаю съ своей стороны, положа руку на сердце: по восьми гривенъ за душу, это самая красная цѣна!«

»Экъ куда хватили! по восьми гривенокъ!«

»Что̀ жъ? по моему сужденію, какъ я думаю, больше нельзя.«

»Вѣдь я продаю не лапти.«

»Однакожъ, согласитесь сами, вѣдь это тоже и не люди.«

»Такъ вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вамъ продалъ по двугривенному ревизскую душу?«

»Но позвольте: зачѣмъ вы ихъ называете ревизскими? Вѣдь души-то самыя давно уже умерли, остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ. Впрочемъ, чтобы не входить въ дальнѣйшіе разговоры по этой части, по полтора рубли извольте дамъ, а больше не могу.«

»Стыдно вамъ и говорить такую сумму! вы торгуйтесь, говорите настоящую цѣну.«

»Не могу, Михаилъ Семеновичъ, повѣрьте моей совѣсти, не могу: чего ужъ невозможно сдѣлать, того невозможно сдѣлать«, говорилъ Чичиковъ, однакожъ по полтинкѣ еще прибавилъ.

»Да чего вы скупитесь?« сказалъ Собакевичъ: »право, не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянь, а не души; а у меня, чтὸ ядреный орѣхъ, всѣ на-отборъ: не мастеровой, такъ иной какой-нибудь здоровый мужикъ. Вы разсмотрите: вотъ, напримѣръ, каретникъ Михѣевъ! вѣдь больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорные. И не то, какъ бываетъ Московская работа, чтὸ на одинъ часъ: прочность такая... самъ и обобьетъ, и лакомъ покроетъ!«

Чичиковъ открылъ ротъ съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что Михѣева, однакоже, давно нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевичъ вошелъ, какъ говорится, въ самую силу рѣчи: откуда взялась рысь и даръ слова

»А Пробка Степанъ, плотникъ! я голову прозакладую, если вы гдѣ сыщете такого мужика. Вѣдь чтὸ за силища была! Служи онъ въ гвардіи — ему бы, Богъ знаетъ, чтὸ дали: трехъ аршинъ съ вершкомъ ростомъ!«

Чичиковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевича, какъ видно, пронесло: полились такіе потоки рѣчей, что только нужно было слушать.

»Милушкинъ кирпичникъ! могъ поставить печь въ какомъ угодно домѣ. Максимъ Телятниковъ, сапожникъ: что шиломъ кольнетъ, то и сапоги, что сапоги; то и спасибо, и хоть бы въ ротъ хмѣльного. А Еремей Сорокоплёхинъ! да этотъ мужикъ одинъ станетъ за всѣхъ: въ Москвѣ торговалъ, одного оброку приносилъ

по пяти сотъ рублей. Вѣдь вотъ какой народъ! Это не то, что вамъ продастъ какой-нибудь Плюшкинъ.«

»Но позвольте«, сказалъ наконецъ Чичиковъ, изумленный такимъ обильнымъ наводненіемъ рѣчей, которымъ, казалось, и конца не было: »за чѣмъ вы исчисляете всѣ ихъ качества? Вѣдь въ нихъ толку теперь нѣтъ никакого, вѣдь это всё народъ мертвый. *Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай*, говоритъ пословица.«

»Да, конечно, мертвые«, сказалъ Собакевичъ, какъ-бы одумавшись и припомнивъ, что они въ самомъ дѣлѣ были уже мертвые, а потомъ прибавилъ: »впрочемъ и то сказать, что изъ этихъ людей, которые числятся теперь живущими? что это за люди? мухи, а не люди!«

»Да всё же они существуютъ, а это вѣдь мечта.«

»Ну, нѣтъ, не мечта! Я вамъ доложу, каковъ былъ Михѣевъ, такъ вы такихъ людей не сыщете: машинища такая, что въ эту комнату не войдетъ...: нѣтъ, это не мечта! А въ плечищахъ у него была такая силища, какой нѣтъ у лошади. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ бы вы въ другомъ мѣстѣ нашли такую мечту?« Послѣднія слова онъ уже сказалъ, обратившись къ висѣвшимъ на стѣнѣ портретамъ Багратіона и Колокотрони, какъ обыкновенно случается съ разговаривающими, когда одинъ изъ нихъ вдругъ, неизвѣстно почему, обратится не къ тому лицу, къ которому относятся слова, а къ какому-нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, отъ котораго знаетъ, что не услышитъ ни отвѣта, ни мнѣнія, ни подтвержденія, но на котораго, однакожъ, такъ устремитъ взглядъ, какъ-будто призываетъ его въ посредники, — и нѣсколько смѣшавшійся въ первую минуту незнакомецъ не знаетъ, отвѣчать ли ему на то дѣло, о которомъ ничего не слышалъ, или такъ постоять, соблюдши надлежащее приличіе, и потомъ уже уйти прочь.

»Нѣтъ, больше двухъ рублей я не могу дать«, сказалъ Чичиковъ.

»Извольте, чтобъ не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сдѣлать вамъ никакого одолженія, извольте по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнаціями, — право, только для знакомства!«

»Что онъ въ самомъ дѣлѣ?« подумалъ про-себя Чичиковъ: »за дурака, что ли, принимаетъ меня!« и прибавилъ потомъ вслухъ: »Мнѣ странно, право! кажется, между нами происходитъ какое-то театральное представленіе, или комедія: иначе я не могу себѣ объяснить.... Вы, кажется, человѣкъ довольно умный, владѣете свѣдѣніями образованности. Вѣдь предметъ просто — фу, фу! Что жъ онъ стоитъ? кому нуженъ?«

»Да, вотъ, вы же покупаете; стало быть нуженъ.«

Здѣсь Чичиковъ закусилъ губу и не нашелся, что отвѣчать. Онъ сталъ было говорить про какія-то обстоятельства фамильныя и семейственныя, но Собакевичъ отвѣчалъ просто:

»Мнѣ не нужно знать, какія у васъ отношенія: я въ дѣла фамильныя не мѣшаюсь, это ваше дѣло. Вамъ понадобились души, я и продаю вамъ, и будете раскаяваться, что не купили.

»Два рублика«, сказалъ Чичиковъ.

»Экъ, право! *затвердила сорока Якова — одно про всякаго*, какъ говоритъ пословица: какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать. Вы давайте настоящую цѣну!«

»Ну, ужъ чортъ его побери!« подумалъ про-себя Чичиковъ: »по полтинѣ ему прибавлю, собакѣ, на орѣхи! — Извольте, по полтинѣ прибавлю.«

»Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово: пятьдесятъ рублей! Право, убытокъ себѣ, дешевле нигдѣ не купите такого хорошаго народа!«

»Экой кулакъ!« сказалъ про-себя Чичиковъ, и потомъ продолжалъ вслухъ съ нѣкоторою досадою: »Да что въ самомъ дѣлѣ?... какъ-будто точно серьезное дѣло; да я въ другомъ мѣстѣ ни по чемъ возьму. Еще мнѣ всякій съ охотой сбудетъ ихъ, чтобы только поскорѣй избавиться. Дуракъ развѣ станетъ держать ихъ при себѣ и платить за нихъ подати!«

»Но знаете-ли, что такого рода покупки — я это говорю между нами, по дружбѣ — не всегда позволительны, и разскажи я, или кто иной — такому человѣку не будетъ никакой довѣренности относительно контрактовъ, или вступленія въ какія-нибудь выгодныя обязательства.«

»Вишь куды метитъ, подлецъ!« подумалъ Чичиковъ, и тутъ же произнесъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ: »Какъ вы себѣ хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, какъ вы думаете, а такъ, по наклонности собственныхъ мыслей. Два съ полтиною не хотите — прощайте!«

»Его не собьешь, неподатливъ!« подумалъ Собакевичъ. »Ну, Богъ съ вами, давайте по тридцати и берите ихъ себѣ!«

»Нѣтъ, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!«

»Позвольте, позвольте!« сказалъ Собакевичъ, не выпуская его руки и наступивъ ему на ногу, ибо герой нашъ позабылъ поберечься, въ наказанье за что̀ долженъ былъ зашипѣть и подскочить на одной ногѣ.

»Прошу прощенья! я, кажется, васъ побезпокоилъ. Пожалуйте, садитесь сюда! прошу!« Здѣсь онъ усадилъ его въ кресла съ нѣкоторою даже ловкостію, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ рукахъ, умѣетъ и перевертываться и дѣлать разныя штуки на вопросы: »А покажи, Миша, какъ бабы парятся?« или: »А какъ, Миша, малые ребята горохъ крадутъ?«

»Право, я напрасно время трачу; мнѣ нужно спѣшить«

»Посидите одну минуточку, я вамъ сейчасъ скажу одно пріятное для васъ слово.« Тутъ Собакевичъ подсѣлъ поближе и сказалъ ему тихо на ухо, какъ-будто секретъ: »Хотите — уголъ?«

»То есть, двадцать пять рублей? Ни, ни, ни! даже четверти угла не дамъ, копейки не прибавлю.«

Собакевичъ замолчалъ; Чичиковъ тоже замолчалъ. Минуты двѣ длилось молчаніе. Багратіонъ съ орлинымъ носомъ глядѣлъ со стѣны чрезвычайно внимательно на эту покупку.

»Какая же ваша будетъ послѣдняя цѣна?« сказалъ наконецъ Собакевичъ.

»Два съ полтиною.«

»Право, у васъ душа человѣческая всё равно̀, что̀ пареная рѣпа. Ужъ хоть по три рубли дайте!«

»Не могу.«

»Ну, нечего съ вами дѣлать, извольте! Убытокъ, да ужъ нравъ такой собачій: не могу не доставить удовольствія ближнему.

Вѣдь, я чай, нужно и купчую совершить, чтобъ все было въ порядкѣ?«

»Разумѣется.«

»Ну, вотъ то̀-то же; нужно будетъ ѣхать въ городъ.«

Такъ совершилось дѣло. Оба рѣшили, чтобы завтра же быть въ городѣ и управиться съ купчей крѣпостью. Чичиковъ попросилъ списочка крестьянъ. Собакевичъ согласился охотно и тутъ же, подошедъ къ бюро, собственноручно принялся выписывать всѣхъ не только поименно, но даже съ означеніемъ похвальныхъ качествъ.

А Чичиковъ, отъ нечего дѣлать, занялся, находясь позади, разсматриваньемъ всего просторнаго его оклада. Какъ взглянулъ онъ на его спину, широкую, какъ у Вятскихъ, приземистыхъ лошадей, и на ноги его, походившія на чугунныя тумбы, которыя ставятъ на тротуарахъ, — не могъ не воскликнуть внутренно: »Экъ наградилъ-то тебя Богъ! вотъ ужъ, точно, какъ говорятъ, неладно скроенъ, да крѣпко сшитъ!.. Родился ли ты ужъ такъ медвѣдемъ, или омедвѣдила тебя захолустная жизнь, хлѣбные посѣвы, возня съ мужиками, и ты черезъ нихъ сдѣлался то, что̀ называютъ человѣкъ-кулакъ? Но нѣтъ: я думаю, ты всё былъ бы тотъ же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ, пустили бы въ ходъ, и жилъ бы ты въ Петербургѣ, а не въ захолустьи. Вся разница въ томъ, что теперь ты упишешь полъ-бараньяго бока съ кашей, закусивши ватрушкою въ тарелку, а тогда бы ты ѣлъ какія-нибудь котлетки съ трюфелями. Да вотъ теперь у тебя подъ властью мужики: ты съ ними въ ладу и, конечно, ихъ не обидишь, потому что они твои, — тебѣ же будетъ хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои же крѣпостные, или грабилъ бы ты казну! Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ, или два пальца — выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки — дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку! Эхъ, если бы всѣ кулаки...!«

»Готова записка!« сказалъ Собакевичъ, оборотившись.

»Готова? пожалуйте ее сюда!« Онъ пробѣжалъ ее глазами и подивился аккуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, званіе, лѣта и семейное состояніе, но даже на поляхъ находились особенныя отмѣтки на-счетъ поведенія, трезвости, словомъ — любо было глядѣть.

»Теперь пожалуйте же задаточекъ«, сказалъ Собакевичъ.

»Къ чему же вамъ задаточекъ? Вы получите въ городѣ за однимъ разомъ всѣ деньги.«

»Всё, знаете, такъ ужъ водится«, возразилъ Собакевичъ.

»Не знаю, какъ вамъ дать: я не взялъ съ собою денегъ. Да, вотъ, десять рублей есть.«

»Что̀ жъ десять! дайте по крайней мѣрѣ хоть пятьдесятъ.«

Чичиковъ сталъ было отговариваться, что нѣтъ; но Собакевичъ такъ сказалъ утвердительно, что у него есть деньги, что онъ вынулъ еще бумажку, сказавши: »Пожалуй, вотъ вамъ еще пятнадцать, и того двадцать пять. Пожалуйте только росписку.«

»Да на что̀ жъ вамъ росписка?«

»Всё, знаете, лучше росписку. Не ровенъ часъ... всё можетъ случиться.«

»Хорошо, дайте же сюда деньги.«

»На что̀ жъ деньги? у меня вотъ онѣ въ рукѣ; какъ только напишете росписку, въ ту же минуту ихъ возьмете.«

»Да позвольте, какъ же мнѣ писать росписку? прежде нужно видѣть деньги.«

Чичиковъ выпустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который, приблизившись къ столу и накрывши ихъ пальцами лѣвой руки, другою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ двадцать пять рублей государственными ассигнаціями за проданныя души получилъ сполна. Написавши записку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи.

»Бумажка-то старенькая!« произнесъ онъ, разсматривая одну изъ нихъ на свѣтѣ; »немножко разорвана; ну, да между пріятелями нечего на это глядѣть.«

»Кулакъ, кулакъ!« подумалъ про-себя Чичиковъ, »да еще и бестія въ придачу!«

»А женскаго пола не хотите?«

»Нѣтъ, благодарю.«

»Я бы недорого и взялъ. Для знакомства, по рублику за штуку.«

»Нѣтъ, въ женскомъ полѣ не нуждаюсь.«

»Ну, когда не нуждаетесь, такъ нечего и говорить. На вкусы нѣтъ закона: *кто любитъ попа, а кто попадью*, говоритъ пословица.«

»Еще я хотѣлъ васъ попросить, чтобы эта сдѣлка осталась между нами«, говорилъ Чичиковъ прощаясь.

»Да ужъ само собою разумѣется. Третьяго сюда нечего мѣшать: что по искренности происходитъ между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной ихъ дружбѣ. Прощайте! Благодарю, что посѣтили; прошу и впередъ не забывать: коли выберется свободный часикъ, пріѣзжайте пообѣдать, время провести. Можетъ быть, опять случится услужить чѣмъ-нибудь другъ другу.«

»Да, какъ бы не такъ!« думалъ про-себя Чичиковъ, садясь въ бричку. »По два съ полтиною содралъ за мертвую душу, чортовъ кулакъ!«

Онъ былъ недоволенъ поведеніемъ Собакевича. Всё-таки, какъ бы то ни было, человѣкъ знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера видались, а поступилъ, какъ-бы совершенно чужой — за дрянь взялъ деньги. Когда бричка выѣхала со двора, онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что Собакевичъ всё еще стоялъ на крыльцѣ и, какъ казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поѣдетъ.

»Подлецъ, до сихъ поръ еще стоитъ!« проговорилъ онъ сквозь зубы, и велѣлъ Селифану, поворотивши къ крестьянскимъ избамъ, отъѣхать такимъ образомъ, чтобы нельзя было видѣть экипажа со стороны господскаго двора. Ему хотѣлось заѣхать къ Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали какъ мухи, но не хотѣлось, чтобы Собакевичъ зналъ про это. Когда бричка была уже на концѣ деревни, онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика, который, поднявши гдѣ-то на дорогѣ претолстое бревно, тащилъ его на плечѣ, подобно неутомимому муравью, къ себѣ въ избу.

»Эй, борода! а какъ проѣхать отсюда къ Плюшкину, такъ чтобъ не мимо господскаго дома?«

Мужикъ, казалось, затруднился симъ вопросомъ.

»Что жъ, не знаешь?«

»Нѣтъ, баринъ, не знаю.«

»Эхъ ты! А и сѣдымъ волосомъ еще подернуло! скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормитъ людей?«

»А! заплатанной, заплатанной!« вскрикнулъ мужикъ. Было имъ прибавлено и существительное къ слову *заплатанной*, очень удачное, но неупотребительное въ свѣтскомъ разговорѣ, а потому мы его пропустимъ. Впрочемъ можно догадываться, что оно выражено было очень мѣтко, потому что Чичиковъ, хотя мужикъ давно уже пропалъ изъ виду и много уѣхали впередъ, однакожъ всё еще усмѣхался, сидя въ бричкѣ. Выражается сильно Россійскій народъ! и если наградитъ кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта; и какъ ужъ потомъ ни хитри и ни облагороживай свое прозвище — ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное метко, всё равно, что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куды бываетъ метко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни Нѣмецкихъ, ни Чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а всё самъ-самородокъ, живой и бойкій Русскій умъ, что не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его, какъ насѣдка цыплятъ, а влѣпливаетъ съ-разу, какъ пашпортъ на вѣчную носку, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ, или губы: одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!

Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей, съ куполами, главами, крестами, разсыпано на святой благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ, толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ выражая какой ни есть, предметъ, отражаетъ въ выраженьи его часть собствен-

наго своего характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаньемъ жизни отзовется слово Британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово Француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно-худощавое слово Нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самого сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное Русское слово.

ГЛАВА VI.

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный, уѣздный городишка, село ли, слободка — любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ, извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинешенекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ, обывательскихъ домиковъ, круглый ли, правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города,—ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и, высунувши носъ изъ походной телеги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревяные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ Московскихъ конфектъ, глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ,—и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо —я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы посп-

дѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за раннiй ужинъ, съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ, въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ, или мальчикъ въ толстой курткѣ, принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ, домашнемъ подсвѣчникѣ? Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую, деревянную колокольню, или широкую, темную, деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшiе его сады и онъ покажется весь, съ своею, тогда, увы! вовсе непошлою наружностью; и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшою сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу?

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непрiютно, мнѣ не смѣшно, и то, что̀ пробудило бы въ прежнiе годы живое движенье въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безъучастное молчанiе хранятъ мои недвижныя уста. О моя юность! о моя свѣжесть!

Покамѣстъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и необерегшiйся ѣздокъ прiобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строенiяхъ: бревно на избахъ

было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ драньё и тёсъ, разсуждая, и конечно справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ ведро и сама не каплетъ, бабиться же въ ней не зачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, словомъ — гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой, или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ Русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже неживописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ, возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой, — опустѣвшая деревянная, и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями, сталъ выказываться господскій домъ и наконецъ глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, где цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною, городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, ка-

залось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею, или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колона; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка, или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце, превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самого края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ, подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и невполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда онѣ соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія

прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и даетъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ, или два поворота, герой нашъ очутился наконецъ передъ самимъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плесень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній—людскихъ, амбаровъ, погребовъ, видимо ветшавшихъ,—наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину, — ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома. Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телегою, покрытою рогожею, показавшійся какъ-бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телегѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура, баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. »Ой баба!« подумалъ онъ про-себя, и тутъ же прибавилъ: »Ой нѣтъ! — Конечно, баба!« наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

»Послушай, матушка«, сказалъ онъ, выходя изъ брички: »что баринъ?...«

»Нѣтъ дома«, прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: »А что вамъ нужно?«

»Есть дѣло.«

»Идите въ комнаты!« сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ-будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкапъ, съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и Китайскимъ фарфоромъ. На бюрѣ, выложенномъ перламутровою мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ на верху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка кресελъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву Французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный

арбузъ, кабанью морду и висѣвшую, головою внизъ, утку. Съ средины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожѣю на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что̀ погрубѣе и что̀ недостойно лежать на столахъ. Что̀ именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно; ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревяной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное убранство, отворилась боковая дверь, и взошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣньемъ, что̀ хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что̀ хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

»Что̀ жъ баринъ? у себя, что̀ ли?«

»Здѣсь хозяинъ«, сказалъ ключникъ.

»Гдѣ же?« повторилъ Чичиковъ.

»Что̀, батюшка, слѣпы-то, что̀ ли?« сказалъ ключникъ. »Эхва! А вить хозяинъ-то я!«

Здѣсь герой нашъ по неволѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть немало всякаго рода людей, — даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ дол-

женъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ, или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстухъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ; ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда неупотреблявшейся, — ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что̀ идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что̀ бы, казалось, нужна была Плюшкину такая

гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему—старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,—все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. »Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!« говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро, или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости! Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валильни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ, хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; на встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были

заняты квартирою учителя Француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ, или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яица, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревяной церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будтобы всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель-Французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась небезгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку. Весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что̀ называется въ простонародіи—шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и, чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую ми-

нуту, какъ-будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко, или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однакоже, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже

стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ-будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

Итакъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же, въ сосѣдствѣ, подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину Русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые, каменные домы съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеньями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями и плошками, оглашенный громомъ музыки, садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе, и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе, является чрезъ то ночное небо, и, далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ всё еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ,

онъ почувствовалъ, что слова: *добродѣтель* и *рѣдкія свойства души* можно съ успѣхомъ замѣнить словами: *экономія* и *порядокъ;* и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, ибо зубовъ не было, — что именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: »А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!« Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе: »Прошу покорнѣйше садиться! Я давненько не вижу гостей«, сказалъ онъ, »да признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія.... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась, — начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.«

»Вонъ оно какъ!« подумалъ про-себя Чичиковъ: »хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку, да ломоть бараньяго бока.«

»И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ!« продолжалъ Плюшкинъ. »Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ.... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по-міру!«

»Мнѣ, однакоже, сказывали«, скромно замѣтилъ Чичиковъ, »что у васъ болѣе тысячи душъ.«

»А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ; видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ баютъ — тысячи душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ.«

»Скажите! и много выморила?« воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

»Да, снесли многихъ.«

»А позвольте узнать, сколько числомъ?«

»Душъ восемьдесятъ.«

»Нѣтъ?«

»Не стану лгать, батюшка.«

»Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?«

»Это бы еще слава Богу«, сказалъ Плюшкинъ; »да ихъ-то, что съ того времени, до ста-двадцати наберется.«

»Вправду? цѣлыхъ сто двадцать?« воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

»Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу!« сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

»Да вѣдь соболѣзнованія въ карманъ не положишь«, сказалъ Плюшкинъ. »Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся! говоритъ — родственникъ. »Дядюшка, дядюшка!« и въ руку цѣлуетъ, а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, на смерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актриса выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ!«

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же, изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ: »Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?«

»Нѣтъ«, отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво, »служилъ по статской.«

»По статской?« повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ-будто что-нибудь кушалъ. »Да вѣдь какъ же? вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?«

»Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.«

»Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой!« вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. »Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! ахъ, Святители вы мои!....« Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревяномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ водить себя по верхней губѣ.

»Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать? и деньги будете выдавать мнѣ, или въ казну?«

»Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ-бы они были живые и какъ-бы вы ихъ мнѣ продали.«

»Да, купчую крѣпость....« сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. »Вѣдь вотъ купчую крѣпость — всё издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь, — такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманье. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что̀ ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.«

»Ну, ты, я думаю, устоишь!« подумалъ про-себя Чичиковъ, и произнесъ тутъ же, что изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а

вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ, однакожъ, не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: »Эй, Прошка!« Черезъ минуту было слышно, кто-то вбѣжалъ въ-попыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей двории, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время, и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

»Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа!« сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. « Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего?« Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. »Поставь самоваръ, — слышишь? да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, — чтобы подали его къ чаю!... Постой, куда же ты? дурачина! эхва, дурачина!... Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что̀ ли, чешется?... Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, поиспортился, такъ пусть соскоблитъ его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то — я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше!

Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. — Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять«, продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про-себя: »Вѣдь чортъ его знаетъ, можетъ быть, онъ просто хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить да напиться чаю, а потомъ и уѣдетъ!« А потому, изъ предосторожности, и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что, де, въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконецъ произнесъ: »Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ сливный ликерчикъ, если только не выпили: народъ — такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ?« Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. »Еще покойница дѣлала«, продолжалъ Плюшкинъ; »мошенница ключница совсѣмъ было его забросила, и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.«

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

»Пили уже и ѣли!« сказалъ Плюшкинъ. »Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми.... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: »Дядюшка«, говоритъ, »дайте чего-нибудь поѣсть!« А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть вѣрно нечего, такъ вотъ онъ шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть.« Плюшкинъ надѣлъ очки и

сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

»Въ городъ? Да какъ же?... а домъ-то какъ оставишь? Вѣдь у меня народъ или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить.«

»Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?«

»Да кого же знакомаго? Вѣдь мои знакомые перемерли, или раззнакомились... Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю!« вскричалъ онъ. »Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ! Какъ не знать? однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ не знакомый? ужъ такой знакомый! такъ ужъ не къ нему ли написать?«

»Конечно къ нему.«

»Какъ же? ужъ такой знакомый! въ школѣ были пріятели.«

И на этомъ деревяномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось — не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина, или утомленныя борeньемъ руки: появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

»Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги«, сказалъ онъ, »да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные!« Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и наконецъ закричалъ: »Мавра! а Мавра!« На зовъ явилась женщина

съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю, и между ними произошелъ такой разговоръ:

»Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?«

»Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.«

»А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.«

»Да на что жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю.«

»Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.«

»Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!«

»Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! вотъ посмотришь, какъ припекутъ!«

»Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.«

»А вотъ черти-то тебя и припекутъ! скажутъ: »А вотъ тебѣ, »мошенница, за то, что барина-то обманывала!« да горячими-то тебя и припекутъ!«

»А я скажу: »Не за что! ей Богу, не за что: не брала я...« Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!«

Плюшкинъ увидѣлъ точно четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ: »Ну, что жъ ты расходилась такъ? экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! ты схватишь сальную свѣчу; сало дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ко мнѣ лучинку!«

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бу-

магѣ, лѣпя скупо строка на строку, и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что всё еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ — не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: *Здѣсь погребенъ человѣкъ*; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

»А не знаете ли вы какого-нибудь вашего пріятеля«, сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо, »которому бы понадобились бѣглыя души?«

»А у васъ есть и бѣглыя?« быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

»Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говоритъ, будто и слѣдъ простылъ; но вѣдь онъ человѣкъ военный: мастеръ притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ....«

»А сколько ихъ будетъ числомъ?«

»Да десятковъ до семи тоже наберется.«

»Нѣтъ?«

»А ей Богу такъ! Вѣдь у меня, что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего.... А ужъ я бы за нихъ, что ни дай, взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.«

»Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ«, сказалъ про-себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана да уходить подалѣе; но что если онъ уже дѣйствительно

такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать.... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

»А сколько бы вы дали?« спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидовѣлъ; руки его задрожали, какъ ртуть.

»Я бы далъ по двадцати пяти копеекъ за душу.«

»А какъ, вы покупаете на чистыя?«

»Да, сейчасъ деньги.«

»Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копѣекъ.«

»Почтеннѣйшій!« сказалъ Чичиковъ: »не только по сорока копѣекъ, но пяти сотъ рублей заплатилъ бы! съ удовольствіемъ заплатилъ бы, потому что вижу — почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.«

»А ей Богу такъ! ей Богу правда!« сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ее. »Всё отъ добродушія.«

»Ну, видите ли? я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. Итакъ, почему жъ не дать бы мнѣ по пяти сотъ рублей за душу, но.... состоянья нѣтъ; по пяти копеекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копеекъ.«

»Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копейки пристегните.«

»По двѣ копеечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? Вы, кажется, говорили — семьдесятъ!«

»Нѣтъ, всего наберется семьдесятъ-восемь.«

»Семьдесятъ-восемь, семьдесятъ-восемь, по тридцати копѣекъ за душу, это будетъ....« здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе, подумалъ и сказалъ вдругъ: »это будетъ двадцать-четыре рубля девяносто-шесть копеекъ!« онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ же заставилъ онъ Плюшкина написать росписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ-будтобы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь разхлестать ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ тоже чрезвычайно осторожно въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено

быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣсть отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ быть, и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

»А что, вы ужъ собираетесь ѣхать?« сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не зачѣмъ болѣе мѣшкать. »Да, мнѣ пора!« произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

»А чайку?«

»Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда-нибудь въ другое время.«

»Какъ же? а я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? пусть его положитъ на то же мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я ужо снесу его самъ. Прощайте, батюшка, да благословитъ васъ Богъ! А письмо-то председателю вы отдайте. Да, пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! были съ нимъ однокорытниками!«

За симъ, это странное явленіе, этотъ съёжившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть; потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревяными лопатками въ пустой бочонокъ, на-мѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе. »Я ему подарю«, подумалъ онъ про-себя, »карманные часы: они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то, чтобы какіе-нибудь томпаковые, или бронзовые, — немножко поиспорчены, да вѣдь

онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ«, прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, »лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ.«

Но герой нашъ и безъ часовъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Такое неожиданное пріобрѣтеніе было сущій подарокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ни говори, не только однѣ мертвыя души, но еще и бѣглыя, и всего двѣсти слишкомъ человѣкъ! Конечно, еще подъѣзжая къ деревнѣ Плюшкина, онъ уже предчувствовалъ, что будетъ кое-какая пожива, но такой прибыточной никакъ не ожидалъ. Всю дорогу онъ былъ веселъ необыкновенно, посвистывалъ, наигрывалъ губами, приставивши ко рту кулакъ, какъ-будто игралъ на трубѣ, и наконецъ затянулъ какую-то пѣсню, до такой степени необыкновенную, что самъ Селифанъ слушалъ-слушалъ, и потомъ, покачавъ слегка головой, сказалъ: »Вишь ты, какъ баринъ поетъ!« Были уже густые сумерки, когда подъѣхали они къ городу. Тѣнь со свѣтомъ перемѣшалась совершенно и, казалось, самые предметы перемѣшалися тоже. Пестрый шлагбаумъ принялъ какой-то неопредѣленный цвѣтъ; усы у стоявшаго на часахъ солдата казались на лбу и гораздо выше глазъ, а носа какъ-будто не было вовсе. Громъ и прыжки дали замѣтить, что бричка въѣхала на мостовую. Фонари еще не зажигались, кое-гдѣ только начинались освѣщаться окна домовъ, а въ переулкахъ и закоулкахъ происходили сцены и разговоры, неразлучные съ этимъ временемъ во всѣхъ городахъ, гдѣ много солдатъ, извощиковъ, работниковъ и особеннаго рода существъ, въ видѣ дамъ въ красныхъ шаляхъ и башмакахъ безъ чулокъ, которыя, какъ летучія мыши, шныряютъ по перекресткамъ. Чичиковъ не замѣчалъ ихъ и даже не замѣтилъ многихъ тоненькихъ чиновниковъ съ тросточками, которые, вѣроятно, сдѣлавши прогулку за городомъ, возвращались домой. Изрѣдка доходили до слуха его какія-то, казалось, женскія восклицанія: »Врешь, пьяница, я никогда не позволяла ему такого грубіянства!« или: »Ты не дерись, невѣжа, а ступай въ часть, тамъ я тебѣ докажу!...« Словомъ, тѣ слова, которыя вдругъ обдадутъ какъ варомъ какого-нибудь замечтавша-

гося двадцати-лѣтняго юношу, когда, возвращаясь изъ театра, несетъ онъ въ головѣ Испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями. Чего нѣтъ, и что не грезится въ головѣ его? Онъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости — и вдругъ раздаются надъ нимъ, какъ громъ, роковыя слова, и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ, и даже на Сѣнной площади, и даже близъ кабака, и вновь пошла по будничному щеголять передъ нимъ жизнь.

Наконецъ бричка, сдѣлавши порядочный скачокъ, опустилась, какъ-будто въ яму, въ ворота гостинницы, и Чичиковъ былъ встрѣченъ Петрушкою, который одною рукою придерживалъ полу своего сюртука, ибо не любилъ, чтобы расходились полы, а другою сталъ помогать ему вылѣзать изъ брички. Половой тоже выбѣжалъ, со свѣчою въ рукѣ и салфеткою на плечѣ. Обрадовался ли Петрушка пріѣзду барина, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ они перемигнулись съ Селифаномъ, и обыкновенно суровая его наружность, на этотъ разъ, какъ-будто нѣсколько прояснилась.

»Долго изволили погулять«, сказалъ половой, освѣщая лѣстницу.

»Да«, сказалъ Чичиковъ, когда взошелъ на лѣстницу. »Ну, а ты что?«

»Слава Богу«, отвѣчалъ половой, кланяясь. »Вчера пріѣхалъ поручикъ какой-то военный, занялъ шестнадцатый номеръ.«

»Поручикъ?«

»Неизвѣстно какой, изъ Рязани, гнѣдыя лошади.«

»Хорошо, хорошо, веди себя и впередъ хорошо!« сказалъ Чичиковъ, и вошелъ въ свою комнату. Проходя переднюю, онъ покрутилъ носомъ и сказалъ Петрушкѣ: »Ты бы по крайней мѣрѣ хоть окна отперъ!«

»Да я ихъ отпиралъ«, сказалъ Петрушка, да и совралъ. Впрочемъ баринъ и самъ зналъ, что онъ совралъ, но ужъ не хотѣлъ ничего возражать. Послѣ сдѣланной поѣздки, онъ чувствовалъ сильную усталость. Потребовавши самый легкій ужинъ, состоявшій только въ поросенкѣ, онъ тотъ же часъ раздѣлся и, забравшись подъ одѣяло, заснулъ сильно, крѣпко, заснулъ чуднымъ образомъ, какъ спятъ одни только тѣ счастливцы, которые не вѣ-

даютъ ни гимороя, ни блохъ, ни слишкомъ сильныхъ умственныхъ способностей.

ГЛАВА VII.

Счастливъ путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги, съ ея холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станціонными смотрителями, бряканьями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами, видитъ наконецъ знакомую крышу съ несущимися навстрѣчу огоньками, и предстанутъ предъ нимъ знакомыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ на-встрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей, и успокоительныя тихія рѣчи, прерываемыя пылающими лобзаніями, властными истребить все печальное изъ памяти! Счастливъ семьянинъ, у кого есть такой уголъ; но горе холостяку!

Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который, изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы! Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди нихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца, отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ. Нѣтъ равнаго ему въ силѣ!... Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу

все, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ-часъ горькая и скучная дорога, — и, крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ на-встрѣчу шестнадцати-лѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и Божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ что равно чудны стекла, озирающія солнцы, и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю; безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей....

Въ дорогу! въ дорогу! прочь набѣжавшая на чело морщина и строгій сумракъ лица! Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь, со всей ея беззвучной трескотней и бубенчиками, и посмотримъ, что̀ дѣлаетъ Чичиковъ!

Чичиковъ проснулся, потянулъ руки и ноги и почувствовалъ, что выспался хорошо. Полежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ щелкнулъ рукою и вспомнилъ съ просіявшимъ лицомъ, что у него теперь безъ малаго четыреста душъ. Тутъ же вскочилъ онъ съ постели, не посмотрѣлъ даже на свое лицо, которое любилъ искренно и въ которомъ, какъ кажется, привлекательнѣе всего находилъ подбородокъ, ибо весьма часто хвалился имъ предъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, особливо, если это происходило во время бритья. »Вотъ, посмотри«, говорилъ онъ обыкновенно, поглаживая его рукою, »какой у меня подбородокъ: совсѣмъ круглый!« Но теперь онъ не взглянулъ ни на подбородокъ, ни на лицо, а прямо, такъ какъ былъ, надѣлъ сафьяные сапоги съ рѣзными выкладками всякихъ цвѣтовъ, какими бойко торгуетъ городъ Торжокъ, благодаря халатнымъ побужденьямъ Русской натуры, и, по-Шотландски, въ одной короткой рубашкѣ, позабывъ свою степенность и приличныя среднія лѣта, произвелъ по комнатѣ два прыжка, пришлепнувъ себя весьма ловко пяткой ноги. Потомъ, въ ту же минуту, приступилъ къ дѣлу: передъ шкатулкой потеръ руки съ такимъ же удовольствіемъ, какъ потираетъ ихъ выѣхавшій на слѣдствіе неподкупный земскій судъ, подходящій къ закускѣ, и тотъ же часъ вынулъ изъ нея бумаги. Ему хотѣлось поскорѣе кончить все, не откладывая въ долгій ящикъ. Самъ рѣшился онъ сочинить крѣпости, написать и переписать, чтобы не платить ничего подъячимъ. Форменный порядокъ былъ ему совершенно извѣстенъ: бойко выставилъ онъ большими буквами: *Тысяча восемьсотъ такого-то года*; потомъ вслѣдъ за тѣмъ мелкими: *помѣщикъ такой-то*, и все, что̀ слѣдуетъ. Въ два часа готово было все. Когда взглянулъ онъ потомъ на эти листики, на мужиковъ, которые точно были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали баръ, а можетъ быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладѣло имъ. Каждая изъ записочекъ какъ-будто

имѣла какой-то особенный характеръ, и чрезъ то, какъ-будтобы, самые мужики получали свой собственный характеръ. Мужики, принадлежавшіе Коробочкѣ, всѣ почти были съ придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостію въ слогѣ: часто были выставлены только начальныя слова именъ и отчествъ, и потомъ двѣ точки. Реестръ Собакевича поражалъ необыкновенною полнотою и обстоятельностію: ни одно изъ качествъ мужика не было пропущено; объ одномъ было сказано: »Хорошій столяръ«; къ другому приписано было: »Смыслитъ и хмѣльного не беретъ«. Означено было также обстоятельно, кто отецъ и кто мать, и какого оба были поведенія; у одного только какого-то Ѳедотова было написано: »Отецъ, не извѣстно, кто, а родился отъ дворовой дѣвки Капитолины, но хорошаго нрава и не воръ«. Всѣ сіи подробности придавали какой-то особенный видъ свѣжести: казалось, какъ-будто мужики еще вчера были живы. Смотря долго на имена ихъ, онъ умилился духомъ и, вздохнувши, произнесъ: »Батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! что̀ вы, сердечные мои, подѣлывали на вѣку своемъ? какъ перебивались?« И глаза его невольно остановились на одной фамиліи. Это былъ извѣстный Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, принадлежавшій когда-то помѣщицѣ Коробочкѣ. Онъ опять не утерпѣлъ, чтобъ не сказать: »Эхъ какой длинный! во всю строку разъѣхался! Мастеръ ли ты былъ, или просто мужикъ, и какою смертью тебя прибрало? въ кабакѣ ли, или середи дороги переѣхалъ тебя сонный неуклюжій обозъ? — Коробка Степанъ, *плотникъ, трезвости примѣрной*. — А, вотъ онъ, Степанъ Пробка, вотъ тотъ богатырь, что̀ въ гвардію годился бы! Чай, всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за поясомъ и сапогами на плечахъ, съѣдалъ на грошъ хлѣба, да на два сушеной рыбы, а въ мошнѣ, чай, притаскивалъ всякій разъ домой цѣлковиковъ по сту, а можетъ, и ассигнацію зашивалъ въ холстяные штаны, или затыкалъ въ сапогъ! Гдѣ тебя прибрало? Взмостился ли ты для бо́льшаго прибытку на колокольню и, поскользнувшись оттуда съ перекладины, шлепнулся о земь, и только какой-нибудь стоявшій возлѣ тебя дядя Михей, почесавъ рукою въ затылкѣ, примолвилъ: »Эхъ, Ваня, угораздило тебя!« а самъ, подвязавшись веревкой, полѣзъ на твое мѣсто. — Максимъ Телятниковъ, *сапожникъ*. Хе,

сапожникъ! *Пьянъ, какъ сапожникъ,* говоритъ пословица. Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою разскажу. Учился ты у Нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неаккуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ, и не нахвалился тобою Нѣмецъ, говоря съ женой, или съ камрадомъ; а какъ кончилось твое ученье: »А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ«, сказалъ ты, »да не такъ какъ Нѣмецъ, что̀ изъ копѣйки тянется, а »вдругъ разбогатѣю.« И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набравъ заказовъ кучу, и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то въ три-дешева гнилушки кожи и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ, приговаривая: »Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! нѣтъ житья Русско»му человѣку: всё Нѣмцы мѣшаютъ«.—Это что̀ за мужикъ: Елизавета Воробей? Фу, ты пропасть: баба! Она какъ сюда затесалась? Подлецъ Собакевичъ, и здѣсь надулъ!« Чичиковъ былъ правъ: это была точно баба. Какъ она забралась туда, неизвѣстно; но такъ искусно была приписана, что издали можно было принять ее за мужика и даже имя оканчивалось на букву ъ, то есть, не Елизавета, а Елизаветъ. Однакоже онъ это не принялъ въ уваженье и тутъ же ее вычеркнулъ. »Григорій Доѣзжай-недоѣдешь! Ты что былъ за человѣкъ? Извозомъ ли промышлялъ и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навѣки отъ дому, отъ родной берлоги, и пошелъ тащиться съ купцами на ярмарку? На дорогѣ ли ты отдалъ душу Богу, или уходили тебя твои же пріятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или приглядѣлись лѣсному бродягѣ ременныя твои рукавицы и тройка приземистыхъ, но крѣпкихъ коньковъ, или, можетъ, и самъ, лежа на полатяхъ, думалъ, думалъ, да ни съ того, ни съ другого заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай какъ звали? Эхъ Русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью!—А вы что̀, мои голубчики?« продолжалъ онъ, переводя глаза на бумажку, гдѣ были помѣчены бѣглыя души Плюшкина, »вы хоть и въ живыхъ еще, а что̀ въ васъ толку! то же, что̀ и мертвые! И гдѣ-то носятъ васъ

теперь ваши быстрыя ноги? Плохо ли вамъ было у Плюшкина, или, просто, по своей охотѣ гуляете по лѣсамъ да дерете проѣзжихъ? По тюрьмамъ ли сидите, или пристали къ другимъ господамъ и пашете землю?—Еремей Карякинъ, Никита Волокита, сынъ его Антонъ Волокита... Эти и по прозвищу видно, что хорошіе бѣгуны. — Поповъ дворовый человѣкъ... Долженъ быть грамотѣй: ножа, я чай, не взялъ въ руки, а проворовался благороднымъ образомъ. Но вотъ ужъ тебя безпашпортнаго поймалъ капитанъ-исправникъ. Ты стоишь бодро на очной ставкѣ. »Чей ты?« говоритъ капитанъ-исправникъ, ввернувши тебѣ, при сей вѣрной оказіи, кое-какое крѣпкое словцо. »Такого-то и такого-то помѣщика«, отвѣчаешь ты бойко. »Зачѣмъ ты здѣсь?« говоритъ капитанъ-исправникъ. »Отпущенъ на оброкъ«, отвѣчаешь ты безъ запинки. »Гдѣ твой »пашпортъ?« — »У хозяина, мѣщанина Пименова.« — »Позвать Пи»менова! Ты Пименовъ?«—»Я Пименовъ.«—»Давалъ онъ тебѣ паш»портъ свой?« — »Нѣтъ, не давалъ онъ мнѣ никакого пашпорта.« — »Что̀ жъ ты врешь?« говоритъ капитанъ-исправникъ, съ прибавкою кое-какого крѣпкаго словца. »Такъ точно«, отвѣчаешь ты бойко, »я »не давалъ ему, потому что пришелъ домой поздно, а отдалъ на »подержаніе Антипу Прохорову, звонарю.« — »Позвать звонаря! »Давалъ онъ тебѣ пашпортъ?«—»Нѣтъ, не получалъ я отъ него паш«порта.«—»Что̀ жъ ты опять врешь?« говоритъ капитанъ-исправникъ, скрѣпивши рѣчь кое-какимъ крѣпкимъ словцомъ. »Гдѣ жъ твой пашпортъ?«—»Онъ у меня былъ«, говоришь ты проворно, »да, статься »можетъ, видно, какъ-нибудь дорогой пообронилъ его.«—»А солдат»скую шинель«, говоритъ капитанъ-исправникъ, загвоздивши тебѣ опять въ придачу кое-какое крѣпкое словцо, »зачѣмъ стащилъ? и »у священника тоже сундукъ съ мѣдными деньгами?« — »Никакъ »нѣтъ«, говоришь ты, не сдвинувшись, »въ воровскомъ дѣлѣ никогда »еще не оказывался.«—»А почему же шинель нашли у тебя?«—»Не »могу знать! вѣрно, кто-нибудь другой принесъ ее.« — »Ахъ, ты бе»стія, бестія!« говоритъ капитанъ-исправникъ, покачивая головою и взявшись подъ бока. »А набейте ему на ноги колодки да сведите въ »тюрьму.«—»Извольте! я съ удовольствіемъ«, отвѣчаешь ты. И вотъ, вынувши изъ кармана табакерку, ты подчиваешь дружелюбно какихъ-то двухъ инвалидовъ, набивающихъ на тебя колодки, и раз-

спрашиваешь ихъ, давно ли они въ отставкѣ и въ какой войнѣ бывали. И вотъ ты себѣ живешь въ тюрьмѣ, покамѣсть въ судѣ производится твое дѣло. И пишетъ судъ: препроводить тебя изъ Царево-Кокшайска въ тюрьму такого-то города; а тотъ судъ пишетъ опять: препроводить тебя въ какой-нибудь Весьегонскъ, и ты переѣзжаешь себѣ изъ тюрьмы въ тюрьму, и говоришь, осматривая новое обиталище: »Нѣтъ, вотъ Весьегонская тюрьма будетъ почище: тамъ хоть и въ бабки, такъ есть мѣсто, да и общество больше.« — Абакумъ Ѳыровъ! ты, братъ, что̀? гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу, и взлюбилъ ты вольную жизнь, приставши къ бурлакамъ?...« Тутъ Чичиковъ остановился и слегка задумался. Надъ чѣмъ онъ задумался? Задумался ли онъ надъ участью Абакума Ѳырова, или задумался такъ, самъ собою, какъ задумывается всякій Русскій, какихъ бы ни былъ лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслитъ объ разгулѣ широкой жизни. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь Ѳыровъ? Гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь съ любовницами и женами, высокими, стройными, въ монистахъ и лентахъ; хороводы, пѣсни; кипитъ вся площадь; а носильщики между тѣмъ, при крикахъ, браняхъ и понуканьяхъ, нацѣпляя крючкомъ по девяти пудовъ себѣ на спину, съ шумомъ сыплютъ горохъ и пшеницу въ глубокія суда, валятъ кули съ овсомъ и крупой, и далече виднѣютъ по всей площади кучи наваленныхъ въ пирамиду, какъ ядра, мѣшковъ, и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналъ, пока не перегрузится весь въ глубокія суда-суряки и не понесется гусемъ, вмѣстѣ съ весенними льдами, безконечный флотъ. Тамъ-то вы наработаетесь, бурлаки! и дружно, какъ прежде гуляли и бѣсились, приметесь за трудъ и потъ, таща лямку подъ одну безконечную, какъ Русь, пѣсню.

»Эхе, хе! двѣнадцать часовъ!« сказалъ наконецъ Чичиковъ, взглянувъ на часы. »Что̀ жъ я такъ закопался? Да еще пусть бы дѣло дѣлалъ, а то ни съ того, ни съ другого, сначала загородилъ околесину, а потомъ задумался. Экой я дуракъ въ самомъ дѣлѣ!« Сказавши это, онъ перемѣнилъ свой Шотландскій костюмъ на Евро-

пейскій, стянулъ покрѣпче пряжкой свой животъ, вспрыснулъ себя одеколономъ, взялъ въ руки теплый картузъ и бумаги подъ мышку, и отправился въ гражданскую палату совершать купчую. Онъ спѣшилъ не потому, что боялся опоздать,—опоздать онъ не боялся, ибо предсѣдатель былъ человѣкъ знакомый и могъ продлить и укоротить по его желанью присутствіе, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и посылавшему быстрыя ночи, когда нужно было прекратить брань любезныхъ ему героевъ, или дать имъ средство додраться; но онъ самъ въ себѣ чувствовалъ желаніе скорѣе, какъ можно, привести дѣла къ концу: до тѣхъ поръ ему казалось все неспокойно и неловко: всё-таки приходила мысль, что души не совсѣмъ настоящія и что въ подобныхъ случаяхъ такую обузу всегда нужно поскорѣе съ плечъ. Не успѣлъ онъ выйти на улицу, размышляя обо всемъ этомъ и въ то же время таща на плечахъ медвѣдя, крытаго коричневымъ сукномъ, какъ, на самомъ поворотѣ въ переулокъ, столкнулся тоже съ господиномъ въ медвѣдяхъ, крытыхъ коричневымъ сукномъ, и въ тепломъ картузѣ съ ушами. Господинъ вскрикнулъ; это былъ Маниловъ. Они заключили тутъ же другъ друга въ объятія и минутъ пять оставались на улицѣ въ такомъ положеніи. Поцѣлуи съ обѣихъ сторонъ такъ были сильны, что у обоихъ весь день болѣли передніе зубы. У Манилова отъ радости остались только носъ да губы на лицѣ: глаза совершенно исчезли. Съ четверть часа держалъ онъ обѣими руками руку Чичикова и нагрѣлъ ее страшно. Въ оборотахъ самыхъ тонкихъ и пріятныхъ онъ разсказалъ, какъ летѣлъ обнять Павла Ивановича; рѣчь была заключена такимъ комплиментомъ, какой развѣ только приличенъ одной дѣвицѣ, съ которой идутъ танцовать. Чичиковъ открылъ ротъ, еще не зная самъ, какъ благодарить; какъ вдругъ Маниловъ вынулъ изъ-подъ шубы бумагу, свернутую въ трубочку и связанную розовою ленточкой.

»Это что?«

»Мужички!«

»А!« Онъ тутъ развернулъ ее, пробѣжалъ глазами и подивился чистотѣ и красотѣ почерка: »Славно написано«, сказалъ онъ, »не нужно и переписывать. Еще и каемка вокругъ! Кто это такъ искусно сдѣлалъ каемку?«

»Ну, ужъ не спрашивайте«, сказалъ Маниловъ.

»Вы?«

»Жена.«

»Ахъ, Боже мой! мнѣ, право, совѣстно, что нанесъ столько затрудненій.«

»Для Павла Ивановича не существуетъ затрудненій.«

Чичиковъ поклонился съ признательностью. Узнавши, что онъ шелъ въ палату за совершеніемъ купчей, Маниловъ изъявилъ готовность ему сопутствовать. Пріятели взялись подъ руку и пошли вмѣстѣ. При всякомъ небольшомъ возвышеніи, или горкѣ, или ступенькѣ, Маниловъ поддерживалъ Чичикова и почти приподнималъ его рукою, присовокупляя съ пріятною улыбкою, что онъ не допуститъ никакъ Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиковъ совѣстился, не зная, какъ благодарить, ибо чувствовалъ, что нѣсколько былъ тяжеленекъ. Во взаимныхъ услугахъ, они дошли наконецъ до площади, гдѣ находились присутственныя мѣста— большой трехъ-этажный каменный домъ, весь бѣлый, какъ мѣлъ, вѣроятно, для изображенія чистоты душъ, помѣщавшихся въ немъ должностей. Прочія зданія на площади не отвѣчали огромностію каменному дому. Это были—караульная будка, у которой стоялъ солдатъ съ ружьемъ, двѣ-три извощичьи биржи и, наконецъ, длинные заборы, съ извѣстными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углемъ и мѣломъ. Болѣе не находилось ничего на сей уединенной, или, какъ у насъ выражаются, красивой площади. Изъ оконъ втораго и третьяго этажа высовывались неподкупныя головы жрецовъ Ѳемиды: и въ ту жъ минуту прятались опять: вѣроятно, въ то время входилъ въ комнату начальникъ. Пріятели не взошли, а взбѣжали по лѣстницѣ, потому что Чичиковъ, стараясь избѣгнуть поддерживанья подъ руки со стороны Манилова, ускорялъ шагъ, а Маниловъ тоже съ своей стороны летѣлъ впередъ, стараясь не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили въ темный корридоръ. Ни въ корридорахъ, ни въ комнатахъ взоръ ихъ не былъ пораженъ чистотою. Тогда еще не заботились о ней, и то, что было грязно, такъ и оставалось грязнымъ, не принимая привлекательной наружности. Ѳемида, просто, какова есть, въ неглиже и халатѣ, принимала го-

стей. Слѣдовало бы описать канцелярскія комнаты, которыми проходили наши герои, но авторъ питаетъ сильную робость ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Если и случалось ему проходить ихъ даже въ блистательномъ и облагороженномъ видѣ, съ лакированными полами и столами, онъ старался пробѣжать какъ можно скорѣе, смиренно опустивъ и потупивъ глаза въ землю, а потому совершенно не знаетъ, какъ тамъ все благоденствуетъ и процвѣтаетъ. Герои наши видѣли много бумаги, и черновой и бѣлой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сюртуки губернскаго покроя и даже просто какую-то свѣтлосѣрую куртку, отдѣлившуюся весьма рѣзко, которая, своротивъ голову на бокъ и положивъ ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протоколъ объ оттяганьи земли, или опискѣ имѣнія, захваченнаго какимъ-нибудь мирнымъ помѣщикомъ, покойно доживающимъ вѣкъ свой подъ судомъ, нажившимъ себѣ и дѣтей, и внуковъ подъ его покровомъ, да слышались урывками короткія выраженія, произносимыя хриплымъ голосомъ: »Одолжите, Θедосѣй Θедосѣевичъ, дѣльцо за № 368!« — »Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку съ казенной чернильницы!« Иногда голосъ, болѣе величавый, безъ сомнѣнія, одного изъ начальниковъ, раздавался повелительно: »На, перепиши! а не то — снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шесть сутокъ не ѣвши.« Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ-будтобы нѣсколько телегъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями.

Чичиковъ и Маниловъ подошли къ первому столу, гдѣ сидѣли два чиновника еще юныхъ лѣтъ, и спросили: »Позвольте узнать, гдѣ здѣсь дѣла по крѣпостямъ?«

»А что вамъ нужно?« сказали оба чиновника, оборотившись.

»А мнѣ нужно подать просьбу.«

»А вы что купили такое?«

»Я бы хотѣлъ прежде знать, гдѣ крѣпостной столъ, здѣсь, или въ другомъ мѣстѣ?«

»Да скажите прежде, что купили и въ какую цѣну, такъ мы вамъ тогда и скажемъ, гдѣ; а такъ нельзя знать.«

Чичиковъ тотчасъ увидѣлъ, что чиновники были, просто, любо-

пытны, подобно всѣмъ молодымъ чиновникамъ, и хотѣли придать болѣе вѣсу и значенія себѣ и своимъ занятіямъ.

»Послушайте, любезные«, сказалъ онъ, »я очень хорошо знаю; что всѣ дѣла по крѣпостямъ, въ какую бы ни было цѣну, находятся въ одномъ мѣстѣ, а потому прошу васъ показать намъ столъ; а если вы не знаете, что у васъ дѣлается, такъ мы спросимъ у другихъ.« Чиновники на это ничего не отвѣчали, одинъ изъ нихъ только тыкнулъ пальцемъ въ уголъ комнаты, гдѣ сидѣлъ за столомъ какой-то старикъ, перемѣчавшій какія-то бумаги. Чичиковъ и Маниловъ прошли промежъ столами прямо къ нему. Старикъ занимался очень внимательно.

»Позвольте узнать«, сказалъ Чичиковъ съ поклономъ, »здѣсь дѣла по крѣпостямъ?«

Старикъ поднялъ глаза и произнесъ съ разстановкою: »Здѣсь нѣтъ дѣлъ по крѣпостямъ.«

»А гдѣ же?«

»Это въ крѣпостной экспедиціи.«

»А гдѣ же крѣпостная экспедиція?«

»Это у Ивана Антоновича.«

»А гдѣ же Иванъ Антоновичъ?«

Старикъ тыкнулъ пальцемъ въ другой уголъ комнаты. Чичиковъ и Маниловъ отправились къ Ивану Антоновичу. Иванъ Антоновичъ уже запустилъ одинъ глазъ назадъ и оглянулъ ихъ искоса, но въ ту же минуту погрузился еще внимательнѣе въ писаніе.

»Позвольте узнать«, сказалъ Чичиковъ съ поклономъ, »здѣсь крѣпостной столъ?«

Иванъ Антоновичъ какъ-будтобы и не слыхалъ, и углубился совершенно въ бумаги, не отвѣчая ничего. Видно было вдругъ, что это былъ уже человѣкъ благоразумныхъ лѣтъ, — не то, что молодой болтунъ и вертоплясъ. Иванъ Антоновичъ, казалось, имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся середина лица выступала у него впередъ и пошла въ носъ; словомъ, это было то лицо, которое называютъ въ общежитьи кувшиннымъ рыломъ.

»Позвольте узнать, здѣсь крѣпостная экспедиція?« сказалъ Чичиковъ.

»Здѣсь«, сказалъ Иванъ Антоновичъ, поворотилъ свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

»А у меня дѣло вотъ какое: куплены мною у разныхъ владѣльцевъ здѣшняго уѣзда крестьяне на выводъ; купчая есть, остается совершить.«

»А продавцы на лицо?«

»Нѣкоторые здѣсь, а отъ другихъ довѣренность.«

»А просьбу принесли?«

»Принесъ и просьбу. Я бы хотѣлъ, мнѣ нужно поторопиться.... такъ нельзя ли, напримѣръ, кончить дѣло сегодня?«

»Да, сегодня! сегодня нельзя«, сказалъ Иванъ Антоновичъ. »Нужно навести еще справки, нѣтъ ли еще запрещеній.«

»Впрочемъ, что до того, чтобъ ускорить дѣло, такъ Иванъ Григорьевичъ, предсѣдатель, мнѣ большой другъ....«

»Да вѣдь Иванъ Григорьевичъ не одинъ; бываютъ и другіе«, сказалъ сурово Иванъ Антоновичъ.

Чичиковъ понялъ закавыку, которую завернулъ Иванъ Антоновичъ, и сказалъ: »Другіе тоже не будутъ въ обидѣ: я самъ служилъ, дѣло знаю....«

»Идите къ Ивану Григорьевичу«, сказалъ Иванъ Антоновичъ, голосомъ нѣсколько поласковѣе: »пусть онъ дастъ приказъ, кому слѣдуетъ, а за нами дѣло не постоитъ.«

Чичиковъ, вынувъ изъ кармана бумажку, положилъ ее передъ Иваномъ Антоновичемъ, которую тотъ совершенно не замѣтилъ и накрылъ тотчасъ ее книгою. Чичиковъ хотѣлъ было указать ему ее, но Иванъ Антоновичъ движеніемъ головы далъ знать, что не нужно показывать.

»Вотъ, онъ васъ проведетъ въ присутствіе«, сказалъ Иванъ Антоновичъ, кивнувъ головою, и одинъ изъ тутъ же находившихся, приносившій съ такимъ усердіемъ жертвы Ѳемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно лѣзла оттуда подкладка, получившій за ту службу въ свое время коллежскаго регистратора, прислужился нашимъ пріятелямъ, какъ нѣкогда Виргилій прислужился Данту, и провелъ ихъ въ комнату присутствія, гдѣ стояли

однѣ только широкія кресла, и въ нихъ, передъ столомъ за зерцаломъ и двумя толстыми книгами, сидѣлъ одинъ, какъ солнце, предсѣдатель. Въ этомъ мѣстѣ новый Виргилій почувствовалъ такое благоговѣніе, что никакъ не осмѣлился занести туда ногу и поворотилъ назадъ, показавъ свою спину, вытертую какъ рогожка, съ прилипнувшимъ гдѣ-то куринымъ перомъ. Вошедши въ залу присутствія, они увидѣли, что предсѣдатель былъ не одинъ: подлѣ него сидѣлъ Собакевичъ, совершенно заслоненный зерцаломъ. Приходъ гостей произвелъ восклицаніе, правительственныя кресла были отодвинуты съ шумомъ. Собакевичъ тоже привсталъ со стула и сталъ виденъ со всѣхъ сторонъ съ длинными своими рукавами. Предсѣдатель принялъ Чичикова въ объятія, и комната присутствія огласилась поцѣлуями; спросили другъ друга о здоровьи; оказалось, что у обоихъ побаливаетъ поясница, что̀ тутъ же было отнесено къ сидячей жизни. Предсѣдатель, казалось, уже былъ увѣдомленъ Собакевичемъ о покупкѣ, потому что принялся поздравлять, что̀ сначала нѣсколько смѣшало нашего героя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что и Собакевичъ, и Маниловъ, оба продавцы, съ которыми дѣло было улажено келейно, теперь стояли вмѣстѣ лицомъ другъ къ другу. Однакоже онъ поблагодарилъ предсѣдателя и, обратившись тутъ же къ Собакевичу, спросилъ: »А ваше какъ здоровье?«

»Слава Богу: не пожалуюсь«, сказалъ Собакевичъ. И точно, не на что̀ было жаловаться: скорѣе желѣзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформованный помѣщикъ.

»Да, вы всегда славились здоровьемъ«, сказалъ предсѣдатель, »и покойный вашъ батюшка былъ также крѣпкій человѣкъ.«

»Да, на медвѣдя одинъ хаживалъ«, отвѣчалъ Собакевичъ.

»Мнѣ кажется, однакожъ«, сказалъ предсѣдатель, »вы бы тоже повалили медвѣдя, если бы захотѣли выдти противъ него.«

»Нѣтъ, не повалю«, отвѣчалъ Собакевичъ: »покойникъ былъ меня покрѣпче.« И, вздохнувши, продолжалъ: »Нѣтъ, теперь не тѣ люди: вотъ хоть и моя жизнь... что̀ за жизнь? такъ какъ-то себѣ....«

»Чѣмъ же ваша жизнь не красна?« сказалъ предсѣдатель.

»Не хорошо, не хорошо!« сказалъ Собакевичъ, покачавъ головою. »Вы посудите, Иванъ Григорьевичъ: пятый десятокъ живу,

ни разу не былъ боленъ, хоть бы горло заболѣло, вередъ, или чирей выскочилъ.... Нѣтъ, не къ добру! когда-нибудь придется поплатиться за это.« Тутъ Собакевичъ погрузился въ меланхолію.

»Экъ его!« подумали въ одно время и Чичиковъ, и предсѣдатель: »на что вздумалъ пенять!«

»Къ вамъ у меня есть письмецо«, сказалъ Чичиковъ, вынувъ изъ кармана письмо Плюшкина.

»Отъ кого?« сказалъ предсѣдатель и, распечатавши, вскликнулъ: »А, отъ Плюшкина! Онъ еще до сихъ поръ прозябаетъ на свѣтѣ? Вотъ судьба: вѣдь какой былъ умнѣйшій, богатѣйшій человѣкъ! а теперь....«

»Собака«, сказалъ Собакевичъ, »мошенникъ, всѣхъ людей переморилъ голодомъ.«

»Извольте, извольте«, сказалъ предсѣдатель, прочитавъ письмо: »я готовъ быть повѣреннымъ. Когда вы хотите совершить купчую, теперь, или послѣ?«

»Теперь«, сказалъ Чичиковъ; »я буду просить даже васъ, если можно, сегодня; потому что мнѣ завтра хотѣлось бы выѣхать изъ города: я принесъ и крѣпости, и просьбу.«

»Все это хорошо, только, ужъ какъ хотите, мы васъ не выпустимъ такъ рано. Крѣпости будутъ совершены сегодня, а вы всё-таки съ нами поживите. Вотъ я сейчасъ отдамъ приказъ«, сказалъ онъ и отворилъ дверь въ канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивымъ пчеламъ, разсыпавшимся по сотамъ, если только соты можно уподобить канцелярскимъ дѣламъ: »Иванъ Антоновичъ здѣсь?«

»Здѣсь!« отозвался голосъ извнутри.

»Позовите его сюда!«

Уже извѣстный читателямъ Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, показался въ залѣ присутствія и почтительно поклонился.

»Вотъ возьмите, Иванъ Антоновичъ, всѣ эти крѣпости ихъ....«

»Да не позабудьте, Иванъ Григорьевичъ«, подхватилъ Собакевичъ: »нужно будетъ свидѣтелей, хотя по два съ каждой стороны. Пошлите теперь же къ прокурору: онъ человѣкъ праздный и, вѣрно, сидитъ дома: за него все дѣлаетъ стряпчій Золотуха, первѣйшій хапуга въ мірѣ. Инспекторъ врачебной управы... онъ также чело-

вѣкъ праздный и, вѣрно, дома, если не поѣхалъ куда-нибудь играть въ карты; да еще тутъ много есть, кто поближе: Трухачевскій, Бѣгушкинъ, — они всѣ даромъ бременятъ землю!«

»Именно, именно!« сказалъ предсѣдатель, и тотъ же часъ отрядилъ за ними всѣми канцелярскаго.

»Еще я попрошу васъ«, сказалъ Чичиковъ: »пошлите за повѣреннымъ одной помѣщицы, съ которой я тоже совершилъ сдѣлку, — сыномъ протопопа отца Кирилла; онъ служитъ у васъ же.«

»Какъ же? пошлемъ и за нимъ!« сказалъ предсѣдатель; »все будетъ сдѣлано, а чиновнымъ вы никому не давайте ничего; объ этомъ я васъ прошу. Пріятели мои не должны платить.« Сказавши это, онъ тутъ же далъ какое-то приказанье Ивану Антоновичу, какъ видно, ему непонравившееся. Крѣпости произвели, кажется, хорошее дѣйствіе на предсѣдателя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что всѣхъ покупокъ было почти на сто тысячъ рублей. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ въ глаза Чичикову съ выраженьемъ большого удовольствія и наконецъ сказалъ: »Такъ вотъ какъ! Этакимъ-то образомъ, Павелъ Ивановичъ! такъ вотъ вы пріобрѣли.«

»Пріобрѣлъ«, отвѣчалъ Чичиковъ.

»Благое дѣло! право, благое дѣло!«

»Да я вижу самъ, что болѣе благого дѣла не могъ бы предпринять. Какъ бы то ни было, цѣль человѣка всё еще не опредѣлена, если онъ не сталъ наконецъ твердой стопою на прочное основаніе, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности.« Тутъ онъ весьма кстати выбранилъ за либерализмъ, и по дѣломъ, всѣхъ молодыхъ людей. Но замѣчательно, что въ словахъ его была всё какая-то нетвердость, какъ-будтобы тутъ же сказалъ онъ самъ себѣ: »Эхъ, братъ, врешь ты, да еще и сильно!« Онъ даже не взглянулъ на Собакевича и Манилова, изъ боязни встрѣтитъ что-нибудь на ихъ лицахъ. Но напрасно боялся онъ: лицо Собакевича не шевельнулось, а Маниловъ, обвороженный фразою, отъ удовольствія только потряхивалъ одобрительно головою, погрузясь въ такое положеніе, въ какомъ находится любитель музыки, когда пѣвица перещеголяла самую скрыпку и пискнула такую тонкую ноту, какая не въ мочь и птичьему горлу.

»Да что жъ вы не скажете Ивану Григорьевичу«, отозвался

Собакевичъ, »что такое именно вы пріобрѣли? а вы, Иванъ Григорьевичъ, что вы не спросите, какое пріобрѣтеніе они сдѣлали? Вѣдь какой народъ! просто, золото! Вѣдь я имъ продалъ и каретника Михѣева.«

»Нѣтъ, будто и Михѣева продали?« сказалъ предсѣдатель. »Я знаю каретника Михѣева: славный мастеръ; онъ мнѣ дрожки передѣлалъ. Только позвольте, какъ же?... Вѣдь вы мнѣ сказывали, что онъ умеръ....«

»Кто, Михѣевъ умеръ?« сказалъ Собакевичъ, ни чуть не смѣшавшись. »Это его братъ умеръ; а онъ преживехонькой и сталъ здоровѣе прежняго. На дняхъ такую бричку наладилъ, что и въ Москвѣ не сдѣлать. Ему, по настоящему, только на одного Государя и работать.«

»Да, Михѣевъ славный мастеръ«, сказалъ предсѣдатель, »и я дивлюсь даже, какъ вы могли съ нимъ разстаться.«

»Да будто одинъ Михѣевъ! А Пробка Степанъ плотникъ, Милушкинъ кирпичникъ, Телятниковъ Максимъ сапожникъ, — вѣдь всѣ пошли, всѣхъ продалъ!« А когда предсѣдатель спросилъ, за чѣмъ же они пошли, будучи людьми необходимыми для дому и мастеровыми, Собакевичъ отвѣчалъ, махнувши рукой: »А! такъ, просто, нашла дурь: дай, говорю, продамъ, да и продалъ съ-дуру!« За симъ онъ повѣсилъ голову, такъ какъ-будто самъ раскаявался въ этомъ дѣлѣ, и прибавилъ: »Вотъ и сѣдой человѣкъ, а до сихъ поръ не набрался ума.«

»Но позвольте, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ предсѣдатель: »какъ же вы покупаете крестьянъ, безъ земли? развѣ на выводъ?«

»На выводъ.«

»Ну, на выводъ другое дѣло; а въ какія мѣста?«

»Въ мѣста.... въ Херсонскую губернію.«

»О, тамъ отличныя земли!« сказалъ предсѣдатель, и отозвался съ большою похвалою на-счетъ рослости тамошнихъ травъ.

»А земли въ достаточномъ количествѣ?«

»Въ достаточномъ, столько, сколько нужно для купленныхъ крестьянъ.«

»Рѣка, или прудъ?«

»Рѣка. Впрочемъ, и прудъ есть.« Сказавъ это, Чичиковъ

взглянулъ ненарокомъ на Собакевича, и хотя Собакевичъ былъ по прежнему неподвиженъ, но ему казалось, будтобы было написано на лицѣ его: »Ой врешь ты! врядъ ли есть рѣка и прудъ, да и вся земля!«

Пока продолжались разговоры, начали мало-помалу появляться свидѣтели: знакомый читателю прокуроръ-моргунъ, инспекторъ врачебной управы, Трухачевскій, Бѣгушкинъ и прочіе, по словамъ Собакевича, даромъ бременящіе землю. Многіе изъ нихъ были совсѣмъ незнакомы Чичикову; недостававшіе и лишніе набраны были тутъ же изъ палатскихъ чиновниковъ. Привели также не только сына протопопа отца Кирилла, но даже и самого протопопа. Каждый изъ свидѣтелей помѣстилъ себя со всѣми своими достоинствами и чинами, кто оборотнымъ шрифтомъ, кто косяками, кто просто чуть не вверхъ ногами, помѣщая такія буквы, какихъ даже и не видано было въ Русскомъ алфавитѣ. Извѣстный Иванъ Антоновичъ управился весьма проворно, крѣпости были записаны, помѣчены, занесены въ книгу и куда слѣдуетъ, съ принятіемъ полупроцентовыхъ и за припечатку въ вѣдомостяхъ, и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже предсѣдатель далъ приказаніе изъ пошлинныхъ денегъ взять съ него только половину, а другая, неизвѣстно какимъ образомъ, отнесена была на счетъ какого-то другого просителя.«

»Итакъ«, сказалъ предсѣдатель, когда все было кончено, »остается теперь только вспрыснуть покупочку.«

»Я готовъ«, сказалъ Чичиковъ. »Отъ васъ зависитъ только назначить время. Былъ бы грѣхъ съ моей стороны, если бы для эдакого пріятнаго общества да не раскупорить другую-третью бутылочку шипучаго.«

»Нѣтъ, вы не такъ приняли дѣло: шипучаго мы сами поставимъ«, сказалъ предсѣдатель: »это наша обязанность, нашъ долгъ. Вы у насъ гость: намъ должно угощать. Знаете ли что̀, господа! Покамѣсть что̀, а мы вотъ какъ сдѣлаемъ: отправимтесь-ка всѣ, такъ какъ есть, къ полицеймейстеру; онъ у насъ чудный человѣкъ: ему сто̀итъ только мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда, или погреба, такъ мы, знаете ли, какъ закусимъ! да при этой оказіи и въ вистишку.«

Отъ такого предложенія никто не могъ отказаться. Свидѣтели, уже при одномъ наименованьи рыбнаго ряда, почувствовали аппетитъ; взялись всѣ тотъ же часъ за картузы и шапки, и присутствіе кончилось. Когда проходили они канцелярію, Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказалъ потихоньку Чичикову: »Крестьянъ накупили на сто тысячъ, а за труды дали только одну бѣленькую.«

»Да вѣдь какіе крестьяне?« отвѣчалъ ему на это тоже шопотомъ Чичиковъ: »препустой и преничтожный народъ, и половины не стóитъ.« Иванъ Антоновичъ понялъ, что посѣтитель былъ характера твердаго и больше не дастъ.

»А по чемъ купили душу у Плюшкина?« шепнулъ ему на другое ухо Собакевичъ.

»А Воробья зачѣмъ приписали?« сказалъ ему въ отвѣтъ на это Чичиковъ.

»Какого воробья?« сказалъ Собакевичъ.

»Да бабу, Елисавету Воробья, еще и букву ъ поставили на концѣ.«

»Нѣтъ, никакого Воробья я не приписывалъ«, сказалъ Собакевичъ и отошелъ къ другимъ гостямъ.

Гости добрались наконецъ гурьбой къ дому полиціймейстера. Полиціймейстеръ, точно, былъ чудный человѣкъ: какъ только услышалъ онъ, въ чемъ дѣло, то въ ту жъ минуту кликнулъ квартальнаго, бойкаго малаго въ лакированныхъ ботфортахъ, и, кажется, всего два слова шепнулъ ему на ухо, да прибавилъ только: »Понимаешь?« а ужъ тамъ, въ другой комнатѣ, въ продолженіе того времени, какъ гости рѣзалися въ вистъ, появилась на столѣ бѣлуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свѣжепросольная, селедки, севрюшки, сыры, копченые языки и балыки: это все было со стороны рыбнаго ряда. Потомъ появились прибавленія съ хозяйской стороны, издѣлія кухни: пирогъ съ головизною, куда пошли хрящъ и щеки 9-ти пудоваго осетра, другой пирогъ съ груздями, пряженцы, маслянцы, взваренцы. Полицеймейстеръ былъ нѣкоторымъ образомъ отецъ и благотворитель въ городѣ. Онъ былъ среди гражданъ совершенно, какъ въ родной семьѣ, а въ лавки и въ го-

стинный дворъ навѣдывался, какъ въ собственную кладовую. Вообще онъ сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигалъ въ совершенствѣ. Трудно было даже и рѣшить, онъ ли былъ созданъ для мѣста, или мѣсто для него. Дѣло было такъ поведено умно, что онъ получалъ вдвое больше доходовъ противу всѣхъ своихъ предшественниковъ, а между тѣмъ заслужилъ любовь всего города. Купцы первые его очень любили, — именно за то, что не гордъ; и точно, онъ крестилъ у нихъ дѣтей, кумился съ ними и хоть дралъ подъ часъ съ нихъ сильно, но какъ-то чрезвычайно ловко: и по плечу потреплетъ, и засмѣется, и чаемъ напоитъ, пообѣщается и самъ придти поиграть въ шашки, разспроситъ обо всемъ: какъ дѣлишки, что и какъ; если узнаетъ, что дѣтёнышъ какъ-нибудь прихворнулъ, и лѣкарство присовѣтуетъ; словомъ, молодецъ! Поѣдетъ на дрожкахъ, дастъ порядокъ, а между тѣмъ и словцо промолвитъ тому-другому: »Что, Михѣичъ! нужно бы намъ съ тобою доиграть когда-нибудь въ горку.« — »Да, Алексѣй Ивановичъ«, отвѣчалъ тотъ, снимая шапку: »нужно бы.« — »Ну, братъ, Илья Парамонычъ, приходи ко мнѣ поглядѣть рысака: въ обгонъ съ твоимъ пойдетъ, да и своего заложи въ бѣговыя; попробуемъ.« Купецъ, который на рысакѣ былъ помѣшанъ, улыбался на это съ особенною, какъ говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорилъ: »Попробуемъ, Алексѣй Ивановичъ!« Даже всѣ сидѣльцы, обыкновенно въ это время снявши шапки, съ удовольствіемъ посматривали другъ на друга и какъ-будтобы хотѣли сказать: »Алексѣй Ивановичъ хорошій человѣкъ!« Словомъ, онъ успѣлъ пріобрѣсть совершенную народность, и мнѣніе купцовъ было такое, что Алексѣй Ивановичъ »хоть оно и возьметъ, но за то ужъ никакъ тебя не выдастъ.«

Замѣтивъ, что закуска была готова, полиціймейстеръ предложилъ гостямъ окончить вистъ послѣ завтрака, и всѣ пошли въ ту комнату, откуда несшійся запахъ давно начиналъ пріятнымъ образомъ щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевичъ давно заглядывалъ въ дверь, намѣтивъ издали осетра, лежавшаго въ сторонѣ на большомъ блюдѣ. Гости, выпивши по рюмкѣ водки темнаго, оливковаго цвѣта, какой бываетъ только на Сибирскихъ прозрачныхъ камняхъ, изъ которыхъ рѣжутъ на Руси печати, приступили

со всѣхъ сторонъ съ вилками къ столу и стали обнаруживать, какъ говорится, каждый свой характеръ и склонности, налегая, кто на икру, кто на семгу, кто на сыръ. Собакевичъ, оставивъ безъ всякаго вниманія всѣ эти мелочи, пристроился къ осетру и, покамѣсть тѣ пили, разговаривали и ѣли, онъ въ четверть часа съ небольшимъ доѣхалъ его всего, такъ что когда полиціймейстеръ вспомнилъ было о немъ и, сказавши: »А каково вамъ, господа, покажется вотъ это произведенье природы?« подошелъ было къ нему съ вилкою вмѣстѣ съ другими, то увидѣлъ, что отъ произведенья природы оставался только одинъ хвостъ; а Собакевичъ пришипился такъ, какъ-будто и не онъ, и, подошедши къ тарелкѣ, которая была подальше прочихъ, тыкалъ вилкою въ какую-то сушеную, маленькую рыбку. Отдѣлавши осетра, Собакевичъ сѣлъ въ кресла и ужъ болѣе не ѣлъ, не пилъ, а только зажмурилъ и хлопалъ глазами. Полиціймейстеръ, кажется, не любилъ жалѣть вина: тостамъ не было числа. Первый тостъ былъ выпитъ, какъ читатели, можетъ быть, и сами догадаются, за здоровье новаго Херсонскаго помѣщика, потомъ за благоденствіе крестьянъ его и счастливое ихъ переселеніе, потомъ за здоровье будущей жены его красавицы, что̀ сорвало пріятную улыбку съ устъ нашего героя. Приступили къ нему со всѣхъ сторонъ и стали упрашивать убѣдительно остаться хоть на двѣ недѣли въ городѣ: »Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! какъ вы себѣ хотите, это выходитъ — избу только выхолаживать: на порогъ да и назадъ! нѣтъ, вы проведите время съ нами! Вотъ мы васъ женимъ. Не правда ли, Иванъ Григорьевичъ, женимъ его?«

»Женимъ, женимъ!« подхватилъ предсѣдатель. »Ужъ какъ ни упирайтесь руками и ногами, мы васъ женимъ! Нѣтъ, батюшка, попали сюда, такъ не жалуйтесь. Мы шутить не любимъ.«

»Что̀ жъ? зачѣмъ упираться руками и ногами«, сказалъ, усмѣхнувшись, Чичиковъ: »женитьба еще не такая вещь, чтобы того... была бы невѣста.«

»Будетъ и невѣста! Какъ не быть? все будетъ, все, что̀ хотите!...«

»А коли будетъ....«

»Браво, остается!« закричали всѣ: »виватъ, ура, Павелъ Ивановичъ! ура!« И всѣ подошли къ нему чокаться съ бокалами въ рукахъ. Чичиковъ перечокался со всѣми. »Нѣтъ, нѣтъ, еще!« го-

ворили тѣ, которые были позадорнѣе, и вновь перечокались; потомъ полѣзли въ третій разъ чокаться; перечокались и въ третій разъ. Въ непродолжительное время всѣмъ сдѣлалось весело необыкновенно. Предсѣдатель, который былъ премилый человѣкъ, когда развеселялся, обнималъ нѣсколько разъ Чичикова, произнеся въ изліяніи сердечномъ: »Душа ты моя! маменька моя!« и даже, щелкнувъ пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню: »Ахъ ты такой и эдакой, Комаринскій мужикъ!« Послѣ шампанскаго, раскупорили венгерское, которое придало еще болѣе духу и развеселило общество. Объ вистѣ рѣшительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всемъ,—объ политикѣ, объ военномъ даже дѣлѣ, излагали вольныя мысли, за которыя въ другое время сами бы высѣкли своихъ дѣтей. Рѣшили тутъ же множество самыхъ затруднительныхъ вопросовъ. Чичиковъ никогда не чувствовалъ себя въ такомъ веселомъ расположеніи, воображалъ себя уже настоящимъ Херсонскимъ помѣщикомъ, говорилъ объ разныхъ улучшеніяхъ: о трехпольномъ хозяйствѣ, о счастіи и блаженствѣ двухъ душъ и сталъ читать Собакевичу посланіе, въ стихахъ, Вертера къ Шарлоттѣ, на которое тотъ хлопалъ только глазами, сидя въ креслахъ, ибо послѣ осетра чувствовалъ большой позывъ ко сну. Чичиковъ смекнулъ и самъ, что началъ уже слишкомъ рязвязываться, попросилъ экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками. Прокурорскій кучеръ, какъ оказалось въ дорогѣ, былъ малый опытный, потому что правилъ одной только рукой, а другую засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина. Такимъ образомъ уже на прокурорскихъ дрожкахъ доѣхалъ онъ къ себѣ въ гостинницу, гдѣ долго еще у него вертѣлся на языкѣ всякой вздоръ: бѣлокурая невѣста съ румянцемъ и ямочкой на правой щекѣ, Херсонскія деревни, капиталы. Селифану даже были даны кое-какія хозяйственныя приказанія собрать всѣхъ вновь переселившихся мужиковъ, чтобы сдѣлать всѣмъ лично поголовную перекличку. Селифанъ молча слушалъ очень долго и потомъ вышелъ изъ комнаты, сказавши Петрушкѣ: »Ступай раздѣвать барина!« Петрушка принялся снимать съ него сапоги и чуть не стащилъ вмѣстѣ съ ними на полъ и самого барина. Но наконецъ сапоги были сняты, баринъ раздѣлся, какъ слѣдуетъ, и, поворочавшись нѣсколько вре-

мени на постели, которая скрипѣла немилосердно, заснулъ рѣшительно Херсонскимъ помѣщикомъ. А Петрушка между тѣмъ вынесъ на корридоръ панталоны и фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой, который, растопыривши на деревяную вѣшалку, началъ бить хлыстомъ и щеткой, напустивши пыли на весь корридоръ. Готовясь уже снять ихъ, онъ взглянулъ съ галлереи внизъ и увидѣлъ Селифана, возвращавшагося изъ конюшни. Они встрѣтились взглядами и чутьемъ поняли другъ друга: баринъ, де, завалился спать — можно и заглянуть кое-куда. Тотъ же часъ, отнесши въ комнату фракъ и панталоны, Петрушка сошелъ внизъ, и оба пошли вмѣстѣ, не говоря другъ другу ничего о цѣли путешествія и балагуря дорогою совершенно о постороннемъ. Прогулку сдѣлали они недалекую: именно перешли только на другую сторону улицы, къ дому, бывшему насупротивъ гостинницы, и вошли въ низенькую, стеклянную, закоптившуюся дверь, приводившую почти въ подвалъ, гдѣ уже сидѣло за деревяными столами много всякихъ: и бривши хъ и небрившихъ бороды, и въ нагольныхъ тулупахъ и, просто, въ рубахѣ, а кое-кто и во фризовой шинели. Что̀ дѣлали тамъ Петрушка съ Селифаномъ, Богъ ихъ вѣдаетъ, но вышли они оттуда черезъ часъ, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчаніе, оказывая другъ другу большое вниманіе и предостерегая взаимно отъ всякихъ угловъ. Рука въ руку, не выпуская другъ друга, они цѣлые четверть часа взбирались на лѣстницу, наконецъ одолѣли ее и взошли. Петрушка остановился съ минуту передъ низенькою своею кроватью, придумывая, какъ бы лечь приличнѣе, и легъ совершенно поперегъ, такъ что ноги его упирались въ полъ. Селифанъ легъ и самъ на той же кровати, помѣстивъ голову у Петрушки на брюхѣ и позабывъ о томъ, что ему слѣдовало спать вовсе не здѣсь, а, можетъ быть, въ людской, если не въ конюшнѣ близъ лошадей. Оба заснули въ ту же минуту, поднявши храпъ неслыханной густоты, на который баринъ изъ другой комнаты отвѣчалъ тонкимъ, носовымъ свистомъ. Скоро вслѣдъ за ними все угомонилось, и гостинница объялась непробуднымъ сномъ; только въ одномъ окошечкѣ виденъ еще былъ свѣтъ, гдѣ жилъ какой-то пріѣхавшій изъ Рязани поручикъ, большой, повидимому, охотникъ до сапоговъ, потому что заказалъ уже четыре пары и безпрестанно

примѣривалъ пятую. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги точно были хорошо сшиты, и долго еще поднималъ онъ ногу и обсматривалъ бойко и на-диво стачанный каблукъ.

ГЛАВА VIII.

Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на выводъ крестьянъ. Изъ преній многія отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета. »Конечно«, говорили иные, »это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ точно хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой.«—»Это бы еще ничего, что нѣтъ воды, это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ; но переселеніе-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ: на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ— ни избы, ни двора,—убѣжитъ какъ дважды два, навостритъ такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь.«—»Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что̀ вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу.«—»Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова? Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ; я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка и буйнаго поведенія.«—»Такъ, такъ, на это я согласенъ, это правда, никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы; но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а переселившись на новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было немало такихъ примѣровъ—просто въ мірѣ, да и по исторіи тоже.«—»Никогда, ни-

когда«, говорилъ управляющій казенными фабриками, »повѣрьте, никогда это не можетъ быть; ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага. Первый врагъ есть близость губерній Малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю: въ двѣ недѣли они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтается крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ, чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова и чтобъ онъ держалъ ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другого, а чтобы самъ таки лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы и зуботычину, и подзатыльника.«—»За чѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? онъ можетъ найти и управителя.« — »Да, найдете управителя: всё мошенники!«—»Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ.« — »Это правда!« подхватили многіе. »Знай господинъ самъ хотя сколько-нибудь толку въ хозяйствѣ да умѣй различать людей — у него будетъ всегда хорошій управитель.« Но управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5,000, нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель сказалъ, что можно и за 3,000 сыскать. Но управляющій сказалъ: »Гдѣ же вы его сыщете? развѣ у себя въ носу?« Но предсѣдатель сказалъ: »Нѣтъ не въ носу, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ, именно — Петръ Петровичъ Самойловъ: вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова!« Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полиціймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что, въ отвращеніе его, существуетъ власть капитана-исправника, что капитанъ-исправникъ, хоть самъ и не ѣзди, а пошли только на-мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самого мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія на-счетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже черезъ-чуръ отзывались военною жестокостью и строгостію, едва ли не излишнею; были, однакоже, и такія, ко-

торыя дышали кротостію. Почтмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцомъ, по его выраженію; ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученья.

Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побуждаемые участіемъ, сообщили даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденья крестьянъ до мѣста жительства. За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленные имъ крестьяне отмѣнно смирнаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ.

Всѣ эти толки и разсужденія произвели, однакожъ, самыя благопріятныя слѣдствія, какихъ только могъ ожидать Чичиковъ, именно — пронесли слухи, что онъ не болѣе, ни менѣе, какъ милліонщикъ. Жители города и безъ того, какъ уже мы видѣли въ первой главѣ, душевно полюбили Чичикова, а теперь, послѣ такихъ слуховъ, полюбили еще душевнѣе. Впрочемъ, если сказать правду, они всё были народъ добрый, жили между собою въ ладу, обращались совершенно по-пріятельски, и бесѣды ихъ носили печать какого-то особеннаго простодушія и кротости: »Любезный другъ; Илья Ильичъ! послушай, братъ, Антипаторъ Захарьевичъ! Ты заврался, мамочка, Иванъ Григорьевичъ.« Къ почтмейстеру, котораго звали Иванъ Андреевичъ, всегда прибавляли: »Шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андреичъ?« Словомъ, все было очень семейственно. Многіе были не безъ образованія: предсѣдатель палаты зналъ наизустъ »Людмилу« Жуковскаго, которая еще была тогда непростывшею новостію, и мастерски читалъ многія мѣста, особенно: »Боръ заснулъ, долина спитъ« и слово: *чу* такъ что въ самомъ дѣлѣ видѣлось, какъ-будто долина спитъ; для бо́льшаго схо́дства, онъ даже въ это время зажмуривалъ глаза. Почтмейстеръ вдался болѣе въ философію и читалъ весьма прилежно, даже по ночамъ, Юнговы »Ночи« и »Ключъ къ Таинствамъ Натуры.« Эккартсгаузена, изъ кото-

рыхъ дѣлалъ весьма длинныя выписки; но какого рода онѣ были, это никому не было извѣстно; впрочемъ, онъ былъ острякъ, цвѣтистъ въ словахъ и любилъ, какъ самъ выражался, уснастить рѣчь. А уснащивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ-то: »судырь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себѣ представить, относительно такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ«, и прочими, которыя сыпалъ онъ мѣшками; уснащивалъ онъ рѣчь тоже довольно удачно подмаргиваніемъ, прищуриваніемъ одного глаза, что все придавало весьма ѣдкое выраженіе многимъ его сатирическимъ намекамъ. Прочіе тоже были, болѣе или менѣе, люди просвѣщенные: кто читалъ Карамзина, кто Московскія вѣдости, кто даже и совсѣмъ ничего не читалъ. Кто былъ то, что называютъ, тюрюкъ, то есть, человѣкъ, котораго нужно было подымать пинкомъ на что-нибудь; кто былъ просто байбакъ, лежавшій, какъ говорится, весь вѣкъ на боку, котораго даже напрасно было подымать: не встанетъ ни въ какомъ случаѣ. На счетъ благовидности, уже извѣстно, всѣ они были люди надежные, — чахоточнаго между ними никого не было. Всѣ были такого рода, которымъ жены въ нѣжныхъ разговорахъ, происходящихъ въ уединеніи, давали названія: кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки, кики, жужу и проч. Но, вообще, они были народъ добрый, полны гостепріимства, и человѣкъ, вкусившій съ ними хлѣба-соли, или просидѣвшій вечеръ за вистомъ, уже становился чѣмъ-то близкимъ, — тѣмъ болѣе Чичиковъ съ своими обворожительными качествами и пріемами, знавшій въ самомъ дѣлѣ великую тайну нравиться. Они такъ полюбили его, что онъ не видѣлъ средствъ, какъ вырваться изъ города; только и слышалъ онъ: »Ну, недѣльку, еще одну недѣльку поживите съ нами, Павелъ Ивановичъ!« словомъ, онъ былъ носимъ, какъ говорится, на рукахъ. Но несравненно замѣчательнѣе было впечатлѣніе (совершенный предметъ изумленія!), которое произвелъ Чичиковъ на дамъ. Чтобъ это сколько-нибудь изъяснить, слѣдовало бы сказать многое о самихъ дамахъ, объ ихъ обществѣ, описать, какъ говорится, живыми красками ихъ душевныя качества; но для автора это очень трудно. Съ одной стороны, останавливаетъ его неограниченное почтеніе къ супругамъ сановниковъ, а съ другой стороны.... съ другой стороны, просто, трудно.

Дамы города N были.... нѣтъ, никакимъ образомъ не могу: чувствуется, точно, робость. Въ дамахъ города N больше всего замѣчательно было то.... Даже странно — совсѣмъ не подымается перо, точно, будто свинецъ какой-нибудь сидитъ въ немъ. Такъ и быть: о характерахъ ихъ, видно, нужно предоставить сказать тому, у котораго поживѣе краски и побольше ихъ на палитрѣ; а намъ придется развѣ слова два о наружности да о томъ, что̀ поповерхностнѣй. Дамы города N были то, что̀ называютъ, презентабельны, и въ этомъ отношеніи ихъ можно было смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ другимъ. Что̀ до того, какъ вести себя, соблюсти тонъ, поддержать этикетъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, а особенно наблюсти моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, то въ этомъ онѣ опередили даже дамъ Петербургскихъ и Московскихъ. Одѣвались онѣ съ большимъ вкусомъ, разъѣзжали по городу въ колясках, какъ предписывала послѣдняя мода, сзади покачивался лакей, и ливрея въ золотыхъ позументахъ. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ, или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, — именно за то, что одна изъ нихъ какъ-то манкировала контр-визитомъ. И ужъ какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ, оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтѣ, одного только нельзя: примѣрить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита. Такъ обѣ дамы и остались во взаимномъ нерасположеніи, по выраженію городского свѣта. На-счетъ занятія первыхъ мѣстъ, происходило тоже множество весьма сильныхъ сценъ, внушавшихъ мужьямъ иногда совершенно рыцарскія, великодушныя понятія о заступничествѣ. Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что всѣ были гражданскіе чиновники, но зато одинъ другому старался напакостить, гдѣ было можно, что̀, какъ извѣстно, подъ-часъ бываетъ тяжелѣе всякой дуэли. Въ нравахъ дамы города N были строги, исполнены благороднаго негодованія противу всего порочнаго и всякихъ соблазновъ, казнили безъ всякой пощады всякія слабости. Если же между ними и происходило какое-нибудь то, что̀ называютъ *другое-третье*, то оно происходило въ-тайнѣ, такъ что не было подаваемо никакого вида, что̀ про-

исходило; сохранялось все достоинство, и самый мужъ такъ былъ приготовленъ, что если и видѣлъ *другое-третье*, или слышалъ о немъ, то отвѣчалъ коротко и благоразумно пословицею: *Кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла?* Еще нужно сказать, что дамы города N. отличались, подобно многимъ дамамъ Петербургскимъ, необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: этотъ стаканъ, или эта тарелка воняетъ. И даже нельзя было сказать ничего такого, что̀ бы подало намекъ на это, а говорили вмѣсто того: этотъ стаканъ нехорошо ведетъ себя, или что-нибудь въ родѣ этого. Чтобъ еще болѣе облагородить Русскій языкъ, половина почти словъ была выброшена вовсе изъ разговора, и потому весьма часто было нужно прибѣгать къ Французскому языку; зато ужъ тамъ, по-Французски, другое дѣло: тамъ позволялись такія слова, которыя были гораздо пожестче упомянутыхъ. Итакъ, вотъ что̀ можно сказать о дамахъ города N, говоря поповерхностнѣй. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иныхъ вещей; но весьма опасно заглядывать поглубже въ дамскія сердца. Итакъ, ограничась поверхностью, будемъ продолжать. До сихъ поръ всѣ дамы какъ-то мало говорили о Чичиковѣ, отдавая впрочемъ ему полную справедливость въ пріятности свѣтскаго обращенія; но съ тѣхъ поръ, какъ пронеслись слухи объ его милліонствѣ, отыскались и другія качества. Впрочемъ дамы были вовсе не интересанки: виною всему слово *милліонщикъ*, не самъ милліонщикъ, а именно одно слово; ибо въ одномъ звукѣ этого слова, мимо всякаго денежнаго мѣшка, заключается что-то такое, которое дѣйствуетъ и на людей-подлецовъ, и на людей ни то, ни се, и на людей хорошихъ, словомъ, — на всѣхъ дѣйствуетъ. Милліонщикъ имѣетъ ту выгоду, что можетъ видѣть подлость, совершенно безкорыстную, чистую подлость, неоснованную ни на какихъ разсчетахъ: многіе очень хорошо знаютъ, что ничего не получатъ отъ него и не имѣютъ никакого права получить, но непремѣнно хоть забѣгутъ ему впередъ, хоть засмѣются, хоть снимутъ шляпу, хоть напросятся насильно на тотъ обѣдъ, куда узна́ютъ, что пригла-

шенъ милліонщикъ. Нельзя сказать, чтобы это нѣжное расположеніе къ подлости было почувствовано дамами; однакоже въ многихъ гостиныхъ стали говорить, что, конечно, Чичиковъ не первый красавецъ, но зато таковъ, какъ слѣдуетъ быть мущинѣ, что будь онъ немного толще, или полнѣе, ужъ это было бы нехорошо. При этомъ было сказано какъ-то даже нѣсколько обидно на-счетъ тоненькаго мущины, — что онъ больше ничего, какъ что-то въ родѣ зубочистки, а не человѣка. Въ дамскихъ нарядахъ оказались многія разныя прибавленія. Въ гостинномъ дворѣ сдѣлалась толкотня, чуть не давка; образовалось даже гулянье — до такой степени наѣхало экипажей. Купцы изумились, увидя, какъ нѣсколько кусковъ матеріи, привезенныхъ ими съ ярмарки и несходившихъ съ рукъ по причинѣ цѣны, показавшейся высокою, пошли вдругъ въ ходъ и были раскуплены на-расхватъ. Во время обѣдни, у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подалѣе, то есть, поближе къ паперти, чтобъ какъ-нибудь не измялся туалетъ ея высокоблагородія. Самъ даже Чичиковъ не могъ отчасти не замѣтить такого необыкновеннаго вниманія. Одинъ разъ, возвратясь къ себѣ домой, онъ нашелъ на столѣ у себя письмо. Откуда и кто принесъ его, ничего нельзя было узнать: трактирный слуга отозвался, что принесли, де, и не велѣли сказывать, отъ кого. Письмо начиналось очень рѣшительно, именно такъ: »Нѣтъ, я должна къ тебѣ писать!« Потомъ говорено было о томъ, что есть тайное сочувствіе между душами; эта истина скрѣплена была нѣсколькими точками, занявшими почти полстроки. Потомъ слѣдовало нѣсколько мыслей, весьма замѣчательныхъ по своей справедливости, такъ что считаемъ почти необходимымъ ихъ выписать: »Что̀ жизнь наша? Долина, гдѣ поселились горести. Что̀ свѣтъ? Толпа людей, которая не чувствуетъ.« Затѣмъ писавшая упоминала, что омочаетъ слезами строки нѣжной матери, которая, протекло двадцать пять лѣтъ, какъ уже не существуетъ на свѣтѣ; приглашали Чичикова въ пустыню — оставить на всегда городъ, гдѣ люди въ душныхъ оградахъ не пользуются воздухомъ; окончаніе письма отзывалось даже рѣшительнымъ отчаяньемъ и заключалось такими стихами:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя томно, скажутъ,
Что она умерла во слезахъ.

Въ послѣдней строкѣ не было размѣра, но это, впрочемъ, ничего: письмо было написано въ духѣ тогдашняго времени. Никакой надписи тоже не было: ни имени, ни фамиліи, ни даже мѣсяца и числа. Въ postscriptum было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую и что на балѣ у губернатора, имѣющемъ быть завтра, будетъ присутствовать самъ оригиналъ.

Это очень его заинтересовало. Въ анонимѣ было такъ много заманчиваго и подстрекающаго любопытство, что онъ перечелъ и въ другой, и въ третій разъ письмо, и наконецъ сказалъ: »Любопытно бы, однакожъ, знать, кто бы такая была писавшая!« Словомъ, дѣло, какъ видно, сдѣлалось серьезно; болѣе часу онъ всё думалъ объ этомъ; наконецъ, разставивъ руки и наклоня голову, сказалъ: »А письмо очень, очень кудряво написано!« Потомъ, само собой разумѣется, письмо было свернуто и уложено въ шкатулку, въ сосѣдствѣ съ какою-то афишею и пригласительнымъ свадебнымъ билетомъ, семь лѣтъ сохранявшимся въ томъ же положеніи и на томъ же мѣстѣ. Немного спустя, принесли къ нему, точно, приглашенье на балъ къ губернатору — дѣло, весьма обыкновенное въ губернскихъ городахъ: гдѣ губернаторъ, тамъ и балъ, иначе никакъ не будетъ надлежащей любви и уваженія со стороны дворянства.

Все постороннее было въ ту жъ минуту оставлено и отстранено прочь, и все было устремлено на приготовленіе къ балу; ибо, точно, было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ. Зато, можетъ быть, отъ самого созданья свѣта не было употреблено столько времени на туалетъ. Цѣлый часъ былъ посвященъ только на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ. Пробовалось сообщить ему множество разныхъ выраженій: то важное и степенное, то почтительное, но съ нѣкоторою улыбкою, то просто почтительное безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ въ сопровожденіи неясныхъ звуковъ, отчасти похожихъ на Французскіе, хотя по-Французски Чичиковъ не зналъ вовсе. Онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ, под-

мигнулъ бровью и губами и сдѣлалъ кое-что даже языкомъ; словомъ, мало ли чего не дѣлаешь, оставшись одинъ, чувствуя притомъ, что хорошъ, да къ тому же будучи увѣренъ, что никто не заглядываетъ въ щелку? Наконецъ онъ слегка трепнулъ себя по подбородку, сказавши: »Ахъ ты, мордашка эдакой!« и сталъ одѣваться. Самое довольное расположеніе сопровождало его во все время одѣванія: надѣвая подтяжки, или повязывая галстухъ, онъ расшаркивался и кланялся съ особенною ловкостію, и хотя никогда не танцовалъ, но сдѣлалъ антраша. Это антраша произвело маленькое невинное слѣдствіе: задрожалъ коммодъ, и упала со стола щетка.

Появленіе его на балѣ произвело необыкновенное дѣйствіе. Все, что ни было, обратилось къ нему на-встрѣчу, — кто съ картами въ рукахъ, кто на самомъ интересномъ пунктѣ разговора, произнеся: »А нижній земскій судъ отвѣчаетъ на это...« Но что такое отвѣчаетъ земскій судъ, ужъ это онъ бросилъ въ сторону и спѣшилъ съ привѣтствіемъ къ нашему герою: »Павелъ Ивановичъ! Ахъ Боже мой, Павелъ Ивановичъ! Любезный Павелъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ! Душа моя, Павелъ Ивановичъ! Вотъ вы гдѣ, Павелъ Ивановичъ! Вотъ онъ, нашъ Павелъ Ивановичъ! Позвольте прижать васъ, Павелъ Ивановичъ! Давайте-ка его сюда, вотъ я его поцѣлую покрѣпче, моего дорогого Павла Ивановича!« Чичиковъ разомъ почувствовалъ себя въ нѣсколькихъ объятіяхъ. Не успѣлъ совершенно выкарабкаться изъ объятій предсѣдателя, какъ очутился уже въ объятіяхъ полиціймейстера; полиціймейстеръ сдалъ его инспектору врачебной управы; инспекторъ врачебной управы — откупщику, откупщикъ — архитектору.... Губернаторъ, который въ то время стоялъ возлѣ дамъ и держалъ въ одной рукѣ конфектный билетъ и болонку, увидя его, бросилъ на полъ и билетъ, и болонку, — только завизжала собачонка. Словомъ, распространилъ онъ радость и веселье необыкновенное. Не было лица, на которомъ бы не выразилось удовольствіе, или по крайней мѣрѣ отраженіе всеобщаго удовольствія. Такъ бываетъ на лицахъ чиновниковъ во время осмотра пріѣхавшимъ начальникомъ ввѣренныхъ управленію ихъ мѣстъ, послѣ того какъ уже первый страхъ прошелъ, они увидѣли, что многое

ему нравится и онъ самъ изволилъ наконецъ пошутить, то есть, произнести съ пріятною усмѣшкой нѣсколько словъ. Смѣются вдвое въ отвѣтъ на это обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые, впрочемъ, нѣсколько плохо услыхали произнесенныя имъ слова, и, наконецъ, стоящій далеко у дверей, у самаго выхода, какой-нибудь полицейскій, отъ роду несмѣявшійся во всю жизнь свою и только что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выражаетъ на лицѣ своемъ какую-то улыбку, хотя эта улыбка болѣе похожа на то, какъ-бы кто-нибудь собирался чихнуть послѣ крѣпкаго табаку. Герой нашъ отвѣчалъ всѣмъ и каждому и чувствовалъ какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налѣво, по обыкновенію своему, нѣсколько на бокъ, но совершенно свободно, такъ что очаровалъ всѣхъ. Дамы тутъ же обступили его блистающею гирляндою и нанесли съ собой цѣлыя облака всякаго рода благоуханій: одна дышала розами, отъ другой несло весной и фіалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиковъ подымалъ только носъ къ верху да нюхалъ. Въ нарядахъ ихъ вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были такихъ блѣдныхъ модныхъ цвѣтовъ, какимъ даже и названья нельзя было прибрать, —до такой степени дошла тонкость вкуса; ленточные банты и цвѣточные букеты порхали тамъ и тамъ по платьямъ, въ самомъ картинномъ безпорядкѣ, хотя надъ этимъ безпорядкомъ трудилась много порядочная голова; легкій головной уборъ держался только на однихъ ушахъ и, казалось, говорилъ: »Эй, улечу! жаль только, что не подыму съ собой красавицу!« таліи были обтянуты и имѣли самыя крѣпкія и пріятныя для глазъ формы (нужно замѣтить, что вообще всѣ дамы города N были нѣсколько полны, но шнуровались такъ искусно и имѣли такое пріятное обращеніе, что толщины никакъ нельзя было примѣтить). Все было у нихъ придумано и предусмотрѣно съ необыкновенною осмотрительностію: шея, плечи были открыты именно на столько, на сколько нужно, и никакъ не дальше; каждая обнажила свои владѣнія до тѣхъ поръ, пока чувствовала, по собственному убѣжденію, что онѣ способны погубить человѣка; остальное все было припрятано съ необыкновеннымъ вкусомъ:

или какой-нибудь легенькій галстухъ изъ ленты легче, пирожнаго, извѣстнаго подъ именемъ *поцѣлуя*, эөирно обнималъ шею, или выпущены были изъ-за плечъ, изъ-подъ платья, маленькія зубчатыя стѣнки изъ тонкаго батиста, извѣстныя подъ именемъ *скромностей*. Эти *скромности* скрывали напереди и сзадито, что уже не могло нанести гибели человѣку, а между тѣмъ заставляли подозрѣвать, что тамъ-то именно и была самая погибель. Длинныя перчатки были надѣты не вплоть до рукавовъ, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительныя части рукъ повыше локтя, которыя у многихъ дышали завидною полнотою; у иныхъ даже лопнули лайковыя перчатки, побужденныя надвинуться далѣе. Словомъ, кажется, какъ-будто на всемъ было написано: »Нѣтъ, это не губернія, это столица, это самъ Парижъ!« Только мѣстами вдругъ высовывался какой-нибудь невиданный землею чепецъ, или даже какое-то, чуть не павлиное, перо, въ противность всѣмъ модамъ, по собственному вкусу. Но ужъ безъ этого нельзя; таково свойство губернскаго города: гдѣ-нибудь ужъ онъ непремѣнно оборвется. Чичиковъ, стоя передъ ними, думалъ: »Которая, однакоже, сочинительница письма?« и высунулъ было впередъ носъ; но по самому носу дернулъ его цѣлый рядъ локтей, обшлаговъ, рукавовъ, концовъ лентъ, душистыхъ шемизетокъ и платьевъ. Галопадъ летѣлъ во всю пропалую: почтмейстерша, капитанъ-исправникъ, дама съ голубымъ перомъ, дама съ бѣлымъ перомъ, Грузинскій князь Чипхайхилидзевъ, чиновникъ изъ Петербурга, чиновникъ изъ Москвы, Французъ Куку, Перхуновскій, Беребендовскій — все поднялось и понеслось....

»Вона! пошла писать губернія!« проговорилъ Чичиковъ, попятившись назадъ, и, какъ только дамы разсѣлись по мѣстамъ, онъ вновь началъ выглядывать, нельзя ли по выраженію въ лицѣ и въ глазахъ узнать, которая была сочинительница; но никакъ нельзя было узнать ни по выраженію въ лицѣ, ни по выраженію въ глазахъ, которая была сочинительница. Вездѣ было замѣтно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимо тонкое, — у, какое тонкое!... »Нѣтъ«, сказалъ самъ въ себѣ Чичиковъ, »женщины, это такой предметъ....« здѣсь онъ и рукой махнулъ: »просто — и говорить нечего! Поди-ка попробуй разсказать, или передать все

то, что̀ бѣгаетъ на ихъ лицахъ, — всѣ тѣ излучинки, намеки... а вотъ, просто, ничего не передашь! Одни глаза ихъ такое безконечное государство, въ которое заѣхалъ человѣкъ — и поминай, какъ звали! Ужъ его оттуда ни крючкомъ, ничѣмъ не вытащишь. Ну, попробуй, напримѣръ, разсказать одинъ блескъ ихъ: влажный, бархатный, сахарный — Богъ ихъ знаетъ, какого нѣтъ еще! и жесткій, и мягкій, и даже совсѣмъ томный, или, какъ иные говорятъ, въ нѣгѣ, или безъ нѣги, но пуще нежели въ нѣгѣ, — такъ вотъ зацѣпитъ за сердце, да и поведетъ по всей душѣ, какъ-будто смычкомъ. Нѣтъ, просто не приберешь слова: галантёрная половина человѣческаго рода, да и ничего больше!«

Виноватъ! кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что̀ жъ дѣлать? таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писатель виноватъ, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго Русскаго слова, а Французскими, Нѣмецкими и Англійскими они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣлятъ даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній, — по-Французски въ носъ и картавя, по-Англійски произнесутъ, какъ слѣдуетъ птицѣ, и даже физіогномію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физіогноміи. А вотъ только Русскимъ ничѣмъ не надѣлятъ, развѣ изъ патріотизма выстроятъ для себя на дачѣ избу въ Русскомъ вкусѣ. Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между тѣмъ какая взыскательность! Хотятъ непремѣнно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ, словомъ — хотятъ, чтобы Русскій языкъ самъ собою ниспустился вдругъ съ облаковъ, обработанный, какъ слѣдуетъ, и сѣлъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человѣческаго рода; но почтенные читатели, надо признаться, бываютъ еще мудренѣе.

А Чичиковъ приходилъ между тѣмъ въ совершенное недоумѣніе, рѣшить, которая изъ дамъ была сочинительница письма.

Попробовавши устремить внимательнѣе взоръ, онъ увидѣлъ, что съ дамской стороны тоже выражалось что-то такое, ниспосылающее вмѣстѣ и надежду, и сладкія муки въ сердце бѣднаго смертнаго, что онъ наконецъ сказалъ: »Нѣтъ, никакъ нельзя угадать!« Это, однакоже, никакъ не уменьшило веселаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился. Онъ непринужденно и ловко размѣнялся съ нѣкоторыми изъ дамъ пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробнымъ, мелкимъ шагомъ, или, какъ говорятъ, сѣменилъ ножками, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-щоголи на высокихъ каблукахъ, называемые мышиными жеребчиками, забѣгающіе весьма проворно около дамъ. Посѣменивши съ довольно ловкими поворотами направо и налѣво, онъ подшаркнулъ тутъ же ножкой, въ видѣ коротенькаго хвостика, или на подобіе запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскали въ немъ кучу пріятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выраженіе въ лицѣ, что-то даже Марсовское и военное, что, какъ извѣстно, очень нравится женщинамъ. Даже изъ-за него уже начинали нѣсколько ссориться: замѣтивши, что онъ становился обыкновенно около дверей, нѣкоторыя наперерывъ спѣшили занять стулъ поближе къ дверямъ, и когда одной посчастливилось сдѣлать это прежде, то едва не произошла прескверная исторія, и многимъ, желавшимъ себѣ сдѣлать то же, показалась уже черезъчуръ отвратительною подобная наглость.

Чичиковъ такъ занялся разговорами съ дамами, или, лучше, дамы такъ заняли и закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самыхъ замысловатыхъ и тонкихъ аллегорій, которыя всѣ нужно было разгадывать, отъ чего даже выступилъ у него на лбу потъ, — что онъ позабылъ исполнить долгъ приличія и подойти прежде всего къ хозяйкѣ. Вспомнилъ онъ объ этомъ уже тогда, когда услышалъ голосъ самой губернаторши, стоявшей передъ нимъ уже нѣсколько минутъ. Губернаторша произнесла нѣсколько ласковымъ и лукавымъ голосомъ, съ пріятнымъ потряхиваніемъ головы: »А, Павелъ Ивановичъ, такъ вотъ какъ вы!..« Въ точности не могу передать словъ губернаторши, но было сказано что-то исполненное большой любезности, въ томъ духѣ, въ которомъ изъясняются дамы и кавалеры въ повѣстяхъ нашихъ свѣтскихъ

писателей, охотниковъ описывать гостиныя и похвалиться знаніемъ высшаго тона, — въ духѣ того, что »неужели овладѣли такъ вашимъ сердцемъ, что въ немъ нѣтъ болѣе ни мѣста, ни самаго тѣснаго уголка для безжалостно позабытыхъ вами?« Герой нашъ поворотился въ ту жъ минуту къ губернаторшѣ и уже готовъ былъ отпустить ей отвѣтъ, вѣроятно, ничѣмъ не хуже тѣхъ, какіе отпускаютъ въ модныхъ повѣстяхъ Звонскіе, Линскіе, Лидины, Гремины и всякіе ловкіе военные люди, какъ, невзначай поднявши глаза, остановился вдругъ, будто оглушенный ударомъ.

Передъ нимъ стояла не одна губернаторша: она держала подъ руку молоденькую шестнадцати-лѣтнюю дѣвушку, свѣженькую блондинку, съ тоненькими и стройными чертами лица, съ остренькимъ подбородкомъ, съ очаровательно кругливившимся оваломъ лица, какое художникъ взялъ бы въ образецъ для мадонны и какое только рѣдкимъ случаемъ попадается на Руси, гдѣ любитъ все оказаться въ широкомъ размѣрѣ, все, что̀ ни есть: и горы, и лѣса, и степи, и лица, и губы, и ноги, — ту самую блондинку, которую онъ встрѣтилъ на дорогѣ, ѣхавши отъ Ноздрева, когда, по глупости кучеровъ, или лошадей, ихъ экипажи такъ странно столкнулись, перепутавшись упряжью и дядя Митяй съ дядею Миняемъ взялись распутывать дѣло. Чичиковъ такъ смѣшался, что не могъ произнести ни одного толковаго слова и пробормоталъ чортъ знаетъ что̀ такое чего бы ужъ никакъ не сказалъ ни Греминъ, ни Звонскій, ни Лидинъ.

»Вы не знаете еще моей дочери?« сказала губернаторша: »институтка, только что выпущена.«

Онъ отвѣчалъ, что уже имѣлъ счастіе нечаяннымъ образомъ познакомиться; попробовалъ еще кое-что прибавить, но кое-что совсѣмъ не вышло. Губернаторша, сказавъ два-три слова, наконецъ отошла съ дочерью въ другой конецъ залы къ другимъ гостямъ; а Чичиковъ всё еще стоялъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ человѣкъ, который весело вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы прогуляться, съ глазами, расположенными глядѣть на все, и вдругъ неподвижно остановился, вспомнивъ, что онъ позабылъ что-то, и ужъ тогда глупѣе ничего не можетъ быть такого человѣка: вмигъ беззаботное выраженіе слетаетъ съ лица его;

онъ силится припомнить, что̀ позабылъ онъ: не платокъ ли? но платокъ въ карманѣ; не деньги ли? но деньги тоже въ карманѣ; все кажется при немъ, а между тѣмъ какой-то невѣдомый духъ шепчетъ ему въ уши, что онъ позабылъ что-то; и вотъ уже глядитъ онъ растерянно и смутно на движущуюся толпу передъ нимъ, на летающіе экипажи, на кивера и ружья проходящаго полка, на вывѣску, и ничего хорошо не видитъ. Такъ и Чичиковъ вдругъ сдѣлался чуждымъ всему, что̀ ни происходило вокругъ него. Въ это время изъ дамскихъ благовонныхъ устъ къ нему устремилось множество намековъ и вопросовъ, проникнутыхъ насквозь тонкостію и любезностію: »Позволено ли намъ, бѣднымъ жителямъ земли, быть такъ дерзкими, чтобы спросить васъ, о чемъ мечтаете?—Гдѣ находятся тѣ счастливыя мѣста, въ которыхъ порхаетъ мысль ваша?—Можно ли знать имя той, которая погрузила васъ въ эту сладкую долину задумчивости?« Но онъ отвѣчалъ на все рѣшительнымъ невниманіемъ, и пріятныя фразы канули, какъ въ воду. Онъ даже до того былъ неучтивъ, что скоро ушелъ отъ нихъ въ другую сторону, желая повысмотрѣть, куда ушла губернаторша съ своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотѣли оставить его такъ скоро: каждая внутренно рѣшилась употребить всевозможныя орудія, столь опасныя для сердецъ нашихъ, и пустить въ ходъ все, что̀ было лучшаго. Нужно замѣтить, что у нѣкоторыхъ дамъ—я говорю у нѣкоторыхъ: это не то, что у всѣхъ,—есть маленькая слабость: если онѣ замѣтятъ у себя что-нибудь особенно хорошее — лобъ ли, ротъ ли, руки ли — то уже думаютъ, что лучшая часть лица ихъ такъ первая и бросится всѣмъ въ глаза, и всѣ вдругъ заговорятъ въ одинъ голосъ: »Посмотрите, посмотрите, какой у ней прекрасный Греческій носъ!« или: »какой правильный, очаровательный лобъ!« У которой же хороши плечи, та увѣрена заранѣе, что всѣ молодые люди будутъ совершенно восхищены и, то и дѣло, станутъ повторять въ то время, когда она будетъ проходить мимо̀: »Ахъ, какія чудесныя у этой плечи!« а на лицо, волосы, носъ, лобъ даже не взглянутъ, если же и взглянутъ, то какъ на что-то постороннее. Такимъ образомъ думаютъ иныя дамы. Каждая дама дала себѣ внутренній обѣтъ быть какъ можно очаровательнѣй въ танцахъ и показать во всемъ блескѣ пре-

восходство того, что у нея было самаго превосходнаго. Почтмейстерша, вальсируя, съ такой томностію опустила на бокъ голову, что слышалось въ самомъ дѣлѣ что-то неземное. Одна очень любезная дама, — которая пріѣхала вовсе не съ тѣмъ, чтобы танцовать, по причинѣ приключившагося, какъ сама выразилась, небольшого инкомодите въ видѣ горошинки на правой ногѣ, въ-слѣдствіе чего должна была даже надѣть плисовые сапоги, — не вытерпѣла, однакоже, и сдѣлала нѣсколько круговъ въ плисовыхъ сапогахъ, для того именно, чтобы почтмейстерша не забрала въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много себѣ въ голову.

Но все это никакъ не произвело предполагаемаго дѣйствія на Чичикова. Онъ даже не смотрѣлъ на круги, производимые дамами, но безпрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверхъ головъ, куда бы могла забраться занимательная блондинка; присѣдалъ и внизъ тоже, высматривая промежъ плечей и спинъ, наконецъ доискался и увидѣлъ ее, сидящую вмѣстѣ съ матерью, надъ которою величаво колебалась какая-то восточная чалма съ перомъ. Казалось, какъ-будто онъ хотѣлъ взять ихъ приступомъ. Весеннее ли расположеніе подѣйствовало на него, или толкалъ его кто сзади, только онъ протѣснялся рѣшительно впередъ, не смотря ни на что: откупщикъ получилъ отъ него такой толчокъ, что пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ногѣ, не то бы, конечно, повалилъ за собою цѣлый рядъ; почтмейстеръ тоже отступился и посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ довольно тонкой ироніей, но онъ на нихъ не поглядѣлъ: онъ видѣлъ только вдали блондинку, надѣвавшую длинную перчатку и, безъ сомнѣнія, сгаравшую желаніемъ пуститься летать по паркету. А ужъ тамъ въ сторонѣ четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали полъ, и армейскій штабсъ-капитанъ работалъ и душою и тѣломъ, и руками и ногами, отвертывая такія па, какихъ и во снѣ никому не случалось отвертывать. Чичиковъ прошмыгнулъ мимо мазурки почти по самымъ каблукамъ и прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла губернаторша съ дочкой. Однакожъ онъ подступилъ къ нимъ очень робко, не сѣменилъ такъ бойко и франтовски ногами, даже нѣсколько замялся, и во всѣхъ движеніяхъ оказалась какая-то неловкость.

Нельзя сказать навѣрно, точно ли пробудилось въ нашемъ герое чувство любви, даже сомнительно, чтобы господа такого рода, то есть, не такъ, чтобы толстые, однакожъ и не то, чтобы тонкіе, способны были къ любви; но при всемъ томъ здѣсь было что-то такое, странное, что-то въ такомъ родѣ, что онъ самъ не могъ себѣ объяснить: ему показалось, какъ самъ онъ потомъ сознавался, что весь балъ, со всѣмъ своимъ говоромъ и шумомъ, сталъ на нѣсколько минутъ какъ-будто гдѣ-то вдали; скрыпки и трубы нарѣзывали гдѣ-то за горами, и все подернулось туманомъ, похожимъ на небрежно замалеванное поле на картинѣ; и изъ этого мглистаго, кое-какъ набросаннаго поля выходили ясно и оконченно только однѣ тонкія черты увлекательной блондинки: ея овально-круглившееся личико, ея тоненькій, тоненькій станъ, какой бываетъ у институтки въ первые мѣсяцы послѣ выпуска, ея бѣлое, почти простое платьице, легко и ловко обхватившее во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе стройные члены, которые означались въ какихъ-то чистыхъ линіяхъ. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную изъ слоновой кости; она только одна бѣлѣла и выходила прозрачною и свѣтлою изъ мутной и непрозрачной толпы.

Видно, такъ ужъ бываетъ на свѣтѣ; видно, и Чичиковы, на нѣсколько минутъ въ жизни, обращаются въ поэтовъ; но слово *поэтъ* будетъ уже слишкомъ. По крайней мѣрѣ онъ почувствовалъ себя совершенно чѣмъ-то въ родѣ молодого человѣка, чуть-чуть не гусаромъ. Увидѣвши возлѣ нихъ пустой стулъ, онъ тотчасъ его занялъ. Разговоръ сначала не клеился, но послѣ дѣло пошло, и онъ началъ даже получать форсъ, но... Здѣсь къ величайшему прискорбію надобно замѣтить, что люди степенные и занимающіе важныя должности какъ-то немного тяжеловаты въ разговорахъ съ дамами; на это мастера господа поручики, и никакъ не далѣе капитанскихъ чиновъ. Какъ они дѣлаютъ, Богъ ихъ вѣдаетъ: кажется, и не очень мудреныя вещи говорятъ, а дѣвица, то и дѣло, качается на стулѣ отъ смѣха; статскій же совѣтникъ Богъ знаетъ что разскажетъ: или поведетъ рѣчь о томъ, что Россія очень пространное государство, или отпуститъ комплиментъ, который, конечно, выдуманъ не безъ остроумія, но отъ него ужасно пахнетъ

книгою; если же скажетъ что-нибудь смѣшное, то самъ несравненно больше смѣется, чѣмъ та, которая его слушаетъ. Здѣсь это замѣчено для того, чтобы читатели видѣли, почему блондинка стала зѣвать во время разсказовъ нашего героя. Герой, однакоже, совсѣмъ этого не замѣчалъ, разсказывая множество пріятныхъ вещей, которыя уже случалось ему произносить въ подобныхъ случаяхъ въ разныхъ мѣстахъ, именно: въ Симбирской губерніи у Софрона Ивановича Безпечнаго, гдѣ были тогда дочь его Аделаида Софроновна съ тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Ѳедора Ѳедоровича Перекроева, въ Рязанской губерніи; у Фрола Васильевича Побѣдоноснаго, въ Пензенской губерніи, и у брата его, Петра Васильевича, гдѣ были: свояченица его, Катерина Михайловна, и внучатныя сестры ея, Роза Ѳедоровна и Эмилія Ѳедоровна; въ Вятской губерніи у Петра Варсонофьевича, гдѣ была сестра невѣстки его, Пелагая Егоровна, съ племянницей, Софьей Ростиславной, и двумя сводными сестрами, Софіей Александровной и Маклатурой Александровной.

Всѣмъ дамамъ совершенно не понравилось такое обхожденіе Чичикова. Одна изъ нихъ нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это замѣтить, и даже задѣла блондинку довольно небрежно толстымъ руло своего платья, а шарфомъ, который порхалъ вокругъ плечъ ея, распорядилась такъ, что онъ махнулъ концемъ своимъ ее по самому лицу; въ то же самое время позади его изъ однихъ дамскихъ устъ изнеслось, вмѣстѣ съ запахомъ фіялокъ, довольно колкое и язвительное замѣчаніе. Но, если онъ не услышалъ въ самомъ дѣлѣ, или прикинулся, что не услышалъ, только это было нехорошо; ибо мнѣніемъ дамъ нужно дорожить: въ этомъ онъ и раскаялся, но уже послѣ, стало быть, поздно.

Негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое, изобразилось во многихъ лицахъ. Какъ ни великъ былъ въ обществѣ вѣсъ Чичикова, хотя онъ и милліонщикъ, и въ лицѣ его выражалось величіе и даже что-то Марсовское и военное, но есть вещи, которыхъ дамы не простятъ никому, будь онъ кто бы ни было, и тогда прямо пиши — пропало! Есть случаи, гдѣ женщина, какъ ни слаба и безсильна характеромъ въ сравненіи съ мущиною, но стано-

вится вдругъ тверже не только мущины, но и всего, что̀ ни есть на свѣтѣ. Пренебреженіе, оказанное Чичиковымъ, почти неумышленное, возстановило между дамами даже согласіе, бывшее было на краю погибели по случаю завладѣнія стуломъ. Въ произнесенныхъ имъ невзначай какихъ-то сухихъ и обыкновенныхъ словахъ нашли колкіе намеки. Въ довершеніе бѣдъ какой-то изъ молодыхъ людей сочинилъ тутъ же сатирическіе стихи на танцовавшее общество, безъ чего, какъ извѣстно, никогда почти не обходится на губернскихъ балахъ. Эти стихи были приписаны тутъ же Чичикову. Негодованье росло, и дамы стали говорить о немъ въ разныхъ углахъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ; а бѣдная институтка была уничтожена совершенно, и приговоръ ея уже былъ подписанъ.

А между тѣмъ герою нашему готовилась препепріятнѣйшая неожиданность: въ то время, когда блондинка зѣвала, а онъ разсказывалъ ей кое-какія въ разныя времена случившіяся исторійки и даже коснулся было Греческаго философа Діогена, показался изъ послѣдней комнаты Ноздревъ. Изъ буфета ли онъ вырвался, или изъ небольшой зеленой гостинной, гдѣ производилась игра посильнѣе, чѣмъ въ обыкновенный вистъ, своей ли волею, или вытолкали его, только онъ явился веселый, радостный, ухвативши подъ руку прокурора, котораго, вѣроятно, уже таскалъ нѣсколько времени, потому что бѣдный прокуроръ поворачивалъ на всѣ стороны свои густыя брови, какъ-бы придумывая средство выбраться изъ этого дружескаго подручнаго путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, оно было невыносимо. Ноздревъ, захлебнувъ куражу въ двухъ чашкахъ чаю, конечно не безъ рома, вралъ немилосердно. Завидѣвъ еще издали его, Чичиковъ рѣшился даже на пожертвованіе, то есть, оставить свое завидное мѣсто и, сколько можно, поспѣшнѣе удалиться: ничего хорошаго не предвѣщала ему эта встрѣча. Но, какъ на бѣду, въ это время подвернулся губернаторъ, изъявившій необыкновенную радость, что нашелъ Павла Ивановича, и остановилъ его, прося быть судіею въ спорѣ его съ двумя дамами на-счетъ того, продолжительна ли женская любовь, или нѣтъ; а между тѣмъ Ноздревъ уже увидалъ его и шелъ прямо на-встрѣчу.

»А, Херсонскій помѣщикъ, Херсонскій помѣщикъ!« кричалъ

онъ, подходя и заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румянныя, какъ весенняя роза, щеки. »Что? много наторговалъ мертвыхъ? Вѣдь вы не знаете, ваше превосходительство«, горланилъ онъ тутъ же, обратившись къ губернатору: »онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей Богу! Послушай, Чичиковъ! вѣдь ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство здѣсь, — я бы тебя повѣсилъ, ей Богу, повѣсилъ!«

Чичиковъ просто не зналъ, гдѣ сидѣлъ.

»Повѣрите ли, ваше превосходительство«, продолжалъ Ноздревъ: »какъ сказалъ онъ мнѣ: »продай мертвыхъ душъ«, я такъ и лопнулъ со смѣха. Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ. Какихъ на выводъ! да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ: да ты скотина, ей Богу скотина! вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ?«

Но прокуроръ и Чичиковъ, и самъ губернаторъ пришли въ такое замѣшательство, что не нашлись совершенно, что отвѣчать; а между тѣмъ Ноздревъ, ни мало не обращая вниманія, несъ полутрезвую рѣчь: »Ужъ ты, братъ, ты, ты.... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я. Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то есть, просто, если бы вы сказали, вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: »Ноздревъ! скажи по »совѣсти, кто тебѣ дороже, отецъ родной, или Чичиковъ?« скажу— Чичиковъ, ей Богу.... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою!« Ноздревъ былъ такъ оттолкнутъ съ своими безе, что чуть не полетѣлъ на землю. Отъ него всѣ отступились и не слушали больше. Но всё же слова его о покупкѣ мертвыхъ душъ были произнесены во всю глотку и сопровождены такимъ громкимъ смѣхомъ, что привлекли вниманіе даже тѣхъ, которые находились въ самыхъ дальнихъ углахъ ком-

наты. Эта новость такъ показалась странною, что всѣ остановились съ какимъ-то деревяннымъ, глупо-вопросительнымъ выраженіемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что многія дамы перемигнулись между собою съ какою-то злобною, ѣдкою усмѣшкою, и въ выраженіи нѣкоторыхъ лицъ показалось что-то такое двусмысленное, которое еще болѣе увеличило его смущеніе. Что Ноздревъ лгунъ отъявленный, это было извѣстно всѣмъ, и вовсе не было въ диковинку слышать отъ него рѣшительную безсмыслицу; но смертный—право, трудно даже понять, какъ устроенъ этотъ смертный: какъ бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, онъ непремѣнно сообщитъ ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: »Посмотрите, какую ложь распустили!« а другой смертный съ удовольствіемъ преклонитъ ухо, хотя послѣ скажетъ самъ: »Да это совершенно пошлая ложь, нестоющая никакого вниманія!« и вслѣдъ затѣмъ сей же часъ отправится искать третьяго смертнаго, чтобы, разсказавши ему, послѣ вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть съ благороднымъ негодованіемъ: »Какая пошлая ложь!« И это непремѣнно обойдетъ весь городъ, и всѣ смертные, сколько ихъ ни есть, наговорятся непремѣнно досыта и потомъ признаютъ, что это не стóитъ вниманія и не достойно, чтобы о немъ говорить.

Это вздорное, повидимому, происшествіе замѣтно разстроило нашего героя. Какъ ни глупы слова дурака, а иногда бываютъ они достаточны, чтобы смутить умнаго человѣка. Онъ сталъ чувствовать себя неловко, неладно; точь-въ-точь, какъ-будто прекрасно вычищеннымъ сапогомъ вступилъ вдругъ въ грязную вонючую лужу, словомъ — нехорошо, совсѣмъ нехорошо! Онъ пробовалъ объ этомъ не думать, старался разсѣяться, развлечься, присѣлъ въ вистъ, но все пошло, какъ кривое колесо: два раза сходилъ онъ въ чужую масть и, позабывъ, что по третьей не бьютъ, размахнулся со всей руки и хватилъ съ-дуру свою же. Предсѣдатель никакъ не могъ понять, какъ Павелъ Ивановичъ, такъ хорошо и, можно сказать тонко разумѣвшій игру, могъ сдѣлать подобныя ошибки и подвелъ даже подъ обухъ его пиковаго короля, на котораго онъ, по собственному выраженію, надѣялся, какъ на каменную стѣну. Конечно почтмейстеръ, и предсѣдатель и даже самъ полиціймейстеръ, какъ водится, подшучивали надъ нашимъ героемъ, что ужъ не

влюбленъ ли онъ, и что мы знаемъ, дескать, что у Павла Ивановича сердчишко прихрамываетъ, знаемъ кѣмъ и подстрѣлено; но все это никакъ его не утѣшало, какъ онъ ни пробовалъ усмѣхаться и отшучиваться. За ужиномъ то же онъ не былъ въ состояніи развернуться, не смотря на то, что общество за столомъ было пріятное и что Ноздрева давно уже вывели; ибо сами даже дамы наконецъ замѣтили, что поведеніе его черезъ-чуръ становилось скандалёзно. Посреди котильона, онъ сѣлъ на полъ и сталъ хватать за полы танцующихъ, что̀ было уже ни на что̀ не похоже, по выраженію дамъ. Ужинъ былъ очень веселъ; всѣ лица, мелькавшія передъ тройными подсвѣчниками, цвѣтами, конфектами и бутылками, были озарены самымъ непринужденнымъ довольствомъ. Офицеры, дамы, фраки — все сдѣлалось любезно, даже до приторности. Мущины вскакивали со стульевъ и бѣжали отнимать у слугъ блюда, чтобы съ необыкновенною ловкостію предложить ихъ дамамъ. Одинъ полковникъ подалъ дамѣ тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги. Мущины почтенныхъ лѣтъ, между которыми сидѣлъ Чичиковъ, спорили громко, заѣдая дѣльное слово рыбой, или говядиной, обмакнутой нещаднымъ образомъ въ горчицу, и спорили о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онъ даже всегда принималъ участіе; но онъ былъ похожъ на какого-то человѣка, уставшаго, или разбитаго дальней дорогой, которому ничто не лѣзетъ на умъ и который не въ силахъ войти ни во что̀. Даже не дождался онъ окончанія ужина и уѣхалъ къ себѣ несравненно ранѣе, чѣмъ имѣлъ обыкновеніе уѣзжать.

Тамъ, въ этой комнаткѣ, такъ знакомой читателю, съ дверью, заставленной коммодомъ и выглядывавшими иногда изъ угловъ тараканами, положеніе мыслей и духа его было такъ же неспокойно, какъ неспокойны тѣ кресла, въ которыхъ онъ сидѣлъ. Непріятно, смутно было у него на сердцѣ; какая-то тягостная пустота оставалась тамъ. »Чтобъ васъ чортъ побралъ всѣхъ, кто выдумалъ эти балы!« говорилъ онъ въ-сердцахъ. »Ну, чему съ-дуру обрадовались? Въ губерніи неурожаи, дороговизна, такъ вотъ они за балы! Экъ штука: разрядились въ бабьи тряпки! Невидаль, что иная навертѣла на себя тысячу рублей! А вѣдь на счетъ же крестьянскихъ оброковъ, или, что̀ еще хуже, на счетъ совѣсти нашего брата.

Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душой: для того, чтобы женѣ достать на шаль, или на разные роброны, провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? чтобы не сказала какая-нибудь подстёга Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платье, да изъ-за нея бухъ тысячу рублей! Кричатъ: »балъ, балъ, веселость!« Просто, дрянь балъ, не въ Русскомъ духѣ, не въ Русской натурѣ, чортъ знаетъ, что̀ такое! Взрослый, совершеннолѣтній, вдругъ выскочитъ весь въ чорномъ, общипанный, обтянутый, какъ чортикъ, и давай мѣсить ногами. Иной даже, стоя въ парѣ, переговариваетъ съ другимъ объ важномъ дѣлѣ, а ногами въ то же самое время, какъ козленокъ, вензеля направо и налѣво.... Всё изъ обезьянства, всё изъ обезьянства! Что Француз въ сорокъ лѣтъ такой же ребенокъ, какимъ былъ и въ пятнадцать, такъ вотъ давай же и мы! Нѣтъ, право.... послѣ всякаго бала, точно, какъ-будто какой грѣхъ сдѣлалъ; и вспомнить даже о немъ не хочется. Въ головѣ, просто, ничего, какъ послѣ разговора съ свѣтскимъ человѣкомъ: всего онъ наговоритъ, всего слегка коснется, все скажетъ, что̀ понадергалъ изъ книжекъ; пестро, красно; а въ головѣ хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ; и видишь потомъ, какъ даже разговоръ съ простымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ. Но что̀ изъ него выжмешь, изъ этого бала? Ну, если бы, положимъ, какой-нибудь писатель вздумалъ описывать всю эту сцену, такъ, какъ она есть? Ну, и въ книгѣ, и тамъ была бы она такъ же бестолкова, какъ въ натурѣ. Что̀ она такое: нравственная ли, безнравственная ли? просто, чортъ знаетъ, что̀ такое! Плюнешь, да и книгу потомъ закроешь.« Такъ отзывался неблагопріятно Чичиковъ о балахъ вообще; но, кажется, сюда вмѣшалась другая причина негодованья. Главная досада была не на балъ, а на то, что случилось ему оборваться, что онъ вдругъ показался предъ всѣми Богъ знаетъ въ какомъ видѣ, что сыгралъ какую-то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши окомъ благоразумнаго человѣка, онъ видѣлъ, что все это вздоръ, что глупое слово ничего не значитъ, особливо теперь, когда главное дѣло уже обдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но страненъ человѣкъ: его огорчало сильно нерасположенье тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ не

уважалъ и на-счетъ которыхъ отзывался рѣзко, понося ихъ суетность и наряды. Это тѣмъ болѣе было ему досадно, что, разобравши дѣло ясно, онъ видѣлъ, какъ причиной этого былъ отчасти самъ. На себя, однакоже, онъ не разсердился, и въ томъ, конечно, былъ правъ. Всѣ мы имѣемъ маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше пріискать какого-нибудь ближняго, на комъ бы выместить свою досаду, напримѣръ, на слугѣ, на чиновникѣ, намъ подвѣдомственномъ который въ пору подвернулся, на женѣ, или, наконецъ, на стулѣ, который швырнется чортъ знаетъ куда, къ самымъ дверямъ, такъ что отлетитъ отъ него ручка и спинка,—пусть, молъ, его знаетъ, что̀ такое гнѣвъ. Такъ и Чичиковъ скоро нашелъ ближняго, который потащилъ на плечахъ своихъ все, что̀ только могла внушить ему досада. Ближній этотъ былъ Ноздревъ, и нечего сказать, онъ былъ такъ отдѣланъ со всѣхъ боковъ и сторонъ, какъ развѣ только какой-нибудь плутъ староста, или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимъ-нибудь ѣзжалымъ, опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно. Вся родословная Ноздрева была разобрана, и многіе изъ членовъ его фамиліи въ восходящей линіи сильно потерпѣли.

Но въ продолженіе того, какъ онъ сидѣлъ въ жесткихъ своихъ креслахъ, тревожимый мыслями и безсонницей, угощая усердно Ноздрева и всю родню его, и передъ нимъ теплилась сальная свѣчка, которой свѣтильня давно уже накрылась нагорѣвшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядѣла ему въ окна слѣпая, темная ночь, готовая поснѣть отъ приближавшагося разсвѣта, и пересвистывались вдали отдаленные пѣтухи, и въ совершенно заснувшемъ городѣ, можетъ быть, плелась гдѣ-нибудь фризовая шинель, горемыка, не извѣстно, какого класса и чина, знающая одну только, увы! слишкомъ протертую Русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу,—въ это время на другомъ концѣ города происходило событіе, которое готовилось увеличить непріятность положенія нашего героя. Именно, въ отдаленныхъ улицахъ и закоулкахъ города дребезжалъ весьма странный экипажъ, наводившій недо-

умѣніе на-счетъ своего названія. Онъ не былъ похожъ ни на тарантасъ, ни на коляску, ни на бричку, а былъ скорѣе похожъ на толстощекій, выпуклый арбузъ, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то есть дверцы, носившія слѣды желтой краски, затворялись очень плохо, по причинѣ плохого состоянія ручекъ и замковъ, кое-какъ связанныхъ веревками. Арбузъ былъ наполненъ ситцевыми подушками въ видѣ кисетовъ, валиковъ и, просто, подушекъ, напичканъ мѣшками съ хлѣбами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями изъ заварного тѣста. Пирогъ-курникъ и пирогъ-разсольникъ выглядывали даже наверхъ. Запятки были заняты лицомъ лакейскаго происхожденья, въ курткѣ изъ домашней пеструшки, съ небритой бородою, подернутой легкой просѣдью,—лицо, извѣстное подъ именемъ *малаго*. Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ съ-просонья, что̀ стало мочи: »Кто идетъ?« но, увидѣвъ, что никто не шелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ. Послѣ чего, отставивши алебарду, опять заснулъ, по уставамъ своего рыцарства. Лошади, то и дѣло, падали на переднія колѣнки, потому что не были подкованы, и притомъ, какъ видно, покойная городская мостовая была имъ мало знакома. Колымага, сдѣлавши нѣсколько поворотовъ изъ улицы въ улицу, наконецъ поворотила въ темный переулокъ мимо небольшой приходской церкви, Николы на Недотычкахъ, и остановилась предъ воротами дома протопопши. Изъ брички вылѣзла дѣвка съ платкомъ на головѣ, въ тѣлогрѣйкѣ, и хватила обоими кулаками въ ворота такъ сильно, хоть бы и мужчинѣ (малый въ курткѣ изъ пеструшки былъ уже потомъ стащенъ за ноги, ибо спалъ мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконецъ проглотили, хотя съ большимъ трудомъ, это неуклюжее дорожнее произведеніе. Экипажъ въѣхалъ въ тѣсный дворъ, заваленный дровами, курятниками и всякими клѣтухами; изъ экипажа вылѣзла барыня: эта барыня была помѣщица, коллежская секретарша Коробочка. Старушка, вскорѣ послѣ отъѣзда нашего героя, въ такое пришла безпокойство на-счетъ могущаго произойти со стороны его обмана,

что, не поспавши три ночи сряду, рѣшилась ѣхать въ городъ, не смотря на то, что лошади не были подкованы, и тамъ узнать навѣрно, по чемъ ходятъ мертвыя души и ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани, продавъ ихъ, можетъ быть, въ три-дешева. Какое произвело слѣдствіе это прибытіе, читатель можетъ узнать изъ одного разговора, который произошелъ между однѣми двумя дамами. Разговоръ сей.... но пусть лучше сей разговоръ будетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX.

Поутру, ранѣе даже того времени, которое назначено въ городѣ N для визитовъ, изъ дверей оранжеваго деревяннаго дома съ мезониномъ и голубыми колонами, выпорхнула дама въ клѣтчатомъ щегольскомъ клокѣ, сопровождаемая лакеемъ въ шинели съ нѣсколькими воротниками и золотымъ галуномъ на круглой лощеной шляпѣ. Дама вспорхнула въ тотъ же часъ съ необыкновенною поспѣшностью по откинутымъ ступенькамъ въ стоявшую у подъѣзда коляску. Лакей тутъ же захлопнулъ даму дверцами, закидалъ ступеньками и, ухватясь за ремни сзáди коляски, закричалъ кучеру: »Пошелъ!« Дама везла только что услышанную новость и чувствовала побужденіе непреодолимое скорѣе сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она изъ окна и видѣла, къ несказанной досадѣ, что всё еще остается полдороги. Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богадѣльня съ узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, такъ что она наконецъ не вытерпѣла не сказать: »Проклятое строеніе, и конца нѣтъ!« Кучеръ уже два раза получилъ приказаніе: »Поскорѣе, поскорѣе, Андрюшка! ты сегодня несносно долго ѣдешь!« Наконецъ цѣль была достигнута. Коляска остановилась передъ деревяннымъ же одноэтажнымъ домомъ темносѣраго цвѣта, съ бѣлыми барельефчиками надъ окнами, съ высокою деревяною рѣшеткою передъ самими окнами и узенькимъ палисадникомъ, за рѣшеткою котораго находившіяся тоненькія деревца побѣлѣли отъ никогда несходившей съ нихъ городской пыли. Въ окнахъ мелькали горшки съ цвѣтами,

попугай, качавшійся въ клѣткѣ, уцѣпясь носомъ за кольцо, и двѣ собачонки, спавшія передъ солнцемъ. Въ этомъ домѣ жила искренняя пріятельница пріѣхавшей дамы. Авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ назвать ему обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобы опять не разсердились на него, какъ серживались встарь. Назвать выдуманною фамиліей — опасно. Какое ни придумай имя, ужъ непремѣнно найдется въ какомъ-нибудь углу нашего государства — благо велико — кто-нибудь носящій его, и непремѣнно разсердится не на животъ, а на смерть, станетъ говорить, что авторъ нарочно пріѣзжалъ секретно съ тѣмъ, чтобы вывѣдать все, что онъ такое самъ, и въ какомъ тулупчикѣ ходитъ, и къ какой Аграфенѣ Ивановнѣ навѣдывается, и что̀ любитъ покушать. Назови же по чинамъ, Боже сохрани, и того опаснѣй. Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены, что̀ все, что̀ ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью: таково ужъ, видно, расположенье въ воздухѣ. Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ, — это уже и личность: вдругъ выскочитъ господинъ почтенной наружности и заключитъ: »Вѣдь я тоже человѣкъ, стало быть, я тоже глупъ«; словомъ, въ мигъ смекнетъ, въ чемъ дѣло. А потому, для избѣжанія всего этого, будемъ называть даму, къ которой пріѣхала гостья, какъ она называлась почти единогласно въ городѣ N, именно — дамою, пріятною во всѣхъ отношеніяхъ. Это названіе она пріобрѣла законнымъ образомъ, ибо, точно, ничего не пожалѣла, чтобы сдѣлаться любезною въ послѣдней степени. Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась — ухъ, какая юркая прыть женскаго характера! и хотя подъ-часъ въ каждомъ пріятномъ словѣ ея торчала—ухъ, какая булавка! а ужъ не приведи Богъ, что̀ кипѣло въ сердцѣ противъ той, которая бы пролѣзла какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ первыя. Но все это было облечено самою тонкою свѣтскостью, какая только бываетъ въ губернскомъ городѣ. Всякое движеніе производила она со вкусомъ, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умѣла держать голову, и всѣ согласились, что она, точно, дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. Другая же дама, то есть, пріѣхавшая, не имѣла такой многосторонности въ характерѣ, и потому будемъ называть ее—просто пріятная дама. Пріѣздъ гостьи разбудилъ собачонокъ, спавшихъ на солнцѣ: мохнатую Адель,

безпрестанно путавшуюся въ собственной шерсти, и кобелька Попури, на тоненькихъ ножкахъ. Тотъ и другая съ лаемъ понесли кольцами хвосты свои въ переднюю, гдѣ гостья освобождалась отъ своего клока и очутилась въ платьи моднаго узора и цвѣта и въ длинныхъ хвостахъ на шеѣ; жасмины понеслись по всей комнатѣ. Едва только во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама узнала о пріѣздѣ просто пріятной дамы, какъ уже вбѣжала въ переднюю. Дамы ухватились за руки, поцѣловались и вскрикнули, какъ вскрикиваютъ институтки, встрѣтившіяся вскорѣ послѣ выпуска, когда маменьки еще не успѣли объяснить имъ, что отецъ у одной бѣднѣе и ниже чиномъ, нежели у другой. Поцѣлуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что были хлопнуты платкомъ, и обѣ дамы отправились въ гостиную, разумѣется, голубую, съ диваномъ, овальнымъ столомъ и даже ширмочками, обвитыми плющомъ; вслѣдъ за ними побѣжали ворча мохнатая Адель и высокій Попури на тоненькихъ ножкахъ. »Сюда, сюда, вотъ въ этотъ уголочекъ!« говорила хозяйка, усаживая гостью въ уголъ дивана. »Вотъ такъ! вотъ такъ! вотъ вамъ и подушка!« Сказавши это, она запихнула ей за спину подушку, на которой былъ вышитъ шерстью рыцарь такимъ образомъ, какъ ихъ всегда вышиваютъ по канвѣ: носъ вышелъ лѣстницею, а губы четвероугольникомъ. »Какъ же я рада, что вы... Я слышу, кто-то подъѣхалъ, да думаю себѣ, кто бы могъ такъ рано? Параша говоритъ—вицъ-губернаторша, а я говорю: »Ну, вотъ опять пріѣхала дура надоѣдать«, и ужъ хотѣла сказать, что меня нѣтъ дома...«

Гостья уже хотѣла было приступить къ дѣлу и сообщить новость; но восклицаніе, которое издала въ это время дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ дало другое направленіе разговору.

»Какой веселенькій ситецъ!« воскликнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, глядя на платье просто пріятной дамы.

»Да, очень веселенькій. Прасковья Өедоровна, однакоже, находитъ, что лучше, если бы клѣточки были помельче, и чтобы не коричневыя были крапинки, а голубыя. Сестрѣ я прислала матерійку: это такое очарованье, котораго, просто, нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія, узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и

черезъ полоску всё глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словомъ, безподобно! Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго на свѣтѣ.«

»Милая, это пестро.«

»Ахъ, нѣтъ не пестро!«

»Ахъ, пестро!«

Нужно замѣтить, что во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама была отчасти матеріалистка, склонна къ отрицанію и сомнѣнію, и отвергала весьма многое въ жизни.

Здѣсь просто пріятная дама объяснила, что это отнюдь не пестро и вскрикнула: »Да, поздравляю васъ: оборокъ болѣе не носятъ!«

»Какъ не носятъ?»

»На мѣсто ихъ фестончики.«

»Ахъ, это не хорошо — фестончики!«

»Фестончики, всё фестончики: пелеринка изъ фестончиковъ, на рукавахъ фестончики, эполетцы изъ фестончиковъ, внизу фестончики, вездѣ фестончики.«

»Не хорошо, Софья Ивановна, если всё фестончики.«

»Мило, Анна Григорьевна, до невѣроятности; шьется въ два рубчика; широкія проймы и сверху... Но вотъ, вотъ когда вы изумитесь, вотъ ужъ когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннѣе, впереди мыскомъ, и передняя косточка совсѣмъ выходитъ изъ границъ; юбка вся собирается вокругъ, какъ бывало встарину фижмы, даже сзади немножко подкладываютъ ваты, чтобы была совершенная бель-фамъ.«

»Ну, ужъ это просто... признаюсь!« сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши движенье головою съ чувствомъ достоинства.

»Именно, это ужъ, точно... признаюсь!« отвѣчала просто пріятная дама.

»Ужъ какъ вы хотите, я ни за что не стану подражать этому.«

»Я сама тоже... право, какъ вообразишь, до чего иногда доходитъ мода... ни на что не похоже! я выпросила у сестры выкройку нарочно для смѣху; Меланья моя принялась шить.«

»Такъ у васъ развѣ есть выкройка?« вскрикнула во всѣхъ

отношеніяхъ пріятная дама не безъ замѣтнаго сердечнаго движенья.

»Какъ же? сестра привезла.«

»Душа моя, дайте ее мнѣ, ради всего святого!«

»Ахъ, я ужъ дала слово Прасковьи Ѳедоровнѣ! Развѣ послѣ нея.«

»Кто жъ станетъ носить послѣ Прасковьи Ѳедоровны? Это уже слишкомъ странно будетъ, съ вашей стороны, если вы чужихъ предпочтете своимъ.«

»Да вѣдь она тоже мнѣ двоюродная тетка.«

»Она вамъ тетка, еще Богъ знаетъ, какая: съ мужниной стороны... Нѣтъ, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходитъ — вы мнѣ хотите нанесть такое оскорбленье... видно, я вамъ наскучила уже, видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство.«

Бѣдная Софья Ивановна не знала совершенно, что ей дѣлать. Она чувствовала сама, между какихъ сильныхъ огней себя поставила. Вотъ тебѣ и похвастатась! Она бы готова была исколоть за это иголками глупый языкъ.

»Ну, что жъ нашъ прелестникъ?« сказала между тѣмъ дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

»Ахъ, Боже мой! что жъ я такъ сижу передъ вами! вотъ хорошо! Вѣдь вы знаете, Анна Григорьевна, съ чѣмъ я пріѣхала къ вамъ?« Тутъ дыханіе гостьи сперлось, слова, какъ ястребы, готовы были пуститься въ погоню одно за другимъ, и только нужно было до такой степени быть безчеловѣчной, какова была искренняя пріятельница, чтобы рѣшиться остановить ее.

»Какъ вы ни выхваляйте и ни превозносите его«, говорила она съ живостью, болѣе нежели обыкновенною, »а я скажу прямо, и ему въ глаза скажу, что онъ негодный человѣкъ, негодный, негодный, негодный!«

»Да послушайте только, что я вамъ открою...«

»Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ не хорошъ, совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него.... самый непріятный носъ.«

»Позвольте же, позвольте же только разсказать вамъ... душенька, Анна Григорьевна, позвольте разсказать! Вѣдь это исторія, понимаете ли: исторія — сконапель истоаръ«, говорила гостья съ

выраженіемъ почти отчаянія и совершенно умоляющимъ голосомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ разговоръ обѣихъ дамъ вмѣшивалось очень много иностранныхъ словъ и цѣликомъ иногда длинныя Французскія фразы. Но какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ Французскій языкъ Россіи, какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ; но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы ни было чуждаго языка въ сію Русскую свою поэму. Итакъ, станемъ продолжать по-Русски.

»Какая же исторія?«

»Ахъ, жизнь моя Анна Григорьевна! если бы вы могли только представить то положеніе, въ которомъ я находилась! Вообразите, приходитъ ко мнѣ сегодня протопопша, протопопша, отца Кириллы жена, и что̀ бы вы думали? нашъ-то смиренникъ, пріѣзжій-то нашъ, каковъ, а?«

»Какъ! неужели онъ и протопопшѣ строилъ куры?«

»Ахъ, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры, это бы еще ничего; слушайте только, что̀ разсказала протопопша. Пріѣхала, говоритъ, къ ней помѣщица Коробочка, перепуганная и блѣдная какъ смерть, и разсказываетъ, и какъ разсказываетъ! послушайте только, совершенный романъ: вдругъ, въ глухую полночь, когда все уже спало въ домѣ, раздается въ ворота стукъ, ужаснѣйшій, какой только можно себѣ представить; кричатъ: »Отворите, отво»рите, не то — будутъ выломаны ворота!..« Каково вамъ это покажется? Каковъ же послѣ этого прелестникъ?«

»Да что̀ Коробочка? развѣ молода и хороша собою?«

»Ни чуть, старуха!«

»Ахъ, прелести! Такъ онъ за старуху принялся? Ну, хорошъ же послѣ этого вкусъ нашихъ дамъ, нашли въ кого влюбиться!«

»Да вѣдь нѣтъ, Анна Григорьевна, совсѣмъ не то, что̀ вы полагаете. Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдина и требуетъ: »Продайте«, говоритъ, »всѣ души, которыя умерли.« Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ: »Я не могу продать, потому что

онѣ мертвыя.« — »Нѣтъ«, говоритъ, »онѣ не мертвыя, это мое«, говоритъ, »дѣло знать, мертвыя ли онѣ, или нѣтъ, онѣ не мертвыя, не »мертвыя!« кричитъ, »не мертвыя!« словомъ, скандальозу надѣлалъ ужаснаго: вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ, никто никого не понимаетъ, ну, просто — оррёръ, оррёръ, оррёръ!.... Но вы себѣ представить не можете, Анна Григорьевна, какъ я перетревожилась, когда услышала все это. »Голубушка барыня«, говоритъ мнѣ Машка, »посмотрите въ зеркало, вы блѣдны.« — »Не »до зеркала«, говорю, »мнѣ: я должна ѣхать разсказать Аннѣ Григорьевнѣ.« Въ ту жъ минуту приказываю заложить коляску; кучеръ Андрюшка спрашиваетъ меня, куда ѣхать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему въ глаза, какъ дура; я думаю, что онъ подумалъ, что я сумасшедшая. Ахъ, Анна Григорьевна! если бъ вы только могли себѣ представитъ, какъ я перетревожилась!

»Это, однакожъ, странно«, сказала вовсѣхъ отношеніяхъ пріятная дама: »что̀ бы такое могли значитъ эти мертвыя души? Я, признаюсь, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я всё слышу про эти мертвыя души; а мужъ мой еще говоритъ, что Ноздревъ вретъ: что-нибудь, вѣрно же, есть.«

»Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это! »И теперь«, говоритъ Коробочка, »я не знаю«, говоритъ, »что̀ мнѣ дѣлать. Заставилъ«, говоритъ, »подписать меня какую-то фальшивую бумагу, бросилъ пятнадцать »рублей ассигнаціями; я«, говоритъ, »неопытная, безпомощная »вдова, я ничего не знаю....« Такъ вотъ происшествія! Но только если бы вы могли сколько-нибудь себѣ представить, какъ я вся перетревожилась!

»Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое.«

»Я, признаюсь, тоже«, произнесла не безъ удивленія просто пріятная дама и почувствовала тутъ же сильное желаніе узнать, что̀ бы такое могло здѣсь скрываться. Она даже произнесла съ разстановкой: »А что̀ жъ, вы полагаете, здѣсь скрывается?«

»Ну, какъ вы думаете?«

»Какъ я думаю?.... Я, признаюсь, совершенно потеряна.«

»Но, однакожъ, я бы всё хотѣла знать, какія ваши на-счетъ этого мысли?«

Но пріятная дама ничего не нашлась сказать. Она умѣла только тревожиться, но чтобы составить какое-нибудь смѣтливое предположеніе, для этого никакъ ея не ставало, и отъ того, болѣе нежели всякая другая, она имѣла потребность въ нѣжной дружбѣ и совѣтахъ.

»Ну, слушайте же, что̀ такое эти мертвыя души«, сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и гостья при такихъ словахъ вся обратилась въ слухъ: ушки ея вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сидя и не держась на диванѣ, и, не смотря на то, что была отчасти тяжеловата, сдѣлалась вдругъ тонѣе, стала похожа на легкій пухъ, который вотъ такъ и полетитъ на воздухъ отъ дуновенья.

Такъ, Русскій баринъ-охотникъ, подъѣзжая къ лѣсу, изъ котораго вотъ-вотъ выскочитъ оттопаный доѣзжачими заяцъ, превращается весь съ своимъ конемъ и поднятымъ арапникомъ въ одинъ застывшій мигъ, въ порохъ, къ которому вотъ-вотъ поднесутъ огонь. Весь впился онъ очами въ мутный воздухъ и ужъ настигнетъ звѣря, ужъ допечетъ его, неотбойный, какъ ни воздымайся противъ него вся мятущая снѣговая степь, пускающая серебряныя звѣзды ему въ уста, въ усы, въ очи, въ брови и въ бобровую его шапку.

»Мертвыя души....« произнесла во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама.

»Что̀, что̀?« подхватила гостья, вся въ волненьи.

»Мертвыя души....«

»Ахъ, говорите ради Бога!«

»Это, просто, выдумано только для прикрытья, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увезти губернаторскую дочку.«

Это заключеніе, точно, было никакъ неожиданно и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно. Пріятная дама, услышавъ это, такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла, поблѣднѣла, какъ смерть, и, точно, перетревожилась не на шутку. »Ахъ, Боже мой!« вскрикнула она, всплеснувъ руками, »ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать.«

»А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло«, отвѣчала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

»Но каково же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! вѣдь вотъ невинность!«

»Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не станетъ духа произнести ихъ.«

»Знаете, Анна Григорьевна, вѣдь это, просто, раздираетъ сердце, когда видишь, до чего достигла наконецъ безнравственность.«

»А мущины отъ нея безъ ума. А по мнѣ, такъ я, признаюсь, ничего не нахожу въ ней....«

»Манерна нестерпимо.«

»Ахъ жизнь моя, Анна Григорьевна! она статуя, и хоть бы какое-нибудь выраженье въ лицѣ.«

»Ахъ, какъ манерна! ахъ, какъ манерна! Боже, какъ манерна! Кто выучилъ ее, я не знаю, но я еще не видывала женщины, въ которой бы было столько жеманства.«

»Душенька! она статуя и блѣдна, какъ смерть.«

»Ахъ, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно.«

»Ахъ, что̀ это вы, Анна Григорьевна: она мѣлъ, мѣлъ, чистѣйшій мѣлъ.«

»Милая, я сидѣла возлѣ нея: румянецъ въ палецъ толщиной и отваливается, какъ штукатурка, кусками. Мать выучила, сама кокетка, а дочка еще превзойдетъ матушку.«

»Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же часъ лишиться дѣтей, мужа, всего имѣнья, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тѣнь какого-нибудь румянца!«

»Ахъ, что̀ вы это говорите, Софья Ивановна!« сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и всплеснула руками.

»Ахъ, какія же вы, право, Анна Григорьевна! я съ изумленьемъ на васъ гляжу!« сказала пріятная дама и всплеснула тоже руками.

Да не покажется читателю страннымъ, что обѣ дамы были несогласны между собою въ томъ, что̀ видѣли почти въ одно и то же время. Есть, точно, на свѣтѣ много такихъ вещей, которыя имѣютъ уже такое свойство: если на нихъ взглянетъ одна дама,

онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя, а взглянетъ другая — выйдутъ красныя, красныя, какъ брусника.

»Ну, вотъ вамъ еще доказательство, что она блѣдна«, продолжала пріятная дама: »я помню, какъ теперь, что я сижу возлѣ Манилова и говорю ему: »Посмотрите, какая она блѣдная!« Право, нужно быть до такой степени безтолковыми, какъ наши мущины, чтобы восхищаться ею. А нашъ то прелестникъ.... Ахъ, какъ онъ мнѣ показался противнымъ! Вы не можете себѣ представить, Анна Григорьевна, до какой степени онъ мнѣ показался противнымъ.«

»Да, однакоже нашлись нѣкоторыя дамы, которыя были неравнодушны къ нему.«

»Я, Анна Григорьевна? Вотъ ужъ никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!«

»Да я не говорю объ васъ, какъ-будто, кромѣ васъ, никого нѣтъ.«

»Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я очень хорошо себя знаю; а развѣ со стороны какихъ-нибудь иныхъ дамъ, которыя играютъ роль недоступныхъ.«

»Ужъ извините, Софья Ивановна! Ужъ позвольте вамъ сказать, что за мной подобныхъ скандальозностей никогда еще не водилось. За кѣмъ другимъ развѣ, а ужъ за мной нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ вамъ это замѣтить.«

»Отчего же вы обидѣлись? вѣдь тамъ были и другія дамы, были даже такія, которыя первыя захватили стулъ у дверей, чтобы сидѣть къ нему поближе!«

Ну, ужъ послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ пріятною дамою, должна была неминуемо послѣдовать буря; но, къ величайшему изумленію, обѣ дамы вдругъ пріутихли, и совершенно ничего не послѣдовало. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама вспомнила, что выкройка для моднаго платья еще не находится въ ея рукахъ, а просто пріятная дама смекнула, что она еще не успѣла вывѣдать никакихъ подробностей на-счетъ открытія, сдѣланнаго ея искренною пріятельницею, и потому миръ послѣдовалъ очень скоро. Впрочемъ обѣ дамы, нельзя сказать, чтобы имѣли въ своей натурѣ потребность наносить непріятность, и вообще въ характерахъ ихъ ничего не было злого, а такъ, нечувствительно, въ разговорѣ раждалось само собою маленькое желаніе кольнуть другъ друга; просто,

одна другой, изъ небольшого наслажденія, при случаѣ всунетъ иное живое словцо: »Вотъ, молъ, тебѣ! на, возьми, съѣшь!« Разнаго рода бываютъ потребности въ сердцахъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола.

»Я не могу, однакоже, понять только того«, сказала просто пріятная дама, »какъ Чичиковъ, будучи человѣкъ заѣзжій, могъ рѣшиться на такой отважный пассажъ. Не можетъ быть, чтобы тутъ не было участниковъ.«

»А вы думаете — нѣтъ ихъ?«

»А кто же бы, полагаете, могъ помогать ему?«

»Ну, да хоть и Ноздревъ.«

»Неужели Ноздревъ?«

»А что жъ? вѣдь его на это станетъ. Вы знаете — онъ родного отца хотѣлъ продать, или, еще лучше, проиграть въ карты.«

»Ахъ, Боже мой, какія интересныя новости я узнаю отъ васъ! Я бы никакъ не могла предполагать, чтобы и Ноздревъ былъ замѣшанъ въ эту исторію!«

»А я всегда предполагала.«

»Какъ подумаешь, право, чего не происходитъ на свѣтѣ! ну, можно ли было предполагать, когда, помните? Чичиковъ только что пріѣхалъ къ намъ въ городъ, что онъ произведетъ такой странный маршъ въ свѣтѣ? Ахъ, Анна Григорьевна, если бы вы знали, какъ я перетревожилась! если бы не ваша благосклонность и дружба.... вотъ уже точно на краю погибели.... куда жъ! Машка моя видитъ, что я блѣдна какъ смерть: »Душечка барыня«, говоритъ мнѣ, »вы блѣдны, какъ смерть.«—»Машка«, говорю, »мнѣ »не до того теперь.« Такъ вотъ какой случай! Такъ и Ноздревъ здѣсь! прошу покорно!«

Пріятной дамѣ очень хотѣлось вывѣдать дальнѣйшія подробности на-счетъ похищенія, то есть, въ которомъ часу и прочее, но многаго захотѣла. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама прямо отозвалась незнаніемъ. Она не умѣла лгать: предположить что-нибудь — это другое дѣло, но и то въ такомъ случаѣ, когда предположеніе основывалось на внутреннемъ убѣжденіи: если жъ было почувствовано внутреннее убѣжденіе, тогда умѣла она постоять за себя, и попробовалъ бы какой-нибудь дока-адвокатъ, славящійся

даромъ побѣждать чужія мнѣнія, попробовалъ бы онъ состязаться здѣсь, увидѣлъ бы онъ, что̀ значитъ внутреннее убѣжденіе.

Что обѣ дамы наконецъ рѣшительно убѣдились въ томъ, что̀ прежде предположили только, какъ одно̀ предположеніе, въ это̀мъ ничего нѣтъ необыкновеннаго. Наша братья, народъ умный, какъ мы называемъ себя, поступаетъ почти такъ же, и доказательствомъ служатъ наши ученыя разсужденія. Сперва ученый подъѣзжаетъ въ нихъ необыкновеннымъ подлецомъ, начинаетъ робко, умѣренно, начинаетъ самымъ смиреннымъ запросомъ: »Не оттуда ли? не изъ того ли угла получила имя такая-то страна?« или: »Не принадлежитъ ли этотъ документъ къ другому позднѣйшему времени?« или: »Не нужно ли подъ этимъ народомъ разумѣть вотъ какой народъ?« Цитуетъ немедленно тѣхъ и другихъ древнихъ писателей и чуть только видитъ какой-нибудь намекъ, или, просто, показалось ему намекомъ, ужъ онъ получаетъ рысь и бодрится, разговариваетъ съ древними писателями запросто, задаетъ имъ запросы и самъ даже отвѣчаетъ за нихъ, позабывая вовсе о томъ, что началъ робкимъ предположеніемъ; ему уже кажется, что онъ это видитъ, что это ясно — и разсужденіе заключено словами: »Такъ это вотъ какъ было! такъ вотъ какой народъ нужно разумѣть! такъ вотъ съ какой точки нужно смотрѣть на предметъ!« Потомъ во всеуслышанье съ каѳедры — и новооткрытая истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ.

Въ то время, когда обѣ дамы такъ удачно и остроумно рѣшили такое запутанное обстоятельство, вошелъ въ гостиную прокуроръ, съ вѣчно неподвижною своей физіогноміей, густыми бровями и моргавшимъ глазомъ. Дамы наперерывъ принялись сообщать ему всѣ событія, разсказали о покупкѣ мертвыхъ душъ, о намѣреніи увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно съ толку, такъ что, сколько ни продолжалъ онъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, хлопать лѣвымъ глазомъ и бить себя платкомъ по бородѣ, сметая оттуда табакъ, но ничего рѣшительно не могъ понять. Такъ на томъ и оставили его обѣ дамы, и отправились каждая въ свою сторону бунтовать городъ. Это предпріятіе удалось произвести имъ съ небольшимъ въ полчаса. Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ броженіе, и хоть бы кто-нибудь могъ

что-либо понять. Дамы умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то есть, бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ какъ дуракъ, выпучивъ глаза, во всѣ стороны и не можетъ понять, гдѣ онъ, что̀ съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ и съ освѣтившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ. Таково совершенно было въ первую минуту положеніе обитателей и чиновниковъ города. Всякій, какъ баранъ, остановился, выпучивъ глаза. Мертвыя души, губернаторская дочка и Чичиковъ сбились и смѣшались въ головахъ ихъ необыкновенно странно; и потомъ уже, послѣ перваго одурѣнія, они какъ-будтобы стали различать ихъ порознь и отдѣлять одно отъ другого, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дѣло никакъ не хочетъ объясниться. Что̀ жъ за притча въ самомъ дѣлѣ, что̀ за притча эти мертвыя души? логики нѣтъ никакой въ мертвыхъ душахъ, — какъ же покупать мертвыя души? гдѣ жъ дуракъ такой возьмется! и на какія слѣпыя деньги станетъ онъ покупать ихъ? и на какой конецъ, къ какому дѣлу можно приткнуть эти мертвыя души? и зачѣмъ вмѣшалась сюда губернаторская дочка? Если же онъ хотѣлъ увезти ее, такъ зачѣмъ же для этого покупать мертвыя души? Если же покупать мертвыя души, такъ зачѣмъ увозить губернаторскую дочку? подарить, что ли, онъ хотѣлъ ей эти мертвыя души? Что̀ жъ за вздоръ въ самомъ дѣлѣ разнесли по городу? Что̀ жъ за направленье такое, что не успѣешь поворотиться, а тутъ ужъ и выпустятъ исторію, и хоть бы какой-нибудь смыслъ былъ.... Однакожъ разнесли, стало быть, была же какая-нибудь причина? Какая же причина въ

мертвыхъ душахъ? Даже и причины нѣтъ; это, выходитъ, просто: Андроны ѣдутъ, чепуха, билиберда, сапоги въ смятку! это, просто, чортъ побери!... Словомъ, пошли толки, толки, и весь городъ заговорилъ про мертвыя души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвыя души, про губернаторскую дочку и Чичикова, и все, что ни есть, поднялось. Какъ вихорь взметнулся дотолѣ, казалось, дремавшій городъ. Вылѣзли изъ норъ всѣ тюрюки и байбаки, которые позалеживались въ халатахъ по нѣскольку лѣтъ дома, сваливая вину то на сапожника, сшившаго узкіе сапоги, то на портного, то на пьяницу кучера, — всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знались только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ да Полежаевымъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ *полежать* и *завалиться*, которые въ большомъ ходу у насъ на Руси, всё равно, какъ фраза: *заѣхать къ Сопикову и Храповицкому*, означающая всякіе мертвецкіе сны на боку, на спинѣ и во всѣхъ иныхъ положеніяхъ, съ захрапами, носовыми свистами и прочими принадлежностями), — всѣ тѣ, которыхъ нельзя было выманить изъ дому даже зазывомъ на расхлебку пятисотъ-рублевой ухи, съ двухъ-аршинными стерлядями и всякими тающими во рту кулебяками; словомъ, оказалось, что городъ и люденъ, и великъ, и населенъ, какъ слѣдуетъ. Показался какой-то Сысой Пафнутьевичъ и Макдональдъ Карловичъ, о которыхъ и неслышно было никогда; въ гостинныхъ заторчалъ какой-то длинный-длинный съ прострѣленною рукою, такого высокаго роста, какого даже и невидано было. На улицахъ показались крытыя дрожки, невѣдомыя линейки, дребезжалки, колесосвистки — и заварилась каша. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, подобные слухи, можетъ быть, не обратили бы на себя никакого вниманія; но городъ N уже давно не получалъ никакихъ совершенно вѣстей. Даже не происходило въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ ничего такого, что называютъ въ столицахъ комеражами, что, какъ извѣстно, для города то же, что своевременный подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Въ городской толковнѣ оказались вдругъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія, и образовались вдругъ двѣ противоположныя партіи: мужская и женская. Мужская партія, самая безтолковая, обратила вниманіе на мертвыя

души. Женская занялась исключительно похищеніемъ губернаторской дочки. Въ этой партіи, надо замѣтить, къ чести дамъ, было несравненно болѣе порядка и осмотрительности. Таково уже, видно, самое назначеніе ихъ быть хорошими хозяйками и распорядительницами. Все у нихъ скоро приняло живой, опредѣленный видъ, облеклось въ ясныя и очевидныя формы, объяснилось, очистилось, однимъ словомъ, вышла оконченная картинка. Оказалось, что Чичиковъ давно уже былъ влюбленъ, и видѣлись они въ саду при лунномъ свѣтѣ; что губернаторъ даже бы отдалъ за него дочку, потому что Чичиковъ богатъ, какъ Жидъ, если бы причиною не была жена его, которую онъ бросилъ (откуда онѣ узнали, что Чичиковъ женатъ — это никому не было вѣдомо); и что жена, которая страдаетъ отъ безнадежной любви, написала письмо къ губернатору самое трогательное; и что Чичиковъ, видя, что отецъ и мать никогда не согласятся, рѣшился на похищеніе. Въ другихъ домахъ разсказывали это нѣсколько иначе: что у Чичикова нѣтъ вовсе никакой жены, но что онъ, какъ человѣкъ тонкій и дѣйствующій на-вѣрняка, предпринялъ, съ тѣмъ, чтобы получить руку дочери, начать дѣло съ матери и имѣлъ съ нею сердечную тайную связь; и что потомъ сдѣлалъ декларацію на-счетъ руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступленіе, противное религіи, и чувствуя въ душѣ угрызеніе совѣсти, отказала на-отрѣзъ; и что вотъ потому Чичиковъ рѣшился на похищеніе. Ко всему этому присоединялись многія объясненія и поправки, по мѣрѣ того, какъ слухи проникали наконецъ въ самые глухіе переулки. На Руси же общества низшія очень любятъ поговорить о сплетняхъ, бывающихъ въ обществахъ высшихъ, а потому начали обо всемъ этомъ говорить въ такихъ домишкахъ, гдѣ даже въ глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавленія и еще бо́льшія поясненія. Сюжетъ становился ежеминутно занимательнѣе, принималъ съ каждымъ днемъ болѣе окончательныя формы и, наконецъ, такъ какъ есть, во всей своей окончательности, доставленъ былъ въ собственныя уши губернаторши. Губернаторша, какъ мать семейства, какъ первая въ городѣ дама, неподозрѣвавшая ничего подобнаго, была совершенно оскорблена подобными исторіями и пришла въ негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое. Бѣд-

ная блондинка выдержала самый непріятный tête-à-tête, какой только когда-либо случалось имѣть шестнадцати-лѣтней дѣвушкѣ. Полились цѣлые потоки разспросовъ, допросовъ, выговоровъ, угрозъ, упрековъ, увѣщаній, такъ что дѣвушка бросилась въ слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова; швейцару данъ былъ строжайшій приказъ не принимать ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ Чичикова.

Сдѣлавши свое дѣло относительно губернаторши, дамы насѣли было на мужскую партію, пытаясь склонить ихъ на свою сторону и утверждая, что мертвыя души выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе и успѣшнѣе произвесть похищеніе. Многіе даже изъ мущинъ были совращены и пристали къ ихъ партіи, не смотря на то, что подвергнулись сильнымъ нареканіямъ отъ своихъ же товарищей, обругавшихъ ихъ бабами и юбками, именами, какъ извѣстно, очень обидными для мужескаго пола.

Но какъ ни вооружались и ни противились мущины, а въ ихъ партіи совсѣмъ не было такого порядка, какъ въ женской. Все у нихъ было какъ-то черство, неотесанно, неладно, негожо, нестройно, нехорошо; въ головѣ кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность въ мысляхъ—однимъ словомъ, такъ и вызначилась во всемъ пустая природа, грубая, тяжелая, неспособная ни къ домостроительству, ни къ сердечнымъ убѣжденіямъ, маловѣрная, лѣнивая, исполненная безпрерывныхъ сомнѣній и вѣчной боязни. Они говорили, что все это вздоръ, что похищенье губернаторской дочки болѣе дѣло гусарское, нежели гражданское, что Чичиковъ не сдѣлаетъ этого, что бабы врутъ, что баба—что мѣшокъ: что положатъ, то несетъ; что главный предметъ, на который нужно обратить вниманіе, есть мертвыя души, которыя впрочемъ, чортъ его знаетъ, что̀ значатъ, но въ нихъ заключено, однакожъ, весьма скверное, нехорошее. Почему казалось мущинамъ, что въ нихъ заключалось скверное и нехорошее, сію минуту узнаемъ. Въ губернію назначенъ былъ новый генералъ-губернаторъ — событіе, какъ извѣстно, приводящее чиновниковъ въ тревожное состояніе: пойдутъ переборки, распеканья, взбутетениванья и всякія должностныя похлебки, которыми угощаетъ начальникъ своихъ подчиненныхъ. »Ну,

что«, думали чиновники, »если онъ узнаетъ только просто, что въ городѣ ихъ вотъ, де, какіе глупые слухи? да за это одно можетъ вскипятить не на жизнь, а на самую смерть!« Инспекторъ врачебной управы вдругъ поблѣднѣлъ: ему представилось Богъ знаетъ что: не разумѣются ли подъ словомъ *мертвыя души* больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ и въ другихъ мѣстахъ отъ повальной горячки, противъ которой не было взято надлежащихъ мѣръ, и что Чичиковъ не есть ли подосланный чиновникъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора для произведенія тайнаго слѣдствія? Онъ сообщилъ объ этомъ предсѣдателю. Предсѣдатель отвѣчалъ, что это вздоръ, и потомъ вдругъ поблѣднѣлъ самъ, задавъ себѣ вопросъ: а что, если души, купленныя Чичиковымъ, въ самомъ дѣлѣ мертвыя? а онъ допускаетъ совершить на нихъ крѣпость, да еще самъ сыгралъ роль повѣреннаго Плюшкина, и дойдетъ это до свѣдѣнія генералъ-губернатора,—что тогда? Онъ объ этомъ больше ничего, какъ только сказалъ тому и другому, и вдругъ поблѣднѣли и тотъ, и другой: страхъ прилипчивѣе чумы и сообщается въ-мигъ. Всѣ вдругъ отъискали въ себѣ такіе грѣхи, какихъ даже не было. Слово *мертвыя души* такъ раздалось неопредѣленно, что стали подозрѣвать даже, нѣтъ ли здѣсь какого намека на скоропостижно погребенныя тѣла, въ слѣдствіе двухъ, не такъ давно случившихся событій. Первое событіе было съ какими-то Сольвычегодскими купцами, пріѣхавшими въ городъ на ярмарку и задавшими послѣ торговъ пирушку пріятелямъ своимъ Устьсысольскимъ купцамъ, — пирушку на Русскую ногу, съ Нѣмецкими затѣями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч. Пирушка, какъ водится, кончилась дракой. Сольвычегодскіе уходили на-смерть Устьсысольскихъ, хотя и отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ микитки и въ подсочельникъ, свидѣтельствовавшую о непомѣрной величинѣ кулаковъ, которыми были снабжены покойники. У одного изъ восторжествовавшихъ даже былъ вплоть сколотъ нососъ, по выраженію бойцовъ, то есть, весь размозженъ носъ, такъ что не оставалось его на лицѣ и на полпальца. Въ дѣлѣ своемъ купцы повинились, изъясняясь, что немного пошалили. Носились слухи, будто при повинной головѣ они приложили по четыре государственныя каждый; впрочемъ дѣло слишкомъ темное:

изъ учиненныхъ выправокъ и слѣдствій оказалось, что Устьсысольскіе ребята умерли отъ угара, а потому такъ ихъ и похоронили, какъ угорѣвшихъ. Другое происшествіе, недавно случившееся, было слѣдующее. Казенные крестьяне сельца Вшивая-Спѣсь, соединившись съ таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово-тожъ, снесли съ лица земли будтобы земскую полицію, въ лицѣ засѣдателя, какого-то Дробяжкина; что будто земская полиція, то есть, засѣдатель Дробяжкинъ, повадился ужъ черезъ-чуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, что̀, въ иныхъ случаяхъ, сто́итъ повальной горячки, а причина, де, та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, приглядывался на бабъ и деревенскихъ дѣвокъ. Навѣрное впрочемъ неизвѣстно, хотя въ показаніяхъ крестьяне выразились прямо, что земская полиція былъ, де, блудливъ, какъ кошка, и что уже не разъ они его оберегали и одинъ разъ даже выгнали нагишомъ изъ какой-то избы, куда онъ было забрался. Конечно, земская полиція достоинъ былъ наказанія за сердечныя слабости, но мужиковъ какъ Вшивой-Спѣси, такъ и Задирайлова-тожъ, нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только дѣйствительно участвовали въ убіеніи. Но дѣло было темно; земскую полицію нашли на дорогѣ; мундиръ, или сюртюкъ на земской полиціи былъ хуже тряпки; а ужъ физіогноміи и распознать нельзя было. Дѣло ходило по судамъ и поступило наконецъ въ палату, гдѣ было сначала наединѣ разсужено въ такомъ смыслѣ. Такъ какъ неизвѣстно, кто изъ крестьянъ именно участвовалъ, а всѣхъ ихъ много; Дробяжкинъ же человѣкъ мертвый, стало быть, ему немного въ томъ проку, если бы даже онъ и выигралъ дѣло; а мужики были еще живы, стало быть, для нихъ весьма важно рѣшеніе въ ихъ пользу; то въ слѣдствіе того рѣшено было такъ: что засѣдатель Дробяжкинъ былъ самъ причиною, оказывая несправедливыя притѣсненія мужикамъ Вшивой-Спѣси и Задирайлова-тожъ, а умеръ, де, онъ, возвращаясь въ саняхъ, отъ апоплексическаго удара. Дѣло, казалось бы, обдѣлано было кругло, но чиновники, неизвѣстно почему, стали думать, что, вѣрно, объ этихъ мертвыхъ душахъ идетъ теперь дѣло. Случись же такъ, что, какъ нарочно, въ то время, когда господа чиновники и безъ того находились въ затруднительномъ положеніи, пришли къ губернатору

разомъ двѣ бумаги. Въ одной изъ нихъ содержалось, что, по дошедшимъ показаніямъ и донесеніямъ, находится въ ихъ губерніи дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, скрывающійся подъ разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее розысканіе. Другая бумага содержала въ себѣ отношеніе губернатора сосѣдственной губерніи о убѣжавшемъ отъ законнаго преслѣдованія разбойникѣ, и что, буде окажется въ ихъ губерніи какой подозрительный человѣкъ, непредъявящій никакихъ свидѣтельствъ и пашпортовъ, то задержать его немедленно. Эти двѣ бумаги такъ и ошеломили всѣхъ. Прежнія заключенія и догадки совсѣмъ были сбиты съ толку. Конечно, никакъ нельзя было предполагать, чтобы тутъ относилось что-нибудь къ Чичикову; однакожъ всѣ, какъ поразмыслили каждый съ своей стороны, какъ припомнили, что они еще не знаютъ, кто таковъ на самомъ дѣлѣ есть Чичиковъ, что онъ самъ весьма неясно отзывался на-счетъ собственнаго лица,—говорилъ, правда, что потерпѣлъ по службѣ за правду, да вѣдь все это какъ-то неясно,—и когда вспомнили при этомъ, что онъ даже выразился, будто имѣлъ много непріятелей, покушавшихся на жизнь его; то задумались еще болѣе: стало быть, жизнь его была въ опасности, стало быть, его преслѣдовали, стало быть, онъ вѣдь сдѣлалъ же что-нибудь такое.... Да кто же онъ въ самомъ дѣлѣ такой? Конечно, нельзя думать, чтобы онъ могъ дѣлать фальшивыя бумажки, а тѣмъ болѣе, быть разбойникомъ,—наружность благонамѣренна; но при всемъ томъ, кто же бы, однакожъ, онъ былъ такой на самомъ дѣлѣ? И вотъ господа чиновники задали себѣ теперь вопросъ, который должны были задать себѣ вначалѣ, то есть, въ первой главѣ нашей поэмы. Рѣшено было еще сдѣлать нѣсколько разспросовъ тѣмъ, у которыхъ были куплены души, чтобы, по крайней мѣрѣ, узнать, что̀ за покупка и что̀ именно нужно разумѣть подъ этими мертвыми душами, и не объяснилъ ли онъ кому, хоть, можетъ быть, невзначай, хоть вскользь какъ-нибудь, настоящихъ своихъ намѣреній, и не сказалъ ли онъ кому-нибухь о томъ, кто онъ такой? Прежде всего отнеслись къ Коробочкѣ, но тутъ почерпнули немного: купилъ, де, за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупаетъ, и много всего обѣщался накупить, въ казну сало тоже ставитъ, и потому на-

вѣрно плутъ, ибо ужъ былъ одинъ такой, который покупалъ птичьи перья и въ казну сало поставлялъ, да обманулъ всѣхъ и протопопшу надулъ болѣе, чѣмъ на сто рублей. Все, что ни говорила она далѣе, было повтореніе почти одного и того же, и чиновники увидѣли только, что Коробочка была, просто, глупая старуха. Маниловъ отвѣчалъ, что за Павла Ивановича всегда готовъ онъ ручаться, какъ за самого себя, что онъ бы пожертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, чтобы имѣть сотую долю качествъ Павла Ивановича, и отозвался о немъ вообще въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, присовокупивъ нѣсколько мыслей на счетъ дружбы уже съ зажмуренными глазами. Этѣ мысли, конечно, удовлетворительно объяснили нѣжное движеніе его сердца, но не объяснили чиновникамъ настоящаго дѣла. Собакевичъ отвѣчалъ, что Чичиковъ, по его мнѣнію, человѣкъ хорошій, а что крестьянъ онъ ему продалъ на выборъ и народъ во всѣхъ отношеніяхъ живой; но что онъ не ручается за то, что случится впередъ, — что если они попримрутъ во время трудностей переселенія въ дорогѣ, то не его вина, и въ томъ властенъ Богъ, а горячекъ и разныхъ смертоносныхъ болѣзней есть на свѣтѣ немало, и бываютъ примѣры, что вымираютъ, де, цѣлыя деревни. Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое, однакоже, иногда употребляется, то есть, стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, разспросить людей Чичикова, не знаютъ ли они какихъ подробностей на-счетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина; но услышали тоже немного. Отъ Петрушки услышали только запахъ жилого покоя, а отъ Селифана, что »сполнялъ службу государскую, да служилъ прежде по таможнѣ«, и ничего болѣе. У этого класса людей есть весьма странный обычай: если его спросить прямо о чемъ-нибудь, онъ никогда не вспомнитъ, не приберетъ всего въ голову и даже просто отвѣтитъ, что не знаетъ; а если спросить о чемъ другомъ, тутъ-то онъ и приплететъ его, и разскажетъ съ такими подробностями, которыхъ и знать не захочешь. Всѣ поиски, произведенные чиновниками, открыли имъ только то, что они навѣрное никакъ не знаютъ, что такое Чичиковъ, а что, однакоже, Чичиковъ что-нибудь да долженъ быть непремѣнно. Они положили наконецъ по-

толковать окончательно объ этомъ предметѣ и рѣшить по крайней мѣрѣ, что̀ и какъ имъ дѣлать, и какія мѣры предпринять, и что̀ такое онъ именно: такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ какъ неблагонамѣренныхъ. Для всего этого предположено было собраться нарочно у полиціймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города.

ГЛАВА X.

Собравшись у полиціймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города, чиновники имѣли случай замѣтить другъ другу, что они даже похудѣли отъ этихъ заботъ и тревогъ. Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе новаго генералъ-губернатора и эти полученныя бумаги такого серьезнаго содержанія, и эти, Богъ знаетъ, какіе слухи,—все это оставило замѣтные слѣды въ ихъ лицахъ, и фраки на многихъ сдѣлались замѣтно просторнѣй. Все подалось: и предсѣдатель похудѣлъ, и инспекторъ врачебной управы похудѣлъ, и прокуроръ похудѣлъ, и какой-то Семенъ Ивановичъ, никогда неназывавшійся по фамиліи, носившій на указательномъ пальцѣ перстень, который давалъ разсматривать дамамъ, даже и тотъ похудѣлъ. Конечно нашлись, какъ и вездѣ бываетъ, кое-кто неробкаго десятка, которые не теряли присутствія духа; но ихъ было весьма немного. Почтмейстеръ одинъ только, онъ одинъ не измѣнялся въ постоянно ровномъ характерѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе говорить: »Знаемъ мы васъ, генералъ-губернаторовъ! Васъ, можетъ быть, три-четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ, судырь мой, сижу на одномъ мѣстѣ.« На это, обыкновенно, замѣчали другіе чиновники: »Хорошо тебѣ, шпрехенъ зи дейчъ Иванъ Андрейчъ: у тебя дѣло почтовое — принять да отправить экспедицію; развѣ только надуешь, запершп присутствіе часомъ раньше, да возмешь съ опоздавшаго купца за пріемъ письма въ неуказное время, или перешлешь иную посылку, которую не слѣдуетъ пересылать, — тутъ,

конечно, всякій будетъ святой. А вотъ пусть къ тебѣ повадится чортъ подвертываться всякій день подъ руку, такъ что вотъ и не хочешь брать, а онъ самъ суетъ. Тебѣ, разумѣется, съ пола-горя: у тебя одинъ сынишка; а тутъ, братъ, Прасковью Ѳедоровну надѣлилъ Богъ такою благодатію — что годъ, то несетъ: либо Праскушку, либо Петрушу; тутъ, братъ, другое запоешь.« Такъ говорили чиновники, а можно ли въ самомъ дѣлѣ устоять противъ чорта, объ этомъ судить не авторское дѣло. Въ собравшемся на сей разъ совѣтѣ очень замѣтно было отсутствіе той необходимой вещи, которую въ простонародіи называютъ толкомъ. Вообще мы какъ-то не создались для представительныхъ засѣданій. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это: видно, уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить, или пообѣдать, какъ-то: клубы и всякіе воксалы на Нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и нивѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя нанимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира, съ отопленіемъ и сторожами; а за тѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую-нибудь свою куму. Впрочемъ, собравшееся нынѣ совѣщаніе было совершенно другого рода: оно образовалось въ слѣдствіе необходимости. Не о какихъ-либо бѣдныхъ или постороннихъ шло дѣло: дѣло касалось всякаго чиновника лично, дѣло касалось бѣды, всѣмъ равно грозившей,

стало быть, поневолѣ тутъ должно быть единодушнѣе, тѣснѣе. Но при всемъ томъ вышло чортъ знаетъ что̀ такое. Не говоря уже о разногласіяхъ, свойственныхъ всѣмъ совѣтамъ, во мнѣніи собравшихся обнаружилась какая-то даже непостижимая нерѣшительность: одинъ говорилъ, что Чичиковъ дѣлатель государственныхъ ассигнацій, и потомъ самъ прибавлялъ: »а можетъ быть, и не дѣлатель«; другой утверждалъ, что онъ чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи, и тутъ же присовокуплялъ: »а впрочемъ, чортъ его знаетъ; на лбу вѣдь не прочтешь.« Противъ догадки, не переодѣтый ли разбойникъ, вооружились всѣ: нашли, что сверхъ наружности, которая сама по себѣ была уже благонамѣренна, въ разговорахъ его ничего не было такого, которое бы показывало человѣка съ буйными поступками. Вдругъ почтмейстеръ, остававшійся нѣсколько минутъ погруженнымъ въ какое-то размышленіе, — въ слѣдствіе ли внезапнаго вдохновенія, осѣнившаго его, или чего иного, — вскрикнулъ неожиданно: »Знаете ли, господа, кто это?« Голосъ, которымъ онъ произнесъ это, заключалъ въ себѣ что-то потрясающее, такъ что заставилъ вскрикнуть всѣхъ въ одно время: »А кто?« — »Это, господа, судырь мой, не кто другой, какъ капитанъ Копейкинъ!« А когда всѣ тутъ же въ одинъ голосъ спросили: »Кто таковъ этотъ капитанъ Копейкинъ?« почтмейстеръ сказалъ: »Такъ вы не знаете, кто такой капитанъ Копейкинъ?«

Всѣ отвѣчали, что никакъ не знаютъ, кто таковъ капитанъ Копейкинъ.

»Капитанъ Копейкинъ«, сказалъ почтмейстеръ, открывшій свою табакерку только въ половину, изъ боязни, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей не запустилъ туда своихъ пальцевъ, въ чистоту которыхъ онъ плохо вѣрилъ, »Капитанъ Копейкинъ«, сказалъ почтмейстеръ, уже понюхавши табаку; »да вѣдь это, впрочемъ, если разсказать, выйдетъ презанимательная для какого-нибудь писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлая поэма.«

Всѣ присутствующіе изъявили желаніе узнать эту исторію, или, какъ выразился почтмейстеръ, презанимательную для писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлую поэму, и онъ началъ такъ.

ПОВѢСТЬ О КАПИТАНѢ КОПЕЙКИНѢ.

Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, сударь ты мой (такъ началъ почтмейстеръ, не смотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро), послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ раненными присланъ былъ и капитанъ Копейкинъ. Пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ и подъ арестомъ, всего отвѣдалъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не успѣли сдѣлать на-счетъ раненныхъ никакихъ, знаете, эдакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ послѣ. Капитанъ Копейкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу — отецъ говоритъ: »Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я«, можете представить себѣ, »самъ едва достаю хлѣбъ.« Вотъ мой капитанъ Копейкинъ рѣшился отправиться, сударь мой, въ Петербургъ, чтобы хлопотать по начальству, не будетъ ли какого вспоможенья... Какъ-то тамъ, знаете, съ обозами, или фурами казенными, словомъ, судырь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: эдакой, какой-нибудь, то есть, капитанъ Копейкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная шехеризада, понимаете, эдакая. Вдругъ какой-нибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій прешпектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ эдакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ эдакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ эдакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то есть, прикосновенія; словомъ, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиру, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персія, судырь мой, такая... словомъ, относительно, такъ сказать, ногой попираешь капиталы. Идешь по улицѣ, а ужъ носъ

слышитъ, что пахнетъ тысячами: а у моего капитана Копейкина весь ассигнаціонный банкъ изъ какихъ-нибудь десяти синюгъ, да серебра мелочь. Ну, деревни на это не купишь, то есть, и купишь, можетъ быть, если приложишь тысячъ сорокъ, да сорокъ-то тысячъ нужно занять у Французскаго короля. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ Ревельскомъ трактирѣ за рубль въ сутки; обѣдъ — щи, кусокъ битой говядины... Видитъ—заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратится. »Что жъ, куда обратиться?« говорятъ: »высшаго начальства нѣтъ теперь въ столицѣ; все это«, понимаете, »въ Парижѣ; войска не возвращались; а есть«, говорятъ, »временная коммиссія. Попробуйте, можетъ быть что-нибудь тамъ могутъ.« — »Пойду въ коммиссію«, говоритъ Копейкинъ, »скажу: такъ и такъ, проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь, относительно сказать, жизнію жертвовалъ.« Вотъ, судырь мой, вставши поранѣе, поскребъ онъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цирюльнику — это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, натащилъ на себя мундиришка и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился въ коммиссію. Разспросилъ, гдѣ живетъ начальникъ. »Вонъ«, говорятъ, »домъ на набережной!« избенка, понимаете, мужичья: стеклышки въ окнахъ, можете себѣ представить, полутора-саженныя зеркала, мраморы, лаки, судырь ты мой... словомъ, ума помраченье! Металлическая ручка какая-нибудь у двери—конфортъ первѣйшаго свойства, такъ что прежде, понимаете, нужно забѣжать въ лавочку да купить на грошъ мыла, да часа съ два, въ нѣкоторомъ родѣ, тереть имъ руки, да ужъ послѣ развѣ можно взяться за нее. Одинъ швейцаръ на крыльцѣ, съ булавой — графская эдакая физіогномія, батистовые воротнички, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь... Копейкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку, или Индію — раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что пришелъ еще въ такое время, когда начальникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и каммердинеръ поднесъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній эдакихъ. Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ вхо-

дитъ дежурный чиновникъ, говоритъ: »Сейчасъ начальникъ выйдетъ.« А въ комнатѣ ужъ и эполетъ, и эксельбантъ, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, судырь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ — начальникъ! въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ; подходитъ къ одному, къ другому: »Зачѣмъ вы, что̀ вамъ угодно, какое ваше дѣло?« Наконецъ, судырь мой, къ Копейкину. Копейкинъ: »Такъ и такъ«, говоритъ, »проливалъ кровь, лишился въ нѣкоторомъ родѣ руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить, не будетъ ли какого вспомоществованія, какихъ-нибудь эдакихъ распоряженій на-счетъ относительно, такъ сказать, вознагражденія, пансіона, что ли«, понимаете? Начальникъ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: »Хорошо«, говоритъ, »понавѣдайтесь на дняхъ!« Копейкинъ мой въ восторгѣ: »Ну«, думаетъ, »дѣло сдѣлано.« Въ духѣ, можете вообразить, такомъ подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ Палкинской трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, судырь мой, въ Лондонѣ, приказалъ себѣ подать котлетку съ каперсами, пулярку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ — кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать. На тротуарѣ видитъ — идетъ какая-то стройная Англичанка какъ лебедь, можете себѣ представить, эдакой. Мой Копейкинъ — кровь-то, знаете, разъигралась — побѣжалъ было за ней на своей деревяшкѣ, трюхъ-трюхъ слѣдомъ, да нѣтъ, подумалъ: »На время къ чорту волокитство! пусть послѣ, когда получу пенсіонъ; теперь ужъ я что-то слишкомъ расходился.« А промоталъ онъ между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ! Дня черезъ три-четыре является онъ, судырь ты мой, въ коммиссію, къ начальнику. »Пришелъ«, говоритъ, »узнать: такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь...« и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. »А что̀?« говоритъ начальникъ, »прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему безъ разрѣшенія высшаго начальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите, какое теперь время. Военныя дѣйствія, относительно такъ сказать, еще не кон-

чилась совершенно. Обождите пріѣзда господина министра, потерпите. Тогда, будьте увѣрены, вы не будете оставлены. А если вамъ нечѣмъ жить, такъ вотъ вамъ«, говоритъ, »сколько могу...« Ну, и понимаете, далъ ему конечно немного, но съ умѣренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ разрѣшеній. Но Копейкину моему не того хотѣлось. Онъ-то уже думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какой-нибудь эдакой кушъ: »На́ тебѣ, голубчикъ, пей да веселись«; а вмѣсто того—жди. А ужъ у него, понимаете, въ головѣ и Англичанка, и суплеты, и котлеты всякія. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, котораго поваръ облилъ водой,—и хвостъ у него между ногъ, и уши повисли. Жизнь-то Петербургская его уже поразобрала, кое-чего онъ и попробовалъ. А тутъ живи чортъ знаетъ какъ, сластей, понимаете, никакихъ. Ну, а человѣкъ-то свѣжій, живой, аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакаго какого-нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете представить, иностранецъ, Французъ эдакой съ открытой физіогноміей, бѣлье на немъ Голландское, фартукъ бѣлизною равный въ нѣкоторомъ родѣ снѣгамъ, работаетъ фензервъ какой-нибудь эдакой, котлетки съ трюфелями, словомъ — разсупе-деликатесъ такой, что, просто, себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штучка, арбузъ-громадище, дилижансъ эдакой высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей словомъ — на всякомъ шагу соблазнъ, относительно, такъ сказать, слюнки текутъ, а онъ—жди. Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названьемъ *завтра*. »Ну ужъ«, думаетъ, »какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду«, говоритъ, »подыму всю коммиссію, всѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите!« И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, наянъ эдакой, толку-то, понимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ коммиссію: »Ну что́?« говорятъ, »зачѣмъ еще? вѣдь вамъ ужъ сказано!«—»Да что́?« говоритъ, »я не могу«, говоритъ, »перебиваться кое-какъ. Мнѣ нужно«, говоритъ, »съѣсть и котлетку, бутылку Французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театръ,

понимаете.«—»Ну, ужъ«, говоритъ начальникъ, »извините. На-счетъ этого есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока средства для прокормленія, покамѣсть выдетъ резолюція, и безъ сомнѣнія вы будете вознаграждены, какъ слѣдуетъ; ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ, приносившій, относительно такъ сказать, услуги отечеству, былъ оставленъ безъ призрѣнія. Но если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками и въ театръ, понимаете, такъ ужъ тутъ извините. Въ такомъ случаѣ ищите сами себѣ средствъ, старайтесь сами себѣ помочь.« Но Копейкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ усъ не дуетъ. Слова-то ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ. Шумъ поднялся такой, всѣхъ распушилъ; всѣхъ тамъ этихъ секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить: »Да вы«, говоритъ, »то!« говоритъ, »да вы«, говоритъ, »это!« говоритъ, »да вы«, говоритъ, »обязанностей своихъ не знаете! да вы«, говоритъ, »законопродавцы!« говоритъ! Всѣхъ отшлепалъ. Тамъ какой-то чиновникъ, понимаете, подвернулся изъ какого-то, даже вовсе посторонняго вѣдомства— онъ, судырь мой, и его! Бунтъ поднялъ такой! Что прикажешь дѣлать съ эдакимъ чортомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. »Хорошо«, говоритъ, »если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, что даютъ вамъ ожидать спокойно, въ нѣкоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ рѣшенья вашей участи, такъ я васъ препровожу на мѣсто жительства. Позвать«, говоритъ, »фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!« А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужчина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, словомъ — дантистъ эдакой... Вотъ его, раба Божія, въ тележку да съ фельдъ-егеремъ. »Ну«, Копейкинъ думаетъ, »по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то.« Ѣдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егерѣ, да ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: »Хорошо«, говоритъ, »вотъ ты, молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ бы; хорошо«, говоритъ, »я«, говоритъ, »найду средства!« Ну, ужъ какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете,

и слухи о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итакъ, куда дѣлся Копейкинъ, неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ Рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой!..

»Только позволь, Иванъ Андреевичъ«, сказалъ вдругъ, прервавши его, полицiймейстеръ: »вѣдь капитанъ Копейкинъ, ты самъ сказалъ, безъ руки и ноги, а у Чичикова....«

Здѣсь почтмейстеръ вскрикнулъ и хлопнулъ со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всѣхъ телятиной. Онъ не могъ понять, какъ подобное обстоятельство не пришло ему въ самомъ началѣ разсказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: ***Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ.*** Однакожъ, минуту спустя, онъ тутъ же сталъ хитрить и попробовалъ было вывернуться, говоря, что, впрочемъ, въ Англіи очень усовершенствована механика, что видно по газетамъ, какъ одинъ изобрѣлъ деревяныя ноги, такимъ образомъ, что при одномъ прикосновеніи къ незамѣтной пружинкѣ, уносили эти ноги человѣка Богъ знаетъ въ какія мѣста, такъ что послѣ нигдѣ и отыскать его нельзя было.

Но всѣ очень усомнились, чтобы Чичиковъ былъ капитанъ Копейкинъ, и нашли, что почтмейстеръ хватилъ уже слишкомъ далеко. Впрочемъ, они съ своей стороны тоже не ударили лицомъ въ грязь и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далѣе. Изъ числа многихъ, въ своемъ родѣ смѣтливыхъ, предположеній было наконецъ одно — странно даже и сказать — что не есть ли Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, что Англичанинъ издавна завидуетъ, что, дескать, Россія такъ велика и обширна, что даже нѣсколько разъ выходили и каррикатуры, гдѣ Русскій изображенъ разговаривающимъ съ Англичаниномъ. Англичанинъ стоитъ и сзади держитъ на веревкѣ собаку, и подъ собакой разумѣется Наполеонъ: »Смотри«, молъ, говоритъ, »если что̀ не такъ, такъ я на тебя сейчасъ выпущу эту собаку!« И вотъ теперь они, можетъ быть, и выпустили его съ острова Елены, и вотъ

онъ теперь и пробирается въ Россію, будтобы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не Чичиковъ.

Конечно, повѣрить этому чиновники не повѣрили, а впрочемъ призадумались и, разсматривая это дѣло каждый про-себя, нашли, что лицо Чичикова, если онъ поворотится и станетъ бокомъ, очень сдаетъ на портретъ Наполеона. Полиціймейстеръ, который служилъ въ кампанію 12 года и лично видѣлъ Наполеона, не могъ тоже не сознаться, что ростомъ онъ никакъ не будетъ выше Чичикова и что складомъ своей фигуры Наполеонъ тоже, нельзя сказать, чтобы слишкомъ толстъ, однакожъ и не такъ, чтобы тонокъ. Можетъ быть, нѣкоторые читатели назовутъ все это невѣроятнымъ, авторъ тожъ въ угоду имъ готовъ бы назвать все это невѣроятнымъ; но какъ на бѣду все именно произошло такъ, какъ разсказывается. Впрочемъ, нужно помнить, что все это происходило вскорѣ послѣ достославнаго изгнанія Французовъ. Въ это время всѣ наши помѣщики, чиновники, купцы, сидѣльцы и всякій грамотный и даже неграмотный народъ сдѣлались, по крайней мѣрѣ, на цѣлыя восемь лѣтъ заклятыми политиками. »Московскія Вѣдомости« и »Сынъ Отечества« зачитывались немилосердо и доходили къ послѣднему чтецу въ кусочкахъ, негодныхъ ни на какое употребленіе. Вмѣсто вопросовъ: »Почемъ, батюшка, продали мѣру овса? какъ воспользовались вчерашней порошей?« говорили: »А что пишутъ въ газетахъ? не выпустили ли опять Наполеона изъ острова?« Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно вѣрили предсказанію одного предвѣщателя, уже три года сидѣвшаго въ острогѣ. Предвѣщатель пришелъ неизвѣстно откуда, въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвѣстилъ, что Наполеонъ есть Антихристъ и держится на каменной цѣпи, за шестью стѣнами и семью морями, но послѣ разорветъ цѣпь и овладѣетъ всѣмъ міромъ. Предвѣщатель за предсказаніе попалъ, какъ слѣдуетъ, въ острогъ, но тѣмъ не менѣе дѣло свое сдѣлалъ и смутилъ совершенно купцовъ. Долго еще, во время даже самыхъ прибыточныхъ сдѣлокъ, купцы, отправляясь въ трактиръ запивать ихъ чаемъ, поговаривали объ Антихристѣ. Многіе изъ чиновниковъ и благороднаго дворянства тоже невольно подумывали объ этомъ и, зараженные мистицизмомъ, который, какъ

извѣстно, былъ тогда въ большой модѣ, видѣли въ каждой буквѣ, изъ которыхъ было составлено слово *Наполеонъ*, какое-то особенное значеніе; многіе даже открыли въ немъ Апокалипсическія цыфры. Итакъ ничего нѣтъ удивительнаго, что чиновники невольно задумались на этомъ пунктѣ; скоро, однакоже, спохватились, замѣтивъ, что воображеніе ихъ уже через-чуръ рыспсто и что все это не то. Думали-думали, толковали-толковали, и наконецъ рѣшили, что не худо бы еще разспросить хорошенько Ноздрева. Такъ какъ онъ первый вынесъ исторію о мертвыкъ душахъ и былъ, какъ говорится, въ какихъ-то тѣсныхъ отношеніяхъ съ Чичиковымъ, стало быть, безъ сомнѣнія, знаетъ кое-что изъ обстоятельствъ его жизни; то попробовать еще, что̀ скажетъ Ноздревъ.

Странные люди эти господа чиновники, а за ними и всѣ прочія званія: вѣдь очень хорошо знали, что Ноздревъ лгунъ, что ему нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, ни въ самой бездѣлицѣ, а между тѣмъ именно прибѣгнули къ нему! Поди ты, сладь съ человѣкомъ! не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ, что если почешется переносье, то непремѣнно умретъ; пропуститъ мимо созданіе поэта, ясное какъ день, все проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, гдѣ какой-нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу, и ему оно понравится, и онъ станетъ кричать: »Вотъ оно, вотъ настоящее знаніе тайнъ сердца!« всю жизнь не ставитъ въ грошъ докторовъ, а кончится тѣмъ, что обратится наконецъ къ бабѣ, которая лѣчитъ зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой-нибудь декоктъ изъ нивѣсть какой дряни, которая, Богъ знаетъ почему, вообразится ему именно средствомъ противъ его болѣзни. Конечно, можно отчасти извинить господъ чиновниковъ дѣйствительно затруднительнымъ ихъ положеніемъ. Утопающій, говорятъ, хватается и за маленькую щепку, и у него нѣтъ въ это время разсудка подумать, что на щепкѣ можетъ развѣ прокатиться верхомъ муха, а въ немъ вѣсу чуть не четыре пуда, если даже не цѣлыхъ пять; но не приходитъ ему въ то время соображеніе въ голову, и онъ хватается за щепку. Такъ и господа наши ухватились наконецъ и за Ноздрева. Полиціймейстеръ въ ту же минуту написалъ къ нему записочку пожаловать на вечеръ, и

квартальный въ ботфортахъ, съ привлекательнымъ румянцемъ на щекахъ, побѣжалъ въ ту же минуту, придерживая шпагу, въ припрыскочку, на квартиру Ноздрева. Ноздревъ былъ занятъ важнымъ дѣломъ; цѣлые четыре дня уже не выходилъ онъ изъ комнаты, не впускалъ никого и получалъ обѣдъ въ окошко, словомъ — даже исхудалъ и позеленѣлъ. Дѣло требовало большой внимательности: оно состояло въ подбираніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной таліи, но самой меткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга. Работы оставалось еще, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли; во все продолженіе этого времени Порфирій долженъ былъ чистить меделянскому щенку пупъ особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ. Ноздревъ былъ очень разсерженъ за то, что потревожили его уединеніе; прежде всего онъ отправилъ квартальнаго къ чорту; но когда прочиталъ въ запискѣ городничаго, что можетъ случиться пожива, потому что на вечеръ ожидаютъ какого-то новичка, смягчился въ ту жъ минуту, заперъ комнату наскоро ключомъ, одѣлся, какъ попало, и отправился къ нимъ. Показанія, свидѣтельства и предположенія Ноздрева представили такую рѣзкую противоположность таковыхъ же господъ чиновниковъ, что и послѣднія ихъ догадки были сбиты съ толку. Это былъ рѣшительно человѣкъ, для котораго не существовало сомнѣній вовсе; и сколько у нихъ замѣтно было шаткости и робости въ предположеніяхъ, столько у него твердости и увѣренности. Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не заикнувшись, объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать. На вопросъ: не шпіонъ ли онъ и не старался ли что-нибудь развѣдать? Ноздревъ отвѣчалъ, что шпіонъ, что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его поизмяли, такъ что нужно было потомъ приставить къ однимъ вискамъ 240 піявокъ,— то есть, онъ хотѣлъ было сказать 40, но 200 сказалось какъ-то само собою. На вопросъ: не дѣлатель ли онъ фальшивыхъ бумажекъ? онъ отвѣчалъ, что дѣлатель, и при этомъ случаѣ разсказалъ анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова: какъ, узнавши, что въ его домѣ на-

ходилось на два милліона фальшивыхъ ассигнацій, опечатали домъ его и приставили караулъ, на каждую дверь по два солдата, и какъ Чичиковъ перемѣнилъ ихъ всѣ въ одну ночь, такъ что на другой день, когда сняли печати, увидѣли, что всё были ассигнаціи настоящія. На вопросъ: точно ли Чичиковъ имѣлъ намѣреніе увезти губернаторскую дочку, и правда ли, что онъ самъ взялся помогать и участвовать въ этомъ дѣлѣ? Ноздревъ отвѣчалъ, что помогалъ и что если бы не онъ, то не вышло бы ничего. Тутъ онъ и спохватился было, видя, что солгалъ вовсе напрасно и могъ такимъ образомъ накликать на себя бѣду; но языка никакъ уже не могъ придержать. Впрочемъ и трудно было, потому что представились сами собою такія интересныя подробности, отъ которыхъ никакъ нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, гдѣ находилась та приходская церковь, въ которой положено было вѣнчаться, именно деревня Трухмачевка; попъ отецъ Сидоръ, за вѣнчаніе 75 рублей, и то не согласился бы, если бы онъ не припугнулъ его, обѣщаясь донести на него, что перевѣнчалъ лобазника Михайла на кумѣ; что онъ уступилъ даже свою коляску и заготовилъ на всѣхъ станціяхъ перемѣнныхъ лошадей. Подробности дошли до того, что уже начиналъ называть по именамъ ямщиковъ. Попробовали было заикнуться о Наполеонѣ, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздревъ понесъ такую околесину, которая не только не имѣла никакого подобія правды, но даже, просто, ни на что̀ не имѣла подобія, такъ что чиновники, вздохнувши, всѣ отошли прочь; одинъ только полиціймейстеръ долго еще слушалъ, думая, не будетъ ли, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь далѣе, но наконецъ и рукой махнулъ, сказавши: »Чортъ знаетъ, что̀ такое!« И всѣ согласились въ томъ, что *какъ съ быкомъ ни биться, а всё молока отъ него не добиться.* И остались чиновники еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ были прежде, и рѣшилось дѣло тѣмъ, что никакъ не могли узнать, что̀ такое былъ Чичиковъ. И оказалось ясно, какого рода созданье человѣкъ: мудръ, уменъ и толковъ онъ бываетъ во всемъ, что̀ касается другихъ, а не себя. Какими осмотрительными, твердыми совѣтами снабдитъ онъ въ трудныхъ случаяхъ жизни! »Экая расторопная голова!« кричитъ толпа, »какой неколебимый характеръ!« А

нанесись на эту расторопную голову какая-нибудь бѣда, и доведись ему самому быть поставлену въ трудные случаи жизни — куды дѣлся характеръ! весь растерялся неколебимый мужъ, и вышелъ изъ него жалкій трусишка, ничтожный, слабый ребенокъ, или, просто, ѳетюкъ, какъ называетъ Ноздревъ.

Всѣ эти толки, мнѣнія и слухи, неизвѣстно по какой причинѣ, больше всего подѣйствовали на бѣднаго прокурора. Они подѣйствовали на него до такой степени, что онъ, пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ, какъ говорится, ни съ того ни съ другого, умеръ. Параличомъ ли его, или чѣмъ другимъ прихватило, только онъ, какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся со стула навзничъ. Вскрикнули, какъ водится, всплеснувъ руками: »Ахъ, Боже мой!« послали за докторомъ, чтобы пустить кровь, но увидѣли, что прокуроръ былъ уже давно бездушное тѣло. Тогда только съ соболѣзнованіемъ узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя онъ, по скромности своей, никогда ея не показывалъ. А между тѣмъ появленье смерти такъ же было страшно въ маломъ, какъ страшно оно и въ великомъ человѣкѣ: тотъ, кто еще не такъ давно ходилъ, двигался, игралъ въ вистъ, подписывалъ разныя бумаги и былъ такъ часто видѣнъ между чиновниковъ съ своими густыми бровями и мигающимъ глазомъ, теперь лежалъ на столѣ, лѣвый глазъ уже не мигалъ вовсе, но бровь одна всё еще была приподнята съ какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ. О чемъ покойникъ спрашивалъ, зачѣмъ онъ умеръ, или зачѣмъ жилъ, — объ этомъ одинъ Богъ вѣдаетъ.

»Но это, однакожъ, несообразно! это несогласно ни съ чѣмъ! это невозможно, чтобы чиновники такъ могли сами напугать себя, создать такой вздоръ, такъ отдалиться отъ истины, когда даже ребенку видно, въ чемъ дѣло!« Такъ скажутъ многіе читатели и укорятъ автора въ несообразностяхъ, или назовутъ бѣдныхъ чиновниковъ дураками, потому что щедръ человѣкъ на слово *дуракъ* и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ на день своему ближнему. Довольно изъ десяти сторонъ имѣть одну глупую, чтобы быть признану дуракомъ мимо девяти хорошихъ. Читателямъ легко судить, глядя изъ своего покойнаго угла и верхушки, откуда открытъ весь горизонтъ на все, что дѣлается внизу, гдѣ

человѣку видѣнъ только близкій предметъ. И во всемірной лѣтописи человѣчества много есть цѣлыхъ столѣтій, которыя, казалось бы, вычеркнулъ и уничтожилъ, какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперь не сдѣлалъ и ребенокъ. Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону, дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ предъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги! Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его въ глухой темнотѣ текли люди — и сколько разъ, уже наведенные нисходившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли таки добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: »Гдѣ выходъ, гдѣ дорога?« Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденьямъ, смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отвсюду устремленъ пронзительный перстъ на него же, на него, на текущее поколѣніе; но смѣется текущее поколѣніе и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми такъ же потомъ посмѣются потомки.

Чичиковъ ничего обо всемъ этомъ не зналъ совершенно. Какъ нарочно, въ то время онъ получилъ легкую простуду, флюсъ и небольшое воспаленіе въ горлѣ, въ раздачѣ которыхъ чрезвычайно щедръ климатъ многихъ нашихъ губернскихъ городовъ. Чтобы не прекратилась, Боже сохрани, какъ-нибудь жизнь безъ потомковъ, онъ рѣшился лучше посидѣть денька три въ комнатѣ. Въ продолженіи сихъ дней онъ полоскалъ безпрестанно горло молокомъ съ фигой, которую потомъ съѣдалъ, и носилъ привязанную къ щекѣ подушечку изъ ромашки и камфоры. Желая чѣмъ-нибудь занять время, онъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ и подробныхъ списковъ всѣмъ накупленнымъ крестьянамъ, прочиталъ даже какой-то томъ герцогини Лавальеръ, отыскавшійся въ чемоданѣ, пересмотрѣлъ

въ ларцѣ разные находившіеся тамъ предметы и записочки, кое-что перечелъ и въ другой разъ, и все это прискучило ему сильно. Никакъ не могъ онъ понять, что̀ бы значило, что ни одинъ изъ городскихъ чиновниковъ не пріѣхалъ къ нему хоть бы разъ навѣдаться о здоровьи, тогда какъ еще недавно, то и дѣло, стояли передъ гостинницей дрожки — то почтмейстерскія, то прокурорскія, то предсѣдательскія. Онъ пожималъ только плечами, ходя по комнатѣ. Наконецъ почувствовалъ онъ себя лучше и обрадовался Богъ знаетъ какъ, когда увидѣлъ возможность выйти на свѣжій воздухъ. Не откладывая, принялся онъ немедленно за туалетъ, отперъ свою шкатулку, налилъ въ стаканъ горячей воды, вынулъ щотку и мыло и расположился бриться, чему впрочемъ давно были пора и время; потому что, пощупавъ бороду рукою и взглянувъ въ зеркало, онъ уже произнесъ: »Экъ какіе пошли писать лѣса!« И въ самомъ дѣлѣ, лѣса не лѣса, а по всей щекѣ и подбородку высыпалъ довольно густой посѣвъ. Выбрившись, принялся онъ за одѣванье живо и скоро, такъ что чуть не выпрыгнулъ изъ панталонъ. Наконецъ онъ былъ одѣтъ, вспрыснутъ одеколономъ и, закутанный потеплѣе, выбрался на улицу, завязавши изъ предосторожности щеку. Выходъ его, какъ всякаго рода выздоровѣвшаго человѣка, былъ точно праздничный. Все, что̀ ни попадалось ему, приняло видъ смѣющійся, и домы, и проходившіе мужики, довольно впрочемъ серьезные, изъ которыхъ иной уже успѣлъ съѣздить своего брата въ ухо. Первый визитъ онъ намѣренъ былъ сдѣлать губернатору. Дорогою много приходило ему всякихъ мыслей на умъ: вертѣлась въ головѣ блондинка, воображенье начало даже слегка шалить, и онъ уже самъ сталъ немного шутить и подсмѣиваться надъ собою. Въ такомъ духѣ очутился онъ передъ губернаторскимъ подъѣздомъ. Уже сталъ онъ было въ сѣняхъ поспѣшно сбрасывать съ себя шинель, какъ швейцаръ поразилъ его совершенно неожиданными словами: »Не приказано принимать!«

»Какъ! что̀ ты? ты видно не узналъ меня? ты всмотрись хорошенько въ лицо!« говорилъ ему Чичиковъ.

»Какъ не узналъ! вѣдь я васъ не въ первой вижу«, сказалъ швейцаръ. »Да васъ-то именно однихъ и не велѣно пускать; другихъ всѣхъ можно.«

»Вотъ тебѣ на! Отчего? почему?«

»Такой приказъ, такъ ужъ, видно, слѣдуетъ«, сказалъ швейцаръ и прибавилъ къ тому слово *да;* послѣ чего сталъ передъ нимъ совершенно непринужденно, не сохраняя того ласковаго вида, съ какимъ прежде торопился снимать съ него шинель. Казалось, онъ думалъ, глядя на него: »Эге! ужъ коли тебя бары гоняютъ съ крыльца, такъ ты, видно, такъ себѣ, шушера какой-нибудь!«

»Непонятно!« подумалъ про-себя Чичиковъ и отправился тутъ же къ предсѣдателю палаты; но предсѣдатель палаты такъ смутился, увидя его, что не могъ связать двухъ словъ и наговорилъ такую дрянь, что даже имъ обоимъ сдѣлалось совѣстно. Уходя отъ него, какъ ни старался Чичиковъ изъяснить дорогою и добраться, что̀ такое разумѣлъ предсѣдатель и на-счетъ чего могли относиться слова, но ничего не могъ понять. Потомъ зашелъ къ другимъ: къ полиціймейстеру, къ вицъ-губернатору, къ почтмейстеру, но всѣ или не приняли его, или приняли такъ странно, такой принужденный и непонятный вели разговоръ, такъ растерялись, и такая вышла безтолковщина изо всего, что онъ усомнился въ здоровьи ихъ мозга. Попробовалъ было еще зайти кое къ кому, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, причину, и недобрался никакой причины. Какъ полусонный, бродилъ онъ безъ цѣли по городу, не будучи въ состояніи рѣшить, онъ ли сошелъ съ ума, чиновники ли потеряли голову, во снѣ ли все это дѣлается, или наяву заварилась дурь почище сна. Поздно уже, почти въ сумерки, возвратился онъ къ себѣ въ гостинницу, изъ которой было вышелъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, и отъ скуки велѣлъ подать себѣ чаю. Въ задумчивости и въ какомъ-то безсмысленномъ разсужденіи о странности положенія своего сталъ онъ разливать чай, какъ вдругъ отворилась дверь его комнаты, и предсталъ Ноздревъ никакъ неожиданнымъ образомъ.

»Вотъ говоритъ пословица: *для друга семь верстъ не околица!*« говорилъ онъ, снимая картузъ: »прохожу мимо, вижу свѣтъ въ окнѣ: »Дай«, думаю себѣ, »зайду! вѣрно не спитъ.« А, вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ удовольствіемъ чашечку: сегодня за обѣдомъ объѣлся всякой дряни, чувствую, что ужъ начи-

нается въ желудкѣ возня. Прикажи-ка мнѣ набить трубку! гдѣ твоя трубка?«

»Да вѣдь я не курю трубки«, сказалъ сухо Чичиковъ.

»Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй! какъ-бишь зовутъ твоего человѣка? Эй, Вахрамѣй, послушай!«

»Да не Вахрамѣй, а Петрушка!«

»Какъ же? да у тебя вѣдь прежде былъ Вахрамѣй?«

»Никакого не было у меня Вахрамѣя.«

»Да, точно, это у Деребина Вахрамѣй. Вообрази, Деребину какое счастье: тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женился на крѣпостной, и теперь записала ему все имѣнье. Я думаю себѣ, вотъ если бы эдакую тетку имѣть для дальнѣйшихъ! Да что ты, братъ, такъ отдалился отъ всѣхъ, нигдѣ не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занятъ иногда учеными предметами, любишь читать (ужъ почему Ноздревъ заключилъ, что герой нашъ занимается учеными предметами и любитъ почитать, этого, признаемся, мы никакъ не можемъ сказать, а Чичиковъ и того менѣе). Ахъ, братъ, Чичиковъ! если бы ты только увидалъ.... вотъ ужъ, точно, была бы пища твоему сатирическому уму (почему у Чичикова былъ сатирическій умъ, это тоже неизвѣстно). Вообрази, братъ, у купца Лихачева играли въ горку,—вотъ ужъ гдѣ смѣхъ былъ! Перепендевъ, который былъ со мною: »Вотъ«, говоритъ, »если бы теперь Чичиковъ, ужъ вотъ бы ему точно!...« (между тѣмъ Чичиковъ отъ роду не зналъ никакого Перепендева). А вѣдь признайся, братъ, вѣдь ты, право, преподло поступилъ тогда со мною, помнишь, какъ играли въ шашки? Вѣдь я выигралъ.... Да, братъ, ты, просто, поддѣдюлилъ меня. Но вѣдь я, чортъ меня знаетъ, никакъ не могу сердиться. Намедни съ предсѣдателемъ.... Ахъ, да! я вѣдь тебѣ долженъ сказать, что въ городѣ всѣ противъ тебя. Они думаютъ, что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки, пристали ко мнѣ, да я за тебя горой, наговорилъ имъ, что съ тобой учился и отца зналъ; ну и, ужъ нечего говорить, слилъ имъ пулю порядочную.«

»Я дѣлаю фальшивыя бумажки?« вскрикнулъ Чичиковъ, приподнявшись со стула.

»Зачѣмъ ты, однакожъ, такъ напугалъ ихъ?« продолжалъ Ноздревъ. »Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху: нарядили

тебя въ разбойники и въ шпіоны.... А прокуроръ съ испугу умеръ; завтра будетъ погребеніе. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся новаго генералъ-губернатора.... А вѣдь ты, однако жъ, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ.«

»Какое рискованное дѣло?« спросилъ безпокойно Чичиковъ.

»Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждалъ этого, ей Богу, ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ на балѣ: »Ну, ужъ«, думаю себѣ, »Чичиковъ, вѣрно, недаромъ....« Впрочемъ напрасно ты сдѣлалъ такой выборъ: я ничего въ ней не нахожу хорошаго. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать—чудо коленкоръ!«

»Да что ты, что ты путаешь? Какъ увезти губернаторскую дочку, что ты?« говорилъ Чичиковъ, выпуча глаза.

»Ну, полно, братъ: экой скрытный человѣкъ! Я, признаюсь, къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь, я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть: подержу вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнныя лошади будутъ мои, только съ уговоромъ—ты долженъ мнѣ дать три тысячи взаймы. Нужны, братъ, хоть зарѣжь!«

Въ продолженіе всей болтовни Ноздрева, Чичиковъ протиралъ нѣсколько разъ себѣ глаза, желая увѣриться, не во снѣ ли онъ все это слышитъ. Дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, увозъ губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто-бы онъ, пріѣздъ генералъ-губернатора,—все это навело на него порядочный испугъ. »Ну, ужъ коли пошло на то«, подумалъ онъ самъ въ себѣ, »такъ мѣшкать болѣе нечего, нужно отсюда убираться поскорѣе.«

Онъ постарался сбыть поскорѣе Ноздрева, призвалъ къ себѣ тотъ же часъ Селифана и велѣлъ ему быть готовымъ на зарѣ, съ тѣмъ, чтобы завтра же въ 6 часовъ утра выѣхать изъ города непремѣнно, чтобы все было пересмотрѣно, бричка подмазана и прочее, и прочее. Селифанъ произнесъ: »Слушаю, Павелъ Ивановичъ«, и остановился, однакожъ, нѣсколько времени у дверей, не двигаясь съ мѣста. Баринъ тутъ же велѣлъ Петрушкѣ выдвинуть изъ-подъ кровати чемоданъ, покрывшійся уже порядочно пылью, и принялся укладывать вмѣстѣ съ нимъ, безъ большого разбора, чулки, рубашки, бѣлье мытое и немытое, сапожныя колодки, календарь....

все это укладывалось, какъ попало; онъ хотѣлъ непремѣнно быть готовымъ съ вечера, чтобы назавтра не могло случиться никакой задержки. Селифанъ, постоявши минуты двѣ у дверей, наконецъ очень медленно вышелъ изъ комнаты. Медленно, какъ только можно вообразить себѣ медленно, спускался онъ съ лѣстницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами слѣды по сходившимъ внизъ избитымъ ступенямъ, и долго почесывалъ у себя рукою въ затылкѣ. Что̀ означало это почесыванье? и что̀, вообще, оно значитъ? Досада ли на то, что вотъ не удалась задуманная назавтра сходка съ своимъ братомъ въ неприглядномъ тулупѣ, опоясанномъ кушакомъ, гдѣ-нибудь во царевомъ кабакѣ; или уже завязалась въ новомъ мѣстѣ какая зазнобушка сердечная, и приходится оставлять вечернее стоянье у воротъ и политичное держанье за бѣлы ручки въ тотъ часъ, какъ нахлобучиваются на городъ сумерки, дѣтина въ красной рубахѣ бренчитъ на балалайкѣ передъ дворовой челядью и плететъ тихія рѣчи разночинный, отработавшійся народъ? или, просто, жаль оставлять отогрѣтое уже мѣсто на людской кухнѣ подъ тулупомъ, близъ печи, да щей съ городскимъ мягкимъ пирогомъ, съ тѣмъ чтобы вновь тащиться подъ дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду? Богъ вѣсть, — не угадаешь. Многое разное значитъ у Русскаго народа почесыванье въ затылкѣ.

ГЛАВА XI.

Ничто, однакоже, не случилось такъ, какъ предполагалъ Чичиковъ. Вопервыхъ, проснулся онъ позже, нежели думалъ — это была первая непріятность. Вставши, онъ послалъ тотъ же часъ узнать, заложена ли бричка и все ли готово; но донесли, что бричка еще была незаложена и ничего не было готово — это была вторая непріятность. Онъ разсердился, приготовился даже задать что-то въ родѣ потасовки пріятелю нашему Селифану и ожидалъ только съ нетерпѣніемъ, какую тотъ съ своей стороны приведетъ причину въ оправданіе. Скоро Селифанъ показался въ дверяхъ, и баринъ имѣлъ удовольствіе услышать тѣ же самыя рѣчи, какія, обыкно-

венно, слышатся отъ прислуги, въ такомъ случаѣ, когда нужно скоро ѣхать.«

»Да вѣдь, Павелъ Ивановичъ, нужно будетъ лошадей ковать.«

»Ахъ ты, чушка! чурбанъ! а прежде зачѣмъ объ этомъ не сказалъ? Не было развѣ времени?«

»Да время-то было.... Да вотъ и колесо тоже, Павелъ Ивановичъ, шину нужно будетъ совсѣмъ перетянуть, потому что теперь дорога ухабиста, шибень такой вездѣ пошолъ.... Да если позволите доложить: перёдъ у брички совсѣмъ расшатался, такъ что она, можетъ быть, и двухъ станцій не сдѣлаетъ.«

»Подлецъ ты!« вскричалъ Чичиковъ, всплеснувъ руками, и подошелъ къ нему такъ близко, что Селифанъ изъ боязни, чтобы не получить отъ барина подарка, попятился нѣсколько назадъ и посторонился.

»Убить ты меня собрался? а? зарѣзать меня хочешь? На большой дорогѣ меня собрался зарѣзать, разбойникъ, чушка ты проклятый, страшилище морское! а? а? Три недѣли сидѣли на мѣстѣ, а? Хоть бы заикнулся, безпутный, а вотъ теперь къ послѣднему часу и пригналъ! когда ужъ почти на чеку: сѣсть бы да и ѣхать, а? а ты вотъ тутъ-то и напакостилъ, а? а? Вѣдь ты зналъ это прежде? Вѣдь ты зналъ это, а? а? Отвѣчай! Зналъ? а?«

»Зналъ«, отвѣчалъ Селифанъ, потупивши голову.

»Ну, такъ зачѣмъ же тогда не сказалъ, а?

На этотъ вопросъ Селифанъ ничего не отвѣчалъ, но, потупивши голову, казалось, говорилъ самъ себѣ: »Вишь ты, какъ оно мудрено случилось: и зналъ вѣдь, да не сказалъ!«

»А вотъ теперь ступай, приведи кузнеца, да чтобъ въ два часа все было сдѣлано. Слышишь? непремѣнно въ два часа, а если не будетъ, такъ я тебя, я тебя.... въ рогъ согну и узломъ завяжу!« Герой нашъ былъ сильно разсерженъ.

Селифанъ оборотился было къ дверямъ съ тѣмъ, чтобъ идти выполнить приказаніе, но остановился и сказалъ: »Да еще, сударь, чубараго коня, право, хоть бы продать, потому что онъ, Павелъ Ивановичъ, совсѣмъ подлецъ, онъ такой конь, просто, не приведи Богъ, только помѣха.«

»Да! вотъ пойду, побѣгу на рынокъ продавать!«

»Ей Богу, Павелъ Ивановичъ, онъ только что на видъ казистый, а на дѣлѣ самый лукавый конь; такого коня нигдѣ....«

»Дуракъ, когда захочу продать, такъ продамъ. Еще пустился въ разсужденья! Вотъ посмотрю я: если ты мнѣ не приведешь сейчасъ кузнецовъ да въ два часа не будетъ все готово, такъ я тебѣ такую дамъ потасовку.... самъ на себѣ лица не увидишь! Пошелъ! ступай!« Селифанъ вышелъ.

Чичиковъ сдѣлался совершенно не въ духѣ и швырнулъ на полъ саблю, которая ѣздила съ нимъ въ дорогѣ для внушенія надлежащаго страха, кому слѣдуетъ. Около четверти часа слишкомъ провозился онъ съ кузнецами, покамѣсть сладилъ, потому что кузнецы, какъ водится, были отъявленные подлецы и, смекнувъ, что работа нужна къ спѣху, заломили ровно въ шестеро. Какъ онъ ни горячился, называлъ ихъ мошенниками, разбойниками, грабителями проѣзжающихъ, намекнулъ даже на страшный судъ, но кузнецовъ ничѣмъ не пронялъ: они совершенно выдержали характеръ, не только не отступились отъ цѣны, но даже провозились за работой, вмѣсто двухъ часовъ, цѣлыхъ пять съ половиною. Въ продолженіе этого времени онъ имѣлъ удовольствіе испытать пріятныя минуты, извѣстныя всякому путешественнику, когда въ чемоданѣ все уложено и въ комнатѣ валяются только веревочки, бумажки да разный соръ, когда человѣкъ не принадлежитъ ни къ дорогѣ, ни къ сидѣнью на мѣстѣ, видитъ изъ окна проходящихъ плетущихся людей, толкующихъ объ своихъ гривнахъ и съ какимъ-то глупымъ любопытствомъ поднимающихъ глаза, чтобы, взглянувъ на него, опять продолжать свою дорогу, что̀ еще болѣе растравляетъ нерасположеніе духа бѣднаго неѣдущаго путешественника. Все, что̀ ни есть, все, что̀ ни видитъ онъ—и лавчонка противъ его оконъ, и голова старухи, живущей въ супротивномъ домѣ, подходящей къ окну съ коротенькими занавѣсками—все ему гадко, однакоже онъ не отходитъ отъ окна. Стоитъ, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное вниманіе на все, что̀ предъ нимъ движется и не движется, и душитъ съ досады какую-нибудь муху, которая въ это время жужжитъ и бьется объ стекло подъ его пальцемъ. Но всему бываетъ конецъ, и желанная минута настала: все было готово, передъ у брички, какъ слѣдуетъ, былъ на-

лаженъ, колесо было обтянуто новою шиною, кони приведены съ водопоя, и разбойники кузнецы отправились, пересчитавъ полученные цѣлковые и пожелавъ благополучія. Наконецъ и бричка была заложена, и два горячіе калача, только что купленные, положены туда, и Селифанъ уже засунулъ кое-что для себя въ карманъ, бывшій у кучерскихъ козелъ, и самъ герой наконецъ, при взмахиваніи картузомъ полового, стоявшаго въ томъ же демикотоновомъ сюртукѣ, при трактирныхъ и чужихъ лакеяхъ и кучерахъ, собравшихся позѣвать, какъ выѣзжаетъ чужой баринъ, и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ выѣздъ, сѣлъ въ экипажъ, — и бричка, въ которой ѣздятъ холостяки, которая такъ долго застоялась въ городѣ и такъ, можетъ быть, надоѣла читателю, наконецъ выѣхала изъ воротъ гостинницы. »Слава-те, Господи!« подумалъ Чичиковъ и перекрестился. Селифанъ хлыснулъ кнутомъ, къ нему подсѣлъ сперва повисѣвшій нѣсколько времени на подножкѣ Петрушка, и герой нашъ, усѣвшись получше на Грузинскомъ коврикѣ, заложилъ за спину себѣ кожаную подушку, притиснулъ два горячіе калача, и экипажъ пошелъ опять подплясывать и покачиваться, благодаря мостовой, которая, какъ извѣстно, имѣла подкидывающую силу. Съ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ глядѣлъ онъ на домы, стѣны, заборы и улицы, которые также съ своей стороны, какъ-будто подскакивая, медленно уходили назадъ и которые, Богъ знаетъ, судила ли ему участь увидѣть еще когда-либо въ продолженіе своей жизни. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ея проходила безконечная погребальная процессія. Чичиковъ, высунувшись, велѣлъ Петрушкѣ спросить, кого хоронятъ, и узналъ, что хоронятъ прокурора. Исполненный непріятныхъ ощущеній, онъ тотъ же часъ спрятался въ уголъ, закрылъ себя кожею и задернулъ занавѣски. Въ то время, когда экипажъ былъ такимъ образомъ остановленъ, Селифанъ и Петрушка, набожно снявши шляпу, разсматривали, кто, какъ, въ чемъ и на чемъ ѣхалъ, считая числомъ, сколько было всѣхъ, и пѣшихъ и ѣхавшихъ, и баринъ, приказавши имъ не признаваться и не кланяться никому изъ знакомыхъ лакеевъ, тоже принялся разсматривать робко сквозь стеклышки, находившіяся въ кожаныхъ занавѣскахъ. За гробомъ

шли, снявши шляпы, всѣ чиновники. Онъ началъ было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа; но имъ было не до того. Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какіе, обыкновенно, ведутъ между собою провожающіе покойника. Всѣ мысли ихъ были сосредоточены въ это время въ самихъ себѣ: они думали, каковъ-то будетъ новый генералъ-губернаторъ, какъ возьмется за дѣло и какъ приметъ ихъ. За чиновниками, шедшими пѣшкомъ, слѣдовали кареты, изъ которыхъ выглядывали дамы въ траурныхъ чепцахъ. По движеніямъ губъ и рукъ ихъ видно было, что онѣ были заняты живымъ разговоромъ; можетъ быть, онѣ тоже говорили о пріѣздѣ новаго генералъ-губернатора и дѣлали предположенія на-счетъ баловъ, какіе онъ дастъ, и хлопотали о вѣчныхъ своихъ фестончикахъ и нашивочкахъ. Наконецъ за каретами слѣдовало нѣсколько пустыхъ дрожекъ, вытянувшихся гуськомъ, наконецъ и ничего уже не осталось, и герой нашъ могъ ѣхать. Открывши кожаныя занавѣски, онъ вздохнулъ, произнесши отъ души: »Вотъ, прокуроръ! жилъ-жилъ, а потомъ и умеръ! и вотъ напечатаютъ въ газетахъ, что скончался, къ прискорбію подчиненныхъ и всего человѣчества, почтенный гражданинъ, рѣдкій отецъ, примѣрный супругъ, и много напишутъ всякой всячины: прибавятъ, пожалуй, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ и сиротъ; а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, такъ, на повѣрку, у тебя всего только и было, что густыя брови.« Тутъ онъ приказалъ Селифану ѣхать поскорѣе и между тѣмъ подумалъ про-себя: »Это, однакожъ, хорошо, что встрѣтилъ похороны: говорятъ, значитъ счастіе, если встрѣтишь покойника.«

Бричка между тѣмъ поворотила въ болѣе пустынныя улицы; скоро потянулись одни длинные, деревяные заборы, предвѣщавшіе конецъ города. Вотъ уже и мостовая кончилась и шлагбаумъ, и городъ назади, и ничего нѣтъ, и опять въ дорогѣ. И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревяными лавчонками, мучными бочками, лаптями.

калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону, и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: такой-то артиллерійской баттареи, зеленыя, желтыя и свѣжо-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны какъ мухи и горизонтъ безъ конца.... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства,—города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что̀ въ ней, въ этой пѣснѣ? Что̀ зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что̀ глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что̀ ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что̀ пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство,

страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи.... у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!...

»Держи, держи, дуракъ!« кричалъ Чичиковъ Селифану.

»Вотъ я тебя палашомъ!« кричалъ скакавшій навстрѣчу фельдъегерь, съ усами въ аршинъ. »Не видишь, лѣшій дери твою душу, казенный экипажъ!« И, какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка.

Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ *дорога!* и какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ.... Покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся.... какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся и не бѣлы снѣги, и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся — пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церкви съ старинными, деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ — будто бѣлые, полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревяныя крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ одинешенекъ, развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брежжетъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ — что до нихъ? А ночь! небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.... Но дышетъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь и забываешься, и храпишь, и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ углу сосѣдъ. Проснулся — и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего: вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая

блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ. Покрѣпче въ теплую шинель!.... Какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчокъ — и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. »Полегче! легче!« слышится голосъ; телега спускается съ кручи; внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда, блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ, и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ.... Боже! какъ ты хороша подъ-часъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!....

Но и другъ нашъ Чичиковъ чувствовалъ въ это время не вовсе прозаическія грезы. А посмотримъ, что онъ чувствовалъ. Сначала онъ не чувствовалъ ничего и поглядывалъ только назадъ, желая увѣриться, точно ли выѣхалъ изъ города; но когда увидѣлъ, что городъ уже давно скрылся, ни кузницъ, ни мельницъ, ни всего того, что находится вокругъ городовъ, не было видно и даже бѣлыя верхушки каменныхъ церквей давно ушли въ землю, онъ занялся только одной дорогою, посматривалъ только направо и налѣво, и городъ N какъ-будто не бывалъ въ его памяти, какъ-будто проѣзжалъ онъ его давно, въ дѣтствѣ. Наконецъ и дорога перестала занимать его, и онъ сталъ слегка закрывать глаза и склонять голову къ подушкѣ. Авторъ признается, — этому даже радъ, находя такимъ образомъ случай поговорить о своемъ героѣ; ибо доселѣ, какъ читатель видѣлъ, ему безпрестанно мѣшали то Ноздревъ, то балы, то дамы, то городскія сплетни, то наконецъ тысячи тѣхъ мелочей, которыя кажутся только тогда мелочами, когда внесены въ книгу, а покамѣсть обращаются въ свѣтѣ, почитаются за весьма важныя дѣла. Но теперь отложимъ совершенно все въ сторону и прямо займемся дѣломъ.

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателямъ. Дамамъ онъ не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуютъ, чтобъ герой былъ рѣшительное совершенство, и если какое-нибудь душевное, или тѣлесное пят-

нышко—тогда бѣда! Какъ глубоко ни загляни авторъ ему въ душу, хоть отрази чище зеркала его образъ, ему не дадутъ никакой цѣны. Самая полнота и среднія лѣта Чичикова много повредятъ ему: полноты ни въ какомъ случаѣ не простятъ герою, и весьма многія дамы, отворотившись, скажутъ: »Фи! такой гадкой!« Увы! все это извѣстно автору, и при всемъ томъ онъ не можетъ взять въ герои добродѣтельнаго человѣка. Но.... можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство Русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный Божественными доблестями, или чудная Русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія; и мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ! подымутся Русскія движенія.... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ Славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ.... Но къ чему и зачѣмъ говорить о томъ, что впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія, забываться подобно юношѣ. Всему свой чередъ и мѣсто, и время. А добродѣтельный человѣкъ всё-таки не взятъ въ герои. И можно даже сказать, почему не взятъ. Потому что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ слово *добродѣтельный человѣкъ;* потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора наконецъ припрѣчь и плутоватаго. Итакъ припряжемъ его, плутоватаго человѣка!

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители были дворяне, но столбовые, или личные, Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ не походилъ: покрайней мѣрѣ, родственница, бывшая при

его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пиголицами, взявши въ руки ребенка, вскрикнула: »Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ материей стороны, что было бы и лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: *ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца.* Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріютно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ, больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: »Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ«; вѣчный шаркъ, и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: »Опять задурилъ!« отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку, или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на тележкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сороки; ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорокѣ тащились они полтора дни слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ те-

лежкою въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ, и самимъ бариномъ, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя разцвѣтшими яблонями передъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся во глубинѣ ея деревяной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, всё еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаніи, слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что̀ гораздо важнѣе, умное наставленіе: »Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего — угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, всё пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ, или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копейка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копейкой.« Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другого же дни принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но зато оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны, со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя

въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощенье, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копейки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращеніе, показавъ оборотливость почти необыкновенную. Слѣпилъ изъ воску снигиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ въ продолженіи нѣкотораго времени пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить — признакъ подступающаго голода, онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи будто невзначай уголъ пряника, или булки, и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаяся съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился наконецъ до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія, и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться, или какъ-нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. »Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!« говорилъ онъ; »я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!« И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. »Способности и дарованія! это все вздоръ!« говаривалъ онъ: »я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные балы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу

дурной духъ да насмѣшливость, я тому нуль, хотя онъ Солона заткни за поясъ!« Такъ говорилъ учитель, нелюбившій на смерть Крылова за то, что онъ сказалъ: »По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй«, и всегда разсказывавшій, съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самого звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должнó состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами *за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе*. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенные безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копейку, а самъ накопилъ ее немного. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхой дворишко съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глупость, или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить; наконецъ и пить уже было ему не на чтó; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали

тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: »Эхъ ты, жила!« Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ; слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. »При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать«, произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: »Эхъ Павлуша! вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго — шелкъ! Надулъ, сильно надулъ....«

Нельзя, однакоже, сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія. Онъ чувствовалъ и то, и другое, онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только, чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать; словомъ, отцовское наставленіе: »Береги и копи копейку« пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ, имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не онѣ двигали имъ; ему мерцилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками; экипажи, домъ отлично устроенный, вкусные обѣды — вотъ что̀ безпрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы наконецъ, потомъ, со-временемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для чего береглась копейка, скупо отказываемая до времени и себѣ, и другому. Когда проносился мимо его богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысакахъ въ богатой упряжи, онъ какъ вкопанный останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгого сна, говорилъ: »А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ!« И все, что̀ ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть: такъ сильно было у него желанье скорѣе приняться за дѣло и службу. Однакоже, не смотря на похвальные аттестаты, съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату. И въ дальныхъ захолустьяхъ нужна протекція. Мѣстечко досталось ему

ничтожное: жалованья тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою, все побѣдить и преодолѣть. И точно, самоотверженіе, терпѣнье и ограниченіе нуждъ показалъ онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни душевными, ни тѣлесными силами, писалъ онъ, погрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги, не ходилъ домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ, обѣдалъ подъ-часъ съ сторожами, и при всемъ томъ умѣлъ сохранить опрятность, порядочно одѣться, сообщить лицу пріятное выраженіе и даже что-то благородное въ движеніяхъ. Надобно сказать, что палатскіе чиновники особенно отличались невзрачностію и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица — точно дурно выпеченный хлѣбъ: щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая, въ прибавку къ тому, еще и треснула; словомъ, совсѣмъ не красиво. Говорили они всѣ какъ-то сурово, такимъ голосомъ, какъ бы собирались кого прибить; приносили частыя жертвы Вакху, показавъ такимъ образомъ, что въ Славянской природѣ есть еще много остатковъ язычества; приходили даже подъ-часъ въ присутствіе, какъ говорится, нализавшись, отчего въ присутствіи было нехорошо и воздухъ былъ вовсе не ароматическій. Между такими чиновниками не могъ не быть замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрачностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленьемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Но при всемъ томъ трудна была его дорога. Онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому повытчику, который былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непотрясаемости: вѣчно тотъ же, неприступный, никогда въ жизни неявившій на лицѣ своемъ усмѣшки, непривѣтствовавшій ни разу никого даже запросомъ о здоровьѣ. Никто не видалъ, чтобы онъ хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ всегда, хоть на улицѣ, хоть у себя дома; хоть бы разъ показалъ онъ въ чемъ-нибудь участье; хоть бы напился пьянъ и въ пьянствѣ разсмѣялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойникъ въ пьяную минуту; но даже тѣни не было въ немъ ничего такого. Ничего не было въ немъ ровно: ни злодѣйскаго, ни добраго, и что-то страш-

ное являлось въ семъ отсутствіи всего. Черство-мраморное лицо его, безъ всякой рѣзкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; въ суровой соразмѣрности между собою были черты его. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не было силъ человѣческихъ подбиться къ такому человѣку и привлечь его расположеніе; но Чичиковъ попробовалъ. Сначала онъ принялся угождать во всякихъ незамѣтныхъ мелочахъ: разсмотрѣлъ внимательно чинку перьевъ, какими писалъ онъ, и, приготовивши нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему всякій разъ ихъ подъ руку; сдувалъ и сметалъ со стола его песокъ и табакъ; завелъ новую тряпку для его чернильницы; отыскалъ гдѣ-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, и всякій разъ клалъ ее возлѣ него за минуту до окончанія присутствія; чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее меломъ у стѣны. Но все это осталось рѣшительно безъ всякаго замѣчанія, такъ какъ-будто ничего этого не было и дѣлано. Наконецъ онъ пронюхалъ его домашнюю, семейственную жизнь: узналъ, что у него была зрѣлая дочь, съ лицомъ, тоже похожимъ на то, какъ-будтобы на немъ происходила по ночамъ молотьба гороху. Съ этой-то стороны придумалъ онъ навести приступъ. Узнавъ, въ какую церковь приходила она по воскреснымъ днямъ, становился всякой разъ насупротивъ ея, чисто одѣтый, накрахмаливши сильно манишку, и дѣло возъимѣло успѣхъ: пошатнулся суровый повытчикъ и зазвалъ его на чай. И въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло такъ, что Чичиковъ переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ, закупалъ муку и сахаръ, съ дочерью обращался какъ съ невѣстой, повытчика звалъ папенькой и цѣловалъ его въ руку. Всѣ положили въ палатѣ, что въ концѣ февраля, передъ великимъ постомъ, будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства, и чрезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся вакантное мѣсто. Въ этомъ, казалось, и заключалась главная цѣль связей его съ старымъ повытчикомъ, потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ секретно домой

и на другой день очутился уже на другой квартирѣ. Повытчика перестал звать папенькой и не цѣловал больше его руки, а о свадьбѣ так дѣло и замялось, как-будто вовсе ничего не происходило. Однакоже, встрѣчаясь с ним, он всякій раз ласково жал ему руку и приглашал его на чай, так что старый повытчик, не смотря на вѣчную неподвижность и черствое равнодушіе, всякой раз встряхивал головою и произносил себѣ под нос: »Надул, надул чортов сын!«

Это был самый трудный порог, через который перешагнул он. С этих пор пошло легче и успѣшнѣе. Он стал человѣком замѣтным. Все оказалось в нем, что̀ нужно для этого міра: и пріятность в оборотах и поступках, и бойкость в дѣловых дѣлах. С такими средствами добыл он в непродолжительное время то, что̀ называют хлѣбное мѣстечко, и воспользовался им отличным образом. Нужно знать, что в то же самое время начались строжайшія преслѣдованія всяких взяток. Преслѣдованій он не испугался и обратил их тот же час в свою пользу, показав таким образом прямо Русскую изобрѣтательность, являющуюся только во время прижимок. Дѣло устроено было вот как. Как только приходил проситель и засовывал руку в карман с тѣм, чтобы вытащить оттуда извѣстныя рекомендательныя письма, за подписью князя Хованскаго, как выражаются у нас на Руси, »Нѣт, нѣт«, говорил он с улыбкой, удерживая его руки, »вы думаете, что я... нѣт, нѣт! Это наш долг, наша обязанность; без всяких возмездій мы должны сдѣлать. С этой стороны уж будьте покойны: завтра же все будет сдѣлано. Позвольте узнать вашу квартиру; вам и заботиться не нужно самим: все будет принесено к вам на дом.« Очарованный проситель возвращался домой чуть не в восторгѣ, думая: »Вот наконец человѣк, каких нужно побольше! это просто драгоцѣнный алмаз!« Но ждет проситель день, другой — не приносят дѣла на дом; на третій тоже. Он в канцелярію — дѣло и не начиналось; он к драгоцѣнному алмазу — »Ах, извините! говорил Чичиков очень учтиво, схвативши его за обѣ руки, »у нас было столько дѣла! но завтра же все будет сдѣлано, завтра непремѣнно! право, мнѣ даже совѣстно!« И все это

сопровождалось движеніями обворожительными. Если при этомъ распахивалась какъ-нибудь пола халата, то рука въ ту же минуту старалась дѣло поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послѣ завтра, ни на третій день не несутъ дѣла на домъ. Проситель берется за умъ: да полно нѣтъ ли чего? вывѣдываетъ—говорятъ: »Нужно дать писарямъ.«—»Почему жъ не дать? я готовъ четвертакъ, другой.«—»Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой.«—»По бѣленькой писарямъ!« вскрикиваетъ проситель. — »Да чего вы такъ горячитесь?« отвѣчаютъ ему: »оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству.« Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, новые обычаи и вѣжливыя облагороженныя обращенія чиновниковъ. »Прежде было знаешь, по крайней мѣрѣ, что дѣлать: принесъ правителю дѣлъ красную, да и дѣло въ шляпѣ; а теперь по бѣленькой, да еще недѣлю провозишься, пока догадаешься... чортъ бы побралъ безкорыстіе и чиновное благородство!« Проситель конечно правъ; но зато теперь нѣтъ взяточниковъ: всѣ правители дѣлъ честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди: секретари только да писаря мошенники. Скоро представилось Чичикову поле гороздо пространнѣе; образовалась коммиссія для построенія какого-то казеннаго весьма капитальнаго строенія. Въ эту коммиссію пристроился и онъ, и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Коммиссія немедленно приступила къ дѣлу. Шесть лѣтъ возилась около зданія; но климатъ, что ли, мѣшалъ, или матеріалъ уже былъ такой, только никакъ не шло казенное зданіе выше фундамента. А между тѣмъ въ другихъ концахъ города очутилось у каждаго изъ членовъ по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунтъ земли былъ тамъ получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семействомъ. Тутъ только и теперь только сталъ Чичиковъ понемногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанья и неумолимаго своего самоотверженья. Тутъ только долговременный постъ наконецъ былъ смягченъ, и оказалось, что онъ всегда не былъ чуждъ разныхъ наслажденій, отъ которыхъ умѣлъ удержаться въ лѣта пылкой молодости, когда ни одинъ человѣкъ совершенно не властенъ надъ собою. Оказались кое-какія излишества: онъ завелъ довольно хорошаго повара, тонкія Гол-

ландскія рубашки. Уже сукна купилъ онъ себѣ такого, какого не носила вся губернія, и съ этихъ поръ сталъ держаться болѣе коричневыхъ и красноватыхъ цвѣтовъ съ искрою; уже пріобрѣлъ онъ отличную пару и самъ держалъ одну возжу, заставляя пристяжную виться кольцомъ; уже завелъ онъ обычай вытираться губкой, намоченной въ водѣ, смѣшанной съ одеколономъ; уже покупалъ онъ весьма недешево какое-то мыло для сообщенія гладкости кожѣ, уже...

Но вдругъ, на мѣсто прежняго тюфяка, былъ присланъ новый начальникъ, человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что̀ зовется неправдой. На другой же день, пугнулъ онъ всѣхъ до одного, потребовалъ отчеты, увидѣлъ недочеты, на каждомъ шагу недостающія суммы, замѣтилъ въ ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры, и пошла переборка. Чиновники были отставлены отъ должности; дома гражданской архитектуры поступили въ казну и обращены были на разныя Богоугодныя заведенія и школы для кантонистовъ; все распушено было въ пухъ, и Чичиковъ болѣе другихъ. Лицо его вдругъ, не смотря на пріятность, не понравилось начальнику,—почему именно, Богъ вѣдаетъ: иногда даже, просто, не бываетъ на это причинъ,—и онъ возненавидѣлъ его на смерть. Но, такъ какъ всё же онъ былъ человѣкъ военный, стало быть не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ продѣлокъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники, и новый правдивый начальникъ скоро очутился въ рукахъ еще бо̀льшихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими; даже былъ доволенъ, что выбралъ наконецъ людей, какъ слѣдуетъ, и хвастался не въ шутку тонкимъ умѣньемъ различать способности. Чиновники вдругъ постигнули духъ его и характеръ. Все, что̀ ни было подъ начальствомъ его, сдѣлалось страшными гонителями неправды; вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ они преслѣдовали ее, какъ рыбакъ острогой преслѣдуетъ какую-нибудь мясистую бѣлугу; и преслѣдовали ее съ такимъ успѣхомъ, что въ скоромъ времени у каждаго очутилось по нѣскольку тысячъ капиталу. Въ это время обратились на путь истины многіе изъ прежнихъ чиновниковъ и были вновь приняты

на службу. Но Чичиковъ ужъ никакимъ образомъ не могъ втереться; какъ ни старался и ни стоялъ за него, подстрекнутый письмами князя Хованскаго, первый секретарь, постигнувшій совершенно управленье генеральскимъ носомъ; но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать. Начальникъ былъ такого рода человѣкъ, котораго хотя и водили за носъ (впрочемъ безъ его вѣдома), но зато уже, если въ голову ему западала какая-нибудь мысль, то она тамъ была всё равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ нельзя было ее оттуда вытеребить. Все, что̀ могъ сдѣлать умный секретарь, было уничтоженье запачканнаго послужного списка, и на то уже онъ подвинулъ начальника не иначе, какъ состраданіемъ, изобразивъ ему въ живыхъ краскахъ трогательную судьбу несчастнаго семейства Чичикова, котораго, къ счастію, у него не было.

»Ну, что̀ жъ!« сказалъ Чичиковъ, »зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось — не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать.« И вотъ рѣшился онъ съизнова начать карьеръ, вновь вооружиться терпѣніемъ, вновь ограничиться во всемъ, какъ ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде. Нужно было переѣхать въ другой городъ, тамъ еще приводить себя въ извѣстность. Все какъ-то не клеилось. Двѣ-три должности долженъ онъ былъ перемѣнить въ самое короткое время: должности какъ-то были грязны, низменны. Нужно знать, что Чичиковъ былъ самый благопристойный человѣкъ, какой когда-либо существовалъ въ свѣтѣ. Хотя онъ и долженъ былъ въ началѣ протираться въ грязномъ обществѣ, но въ душѣ всегда сохранялъ чистоту, любилъ, чтобы въ канцеляріяхъ были столы изъ лакированнаго дерева и все бы было благородно. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ рѣчи неблагопристойнаго слова и оскорблялся всегда, если въ словахъ другихъ видѣлъ отсутствіе должнаго уваженія къ чину, или званію. Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать, что онъ всякіе два дни перемѣнялъ на себѣ бѣлье, а лѣтомъ, во время жаровъ, даже и всякій день: всякій сколько нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякій разъ, когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидавать сапоги, клалъ себѣ въ носъ гвоздику; и во многихъ случаяхъ нервы у него были щекотливыя, какъ у дѣвушки; и потому тяжеле ему было очутиться вновь въ

тѣхъ рядахъ, гдѣ все отзывалось пѣнникомъ и неприличьемъ въ поступкахъ. Какъ ни крѣпился онъ духомъ, однакоже похудѣлъ и даже позеленѣлъ во время такихъ невзгодъ. Уже начиналъ-было онъ полнѣть и приходить въ тѣ круглыя и приличныя формы, въ какихъ читатель засталъ его при заключеніи съ нимъ знакомства, и уже не разъ, поглядывая въ зеркало, подумывалъ онъ о многомъ пріятномъ — о бабёнкѣ, о дѣтской, и улыбка слѣдовала за такими мыслями; но теперь, когда онъ взглянулъ на себя какъ-то ненарокомъ въ зеркало, не могъ не вскрикнуть: »Мать ты моя пресвятая! какой же я сталъ гадкой!« И послѣ долго не хотѣлъ смотрѣться. Но переносилъ все герой нашъ, переносилъ сильно, терпѣливо переносилъ, и — перешелъ наконецъ въ службу по таможнѣ. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предметъ его помышленій. Онъ видѣлъ, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрицамъ. Не разъ давно уже онъ говорилъ со вздохомъ: »Вотъ бы куда перебраться: и граница близко, и просвѣщенные люди, а какими тонкими Голландскими рубашками можно обзавестись!« Надобно прибавить, что при этомъ онъ подумывалъ еще объ особенномъ сортѣ Французскаго мыла, сообщавшаго необыкновенную бѣлизну кожѣ и свѣжесть щекамъ. Какъ оно называлось, Богъ вѣдаетъ, но, по его предположеніямъ, непремѣнно находилось на границѣ. Итакъ онъ давно бы хотѣлъ въ таможню, но удерживали текущія разныя выгоды по строительной коммиссіи, и онъ разсуждалъ справедливо, что таможня, какъ бы то ни было, всё еще не болѣе, какъ журавль въ небѣ, а коммиссія уже была синица въ рукахъ. Теперь же рѣшился онъ, во что бы то ни стало, добраться до таможни, и добрался. За службу свою принялся онъ съ ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба опредѣлила ему быть таможеннымъ чиновникомъ. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. Въ три-четыре недѣли онъ уже такъ набилъ руку въ таможенномъ дѣлѣ, что зналъ рѣшительно все: даже не вѣсилъ, не мѣрялъ, а по фактурѣ узнавалъ, сколько въ какой штукѣ аршинъ сукна, или иной матеріи; взявши въ руку свертокъ,

онъ могъ сказать вдругъ, сколько въ немъ фунтовъ. Что̀ касается до обысковъ, то здѣсь, какъ выражились даже сами товарищи, у него, просто, было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, какъ у него доставало столько терпѣнія, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это производилось съ убійственнымъ хладнокровіемъ, вѣжливымъ до невѣроятности. И въ то время, когда обыскиваемые бѣсились, выходили изъ себя и чувствовали злобное побужденіе избить щелчками пріятную его наружность, онъ, не измѣняясь ни въ лицѣ, ни въ вѣжливыхъ поступкахъ, приговаривалъ только: »Не угодно ли вамъ будетъ немножко побезпокоиться и привстать?« Или: »Не угодно ли вамъ будетъ, сударыня, пожаловать въ другую комнату? тамъ супруга одного изъ нашихъ чиновниковъ объяснится съ вами.« Или: »Позвольте, вотъ я ножичкомъ немного распорю подкладку вашей шинели«, и, говоря это, онъ вытаскивалъ оттуда шали, платки хладнокровно, какъ изъ собственнаго сундука. Даже начальство изъяснилось, что это былъ чортъ, а не человѣкъ: онъ отъискивалъ въ колесахъ, дышлахъ, лошадиныхъ ушахъ и нивѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда бы никакому автору не пришло въ мысль забраться и куда позволяется забираться только однимъ таможеннымъ чиновникамъ; такъ, что бѣдный путешественникъ, переѣхавшій черезъ границу, всё еще, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ опомниться и, отирая потъ, выступившій мелкою сыпью по всему тѣлу, только крестился да приговаривалъ: »Ну, ну!« Положеніе его весьма походило на положеніе школьника, выбѣжавшаго изъ секретной комнаты, куда начальникъ призвалъ его съ тѣмъ, чтобы дать кое-какое наставленіе, но вмѣсто того высѣкъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ непродолжительное время не было отъ него никакого житья контрабандистамъ. Это была гроза и отчаяніе всего Польскаго Жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Онъ даже не составилъ себѣ небольшого капитальца изъ разныхъ конфискованныхъ товаровъ и отбираемыхъ кое-какихъ вещицъ, непоступающихъ въ казну, во избѣжаніе лишней переписки. Такая ревностно-безкорыстная служба не могла не сдѣлаться предметомъ общаго удивленія и не дойти наконецъ до свѣдѣнія начальства. Онъ получилъ чинъ и повышеніе, и вслѣдъ за тѣмъ представилъ проэктъ изловить всѣхъ кон-

трабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное право производить всякіе поиски. Этого только ему и хотѣлось. Въ то время образовалось сильное общество контрабандистовъ обдуманно-правильнымъ образомъ; на милліоны сулило выгодъ дерзкое предпріятіе. Онъ давно уже имѣлъ свѣдѣніе о немъ и даже отказалъ подосланнымъ подкупить, сказавши сухо: »Еще не время.« Получивъ же въ свое распоряженіе все, въ ту же минуту далъ знать обществу, сказавши: »Теперь пора.« Разсчетъ былъ слишкомъ вѣренъ. Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ. Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія съ ними, потому что былъ не болѣе, какъ простой пѣшкой, стало быть не много получилъ бы; но теперь.... теперь совсѣмъ другое дѣло: онъ могъ предложить какія угодно условія. Чтобы дѣло шло безпрепятственнѣй, онъ склонилъ и другого чиновника, своего товарища, который не устоялъ противъ соблазна, не смотря на то, что волосомъ былъ сѣдъ. Условія были заключены, и общество приступило къ дѣйствіямъ. Дѣйствія начались блистательно. Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ часто повторяемую давнишнюю исторію объ остроумномъ путешествіи Испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ. Не участвуй онъ самъ въ этомъ предпріятіи, никакимъ Жидамъ въ мірѣ не удалось бы привести въ исполненіе подобнаго дѣла. Послѣ трехъ, или четырехъ бараньихъ походовъ черезъ границу, у обоихъ чиновниковъ очутилось по четыреста тысячъ капиталу. У Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пятьсотъ, потому что былъ побойчѣе. Богъ знаетъ, до какой бы громадной цифры не возросли благодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперегъ всему. Чортъ сбилъ со толку обоихъ чиновниковъ: чиновники, говоря попросту, перебѣсились и поссорились ни за что. Какъ-то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ быть нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другого чиновника поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, неизвѣстно почему — обидѣлся жестоко и

отвѣтилъ ему тутъ же сильно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ: »Нѣтъ, врешь: я статскій совѣтникъ, а не поповичъ; а вотъ ты—такъ поповичъ!« И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для большей досады: »Да, вотъ-молъ что!« Хотя онъ отбрилъ такимъ образомъ его кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе и хотя выраженіе: »Вотъ-молъ что!« могло быть сильно; но недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ, говорятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ ядреная рѣпа, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ; что были даже подкуплены люди, чтобы подъ вечерокъ, въ темномъ переулкѣ, поизбить нашего героя; но что оба чиновники были въ дуракахъ и бабенкой воспользовался какой-то штабсъ-капитанъ Шамшаревъ. Какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ, Богъ ихъ вѣдаетъ; пусть лучше читатель-охотникъ досочинитъ самъ. Главное въ томъ, что тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ, хоть и самъ пропалъ, но таки упекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли подъ судъ, конфисковали, описали все, что у нихъ ни было, и все это разрѣшилось вдругъ, какъ громъ, надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду, опомнились они и увидѣли съ ужасомъ, что надѣлали. Статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши, но коллежскій устоялъ. Онъ умѣлъ затаить часть деньжонокъ, какъ ни чутко было обоняніе наѣхавшаго на слѣдствіе начальства. Употребилъ всѣ тонкіе извороты ума, уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго хорошо людей: гдѣ подѣйствовалъ пріятностью оборотовъ, гдѣ трогательною рѣчью, гдѣ покурилъ лестью, ни въ какомъ случаѣ, непортящею дѣла, гдѣ всунулъ деньжонку, словомъ—обработалъ дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, что отставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовнаго суда. Но уже ни капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещицъ, ничего не осталось ему: на все это нашлись другіе охотники. Удержалось у него тысячонокъ десятокъ, запрятанныхъ про чорный день, да дюжины двѣ Голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка; да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили

ему пять, или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ,— вотъ и все. Итакъ вотъ въ какомъ положеніи вновь очутился герой нашъ! вотъ какая громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Это называлъ онъ: потерпѣть по службѣ за правду. Теперь можно бы заключить, что, послѣ такихъ бурь, испытаній, превратностей судьбы и жизненнаго горя, онъ удалится съ оставшимися кровными десятью тысячонками въ какое-нибудь мирное захолустье уѣзднаго городишка и тамъ заклёкнетъ на-вѣки въ ситцевомъ халатѣ, у окна низенькаго домика, разбирая по воскреснымъ днямъ драку мужиковъ, возникшую предъ окнами, или, для освѣженія, пройдясь въ курятникъ пощупать лично курицу, назначенную въ супъ, и проведетъ такимъ образомъ нешумный, но въ своемъ родѣ тоже небезполезный вѣкъ. Но такъ не случилось. Надобно отдать справедливость непреодолимой силѣ его характера. Послѣ всего того, что̀ бы достаточно было, если не убить, то охладить и усмирить навсегда человѣка, въ немъ не потухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, роптадъ на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей, и однакоже не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ, онъ показалъ терпѣнье, передъ которымъ ничто деревяное терпѣнье Нѣмца, заключенное уже въ медленномъ, лѣнивомъ обращеніи крови его. Кровь Чичикова, напротивъ, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобъ набросить узду на все то, что̀ хотѣло бы выпрыгнуть и погулять на свободѣ. Онъ разсуждалъ, и въ разсужденіи его видна была нѣкоторая сторона справедливости: »Почему жъ я? зачѣмъ на меня обрушилась бѣда? Кто жъ зѣваетъ теперь по должности? всѣ пріобрѣтаютъ. Несчастнымъ я не сдѣлалъ никого: я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по міру; пользовался я отъ избытковъ; бралъ тамъ, гдѣ всякой бралъ бы; не воспользуйся я, другіе воспользовались бы. За что̀ же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я пропасть червемъ? И что̀ я теперь? куда я гожусь? какими глазами я стану смотрѣть теперь въ глаза всякому почтенному отцу семейства? какъ не чувствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бременю землю? и что̀ скажутъ потомъ мои дѣти? »Вотъ«, скажутъ, »отецъ-скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!«

Уже извѣстно, что Чичиковъ сильно заботился о своихъ потомкахъ. Такой чувствительный предметъ! Иной, можетъ быть, и не такъ бы глубоко запустилъ руку, если бы не вопросъ, который, не извѣстно почему, приходитъ самъ собою: а что скажутъ дѣти? И вотъ будущій родоначальникъ, какъ осторожный котъ, покося только однимъ глазомъ въ бокъ, не глядитъ ли откуда хозяинъ, хватаетъ поспѣшно все, что̀ къ нему поближе: мыло ли стоитъ, свѣчи ли, сало, канарейка ли попалось подъ лапу, словомъ — не пропускаетъ ничего. Такъ жаловался и плакалъ герой нашъ, а между тѣмъ дѣятельность никакъ не умирала въ головѣ его; тамъ все хотѣло что-то строиться и ждало только плана. Вновь съёжился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И, въ ожиданіи лучшаго, принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго, званіемъ, еще непріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою приказною тварью и даже самими довѣрителями, осужденнымъ на пресмыканье въ переднихъ, грубости и прочее: но нужда заставила рѣшиться на все. Изъ порученій досталось ему, между прочимъ, одно: похлопотать о заложеніи въ опекунскій совѣтъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ. Имѣніе было разстроено въ послѣдней степени. Разстроено оно было скотскими падежами, плутами-прикащиками, неурожаями, повальными болѣзнями, истребившими лучшихъ работниковъ, и, наконецъ, безтолковьемъ самого помѣщика, убиравшаго себѣ въ Москвѣ домъ въ послѣднемъ вкусѣ и убившаго на эту уборку все состояніе свое, до послѣдней копейки, такъ, что ужъ не на что̀ было ѣсть. По этой-то причинѣ понадобилось наконецъ заложить послѣднее оставшееся имѣніе. Закладъ въ казну былъ тогда еще дѣло новое, на которое рѣшались не безъ страха. Чичиковъ, въ качествѣ повѣреннаго, прежде расположивши всѣхъ (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка, или выправка, — всё же хоть по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку), итакъ, расположивши всѣхъ, кого слѣдуетъ, объяснилъ онъ, что вотъ какое между прочимъ обстоятельство: половина крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было какихъ-

нибудь потомъ привязокъ.... »Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?« сказалъ секретарь. »Числятся«, отвѣчалъ Чичиковъ. »Ну такъ чего же вы оробѣли?« сказалъ секретарь: »одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится.« Секретарь, какъ видно, умѣлъ говорить и въ риому. А между тѣмъ героя нашего осѣнила вдохновеннѣйшая мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову. »Эхъ я Акимъ-простота!« сказалъ онъ самъ въ себѣ: »ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, опекунскій совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало; помѣщики попроигрывались въ карты, закутили и промотались какъ слѣдуетъ; все полѣзло въ Петербургъ служить; имѣнія брошены, управляются какъ ни попало, подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе: такъ мнѣ съ радостью уступитъ ихъ каждый, уже потому только, чтобы не платить за нихъ подушныхъ денегъ; можетъ, въ другой разъ такъ случится, что съ иного и я еще зашибу за это копейку. Конечно трудно, хлопотливо, страшно, чтобы какъ-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи. Ну, да вѣдь данъ же человѣку на что-нибудь умъ! А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ. Правда, безъ земли нельзя ни купить, ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ, на выводъ; теперь земли въ Таврической и Херсонской губерніяхъ отдаются даромъ, только заселяй. Туда я ихъ всѣхъ и переселю! въ Херсонскую ихъ! пусть ихъ тамъ живутъ! А переселеніе можно сдѣлать законнымъ образомъ, какъ слѣдуетъ по судамъ. Если захотятъ освидѣтельствовать крестьянъ — пожалуй, я и тутъ не прочь; почему же нѣтъ? я представлю и свидѣтельство, за собственноручнымъ подписаніемъ капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка, или по имени данному при крещеніи: сельцо Павловское.« И вотъ такимъ образомъ составился въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ, за который не знаю, будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно; ибо, что ни

говори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.

Перекрестясь, по Русскому обычаю, приступилъ онъ къ исполненію. Подъ видомъ избранія мѣста для жительства и подъ другими предлогами, предпринялъ онъ заглянуть въ тѣ и другіе углы нашего государства, и преимущественно въ тѣ, которые болѣе другихъ пострадали отъ несчастныхъ случаевъ: неурожаевъ, смертностей и прочаго и прочаго, словомъ — гдѣ бы можно удобнѣе и дешевле накупить потребнаго народа. Онъ не обращался наобумъ ко всякому помѣщику, но избиралъ людей болѣе по своему вкусу, или такихъ, съ которыми бы можно было съ меньшими затрудненіями дѣлать подобныя сдѣлки, стараясь прежде познакомиться, распололожить къ себѣ, чтобы, если можно, болѣе дружбою, а не покупкою пріобрѣсти мужиковъ. Итакъ читатели не должны негодовать на автора, если лица, донынѣ являвшіяся, не пришлись по его вкусу: это вина Чичикова; здѣсь онъ полный хозяинъ, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. Съ нашей стороны, если точно падетъ обвиненіе за блѣдность и невзрачность лицъ и характеровъ, скажемъ только то, что никогда въ началѣ не видно всего широкаго теченья и объема дѣла. Въѣздъ въ какой бы ни было городъ, хоть даже въ столицу, всегда какъ-то блѣденъ; сначала все сѣро и однообразно: тянутся безконечные заводы да фабрики, закопченные дымомъ, а потомъ уже выглянутъ углы шести-этажныхъ домовъ, магазины, вывѣски, громадныя перспективы улицъ, всѣ въ колокольняхъ, колоннахъ, статуяхъ, башняхъ, съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ, и всѣмъ, что̀ на диво произвела рука и мысль человѣка. Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы, какъ двигнутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ся горизонтъ и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, то увидитъ потомъ. Еще много пути предстоитъ совершить всему походному экипажу, состоящему изъ господина среднихъ лѣтъ, брички, въ которой ѣздятъ холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки

коней, уже извѣстныхъ поимянно, отъ засѣдателя до подлеца чубараго. Итакъ вотъ весь на лицо герой нашъ, каковъ онъ есть! Но потребуютъ, можетъ быть, заключительнаго опредѣленія одной чертою: кто же онъ относительно качествъ нравственныхъ? Что онъ не герой, исполненный совершенствъ и добродѣтелей, это видно. Кто же онъ? стало быть, подлецъ? Почему же подлецъ? зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою физіономію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели. Справедливѣе всего назвать его *хозяинъ, пріобрѣтатель*. Пріобрѣтеніе — вина всего: изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названія *не очень чистыхъ*. Правда, въ такомъ характерѣ есть уже что-то отталкивающее, и тотъ же читатель, который на жизненной своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ человѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ-соль и проводить пріятно время, станетъ глядѣть на него косо, если онъ очутится героемъ драмы, или поэмы. Но мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперя въ него испытующій взглядъ, изведываетъ его до первоначальныхъ причинъ. Быстро все превращается въ человѣкѣ: не успѣешь оглянуться, какъ уже выросъ внутри страшный червь, самовластно обратившій къ себѣ всѣ жизненные соки. И не разъ, не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему-нибудь мелкому разросталась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое. Безчисленны, какъ морскіе пески, человѣческія страсти, и всѣ не похожи одна на другую, и всѣ онѣ, низкія и прекрасныя вначалѣ, покорны человѣку и потомъ уже становятся страшными властелинами его. Блаженъ избравшій себѣ изъ всѣхъ прекраснѣйшую страсть; ростетъ и десятерится съ каждымъ часомъ и минутой безмѣрное его блаженство, и входитъ онъ глубже и глубже въ безконечный рай своей души. Но есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденья его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими на-

чертаньями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ; все ровно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронеслись свѣтлымъ явленьемъ, возрадующимъ міръ, — одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что̀ потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью Небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ....

Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ; тяжело то, что живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что̀ ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а покажи его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ,— и всѣ были бы радешеньки, и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы какъ живой предъ глазами: зато, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обратиться вновь къ карточному столу, тѣшащему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. Зачѣмъ, говорите вы, къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что̀ вовсе не утѣшительно. Лучше же представляйте намъ прекрасное, увлекательное; пусть лучше позабудемся мы. »Зачѣмъ ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно?« говоритъ помѣщикъ прикащику: »я, братъ, это знаю безъ тебя; да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ, что̀ ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого,—я тогда счастливъ.« И вотъ тѣ деньги, которыя бы поправили сколько-нибудь дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвенье. Спитъ умъ, можетъ быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона — и пошелъ помѣщикъ забываться по міру, съ

душою, отъ крайности готовою на низости, которыхъ бы самъ ужаснулся прежде.

Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капитальцы, устроивая судьбу свою на-счетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, по мнѣнью ихъ, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда, они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: »Да хорошо ли выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? вѣдь это все, что̀ ни описано здѣсь, это все наше,— хорошо ли это? а что̀ скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ: развѣ это не больно? думаютъ: развѣ мы не патріоты?« На такія мудрыя замѣчанія, особенно на-счетъ мнѣнія иностранцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ. А развѣ вотъ что̀. Жили въ одномъ отдаленномъ уголкѣ Россіи два обитателя. Одинъ былъ отецъ семейства, по имени Кифа Мокіевичъ, человѣкъ нрава кроткаго, проводившій жизнь халатнымъ образо̀мъ. Семействомъ своимъ онъ не занимался; существованье его было обращено болѣе въ умозрительную сторону и занято слѣдующимъ, какъ онъ называлъ, философическимъ вопросомъ: »Вотъ, напримѣръ, звѣрь« говорилъ онъ, ходя по комнатѣ, »звѣрь родится нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? почему не такъ, какъ птица? почему не вылупливается изъ яйца? Какъ, право, того... совсѣмъ не поймешь натуры, какъ побольше въ нее углубишься!« Такъ мыслилъ обитатель Кифа Мокіевичъ. Но не въ этомъ еще главное дѣло. Другой обитатель былъ Мокій Кифовичъ, родной сынъ его. Былъ онъ то, что̀ называютъ на Руси богатырь, и, въ то время, когда отецъ занимался рожденьемъ звѣря, двадцатилѣтняя плечистая натура его такъ и порывалась развернуться. Ни за что̀ не умѣлъ онъ взяться слегка: всё, или рука у кого-нибудь затрещитъ, или волдырь вскочитъ на чьемъ-нибудь носу. Въ домѣ и въ сосѣдствѣ все — отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки — бѣжало прочь, его завидя; даже собственную кровать въ спальнѣ изломалъ онъ въ куски. Таковъ былъ Мокій Кифовичъ,

а впрочемъ былъ онъ доброй души. Но не въ этомъ еще главное дѣло. А главное дѣло вотъ въ чемъ. »Помилуй, батюшка баринъ, Кифа Мокіевичъ«, говорила отцу и своя, и чужая дворня: »что у тебя за Мокій Кифовичъ? Никому нѣтъ отъ него покоя, такой припертень!« — »Да, шаловливъ, шаловливъ!« говорилъ обыкновенно на это отецъ; »да вѣдь какъ быть? драться съ нимъ поздо, да и меня же всѣ обвинятъ въ жестокости; а человѣкъ онъ честолюбивый: укори его при другомъ-третьемъ — онъ уймется, да вѣдь гласность-то, вотъ бѣда! городъ узнаетъ, назоветъ его совсѣмъ собакой. Что, право? думаютъ, мнѣ развѣ не больно? развѣ я не отецъ? Что занимаюсь философіей, да иной разъ нѣтъ времени, такъ ужъ я и не отецъ? Анъ вотъ нѣтъ же, отецъ! отецъ, чортъ ихъ побери, отецъ! У меня Мокій Кифовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!« Тутъ Кифа Мокіевичъ билъ себя весьма сильно въ грудь кулакомъ и приходилъ въ совершенный азартъ. »Ужъ если онъ и останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пусть не я выдалъ его!« И, показавъ такое отеческое чувство, онъ оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, а самъ обращался вновь къ любимому предмету, задавъ себѣ вдругъ какой-нибудь подобный вопросъ: »Ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, сильно бы толста была, — пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать.« Такъ проводили жизнь два обитателя мирнаго уголка, которые нежданно, какъ изъ окошка, выглянули въ концѣ нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвѣчать скромно на обвиненье со стороны нѣкоторыхъ горячихъ патріотовъ, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философіей, или приращеніями на-счетъ суммъ нѣжно любимаго ими отечества, думающихъ не о томъ, чтобы не дѣлать дурного, а о томъ, чтобы только не говорили, что они дѣлаютъ дурное. Но нѣтъ, не патріотизмъ и не первое чувство суть причины обвиненій; другое скрывается подъ ними. Къ чему таить слово? Кто же, какъ не авторъ, долженъ сказать святую правду? Вы боитесь глубоко устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему недумающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ; можетъ

быть, даже похвалите автора — скажете: »Однакожъ кое-что онъ ловко подмѣтилъ! долженъ быть веселаго нрава человѣкъ!« И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостію, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите: »А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые!« А кто изъ васъ полный Христіянскаго смиренья, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубитъ во внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: »А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова?« Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время, мимо него какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ малый, — онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: »Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!« и потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ въ-догонку, поддразнивая сзади и приговаривая: »Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!«

Но мы стали говорить довольно громко, позабывъ, что герой нашъ, спавшій во все время разсказа его повѣсти, уже проснулся и легко можетъ услышать такъ часто повторяемую свою фамилію. Онъ же человѣкъ обидчивый и недоволенъ, если о немъ изъясняются неуважительно. Читателю съ полугоря, разсердится ли на него Чичиковъ, или нѣтъ; но что̀ до автора, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ ссориться съ своимъ героемъ: еще не мало пути и дороги придется имъ пройти вдвоемъ рука въ руку; двѣ большія части впереди — это не бездѣлица.

»Эхе хе! что̀ жъ ты?« Сказалъ Чичиковъ Селифану; »ты!«

»Что̀?« сказалъ Селифанъ медленнымъ голосомъ.

»Какъ что̀? гусь ты! какъ ты ѣдешь? Ну же, потрогивай!«

И въ самомъ дѣлѣ Селифанъ давно уже ѣхалъ, зажмуря глаза, изрѣдка только потряхивая въ-просонкахъ возжами по бокамъ дремавшихъ тоже лошадей; а съ Петрушки уже давно невѣсть въ какомъ мѣстѣ слетѣлъ картузъ, и онъ самъ, опрокинувшись назадъ, уткнулъ свою голову въ колѣно Чичикову, такъ что тотъ долженъ былъ дать ей щелчка. Селифанъ пріободрился и, отшлепавши нѣ-

сколько разъ по спинѣ чубараго, послѣ чего тотъ пустился рысцой, да помахавши сверху кнутомъ на всѣхъ, примолвилъ тонкимъ пѣвучимъ голоскомъ: »Не бойся!« Лошадки расшевелились и понесли какъ пухъ легонькую бричку. Селифанъ только помахивалъ да покрикивалъ: »Эхъ! эхъ! эхъ!« плавно подскакивая на козлахъ, по мѣрѣ того, какъ тройка то взлетала на пригорокъ, то неслась духомъ съ пригорка, которыми была усѣяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть замѣтнымъ накатомъ внизъ. Чичиковъ только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушкѣ, ибо любилъ быструю ѣзду. И какой же Русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: »Чортъ побери все!« его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ на-встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ, съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканіи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ тройка, птица-тройка! кто тебя выдумалъ? знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя Ярославскій расторопный мужикъ. Не въ Нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, не-

сешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель. Не молнія ли это, сброшенная съ неба? что̀ значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что̀ за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони,— что̀ за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню—дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!... Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что̀ ни есть на землѣ, и косясь посторанпваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА,

или

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(Въ первоначальномъ видѣ.)

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Н. П. Трушковскій, въ предисловіи своемъ къ изданному имъ впервые второму тому »Мертвыхъ Душъ«, говоритъ, что сочиненіе это дошло до насъ въ »*черневыхъ*, давнишнихъ тетрадяхъ, нечаяннымъ образомъ уцѣлѣвшихъ отъ сожженія.« Но тетрадей, заключающихъ въ себѣ продолженіе »Мертвыхъ Душъ«, нельзя назвать *черневыми*, въ собственномъ смыслѣ слова. Онѣ были тщательно списаны самимъ Гоголемъ съ предшествовавшей имъ черневой рукописи (1) и потомъ уже испещрены множествомъ разновременныхъ поправокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣланы цѣлые листы и страницы (рукопись — на почтовой бумагѣ листового формата), въ другихъ прибавлены новыя, или измѣнены старыя строки, фразы и слова; однѣ поправки сдѣланы при перепискѣ текста, другія — по готовой уже рукописи; однѣ — единовременно, другія — въ нѣсколько пріемовъ и разными чернилами: черными, блѣдными, рыжими, а мѣстами и карандашомъ. Изъ всего этого видно, что

(1) Кромѣ послѣднихъ листовъ, которые переписаны наскоро, или написаны начерно.

Гоголь много разъ принимался исправлять и передѣлывать свое сочиненіе. Для насъ очень интересно знать, какъ Гоголь поправлялъ у себя то, чѣмъ онъ оставался нѣкоторое время доволенъ, и поэтому я рѣшился напечатать второй томъ »Мертвыхъ Душъ« въ двоякомъ видѣ: сперва такъ, какъ онъ былъ переписанъ набѣло рукою Гоголя, а потомъ (сколько было возможно) въ томъ видѣ, въ какомъ Гоголь желалъ представить его публикѣ.

П. Кулишъ.

ГЛАВА I.

Зачѣмъ же выставлять на-показъ бѣдность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что̀ жъ дѣлать, если такого свойства сочинитель и такъ уже заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроенъ талантъ его, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства! И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

На тысячу слишкомъ верстъ неслись извиваясь горныя возвышенія. Точно какъ-бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, возвышались они надъ равнинами, то желтоватымъ отломомъ, въ видѣ стѣнъ, съ промоинами и рытвинами, то зеленой кругловидной выпуклостію, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темнымъ лѣсомъ, еще уцѣлѣвшимъ отъ топора. Рѣка, вѣрная своимъ высокимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними углы и колѣна по всему пространству; но иногда уходила отъ нихъ прочь въ луга, затѣмъ чтобъ, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ, и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденіи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ-бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній воздымался выше прочихъ и весь отъ низу до верху убирался въ зелень столпившихся густо деревъ. Тутъ было все вмѣстѣ: и кленъ, и груша, и низкорослый ракитникъ, и чилига, и березка, и ель, и рябина,

опутанная хмѣлемъ; тутъ мелькали крышки господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ и верхняя надстройка господскаго дома, а надъ всей этой кучей деревъ и крышъ старинная церковь возносила свои пять играющихъ верхушекъ. На всѣхъ ихъ были золотые прорѣзные кресты, золотыми прорѣзными цѣпями прикрѣпленные къ куполамъ, такъ что издали сверкало какъ-бы на воздухѣ ни къ чему неприкрѣпленное, висѣвшее золото. И вся эта куча деревъ, крышъ, вмѣстѣ съ церковью, опрокинувшись верхушками внизъ, отдавалась въ рѣкѣ, гдѣ картинно-безобразныя старыя ивы, однѣ стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви, и листья, точно какъ-бы разсматривали это изображеніе, которымъ не могли налюбоваться во все продолженіе своей многолѣтней жизни.

Видъ былъ очень недуренъ, но видъ сверху внизъ съ надстройки дома на равнины и отдаленья былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель: у него захватывало въ груди; онъ могъ только произнесть: »Господи, какъ здѣсь просторно!« Пространства открывались безъ конца. За лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, зеленѣли и синѣли густые лѣса, какъ моря, или туманъ, далеко разлившійся. За лѣсами, сквозь мглистый воздухъ, желтѣли пески. За песками лежали гребнемъ на отдаленномъ небосклонѣ меловыя горы, блиставшія ослѣпительно даже и въ ненастное время, какъ-бы освѣщало ихъ вѣчное солнце. По ослѣпительной бѣлизнѣ ихъ, у подошвъ, мѣстами мелькали какъ-бы дымившіяся туманно-сизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ разсмотрѣть человѣческій глазъ, — только вспыхивавшая, подобно искрѣ, золотая церковная маковка давала знать, что это было людное большое селеніе. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, наполнявшихъ воздухъ. Словомъ, не могъ равнодушно выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель, и послѣ какого-нибудь двухъ-часового созерцанія издавалъ онъ то же самое восклицаніе, какъ и въ первую минуту: »Силы небесъ, какъ здѣсь просторно!«

Кто жъ былъ жилецъ этой деревни, къ которой, какъ къ не-

приступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, и нужно было подъѣзжать съ другой стороны — полями, хлѣбами и, наконецъ, рѣдкой дубровой, раскинутой картинно по земли, вплоть до самыхъ избъ и господскаго дома, — кто былъ жилецъ, господинъ и владѣтель этой деревни? какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

А помѣщику Тремалаханскаго уѣзда, Андрею Ивановичу Тентетникову, молодому, тридцати-трехъ-лѣтнему счастливцу, коллежскому секретарю, неженатому-холостому человѣку.

Что же за человѣкъ такой, какого нрава, какихъ свойствъ и какого характера былъ помѣщикъ Андрей Ивановичъ Тентетниковъ?

Разумѣется, слѣдуетъ разспросить у сосѣдей. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи отставныхъ штабъ-офицеровъ-брандеровъ, выражался о немъ лаконическимъ выраженіемъ: »Естественнѣйшій скотина!« Генералъ, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: »Молодой человѣкъ неглупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня и въ Петербургѣ, и даже при....« генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ замѣчалъ: »Да вѣдь чинишка на немъ—дрянь; а вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!« Мужикъ его деревни, на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Словомъ, общественное мнѣніе о немъ скорѣй было неблагопріятное, чѣмъ благопріятное.

А между тѣмъ въ существѣ своемъ Андрей Ивановичъ былъ не то доброе, не то дурное существо, а просто — коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, которые коптятъ небо, то почему жъ и Тентетникову не коптить его? Впрочемъ вотъ, въ немногихъ словахъ, весь журналъ его дня, и пусть изъ него судитъ читатель самъ, какой у него былъ характеръ.

Поутру просыпался онъ очень поздо и, приподнявшись, долго еще сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. Глаза же, какъ на бѣду, были довольно маленькіе, то потому протиранье ихъ производилось необыкновенно долго, и во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло, съ рукомойникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, а баринъ всё еще протиралъ

глаза; отправлялся потомъ на кухню, потомъ вновь приходилъ,— баринъ всё еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ, выходилъ въ гостинную, затѣмъ чтобы пить чай, кофіи, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. Два часа просиживалъ онъ за чаемъ, и этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ. У окна же происходила всякой день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ небритый буфетчикъ Григорій, относившійся къ Перфильевнѣ, ключницѣ, въ сихъ выраженіяхъ: »Душонка ты мелкопомѣстная! ничтожность ты этакая! Тебѣ бы, гнусной бабѣ, молчать да и только.«

»Ужъ тебя-то не послушаюсь, ненасытное горло!« вскрикивала ничтожность, или Перфильевна.

»Да вѣдь съ тобой никто не уживется; вѣдь ты и съ прикащикомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная!« ревѣлъ Григорій.

»Да и прикащикъ воръ такой же, какъ и ты!« вскрикивала ничтожность, такъ что было на деревнѣ слышно. »Вы оба піющіе, губители господскаго, бездонныя бочки! Ты думаешь, баринъ не знаетъ васъ? вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ!«

»Гдѣ баринъ?«

»Да вотъ онъ глядитъ у окна; онъ все видитъ.«

И точно баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію этого, кричалъ кричмя дворовый ребятишка, получившій отъ матери затрещину; визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ; словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ, и только тогда, когда это дѣлалось до такой степени невыносимо, что даже мѣшало барину ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобъ шумѣли потише.

За два часа до обѣда Андрей Ивановичъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, затѣмъ чтобы заняться серьезно и дѣйствительно. Занятіе было точно серьезное. Оно состояло въ обдумываніи сочиненія, которое уже издавна и постоянно обдумывалось. Сочиненіе

это долженствовало обнять всю Россію со всѣхъ точекъ, съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно великую ея будущность, словомъ — большого объема; но, покуда, оканчивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки и потомъ все это отодвигалось на сторону, бралась, намѣсто того, въ руки книга и уже не выпускалась до самого обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Потомъ слѣдовала прихлебка чашки кофія съ трубкой; потомъ игра въ шахматы съ самимъ собой. Что же дѣлалось потомъ до самого ужина, право, уже и сказать трудно. Кажется, просто, ничего не дѣлалось.

И этакъ проводилъ время одинъ одинешенекъ въ цѣломъ мірѣ молодой тридцати-трехъ-лѣтній человѣкъ, сидень сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ — взглянуть на отдаленности и виды, не хотѣлось растворять окна, затѣмъ чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату; и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина.

Изъ этого журнала читатель можетъ видѣть, что Андрей Ивановичъ Тентетниковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ на Руси много, которымъ имена — увальни, лежебоки, байбаки и тому подобныя. Родятся ли уже сами собою такіе характеры, или создаются потомъ, это еще вопросъ. Я думаю, что лучше, вмѣсто отвѣта, разсказать исторію дѣтства и воспитанія Андрея Ивановича.

Въ дѣтствѣ былъ онъ остроумный, талантливый мальчикъ, то живой, то задумчивый. Счастливымъ, или несчастливымъ случаемъ, попалъ онъ въ такое училище, гдѣ былъ директоромъ человѣкъ, въ своемъ родѣ необыкновенный, не смотря на нѣкоторыя причуды. Александръ Петровичъ имѣлъ даръ слышать природу Русскаго человѣка и зналъ языкъ, которымъ нужно говорить съ нимъ. Никто изъ дѣтей не уходилъ отъ него съ повиснувшимъ

носомъ; напротивъ, даже послѣ строжайшаго выговора, чувствовалъ онъ какую-то бодрость и желалъ загладить сдѣланную пакость и проступокъ. Толпа его воспитанниковъ съ виду казалась такъ шаловлива, развязна и жива, что иной принялъ бы ее за необузданную вольницу. Но онъ обманулся бы: власть одного слишкомъ была сильна въ этой вольницѣ. Не было проказника и шалуна, который бы не пришелъ къ нему самъ и не разсказалъ всего, что̀ ни напроказилъ. Малѣйшее движеніе ихъ помышленій было ему извѣстно. Во всемъ поступалъ онъ необыкновенно. Онъ говорилъ, что прежде всего слѣдуетъ пробудить въ человѣкѣ честолюбіе. Честолюбіе называлъ онъ силою, толкающею впередъ человѣка,— безъ котораго не подвигнешь его на дѣятельность. Многихъ рѣзвостей и шалостей онъ не удерживалъ вовсе, и въ первоначальныхъ рѣзвостяхъ видѣлъ онъ начало развитія свойствъ душевныхъ. Онѣ были ему нужны затѣмъ, чтобы видѣть, что̀ такое именно таится въ ребенкѣ. Такъ умный врачъ глядитъ спокойно на появляющіеся временные припадки и сыпи, показывающіяся на тѣлѣ, не истребляетъ ихъ, но всматривается внимательно, желая узнать достовѣрно, что̀ заключено внутри человѣка.

Учителей у него было немного: большую часть наукъ читалъ онъ самъ, и надо сказать правду, что, безъ всякихъ педантскихъ терминовъ, огромныхъ воззрѣній и взглядовъ, которыми любятъ пощеголять молодые профессора́, онъ умѣлъ въ немногихъ словахъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было очевидно, на что̀ именно ему нужна наука. Онъ утверждалъ, что всего нужнѣе человѣку наука жизни, что, узнавъ ее, онъ узна́етъ тогда самъ, чѣмъ долженъ заняться преимущественнѣе.

Эту-то науку жизни сдѣлалъ онъ предметомъ отдѣльнаго курса воспитанія, въ который поступали только одни самые отличные. Малоспособныхъ выпускалъ онъ на службу изъ перваго класса, утверждая, что ихъ не нужно много мучить, что довольно для нихъ, если пріучились быть терпѣливыми, работящими исполнителями, не пріобрѣтая заносчивости и всякихъ видовъ вдаль. »Но съ умниками, но съ даровитыми мнѣ нужно долго повозиться«, обыкновенно говорилъ онъ. Въ этомъ курсѣ (былъ) совершенно другой Александръ Петровичъ и съ перваго разу возвѣщалъ, что

доселѣ онъ требовалъ отъ нихъ простого ума, теперь потребуетъ ума высшаго, — не того ума, который умѣетъ подтрунивать надъ дуракомъ и посмѣяться, но умѣющаго вынесть всякое оскорбленіе. Здѣсь-то сталъ онъ требовать того, что̀ другіе требуютъ отъ дѣтей, — спустить дураку, не раздражаться. Это-то называлъ онъ высшей степенью ума. Сохранить посреди какихъ бы то ни было огорченій высокій покой, въ которомъ вѣчно долженъ пребывать человѣкъ, — вотъ что̀ называлъ онъ умомъ. Въ этомъ-то курсѣ Александръ Петровичъ показалъ, что знаетъ точно науку жизни. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что̀ ожидаетъ впереди человѣка на всѣхъ поприщахъ и ступеняхъ государственной службы и частныхъ занятій. Всѣ огорченія и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенія и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ ними во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно какъ-бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званіяхъ и должностяхъ. Словомъ, чертилъ онъ предъ ними вовсе нерадужную будущность. Странное дѣло! оттого ли, что честолюбіе уже такъ сильно было въ нихъ возбуждено, оттого ли, что въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ *впередъ!* это чудное словцо, такъ знакомое Руси, производящее такія чудеса надъ Русскимъ человѣкомъ, — то ли, другое ли, но юноша съ самого начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ нужно было показать большую силу души. Было что-то трезвое въ ихъ жизни. Александръ Петровичъ дѣлалъ съ ними всякіе опыты и пробы, наносилъ имъ то самъ чувствительныя оскорбленія, то посредствомъ ихъ же товарищей; но, проникнувши это, они становились еще осторожнѣй. Изъ этого курса вышло немного, но эти немногіе были крѣпкіе, были обкуренные порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, гораздо ихъ умнѣйшіе, не вытерпѣвъ, изъ-за мелочныхъ личныхъ непріятностей, бросили все, или же, обезумѣвъ и опустившись, очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но воспитанные Александромъ Петровичемъ не только не пошатну-

лись, но познанiемъ человѣка и души возымѣли высокое нравственное влiянiе даже на взяточниковъ и дурныхъ людей.

Но этого ученiя не удалось попробовать бѣдному Андрею Ивановичу. Только-что онъ былъ удостоенъ перевода въ этотъ высшiй курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, — вдругъ несчастiе: необыкновенный наставникъ, котораго одно одобрительное слово уже бросало его въ сладкiй трепетъ, скоропостижно заболѣлъ и умеръ. Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Ѳедоръ Ивановичъ, человѣкъ добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что-то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какiе-то внѣшнiе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой-то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстоянiе отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, разсадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшiе куски, умнымъ — оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно когда новый начальникъ, точно какъ на-перекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошiе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведенiе, что если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочтетъ его умному. Но именно того-то и не получилъ Ѳедоръ Ивановичъ, чего добивался. Завелись шалости потаенныя, которыя, какъ извѣстно, хуже открытыхъ. Все было въ струнку днемъ, а по ночамъ — кутежи.

Въ большемъ курсѣ онъ тоже переворотилъ все вверхъ дномъ. Съ самыми благими намѣренiями, завелъ онъ всякiя нововведенiя — и всё не въ-попадъ. Выписалъ новыхъ преподавателей, съ новыми взглядами и новыми точками воззрѣнiй. Читали они учено, забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; была и ученость, и слѣдованiе за новыми открытiями, но, увы! не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной стало все это казаться въ глазахъ уже начинавшихъ понимать слушателей. Все пошло навыворотъ. Но хуже всего было то, что потерялось уваженiе къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и

надъ преподавателями; директора стали называть Ѳедькой, булкой и другими разными именами; завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выгнать.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Онъ не участвовалъ въ ночныхъ оргіяхъ съ товарищами, которые, не смотря на строжайшій присмотръ, завели на сторонѣ любовницу, одну на восемь человѣкъ. Его не увлекли также и другія шалости, доходившія до кощунства и насмѣшекъ надъ самою религіею изъ-за того только, что директоръ требовалъ частаго хожденія въ церковь и попался плохой священникъ. Но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе было возбуждено въ немъ сильно, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше бъ было и не возбуждать его! Онъ слушалъ горячившихся на каѳедрѣ профессоровъ и вспоминалъ прежняго наставника, который не горячась умѣлъ говорить понятно. Онъ слушалъ химію и философію, и професоромъ (былъ) углубленъ во всѣ тонкости политическихъ наукъ, (слушалъ) и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе да развитіе общинъ какихъ-то Нѣмецкихъ городовъ; но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ чувствовалъ только, что все не такъ должно преподаваться, а какъ— не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и ему бывало такъ грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но у молодости есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось (сильнѣе). Онъ говорилъ себѣ: »Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленіе къ жизни: настоящая жизнь на службѣ; тамъ подвиги.« И, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится отовсѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь — служить, блистать, выслуживаться, или же, просто, схватывать вершки безцвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованія. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самого начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что ни въ министры, ни въ государственный совѣтъ нельзя попасть,

не пріобрѣтя прежде хорошаго почерка; а Тентетниковъ писалъ тѣмъ самымъ письмомъ, о которомъ говорятъ: »Писала сорока лапой, а не человѣкъ.« Съ большимъ трудомъ и съ помощію протекціи, проведя два мѣсяца въ каллиграфическихъ урокахъ, досталъ онъ мѣсто списывателя бумагъ въ какомъ-то департаментѣ. Когда взошелъ онъ въ свѣтлый залъ, гдѣ за письменными лакированными столами сидѣли пишущіе господа, шумя перьями и наклоняя голову на бокъ, и когда посадили его самого, предложа ему тутъ же переписать какую-то бумагу, — необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, какъ-бы онъ очутился въ какой-то малолѣтней школѣ, затѣмъ чтобъ съизнова учиться азбукѣ. Сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Иные изъ нихъ читали романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленіи начальника. Ему вдругъ представилось, какъ невозвратно - потерянный рай, школьное время его: такъ высокими сдѣлались вдругъ занятія ученіемъ передъ этимъ мелкимъ письменнымъ ученіемъ. Какъ это учебное приготовленіе (къ службѣ) казалось ему теперь выше самой службы! И вдругъ предсталъ въ его мысляхъ, какъ живой, его ни съ кѣмъ несравненный, чудесный воспитатель, никѣмъ незамѣнимый Александръ Петровичъ, и въ три ручья потекли вдругъ слезы изъ глазъ его, закружилась комната, потемнѣли столы, перемѣшались чиновники, и чуть не упалъ онъ отъ мгновеннаго потемнѣнія. »Нѣтъ«, сказалъ онъ въ себѣ, очнувшись, »примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось въ началѣ мелкимъ!« Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, не смотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый тридцатиградусный морозъ, визжитъ отчаяннымъ бѣсомъ вѣдьма-вьюга, нахлобучивая на голову воротники шубъ и шинелей, пудря усы людей и морды скотовъ; но привѣтливо смотритъ вверху окошко, гдѣ-нибудь даже и въ четвертомъ этажѣ; въ уютной комнаткѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце, и душу разговоръ, читается вдохновенная, свѣтлая страница поэта, какими на-

градилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не случается въ другихъ земляхъ и подъ полуденнымъ роскошнымъ небомъ.

Скоро Тентетниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлію, какъ онъ полагалъ-было въ началѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему лучшимъ распредѣленьемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить оставшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, уже начиналъ-было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Надобно сказать, что въ числѣ друзей Андрея Ивановича, попалось два человѣка, которые были то, что̀ называется огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что̀ кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, они исполнены нетерпимости къ другимъ. Пылкая рѣчь ихъ и благородный образъ негодованія подѣйствовали на него сильно. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя прежде онъ и не думалъ обращать вниманія. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лѣницынъ, начальникъ того отдѣленія, въ которомъ онъ числился, человѣкъ наипріятнѣйшей наружности, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ и возненавидѣлъ его за то, будто бы онъ выражалъ въ лицѣ своемъ черезъ-чуръ много сахару, когда говорилъ съ высшимъ, и тутъ же, оборотившись къ низшему, становился весь уксусъ. »Я бы ему простилъ«, говорилъ Тентетниковъ, »если бы эта перемѣна происходила не такъ скоро въ его лицѣ; но какъ тутъ же, при моихъ глазахъ, и сахаръ, и уксусъ въ одно и то же время!« Съ этихъ поръ онъ сталъ замѣчать всякій шагъ его. Ему казалось, что и важничалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже черезъ-чуръ, что имѣлъ даже всѣ замашки мелкихъ начальниковъ, бралъ на замѣчаніе тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленіемъ въ праздники, даже мстилъ всѣмъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ, и множество тѣхъ грѣшныхъ принадлежностей, безъ которыхъ не обходится ни добрый, ни злой человѣкъ. Онъ чув-

ствовалъ къ нему отвращеніе нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ напскивался на это съ какимъ-то наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до такой степени крупно, что ему объявлено было отъ начальства — или просить извиненія, или выходить въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему перепуганный и умоляющій: »Ради самого Христа! помилуй, Андрей Ивановичъ! что̀ это ты дѣлаешь? оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался начальникъ не того!... Что̀ жъ это? Вѣдь если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, образумься... еще есть время. Отринь гордость, самолюбье, поѣзжай и объяснись съ нимъ!«

»Не въ томъ дѣло, дядюшка«, сказалъ племянникъ. »Мнѣ не трудно попросить у него извиненья; это тѣмъ болѣе, что я точно виноватъ. Онъ мнѣ начальникъ, и мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало такъ говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. Вы позабыли, что у меня есть другая служба: у меня триста душъ крестьянъ, имѣнье въ разстройствѣ, а управляющій дуракъ. Государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большáя утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я помѣщикъ; званіе это также не бездѣлица. Если я позабочусь о сохраненьи, сбереженьи и улучшеньи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста трезвыхъ, работящихъ подданныхъ, чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія Лѣницына?«

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленія: такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ: »Но всё же таки... но какъ же таки... какъ же запропастить себя въ деревнѣ? Какое же общество можетъ быть между мужичьемъ? Здѣсь всё-таки на улицѣ пройдетъ мимо тебя генералъ, или князь. Захочешь — и самъ пройдешь мимо какихъ-нибудь публичныхъ красивыхъ зданій, на Неву пойдешь взглянуть; а вѣдь тамъ, что̀ ни попадется, все это или мужикъ, или баба. За что̀ жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?«

Такъ говорилъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Самъ

же онъ во всю жизнь свою не ходилъ по другой улицѣ, кромѣ той, которая вела къ мѣсту его службы, гдѣ не было никакихъ публичныхъ красивыхъ зданій; не замѣчалъ никого изъ встрѣчныхъ, былъ ли онъ генералъ, или князь; не вѣдалъ никакихъ прихотей, какія дразнятъ въ столицахъ людей, падкихъ на невоздержаніе, и даже отъ роду не былъ въ театрѣ. Все это онъ говорилъ единственно затѣмъ, чтобы затеребить честолюбіе и подѣйствовать на воображеніе молодого человѣка. Въ этомъ, однакоже, не успѣлъ: Тентетниковъ стоялъ на своемъ упрямо. Департаменты и столица стали ему надоѣдать. Деревня начинала представляться какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспитательницею думъ и помышленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Чрезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже въ окрестности тѣхъ мѣстъ, гдѣ пронеслось его дѣтство.

Какъ стало все припоминаться, какъ забилось его сердце, когда почувствовалъ, что онъ уже вблизи отцовской деревни! Онъ уже многіе мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. Когда дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, трёмъ человѣкамъ въ обхватъ, въ перемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перероставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: чей лѣсъ? ему сказали: Тентетникова; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и перелетѣла мостами въ разныхъ мѣстахъ, одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя, и когда на вопросъ: чьи луга и поемныя мѣста? отвѣчали: Тентетникова; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности,—съ одной стороны мимо несжатыхъ хлѣбовъ пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ и разомъ показались въ картинномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревъ, размѣстившихся въ-разсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали кирченныя избы мужиковъ и крытыя красными крышами

господскія строенія; когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куда пріѣхало: ощущенія и мысли, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись наконецъ почти такими словами: »Ну не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, принцемъ, а я закабалилъ себя въ канцелярію писцомъ! Учившись, воспитавшись, сдѣлавши порядочный запасъ тѣхъ именно свѣдѣній, какія требуются для управленія людьми, улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, являющагося и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣждѣ-управителю! И выбрать вмѣсто этого — что̀ жъ? переписыванье бумагъ, что̀ можетъ, вмѣсто меня, несравненно лучше производить ничему неучившійся кантонистъ!« И еще разъ далъ себѣ названіе дурака Андрей Ивановичъ Тентетниковъ.

А между тѣмъ ожидало его другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, населенье всей деревни собралось къ крыльцу. Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, бороды всѣхъ сортовъ: заступомъ, лопатой и клиномъ, рыжія, русыя и бѣлыя какъ серебро, покрыли всю площадь. Мужики загремѣли: »Кормилецъ, дождались мы тебя!« Бабы заголосили: »Золото, серебро ты сердечное!« Стоявшіе подалѣ даже подрались отъ усердья продраться. Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промежъ ногъ другихъ, подступила къ нему, всплеснула руками и взвизгнула: »Соплюнчикъ ты нашъ! да какой же ты жиденькой! изморила тебя окаянная Нѣмчура!« — »Пошла ты баба!« закричали ей тутъ же бороды заступомъ, лопатой и клиномъ. »Ишь куда полѣзла, корявая!« Кто-то приворотилъ къ этому такое словцо, отъ котораго одинъ только Русской мужикъ могъ не засмѣяться. Баринъ не выдержалъ и разсмѣялся, но тѣмъ не менѣе онъ тронутъ былъ глубоко въ душѣ своей. »Столько любви! и за что̀?« думалъ онъ въ себѣ. »За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими! Отнынѣ же даю слово раздѣлить съ вами трудъ и заняться вами! Употреблю все, чтобы помочь вамъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, чѣмъ вамъ назначила быть ваша добрая, внутри васъ же самихъ заключенная природа ваша, — чтобы не даромъ была любовь ваша ко мнѣ, чтобы я точно былъ кормилецъ вашъ!«

И дѣйствительно, Тентетниковъ не шутя принялся хозяйничать и распоряжаться. Онъ увидѣлъ на мѣстѣ, что прикащикъ былъ точно баба и дуракъ со всѣми качествами дряннаго прикащика, то есть, велъ аккуратно счетъ куръ и яицъ, пряжи и полотна, приносимыхъ бабами, но не зналъ ни бѣльмеса въ уборкѣ хлѣба и посѣвахъ, и въ прибавленіе ко всему—подозрѣвалъ всѣхъ мужиковъ въ покушеніи на жизнь свою. Дурака-прикащика онъ выгналъ, на мѣсто его выбралъ другого, бойкаго. Оставилъ мелочи, обратилъ вниманіе на главныя части, уменьшилъ барщину, убавилъ дни работъ на себя, прибавилъ времени мужикамъ работать на нихъ самихъ и думалъ, что теперь дѣла пойдутъ наиотличнѣйшимъ порядкомъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоновъ. »Да онъ, вишь ты, востроногой!« стали говорить мужики и даже почесывать въ затылкахъ, потому что отъ долговременнаго бабьяго управленія они всѣ порядочно поизлѣнились. Но это продолжалось не долго. Русскій мужикъ смѣтливъ и уменъ: онъ понялъ скоро, что баринъ хоть и прытокъ, и есть въ немъ охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслитъ, говоритъ какъ-то чрезъчуръ грамотно и затѣйливо, мужику не въ-долбежъ и не въ науку. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тентетниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей. Сѣялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо. Онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ давно уже колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо, а у него едва начиналъ только идти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ, просто, плутуетъ, не смотря на всѣ льготы. Попробовалъ онъ укорить, но получилъ такой отвѣтъ: »Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то есть, выгодѣ не радѣли? Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли. По чапорухѣ водки приказали подать.« Что было на это возражать? — »Да отчего жъ теперь

вышло скверно?« допрашивалъ баринъ. »Кто его знаетъ? видно, червь подъѣлъ снизу? Да и лѣто вишь ты какое: совсѣмъ дождей не было.« Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подъѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосою: мужику угодилъ, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ. Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягости барщины. Странное дѣло! Онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужьевъ, умножатъ огороды. Не тутъ-то было. Праздность драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами: »Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой! житья нѣтъ отъ нея!« Нѣсколько разъ, скрѣпя свое сердце, хотѣлъ онъ приняться за строгость. Но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой, такъ развизгивалась, такая была хворая, больная, такихъ гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ; ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть. »Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ подальше!« говорилъ бѣдный Тентетниковъ и вслѣдъ за тѣмъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ баба тутъ же, вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и, несмотря на свою хворость, такъ отламывала ей бока, какъ не съумѣетъ и здоровый мужикъ. Вздумалъ онъ было какую-то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ; лучше бъ было и не задумывать! Все это значительно охладило его рвеніе и къ хозяйству, и къ разбирательному судейскому дѣлу, и вообще къ дѣятельности. При работахъ онъ уже присутствовалъ почти безъ вниманія: мысли были далеко, глаза отыскивали посторонніе предметы. Во время покосовъ не глядѣлъ онъ на быстрое подыманіе шестидесяти разомъ косъ и мѣрное паденіе подъ ними, рядами, высокой травы; онъ глядѣлъ, вмѣсто того, на какой-нибудь въ сторонѣ извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынъ — разумѣется, птица, а не человѣкъ; онъ глядѣлъ, какъ этотъ мартынъ, поймавъ рыбу, держалъ ее впоперегъ въ носу, раздумывая, глотать, или не

глотать, и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ виденъ былъ другой мартынъ, еще непоймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу. Во время уборки хлѣбовъ не глядѣлъ онъ на то, какъ складывали снопы копнами, крестами, а иногда и просто шишомъ. Ему не было дѣла до того, лѣниво, или шибко метали стога и клали клади. Зажмуря глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянію впивать запахъ полей, а слуху поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ хоръ, не переча другъ другу: бьетъ перепелъ, дергаетъ въ травѣ дергунъ, урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, по невидимой воздушной лѣстницѣ сыплются трели жаворонковъ, и турлыканье журавлей, несущихся въ сторонѣ вереницею, точно звонъ серебряныхъ трубъ, слышится въ пустотѣ звонкосотрясающейся пустыни воздушной. Вблизи ли производилась работа—онъ былъ вдали отъ нея; была ли она вдали—его глаза отыскивали, что̀ было поближе. И былъ онъ похожъ на того разсѣяннаго ученика, который глядитъ въ книгу, но въ то же время видитъ и фигу, подставленную ему товарищемъ. Наконецъ и совсѣмъ перестаіъ онъ ходить на работы, бросилъ совершенно и судъ, и всякія расправы, засѣлъ въ комнаты и пересталъ принимать къ себѣ, даже съ докладами прикащика.

Временами изъ сосѣдей завернетъ къ нему бывало отставной гусаръ-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или брандеръ-полковникъ, мастеръ и охотникъ на разговоры обо всемъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными; живое, ловкое обращеніе, потрепки по колѣну и прочія развязности начали ему казаться уже черезъ-чуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда представитель всѣхъ полковниковъ-брандеровъ, наиріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, Варваръ Николаичъ Вишнепокромовъ, пріѣхалъ къ нему затѣмъ именно, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянія финансовъ въ Англіи, онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность

показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: скотина! другой послалъ ему тоже нѣчто въ родѣ свиньи. Такъ и кончилось знакомство. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто. Уединеніе полное водворилось въ домѣ. Хозяинъ залѣзъ въ халатъ безвыходно, предавши тѣло бездѣйствію, а мысль обдумыванію большого сочиненія о Россіи. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ-будто пробуждался онъ ото сна. Когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы, или приносившаго посильную дань наукамъ и образованію всемірному, тайная тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силою воскресало предъ нимъ школьное минувшее время, и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ.... Градомъ лились изъ глазъ его слезы, и рыданья продолжались почти весь день.

Что̀ значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни, что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; что, неиспытанный заранѣ въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянья возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки, и теперь безъ упругости безсильная его воля; что слишкомъ для него рано умеръ чудный, необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть и поднять шатаемыя вѣчными колебаніями силы и лишенную упругости, или слабую, немощную волю,—кто бы крикнулъ живымъ, пробуждающимъ голосомъ, крикнулъ душѣ пробуждающее слово *впередъ!* котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій и званій, и промысловъ, Русскій человѣкъ.

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ Русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ!* кто, зная

всѣ силы и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйскимъ мановеніемъ можетъ устремить на высокую жизнь Русскаго человѣка? Какими слезами, какой любовію заплатилъ бы онъ ему! Но вѣки проходятъ за вѣками; полмилліона сидней, увальней и болвановъ дремлетъ непробудно, и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющій произнести его, это всемогущее слово.

Одно обстоятельство чуть было, однакоже, не разбудило Тентетникова и чуть было не произвело переворота въ его характерѣ. Случилось что-то въ родѣ любви, но и тутъ дѣло какъ-то свелось на ничто. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не совсѣмъ благосклонно о Тентетниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосоломъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтеніе, самъ, разумѣется, визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное, странное, которую скорѣй можно было почесть какимъ-то фантастическимъ видѣніемъ, чѣмъ женщиной. Иногда случается человѣку во снѣ увидѣть что-то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже во всю жизнь свою грезитъ этимъ сновидѣніемъ, — дѣйствительность для него пропадаетъ навсегда, и онъ рѣшительно ни на что не годится. Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее воспитывала Англичанка-гувернантка, незнавшая ни слова по-Русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Необыкновенно трудно изобразить портретъ ея. Это было что-то живое, какъ сама жизнь. Она была миловиднѣй, чѣмъ красавица,—лучше; чѣмъ умна, — стройнѣй, воздушнѣй классической женщины. Никакъ бы нельзя было сказать, какая страна положила на ней свой отпечатокъ, потому что (такого) профиля и очертанья лица трудно было гдѣ-нибудь отыскать, развѣ только на античныхъ камеяхъ. Какъ въ ребенкѣ, воспитанномъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ своимъ отцомъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданье. Но гнѣвъ у нея бывалъ только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости, или жестокомъ

поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. Но вдругъ исчезнулъ бы этотъ гнѣвъ, если бы она увидѣла въ несчастіи того самого, на кого гнѣвалась! Какъ бы вдругъ бросила она ему свой кошелекъ, не размышляя, умно ли это, или глупо, и разорвала на себѣ платье для перевязки, если бъ онъ былъ раненъ. Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслѣдъ за мыслью: выраженье лица, выраженье разговора, движенье рукъ; самыя складки платья какъ-бы летѣли въ ту же сторону, и, казалось, какъ-бы она сама вотъ улетитъ вслѣдъ за собственными словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни предъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никогда сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступило бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ; а добрый, даже самый застѣнчивый, могъ разговориться съ нею вдругъ, какъ съ сестрой, и съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее, что случилось это во дни незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы, и послѣ того какъ-то становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка. Андрей Ивановичъ Тентетниковъ не могъ бы никакъ разсказать, какъ это случилось, что съ перваго же дня онъ сталъ съ ней такъ, какъ-бы знакомъ былъ вѣчно. Неизъяснимое, новое чувство вошло къ нему въ душу. Его жизнь на мгновеніе озарилась. Халатъ на время былъ оставленъ, не такъ долго копался онъ на кровати, не такъ долго стоялъ Михайло съ рукомойникомъ въ рукахъ. Растворились окна въ комнатахъ, и часто владѣтель картиннаго помѣстья долго ходилъ по темнымъ излучинамъ своего сада и останавливался по часамъ передъ плѣнительными видами на отдаленья. Генералъ принималъ сначала Тентетникова довольно хорошо и радушно; но совершенно сойтись они не могли. Разговоры у нихъ всегда оканчивались споромъ и какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Генералъ не совсѣмъ любилъ противорѣчія и возраженія, хотя въ то же время любилъ поговорить о томъ, чего не зналъ, любилъ даже и о томъ, чего не

зналъ вовсе. Тентетниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Впрочемъ, ради дочери, прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался до тѣхъ поръ, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы, графиня Бордырева и княжна Юзякина: одна — вдова, другая — старая дѣвка, обѣ фрейлины прежнихъ временъ, отчасти болтуньи, отчасти сплетницы, не весьма обворожительныя любезностію своей, но однакоже имѣвшія значительныя связи въ Петербургѣ и передъ которыми генералъ немножко даже подличалъ. Тентетникову показалось, что, съ самого дня пріѣзда ихъ, генералъ сталъ къ нему какъ-то холоднѣе, почти не замѣчалъ его и обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ, или съ чиновникомъ, употребляемымъ для порученій самыхъ мелкихъ. Онъ говорилъ ему то *братецъ*, то *любезнѣйшій* и одинъ разъ сказалъ ему даже *ты*. Андрея Ивановича взорвало; кровь бросилась ему въ голову. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ и все внутри кипѣло: »Я долженъ благодарить васъ, генералъ, за ваше расположеніе. Вы приглашаете и вызываете меня словомъ *ты* на самую тѣсную дружбу, обязывая и меня также говорить вамъ *ты*. Но позвольте вамъ замѣтить, что я помню различіе наше въ лѣтахъ, совершенно препятствующее такому фамиліарному между нами обращенію.« Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* (было имъ сказано) не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* [о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова]. Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось. Любовь кончилась при самомъ началѣ. Потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшія за тѣмъ сумерки стали еще сумрачнѣй. Байбакъ съизнова залѣзъ въ халатъ свой. Все поворотило съизнова на леженье и бездѣйствіе. Въ домѣ завелись гадость и безпорядокъ. Половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ. Панталоны заходили даже въ гостиную. На щеголеватомъ столѣ передъ диваномъ лежали засаленныя подтяжки, точно угощенье гостю, и до того

стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашніе куры. Безсильно чертилъ онъ на бумагѣ, по цѣлымъ часамъ, рогульки, домики, избы, телеги, тройки, или же выписывалъ *Милостивый Государь!* съ восклицательнымъ знакомъ, всѣми почерками и характерами. Иногда же, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку, съ тонкими, острыми чертами, съ приподнятой легкой прядью волосъ, упадавшей изъ-подъ гребня длинными тонкими кудрями, молодыми обнаженными руками, какъ-бы летѣвшую, — и въ изумленіи видѣлъ хозяинъ, что выходилъ портретъ той, которой портрета не могъ бы написать никакой живописецъ. И еще грустнѣе становилось ему потомъ и вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастія, оставался онъ на цѣлый день скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таковы были обстоятельства Андрея Ивановича Тентетникова. Вдругъ въ одинъ день, подходя къ окну обычнымъ порядкомъ, съ трубкой и чашкой въ рукахъ, замѣтилъ онъ въ дворѣ движенье и суету. Поварчонокъ и поломойка бѣжали отворять вороты, и въ воротахъ показались кони, точь въ точь, какъ лѣпятъ, или рисуютъ на тріумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налѣво, морда посерединѣ. Свыше ихъ на козлахъ — кучеръ и лакей въ широкомъ сюртукѣ, подвязанный посовымъ платкомъ. За ними господинъ въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что̀ другое, какъ рессорная бричка. Господинъ приличной наружности соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостію почти военнаго чаловѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ. Онъ принялъ его за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было-замѣшался въ одно неразумное дѣло. Какіе-то философы изъ гусаръ да недоучившійся студентъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго плута, и масона, и карточнаго игрока, пьяницы и краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ необыкновенно-обширною цѣлію доставить счастіе всему человѣчеству. Касса денегъ потребовалась огромная, пожертвованія соби-

рались съ великодушныхъ членовъ........... Куда это все пошло — зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это втянули его два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые, отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенья и прогресса, сдѣлались потомъ горькими пьяницами. Тентетниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей. А потому не мудрено, что и вышедши, и разорвавши всякія сношенія съ благодѣтелемъ человѣчества, Тентетниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ. На совѣсти было у него не совсѣмъ ловко, и теперь не безъ страха глядѣлъ онъ на долженствовавшую раствориться дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостію неимовѣрной, сохраняя почтительное положеніе головы нѣсколько на бокъ. Въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря о красотѣ мѣстъ, обиліи промысловъ и разнообразіи почвъ, что онъ увлекся картинностію мѣстоположенія его деревни; что, не смотря, однакоже, на картинность мѣстоположенія, онъ не дерзнулъ бы никакъ обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, если бы не случилось что-то бричкѣ его, требующее искусной руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, если бы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтенье. Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностію подшаркнувъ ножкой, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостію резиннаго мячика.

Андрей Ивановичъ подумалъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія, или даже предметы ископаемые. Онъ изъявилъ ему всякую готовность споспѣшествовать; предложилъ ему своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ для поправки брички; просилъ расположиться у него какъ

въ собственномъ домѣ; усадилъ обходительнаго гостя въ большія Вольтеровскія (кресла) и приготовился слушать его разсказъ, безъ сомнѣнія, объ ученыхъ и естественныхъ предметахъ.

Гость, однакоже, коснулся событій внутренняго міра. Заговорилъ о превратностяхъ судьбы; уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много мѣстъ и должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ онъ такого, изъ чего Тентетниковъ могъ видѣть, что гость его былъ скорѣе практическій человѣкъ. Въ заключеніе всего, онъ высморкался въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подъ-часъ попадается въ оркестрѣ такая пройдоха-труба, которая когда хватитъ, покажется, что крякнуло не въ оркестрѣ, но въ собственномъ ухѣ. Такой точно звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вслѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханіе одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутіемъ батистоваго носового платка.

Читатель, можетъ быть, уже догадался, что гость былъ не другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ-бы и самый фракъ на немъ немножко поустарѣлъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь, какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ-бы и самые финансы не были въ завидномъ состояніи. Но выраженье лица, приличье, обхожденье остались тѣ же. Даже какъ-бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ. Еще ловче подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла; еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженьяхъ, умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣй и чище были на немъ воротнички и манишка, и не смотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ, — хоть на именинный обѣдъ. Щеки и подбородокъ выбриты были такъ ровно и гладко, что одинъ развѣ только слѣпой могъ не любоваться пріятною выпуклостью и круглотой ихъ.

Въ домѣ произошло преобразованье. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Изъ брички стали выносить поклажу; все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ, и скоро все приняло такой видъ. Комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночного туалета. Комната, опредѣленная быть кабинетомъ.... Но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный—передъ диваномъ, другой ломберный—между окнами у стѣны, третій угольный—въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ, съ инвалидною мебелью. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, а именно: панталоны старые и новые подъ фракъ, панталоны подъ сюртукъ, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ, сюртукъ и два фрака. [Жилеты же бѣлаго пике и лѣтніе брюки отошли къ бѣлью въ комодъ]. Все это размѣстилось одно на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху шелковымъ носовымъ платкомъ. Въ другомъ углу между дверью и окномъ выстроились рядкомъ сапоги: сапоги не совсѣмъ новые, сапоги совсѣмъ новые, сапоги съ новыми головками и лакированные полусапожки. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ,—такъ, какъ-бы ихъ тамъ вовсе не было. На столѣ предъ двумя окнами помѣстилась шкатулка. На письменномъ столѣ передъ диваномъ портфель, банка съ одеколономъ, сургучъ, зубныя щетки, новый календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье все помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля помѣстилась тоже въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Та и другая комната приняли видъ чистоты и опрятности необыкновенной. Нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился. Въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мущины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ вестибульномъ залѣ покушался-было утвердиться на время запахъ служителя Петруш-

ки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненьями въ образѣ жизни и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный. Но опасенья были напрасны. Гость показалъ необыкновенно-гибкую готовность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обѣщаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеніи выразился весьма счастливо, именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалой о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Словомъ, выронилъ словъ немного, но значительныхъ. Въ поступкахъ же своихъ поступалъ еще болѣе кстати. Во́ время являлся, во́ время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда одинъ пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана серебряную съ чернью табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобье того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же, просто, по ней барабанилъ пальцами, насвистывая какое-нибудь ни то, ни сё. Словомъ, онъ не мѣшалъ хозяину никакъ. »Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить«, говорилъ про-себя Тентетниковъ. »Вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей, и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно пріятныхъ, постоянно ровнаго характера, людей, съ которыми можно бы прожить вѣкъ и не поссориться, — я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей! Вотъ единственный человѣкъ, котораго я вижу!« Такъ отзывался Тентетниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Пріотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной де-

ревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ геморoидальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна убрала его красотой несказанной. Чтò яркости въ зелени! чтò свѣжести въ воздухѣ! чтò птичьяго крику въ садахъ! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пѣла, какъ-бы новорожденная.

Чичиковъ ходилъ много. То направлялъ онъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній, въ виду растилавшихся внизу долинъ, по которымъ вездѣ оставались еще большія озера отъ разлитія воды; или же вступалъ въ овраги, едва начинавшіе убираться листьями лѣсовъ, усѣянные вороньими гнѣздами,—дерева и узкая просинь чернѣли, оглушаемыя карканьемъ воронъ, разговорами галокъ, играньями грачей, перекрестными летаньями помрачавшихъ небо; или же спускался внизъ къ поемнымъ мѣстамъ и разорваннымъ плотинамъ—глядѣть, какъ съ оглушительнымъ шумомъ неслась водà повергаться на мельничныя колеса; или же пробирался далѣе къ пристани, откуда неслись, вмѣстѣ съ теченіемъ воды, первыя суда, нагруженныя горохомъ, овсомъ, ячменемъ и пшеницей; или отправлялся въ поля на первыя весеннія работы—глядѣть, какъ свѣжая орань черной полосою проходила по земли, или же, какъ ловкій сѣятель бросалъ изъ горсти сѣмена ровно, мѣтко, ни зернышка не передавши на ту, или другую сторону. Толковалъ и говорилъ съ прикащикомъ — и что, и какъ, и каковыхъ урожаевъ нужно ожидать, и на какой ладъ идетъ у нихъ запашка, и насколько хлѣба у нихъ продается, и чтò выбираютъ весной и осенью за умолъ муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормитъ свинью, словомъ — все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ. Оказалось немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незавидно идетъ хозяйство у Тентетникова. Повсюду упущенья, нерадѣнье, воровство, не мало и пьянства. И мысленно говорилъ онъ себѣ: »Какая, однакоже, скотина Тентетниковъ! Запустить имѣніе, которое могло бы приносить по малой мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ годового доходу!« И, не будучи въ силахъ удержать справедливаго негодованья, повторялъ онъ: »Рѣшительная скотина!« Не разъ, по-

среди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому — т. е., разумѣется, не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ обыкновенно представлялась ему молодая хозяйка, свѣжая, бѣлолицая бабенка, можетъ быть, даже изъ купеческаго сословія, впрочемъ, однакоже, образованная и воспитанная, такъ какъ дворянка,—чтобы понимала и музыку, хотя конечно музыка и не главное, но почему же, если уже такъ заведено, зачѣмъ же идти противу общаго мнѣнія? Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвчонки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ по землѣ какой-нибудь тѣнью, или призракомъ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Представлялось ему и то, что не дурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный.... И много приходило ему въ голову того, что такъ часто уноситъ человѣка отъ скучной настоящей минуты, теребитъ, дразнитъ, шевелитъ его и бываетъ ему любо даже и тогда, когда онъ увѣренъ самъ, что это никогда не сбудется.

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они, такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень хорошо съ буфетчикомъ Григорьемъ, хотя сначала они важничали и надувались другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорью пыль въ глаза тѣмъ, что онъ бывалъ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ и даже въ Москвѣ; Григорій же осадилъ его съ разу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ-было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что Петрушка осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Впрочемъ кончилось между ними самой тѣсной дружбой. Дядя лысый Пименъ держалъ въ концѣ деревни знаменитый кабакъ, которому имя было Акулька. Въ этомъ заведеніи видѣли ихъ

всѣ часы дня. Тамъ стали они свои, или то, что̀ называютъ въ народѣ — кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревнѣ, что̀ ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались хороводы. Породистыя, стройныя дѣвки, какихъ трудно было найти въ другомъ мѣстѣ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя; у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ, или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и погасалъ горячо рдѣющій вечеръ, и тихо померкала вокругъ окольность, и далече за рѣкой отдавался вѣрный отголосокъ неизмѣнно грустнаго напѣва, — не зналъ онъ и самъ тогда, что̀ съ нимъ дѣлалось. Долго потомъ и на-яву, утромъ и въ сумерки, всё мерещилось ему, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки, и движется онъ въ хороводѣ.... Махнувъ рукой, говорилъ онъ: »Проклятыя дѣвки!«

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и пристяжной каурой масти, называемый засѣдателемъ, и самый чубарый, о которомъ выражался Селифанъ: подлецъ-лошадь, нашли пребыванье у Тентетникова совсѣмъ нескучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположенье конюшенъ необыкновенно удобнымъ. У всякаго стойло, хотя отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, если бы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальному, фантазія вдругъ заржать, можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились какъ дома. Читатель, можетъ быть, изумляется, что Чичиковъ доселѣ не заикнулся по части извѣстныхъ душъ. Какъ бы не такъ! Павелъ Ивановичъ сталъ очень остороженъ на-счетъ этого предмета. Если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми, онъ бы и тутъ не вдругъ его началъ. Тентетниковъ же, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего, и отчего, и почему... »Нѣтъ, чортъ его возьми! развѣ начать съ другого конца.« Такъ думалъ Чичиковъ. Раздобаривая по-часту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что ба-

ринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... Но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ всё рисовалъ какія-то головки, одна на другую похожія. Одинъ разъ послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенію, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ: »У васъ все есть, Андрей Ивановичъ; одного только не достаетъ.« — »Чего?« спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ. — »Подруги жизни«, сказалъ Чичиковъ. Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ и разговоръ кончился. Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ: »А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться.« Хоть бы слово сказалъ на это Тентетниковъ, точно какъ-бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна! Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ: »А всё-таки, какъ ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію.« Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположенье духа у Андрея Ивановича было какъ-то особенно настроено къ откровенности, — онъ вздохнулъ и сказаль, пустивши кверху трубочный дымъ: »На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Ивановичъ«, и разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло и увидѣлъ, что изъ-за одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ пристально въ глаза Тентетникову и заключилъ: »Да онъ, просто, круглый дуракъ!«

»Андрей Ивановичъ, помилуйте!« сказалъ онъ наконецъ, взявши его за обѣ руки, »какое жъ (тутъ) оскорбленіе? что̀ жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты*?«

»Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго«, сказалъ Тентетниковъ, »но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленье. *Ты* — это значитъ: »Помни, »что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого »лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина — ты знай свое

»мѣсто, стой у порога. Вотъ что̀ это значитъ!« Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженье оскорбленнаго чувства.

»Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, что̀ жъ тутъ такого?« сказалъ Чичиковъ.

»Какъ!« сказалъ Тентетниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову. »Вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка!«

»Да какой же это поступокъ? это даже не поступокъ!« сказалъ Чичиковъ.

»Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!« подумалъ про-себя Тентетниковъ.

»Какой странный человѣкъ этотъ Тентетниковъ!« подумалъ про-себя Чичиковъ.

»Это не поступокъ, Андрей Ивановичъ. Это, просто, генеральская привычка: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да впрочемъ, почему жъ этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?«

»Это другое дѣло«, сказалъ Тентетниковъ. »Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно.«

»Онъ совсѣмъ дуракъ«, подумалъ про-себя Чичиковъ. »Оборвышу позволить, а генералу не позволить! — Хорошо, положимъ, онъ васъ оскорбилъ, за то вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Но разставаться навсегда изъ пустяка, помилуйте, на что̀ же это похоже? какъ же оставлять дѣло, которое только что началось? Если избрана цѣль, тутъ нужно идти на-проломъ. Что̀ тутъ глядѣть на то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется, да вы не отыщете теперь ни одного человѣка въ свѣтѣ, который бы не плевался.«

Тентетниковъ совершенно озадачился этими словами, оторопѣлъ, глядѣлъ въ глаза Павлу Ивановичу и думалъ про себя: »Престранный, однакожъ, человѣкъ этотъ Чичиковъ!«

»Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тентетниковъ!« думалъ между тѣмъ Чичиковъ. — »Позвольте мнѣ какъ-нибудь обдѣлать это дѣло, сказалъ онъ вслухъ.« Я могу съѣздить къ его превосходи-

тельству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанію людей и свѣта.

»Подличать передъ нимъ я не намѣренъ«, сказалъ сильно Тентетниковъ.

»Сохрани Богъ подличать!« сказалъ Чичиковъ и перекрестился. »Подѣйствовать словомъ увѣщанія, какъ благоразумный посредникъ, но подличать... извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желаніе и преданность, я даже не ожидалъ, чтобы слова (мои) принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ!«

»Простите, Павелъ Ивановичъ, я виноватъ!« сказалъ тронутый Тентетниковъ, схвативши признательно обѣ его руки. »Ваше доброе участіе мнѣ дорого, клянусь! Но оставимъ этотъ разговоръ. не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!«

»Въ такомъ случаѣ я поѣду, просто, къ генералу безъ причины«, сказалъ Чичиковъ.

»Зачѣмъ?« спросилъ Тентетниковъ, въ недоумѣніи смотря на Чичикова.

»Засвидѣтельствовать почтеніе«, сказалъ Чичиковъ.

»Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!« подумалъ Тентетниковъ.

»Какой странный человѣкъ этотъ Тентетниковъ!« подумалъ Чичиковъ.

»Такъ какъ моя бричка«, сказалъ Чичиковъ, »не пришла еще въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, эдакъ около десяти часовъ, къ нему съѣздилъ.«

»Помилуйте, что̀ за просьба! Вы полный господинъ, выбирайте какой хотите экипажъ, и все въ вашемъ распоряженіи.«

Они простились и разошлись спать, не безъ размышленія о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакожe, вещь! На другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочилъ онъ въ коляску, съ ловкостью почти военнаго человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтенье генералу, Тентетниковъ пришелъ въ такое волненье духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возмущенье нервическое

обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить. Безуспѣшное старанье! Отрывки чего-то похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. »Странное состоянье!« сказалъ онъ и придвинулся къ окну — глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась не успѣвшая улечься пыль, поднятая уѣхавшей коляской. Но оставимъ Тентетникова и послѣдуемъ за Чичиковымъ.

ГЛАВА II.

Въ полчаса съ небольшимъ кони принесли Чичикова чрезъ десятиверстное пространство: сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открывались виды на отдаленья, и наконецъ широкою аллеею раскидистыхъ липъ внесли его въ генеральскую деревню. Аллея липъ превратилась въ аллею тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, и уперлась въ чугунныя сквозныя вороты, сквозь которыя глядѣлъ кудряво-великолѣпный рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь колоннъ съ Коринѳскими капителями. Пахнуло повсюду масляной краской, которою безпрерывно обновляли все, ничему не давая состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Подкативши къ подъѣзду, Чичиковъ съ почтеніемъ соскочилъ на крыльцо, приказалъ о себѣ доложить и былъ введенъ прямо въ кабинетъ къ генералу.

Генералъ поразилъ его величественной наружностію. Онъ былъ на ту пору въ атласномъ малиновомъ халатѣ. Открытый взглядъ, лицо мужественное, бакенбарды и большіе усы съ просѣдью, стрижка низкая, а на затылкѣ даже подъ гребенку, шея толстая, широкая, такъ называемая въ три этажа [три складки съ трещиной поперегъ] голосъ — басъ съ нѣкоторою охрипью, движенія генеральскія. Генералъ Батрищевъ, какъ и всѣ мы грѣшные, былъ одаренъ многими достоинствами и многими недостатками. То и другое, какъ случается въ Русскомъ человѣкѣ,

было набросано въ немъ въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Самопожертвованіе, великодушіе, въ рѣшительныя минуты храбрость, умъ и ко всему этому — изрядная подмѣсь себялюбія, честолюбія, самолюбія, мелочной щекотливости личной и многого того, безъ чего уже не обходится человѣкъ. Всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, онъ не любилъ, выражался о нихъ ѣдко, въ сардоническихъ колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось отъ него его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, въ одной изъ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ-бы въ зависимости отъ него. Въ отмщеніе, язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, критиковалъ всякое распоряженіе и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Не смотря на доброе сердце, генералъ былъ насмѣшливъ. Вообще говоря, онъ любилъ первенствовать, любилъ фиміамъ, любилъ блеснуть и похвастаться умомъ, любилъ знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ съиграть въ то же время роль Русскаго барина. Съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ кучу непріятностей, въ слѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную, величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ — онъ былъ всё тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженья, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ, если не уваженіе, то по крайней мѣрѣ робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженье и робость. Наклоня почтительно голову на бокъ, началъ онъ такъ: »Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженье къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству.«

Генералу, какъ видно, не не понравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма милостивое движенье головою, онъ сказалъ: »Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?«

»Поприще службы моей«, сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не посерединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ, »началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительсто. Дальнѣйшее же теченье оной продолжалъ въ разныхъ мѣстахъ, былъ и въ надворномъ судѣ, и въ коммиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить судну среди волнъ, ваше превосходительство. На терпѣньи, можно сказать, выросъ, терпѣніемъ воспоенъ, терпѣніемъ спеленанъ и самъ, такъ сказать, нечто̀ другое, какъ одно терпѣніе. А ужъ сколько претерпѣлъ отъ враговъ, такъ ни слова, ни кисти, ни краски не съумѣютъ передать. Теперь же, на вечерѣ, такъ сказать, жизни моей, ищу уголка, гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же, покуда, у близкаго сосѣда вашего превосходительства...«

»У кого это?«

»У Тентетникова, ваше превосходительство.«

Генералъ поморщился.

»Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаевается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженья...«

»Къ чему уваженья?«

»Къ заслугамъ вашего превосходительства«, сказалъ Чичиковъ. »Не находитъ словъ, не знаетъ, какъ загладить проступокъ. Говоритъ: »Если бы я только могъ передъ его превосходительствомъ »чѣмъ нибудь... потому что точно«, говоритъ, »умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество«, говоритъ.

»Помилуйте, что̀ жъ онъ?... Да вѣдь я не сержусь!« сказалъ смягчившійся генералъ. »Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ.«

»Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство. Преполезный человѣкъ, съ даромъ слова, и владѣетъ перомъ.«

»Но пишетъ, я чай, пустяки, какіе-нибудь, стишки.«

»Нѣтъ«, ваше превосходительство, »не пустяки...«

»Что жъ такое?«

»Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство.«

»Исторію! о чемъ исторію?«

»Исторію...« тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: »исторію о генералахъ, ваше превосходительство.«

»Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?«

»Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ«, сказалъ Чичиковъ и самъ подумалъ: »Что это я за вздоръ такой несу!«

»Извините, я не очень понимаю.... чтожъ это? выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи, и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?«

»Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году!« сказалъ Чичиковъ.

»Такъ чтожъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ.«

»Робѣетъ, ваше превосходительство.«

»Какой вздоръ! Изъ-за какого нибудь пустого слова.... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать.«

»Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ«, сказалъ Чичиковъ и въ то же время подумалъ въ себѣ: »Генералы пришлись однакоже, кстати! между тѣмъ вѣдь языкъ совершенно болтнулъ съ-дуру.«

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкафа отворилась сама собою. На обратной половинѣ растворенной двери, ухватившись чудесной рукою за ручку двери, явилась живая фигурка. Если бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сзади лампою, она бы не поразила такъ, какъ эта сіявшая жизнію фигурка, которая точно предстала затѣмъ, чтобы освѣтить комнату. Казалось, какъ бы вмѣстѣ съ нею влетѣлъ солнечный лучъ въ комнату, озарившій вдругъ и потолокъ, и карнизъ, и темные углы ея. Она казалась блистающаго

роста. Это было обольщеніе, происходившее отъ необыкновенной стройности и гармоническаго соотношенія между собою всѣхъ частей тѣла, отъ головы до пальчиковъ. Одноцвѣтное платье, на ней наброшенное, было наброшено съ такимъ (вкусомъ), что казалось—швеи столицъ совѣщались между собою, какъ бы получше убрать ее. Это былъ обманъ. Одѣлась она кое-какъ, сама собой; въ двухъ, трехъ мѣстахъ схватила непзрѣзанный кусокъ ткани, и онъ прильнулъ и расположился вокругъ нея въ такихъ складкахъ, что ваятель перенесъ бы ихъ тотчасъ же на мраморъ, и барышни, одѣтыя по модѣ, казались бы передъ ней какими-то пеструшками. Не смотря на то, что Чичикову почти знакомо было лицо ея по рисункамъ Андрея Ивановича, онъ смотрѣлъ на нее, какъ оторопѣлый, и потомъ уже замѣтилъ, что у нея былъ существенный недостатокъ, именно — недостатокъ толщины.

»Рекомендую вамъ мою баловницу!« сказалъ генералъ, обращаясь къ Чичикову. »Однакожъ я вашего имени и отчества до сихъ поръ не знаю.«

»Впрочемъ, должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, неознаменовавшаго себя доблестями?« сказалъ Чичиковъ.

»Всё же, однакожъ, нужно знать....«

»Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство«, проговорилъ Чичиковъ, съ легкимъ наклономъ головы на бокъ.

»Улинька! Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ Тентетниковъ совсѣмъ не такой глупой человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года.

Улинька вдругъ какъ бы вспыхнула и оживилась: »Да кто же думалъ, что онъ глупый человѣкъ?« проговорила она быстро. »Это могъ думать развѣ одинъ только Вишнепокромовъ, которому ты вѣришь, папа, который и пустой и низкій человѣкъ!«

»Зачѣмъ же низкій? Онъ пустоватъ, это правда«, сказалъ генералъ.

»Онъ подловатъ и гадковатъ, не только что пустоватъ«, подхватила живо Улинька. »Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ!...«

»Да вѣдь это разсказываютъ только.«

»Разсказывать не будутъ напрасно. У тебя, отецъ, добрѣйшая душа и рѣдкое сердце, но ты поступаешь такъ, что иной подумаетъ о тебѣ совсѣмъ другое. Ты будешь принимать человѣка, о которомъ самъ знаешь, что онъ дуренъ, потому что онъ только краснобай и мастеръ передъ тобой увиваться.«

»Душа моя! вѣдь мнѣ же не прогнать его«, сказалъ генералъ.

»Зачѣмъ прогонять, зачѣмъ и любить!«

»А вотъ и нѣтъ, ваше превосходительсто«, сказалъ Чичиковъ Улинькѣ, съ легкимъ наклономъ головы и пріятной улыбкой: »По Христіянству, именно такихъ мы должны любить.« И тутъ же, обратясь къ генералу, сказалъ съ улыбкой, уже не столько плутоватой: »Изволи ли, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о томъ, что̀ такое *полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ?*«

»Нѣтъ, не слыхалъ.«

»А это преказусный анекдотъ«, сказалъ Чичиковъ съ плутоватой улыбкою. »Въ имѣніи, ваше превосходительство, у князя Гукзовскаго, котораго, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, изволите знать....«

»Не знаю.«

»Былъ управитель, ваше превосходительство, изъ Нѣмцевъ, молодой человѣкъ. По случаю поставки рекрутъ и проч. имѣлъ онъ надобность пріѣзжать въ городъ и, разумѣется, подмазывать судейскихъ. Впрочемъ и они тоже полюбили, угощали его, такъ что одинъ разъ у нихъ на обѣдѣ говоритъ онъ: »Что̀жъ, господа? когда-нибудь и ко мнѣ, въ имѣніе къ князю.« Говорятъ: »Пріѣдемъ!« Скоро послѣ этого случилось выѣхать суду на слѣдствіе, по дѣлу, случившемуся во владѣніяхъ графа Трехметьева, котораго, ваше превосходительство, безъ сомнѣнія, тоже изволите знать.«

»Не знаю.«

»Самого-то слѣдствія они не дѣлали, а всѣмъ судомъ заворотили на экономическій дворъ, къ старому графскому эконому, да три дни и три ночи безъ просыпу въ карты. Самоваръ, пуншъ, разумѣется, со стола не сходятъ. Старику-то они ужъ и надоѣли: Чтобы какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлаться, онъ и говоритъ: »Вы »бы, господа, заѣхали къ княжескому управителю Нѣмцу: онъ

недалеко отсюда.« — »А и въ самомъ дѣлѣ«, говорятъ, и съ-полупьяна, небритые и заспанные, какъ были, на телеги да и къ Нѣмцу.... А Нѣмецъ, ваше превосходительство, надобно знать, въ это время только что женился. Женился на институткѣ, молоденькой, субтильной [Чичиковъ выразилъ въ лицѣ своемъ субтильность]. Сидятъ они двое за чаемъ, ни о чемъ не думая, вдругъ отворяются двери — и ввалилось сонмище.

»Воображаю — хороши!« сказалъ генералъ смѣясь.

»Управитель такъ и оторопѣлъ. Не нашелся, потерялся и говоритъ: »Что̀ вамъ угодно?«—»А!« говорятъ, »такъ вотъ какъ!« и вдругъ, съ этимъ словомъ, перемѣна лицъ и физіогномій.... »За дѣ»ломъ. Сколько вина выкуривается по имѣнію? покажите книги!« Тотъ сюды-туды. »Эй, понятыхъ!« Взяли, связали да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ Нѣмецъ въ тюрьмѣ.

»Вотъ на!« сказалъ генералъ.

Улинька всплеснула руками.

»Жена хлопотать!« продолжалъ Чичикокъ. »Ну, что̀жъ можетъ какая-нибудь неопытная молодая женщина? Спасибо, что случились добрые люди, которые посовѣтовали пойти на мировую. Отдѣлался онъ двумя тысячами да угостительнымъ обѣдомъ. И на обѣдѣ, когда всѣ уже развеселились, и онъ также, вотъ и говорятъ они ему: »Не стыдно ли тебѣ такъ поступать съ нами? Ты всё бы хотѣлъ насъ видѣть прибранными, да выбритыми, да во фракахъ. Нѣтъ, *ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ.*«

Генералъ расхохотался; болѣзненно застонала Улинька.

»Я не понимаю, папа, какъ ты можешь смѣяться!« сказала она быстро. Гнѣвъ отемнилъ ея прекрасный лобъ.... »Безчестнѣйшій поступокъ, за который я не знаю, куда бы ихъ слѣдовало всѣхъ услать....«

»Другъ мой, я ихъ ни чуть не оправдываю«, сказалъ генералъ; »но что̀ же дѣлать, если смѣшно? Какъ бышь? полюби насъ бѣленькими....«

»Черненькими, ваше превосходительство«, подхватилъ Чичиковъ.

»Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полю-

бить. Ха, ха, ха, ха!« И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густые эполеты, тряслись, точно какъ-бы носили и понынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междуметіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву *е*: хе, хе, хе, хе! и туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, ибо не носили густыхъ эполетъ.

»Воображаю — хорошъ былъ небритый судъ«! говорилъ генералъ, продолжая смѣяться.

»Да, ваше превосходительство, какъ бы то ни было, трехъдневное бдѣніе безъ просыпу, тотъ же постъ: поизнурились, поизнурились«, говорилъ Чичиковъ, продолжая смѣяться.

Улинька опустилась въ кресла и, закрывъ рукой прекрасные глаза, какъ-бы досадуя на то, что не съ кѣмъ подѣлиться негодованіемъ, сказала она: »Я не знаю, меня только беретъ досада.«

Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно странны были своею противоположностію тѣ чувства, которыя были въ сердцахъ бесѣдовавшихъ людей. Одному была смѣшна неповоротливая неnaходчивость Нѣмца; другому смѣшно было, что смѣшно изворотились плуты; третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступокъ. Не было только четвертаго, который бы задумался именно надъ этими словами, произведшими смѣхъ въ одномъ и грусть въ другомъ. Что̀ значитъ, однакоже, что и въ паденіи своемъ гибнущій грязный человѣкъ требуетъ любви къ себѣ? Животный ли инстинктъ это? или слабый крикъ души, заглушенной гнетомъ подлыхъ страстей, еще пробивающійся сквозь деревенящую кору мерзостей, еще вопіющій: »Братъ, спаси!« Не было четвертаго, которому бы тяжелѣй всего была погибающая душа его брата.

»Я не знаю«, говорила Улинька, отнимая отъ лица руку, »меня только досада беретъ.«

»Только пожалуйста не гнѣвайся на насъ, сказалъ генералъ. Мы тутъ ни въ чемъ невиноваты. Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ, потому что я сейчасъ буду одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты обѣдаешь у меня?« сказалъ онъ, вдругъ обращаясь къ Чичикову.

»Если только, ваше превосходительство....«

»Безъ церемоній. Щи есть.«

Чичиковъ пріятно наклонилъ голову, и когда приподнялъ потомъ ее вверхъ, онъ уже не увидалъ Улиньки. Она исчезнула. На мѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лаханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

»Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?« сказалъ генералъ, скидая халатъ и засучивая рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ.

»Помилуйте, не только одѣваться, но можете совершать при мнѣ все, что угодно вашему превосходительству«, сказалъ Чичиковъ.

Генералъ сталъ умываться, брызгаясь и фыркая какъ утка. Вода съ мыломъ летала во всѣ стороны.

»Какъ бишь, сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою толстую шею? полюби насъ бѣленькими...

»Черненькими, ваше превосходительство.«

»Полюби насъ черненькими, а бѣленькими, насъ всякій полюбитъ. Очень, очень хорошо!«

Чичиковъ былъ въ духѣ необыкновенномъ. Онъ чувствовалъ какое-то вдохновеніе. »Ваше превосходительство«, сказалъ онъ.

»Что?« сказалъ генералъ.

»Есть еще одна исторія.«

»Какая?«

»Исторія тоже смѣшная, но мнѣ-то отъ ней не смѣшно, даже такъ, что если, ваше превосходительство...«

»Какъ такъ?«

»Да вотъ, ваше превосходительство, какъ«!... Тутъ Чичиковъ осмотрѣлся и, увидя, что каммердинеръ съ лаханкою вышелъ, началъ такъ: »Есть у меня дядя, дряхлый старикъ. У него триста душъ и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣніемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ! »Я, говоритъ, племянника не знаю; можетъ быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный человѣкъ, пусть пріобрѣтетъ самъ собой триста душъ, тогда я ему отдамъ и свои триста душъ.«

»Какой дуракъ!«

»Справедливо изволили замѣтить, ваше превосходительство. Но представьте же теперь мое положеніе.« Тутъ Чичиковъ, пони-

зивши голосъ, сталъ говорить какъ-бы по секрету: — »У него въ домѣ, ваше превосходительство, есть ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ.«

»Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего«, сказалъ генералъ! Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить.«

»Я придумалъ вотъ что. Теперь, покуда новыя ревижскія сказки не поданы у помѣщиковъ большихъ имѣній, наберется немало, на ряду съ душами живыми, отбывшихъ и умершихъ... Такъ если, напримѣръ, ваше превосходительство, передадите мнѣ ихъ въ такомъ видѣ, какъ-бы онѣ были живыя, съ совершеньемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику и онъ, какъ ни вертись, а наслѣдство бы мнѣ отдалъ.«

Тутъ Генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ. Какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камендинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

»Папа, что съ тобой случилось?

»Ничего, мой другъ. Ступай къ себѣ, мы сей-часъ явимся обѣдать. Ха, ха, ха!«

И нѣсколько разъ, задохнувшись, вырывался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь, отъ передней до послѣдней комнаты, въ высокихъ, звонкихъ генеральскихъ покояхъ.

Чичиковъ съ безпокойствомъ ожидалъ конца этому необыкновенному смѣху.

»Ну, братъ, извини: тебя самъ чортъ угораздилъ на этакую штуку. Ха, ха, ха! Попотчивать старика, подсунуть ему мертвыхъ! ха, ха, ха, ха! Дядя-то, дядя! въ какихъ дуракахъ дядя! ха, ха, ха, ха, ха!«

Чичиковъ находился нѣсколько даже въ конфузномъ положеніи. Тутъ же стоялъ камердинеръ, разинувши ротъ и выпуча глаза.

»Ваше превосходительство, вѣдь смѣхъ этотъ выдумали слезы«, сказалъ онъ.

»Извини, братъ! Ну, уморилъ. Да я бы пять-сотъ-тысячъ далъ за то только, чтобы посмотрѣть на твоего дядю въ то время, какъ ты поднесешь ему купчую на мертвыя души. До что онъ? слишкомъ старъ? Сколько ему лѣтъ?«

»Восемьдесятъ лѣтъ, ваше превосходительство. Но это келейное, я бы... чтобы.....« Чичиковъ посмотрѣлъ значительно въ лицо генерала и въ то же время искоса на каммердинера.

»Поди вонъ, братецъ. Придешь послѣ«, сказалъ Генералъ камендинеру. Усачъ удалился.

»Да, ваше превосходительство... это, ваше превосходительство, дѣло такое, что я бы хотѣлъ держать его въ секретѣ.«

»Разумѣется, я это очень понимаю. Экой дуракъ старый! Вѣдь придетъ же въ 80 лѣтъ этакая дурь въ голову! Да что онъ съ виду какъ? бодръ? держится еще на ногахъ?«

»Держится, но съ трудомъ.«

»Экой дуракъ! И зубы есть?«

»Два зуба всего, ваше превосходительство.«

»Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись..... вѣдь онъ оселъ.«

»Точно такъ, ваше превосходительство. Хоть онъ мнѣ и родственникъ, и тяжело сознаться въ этомъ, но дѣйствительно—оселъ.« Впрочемъ, какъ читатель можетъ смекнуть и самъ, Чичикову не тяжело было въ этомъ сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя. »Такъ если, ваше превосходительство, будете уже такъ добры...«

»Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ житьемъ! Возьми себѣ все кладбище! ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ! ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ! ха, ха, ха, ха!« И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ. (1)

ГЛАВА III.

»Нѣтъ, я не такъ«, говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ, »нѣтъ, я не такъ распо-

(1) *Примѣчаніе С. П. Шевырева.* Здѣсь пропущено примиреніе генерала Бетрищева съ Тентетниковымъ; обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о двѣнадцатомъ годѣ; помолвка Улиньки за Тентетникова; молитва ея и плачь на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его, для извѣщенія о помолвкѣ дочери и ѣдетъ къ одному изъ этихъ родственниковъ, полковнику Кошкареву.

ряжусь. Какъ только, дастъ Богъ, все покончу благополучно и сдѣлаюсь дѣйствительно состоятельнымъ, зажиточнымъ человѣкомъ, я поступлю тогда совсѣмъ иначе: будетъ у меня тогда и поваръ, и домъ, какъ полная чаша, но будетъ и хозяйственная часть въ порядкѣ. Концы сведутся съ концами, да понемножку всякій годъ будетъ откладываться сумма и для потомства, если только Богъ пошлетъ женѣ плодородіе, эй ты — дурачина!«

Селифанъ и Петрушка оглянулися оба съ козелъ.

»А куда ты ѣдешь?«

»Да такъ изволили приказывать, Павелъ Ивановичъ! къ полковнику Кошкареву«, сказалъ Селифанъ.«

»А дорогу распросилъ?«

»Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ оно-съ... Генеральскаго конюха только видѣлъ... а Петрушка распрашивалъ у кучера.«

»Вотъ и дуракъ! На Петрушку сказано — не полагаться: Петрушка — бревно.«

»Вѣдь тутъ не мудрость какая«, сказалъ Петрушка, глядя искоса: окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять попрямѣй, ничего больше и нѣтъ.«

»А ты, окромѣ сивухи, ничего больше, чай, и въ ротъ не бралъ? Чай, и теперь налимонился?«

Увидя, что рѣчь повернула вона въ какую сторону, Петрушка закрутилъ только носомъ. Хотѣлъ онъ было сказать, что даже и не пробовалъ, да ужъ какъ-то и самому стало стыдно.

»Въ коляскѣ-съ хорошо-съ ѣхать, сказалъ Селифанъ, оборотившись.«

»Что?«

»Говорю, Павелъ Ивановичъ, что въ коляскѣ вашей милости хорошо-съ ѣхать, получше-съ, какъ въ бричкѣ, — не трясетъ.«

»Пошелъ, пошелъ! Тебя вѣдь не спрашиваютъ объ этомъ.«

Селифанъ хлеснулъ слегка бичомъ по крутымъ бокамъ лошадей и поворотилъ рѣчь къ Петрушкѣ: »Слышь, баринъ полковникъ Кошкаревъ мужика одѣлъ, говорятъ, какъ Нѣмца; поодаль и не узнаешь; выступаетъ по-журавлиному, какъ Нѣмецъ. И на бабѣ не то, чтобы платокъ, какъ бываетъ, пирогомъ, или кокошникъ на

головѣ, а Нѣмецкій капоръ такой, какъ Нѣмки, знаешь, въ капорахъ,—такъ капоръ теперь, — называется, знашь, капоръ,—нѣмецкій такой капоръ...«

»А тебя какъ бы нарядить Нѣмцемъ да въ капоръ!« сказалъ Петрушка, острясь надъ Селифаномъ и ухмыльнувшись.« Но что за рожа вышла изъ этой усмѣшки! И подобія не было на усмѣшку. Точно какъ-бы человѣкъ, доставши себѣ въ носъ насморкъ и сплясь при насморкѣ чихнуть, не чихнулъ, потомъ и остался въ положеніи человѣка, собирающагося чихнуть.

Чичиковъ заглянулъ изъ-подъ низа ему въ рожу, желая знать, что тамъ дѣлается, и сказалъ: »Хорошъ! а еще воображаетъ, что красавецъ!« Надобно сказать, что Павелъ Ивановичъ серьезно былъ увѣренъ въ томъ, что Петрушка влюбленъ въ красоту свою, тогда какъ послѣдній временами позабывалъ, есть ли у него даже рожа.

»Вотъ какъ бы догадались было, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ Селифанъ, оборотившись съ козелъ«, чтобы выпросить у Андрея Ивановича другого коня, въ обмѣнъ на чубараго; онъ бы, по дружественному расположенію къ вамъ, не отказалъ бы, а это конь-съ, право, подлецъ-лошадь и помѣха.«

»Пошелъ, пошелъ, не болтай!« сказалъ Чичиковъ и про-себя подумалъ: »Въ самомъ дѣлѣ, напрасно я не догадался.«

Легкимъ ходомъ неслась тѣмъ временемъ легкая на ходу коляска. Легко подымалась и вверхъ, хотя подъ-часъ и неровна была дорога; легко опускалась и подъ гору, хотя были спуски и проселочныхъ дорогъ. Съ горы спустились. Дорога шла лугами черезъ извивы рѣки, мимо мельницъ. Вдали выступали картинами одна изъ-за другой осиновыя рощи; вблизи же пролетали быстро кусты лозъ, тонкія ольхи и серебристыя тополи, ударявшія вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза, или даже придержать рукою не догадался, все надѣясь на то, что этого дальше не случится. Деревья же становились гуще. Къ осинамъ и ольхамъ начала присоединяться береза, и скоро образовалась лѣсная гущина. Свѣтъ солнца сокрылся. Затемнѣли сосны и ели. Все, казалось, готовилось пре-

вратиться въ ночь. Непробудный мракъ безконечнаго лѣса сгущался и, казалось, готовился превратиться въ ночь. И вдругъ промежъ деревъ свѣтъ, тамъ и тамъ промежъ вѣтвей и пней, точно живое серебро, или зеркала. Лѣсъ сталъ освѣщаться, деревья рѣдѣть, послышались крики — и вдругъ передъ ними озеро. Водная равнина версты четыре въ поперечникѣ, вокругъ дерева, позади ихъ избы. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Посреди ихъ плавалъ, проворно кричалъ и хлопоталъ за всѣхъ круглый человѣкъ, такой же мѣры въ вышину какъ и въ толщину, круглый кругомъ, точный арбузъ. По причинѣ толщины, онъ уже не могъ ни въ какомъ случаѣ потонуть и какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы всё его выносила на верхъ, и если бы сѣло къ нему на спину еще двое человѣкъ, онъ бы какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая, пуская носомъ и ртомъ пузыри.

»Этотъ, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ, »долженъ быть баринъ« полковникъ Кошкаревъ.«

»Отчего?«

»Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.«

Крики между тѣмъ становились явственнѣе. Скороговоркой и звонко выкрикивалъ баринъ-арбузъ: »Передавай, передавай, Денисъ, Козьмѣ! Козьма, бери хвостъ у Дениса! Ѳома Большой напирай туда же, гдѣ и Ѳома Меньшой! Заходи справа, справа заходи! Стой, стой, чортъ васъ побери обоихъ! Запутали меня самого въ неводъ! Зацѣпили, говорю, проклятые, зацѣпили за пупъ!«

Влачители праваго крыла остановились, увидя, что дѣйствительно непредвидѣнная оказія: баринъ запутался въ сѣти.

»Вишь ты«, сказалъ Селифанъ Петрушкѣ, »потащили барина, какъ рыбу.«

Баринъ барахтался и, желая выпутаться, перевернулся на спину, брюхомъ вверхъ и запутался еще (болѣе) въ сѣтку. Боясь оборвать сѣть, плылъ онъ вмѣстѣ съ пойманною рыбою, приказавши себя перехватить только впоперегъ веревкой. Перевязавши его веревкой, бросили конецъ ея на берегъ. Человѣкъ съ двадцать ры-

баковъ, стоявшихъ на берегу, подхватили конецъ и стали бережно тащить его. Добравшись до мелкаго мѣста, баринъ сталъ на ноги, покрытый клѣтками сѣти, какъ въ лѣтнее время дамская ручка подъ сквозной перчаткой,— взглянулъ на берегъ вверхъ и увидѣлъ гостя, въ коляскѣ въѣзжавшаго на плотину. Увидя гостя, кивнулъ онъ головой. Чичиковъ снялъ картузъ и учтиво раскланялся съ коляски.

»Обѣдали?« закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же — на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

»Нѣтъ«, сказалъ Чичиковъ.

»Ну, такъ благодарите же Бога.«

»А что?« спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузъ.

»А вотъ что!« сказалъ баринъ, очутившійся на берегу вмѣстѣ съ коропами и карасями, которые были у ногъ его и прыгали на аршинъ отъ земли. »Это ничего, на это не глядите; а вотъ штука, вонъ гдѣ!—А покажи-ка, Ѳома Большой, осетра.« Два здоровыхъ мужика вытащили изъ кадушки какое-то чудовище. »Каковъ князекъ? изъ рѣки зашелъ!«

»Да это цѣлый князь!« сказалъ Чичиковъ.

»Вотъ то-то же. Поѣзжайте-ка вы теперь впередъ, а я за вами. Кучеръ, ты, братецъ, возьми дорогу пониже, черезъ огородъ. Побѣги, телепень Ѳома Меньшой, снять перегородку, а я за вами какъ тутъ, прежде чѣмъ успѣете оглянуться.«

»Полковникъ чудаковатъ«, думалъ (Чичиковъ), проѣхавши наконецъ безконечную плотину и подъѣзжая къ избамъ, изъ которыхъ однѣ, подобно стаду утокъ, разсыпались по косогору возвышенья, а другія стояли внизу на сваяхъ, какъ цапли. Сѣти, невода, бредни развѣшены были повсюду. Ѳома Меньшой снялъ перегородку; коляска проѣхала огородами и очутилась на площади возлѣ устарѣвшей деревяной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши господскихъ строеній.

»А вотъ я и здѣсь!« раздался голосъ съ боку. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что баринъ уже ѣхалъ возлѣ него на дрожкахъ.

Травяно-зеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны и шея безъ галстука, на манеръ Купидона. Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Чичиковъ хотѣлъ-было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались на другой сторонѣ и только слышался голосъ: »Щуку и семь карасей отнесите повару-телепню, а осетра подавай сюда: я его свезу самъ на дрожкахъ.« Раздались снова голоса: »Ѳома Большой да Ѳома Меньшой! Кузьма да Денисъ!« Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленью его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятья. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались троекратно навкрестъ.

»Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства«, сказалъ Чичиковъ.

»Отъ какого превосходительства?«

»Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича.«

»Кто это Александръ Дмитріевичъ?«

»Генералъ Бетрищевъ«, отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

»Не знаю-съ, незнакомъ.«

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

»Какъ же это?... Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?«

»Петръ Петровичъ Пѣтухъ, Пѣтухъ Петръ Петровичъ«, подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ. »Вотъ тебѣ на! Какъ же вы, дураки«, сказалъ онъ, оборотясь къ Селифану и Петрушкѣ, которые оба разинули рты и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски, »какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано — къ полковнику Кашкареву... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...«

»Ребята сдѣлали отлично!« сказалъ Петръ Петровичъ. »За это вамъ по чапорухѣ водки и кулебяка въ придачу. Откладывайте коней и ступайте!«

»Я совѣщусь«, говорилъ Чичиковъ раскланиваясь: »такая нежданая ошибка...

»Не ошибка«, живо проговорилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, »не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажите: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу«, сказалъ (онъ), взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренній покой. Чичиковъ чинясь проходилъ въ дверь бокомъ, чтобы дать и хозяину пройти съ нимъ вмѣстѣ; но это напрасно: хозяинъ бы не прошелъ, да его уже и не было. Слышно было только, какъ раздавались его рѣчи по двору: »Да что же Ѳома Большой? зачѣмъ онъ до сихъ поръ не здѣсь? Ротозѣй Омельянъ, бѣги къ повару-телепню, чтобы потрошилъ поскорѣй осетра. Молоки, икру, потроха и лещей въ уху, а карасей — въ соусъ. Да раки, раки, ротозѣй Ѳома Меньшой! гдѣ же раки? раки, говорю, раки?!« И долго раздавалось всё — раки да раки.

»Ну, хозяинъ захлопотался«, сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла и осматривая углы и стѣны.

»А вотъ я и здѣсь«, сказалъ входя хозяинъ и ведя за собой двухъ юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ, — тонкіе, точно ивовые хлысты; выгнало ихъ вверхъ почти на цѣлый аршинъ выше Петра Петровича.

»Сыны мои, гимназисты. Пріѣхали на праздники.—Николаша, ты побудь съ гостемъ, а ты, Алексаша, ступай за мною.«

И снова исчезнулъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша былъ говорливъ. Онъ разсказалъ, что у нихъ въ гимназіи не очень хорошо учатъ, что больше благоволятъ къ тѣмъ, которыхъ маменьки шлютъ побогаче подарки, что въ городѣ стоитъ Ингерманландскій гусарскій полкъ, что у ротмистра Вѣтвицкаго лучше лошадь, нежели у самого полковника, хотя поручикъ Взъёмцевъ ѣздитъ гораздо его почище.

»А что, въ какомъ состояніи имѣніе вашего батюшки?« спросилъ Чичиковъ.

»Заложено«, сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостинной, »заложено!«

Чичикову хотѣлось сдѣлать то же самое движеніе губами, которое дѣлаетъ человѣкъ, какъ дѣло идетъ на нуль и оканчивается ничѣмъ.

»Зачѣмъ же вы заложили?« спросилъ онъ.

»Да такъ. Всѣ пошли закладывать, такъ зачѣмъ же отставать отъ другихъ? Говорятъ, выгодно. Притомъ же всё жилъ здѣсь, дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ.«

»Дуракъ, дуракъ!« думалъ Чичиковъ: »промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотышками. Оставался бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ.«

»А вѣдь я знаю, что̀ вы думаете?« сказалъ Пѣтухъ.

»Что̀?« спросилъ Чичиковъ, смутившись.

»Вы думаете: »Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ! зазвалъ обѣ»дать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ.« Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ.

»Батюшка! Платонъ Михайлычъ ѣдетъ!« сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

»Верхомъ на гнѣдой лошади!« подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну. »Ты думаешь, Алексаша, нашъ чагравый хуже его?«

»Хуже не хуже, но выступка не такая.«

Между ними завязался споръ о гнѣдомъ и чагравомъ. Между тѣмъ вошелъ въ комнату красавецъ — высокаго, стройнаго роста, свѣтлорусыя блестящія кудри и темные глаза. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, вошелъ вслѣдъ за нимъ.

»Обѣдали?« Спросилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

»Обѣдалъ«, сказалъ гость.

»Что̀ жъ вы, смѣяться, что̀ ли, надо мной пріѣхали?« сказалъ сердясь Пѣтухъ. »Что̀ мнѣ въ васъ послѣ обѣда?«

»Впрочемъ, Петръ Петровичъ«, сказалъ гость усмѣхнувшись, »могу васъ утѣшить тѣмъ, что ничего не ѣлъ за обѣдомъ: совсѣмъ нѣтъ аппетита.«

»А каковъ былъ уловъ, если бы вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Карасей и не считали.«

»Даже завидно васъ слушать«, сказалъ гость. »Научите меня быть такимъ веселымъ, какъ вы.«

»Да отчего же скучать? помилуйте!« сказалъ хозяинъ.

»Какъ отчего скучать? оттого что скучно.«

»Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько по-

обѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку. Прежде никто не скучалъ.«

»Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?«

»Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Поутру проснешься — вѣдь нужно пить чай; тутъ прикащикъ, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть, а тутъ и ужинъ, а послѣ пришелъ поваръ— заказывать нужно на завтра обѣдъ. Когда же скучать?«

Во все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя.

Платонъ Михайлычъ Платоновъ былъ Ахиллесъ и Парисъ вмѣстѣ: стройное сложеніе, картинный ростъ, свѣжесть—все было собрано въ немъ. Пріятная усмѣшка, съ легкимъ выраженіемъ ироніи, какъ-бы еще усиливала его красоту. Но не смотря на все это, было въ немъ что-то неоживленное и сонное. Страсти, печали и потрясенія не прорѣзали морщинъ на дѣвственномъ, свѣжемъ его лицѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его.

»Признаюсь, я тоже«, произнесъ Чичиковъ, »не могу понять, если позволите такъ замѣтить, не могу понять, какъ при такой наружности, какъ ваша, скучать. Конечно, могутъ быть причины другія: недостача денегъ, притѣсненія отъ какихъ-нибудь злоумышленниковъ, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь.«

»Въ томъ-то и дѣло, что ничего этого нѣтъ«, сказалъ Платоновъ. »Повѣрите ли, что иной разъ я бы хотѣлъ, чтобы это было, чтобы была какая-нибудь тревога и волненіе, ну хоть бы просто, разсердилъ меня кто-нибудь. Но нѣтъ! Скучно да и только.«

»Не понимаю. Но, можетъ быть, имѣніе у васъ недостаточное, малое количество душъ?«

»Ничуть: у насъ съ братомъ земли по десять тысячъ десятинъ и при нихъ тысяча душъ крестьянъ.«

»И при этомъ скучать — непонятно! Но, можетъ быть, имѣніе въ безпорядкѣ? Былъ неурожай, много людей вымерло?«

»Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ.«

»Не понимаю!« сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

»А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ«, сказалъ хозяинъ.

»Бѣги, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?«

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ — икра, сыры, соленые грузди, опенки, да новое принесли изъ кухни что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка были народъ хорошій и расторопный. Названіе это хозяинъ давалъ только потому, что безъ прозвищъ все какъ-то выходило прѣсно, а онъ прѣснаго не любилъ. Самъ былъ добръ душой, но словцо любилъ прямое. Впрочемъ и люди за это не сердились.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ, подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: »Безъ пары ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ.« Съѣдалъ гость два—подкладывалъ ему третій, приговаривая: »Что жъ за число два? Богъ любитъ троицу.« Съѣдалъ гость три — онъ ему: »Гдѣ жъ бываетъ телега о трехъ колесахъ? Кто жъ строитъ избу о трехъ углахъ?« На четыре у него была опять поговорка, на пять тоже.

Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: »Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ.« Не тутъ то было: Не говоря ни слова, хозяинъ положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жареннаго на вертелѣ, лучшую часть, какая ни была, съ почками, да и какого теленка!

»Два года воспитывалъ на молокѣ«, сказалъ хозяинъ, »ухаживалъ, какъ за сыномъ!«

»Не могу«, сказалъ Чичиковъ.

»Да вы попробуйте, да потомъ скажите *не могу!*«

»Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.«

»Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій — нашлось. А вѣдь была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій.«

Попробовалъ Чичиковъ — дѣйствительно кусокъ былъ въ родѣ городничаго. Нашлось ему мѣсто, а казалось—ничего нельзя помѣстить.

Съ винами была та же исторія. Получивши деньги изъ ломбарда, Петръ Петровичъ запасся провизіей на десять лѣтъ впередъ. Онъ то и дѣла, подливалъ да подливалъ; чего жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой, а встали изъ-за стола — какъ-бы ни въ чемъ не бывали, точно выпили по стакану воды. Съ гостьми было не то: въ-силу, въ-силу перетащились они на балконъ и въ-силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его превратилась въ кузнечный мѣхъ; черезъ открытый ротъ и носовые продухи началъ онъ издавать звуки, какіе не бываютъ и въ новой музыкѣ. Тутъ было все — и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый звукъ, точно собачій лай.

»Экъ его насвистываетъ!« сказалъ Платоновъ. Чичиковъ разсмѣялся.

»Разумѣется, если этакъ пообѣдать«, заговорилъ Платоновъ, »какъ тутъ прійти скукѣ! тутъ сонъ пріидетъ.«

»Да«, говорилъ Чичиковъ лѣниво. Глазки стали у него необыкновенно маленькіе. »А всё-таки, однакожъ, извините, не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ!«

»Какія же?«

»Да мало ли для молодого человѣка! Можно танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ... а не то — жениться.«

»На комъ? скажите.«

»Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?«

»Да нѣтъ.«

»Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить.« И богатая мысль сверкнула вдругъ въ головѣ Чичикова. Глаза его стали побольше. »Да вотъ прекрасное средство!« сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

»Какое?«

»Путешествіе.«

»Куда жъ ѣхать?«

»Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной«, сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: »А это было бы хорошо: тогда бы можно издержки по поламъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ.«

»А вы куда ѣдете?«

»Да какъ сказать — куда? Ѣду я, покамѣстъ, не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и можно сказать благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ... Конечно родственники родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя: ибо видѣть свѣтъ, коловращенье людей — кто что ни говори, есть какъ-бы живая книга, вторая наука.«

Платоновъ задумался.

Чичиковъ тоже между тѣмъ такъ помышлялъ: »Право, было бы хорошо! Можно даже и такъ, что всѣ издержки будутъ на его счетъ. Можно даже сдѣлать и такъ, чтобы отправиться на его лошадяхъ, а мои покормятся у него въ деревнѣ, и въ дорогу взять его коляску.«

»Что жъ? почему жъ не проѣздиться?« думалъ между тѣмъ Платоновъ. »Авось-либо будетъ повеселѣе. Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало быть, разстройства никакого. Почему жъ въ самомъ дѣлѣ не проѣздиться? — А согласны ли вы«, сказалъ онъ вслухъ, »погостить у брата денька два? Безъ этого онъ меня не отпуститъ.«

»Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три.«

»Ну, если такъ, — по рукамъ! ѣдемъ!« оживясь сказалъ Платоновъ.

»Браво!« сказалъ Чичиковъ, хлопнувъ по рукѣ его: »ѣдемъ!«

»Куда? куда?« сказалъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. »Нѣтъ, государи, и колеса приказано снять съ вашей коляски, а вашъ жеребецъ, Платонъ Михайлычъ, отсюда за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ.«

»Вотъ тебѣ на!« подумалъ Чичиковъ. Платоновъ ничего на это не сказалъ, зная, что Пѣтухъ держался обычаевъ своихъ крѣпко. Нужно было остаться.

Зато награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами на обѣ стороны. Хоть бы струйкой шевельнулись воды. На катерѣ они пили съ калачами чай, подходя ежеминутно подъ протянутые вноперегъ рѣки канаты для ловли рыбы снастію. Еще до чаю успѣлъ раздѣться и выпрыгнуть въ рѣку (хозяинъ); тамъ барахтался и шумѣлъ съ полчаса съ рыбаками, покрикивая на Ѳому Большого и Козьму. Нахлопотавшись, намерзнувшись въ водѣ, очутился на катерѣ съ аппетитомъ и такъ пилъ чай, что было завидно. Тѣмъ временемъ солнце зашло. Румяный вечеръ разливался въ чистомъ небѣ. Осталась небесная ясность. Крики отдавались звонко. Намѣсто рыбаковъ — повсюду группы купающихся ребятишекъ. Хлопанье по водѣ, смѣхъ отдавались далече. Гребцы хватили разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ, и катеръ самъ собою, какъ легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Здоровый, свѣжій дѣтина, третій отъ руля, запѣвалъ звонко одинъ, выработывая чистымъ голосомъ; пятеро подхватывали, шестеро выносили — и разливалась безпредѣльная какъ Русь пѣсня; и, заслонивши ухо рукой, какъ-бы хотѣли пѣвцы потеряться въ ея безпредѣльности. Становилось какъ-то льготно, и думалъ Чичиковъ: »Эхъ, право, заведу себѣ когда-нибудь деревеньку!« — »Ну что тутъ хорошаго«, думалъ Платоновъ, »въ этой заунывной пѣснѣ? отъ ней еще бо́льшая тоска находитъ на душу.«

Возвращались назадъ уже сумерками. Весла ударяли въ-потьмахъ по водамъ, уже неотражавшимъ неба. Едва видны были по берегамъ огоньки. Береговъ не было. Мѣсяцъ подымался, когда они пристали къ берегу. Повсюду на треногахъ варили рыбью уху, всё изъ ершей да изъ животрепещущихъ рыбъ. Все уже было дома. Гуси, коровы, козы давно уже были пригнаны, и самая пыль отъ нихъ давно уже улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ стояли у воротъ, ожидая крынки молока и приглашенья на уху Тамъ и тамъ слышались говоръ и гомонъ людской, громкое лаянье

собакъ своей деревни и отдаленное чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался; стали озаряться потемки; и все наконецъ озарилось — и озеро, и избы; поблѣднѣли огни; сталъ виденъ дымъ изъ трубъ, осеребренный лучами. Николаша и Алексаша пронеслись передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга. Пыль за ними — какъ отъ стада барановъ. »Эхъ, право, заведу когда-нибудь деревеньку!« думалъ Чичиковъ. Бабенка и маленькіе Чичиковы начали ему снова представляться. Кого жъ не разогрѣетъ такой вечеръ!

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: »Барабанъ!« сказалъ (онъ); »никакой городничій не взойдетъ!« — Надобно же было (встрѣтиться) такому стеченью обстоятельствъ! За стѣной находился кабинетъ хозяина, стѣна была тонкая, и слышалось все, что тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрешній день, рѣшительный обѣдъ, и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ. И губами подсасывалъ, и причвакивалъ. Раздавалось только: »Да поджарь, да дай взопрѣть хорошенько!« А поваръ приговаривалъ тоненькой фистулой: »Слушаю-съ. Можно-съ. Можно-съ и такой.«

»Да кулебяку сдѣлай на четыре угла. Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязиги, въ другой запусти гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого... какого-нибудь тамъ того...«

»Слушаю-съ. Можно будетъ и такъ.«

»Да чтобы она съ одного боку — понимаешь? подрумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то, исподку — понимаешь? пропеки такъ, чтобы разсыпалась, чтобы всю ее проняло, знаешь, сокомъ, чтобы и не услышалъ ее во рту, какъ снѣгъ бы растаяла.«

»Чортъ побери!« думалъ Чичиковъ ворочаясь: »просто, не дастъ спать!«

»Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычокъ. Положи кусочекъ льду, чтобы онъ выхухнулъ хорошенько. Да чтобы къ осетру обкладка, гарниръ-то, гарниръ чтобы былъ побогаче. Обложи его раками да

поджаренной маленькой рыбкой, да приложи фаршецемъ изъ снѣточковъ, да подбавь мелкой сѣчки, хрѣнку, да груздиковъ, да рѣпушки, да морковки, да бобковъ, да нѣтъ ли тамъ еще какого коренья?«

»Можно будетъ подпустить брюкву, или свеклу звѣздочкой«, сказалъ поваръ.

»Подпусти и брукву, и свеклу. А къ жаркому ты сдѣлай вотъ какую обкладку....«

»Пропалъ совершенно сонъ!« сказалъ Чичиковъ, переворачиваясь на другую сторону, и закрылъ себя всего одѣяломъ, чтобы не слышать ничего.. Но сквозь одѣяло слышалось безпрестанно: »Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько.« Заснулъ онъ уже на какомъ-то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ. Жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

»Нѣтъ, это ужъ слишкомъ«, сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора. »Это даже по-свински. Не безпокойно ли вамъ, Платонъ Михаiлычъ? Преспокойная была коляска, и вдругъ стало безпокойно. Петрушка, ты, вѣрно, по глупости сталъ перекладывать? отовсюду торчатъ какiя-то коробки!«

Платоновъ усмѣхнулся и сказалъ: »Это я вамъ объясню: Петръ Петровичъ насовалъ въ дорогу.«

»Точно такъ«, сказалъ Петрушка, оборотясь съ козелъ: »приказано было все поставить въ коляску — паштеты и пироги.«

»Точно-съ, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ, веселый: »очень почтенный баринъ, угостительный помѣщикъ! По рюмкѣ шампанскаго выслалъ, точно-съ, и приказалъ отъ стола отпустить блюда. Очень хорошiя блюда, деликатнаго скусу. Такого почтительнаго господина еще не было.«

»Видите ли? онъ всѣхъ удовлетворилъ«, сказалъ Платоновъ. »Есть ли (вамъ) время, однакоже, скажите просто, чтобы заѣхать въ одну деревню, отсюда верстъ десять? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и зятемъ.«

»Съ большимъ удовольствiемъ«, сказалъ Чичиковъ.

»Отъ этого вы не будете въ накладѣ: зять мой весьма замѣчательный человѣкъ.«

»По какой части?« спросилъ Чичиковъ.

»Это первый хозяинъ, какой когда-либо бывалъ на Руси. Онъ въ десять лѣтъ съ небольшимъ, купивши разстроенное имѣніе, едва дававшее двадцать тысячъ, возвелъ его до того, что теперь получаетъ двѣстѣ тысячъ.«

»А, почтенный человѣкъ! Вотъ этакого человѣка жизнь стоитъ того, чтобы быть переданной въ поученіе людямъ! Очень, очень пріятно будетъ познакомиться. А какъ по фамиліи?«

»Скудронжогло.«

»А имя и отечество?«

»Константинъ Ѳедоровичъ.«

»Константинъ Ѳедоровичъ Скудронжогло. Очень пріятно познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка.« И Чичиковъ пустился въ распросы о Скудронжоглѣ, и все, что онъ узналъ о немъ отъ Платонова, было что-то точно изумительное.

»Вотъ смотрите, въ этомъ мѣстѣ уже начинаются его земли«, говорилъ Платоновъ, указывая на поля. »Замѣчайте, вы тотчасъ увидите отличіе отъ другихъ. Кучеръ, здѣсь возьмешь налѣво. Видите ли этотъ молодникъ-лѣсъ? Это сѣянный. У другого въ пятьдесять лѣтъ не поднялся бы такъ, а у него въ восемь выросъ. Смотрите, вотъ лѣсъ и кончился, начались уже хлѣба; а чрезъ пятьдесятъ десятинъ опять будетъ лѣсъ, тоже сѣянный; а тамъ опять. И смотрите на хлѣба, во сколько разъ они гуще, чѣмъ у другихъ.«

»Вижу! Да какъ же онъ это дѣлаетъ?«

»Ну, спросите у него, вы увидите, что ни гвоздика нѣтъ у него (даромъ). Это такой всезнай, какого вы нигдѣ не найдете. Онъ, мало того, что знаетъ, какую почву что любитъ, знаетъ, какое сосѣдство для него нужно, по близости какого лѣса нужно сѣять какой хлѣбъ. У насъ у всѣхъ земля трескается отъ засухъ, а у него нѣтъ. Онъ разсчитаетъ, сколько нужно влажности, столько и дерева разведетъ. У него все играетъ двѣ роли: лѣсъ лѣсомъ и полю удобреніе отъ тѣни и отъ листьевъ. И это во всемъ такъ.«

»Изумительный человѣкъ!« сказалъ Чичиковъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на поля.

Все было въ порядкѣ. Лѣса были огороженные; попадались скотные дворы, также не безъ причины обстроенные и завидно содержимые; хлѣбныя клади росту великанскаго. Обильно и хлѣбно повсюду. Видно было вдругъ, что живетъ тузъ-хозяинъ. Поднявшись на небольшую возвышенность, (увидѣли) на супротивной сторонѣ деревню, разсыпавшуюся на трехъ горныхъ возвышеніяхъ. Все тутъ было богато: торныя улицы, крѣпкія избы; стояла гдѣ телега — телега была крѣпкая и новенькая; попадался ли конь — какъ-бы откормленный и добрый; рогатый скотъ — какъ на отборъ; даже мужичья свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ Аглицкихъ парковъ, бесѣдокъ и мостовъ съ затѣями и разныхъ проспектовъ передъ домомъ. Отъ избъ до господскаго двора потянулись рабочіе и дворы. На крышѣ большой фонарь, не для видовъ, но для разсматриванья, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ, и какъ производились работы.

Они подъѣхали къ дому. Хозяина не было; встрѣтила ихъ жена, родная сестра Платонова, бѣлокурая, бѣлолицая, съ прямо Русскимъ выраженіемъ, также красавица, но какъ-то полусонная, какъ-будто ее мало заботило то, о чемъ заботятся (другіе), или оттого, что всепоглощающая дѣятельность (мужа) ничего не оставила на ея долю, или оттого, что она принадлежала, по самому сложенію своему, къ тому философическому разряду людей, которые, имѣя и чувства, и мысли, и умъ, живутъ какъ-то въ половину, на жизнь глядятъ въ полглаза и, видя возмутительныя тревоги и борьбы, говорятъ: »Вотъ дураки бѣсятся! Имъ же хуже.«

»Здравствуй, сестра!« сказалъ Платоновъ. »Гдѣ же Константинъ?«

»Не знаю. Ему уже слѣдовало быть давно здѣсь. Вѣрно, захлопотался.«

Чичиковъ на хозяйку не обратилъ (вниманія). Ему было интересно разсмотрѣть жилище этого необыкновеннаго человѣка. Онъ оглянулъ въ комнатѣ все, думая отыскать въ ней слѣды свойствъ самого хозяина, — какъ по раковинѣ можно судить, какого рода сидѣла въ ней устрица, или улитка; но этого-то и не было. Комнаты были безхарактерны совершенно, — просторны и ничего боль-

ше. Ни фресковъ, ни картинъ по стѣнамъ, ни бронзы по столамъ, ни этажерокъ съ фарфорами и чашками, ни вазъ, ни цвѣтовъ, ни статуекъ, — все какъ-то голо. Простая обыкновенная мебель да рояль стоялъ въ сторонѣ, и тотъ покрытъ. Какъ видно, хозяйка рѣдко за него садилась. Изъ гостиной отворена (была дверь въ кабинетъ хозяина); но и тамъ было такъ же просто и голо. Видно было, что хозяинъ приходилъ въ домъ только отдохнуть, а не то чтобы жить въ немъ, что для обдумыванія своихъ плановъ и мыслей ему ненадобно было кабинета съ пружинными креслами и всякими покойными удобствами и что жизнь его заключалась не въ очаровательныхъ грезахъ у пылающаго камина, но прямо въ дѣлѣ, — мысль исходила вдругъ изъ самихъ обстоятельствъ, въ ту минуту, какъ они представлялись, и обращалась вдругъ въ дѣло, не имѣя никакой надобности въ томъ, чтобы быть записанной.

»А вотъ онъ! Идетъ, идетъ!« сказалъ Платоновъ. Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человѣкъ, живой смуглой наружности. На немъ былъ триковый картузъ. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли двое изъ низшаго сословія, разговаривая о чемъ-то съ нимъ и толкуя. Одинъ, казалось, былъ простой мужикъ, другой, въ синей сибиркѣ, какой-то заѣзжій кулакъ и пройдоха.

»Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять!« говорилъ мужикъ кланяясь.

»Да нѣтъ, братецъ, я ужъ двадцать разъ вамъ повторялъ: не возите больше. У меня матеріалу столько накопилось, что и дѣвать некуда.«

»Да у васъ, батюшка Константинъ Ѳедоровичъ, все пойдетъ въ дѣло. Ужъ эдакого умнаго человѣка во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. Ваше здоровье всяку вещь въ мѣсто поставитъ. Такъ ужъ прикажите принять.«

»Мнѣ, братецъ, руки нужны, мнѣ работниковъ давай, а не матеріалъ.«

»Да ужъ въ работникахъ не будете имѣть недостатку. У насъ цѣлыя деревни пойдутъ въ работы: безхлѣбье такое, что и не запомнимъ. Ужъ вотъ бѣда-то, что не хотите насъ совсѣмъ взять, а отслужили бы вѣрно вамъ, ей Богу, отслужили. У васъ всякому

уму научишься, Константинъ Ѳедоровичъ. Такъ прикажите принять въ послѣдній разъ.«

»Да вѣдь ты и тогда говорилъ — *въ послѣдній разъ*, а вѣдь вотъ опять привезъ.«

»Ужъ въ послѣдній разъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Если вы не возьмете, то у меня никто не возьметъ. Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять.«

»Ну, слушай, этотъ разъ возьму; но это изъ сожалѣнія только, чтобы не провозился напрасно. Но если ты привезешь въ другой разъ, хоть три недѣли канючь — не возьму.«

»Слушаю-съ, Константинъ Ѳедоровичъ; ужъ будьте покойны, въ другой разъ ужъ никакъ не привезу. Покорнѣйше благодарю.« Мужикъ отошелъ, довольный. Вретъ, однакоже, привезетъ: *авось* — великое словцо.

»Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣлайте милость..... пособите«, говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

»Вѣдь я тебѣ на первыхъ порахъ объявилъ. Торговаться я не охотникъ. Я тебѣ говорю опять: я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подъѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю. У васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что жъ тутъ мудренаго? Ему приспичитъ, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать.«

»Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я того-съ... оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять.« Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Скудронжогло прехладнокровно взялъ ихъ и не считая сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

»Гм«, подумалъ Чичиковъ, »точно какъ бы носовой платокъ!«

Минуту спустя, Скудронжогло показался въ дверяхъ гостиной.

»Ба, братъ, ты здѣсь!« сказалъ онъ, увидѣвъ Платонова. Обнялись и поцѣловались. Платоновъ рекомендовалъ Чичикова. Чичиковъ благоговѣйно подступилъ къ хозяину, лобызнулъ его въ щеку, принявши и отъ него впечатлѣніе поцѣлуя.

Лицо Скудронжогла было очень замѣчательно. Въ немъ было замѣтно южное происхожденіе. Волосы на головѣ и на бровяхъ темные и густые; глаза говорящіе, блеску сильнаго. Умъ сверкалъ во всякомъ выраженіи лица, и ужъ ничего не было въ немъ соннаго. Но замѣтна, однакоже, была примѣсь чего-то желчнаго и озлобленнаго. Онъ былъ не совсѣмъ Русскаго происхожденія. Есть (впрочемъ) много на Руси Русскихъ не-Русскаго происхожденія, но въ душѣ Русскихъ. Скудронжогло не занимался своимъ происхожденіемъ, находя, что это не идетъ въ дѣло; притомъ не зналъ другого языка, кромѣ Русскаго.«

»Знаешь ли, Константинъ, что̀ я выдумалъ?« сказалъ Платоновъ.

»А что̀?«

»Выдумалъ я проѣздиться по разнымъ губерніямъ; авось это вылечитъ отъ хандры.«

»Что̀ жъ? это очень можетъ быть.«

»Вотъ вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ.«

»Прекрасно! Въ какія же мѣста«, спросилъ Скудронжогло, привѣтливо обращаясь къ Чичикову, »предполагаете теперь ѣхать?«

»Признаюсь«, сказалъ Чичиковъ, наклоня голову на бокъ и взявшись рукою за ручку креселъ, »вѣдь я, покамѣстъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и можно сказать благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; потому что точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ геморондальномъ отношеніи, уже то, чтобы увидѣть свѣтъ, коловращенье людей..... кто что̀ ни говори, есть такъ сказать, живая книга, таже наука.

»Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ.«

»Превосходно изволили замѣтить«, отнесся Чичиковъ: »точно не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ. Научите, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, научите, къ вамъ прибѣгаю. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ.«

Скудронжогло смутился. »Чему же, однако?.... чему научить? Я и самъ учился на мѣдныя деньги.«

»Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости! мудрости управлять хозяйствомъ подобно вамъ, подобно вамъ умѣть извлекать изъ него существенные доходы, пріобрѣсть подобно вамъ имущество, не воображаемое, но существенное, дѣйствительное, и тѣмъ исполнить долгъ гражданина.«

»Знаете ли что?« сказалъ Скудронжогло: »останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и разскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ.«

»Братъ, оставайся этотъ день«, сказала хозяйка, обращаясь къ Платонову.

»Пожалуй, мнѣ все равно«, произнесъ (тотъ) равнодушно. »Какъ Павелъ Ивановичъ?«

»Я съ большимъ удовольствіемъ..... Но вотъ обстоятельство— нужно посѣтить родственника генерала Бетрищева. Есть нѣкто полковникъ Кошкаревъ.....«

»Да вѣдь онъ..... знаете ли вы это? Вѣдь онъ дуракъ и помѣшанъ.«

»Объ этомъ я уже слышалъ. Мнѣ къ нему и дѣла нѣтъ. Но такъ какъ генералъ Бетрищевъ — близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель..... такъ какъ-то и неловко.«

»Въ такомъ случаѣ знаете ли что?« сказалъ (Скудронжогло): »поѣзжайте къ нему теперь же. У меня стоятъ готовыя пролетки. Къ нему и десяти верстъ (нѣтъ), такъ слетаете духомъ. Вы раньше даже ужина возвратитесь назадъ.«

Чичиковъ съ радостію воспользовался предложеніемъ. Пролетки были поданы, и онъ поѣхалъ тотъ же часъ къ полковнику, который изумилъ его такъ, какъ еще никогда ему не случалось изумляться. Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Депо земледѣльческихъ орудій,* на другомъ: *Главная счетная экспедиція,* на третьемъ: *Комитетъ сельскихъ дѣлъ;* (далѣе:) *Школа нормальнаго просвѣщенья поселянъ;* словомъ, чортъ знаетъ чего не было! Онъ думалъ, не

въѣхалъ ли въ губернскій городъ. Самъ полковникъ былъ какой-то чопорный. Бакенбарды по щекамъ его были протянуты въ струнку; волосы, прическа, носъ, губы, подбородокъ — все какъ-бы лежало дотолѣ подъ прессомъ. Принялъ онъ Чичикова ласково, ввелъ его совершенно въ довѣренность и разсказалъ съ самоуслажденіемъ, скольких и скольких стоило ему трудовъ возвесть имѣніе до нынѣшняго благосостоянія, — какъ трудно дать понять мужику, что существуютъ высшія побужденія, которыя доставляетъ человѣку просвѣщенная роскошь, что есть искусство, — сколько нужно было бороться съ невѣжествомъ Русскаго мужика, чтобы одѣть его въ Нѣмецкіе штаны да заставить почувствовать хотя сколько-нибудь высшее достоинство человѣка, — что бабъ, несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ заставить бросить уродливый костюмъ и надѣть корсеты, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14 году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепьяно, говорила по-Французски и дѣлала книксенъ. Съ соболѣзнованіемъ разсказывалъ онъ, какъ велика необразованность сосѣдей помѣщиковъ, какъ мало думаютъ они о своихъ подвластныхъ, какъ они даже смѣялись, когда онъ старался изъяснить, какъ необходимо для хозяйства устроеніе письменныхъ конторъ, коммиссій и даже комитетовъ, чтобы тѣмъ предохранить (отъ) всякой покражи и всякая вещь была бы извѣстна — чтобы писарь, управитель и бухгалтеръ образованы были не какъ-нибудь, но оканчивали бы университетское воспитаніе, — что не смотря на всѣ убѣжденія, онъ не могъ убѣдить помѣщиковъ въ томъ, что какая бы выгода была ихъ имѣніямъ, если бы каждый крестьянинъ былъ воспитанъ такъ, чтобы, идя за плугомъ, могъ читать въ то же время книгу о громовыхъ отводахъ или тому (подобное).

На это Чичиковъ (подумалъ:) »Ну, врядъ ли выберетъ такое время. Вотъ я выучился грамотѣ, а графиня Лавальеръ до сихъ поръ не прочитана.«

»Ужасное невѣжество«, сказалъ въ заключеніе полковникъ Кошкаревъ, »тьма среднихъ вѣковъ, и нѣтъ средствъ помочь.... Позвольте, нѣтъ! я бы могъ всему помочь; я знаю одно средство, вѣрнѣйшее средство!«

»Какое?«

»Одѣть всѣхъ до одного въ Россіи, какъ ходятъ въ Германіи. Ничего больше, какъ только это, и я вамъ ручаюсь, что все пойдетъ какъ по маслу. Науки возвысятся, торговля подымется, золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи.«

Чичиковъ глядѣлъ на него пристально и думалъ: »Что жъ? съ этимъ чиниться нечего.« Не отлагая дѣла въ дальній ящикъ, онъ объяснилъ полковнику тутъ же, что такъ и такъ: имѣетъ надобность вотъ въ такихъ душахъ, съ совершеніемъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

»Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, это просьба; не такъ ли?«

»Такъ точно.«

»Въ такомъ случаѣ, изложите ее письменно. Она пойдетъ въ коммиссію всякихъ прошеній. Коммиссія всякихъ прошеній, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ. Отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ, тамъ сдѣлаютъ всякія справки и выправки по этому дѣлу. Главноуправляющій вмѣстѣ съ конторою въ самоскорѣйшемъ времени положатъ свою резолюцію, и дѣло будетъ сдѣлано.«

Чичиковъ оторопѣлъ. »Позвольте«, сказалъ (онъ), »этимъ дѣло затянется.«

»А!« сказалъ съ улыбкой полковникъ; »вотъ тутъ-то и выгода бумажнаго производства! Оно точно нѣсколько затянется, но зато уже ничто не ускользнетъ: всякая мелочь будетъ видна.«

»Но позвольте... Какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло! Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя.«

»Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя.«

»Но вѣдь какъ же мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ-бы были живыя.«

»Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно*, или *требуется, чтобы казались, какъ-бы живыя.*«

Чтобы дѣло сдѣлать съ полковникомъ, Чичиковъ рѣшился отправиться самъ поглядѣть, что это за коммиссія и комитетъ, и

что̀ нашелъ онъ тамъ, то было не только изумительно, но превышало рѣшительно всякое вѣроятіе. Коммиссія всякихъ прошеній существовала только на вывѣскѣ. Предсѣдатель ея, прежній камердинеръ, былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ конторщикъ Тимошка, откомандированный на слѣдствіе въ другое село — разбирать пьяницу-прикащика съ старостой, мошенникомъ и плутомъ. Чиновника — нигдѣ.

»Да гдѣ же тутъ... да какъ добиться какого-нибудь толку?« сказалъ Чичиковъ своему спутнику, чиновнику по особымъ порученіямъ, котораго полковникъ далъ ему въ проводники.

»Да никакого толку не добьетесь«, сказалъ проводникъ: »у насъ безтолковщина. У насъ всѣмъ, изволите видѣть, распоряжается коммиссія построенія, отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ куда угодно. Только и выгодно у насъ, что въ коммиссіи построенія [онъ какъ видно, былъ недоволенъ на коммиссію построенія]. У насъ всѣ водятъ за носъ барина. Онъ думаетъ, что все какъ слѣдуетъ, а вѣдь это (надуванье) только одно.«

»Это, однакожъ, нужно ему сказать«, подумалъ Чичиковъ и, пришедши къ полковнику, объявилъ, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и коммиссія построеній воруетъ напропалую.

Полковникъ вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ; тутъ же написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи коммиссія построеній самоуправно распоряжалась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы правитель дѣлъ, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ коммиссія прошеній?«

»Ну, пойдетъ кутерьма«, подумалъ Чичиковъ и началъ раскланиваться.

»Нѣтъ, я васъ не отпущу. Въ два часа, не болѣе, вы будете удовлетворены во всемъ. Ваше дѣло поручу теперь особенному человѣку, который только-что окончилъ университетскій курсъ. Посидите у меня въ библіотекѣ. Тутъ все, что̀ для васъ нужно —

книги, бумага, перья, карандаши — все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ, какъ господинъ.«

Такъ говорилъ Кошкаревъ, отворяя дверь въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, съ низу до верху уставленный книгами. Были тамъ даже чучелы животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ — по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства, тысячи всякихъ журналовъ, руководствъ и множество журналовъ, представлявшихъ самыя позднѣйшія развитія и усовершенствованія по коннозаводству и естественнымъ наукамъ. Были и такія названія: »Свиноводство, какъ Наука.« Видя, что здѣсь все вещи не для пріятнаго препровожденія (времени), онъ обратился къ другому шкафу. Изъ огня — въ поломя. Тутъ были все книги философскія. На одной было заглавіе: »Философія, въ Смыслѣ Науки.« Шесть томовъ въ рядъ, подъ названіемъ: »Предуготовительное Вступленіе къ Теоріи Мышленія въ ихъ Общности, Совокупности и въ Примѣненіи къ Уразумѣнію Органическихъ Началъ Обоюднаго Раздвоенья Общества.« Что ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ — *проявленье, развитіе, абстрактъ, замкнутость и сомкнутость*, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было. »Нѣтъ, это не по мнѣ«, сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему, гдѣ были всё книги по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными миѳологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Это было по его вкусу. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ (лѣтъ). Говорятъ, что въ послѣднее время стали онѣ нравиться даже и старичкамъ, изощрившимъ вкусъ на балетахъ. Что̀ же дѣлать! пряныя коренья любитъ человѣкъ. Окончивши разсматриванье этой книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую въ томъ же родѣ, какъ вдругъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

»Все сдѣлано и сдѣлано отлично. Человѣкъ этотъ рѣшительно понимаетъ одинъ за всѣхъ. За это я его поставлю выше всѣхъ: заведу особенное, высшее управленіе и поставлю его президентомъ. Вотъ что̀ онъ пишетъ.«

»Ну, слава те Господи!« подумалъ Чичиковъ и приготовился слушать.

»Приступая къ обдумыванію возложеннаго на меня вашимъ

высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное: 1) Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова есть уже нѣкоторое недоразумѣніе въ изъясненіи того, что требуются ревижскія души, всякими внезапностями вставленныя въ умершія. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія; ибо умершія не пріобрѣтаются. Что жъ и пріобрѣтать, если ничего нѣтъ? Объ этомъ говоритъ и самая логика, да и въ словесныхъ наукахъ они, какъ видно, не далеко уходили...« Тутъ на минуту Кошкаревъ остановился и сказалъ: »Въ этомъ мѣстѣ плутъ... онъ немножко кольнулъ васъ, но судите, однакожъ, что бойкое перо, статсъ-секретарскій слогъ; а вѣдь всего три года побылъ въ университетѣ, даже не кончилъ курса.« Кошкаревъ продолжалъ: »...въ словесныхъ наукахъ, какъ видно, не далеко... ибо выразились о душахъ *умершія*, тогда какъ всякому, изучившему курсъ познаній человѣческихъ, извѣстно заподлинно, что душа безсмертна.— 2) Оныхъ упомянутыхъ ревижскихъ душъ, пришлыхъ, или прибылыхъ, или, какъ они неправильно изволили выразиться, умершихъ, нѣтъ на лицо таковыхъ, которыя бы не были въ залогѣ, ибо всѣ въ совокупности не только заложены безъ изъятія, но и перезаложены, съ прибавкой по полутораста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни Гурмайловки, находящейся въ спорномъ положеніи по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ, и потому ни въ продажу, ни въ залогъ поступить не можетъ.«

»Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объяснили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держать?« сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

»Да вѣдь какъ же я могъ знать объ этомъ сначала? Въ этомъ-то и выгода бумажнаго производства, что вотъ теперь все какъ на ладони оказалось.«

»Дуракъ ты, глупая скотина!« думалъ про-себя Чичиковъ. »Въ книгахъ копался, а чему выучился?« Мимо всякихъ учтивствъ и приличій, схватилъ онъ шапку и изъ дома. Кучеръ стоялъ съ пролеткой на-готовѣ и лошадей не откладывалъ: о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція — выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Какъ ни былъ Чичиковъ грубъ и неучтивъ, но Кошкаревъ, не смотря на все, былъ съ нимъ необыкновенно

учтивъ и деликатенъ. Онъ насильно пожалъ Чичикову руку, прижалъ ее къ сердцу и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины сельскаго управленья могутъ заржавѣть и ослабѣть; что, въ слѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль — устроить новую коммиссію, которая будетъ называться коммиссіей наблюденія за коммиссіей построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

»Оселъ! дуракъ!« думалъ Чичиковъ, сердитый и недовольный во всю дорогу. Ѣхалъ онъ уже при звѣздахъ. Ночь обволокла небо. Въ деревняхъ были огни. Подъѣзжая къ крыльцу, онъ увидѣлъ въ окнахъ, что уже столъ былъ накрытъ для ужина.

»Что̀ это вы такъ запоздали?« сказалъ Скудронжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

»О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали?« сказалъ Платоновъ.

»Уморилъ!« сказалъ Чичиковъ. »Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ.«

»Это еще ничего!« сказалъ Скудронжогло. Кошкаревъ — утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются каррикатурно и виднѣй глупости умныхъ людей. Завели конторы и присутствія, и управителей, и мануфактуры, и фабрики, и школы, и коммиссіи, и чортъ ихъ знаетъ что̀ такое — точно, какъ-будто бы у нихъ государство какое! Какъ вамъ это нравится? я спрашиваю. Помѣщикъ, у котораго пахатныя земли и не достаетъ крестьянъ обработывать, а онъ завелъ свѣчной заводъ, изъ Лондона мастеровъ выписалъ, свѣчнымъ торгашомъ сдѣлался! Вонъ другой дуракъ еще лучше: фабрику шелковыхъ матерій завелъ!«

»Да вѣдь и у тебя же есть фабрика«, замѣтилъ Платоновъ.

»А кто ихъ заводилъ? Сами завелись: накопилось шерсти, а дѣть некуда — я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя, по дешевой цѣнѣ; ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ. Рыбью шелуху, напримѣръ, сбрасывали на мой берегъ шесть лѣтъ сряду; ну, куда ее дѣвать? я и началъ съ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ.«

»Экой чортъ!« думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза; »загребистая какая лапа!«

»Да я и строеній для этого не строю; у меня нѣтъ съ колоннами да фронтонами. Мастеровъ я не выписываю изъ-за границы, а ужъ крестьянъ отъ хлѣбопашества ни за что̀ не оторву: на фабрикахъ у меня работаютъ, только въ голодный годъ, всё пришлые, изъ-за куска хлѣба. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство, ты увидишь — всякая тряпка пойдетъ въ дѣло, всякая дрянь дастъ доходъ, такъ что послѣ отталкиваешь только да говоришь: не нужно!«

»Это изумительно«, сказалъ Чичиковъ, исполнившись участія, »изумительно, изумительно! Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ.«

»Гм, да только-то?..« Рѣчи Скудронжогло не кончилъ: желчь въ немъ пробудилась, и ему хотѣлось побранить сосѣдей помѣщиковъ. »Вонъ опять одинъ умникъ что̀ вы думаете у себя завелъ?« Богоугодное заведеніе, каменное строеніе въ деревнѣ! Христолюбивое дѣло! Ужъ хочешь помогать, такъ ты помогай мужику исполнить этотъ долгъ, а не отрывай его отъ Христіянскаго долга. Помоги сыну пригрѣть у себя больного отца, а не давай ему возможности сбросить его съ своихъ плечъ. Дай лучше ему возможность пріютить у себя въ дому ближняго и брата, дай ему на это денегъ, помоги всѣми силами, а не отлучай ихъ: онъ совсѣмъ отстанетъ отъ всякихъ Христіянскихъ обязанностей. Донъ-Кишоты, просто, по всѣмъ частямъ!... Двѣсти рублей выходитъ на человѣка въ годъ въ Богоугодномъ заведеніи... да я на эти деньги буду у себя въ деревнѣ десять человѣкъ содержать!« Скудронжогло разсердился и плюнулъ.

Чичиковъ не интересовался Богоугоднымъ заведеніемъ. Онъ хотѣлъ повести рѣчь о томъ, какъ всякая дрянь даетъ доходъ. Но Скудронжогло уже разсердился, желчь въ немъ закипѣла и слова полились.

»А вотъ другой Донъ-Кишотъ просвѣщенья. Завелъ школы! Ну, что̀, напримѣръ, полезнѣе человѣку, какъ знаніе грамоты? а вѣдь какъ распорядился! вѣдь ко мнѣ приходятъ мужики изъ его деревни. »Что̀ это«, говорятъ, »батюшка, такое! сыновья наши

»совсѣмъ отъ рукъ отбились, помогать въ работахъ не хотятъ, »всѣ въ писаря хотятъ, а вѣдь писарь нуженъ одинъ.« Вѣдь вотъ что̀ вышло!«

Чичикову тоже не было надобности въ школахъ, но Платоновъ подхватилъ этотъ предметъ: »Да вѣдь этимъ останавливаться не нужно, что теперь не надобно писаря: послѣ будетъ надобность. Работать нужно для потомства.«

»Да будь, братецъ, хоть ты уменъ! Ну, что̀ вамъ это потомство? Всѣ думаютъ, что они какіе-то Петры Великіе. Да ты смотри себѣ подъ ноги, а не гляди въ потомство; хлопочи о томъ, чтобы мужика сдѣлать достаточнымъ да богатымъ, да чтобы у него было время учиться по охотѣ своей, а не то что съ палкой въ рукѣ говорите: »Учись!« Чортъ знаетъ съ котораго конца начинаютъ... Ну, послушайте: ну, вотъ я (отдаю) вамъ на судъ...« Тутъ Скудронжогло подвинулся ближе къ Чичикову и, чтобы заставить его получше вникнуть въ дѣло, взялъ его на абордажъ, другими словами — засунулъ палецъ въ петлю фрака. »Ну, что̀ можетъ быть яснѣе? У тебя крестьяне затѣмъ, чтобы ты покровительствовалъ имъ въ ихъ крестьянскомъ быту. Въ чемъ ихъ бытъ? въ чемъ же занятія крестьянина? Въ хлѣбопашествѣ? Такъ старайся, чтобы онъ былъ хорошимъ хлѣбопашцемъ. Ясно? Нѣтъ, нашлись умники, говорятъ: »Изъ этого состоянія его нужно вывести. Онъ ведетъ ужъ »слишкомъ грубую, простую жизнь: нужно познакомить его съ »предметами роскоши!« Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней чортъ знаетъ какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ осьмнадцати-лѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ, — такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хоть одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да хлѣбопашецъ для меня всѣхъ почтеннѣе. Дай Богъ, чтобъ всѣ были, какъ хлѣбопашецъ!«

»Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ всего выгоднѣе заниматься?« спросилъ Чичиковъ.

»Законнѣе, а не то, что выгоднѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего — это намъ всѣмъ сказано; это недаромъ сказано.

Опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ чище нравами. Гдѣ хлѣбопашество легло въ основаніе быта общественнаго, тамъ изобиліе и довольство, бѣдности нѣтъ, роскоши нѣтъ, а есть довольство. Воздѣлывай землю — сказано человѣку, трудись... что̀ тутъ хитрить! Я говорю мужику: »Кому »бы ты ни трудился, мнѣ ли, себѣ ли, сосѣду ли, только тру»дись. Въ дѣятельности твоей я твой первый помощникъ. Нѣтъ у »тебя скотины — вотъ тебѣ лошадь, вотъ тебѣ корова, вотъ тебѣ »телега. Все, что̀ нужно, готовъ тебѣ дать, но трудись. Для меня »смерть, если хозяйство у тебя не въ устройствѣ и вижу у тебя «безпорядокъ и бѣдность. Не потерплю праздности: я затѣмъ и »надъ тобой, чтобы ты трудился.« Гм! думаютъ увеличить доходъ заведеніями да фабриками! Да ты подумай прежде о томъ, чтобы всякій мужикъ былъ у тебя богатъ, такъ тогда только и самъ будешь богатъ, безъ фабрикъ и безъ заводовъ, и безъ глупыхъ (затѣй).«

»Чѣмъ больше слушаешь васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ«, сказалъ Чичиковъ, »тѣмъ больше получаешь желаніе слушать. Скажите, досточтимый мною, если бы, напримѣръ, я возъимѣлъ намѣреніе сдѣлаться помѣщикомъ, положимъ, здѣшней губерніи, на что̀ именно слѣдуетъ обратить вниманіе? какъ быть, какъ поступить, чтобы въ непродолжительное (время) разбогатѣть и тѣмъ исполнить, такъ сказать, въ виду отечества обязанность гражданина?«

»Какъ поступить чтобы разбогатѣть? А вотъ какъ...« сказалъ Скудронжогло.

»Пойдемъ ужинать!« сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые, продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостію почти военнаго человѣка, подлетѣлъ къ хозяйкѣ съ мягкимъ выраженіемъ, съ улыбкою деликатнаго штатскаго человѣка, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, сохраняя во все время пріятное наклоненіе головы нѣсколько на бокъ. Служитель снялъ крышку съ суповой чашки. Всѣ со стульями придвинулись ближе къ столу, и началось хлебаніе супа.

Отдѣлавши супъ и запивши рюмкой наливки [наливка была отличная], Чичиковъ сказалъ такъ Скудронжоглу: »Позвольте,

почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться...« (1)

»...Имѣніе, за которое если бы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ.

»Гм!« Чичиковъ задумался. »А отчего же вы сами«, проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью, »не покупаете его?«

»Да нужно знать наконецъ предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренным ихъ положеньемъ, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ наконецъ надоѣло.«

»Дворянство способно къ злословью!« сказалъ Чичиковъ.

»А ужъ у насъ, въ нашей губерніи... Не можете себѣ представить, что они говорятъ обо мнѣ. Они меня иначе и не называютъ, какъ сквалыгой и скупердаемъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. »Я«, говоритъ, конечно промотался, »но потому, »что жилъ высшими потребностями жизни. Мнѣ нужны книги, я »долженъ жить роскошно, чтобы промышленность поощрять. А »этакъ можно пропасть и не разорившись, если бы жить такой »свиньей, какъ Судронжогло.«

»Желалъ бы я быть такой свиньей!« сказалъ Чичиковъ.

»И вѣдь все это оттого, что не задаю обѣдовъ да не даю имъ въ-займы денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило. Я къ этому не привыкъ, а пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ, — милости просимъ! Не даю денегъ въ-займы — это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься моими деньгами; если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль, — я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ. Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Онъ затѣваетъ тамъ какой-нибудь обѣдъ своей любовницѣ, или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелями домъ, а ему давай деньги въ-займы!..«

(1) *Примѣчаніе С. П. Шевырева.* Здѣсь въ разговорѣ между Костанжогло и Чичиковымъ пропускъ. Должно полагать, что Костанжогло предложилъ Чичикову пріобрѣсти покупкою имѣнье сосѣда его, помѣщика Хлобуева.

Здѣсь Скудронжогло плюнулъ и чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ, въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его живое лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенья взволнованной желчи.

Чичиковъ выпилъ рюмку малиновки и сказалъ такъ: »Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора. Во сколько времени, если бы, положимъ, я пріобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени....«

»Если вы хотите«, подхватилъ сурово и отрывисто Скудронжогло, еще полный нерасположенья въ духѣ, »разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашиваясь о времени, то разбогатѣете скоро.«

»Вотъ оно какъ!« сказалъ Чичиковъ.

»Да«, сказалъ Скудронжогло отрывисто, точно какъ-бы онъ сердился на самого Чичикова. »Надобно имѣть любовь къ труду; безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, да! и повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они! Хозяину нѣтъ времени скучать. Въ жизни его нѣтъ пустоты—всё полнота. Нужно только разсмотрѣть весь этотъ многообразный кругъ годовыхъ занятій— и какихъ занятій! занятій, истинно возвышающихъ духъ, не говоря уже о разнообразіи. Тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всего, что совершается въ твореніи. Еще не появилась весна, а ужъ начинаются работы: подвози дровъ и всего на время распутицы, подготовляй сѣмянъ; переборка, перемѣрка по анбарамъ хлѣба и пересушка; установленіе новыхъ тяголъ. Прошли снѣга и рѣки — работы такъ вдругъ и закипятъ: тамъ нагрузка на суда, здѣсь расчистка деревъ по лѣсамъ, пересадка деревъ по садамъ, и пошли взрывать повсюду землю. Въ огородахъ работаетъ заступъ, въ поляхъ соха и борона. А начинаются посѣвы—бездѣлица: грядущій урожай сѣютъ! Наступили покосы, первѣйшій праздникъ хлѣбо-

пашца—бездѣлица! Пойдетъ жатва за жатвой: за рожью пшеница, за ячменемъ овесъ, а тутъ и дерганье конопли. Мечутъ стога, кладутъ клади. А тутъ и августъ перевалилъ за половину — пошла свозка всего на гумно. Наступилъ день запашки и посѣва озимыхъ хлѣбовъ, чинка анбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, хлѣбный опытъ и первый умолотъ. Наступитъ зима—и тутъ не дремлютъ работы: первые подвозы въ городъ, молотьба по всѣмъ гумнамъ, перевозка перемолотаго хлѣба изъ ригъ въ анбары, по лѣсамъ рубка и пиленіе дровъ, подвозъ кирпичу и матеріалу для весеннихъ построекъ. Да, просто, я и обнять всего не въ состояніи. Какое разнообразіе работъ! Сюда и туда взглянуть идешь и на мельницу, и на рабочій дворъ, и на фабрики, и на гумны; идешь и къ мужику взглянуть, какъ онъ на себя работаетъ,—бездѣлица! Да для меня, просто, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ, я два часа готовъ передъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа. А если видишь еще, съ какой цѣлью все это творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ: да я и разсказать вамъ не могу, какое удовольствіе. И не потому, что ростутъ деньги: деньги деньгами; но потому, что все это дѣло рукъ твоихъ; потому, что видишь, какъ ты всему причина и творецъ всего и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденье?« сказалъ Скудронжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Какъ царь въ день торжественнаго вѣнчанья своего, сіялъ онъ. »Да, въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденья! Здѣсь, именно здѣсь, подражаетъ Богу человѣкъ. Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенья, какъ высшее наслажденіе, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ творцомъ благоденствія и стройнаго теченія дѣлъ. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!«

Какъ пѣнья райской птички, заслушался Чичиковъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Глаза умаслились и выражали сладость, и всё бы онъ слушалъ.

»Константинъ! пора вставать«, сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Платоновъ приподнялся, Скудронжогло приподнялся, Чичиковъ приподнялся, хотя хотѣлось ему всё сидѣть да слушать. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку.

Но голова уже не была склонена привѣтливо на бокъ, не доставало ловкости въ оборотахъ, въ движеніяхъ. Его мысли были заняты существенными оборотами и соображеніями.

»Что ни разсказывай, а всё, однакоже, скучно«, говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

»Гость, кажется, очень неглупый человѣкъ«, думалъ хозяинъ: »степененъ въ словахъ и не щелкоперъ.« И подумавши сдѣлался еще веселѣе, точно какъ-бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, точно какъ-бы празднуя, что нашелъ человѣка, готоваго слушать умный совѣтъ.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ маленькой, уютной комнатѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ большой стекляной двери въ садъ, — Чичикову сдѣлалась такъ пріютно, какъ не бывало давно, точно какъ-бы послѣ долгихъ странствованій приняла его родная крыша и, по совершеньи всего, онъ получилъ желаемое, и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: довольно! Такое обаятельное расположеніе навелъ ему на душу разумный разговоръ хозяина. Есть для всякаго сердца такія рѣчи, которыя какъ-бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей; и часто, неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и современный свѣтъ, полный глупостей людскихъ, обмановъ, обманывающихъ человѣка; и живо потомъ навсегда и на вѣки останется проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все, что тогда случилось и было, удержитъ вѣрная память: и кто соприсутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ стоялъ, и что даже было въ рукахъ его, стѣны, — углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ: и эта малая неприхотливо убранная комната, и добродушное выраженье, воцарившееся на лицѣ умнаго хозяина, и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: »Полно, не мучь его«, и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стекляная дверь, и весенняя ночь,

глядѣвшая къ нимъ оттолѣ, облокотясь на вершины деревъ, изъ чащи которыхъ высвистывали весенніе соловьи.

»Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Ѳедоровичъ«, произнесъ Чичиковъ. »Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму.«

Скудронжогло улыбнулся. »Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ онъ. »Ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ дѣйствительно есть одинъ, о которомъ точно можно сказать — умный человѣкъ, котораго я и подметки не стою.«

»Кто это?« съ изумленіемъ спросилъ Чичиковъ.

»Это нашъ откупщикъ Муразовъ.«

»Въ другой уже разъ про него слышу!« вскрикнулъ Чичиковъ.

»Это человѣкъ, который не то, что имѣньемъ помѣщика, цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ.«

»Слышалъ. Говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ.«

»Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ.«

»Что вы говорите!« вскрикнулъ Чичиковъ, оторопѣвъ.

»Всенепремѣнно. У него теперь приращеніе должно идти съ быстротой невѣроятной. Это ясно. Медленно богатѣетъ тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ, а у кого милліоны, у того радіусъ великъ: что ни захватитъ, такъ вдвое и втрое противу самого себя. Поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ. Съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему назначитъ, такая и останется: некому перебить.«

Вытаращивъ глаза и разинувши ротъ, какъ вкопанный смотрѣлъ Чичиковъ, въ глаза Скудронжогло. Захватило духъ въ груди ему. »Уму непостижимо!« сказалъ онъ, приходя немного въ себя. »Каменѣетъ мысль отъ страха. Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваніи букашки; для меня болѣе изумительно, когда въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы! Позвольте предложить вамъ вопросъ на-счетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь, это, разумѣется, въ началѣ пріобрѣтено не безъ грѣха?«

»Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами.«

»Не повѣрю, почтеннѣйшій, извините, не повѣрю. Если бъ это были тысячи, еще бы такъ, но милліоны.... извините, не повѣрю.«

»Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ. Прямой таки дорогой такъ и ступай, все бери, что ни лежитъ передъ тобою. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ.«

»Уму непостижимо! И что всего непостижимѣй, это то, что дѣло вѣдь началось съ копейки!«

»Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей«, сказалъ Скудронжогло. »Кто воспитался на тысячахъ, тотъ уже не пріобрѣтетъ, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины. Снизу, снизу нужно начинать. Тутъ только узнаешь хорошо людъ и бытъ, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копейка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства, тогда тебя умудритъ и вышколитъ такъ, что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ средины. Кто говоритъ мнѣ: »Дайте мнѣ 100 тысячъ, я сейчасъ разбогатѣю«, я тому не повѣрю: онъ бьетъ на удачу, а не на вѣрняка. Съ копейки нужно начинать.«

»Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю», сказалъ Чичиковъ, »потому что начинаю почти, такъ сказать, съ ничего.« Онъ разумѣлъ мертвыя души.

»Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть«, сказала хозяйка, »а ты всё болтаешь.«

»И непремѣнно разбогатѣете«, сказалъ Скудронжогло, не слушая хозяйки. »Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куда дѣвать доходы.«

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грезъ и мечтаній. Кружилися его мысли...

»Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать.«

»Да что жъ тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось«, сказалъ хозяинъ и остановился, потому что громко по всей комнатѣ раз-

далось храпѣнье Платонова, а вслѣдъ за нимъ и Ярбъ затянулъ еще громче. Уже давно слышался отдаленный стукъ въ чугунныя доски. Дѣло потянуло за полночь. Скудронжогло замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на покой. Всѣ разбрелись, пожелавъ спокойнаго сна другъ другу и не замедлили имъ воспользоваться.

Одному только Чичикову не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, а существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ, все становилось такъ ясно. Возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной. Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно, и такъ казалось свойственно самой его натурѣ! Онъ началъ помышлять о пріобрѣтеніи не воображаемаго, но дѣйствительнаго помѣстья; опредѣлилъ тутъ же на деньги, которыя будутъ выданы ему изъ ломбарда за фантастическія души, пріобрѣсти помѣстье, уже не фантастическое. Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Скудронжогло. Расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству..... уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое будетъ онъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двинутся всѣ пружины хозяйства, дѣятельно толкая другъ друга. Трудъ закипитъ, и, подобно тому, какъ въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистоганъ да чистоганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ передъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное. Доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки. Собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка. Скудронжогло былъ первый. Онъ понялъ, что съ этакимъ нечего толковать о мертвыхъ душахъ и самая рѣчь объ этомъ будетъ неумѣстна. Его занималъ другой прожектъ — купить имѣніе Хлобуева. Десять тысячъ у него было; другія десять тысячъ предполагалъ онъ призанять у Скудронжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому желающемА разбогатѣть и заняться

хозяйствомъ. Остальныя десять тысячъ можно было обязаться (уплатить) потомъ, по заложеніи душъ. Заложить всѣ накупленныя души нельзя было, потому что еще не было земель, на которыя слѣдовало переселить ихъ. Хотя (увѣрялъ) онъ, что въ Херсонской губерніи есть у него земли, но онѣ существовали больше въ предположеніи. Предполагалось еще искупить ихъ въ Херсонской губерніи, потому что онѣ тамъ продавались за безцѣнокъ и даже отдавались даромъ, лишь бы только на нихъ селились. Думалъ онъ также и о томъ, что надобно торопиться закупать у кого какіе остались бѣглецы и мертвецы, ибо помѣщики другъ передъ другомъ спѣшатъ закладывать имѣнія и скоро во всей Россіи можетъ не остаться и угла, незаложеннаго въ казну. Всѣ эти мысли попеременно наполняли его голову и мѣшали ему (спать). Наконецъ сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ своихъ объятіяхъ, принялъ въ объятія и Чичикова. Онъ заснулъ крѣпко...

ГЛАВА IV.

На другой день все обдѣлалось какъ нельзя лучше. Скудронжогло далъ съ радостью десять тысячъ безъ процентовъ, безъ поручительства,—просто, подъ одну росписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ пріобрѣтенью. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Послѣ сытнаго завтрака, всѣ они отправились, сѣвши втроемъ въ коляскѣ Павла Ивановича; пролетка хозяина слѣдовала за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Въ полтора часа съ небольшимъ сдѣлали они восемнадцать верстъ и увидѣли деревеньку съ двумя домами: одинъ большой и новый, недостроенный и остававшійся вчернѣ нѣсколько лѣтъ; другой маленькій и старенькой. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося; на сюртукѣ у него была заплата, на сапогѣ дырка.

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точ-

но какъ-бы увидѣлъ онъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

»Константинъ Ѳедоровичъ! Платонъ Михайловичъ!« вскрикнулъ онъ, »отцы родные! вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ — попрошу въ-займы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳедоровичъ! Вижу—самъ всему виной! Что̀ дѣлать? свинья свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Да чѣмъ васъ потчивать? скажите.«

»Пожалуста безъ околичностей. Мы къ вамъ пріѣхали за дѣломъ«, сказалъ Скудронжогло. »Вотъ вамъ покупщикъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.«

»Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку.«

Чичиковъ далъ ему обѣ.

»Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоющее вниманія... Да что̀, господа? позвольте спросить, вы обѣдали?

»Обѣдали, обѣдали«, сказалъ Скудронжогло, желая отдѣлаться. »Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же.«

»Въ такомъ случаѣ пойдемъ.«

Хлобуевъ взялъ въ руки картузъ. Гости надѣли на головы картузы, и всѣ отправились пѣшкомъ осматривать деревню.

»Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое«, говорилъ Хлобуевъ. »Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Ѳедоровичъ? курицы нѣтъ въ домѣ,— до того дожилъ. Свиньей себя веду, просто, свиньей!«

Онъ вздохнулъ и, какъ-бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Ѳедоровича и жестковато его сердце, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Скудронжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

»Трудно, Платонъ Михайловичъ, трудно!« говорилъ Хлобуевъ Платонову. »Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье! Трынъ-трава бы это было все, если бы

былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей, — сгрустнется, по неволѣ сгрустнется…«

Платонову стало жалко. »Ну, а если вы продадите деревню, это васъ поправитъ?« спросилъ Платоновъ.

»Какое поправитъ!« сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. »Все пойдетъ на уплату необходимѣйшихъ долговъ, а за тѣмъ для себя не останется и тысячи.«

»Такъ что́ жъ вы будете дѣлать?«

»А Богъ знаетъ«, говорилъ Хлобуевъ, пожимая плечами.

Платоновъ удивился. »Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ?«

»Что́ жъ предпринять?«

»Будто нѣтъ уже средствъ?«

»Никакихъ.«

»Ну, ищите должности, возьмите какое-нибудь мѣсто.«

»Вѣдь я губернскій секретарь. Какое же мнѣ могутъ дать выгодное мѣсто? Жалованье дадутъ ничтожное, а вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей.«

»Ну, частную какую-нибудь должность. Подите въ управляющіе.«

»Да кто жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? я проматалъ свое.«

»Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой, черезъ кого-либо въ городѣ, выхлопотать для васъ какую-нибудь должность.«

»Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ«, сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку. »Не гожусь я теперь никуда. Одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куда мнѣ! что́ разорять казну? И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе. И безъ того ему трудно при этомъ множествѣ сосущихъ. Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, Богъ съ нимъ.«

»Вотъ положеніе!« думалъ Платоновъ. »Это хуже моей спячки.«

Тѣмъ временемъ Скудронжогло и Чичиковъ, идя позади ихъ на порядочномъ разстояніи, такъ между собою говорили:

»Вонъ запустилъ какъ все!« говорилъ Скудронжогло, »Довелъ мужика до какой бѣдности! Когда случился падежъ, такъ ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро. Тутъ все свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дня безъ средствъ производить работу. Теперь и годами не поправишь: и мужикъ уже излѣнился, и загулялъ, и сталъ пьяница.«

»Такъ, стало быть, теперь не совсѣмъ выгодно и покупать этакое имѣніе?« спросилъ Чичиковъ.

Тутъ Скудронжогло взглянулъ на Чичикова такъ, какъ-бы хотѣлъ ему сказать: »Ты что за невѣжа? съ азбуки, что ли, нужно съ тобой начинать?« (и сказалъ:) »Не выгодно! Да черезъ три года я буду получать двадцать тысячъ годового дохода съ этого имѣнія,— вотъ оно какъ невыгодно! Въ пятнадцати верстахъ — бездѣлица! А земля-то какова? разглядите землю! Всё поемныя мѣста. Да я засѣю льну да тысячь на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю— на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите — рожь поднялась; вѣдь это всё падаль. Онъ хлѣба не сѣялъ — я это знаю. Да этому имѣнію полтораста тысячь, а не сорокъ.«

Чичиковъ сталъ опасаться, чтобы Хлобуевъ не услышалъ, и потому отсталъ еще подальше.

»Вонъ сколько земли оставилъ въ-пустѣ!« говорилъ, начиная сердиться, Скудронжогло. »Хоть бы повѣстилъ впередъ, такъ набрели бы охотники. Ну, ужъ если нечѣмъ пахать, такъ копай подъ огородъ, — огородомъ бы взялъ. Мужика заставилъ пробыть четыре года безъ труда — бездѣлица! Да вѣдь этимъ однимъ ты уже его развратилъ и на-вѣки погубилъ; ужъ онъ успѣлъ привыкнуть къ лохмотью и бродяжничеству!« Сказавши это, плюнулъ Скудронжогло, и желчное расположеніе осѣнило сумрачнымъ облакомъ его чело……

»Вона земля какъ вспахана!« вскрикнулъ Скудрожогло съ ѣдкимъ чувствомъ прискорбія. »Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣнье! Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ.« И, ска-

завши это, Скудронжогло простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться съ нимъ.

»Помилуйте, Константинъ Өедоровичъ«, говорилъ удивленный хозяинъ: »только что пріѣхали — и назадъ!«

»Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома«, сказалъ Скудронжогло. Простился, сѣлъ и уѣхалъ на своей пролеткѣ.

Казалось, какъ-будто Хлобуевъ понялъ причину отъѣзда. »Не выдержалъ Константинъ Өедоровичъ«, сказалъ онъ. »Чувствую, что не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на этакое безпутное управленіе. Вѣрите ли, что не могу, не могу, Павелъ Ивановичъ..... что почти вовсе не сѣялъ хлѣба въ этомъ году! Какъ честный человѣкъ, сѣмянъ не было, не говоря уже о томъ, что нечѣмъ пахать.—Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, необыкновенный хозяинъ; а Константинъ Өедоровичъ, чтò ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: »Ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну чтò бы хоть каплю его въ мою глупую! Хоть бы на то, чтобы съумѣлъ домъ свой »держать. Ничего не умѣю, ничего не могу«. Ахъ Павелъ Ивановичъ, возьмите въ свое распоряженіе! Жаль больше всего мужичковъ бѣдныхъ. Чувствую, что не умѣлъ быть съ ними... Не могу быть взыскательнымъ и строгимъ. Да и какъ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ? Я бы ихъ отпустилъ сей же часъ на волю всѣхъ, да какъ-то устроенъ Русскій человѣкъ, какъ-то не можетъ безъ покупателя... Такъ и задремлетъ, такъ и закиснетъ.«

»Вѣдь это точно странно«, сказалъ Платоновъ: »отчего это у насъ такъ, что если не смотришь во всѣ глаза за человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?«

»Отъ недостатка просвѣщенія«, замѣтилъ Чичиковъ.

»Ну, Богъ вѣсть отчего. Вотъ мы и просвѣтились, а вѣдь какъ живемъ? Я и въ университетѣ былъ, и слушалъ лекціи по всѣмъ частямъ, а искусству и порядку жить не только не выучился, а еще какъ-бы больше выучился искусству побольше издерживать денегъ на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? Только нѣтъ: вѣдь такъ и другіе товарищи. Можетъ быть, два-три человѣка извлекли себѣ

настоящую пользу, да и то потому, можетъ быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье да выманиваетъ деньги. Ей Богу! Вѣдь приходили только за тѣмъ, чтобы апплодировать профессорамъ, раздавать имъ награды, а не самимъ отъ нихъ получать. Такъ изъ просвѣщенья-то мы всё-таки выберемъ то, что погаже; наружность его схватимъ, а его самого не возьмемъ. Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не умѣемъ мы жить отъ чего-то другого, а отъ чего, ей Богу, я не знаю.

»Причины должны быть«, сказалъ Чичиковъ.

Глубоко вздохнулъ бѣдный Хлобуевъ и сказалъ такъ: »Иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто Русскій человѣкъ—какой-то пропащій человѣкъ. Нѣтъ силы воли, нѣтъ отваги и постоянства. Хочешь сдѣлать, и ничего не можешь. Всё думаешь—съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня примешься какъ слѣдуетъ, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами и языкъ не ворочается. Право, и этакъ всѣ.«

»Нужно въ запасѣ держать благоразуміе«, сказалъ Чичиковъ, »ежеминутно совѣщаться съ благоразуміемъ, вести съ нимъ дру(жную) бесѣду.«

»Да что! сказалъ Хлобуевъ. »Право, мнѣ кажется, мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньгу, не вѣрю я и тому. На старости и его чортъ попутаетъ. Спуститъ потомъ все вдругъ. И всѣ такъ, право: и благородные, и мужики, и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Вонъ какой былъ умный мужикъ: изъ ничего нажилъ сто тысячъ; а какъ нажилъ сто тысячъ,—пришла въ голову дурь сдѣлать ванну изъ шампанскаго и выкупаться въ шампанскомъ. Но вотъ мы, кажется, и все осмотрѣли. Больше ничего нѣтъ. Хотите развѣ взглянуть на мельницу? Впрочемъ въ ней нѣтъ колеса, да и строенье никуда не годится.«

»Что жъ и разсматривать!« сказалъ Чичиковъ.

»Въ такомъ случаѣ пойдемъ домой.« И они всѣ направили шаги къ дому.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба, въ замасляной дерюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока.... всѣхъ чертей. Два мужика глядѣли съ равнодушіемъ стоическимъ на гнѣвъ пьяной бабы. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна была на строеніяхъ, крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. »Мое-то будущее достоянье—мужики«, подумалъ Чичиковъ: »дыра на дырѣ и заплата на заплатѣ!« И точно, на одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, стащенными съ господскаго анбара. Словомъ, въ хозяйствѣ введена была система Тришкина кафтана—обрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

Они вошли въ комнаты. Чичиковъ нѣсколько былъ пораженъ смѣшеньемъ нищеты съ нѣкоторыми блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Посреди изорванной утвари и мебели—новенькія бронзы. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хлобуевъ вывелъ къ нимъ молодую жену, отрекомендовалъ имъ хозяйку. Она была хоть куда. Въ Москвѣ не ударила бы лицомъ въ (грязь). Платье на ней было со вкусомъ, по модѣ. Говорить любила больше о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. По всему было видно, что деревню она любила еще меньше, чѣмъ мужъ, что зѣвала она еще больше Платонова, когда оставалась одна. Скоро комната наполнилась дѣтьми, прелестными дѣвочками и мальчиками. Ихъ было пятеро. Шестое принеслось на рукахъ. Всѣ были прекрасны: мальчики, дѣвочки—заглядѣнье. Они были одѣты мило и со вкусомъ, были рѣзвы и веселы, и отъ этого самого было еще грустнѣе глядѣть на нихъ. Лучше бы одѣты они были уже дурно, въ простыхъ пестрядевыхъ юбкахъ и рубашкахъ, бѣгали себѣ по двору и ничѣмъ не отличались отъ простыхъ крестьянскихъ дѣтей! Къ хозяйкѣ пріѣхали гости. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мущины остались одни.

Чичиковъ приступилъ къ покупкѣ. По обычаю всѣхъ покуп-

щиковъ, сначала онъ охаялъ покупаемое имѣніе и, охаявши его со всѣхъ сторонъ, сказалъ: »Какая же будетъ ваша цѣна?«

»Видите ли что?« сказалъ Хлобуевъ. »Запрашивать съ васъ дорого не буду, да и не люблю: это было бы съ моей стороны и безсовѣстно. Я отъ васъ не скрою также и того, что въ деревнѣ моей изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, и пятидесяти нѣтъ на лицо; прочіе или померли отъ эпидемической болѣзни, или въ бѣгахъ, отлучились безпашпортно, такъ что вы почитайте ихъ какъ-бы умершими. Поэтому-то я и прошу съ васъ всего только тридцать тысячъ.«

»Ну, вотъ — тридцать тысячъ! Имѣніе запущено, люди мертвы, и тридцать тысячъ! Возьмите 25 тысячъ.«

»Павелъ Ивановичъ, я могу его заложить въ ломбардъ въ 25 тысячъ; понимаете ли это? Тогда я получаю 25 тысячъ и имѣніе при мнѣ. Продаю я единственно затѣмъ, что мнѣ нужны скоро деньги, а при закладѣ была бы проволочка, надобно бы платить приказнымъ, а платить нечѣмъ.«

»Ну да всё-таки возьмите 25 тысячъ.«

Платонову сдѣлалось совѣстно за Чичикова. »Покупайте, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ (онъ): »за имѣніе можно всегда дать эту (цѣну). Если вы не дадите за него тридцати тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ.«

Чичиковъ испугался.... »Хорошо!« сказалъ онъ: »даю 30 тысячъ. Вотъ двѣ тысячи задатку дамъ вамъ теперь, 8 тысячъ чрезъ недѣлю, а остальные 20 тысячъ чрезъ мѣсяцъ.«

»Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, только на томъ условіи, чтобы деньги какъ можно скорѣе. Теперь вы мнѣ дайте пятнадцать тысячъ по крайней мѣрѣ, а остальныя никакъ не дальше, какъ чрезъ двѣ недѣли.«

»Да нѣтъ пятнадцати тысячъ!« Десять тысячъ у меня всего теперь. Дайте соберу.« То есть, Чичиковъ лгалъ: у него было двадцать тысячъ.

»Нѣтъ пожалуста, Павелъ Ивановичъ! я говорю, что необходимо мнѣ нужны пятнадцать тысячъ.«

»Да, право, недостаётъ пяти тысячъ. Не знаю самъ, откуда взять.«

»Я вамъ займу«, подхватилъ Платоновъ.

»Развѣ этакъ!« сказалъ Чичиковъ и подумалъ про-себя: »А, это однакоже, кстати, что онъ даетъ въ-займы.« Ударили по рукамъ. Изъ коляски была принесена шкатулка и тутъ же было изъ нея вынуто десять тысячъ Хлобуеву; остальныя же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра: то есть, обѣщано; предполагалось же привезти три другія тысячи потомъ, денька черезъ, два, или три, а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ денегъ. Если жъ настояла крайняя необходимость, то всё-таки казалось ему—лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То есть, онъ поступалъ какъ всѣ мы. Вѣдь намъ пріятно же поводить просителя. Пусть его натретъ себѣ спину въ передней. Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ быть, всякой часъ ему дорогъ и терпятъ оттого дѣла его! Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда.

»Гдѣ жъ вы послѣ этого будете жить?« спросилъ Платоновъ Хлобуева. »Есть у васъ другая деревушка?«

»Деревушки нѣтъ, а я переѣду въ городъ. Всё же равно это было нужно сдѣлать не для себя, а для дѣтей. Имъ надобны будутъ учители Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь этого въ деревнѣ нельзя достать!«

»Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей хочетъ учить танцованью!« подумалъ Чичиковъ.

»Странно!« подумалъ Платоновъ.

»Что̀ жъ? нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку«, сказалъ Хлобуевъ. »Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго.«

»Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть!« подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что̀ и думать.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался: сталъ милъ и уменъ; остроты и анекдоты сыпались у него безперерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанья людей и свѣта, такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ — и почему, и какъ, и отчего они разорились, такъ оригинально и смѣшно умѣлъ

передавать малѣйшія ихъ привычки, что они оба были обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

»Послушайте«, сказалъ Платоновъ, схвативши его за руку: »Какъ вамъ, при такомъ умѣ, опытности и познаніяхъ житейскихъ, не найти средствъ выпутаться изъ вашего затруднительнаго положенія?«

»Средства-то есть«, сказалъ Хлобуевъ, и вслѣдъ за тѣмъ выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанья людей и свѣта, что оставалось только пожимать плечами да говорить: »Господи Боже! какое необъятное разстоянье между знаньемъ свѣта и умѣньемъ пользоваться этимъ знаньемъ!« Почти всѣ прожекты основывались на необходимости достать откуда-нибудь вдругъ сто, или двѣстѣ тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно бы учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги, и такъ оканчивалъ онъ рѣчь свою: »Но что̀ прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣстѣ, или хоть сто тысячъ въ-займы! Видно, ужъ Богъ не хочетъ.«

»Да«, подумалъ Чичиковъ, »этакому дураку послалъ бы Богъ двѣстѣ тысячъ!«

»Есть у меня, пожалуй, трехъ-милліонная тетушка«, сказалъ Хлобуевъ, »старушка Богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. А старушка очень замѣчательная. Прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре; моськи, приживалки и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ 60, хоть она и зоветъ его: »Эй, малой!« Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ. И обнесутъ, право.«

Платоновъ усмѣхнулся.

»А какъ ея фамилія и гдѣ она проживаетъ?« спросилъ Чичиковъ.

»Живетъ она у насъ же въ городѣ. Александра Ивановна Ханасарова.«

»Отчего жъ вы не обратитесь къ ней?« спросилъ съ участьемъ Платоновъ. »Мнѣ кажется, если бы она только поближе вошла въ положенье вашего семейства, она бы не въ силахъ была отказать вамъ, какъ бы ни была туга.«

»Ну, нѣтъ, въ силахъ! У тетушки натура крѣпковата. Это старушка-кремень, Платонъ Михайловичъ! Да къ тому жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Тамъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы. Приплелся ей въ родню... Богъ съ нимъ! можетъ, и успѣетъ. Богъ съ ними со всѣми! Я подъѣзжать и прежде не умѣлъ, а теперь и подавно: спина ужъ не гнется.«

»Дуракъ!« подумалъ Чичиковъ. »Да я бы за этакой тетушкой ухаживалъ, какъ нянька за ребенкомъ!«

»Что̀ жъ вѣдь этакъ разговаривать сухо?« сказалъ Хлобуевъ. »Эй, Кирюшка! принеси-ка еще другую бутылку шампанскаго.«

»Нѣтъ, нѣтъ, я больше не буду пить«, сказалъ Платоновъ.

»Я также«, сказалъ Чичиковъ, и оба отказались они рѣшительно.

»Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ слово побывать у меня въ городѣ. 8-го іюля я даю маленькій обѣдъ нашимъ городскимъ сановникамъ.«

»Помилуйте!« вскрикнулъ Платоновъ. »Въ такомъ состояніи, разорившись совершенно — и еще обѣдъ!«

»Что̀ жъ дѣлать? нельзя: это долгъ«, сказалъ Хлобуевъ. »Они меня также угощали.«

»Что̀ съ нимъ дѣлать!« подумалъ Платоновъ. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ Москвѣ и другихъ городахъ водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь — необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, и обѣдъ, который задаетъ, кажется послѣдній, и думаютъ обѣдающіе, что завтра же хозяина потащутъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ — мудрецъ всё еще держится на свѣтѣ, еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ и такъ же задаетъ обѣдъ, и всѣ думаютъ, что онъ послѣдній, и всѣ увѣрены, что завтра же потащутъ хозяина въ тюрьму.

Почти такой же мудрецъ былъ Хлобуевъ. Только на одной Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего,

онъ угощалъ и хлѣбосольствовалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Если бы кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію Французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь, почти неизвѣстный никому въ домѣ, поселялся въ самой гостинной съ бумагами и заводилъ тамъ кабинетъ, и никого въ домѣ это не смущало и не безпокоило, какъ-бы было житейское дѣло. Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, который удовлетворилъ бы вкусу утонченнѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ избыткѣ и довольствѣ. Зато временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы, на его мѣстѣ, повѣсился, или застрѣлился. Но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною его жизнію. Въ эти горькія, тяжелыя минуты развертывалъ онъ книгу и читалъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше страданій и несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ, и слезами исполнялись глаза его. И, странное дѣло! почти всегда приходила къ нему въ то время откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь незнакомая проѣзжая барыня, Христолюбивая душа, нечаянно услышавъ о немъ исторію и тронувшись, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца, присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. Благоговѣйно, благодарно признавалъ онъ тогда необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

»Жалокъ онъ мнѣ, право, жалокъ!« сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они выѣхали отъ него.

»Блудный сынъ!« сказалъ Чичиковъ. »О такихъ людяхъ и жалѣть нечего.«

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ — потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенья людей, такъ же какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданія другихъ, но впечатлѣнья не врѣзывались глубоко въ душѣ его. Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ, что всѣ мысли были заняты пріобрѣтенною покупкою. Онъ исчислялъ, разсчитывалъ и соображалъ всѣ выгоды купленнаго имѣнія. И какъ ни разсматривалъ онъ, на какую сторону ни оборачивалъ дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить однихъ только мертвецовъ и бѣглыхъ. Можно было поступить и такъ, чтобы прежде выпродать по частямъ всѣ лучшія земли, а потомъ уже заложить въ ломбардъ. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ, по образцу Скудронжогло, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы продать въ частныя руки имѣніе [разумѣется, если не захочется самому хозяйничать], оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Скудронжогло денегъ, взятыхъ у него въ-займы. Словомъ, всячески, какъ ни оборачивалъ онъ это дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Онъ почувствовалъ удовольствіе, удовольствіе отъ того, что сталъ теперь помѣщикомъ, помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угодья, и люди, люди не мечтательные, не въ воображеньи пребывающіе, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подпѣвать, и приговаривать, и вытрубилъ на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ-бы на трубѣ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ въ слухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ, и постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторга, и когда Платоновъ, принявши кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него: »Чего?« онъ отвѣчалъ: »Ничего.«

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ замѣтилъ, что они ѣхали прекрасной рощей. Мѣловидная березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Между деревъ показалась бѣлая каменная церковь. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ. Англійскій песъ, на высокихъ, тонкихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

»Стой«, сказалъ Платоновъ кучеру и выскочилъ изъ коляски. Чичиковъ вышелъ вслѣдъ за нимъ также изъ коляски. Они пошли пѣшкомъ на-встрѣчу господину. Ярбъ уже успѣлъ облобызаться съ Англійскимъ псомъ, съ которымъ, какъ видно, былъ знакомъ уже давно, потому что принялъ равнодушно въ свою толстую морду лобызаніе Азора [такъ назывался Англійскій песъ]. Проворный песъ, именемъ Азоръ, облобызавши Ярба, подбѣжалъ къ Платонову, вскочилъ къ нему съ намѣреніемъ лизнуть его въ губы, но не досталъ и, оттолкнутый имъ, вскочилъ на Чичикова, лизнулъ его въ ухо, снова къ Платонову, пробуя лизнуть его хоть въ ухо.

Платоновъ и господинъ, шедшій на-встрѣчу, въ это время сошлись и обнялись.

»Помилуй, Платонъ! что̀ это ты со мною дѣлаешь?« живо спросилъ господинъ.

»Какъ что̀?« равнодушно отвѣчалъ Платоновъ.

»Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дня отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. »Поѣхалъ«, говоритъ, »съ какимъ-то бариномъ.« Ну хоть бы слово сказалъ: куда, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно такъ поступать? А я Богъ знаетъ чего не передумалъ въ эти дни!«

»Ну, что̀ жъ дѣлать? позабылъ«, сказалъ Платоновъ. »Мы заѣхали къ Константину Ѳедоровичу... Онъ тебѣ кланяется, сестра также. Рекомендую тебѣ Павла Ивановича Чичикова.—Павелъ Ивановичъ, братъ Василій. Прошу полюбить его такъ же, какъ и меня.«

Братъ Василій и Чичиковъ, снявши картузы, поцѣловались.

»Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ?« думалъ братъ Василій. »Братъ Платонъ на знакомства не разборчивъ и, вѣрно, не узналъ, что̀ онъ за человѣкъ.« И оглянулъ онъ, сколько позволяло приличіе, Чичикова. Чичиковъ стоялъ, нѣсколько наклонивши головку и сохранивъ пріятное выраженіе въ лицѣ.

Съ своей стороны Чичиковъ оглянулъ также, на сколько позволяло приличіе, брата Василія. Онъ былъ ростомъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ; но въ чертахъ его лица было много жизни и одушевленія. Видно было, что онъ не пребывалъ въ дремотѣ и спячкѣ.

»Знаешь ли, Василій, что̀ я придумалъ?« сказалъ братъ Платонъ.

»Что̀?« спросилъ Василій.

»Проѣздиться по святой Руси, вотъ именно съ Павломъ Ивановичемъ, — авось-либо это размычетъ и растеребитъ хандру мою.«

»Какъ же такъ вдругъ рѣшиться?....« началъ было говорить Василій, озадаченный не на шутку такимъ рѣшеніемъ, и чуть было не прибавилъ: »И еще замыслилъ ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ быть, и дрянь, и чортъ знаетъ что̀!« И, полный недовѣрія, сталъ онъ разсматривать искоса Чичикова, и увидѣлъ, что онъ держался необыкновенно прилично, сохраняя всё то же пріятное наклоненіе головы нѣсколько на бокъ и почтительно привѣтливое выраженіе въ лицѣ, такъ что никакъ нельзя было узнать, какого роду (человѣкъ) былъ Чичиковъ.

Въ молчаньи они пошли всѣ трое по дорогѣ, по лѣвую руку которой находилась мелькавшая промежъ деревъ бѣлая каменная церковь, по правую—начинавшія показываться, также промежъ деревъ, строенія господскаго двора. Наконецъ показались и ворота. Они вступили на дворъ, гдѣ былъ старинный господскій домъ подъ высокой крышей. Двѣ огромныя липы, росшія посреди двора, покрывали почти половину его своею тѣнью. Сквозь опущенныя внизъ развѣсистыя ихъ вѣтви едва сквозили стѣны дома. Подъ липами стояло нѣсколько длинныхъ скамеекъ. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Чичиковъ сѣлъ, и Платоновъ сѣлъ. По всему двору разливалось благоуханье сиреней и черемхъ, которыя нависли отовсюду изъ саду въ дворъ черезъ мѣловидную березовую ограду, кругомъ его обходившую, и казались цвѣтущею цѣпью, или нѣжнымъ ожерельемъ, его короновавшимъ.

Ухватливый и ловкій дѣтина лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ водой и разноцвѣтными квасами всѣхъ сортовъ, шипѣвшіе, какъ газовые лимонады. Поставивши передъ ними графины, онъ подо-

шелъ къ дереву и, взявши прислоненный къ нему заступъ, отправился въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ всѣ слуги были садовники, или, лучше сказать, слугъ не было, но садовники исправляли иногда эту должность. Братъ Василій говорилъ, что безъ слугъ можно даже и обойтись: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стоитъ заводить особаго сословія; что будто Русскій человѣкъ до тѣхъ поръ только хорошъ и расторопенъ, и красивъ, и развязенъ, и много работаетъ, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ Нѣмецкій сюртукъ, — станетъ и неуклюжъ, и некрасивъ, и нерасторопенъ, и лѣнтяй. Онъ утверждалъ, что и чистоплотность у него содержится до тѣхъ-поръ, покуда онъ еще носитъ рубашку и зипунъ, и что, какъ только заберется въ Нѣмецкій сюртукъ — и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню не ходитъ, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него и клопы, и блохи, и чортъ знаетъ что. Въ этомъ, можетъ быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался какъ-то особенно щеголевато и опрятно, и такихъ красивыхъ рубашекъ и зипуновъ нужно было долго поискать.

»Не угодно ли вамъ прохладиться?« сказалъ братъ Василій Чичикову, указывая на графины. »Это квасы нашей фабрики; ими издавна славится домъ нашъ.«

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина — точно липецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ; игра какъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ пріятно изо рта въ носъ. »Нектаръ!« сказалъ Чичиковъ. Выпилъ стаканъ изъ другого графина — еще лучше.

»Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете преимущественно ѣхать?« спросилъ братъ Василій.

»Ѣду я«, сказалъ Чичиковъ, потирая себя рукой по колѣну, въ сопровожденіи легкаго покачиванья всего туловища и пріятнаго наклона головы на бокъ, »не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо, не говоря уже о пользѣ въ геморроидальномъ

отношеніи, видѣть свѣтъ и коловращенье людей — есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука.«

Братъ Василій задумался. »Говоритъ этотъ человѣкъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его есть правда«, думалъ онъ. »Моему Платону не достаетъ познанія людей, свѣта и жизни.« Нѣсколько помолчавъ, сказалъ такъ вслухъ: »Знаешь ли что̀, братъ Платонъ? что путешествіе можетъ точно разшевелить тебя. У тебя душевная спячка. Ты, просто, заснулъ, и заснулъ не отъ пресыщенья, или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что̀ ни случается.«

»Вольно жъ принимать все близко къ сердцу«, сказалъ Платонъ. »Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги.

»Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность?« сказалъ Василій. »Слышалъ ты, какую безъ тебя сънгралъ съ нами штуку Лѣницынъ? Захватилъ пустошь, гдѣ у насъ празднуется красная горка.«

»Не знаетъ, потому и захватилъ«, сказалъ Платонъ. »Человѣкъ новый, только-что пріѣхалъ изъ Петербурга. Ему нужно объяснить, растолковать.«

»Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью.«

»Тебѣ нужно было съѣздить самому, растолковать. Переговори съ нимъ самъ.«

»Ну, нѣтъ. Онъ черезъ-чуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Поѣзжай, если хочешь, ты.«

»Я бы поѣхалъ, но вѣдь я (въ хозяйство) не мѣшаюсь. Онъ можетъ меня и провести, и обмануть.

»Да если угодно, такъ я поѣду«, сказалъ Чичиковъ.

Василій взглянулъ на него и подумалъ: »Экой охотникъ ѣздить!«

»Вы мнѣ дайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ«, сказалъ Чичиковъ, »и въ чемъ дѣло.«

»Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную коммиссію, потому-что одно изъясненіе съ такимъ человѣкомъ для меня уже непріятная коммиссія. Надобно вамъ сказать, что онъ изъ про-

стыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, вышелъ кое-какъ въ люди, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и заважничалъ. Задаетъ здѣсь тонъ. Да у насъ въ губерніи, слава Богу, народъ живетъ неглупый. Мода намъ не указъ, а Парижъ не церковь.«

»Конечно«, сказалъ Чичиковъ.

»А дѣло, по-настоящему, вздоръ. У него нѣтъ достаточно земли; ну, онъ и захватилъ чужую пустошь, т. е. онъ разсчитывалъ, что она не нужна, о ней хозяева (не станутъ хлопотать), а у насъ, какъ нарочито, уже испоконъ вѣка собираются крестьяне праздновать тамъ красную горку. По этому-то поводу я готовъ пожертвовать лучше другими и лучшими землями, чѣмъ отдать ее. Обычай для меня святыня.«

»Стало быть, вы готовы уступить ему другія земли?«

»То есть, если бы онъ со мной не такъ поступалъ; но онъ хочетъ, какъ я вижу, знаться судомъ. Пожалуй, посмотримъ, кто выиграетъ. Хоть на планѣ и не такъ ясно, но свидѣтели-старики еще живы и помнятъ.«

»Гм!« подумалъ Чичиковъ. »Оба-то, какъ вижу, съ душкомъ«, и сказалъ вслухъ: »А мнѣ кажется, что это дѣло обдѣлать можно миролюбно. Все зависитъ отъ посредника. Письмен. . . . . . (1) . . . . . что и для васъ самихъ будетъ очень выгодно перевесть, напримѣръ, на мое имя всѣхъ умершихъ душъ, какія въ послѣдней ревизіи числятся въ имѣніяхъ вашихъ, такъ чтобы я за нихъ платилъ подати. А чтобы не подать какого-нибудь соблазна, то передачу эту вы совершите посредствомъ купчей крѣпости, какъ-бы эти души были живыя.

»Вотъ тебѣ!« подумалъ Лѣницынъ. »Это что-то престранное!« и нѣсколько даже отодвинулся со стуломъ назадъ, потому что совершенно озадачился.

»Я никакъ въ томъ не сомнѣваюсь, что вы на это дѣло совершенно будете согласны«, сказалъ Чичиковъ, »потому-что это дѣло совершенно въ томъ родѣ, какъ мы сейчасъ говорили. Совершено оно будетъ между солидными людьми втайнѣ, и соблазна ни кому.«

(1) *Примѣчаніе С. П. Шевырева.* Здѣсь пропускъ, въ которомъ, вѣроятно, содержался разсказъ о томъ, какъ Чичиковъ отправился къ помѣщику Лѣницыну.

Что тутъ дѣлать? Лѣницынъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Онъ никакъ не могъ предвидѣть, чтобы мнѣніе, имъ незадолго изъявленное, привело его къ такому быстрому осуществленію на дѣлѣ. Предложеніе было до крайности неожиданно. Конечно, ничего вредоноснаго ни для кого не могло быть въ этомъ поступкѣ. Помѣщики всё равно заложили бы такъ же эти души наравнѣ съ живыми; стало быть, казнѣ убытку не можетъ быть никакого. Разница въ томъ, что онѣ были бы въ однѣхъ рукахъ, а тогда были бы въ разныхъ. Но тѣмъ не менѣе онъ затруднился. Онъ былъ законникъ и дѣлецъ весь, и дѣлецъ въ хорошую сторону. Неправо не рѣшилъ бы онъ дѣла ни за какіе подкупы. Но тутъ онъ остановился, не зная, какое имя дать этому дѣйствію, правое ли оно, или неправое. Если бы кто-нибудь другой обратился къ нему съ такимъ предложеніемъ, онъ могъ бы сказать: »Это вздоръ, пустяки! Я не хочу играть въ куклы, или дурачиться.« Но гость уже такъ ему понравился, такъ они сошлись во многомъ на-счетъ успѣховъ просвѣщенія и наукъ, — какъ отказать? Лѣницынъ находился въ презатруднительномъ положеніи.

Въ это время, точно какъ-будто затѣмъ, чтобы помочь горю, вошла въ комнату молодая, курносенькая хозяйка, супруга Лѣницына, и блѣдная, и худенькая, какъ Петербургская дама, и одѣтая, какъ всѣ Петербургскія дамы. За нею былъ вынесенъ мамкой на рукахъ ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Чичиковъ подошелъ, разумѣется, тотъ же часъ къ дамѣ и, не говоря уже о приличномъ привѣтствіи, однимъ пріятнымъ наклоненіемъ головы на бокъ много расположилъ ее въ свою пользу. За тѣмъ подбѣжалъ къ ребенку. Тотъ было-разревѣлся; но однакоже Чичикову удалось словами: »Агу, агу, душенька!« прищелкиваньемъ пальцевъ и сердоликовой печаткой отъ часовъ переманить его на руки съ себѣ. Взявши его къ себѣ на руки, началъ приподымать кверху и тѣмъ возбудилъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, которая очень обрадовала обоихъ родителей.

Но отъ удовольствія ли, или отъ чего-нибудь другого, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо. Жена Лѣницына закричала: »Ахъ, Боже мой! онъ вамъ испортилъ весь фракъ.«

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новешенькаго фрака былъ весь

испачкань. »Пострѣлъ бы тебя побралъ, чертенокъ!« пробормоталъ онъ въ сердцахъ про-себя.

Хозяинъ, хозяйка, мамка, всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

»Ничего, ничего, совершенно ничего«, говорилъ Чичиковъ. »Можетъ ли что̀ испортить невинный ребенокъ?« И въ то же время думалъ: »Да вѣдь какъ мѣтко обдѣлалъ, канальчонокъ проклятой!«

»Золотой возрастъ!« сказалъ онъ, когда уже его совершенно вытерли и пріятное выраженіе возвратилось на его лицо.

»А вѣдь точно«, сказалъ хозяинъ, обратившись къ Чичикову тоже съ пріятной улыбкой: »что̀ можетъ быть завиднѣй ребяческаго возраста? никакихъ заботъ, никакихъ мыслей о будущемъ!«

»Состояніе, на которое можно сей же часъ помѣняться«, сказалъ Чичиковъ.

»За глаза«, сказалъ Лѣницынъ.

Но, кажется, оба соврали. Предложи имъ такой обмѣнъ, они бы тутъ же на попятный дворъ. Да и что̀ за радость сидѣть у мамки на рукахъ и портить фраки!

Молодая хозяйка и первенецъ удалились съ мамкой, потому-что и на немъ требовалось кое-что исправить. Наградивъ Чичикова, онъ и себя не позабылъ наградить.

Это, по-видимому, незначительное обстоятельство склонило еще болѣе хозяина на сторону Чичикова. Какъ въ самомъ дѣлѣ отказать такому пріятному, обворожительному гостю, который столько ласкъ оказалъ малюткѣ и такъ великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Лѣницынъ думалъ такъ: »Почему же въ самомъ дѣлѣ не исполнить его просьбы, если ужъ такое его желаніе?«. . . . .

ГЛАВА?

Въ то самое время, когда Чичиковъ въ Персидскомъ новомъ халатѣ изъ золотистой термаламы, развалясь на диванѣ, торговалъ съ заѣзжимъ контрабандистомъ-купцомъ, Жидовскаго происхожденія и Нѣмецкаго выговора, и передъ ними уже лежали купленная

штука первѣйшаго Голландскаго холста на рубашки и двѣ бумажныя коробки съ отличнѣйшимъ мыломъ первостатейнѣйшаго свойства [это мыло было то самое, которое онъ нѣкогда пріобрѣталъ на Радзивиловской таможнѣ; оно имѣло дѣйствительно свойство сообщать непостижимую нѣжность и бѣлизну щекамъ изумительную], въ то время, когда онъ, какъ знатокъ, покупалъ эти необходимые для воспитаннаго человѣка продукты, раздался громъ подъѣхавшей кареты, отозвавшійся легкимъ дрожаніемъ комнатныхъ оконъ и стѣнъ, и вошелъ его превосходительство Алексѣй Ивановичъ Лѣницынъ.

»На судъ вашего превосходительства представляю, каково полотно и каково мыло, и какова эта вчерашняго дня купленная вещица.« При этомъ Чичиковъ надѣлъ на голову ермолку, вышитую золотомъ и бусами, и очутился, какъ Персидскій шахъ, исполненный достоинства и величія.

Но его превосходительство, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ: »Мнѣ нужно съ вами поговорить о дѣлѣ.« Въ лицѣ его замѣтны были озабоченность и разстройство. Почтенный купецъ Нѣмецкаго выговора былъ тотъ же часъ высланъ, и они остались (одни).

»Знаете ли вы, какая непріятность? Отыскалось другое завѣщаніе старухи, сдѣланное назадъ тому пять лѣтъ. Половина имѣнія отдается на монастырь, а другая обѣимъ воспитанницамъ пополамъ, и ничего больше никому.«

Чичиковъ оторопѣлъ.....

»Но это завѣщанье—вздоръ. Оно ничего не значитъ; оно уничтожено вторымъ.«

»Но вѣдь это не сказано въ послѣднемъ завѣщаньи, что имъ уничтожается первое.«

»Это само собою разумѣется. Первое уничтожается послѣднимъ. Это вздоръ. Первое завѣщанье никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы. Я былъ при ней. Кто его подписалъ? кто были свидѣтели?«

»Засвидѣтельствовано оно, какъ слѣдуетъ, въ судѣ. Свидѣтелемъ былъ бывшій совѣстный судья, Бурмиловъ, и Хавановъ.«

»Худо«, подумалъ Чичиковъ: »Хавановъ, говорятъ, честенъ; Бурмиловъ старый ханжа, читаетъ по праздникамъ апостолъ въ

церквахъ. — Но вздоръ, вздоръ«, сказалъ онъ вслухъ и тутъ же почувствовалъ рѣшимость на всѣ штуки. »Я знаю это лучше: я участвовалъ при послѣднихъ минутахъ покойницы. Мнѣ это лучше всѣхъ извѣстно. Я готовъ присягнуть самолично.«

Слова эти и рѣшимость на минуту успокоили Лѣницына. Онъ былъ очень взволнованъ и уже начиналъ-было подозрѣвать, не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикаціи относительно завѣщанія. Онъ укорилъ себя въ подозрѣніи. Готовность присягнуть была явнымъ доказательствомъ, что Чичиковъ.... Не знаемъ мы, точно ли достало бы духу у Павла Ивановича присягнуть на святомъ (Евангеліи), но сказать это достало духу.

»Будьте покойны: я переговорю объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми юрисконсультами. Съ вашей стороны тутъ ничего не должно прилагать; вы должны быть совершенно въ сторонѣ. Я же теперь могу жить въ городѣ, сколько мнѣ угодно.«

Чичиковъ тотъ же часъ приказалъ подать экипажъ и отправился къ юрисконсульту. Этотъ юрисконсультъ былъ опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ находился подъ судомъ, и такъ умѣлъ распорядиться, что никакимъ образомъ нельзя было отрѣшить его отъ должности. Всѣ знали, что его, за подвиги его, слѣдовало бы шесть разъ послать на поселенье. Кругомъ и со всѣхъ сторонъ былъ онъ въ подозрѣніяхъ, но никакихъ нельзя было возвести явныхъ и доказательныхъ уликъ. Тутъ было дѣйствительно что-то таинственное, и его бы можно было смѣло признать колдуномъ, если бы исторія, нами описанная, принадлежала временамъ невѣжества.

Юрисконсультъ поразилъ (его) холодностью своего вида, замасленностью своего халата, представлявшаго совершенную противуположность съ хорошими мебелями краснаго дерева, съ золотыми часами подъ стеклянымъ колпакомъ, съ люстрою, сквозившей сквозь кисейный чехолъ, ее сохранявшій, и вообще со всѣмъ, что было вокругъ его и носило яркую печать блистательнаго Европейскаго просвѣщенія.

Не останавливаясь, однакожъ, скептической наружностью юрисконсульта, Чичиковъ объяснилъ затруднительные пункты дѣла, и

въ заманчивой перспективѣ изобразилъ необходимо послѣдующую благодарность за добрый совѣтъ и участіе.

Юрисконсультъ отвѣчалъ на это изображеньемъ невѣрности всего земного и далъ тоже искусно замѣтить, что журавль въ небѣ ничего не значитъ, а нужно синицу въ руки.

Нечего дѣлать: нужно было дать синицу въ руки. Скептическая холодность философа вдругъ исчезла. Оказалось, что это былъ наидобродушнѣйшій человѣкъ, наиразговорчивый и наиприятнѣйшій въ разговорахъ, неуступавшій ловкостью оборотовъ самому Чичикову.

»Позвольте вамъ замѣтить, вмѣсто того чтобы заводить длинное дѣло, — вы, вѣрно, не хорошо разсмотрѣли самое завѣщаніе: тамъ, вѣрно, есть какая-нибудь приписочка. Вы возьмите его на время къ себѣ. Хотя, конечно, подобныя вещи на домъ брать запрещено, но если хорошенько попросить нѣкоторыхъ чиновниковъ... Я съ своей стороны употреблю мое участіе.

»Понимаю«, подумалъ Чичиковъ и сказалъ: »Въ самомъ дѣлѣ, я точно хорошо не помню, есть ли тамъ приписочка, или нѣтъ«, точно какъ-будто и не самъ писалъ это завѣщаніе.

»Лучше всего вы это посмотрите. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ«, продолжалъ онъ весьма добродушно, будьте совсѣмъ покойны и не смущайтесь ничѣмъ, даже если бы и хуже что произошло. Никогда и ни въ чемъ не отчаявайтесь. Нѣтъ дѣла неисправимаго. Смотрите на меня: я всегда покоенъ. Какіе бы ни были возводимы на меня казусы — спокойствіе мое непоколебимо. Лицо юрисконсульта-философа пребывало дѣйствительно въ необыкновенномъ спокойствіи, такъ что и Чичиковъ немного (успокоился).

»Конечно, это первая вещь«, сказалъ онъ. »Но согласитесь, однакожъ, что могутъ быть такіе случаи и дѣла, и такіе поклепы со стороны враговъ, и такія затруднительныя положенія, что отлетитъ всякое спокойствіе.«

»Повѣрьте мнѣ, это малодушіе«, отвѣчалъ очень покойно и добродушно философъ-юристъ. »Старайтесь только, чтобы производство дѣла было все основано на бумагѣ, чтобы на словахъ ничего не было. И какъ только увидите, что дѣло идетъ къ развязкѣ и удобно къ рѣшенію, старайтесь не то, чтобы оправдывать

и защищать себя, нѣтъ, просто, спутать новыми вводными такими посторонностями.

»То есть, чтобы....«

»Спутать, спутать и ничего больше«, отвѣчалъ философъ, »ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутали бы сюда и другихъ; сдѣлать сложнымъ и ничего больше! А тамъ пусть пріѣзжій изъ Петербурга чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ, пусть его разбираетъ!« повторилъ онъ, смотря съ необыкновеннымъ удовольствіемъ въ глаза Чичикову, какъ смотритъ учитель ученику, когда объясняетъ ему заманчивое мѣсто изъ Русской грамматики.

»Да, хорошо, если подберешь такія обстоятельства, которыя способны пустить въ глаза мглу«, сказалъ Чичиковъ, смотря тоже съ удовольствіемъ въ глаза философа, какъ ученикъ, который понялъ заманчивое мѣсто, объясняемое учителемъ.

»Подберутся обстоятельства, подберутся. Повѣрьте: отъ частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выигрышъ многимъ: и чиновниковъ нужно больше, и жалованья имъ больше... Словомъ, втянуть въ дѣло побольше лицъ. Нѣтъ нужды, что иные напрасно попадутъ: да вѣдь имъ же оправдаться, имъ нужно отвѣчать на бумагѣ, имъ нужно откупиться... Вотъ ужъ и хлѣбъ!... Такъ можно спутать, такъ все перепутать, что никто ничего не пойметъ. Я вѣдь почему спокоенъ? Потому что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всѣхъ впутаю въ свои дѣла, и губернатора, и вице-губернатора, и полиціймейстера, и казначея, — всѣхъ запутаю. Я знаю всѣ ихъ обстоятельства — и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ упечь. Тамъ, пожалуй, пусть ихъ выпутываются. Да покуда они выпутаются, другіе успѣютъ нажиться. Вѣдь только въ мутной водѣ и ловятся раки.« Здѣсь юристъ-философъ посмотрѣлъ на Чичикова во всѣ глаза, опять съ тѣмъ же наслажденьемъ, съ какимъ учитель объясняетъ ученику еще заманчивѣйшее мѣсто изъ Русской грамматики.

»Нѣтъ, этотъ человѣкъ точно мудрецъ«, подумалъ про-себя Чичиковъ и разстался съ юрисконсультомъ въ наипріятнѣйшемъ и въ наилучшемъ расположеніи духа.

Совершенно успокоившись и укрѣпившись, онъ съ небрежною ловкостью бросился на эластическія подушки коляски и приказалъ Селифану откинуть кузовъ назадъ [къ юрисконсульту онъ ѣхалъ съ поднятымъ кузовомъ и даже застегнутой кожей] и расположился, точь-въ-точь какъ оставной гусарскій полковникъ, или самъ Вишнепокромовъ, ловко подвернувши одну ножку подъ другую и обращая съ пріятностью къ встрѣчнымъ лицо, сіявшее изъ-подъ шелковой новой шляпы, надвинутой нѣсколько на ухо. Селифану было приказано держать направленье къ гостинному двору. Купцы, и пріѣзжіе, и туземцы, стоя у дверей лавокъ, почтительно снимали шляпы, и Чичиковъ, не безъ достоинства, приподнималъ имъ въ отвѣтъ свою. Многіе изъ нихъ уже были ему знакомы; другіе, хотя пріѣзжіе, но очарованные ловкимъ видомъ умѣющаго держать себя господина, привѣтствовали его какъ знакомые. Ярмарка въ городѣ Тьфуславлѣ не прекращалась: отошла конная и земледѣльческая, началась съ красными товарами для господъ просвѣщенья высшаго. Купцы, пріѣхавшіе на колесахъ, располагали назадъ не иначе возвращаться, какъ на саняхъ.

»Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!« говорилъ у суконной лавки, учтиво рисуясь, съ открытой головою Нѣмецкой сюртукъ Московскаго шитья, съ шляпою въ одной рукѣ на отлетѣ, придерживая двумя пальцами другой бритый круглый подбородокъ, съ выраженьемъ тонкаго просвѣщенья въ лицѣ.

Чичиковъ вошелъ въ лавку. »Покажите намъ, любезнѣйшій, суконца.«

Благопріятный купецъ тотчасъ приподнялъ вверхъ открывавшуюся доску у стола и, сдѣлавши такимъ образомъ себѣ проходъ, очутился въ лавкѣ, спиною къ товару, лицомъ къ покупателю, и, съ обнаженной головою и шляпой на отлетѣ, еще разъ привѣтствовалъ Чичикова. Потомъ надѣлъ шляпу и, пріятно нагнувшись, обѣими же руками упершись въ столъ, сказалъ такъ: »Какого рода суконъ-съ? Англійскихъ мануфактуръ, или отечественной фабрикаціи предпочитаете?«

»Отечественной фабрикаціи«, сказалъ Чичиковъ, только лучшаго сорта, который называется Англійскимъ.«

»Какихъ цвѣтовъ пожелаете имѣть?« вопросилъ купецъ, всётаки пріятно колеблясь на двухъ упершихся въ столъ рукахъ.

»Цвѣтовъ темныхъ оливковыхъ, или бутылочныхъ съ искрою, приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ«, сказалъ Чичиковъ.

»Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, лучше котораго можете найти только въ обѣихъ столицахъ«, говорилъ купецъ, досталъ сверху штуку, бросилъ ее ловко на столъ, разворотилъ съ другого конца и поднесъ къ свѣту. »Каковъ отливъ-съ! Самого моднаго, послѣдняго вкуса!« Сукно блистало, какъ шелковое. Купецъ чутьемъ пронюхалъ, что передъ нимъ стоитъ знатокъ суконъ и не захотѣлъ начинать съ десятирублеваго.

»Порядочное«, сказалъ Чичиковъ, слегка погладивши. »Но знаете ли, почтеннѣйшій? покажите мнѣ съ разу то, что̀ вы напослѣдокъ показываете, да и цвѣту больше того... больше искры.«

»Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой нынче (въ моду) входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства.«

»Давайте! о цѣнѣ слова (впереди).«

Штука упала сверху. Купецъ ее развернулъ еще съ бо̀льшимъ искусствомъ, поймалъ другой конецъ, развернулъ точно шелковую матерію, поднесъ Чичикову такъ, что (тотъ) имѣлъ возможность не только разсмотрѣть, но даже понюхать, и сказалъ только: »Вотъ сукно-съ! цвѣту Наваринскаго дыму съ пламенемъ.«

О цѣнѣ условились. Желѣзнымъ аршиномъ, подобнымъ жезлу чародѣя, купецъ отхваталъ тутъ же Чичикову на фракъ и панталоны; сдѣлавши ножницами нарѣзку, произвелъ обѣими руками ловкое драніе сукна во всю ширину его и при окончаніи его поклонился Чичикову съ напобольстительнѣйшею пріятностію. Сукно тутъ же было свернуто и ловко заворочено въ бумагу; свертокъ завертѣлся подъ легкой бичевкой, и Чичиковъ хотѣлъ-было лѣзть въ карманъ, но почувствовалъ пріятное окруженіе своей поясницы чьею-то деликатною рукою, и уши его услышали: »Что̀ вы здѣсь покупаете, почтеннѣйшій?«

»А, пріятнѣйше-неожиданная встрѣча!« сказалъ Чичиковъ.

»Пріятное столкновеніе«, сказалъ голосъ того же самого, который окружилъ его поясницу. Это былъ Вишнепокромовъ. »Готовился-было пройти лавку безъ вниманія; вдругъ вижу зна-

комое лицо, — какъ отказаться отъ пріятнаго удовольствія! Ничего, сукна въ этомъ году несравненно лучше вѣдь; это стыдъ, срамъ! Я никакъ не могъ бывало отыскать. Я готовъ сорокъ рублей.... возьми пятьдесятъ даже, но дай хорошаго. По мнѣ, или имѣть вещь, которая бы точно была уже отличнѣйшая, или лучше вовсе не имѣть. Не такъ ли?«

»Совершенно такъ! Зачѣмъ же трудиться, какъ не затѣмъ, чтобы точно имѣть хорошую вещь.«

»Покажите мнѣ сукна среднихъ цѣнъ«, раздался позади голосъ, показавшійся Чичикову знакомымъ. Онъ оборотился. Это былъ Хлобуевъ. По всему видно было, что онъ покупалъ сукно не для прихоти, потому что сюртукъ былъ больно протертъ.

»Ахъ, Павелъ Ивановичъ! позвольте мнѣ съ вами наконецъ поговорить. Васъ нигдѣ не встрѣтишь. Я былъ нѣсколько разъ у васъ, — всё васъ нѣтъ и нѣтъ.«

»Почтеннѣйшій, я такъ былъ занятъ, что, ей, ей, нѣтъ времени.« Онъ поглядѣлъ по сторонамъ, какъ-бы (желая) улизнуть отъ объясненія, и увидѣлъ входящаго въ лавку Муразова. »Ахъ, Боже мой, Аѳанасій Васильевичъ!« сказалъ Чичиковъ. »Вотъ пріятное столкновеніе!« И вслѣдъ за нимъ повторилъ Вишнепокромовъ: »Аѳанасій Васильевичъ!« и наконецъ благовоспитанный купецъ, отнеся шляпу отъ головы на столько, на сколько могла рука, и всѣмъ тѣломъ подавшись впередъ, произнесъ: »Аѳанасію Васильевичу наше нижайшее почтеніе!« На лицахъ напечатлѣлась та собачья услужливость, какую оказываетъ грѣшный людъ милліонщикамъ.

Старикъ раскланялся со всѣми, и обратился прямо къ Хлобуеву: »Извините меня: я, увидѣвши издали, какъ вы вошли въ лавку, рѣшился васъ побезпокоить. Если вамъ будетъ свободно и по дорогѣ мимо моего дома, такъ сдѣлайте милость, зайдите на малость времени. Мнѣ съ вами нужно будетъ переговорить.«

Хлобуевъ сказалъ: »Очень хорошо, Аѳанасій Васильевичъ.«

»Какая прекрасная погода у насъ, Аѳанасій Васильевичъ!« сказалъ Чичиковъ.

»Не правда ли, Аѳанасій Васильевичъ?« подхватилъ Вишнепокромовъ, »вѣдь это необыкновенно!«

»Да-съ, благодаря Бога, недурна. Но нужно бы дождика для посѣва.«

»Очень, очень бы нужно«, сказалъ Вишнепокромовъ: »даже и для охоты хорошо.«

»Да, дождика бы очень не мѣшало«, сказалъ Чичиковъ, которому совсѣмъ не нужно было дождика; но какъ-то уже пріятно согласиться съ тѣмъ, у кого милліоны.

»У меня, просто, голова кружится«, сказалъ Чичиковъ, по выходѣ Муразова, »какъ подумаешь, что у этого человѣка 10 милліоновъ. Это, просто, даже невѣроятно.«

»Противузаконная, однакожъ, вещь«, сказалъ Вишнепокромовъ: »капиталы не должны быть въ однѣхъ рукахъ. Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Имѣешь деньги, — ну, сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ, ремесленникамъ.«

»Этого я не могу понять«, сказалъ Чичиковъ. »Десять милліоновъ, и живетъ какъ простой мужикъ! Вѣдь это съ десятью милліонами чортъ знаетъ что̀ можно сдѣлать. Вѣдь это можно такъ завести, что и общества другого у тебя не будетъ, какъ генералы да князья.«

»Да-съ«, прибавилъ купецъ, »у Аѳанасія Васильевича, при всѣхъ почтенныхъ качествахъ, непросвѣтительности много. Если купецъ почетный, такъ ужъ онъ не купецъ: онъ нѣкоторымъ образомъ есть уже негоціантъ. Я ужъ долженъ тогда взять и ложу въ театрѣ, а дочь ужъ я за простого полковника, нѣтъ-съ, не выдамъ: я за генерала ее выдамъ. Что̀ мнѣ полковникъ? Обѣдъ мнѣ ужъ долженъ кундитеръ поставлять, а не кухарка...«

»Да что̀ говорить! помилуйте!« сказалъ Вишнепокромовъ: »съ десятью милліонами чего не сдѣлаешь? Дайте мнѣ десять милліоновъ, вы посмотрите, что̀ я сдѣлаю!«

»Нѣтъ«, подумалъ Чичиковъ, »ты-то не много сдѣлаешь толку съ десятью милліонами. А вотъ если бъ мнѣ десять милліоновъ, я бы точно кое-что сдѣлалъ.«

»Нѣтъ, если бы мнѣ теперь, послѣ этихъ страшныхъ опытовъ, десять милліоновъ!« подумалъ Хлобуевъ. »Опытомъ узнаешь цѣну всякой копейки. Э, теперь бы я не такъ...« И потомъ, минуту поду-

мавши, спросилъ себя внутренно: точно ли бы теперь умнѣй распорядился? и, махнувши рукой, прибавилъ: »Кой чортъ! я думаю, такъ же бы растратилъ, какъ и прежде«, и вышелъ изъ лавки, сгарая желаніемъ знать, что̀ объявитъ ѐму Муразовъ.

»Васъ жду, Петръ Петровичъ«, сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева. »Пожалуйте ко мнѣ въ комнатку. И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семь сотъ рублей въ годъ жалованья.

»Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, ваши обстоятельства получше? Послѣ тетушки всё-таки вамъ досталось кое-что.«

»Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ да тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ, и у меня вновь ровно ничего. А главное, что дѣло по этому завѣщанью самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ разскажу, и вы подивитесь, что̀ такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ....«

»Позвольте, Петръ Петровичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенью, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно для того, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?«

»Мои обстоятельства трудныя«, сказалъ Хлобуевъ. »Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно по крайней мѣрѣ 100 тысячъ, если не больше.«

»Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?«

»Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаніемъ дѣтей. О себѣ нечего уже думать: карьеръ мой конченъ; на службу я ужъ никуда не гожусь.«

»А почему же вы никуда не годитесь?«

»Да куда жъ мнѣ? сами посудите: мнѣ нельзя начинать съ канцелярскаго писца. Вы позабыли, что у меня семейство, мнѣ

сорокъ, у меня ужъ и поясница болитъ, я облѣнился; а должности мнѣ поважнѣе не дадутъ: я вѣдь не на хорошемъ счету, и, признаюсь вамъ, я бы и самъ не взялъ наживной должности. Я человѣкъ хоть и дрянной, и картежникъ, и все, что хотите, но взятковъ брать не стану. Мнѣ не ужиться съ Красноносовымъ, да Самосвистовымъ.«

»Но всё, извините-съ, я не могу понять, какъ же быть безъ дороги; какъ идти не по дорогѣ; какъ ѣхать, когда нѣтъ земли подъ ногами; какъ плыть, когда не на водѣ? а вѣдь жизнь путешествіе. Извините, Петръ Петровичъ, господа вѣдь, про которыхъ вы говорите, всё же они на какой-нибудь дорогѣ, всё же они трудятся. Ну, положимъ, какъ-нибудь своротили, какъ случается со всякимъ грѣшнымъ; да есть надежда, что опять набредутъ. Кто идетъ, нельзя, чтобы не пришелъ: есть надежда, что и набредетъ. Но какъ тому попасть на какую-нибудь дорогу, кто остается праздно? вѣдь дорога не пріійдетъ ко мнѣ. Какъ жить на свѣтѣ не прикрѣпленну ни къ чему, когда всякъ какой-нибудь да долженъ исполнять долгъ?... Поденьщикъ — вѣдь и тотъ служитъ. Онъ ѣстъ грошовой хлѣбъ, да вѣдь онъ его добываетъ и чувствуетъ интересъ своего занятія.«

»Повѣрьте мнѣ, Аѳанасій Васильевичъ, я чувствую совершенно справедливость (вашихъ словъ); но говорю вамъ, что во мнѣ рѣшительно погибла всякая дѣятельность; не вижу я, что я могу сдѣлать какую-нибудь пользу кому-нибудь на свѣтѣ; чувствую, что я рѣшительно безполезное бревно. Прежде, покамѣстъ былъ помоложе, такъ мнѣ казалось, что все дѣло въ деньгахъ, что если бы мнѣ въ руки сотни тысячъ, я бы осчастливилъ множество. Я имѣю вкусъ, помогъ бы бѣднымъ художникамъ, завелъ бы библіотеки, полезныя заведенія, собралъ бы коллекціи. Я человѣкъ не безъ вкуса и знаю во многомъ (толкъ); могъ бы гораздо лучше распорядиться тѣхъ нашихъ богачей, которые все это дѣлаютъ безтолково. А теперь вижу, что и это суета, и въ этомъ не много толку. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, никуда не гожусь, ровно никуда; говорю вамъ, на малѣйшее дѣло не способенъ.«

»Послушайте, Петръ Петровичъ.... Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечер-

ни. Вамъ хоть и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымался.«

»Это другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я знаю, что это дѣлаю не для человѣка, а для Того, Кто приказалъ намъ всѣмъ быть на свѣтѣ. Чтò жъ дѣлать? Я вѣрю, что Онъ милостивъ ко мнѣ, что какъ я ни мерзокъ, ни гадокъ, но Онъ меня можетъ простить и принять, тогда какъ люди оттолкнутъ ногою и наилучшій изъ друзей продастъ меня, да еще и скажетъ потомъ, что онъ продалъ изъ благой цѣли.«

Огорченное чувство выразилось въ лицѣ (Хлобуева). Муразовъ минуту помолчалъ, какъ-бы съ тѣмъ, чтобы дать ему придти въ себя, (и сказалъ): »Зачѣмъ же вы не возьмете и должности съ мыслію, что вы взяли ее не для человѣка и не для угожденія обществу, а служите Тому, Кто повелѣлъ вамъ быть на свѣтѣ, въ увѣренности, что вы молитесь? У васъ бы появилась дѣятельность и васъ никто изъ людей не въ силахъ (былъ бы) охладить.«

»Аѳанасій Васильевичъ, вновь скажу вамъ—это другое (дѣло). Въ первомъ случаѣ я вижу, что я всё-таки дѣлаю. Говорю вамъ, что я готововъ пойти въ монастырь и самые тяжкіе, какіе на меня ни наложатъ, труды и подвиги я буду исполнять, потому что тамъ я увѣренъ, что взыщутъ (съ тѣхъ), которые меня заставили дѣлать. Тамъ я повинуюсь и знаю, что Богу повинуюсь.«

»Зачѣмъ же вы такъ не разсуждаете и въ дѣлахъ свѣтскихъ? Вѣдь и въ свѣтѣ мы должны служить Богу. Если и другому служимъ, мы потому только служимъ ему, что увѣрены, что такъ Богъ велитъ, а безъ того мы бы и не служили. Чтò жъ другое всѣ способности и дары, которые разные у всякаго? Вѣдь это орудія моленія нашего. То—словами, а это—дѣломъ. Вѣдь вамъ же въ монастырь нельзя идти: вы прикрѣплены къ миру, у васъ семейство.«

Здѣсь Муразовъ замолчалъ. Хлобуевъ тоже замолчалъ.

»Такъ вы полагаете, что если бы, напримѣръ, у васъ было двѣстѣ тысячъ, такъ вы бы могли упрочить жизнь и повести отнынѣ жизнь разсчетливѣе?«

»То есть, по крайней мѣрѣ я займусь тѣмъ, чтò можно будетъ

сдѣлать, — займусь воспитаніемъ дѣтей, буду имѣть возможность доставить имъ хорошихъ учителей.«

»А сказать ли вамъ на это, Петръ Петровичъ, что чрезъ два года вы будете опять въ долгахъ, какъ въ шнуркахъ«?

Хлобуевъ нѣсколько помолчалъ и началъ съ разстановкою: »Однакожъ, послѣ этакихъ опытовъ...«

»Да что тутъ толковать!« сказалъ Муразовъ. »Вы человѣкъ съ доброй душою: къ вамъ прійдетъ пріятель, попроситъ въ-займы— вы ему дадите; увидите бѣднаго человѣка—захотите помочь; пріятный гость прійдетъ—захотите получше угостить, да и покоритесь первому доброму движенію, а разсчетъ и позабудете. И позвольте вамъ наконецъ сказать по искренности, что дѣтей-то своихъ вы не въ состояніи воспитать. Дѣтей своихъ воспитать можетъ только тотъ отецъ, который уже самъ выполнилъ долгъ свой. Да и супруга ваша... она и добрая душа, но совсѣмъ не такъ воспитана, чтобы дѣтей воспитать. Я даже думаю—извините меня, Петръ Петровичъ — не во вредъ ли дѣтямъ будетъ даже и быть съ вами!«

Хлобуевъ сильно призадумался. Онъ началъ себя мысленно осматривать со всѣхъ сторонъ и наконецъ почувствовалъ, что Муразовъ былъ правъ отчасти.

»Знаете ли, Петръ Петровичъ? отдайте мнѣ на руки это — дѣтей, дѣла; оставьте и семью, и дѣтей: я ихъ приберегу. Вѣдь обстоятельства ваши таковы, что вы въ моихъ рукахъ; вѣдь дѣло идетъ къ тому, чтобы умирать съ голоду. Тутъ ужъ на все нужно рѣшаться. Знаете ли вы Ивана Потапыча?«

»И очень уважаю, даже не смотря на то, что онъ ходитъ въ сибиркѣ.«

»Иванъ Потапычъ былъ милліонщикъ, выдалъ дочерей своихъ за чиновниковъ, жилъ какъ царь; а какъ обанкрутился— что жъ дѣлать? пошелъ въ прикащики. Не весело-то было ему съ серебрянаго блюда за простую миску: казалось, что и руки ни къ чему не подымутся. Теперь Иванъ Потапычъ могъ бы хлебать изъ серебрянаго блюда, да ужъ не хочетъ. У него ужъ набралось бы опять, да онъ говоритъ: »Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, служу я »теперь ужъ не себѣ и для себя, а потому, что Богъ такъ (велѣлъ).

»По своей волѣ не хочу ничего дѣлать. Слушаю васъ, потому что »Бога хочу слушаться, такъ какъ Богъ иначе не говоритъ, какъ »устами лучшихъ людей. Вы умнѣе меня, а потому не я отвѣчаю, »а вы.« Вотъ что̀ говоритъ Иванъ Потапычъ; а онъ, если сказать по правдѣ, въ нѣсколько разъ умнѣе меня.«

»Аѳанасій Васильевичъ! вашу власть и я готовъ надъ собою (признать)... вашъ слуга и что̀ хотите; отдаюсь вамъ. Но не давайте работы свыше силъ: я не Потапычъ и говорю вамъ, что ни на что̀ доброе не гожусь.«

»Не я-съ, Петръ Петровичъ, наложу на васъ, а такъ какъ вы хотѣли бы послужить, какъ горите сами, такъ вотъ вамъ богоугодное дѣло. Строится въ одномъ мѣстѣ церковь доброхотнымъ дательствомъ благочестивыхъ людей. Денегъ не стастъ, нуженъ сборъ. Надѣньте простую сибирку... вѣдь вы теперь простой человѣкъ, разорившійся дворянинъ и тотъ же нищій: что̀ жъ тутъ чиниться? да съ книгой въ рукахъ на простой тележкѣ и отправляйтесь по городамъ и деревнямъ. Отъ архіерея вы получите благословенье и шнуровую книгу, да и съ Богомъ.«

Петръ Петровичъ былъ изумленъ этой совершенно новой должностью. Ему, всё-таки дворянину, нѣкогда древняго рода, отправиться съ книгой въ рукахъ просить на церковь! притомъ трястись на телегѣ! А между тѣмъ вывернуться и уклониться нельзя: дѣло Богоугодное.

»Призадумались?« сказалъ Муразовъ. »Вы здѣсь двѣ службы сослужите: одну службу Богу, а другую мнѣ.«

»Какую же вамъ?«

»А вотъ какую! Такъ какъ вы отправитесь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я еще не былъ, вы узнаете-съ на мѣстѣ все, какъ тамъ живутъ мужички: гдѣ побогаче, гдѣ терпятъ нужду и въ какомъ состояніи всё? Скажу вамъ, что мужичковъ люблю, оттого, можетъ быть, что я самъ изъ мужичковъ. Но дѣло въ томъ, что завелось межъ ними много всякой мерзости. Раскольники тамъ и всякіе-съ бродяги смущаютъ ихъ, противъ властей и порядковъ ихъ возстановляютъ; а если человѣкъ притѣсненъ, такъ онъ легко возстаетъ. Что̀ жъ, будто трудно подстрекнуть человѣка, который точно терпитъ! Да дѣло въ томъ, что не снизу должна начи-

наться расправа. Дѣло плохо, когда пойдутъ на кулаки: ужъ тутъ никакого толку не будетъ — только ворамъ нажива. Вы человѣкъ умный, узнаете все это, гдѣ дѣйствительно терпитъ человѣкъ отъ другихъ спущеніе, а гдѣ отъ собственнаго неспокойнаго нрава, да и разскажете мнѣ потомъ все. Я вамъ на всякой случай небольшую сумму дамъ на раздачу тѣмъ, которые уже и дѣйствительно терпятъ безвинно. Съ вашей стороны будетъ также полезно утѣшить ихъ словомъ и получше истолковать имъ то, что Богъ велитъ переносить безропотно, и молиться въ то время, когда несчастливы, а не буйствовать и расправляться самимъ. Словомъ, говорите имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя. Если увидите вы въ комъ противу кого бы то ни было ненависть, употребите все усиліе.«

»Аѳанасій Васильевичъ, дѣло, которое вы мнѣ поручаете«, сказалъ Хлобуевъ, »святое дѣло, но вы вспомните, кому вы его поручаете. Поручить его можно человѣку почти святой жизни, который бы и самъ умѣлъ уже прощать другимъ.«

»Да я и не говорю, чтобы все это вы исполнили, а по возможности, что можно. Дѣло-то въ томъ, что вы всё-таки пріѣдете съ познаніемъ тѣхъ мѣстъ и будете имѣть понятіе, въ какомъ положеньи находится тотъ край. Чиновникъ не имѣетъ возможности, да и мужикъ-то съ нимъ не будетъ откровененъ. А вы, прося на церковь, заглянете ко всякому, и къ мѣщанину, и къ купцу, и будете имѣть случай разспросить всякаго. Говорю-съ вамъ, что генералъ-губернаторъ особенно теперь нуждается въ такихъ людяхъ, и вы, мимо всякихъ канцелярскихъ повышеній, получите такое мѣсто, гдѣ не безполезна будетъ ваша жизнь.«

»Попробую, приложу старанье, сколько хватитъ силъ«, сказалъ Хлобуевъ, и въ голосѣ его было замѣтно ободренье, спина распрямилась, голова приподнялась, какъ у человѣка, которому свѣтитъ надежда. »Вижу, что васъ Богъ наградилъ разумѣньемъ, и вы знаете иное лучше насъ, близорукихъ людей.«

»Теперь позвольте васъ спросить«, сказалъ Муразовъ, »что жъ Чичиковъ и какого роду (человѣкъ)?«

»Про Чичикова я вамъ разскажу вещи неслыханныя. Дѣлаетъ онъ такія дѣла... Знаете ли, Аѳанасій Васильевичъ, что за-

вѣщаніе вѣдь ложное? Отыскалось настоящее, гдѣ все имѣніе принадлежитъ воспитанницамъ.«

»Что̀ вы говорите? Да ложное завѣщаніе кто смастерилъ?«

»Въ томъ-то и дѣло, что премерзѣйшее дѣло! Говорятъ, Чичиковъ и что подписано завѣщаніе уже послѣ смерти: нарядили какую-то бабу, намѣсто покойницы, и она ужъ подписала. Словомъ, дѣло соблазнительнѣйшее. Подозрѣваютъ въ участіи и чиновниковъ. Ужъ, говорятъ, и генералъ-губернаторъ знаетъ. Говорятъ, тысяча просьбъ поступила съ разныхъ сторонъ. Къ Марьѣ Еремѣевнѣ теперь подъѣзжаютъ женихи; двое ужъ чиновныхъ лицъ изъ-за нея дерутся. Вотъ какого рода дѣло, Аѳанасій Васильевичъ!«

»Не слышалъ я объ этомъ ничего, а дѣло точно не безъ грѣха. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, признаюсь, для меня презагадочный (человѣкъ)«, сказалъ Муразовъ.

»Я подалъ отъ себя также просьбу, затѣмъ чтобы напомнить, что существуетъ ближайшій наслѣдникъ.......

......А мнѣ... пусть ихъ всѣ передерутся«, думалъ Хлобуевъ выходя. »Аѳанасій Васильевичъ не глупъ. Онъ далъ мнѣ это порученье, вѣрно, обдумавши.« Онъ сталъ думать о дорогѣ, въ то время, когда Муразовъ всё еще повторялъ въ себѣ: »Презагадочный для меня человѣкъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! Вѣдь если бы съ этакой волей и настойчивостью да на доброе дѣло!«

А между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ по судамъ шла просьба за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слыхалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова и на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможнѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, какъ все это пронюхали и знали! Только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ, все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему

понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: »Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня, но помните, что тревожиться никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло—спокойствіе. Обдѣлаемъ все.« Записка эта успокоила совершенно его. »Точно геній!« сказалъ Чичиковъ.

Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Онъ получилъ желанье сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ Наваринскаго дыму съ пламенемъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хоть рисуй. Ляжки и икры тоже славно обтянуло сукно; обхватило всѣ малости, сообща имъ еще бо́льшую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: »Вѣдь какой дуракъ, а въ цѣломъ онъ составляетъ картину!« Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянуты, выгнулся на перехватѣ, показавши весь его перегибъ. На замѣчаніе Чичикова, что подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало на таліи. »Будьте покойны, будьте покойны на-счетъ работы«, повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ. »Кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ.« Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: *Иностранецъ изъ Лондона и Парижа*. Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ чтобы впередъ никто не появился съ такими городами, и пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь Карлсору, или Копенгара.

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ, и оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркалѣ, какъ артистъ, съ эстетическимъ чувствомъ и con amore. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щеки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ, новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный (жилетъ) давалъ тонъ (манишкѣ), а фракъ Наваринскаго дыму съ пламенемъ давалъ тонъ всему. Поворотился направо — хорошо! поворотился налѣво — еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера,

или у чиновника, служащаго въ иностранной коллегіи, или у такого господина, который такъ чешетъ по-Французски, что передъ нимъ самъ Французъ — ничто, который, даже и разсердясь, не срамитъ себя непристойнымъ словомъ на Русскомъ языкѣ, а распечетъ Французскимъ діалектомъ. Деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня голову нѣсколько на бокъ, принять позу, какъбы адрессовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенья: выходила, просто, картина! Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкой прыжокъ, въ родѣ антраша. Вздрогнулъ комодъ и шлепнулась на землю склянка съ одеколономъ. Но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую стклянку дурой и подумалъ: Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше....«

Какъ вдругъ въ передней послышалось въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ со шпорами, и жандармъ вошелъ, въ полномъ вооруженіи... какъ-будто въ лицѣ его было цѣлое войско: »Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!« Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что̀. Цѣлое войско въ одномъ лицѣ, да и только! Онъ началъбыло возражать, но грубо заговорило страшилище: »Приказано сей часъ!« Взглянувъ сквозь дверь въ переднюю, онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшилище; взглянулъ въ окошко — экипажъ. Что̀ тутъ дѣлать? Такъ какъ былъ, во фракѣ Наваринскаго дыму съ пламенемъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генералъ-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться ему. »Ступайте! васъ князь уже ждетъ«, сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя, съ курьерами, принимавшими пакеты, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: »Вотъ какъ схватитъ да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!« Сердце его забилось съ такою силою, съ какой не бьется даже у наиревнивѣйшаго любовника. Наконецъ растворилась пе-

редъ нимъ дверь: предсталъ кабинетъ, съ портфелями, шкафами и книгами, и князь, гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

»Губитель, губитель!« сказалъ Чичиковъ. »Онъ меня зарѣжетъ какъ волкъ ягненка!«

»Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ!« Губы князя дрожали отъ гнѣва.

»Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ?« спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

»Женщина«, произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову, »женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку.«

Чичиковъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно. »Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я не виноватъ: меня обнесли враги.«

»Васъ не можетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что̀ можетъ выдумать послѣдній лжецъ. Вы во всю жизнь, я думаю, не дѣлали не-безчестнаго дѣла. Всякая копейка, добытая вами, добыта безчестнѣйшимъ образомъ, есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ ждать разрѣшенья участи своей. И это мало еще, потому что хуже (ты) и въ нѣсколько разъ (чѣмъ) тѣ, что̀ въ армякахъ и въ тулупахъ, а вѣдь ты...« Онъ взглянулъ на фракъ Наваринскаго дыму съ пламенемъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

»Ваше сіятельство!« вскрикнулъ Чичиковъ, »умилосердитесь вы хоть надъ семействомъ. Не меня пощадите, старуху мать!«

»Врешь!« вскрикнулъ гнѣвно князь. »Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было.«

»Ваше сіятельство! Я мерзавецъ и послѣдній негодяй«, сказалъ Чичиковъ. »Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но, вотъ Бо̀гъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженье гражданъ и начальства. Но что̀ за

бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Ваше сіятельство! кровью нужно было добывать насущное существованье. На всякомъ шагу соблазны и искушенье... враги и губители, и похитители. Вся жизнь была — точно судно среди волнъ морскихъ. Я человѣкъ, ваше сіятельство!«

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ какъ былъ, во фракѣ Наваринскаго дыму съ пламенемъ, въ бархатномъ жилетѣ, въ атласномъ галстукѣ, въ чудесно-сшитыхъ штанахъ, и ударился лбомъ, головной прической, изливавшей токъ сладкаго дыханья первѣйшаго одеколона.

»Поди прочь отъ меня! Позвать солдатъ, чтобы его взяли!« сказалъ князь взошедшему.

»Ваше сіятельство!« кричалъ Чичиковъ, обхвативъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганья пробѣжало по всѣмъ жиламъ (князя).

»Подите прочь, говорю вамъ!« сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятій Чичикова.

»Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости!« говорилъ (Чичиковъ), не выпуская и прижимая сапогъ князя къ груди, и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу, во фракѣ Наваринскаго дыму съ пламенемъ.

»Подите, говорю вамъ!« говорилъ онъ, съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенья, какое чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ носъ, губы и округленный подбородокъ. Но не выпустилъ сапога и еще съ большей силой держалъ ногу въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма насилу оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницѣ встрѣтилъ его Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной, вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

»Батюшка, Павелъ Ивановичъ, что̀ съ вами?«

»Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть...« Жандармы схватили его и повели, не дали даже дослышать.

Промозглый, сырой чуланъ, съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашенный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзной рѣшеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало: вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ Чичиковъ, уже начавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманье соотечественниковъ, въ тонкомъ новомъ фракѣ Наваринскаго пламени и дыма. Не дали ему даже распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги... Бумаги, крѣпости на мертвыя души, все было теперь у чиновниковъ. Онъ повалился на землю, и безнадежная грусть плотояднымъ червемъ обвилась около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это ничѣмъ незащищенное сердце. Еще день, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но и надъ Чичиковымъ не дремала чья-то всеспасающая рука. Часъ спустя, двери тюрьмы растворились. Взошелъ старикъ Муразовъ.

Если бы истерзанному палящей жаждой влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды, то онъ не оживился бы такъ, какъ оживился бѣдный Чичиковъ.

»Спаситель мой!« сказалъ Чичиковъ, вдругъ схвативши съ полу, на который бросился въ разрывающей его печали, схватилъ его руку, быстро поцѣловалъ ее и прижалъ къ груди. »Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!«

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только: »Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что̀ вы сдѣлали!«

»Я виноватъ и преступилъ, сдѣлалъ все, что̀ свойственно подлѣйшему человѣку. Но посудите, посудите, развѣ можно такъ поступать! Я дворянинъ. Безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму, отобрать все отъ меня: вещи, шкатулка... тамъ деньги, тамъ все мое имущество, Аѳанасій Васильевичъ, имущество, которое кровнымъ потомъ пріобрѣлъ...«

И, не въ силахъ будучи удержать порыва вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленьи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ Наваринскаго пламени съ дымомъ.

»Павелъ Ивановичъ, всё равно, и съ имуществомъ, и со всѣмъ, что̀ ни есть, на вѣкъ вы должны проститься: вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка.«

»Самъ погубилъ себя самого, чувствую, что погубилъ — не умѣлъ во̀ время остановиться. Но за что̀ же такая страшная (кара), Аѳанасій Васильевичъ? Я развѣ разбойникъ? Отъ меня развѣ пострадалъ кто-нибудь? Развѣ я сдѣлалъ несчастнымъ человѣка? Трудомъ и кровнымъ по̀томъ добывалъ копейку. Зачѣмъ добывалъ копейку? Затѣмъ, чтобы въ семействѣ прожить остатокъ дней, оставить что-нибудь женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть, для блага, для службы отечеству. Покривилъ, не скрою, покривилъ... что̀ жъ дѣлать? но вѣдь покривилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямой дорогой не возьмешь. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. А эти мерзавцы, которые по судамъ берутъ тысячи съ казны, небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копейку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!... Аѳанасій Васильевичъ, да вѣдь сколько трудовъ, сколько терпѣнія! Да, я, можно сказать, вытерпѣлъ всякую добытую копейку страданіями, страданіями! Пусть ихъ кто-нибудь выстрадаетъ то, что̀ я! Вѣдь что̀ вся жизнь моя? Лютая борьба, судно среди волнъ. И лишиться вдругъ всего, что̀ выработалъ!.. Аѳанасій Васильевичъ, то, что̀ пріобрѣлъ такой борьбой...«

Онъ не договорилъ и громко зарыдалъ отъ нестерпимой боли сердца, и упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую полу фрака и швырнулъ ее прочь отъ себя, и, запустивши обѣ руки себѣ въ волосы, объ укрѣпленіи которыхъ прежде старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить ничѣмъ неугасимую боль сердца.

»Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!« говорилъ (Муразовъ), скорбно смотря на него и качая головой, »какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы съ такою же силою и терпѣніемъ,

да подвизались бы на добромъ пути и для лучшей (цѣли)! Если бы хотя кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребилъ бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копейки! да съумѣлъ бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья копейки!..«

»Аѳанасій Васильевичъ!« сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руку. »О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!«

»Что́ жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, если бъ я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ, — онъ ни за что́ не отступитъ.«

»Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашаетъ, я передъ закономъ найду средства, но то, что я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... спасите!«

Онъ обнялъ ноги старика и облилъ ихъ слезами.

»Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!« говорилъ старикъ Муразовъ, качая головою. »Какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите!«

»Подумаю и о душѣ, но спасите!«

»Павелъ Ивановичъ«, сказалъ старикъ Муразовъ и остановился. »Спасти васъ не въ моей власти: вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павелъ Ивановичъ, — я попрошу у васъ награды за труды. Бросьте всѣ эти поползновенья на эти пріобрѣтенья. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, а у меня его больше, чѣмъ у васъ, я бы не заплакалъ. Ей, ей, (дѣло) не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ добрымъ людямъ; или, если знобитъ сильное

желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству: забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти. Пусть и онъ васъ позабудетъ. Въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искуситель, или предатель.«

Чичиковъ задумался. Что-то странное, какія-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя, необъяснимыя ему чувства пришли къ нему, какъ-будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то подавленное изъ дѣтства суровымъ мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынностью родного жилища, безсмѣннымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно сквозь какое-то мутное стекло, занесенное зимней вьюгой,—точно хотѣло вырваться на волю.

»Спасите только, Аѳанасій Васильевичъ! Вѣрьте, поведу другую жизнь, послѣдую вашему совѣту! Вотъ вамъ мое слово!«

»Смотрите же, Павелъ Ивановичъ, отъ слова не отступитесь«, сказалъ Муразовъ, держа его руку.

»Отступился бы, можетъ быть, если бы не такой странный урокъ«, сказалъ вздохнувши бѣдный Чичиковъ и прибавилъ: »Но урокъ тяжелъ, тяжелъ урокъ, Аѳанасій Васильевичъ!«

»Хорошо, что тяжелъ. Благодарите за это Бога, помолитесь. Я пойду стараться.« Сказавши это, старикъ вышелъ.

Чичиковъ уже не плакалъ, не рвалъ на себѣ фрака и волосъ. Онъ успокоился.

»Нѣтъ, полно!« сказалъ онъ наконецъ, »другую, другую жизнь! Пора въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться порядочнымъ. Если бы мнѣ какъ-нибудь только выпутаться и уѣхать хоть съ небольшимъ капиталомъ, поселюсь вдали отъ... Если, однакожъ, получу назадъ бумаги и купчія?..« Онъ подумалъ: »Что же? ужели оставить это дѣло, что съ такимъ трудомъ иріобрѣлъ?.. Больше не стану покупать, но заложить тѣ нужно. Вѣдь пріобрѣтеніе это стоило трудовъ! Это я заложу съ тѣмъ, чтобы на деньги купить помѣстье. Сдѣлаюсь помѣщикомъ, потому что тутъ можно сдѣлать много хорошаго.« И въ мысляхъ его пробудились тѣ чувства, которыя овладѣли имъ, когда онъ былъ у Скудронжогло, и милая, при

грѣющемъ свѣтѣ вечернемъ, умная бесѣда хозяина о томъ, какъ плодотворно и полезно занятіе помѣстьемъ. Деревня такъ вдругъ представилась ему прекрасною, точно-какъ бы онъ въ сплахъ былъ почувствовать всѣ прелести деревни.

»Глупы мы, за суетой гоняемся!« сказалъ онъ наконецъ: »Право, отъ бездѣлья! Все близко, все подъ рукой, а мы бѣжимъ за тридевять земель. Чѣмъ не жизнь, если займешься, хоть бы и въ глуши? Вѣдь удовольствіе дѣйствительно въ трудѣ. Скудронжогло правъ! Ничего нѣтъ слаще, какъ плодъ собственныхъ трудовъ... Нѣтъ, займусь трудомъ, поселюсь въ деревнѣ и займусь честно, такъ чтобы имѣть доброе вліянье и на другихъ. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ? будто я уже совсѣмъ негодный? Есть способности къ хозяйству; я имѣю качества и бережливости, и расторопности, и благоразумія, даже постоянства. Стоитъ только рѣшиться.«

Такъ думалъ Чичиковъ и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязалъ. Казалось, природа его темнымъ чутьемъ стала слышать, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, который можно исполнять всюду, на всякомъ углу, не смотря на всякія обстоятельства, смятенья и движенья, летающія вокругъ человѣка, на всякомъ мѣстѣ, на которомъ онъ поставленъ. И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и тѣхъ обольщеній, которыя отъ праздности выдумалъ человѣкъ, забывши о трудѣ своемъ, такъ сильно передъ нимъ стала рисоваться, что онъ уже почти позабылъ всю непріятность своего положенія и, можетъ быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣнье за этотъ тяжелый ударъ, если только выпустятъ его, отдадутъ хотя часть.... Но одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась; вошла чиновная особа — Самосвитовъ, лихачъ, въ плечахъ аршинъ, ноги страшныя, отличный товарищъ кутило, и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ. Если бы послать его куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя опасныя мѣста, украсть подъ носомъ у самого непріятеля пушку, — это его бы дѣло. Но, за неимѣньемъ военнаго поприща, на которомъ бы, можетъ быть, онъ былъ честнымъ человѣкомъ, онъ накостилъ и, непостижимое дѣло! съ товарищами

онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ...

»Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали!« сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. »Ничего, ничего, не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ стали работать за васъ и — ваши слуги! Тридцать тысячъ на всѣхъ, и ничего больше.«

»Будто!« вскрикнулъ Чичиковъ, и я буду совершенно оправданъ?«

»Кругомъ! еще и вознагражденье получите за убытки.«

»И за трудъ (сколько)?...«

»Тридцать тысячъ. Тутъ уже все вмѣстѣ, и нашимъ, и генералъ-губернаторскимъ, и секретарю.«

»Но позвольте, какъ же я могу? Мои всѣ вещи, шкатулка, все это теперь запечатано, подъ присмотромъ...«

»Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что̀ ли?«

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно...

»Пока, прощайте! Поручилъ вамъ сказать нашъ общій пріятель, что главное дѣло — спокойствіе и присутствіе духа.«

»Гм!« подумалъ Чичиковъ: »понимаю, юрисконсультъ!«

Самосвитовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, всё еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка, бумаги, и даже все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя; выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, осмотрѣлъ, приказалъ потребовать еще лишнихъ солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова. Связавъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что̀ нужно было для покрытія бреннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его

несказанно. Онъ возъимѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія приманки: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и тишина стали казаться ему блѣднѣй; городъ и шумъ опять ярче, яснѣй... О жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ, и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, любуясь, какъ художники, крючковатой строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно прежде, чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвитовъ превзошелъ самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная мѣщанка, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку. »Давно ты здѣсь стоишь?« — »Съ утра, ваше благородіе; до моей смѣны три часа, ваше благородіе.« — »Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы на мѣсто тебя отрядилъ другого.« — »Слушаю, ваше благородіе!« И, уѣхавъ домой на минуту, чтобы не замѣшивать никого и всѣ концы въ воду, самъ нарядился жандармомъ, оказался въ усахъ и бакенбардахъ. Самъ чортъ бы не узналъ его. Явился въ домѣ, гдѣ былъ Чичиковъ, и схвативъ первую бабу, какая попалась, сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовому: »Ступай! меня прислалъ командиръ выстоять на мѣсто тебя смѣну.« Обмѣнился и сталъ самъ съ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, на мѣсто прежней бабы, очутилась другая, ничего незнавшая и непонимавшая. Прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ донесенія; жандармскому чиновнику далъ знать, что секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживающаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ, и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтол-

ковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносѣ и пошли открываться такія дѣла, которыхъ на лицо не видно, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконно-рожденный сынъ, и какого рода и званья, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никакимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшею чепухою. Оба казались ровнаго достоинства. Когда стали наконецъ поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума. Никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непріятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился Антихристъ, который и мертвымъ не дастъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили, и подъ видомъ, какъ изловить бы Антихриста, укокошили не Антихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны быть помѣщиками и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужиками, и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ, отказалась платить капитанъ-исправникамъ всякую подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ. »Пусть войдетъ«, сказалъ князь. Старикъ вошелъ…

»Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится.«

»Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло.«

»Подлогъ завѣщанія, и еще какой!... Публичное наказаніе плетьми за этакое дѣло!«

»Ваше сіятельство, скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова... Но вѣдь это дѣло не доказанное. Слѣдствіе еще не сдѣлано.«

»Улика. Женщина, которая была наряжена на мѣсто умершей, схвачена! Я ее хочу разспросить нарочно при васъ. Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину.

Муразовъ замолчалъ.

»Безчестнѣйшее дѣло, и къ стыду замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники!« сказалъ князь съ жаромъ.

»Вѣдь губернаторъ — наслѣдникъ; онъ имѣлъ право на притязаніе; а что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженья умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться — человѣческое дѣло.«

»Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?... Подлецы!« сказалъ князь съ чувствомъ негодованья. »Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго; всѣ мерзавцы!«

»Ваше сіятельство! да кто жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города — люди; имѣютъ достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ.«

»Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите мнѣ — я васъ одного знаю за честнаго человѣка — что у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?«

»Ваше сіятельство!« сказалъ Муразовъ, »кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, когда знаю, что онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнія? Мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу и всякую минуту бываемъ причиной несчастія другого, даже и не съ дурнымъ намѣреньемъ. Вѣдь, ваше сіятельство, сдѣлали также большую несправедливость.«

»Какъ!« воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ-бы соображая что-то и наконецъ сказалъ: »Да вотъ хоть бы по дѣлу Дерпенникова

»Аѳанасій Васильевичъ! преступленье противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей.«

»Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудятъ такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла равная и Дерпенникова и какого-нибудь Вороного-Дрянного, а вѣдь преступленья ихъ не равны.«

»Ради Бога...«, сказалъ князь съ замѣтнымъ волненьемъ, »вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно писалъ еще прямо въ Петербургъ о смягченіи его участи.«

»Нѣтъ, ваше сіятельство, я не на-счетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя точно есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили ли вы тогда слишкомъ поспѣшить? Извините, ваше сіятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы нѣсколько разъ приказывали мнѣ откровенно говорить. У меня-съ, когда я еще былъ начальникомъ, много было всякихъ работниковъ, и дурныхъ, и хорошихъ; такъ если не примешь во вниманье и прежнюю жизнь человѣка, если не разспросишь обо всемъ хладнокровно, а накричишь съ перваго разу, запугаешь только его, — да и признанья настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата, — самъ все выскажетъ и даже не проситъ о смягченьи, и ожесточенья ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видитъ, что не я его наказываю, а законъ.«

Князь задумался. Въ это время вошелъ молодой чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его лицѣ, молодомъ и еще свѣжемъ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученьямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые занимались дѣлопроизводствомъ con amore, не сгарая ни честолюбьемъ, ни желаньемъ прибытковъ, ни подражаньемъ другимъ. Онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить

его — это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло наконецъ начинало передъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда передъ нимъ раскрывалась какая-либо труднѣйшая фраза и обнаруживался настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда передъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато... ([1])

.....хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть получше знаю чиновниковъ, разсмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они-то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся. Такъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, помогу уладить съ ними миролюбно. А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голоду. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ.«

»Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что — вы сами можете чувствовать — всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать на-счетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ?«

»Ваше сіятельство, ей Богу, этакъ нельзя назвать! тѣмъ болѣе, что изъ нихъ есть многіе, весьма достойные. Затруднительны положенья человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что, кажется, кругомъ виноватъ человѣкъ... а какъ войдешь — даже и не онъ.«

»Но что скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они (меня) напугали. Они первые будутъ не уважать...«

([1]) Тутъ — пропускъ.

»Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе, точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта: что̀ бы изъ нихъ каждый сдѣлалъ въ вашемъ положеніи?«

»Да, вы думаете, имъ будутъ доступны движенья благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться? Повѣрьте, они надо мной посмѣются.«

»Не думаю-съ, ваше сіятельство. У человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, всё-таки чувство справедливо. Развѣ ужъ Жидъ какой-нибудь, а не Русской. Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо мной. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ,— такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Что̀ жъ вамъ? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ-бы вы не передъ ними, а передъ самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь.«

»Аѳанасій Васильевичъ«, сказалъ князь въ раздумьи, »я объ этомъ подумаю, а, покуда, благодарю васъ очень за совѣтъ.«

»А Чичикова, ваше сіятельство, прикажете отпустить?

»Скажите этому Чичикову, чтобы онъ убирался отсюда, какъ можно поскорѣе, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то уже я бы никогда не простилъ.«

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ, изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора, старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока юрисконсульта.

»Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ онъ: »я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ

тутъ одинъ человѣкъ настроиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ его. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы одному ему не скучно было, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеньи хорошемъ, лучшемъ, нежели въ какомъ вы теперь. Совѣтую вамъ совсѣмъ не въ шутку. Ей, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди и рѣжутъ другъ друга, точно какъ-будто можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помышляя о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что, покамѣстъ, брося все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Что ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло. Когда же хотите, чтобы шло какъ слѣдуетъ, подумайте не о мертвыхъ душахъ, а о своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я тожъ выѣзжаю завтрешній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ.«

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значенье жизни опять показалось ему немаловажнымъ. »Муразовъ правъ«, сказалъ онъ. »Пора на другую дорогу!« Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку. Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденью барина. »Ну, любезные, сказалъ Чичиковъ«, обратившись (къ нимъ) милостиво, »нужно укладываться да ѣхать.«

»Покатимъ, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ Селифанъ. »Дорога, должно быть, установилась; снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы.«

»Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки«, сказалъ Чичиковъ и самъ пошелъ въ городъ, но ни къ кому не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія, было и неловко, — тѣмъ болѣе, что о немъ много ходило въ городѣ самыхъ неблагопристойныхъ исторій. Онъ избѣгалъ всякихъ встрѣчъ и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна Наваринскаго пламени съ дымомъ; взялъ

вновь четыре аршина на фракъ и на штаны, и отправился самъ къ тому же портному. За двойную цѣну мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселенье иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ, точь-въ-точь, какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что-то гладкое, и примолвилъ грустно: »И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенью? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно.« Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ наконецъ изъ города въ какомъ-то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая-то развалина прежняго Чичикова. Можно было бы сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеніемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое, а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ еще отъ архитектора опредѣлительный планъ и работники остались въ недоумѣніи. Часомъ прежде его, отправился старикъ Муразовъ, въ рогожной кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потапычемъ; а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова, пошло (по городу) приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ, до единаго.

Въ большомъ залѣ генералъ-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до титулярнаго совѣтника: правители канцеляріи и дѣлъ, совѣтники, ассессоры, Кислоѣдовъ, Красноносовъ, Самосвитовъ, небравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе некривившіе. Всѣ съ любопытствомъ, не совсѣмъ спокойнымъ, ожидали выхода. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: взоръ его былъ твердъ, такъ же какъ и шагъ. Все чиновное собраніе поклонилось; многіе въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

»Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло, очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почи-

талъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже и кто главный, и чье (тутъ) сокровенное (дѣйствіе), хотя онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованьемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ, какъ въ военное (время), и надѣюсь, что Государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести это гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ бумагами и наконецъ излишествомъ лживыхъ постороннихъ показаній и ложными доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло, — я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ, и желаю знать мнѣніе ваше.«

Князь остановился, какъ-бы ожидая отвѣта.

Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многіе были блѣдны.

»Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства.«

Кто-то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливѣйшихъ тоже смутились.

»Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишенье чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшенье отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Что жъ дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ; но не смотря на все это, я долженъ поступить жестоко; потому что вопіетъ правосудье. Знаю, что будутъ меня обвинять въ суровой жестокости, но знаю, что тѣ будутъ еще менѣе меня обвинять, (для которыхъ) я долженъ обратиться только въ одно безчувственное орудіе правосудія, которое должно упасть на (ихъ) головы.«

Содроганье невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенья душевнаго не выражало его лицо.

»Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый васъ всѣхъ проситъ. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду самъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никаками наказаньями нельзя искоренить неправды. Она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже даже невозможно многимъ идти противу всеобщаго теченья. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякой гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ, я долженъ сдѣлать кличъ хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди Русское сердце и понятно сколько-нибудь слово *благородство*. Чтò тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ быть, слишкомъ сурово васъ принялъ въ началѣ; можетъ быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными. Если они уже дѣйствительно любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться надменностью моего обращенья, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженья и высшей любви къ добру, и не принялъ бы наконецъ отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Всё-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ нраву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй по крайней мѣрѣ и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже мимо законнаго управленья образовалось

другое правленье, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ дѣйствія дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели къ нимъ другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствуетъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху возстанія народовъ вооружался, долженъ возстать теперь противу неправды. Какъ Русской, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и той же кровью, я теперь обращаюсь къ вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что̀ такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность занимаемой должности; потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется и мы сдѣ....

— —

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА,

или

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(Въ исправленномъ видѣ.)

ГЛАВА I.

Зачѣмъ же изображать бѣдность да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Чтò жъ дѣлать, если таковы свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ изображать онъ ничего другого, какъ только бѣдность да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

Какъ-бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, съ наугольниками и бойницами, шли, извиваясь на тысячу слишкомъ верстъ, горныя возвышенія. Великолѣпно возносились онѣ надъ безконечными пространствами равнинъ, то отломами, въ видѣ отвѣсныхъ стѣнъ известковато-глинистаго свойства, исчерченныхъ проточинами и рытвинами, то миловидно-круглившеюся зеленою выпуклостью, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темными гущами лѣса, какимъ-то чудомъ еще уцѣлѣвшими отъ топора. Рѣка, то вѣрная своимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними колѣна и повороты, то отлучалась прочь въ луга, затѣмъ чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть какъ огонь передъ солнцемъ, скрыться въ рощѣ березъ, осинъ и ольхъ, и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденіи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ-бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній убирался гуще въ зеленыя кудри деревъ, благодаря неровности гористаго оврага. Сѣверъ и югъ растительнаго царства собрались сюда вмѣстѣ.

Дубъ, ель, лѣсная груша, кленъ, вишнякъ и терпъ, или чплига, и рябина, опутанная хмѣлемъ, то помогая другъ другу въ ростѣ, то заглушая другъ друга, карабкались по всей горѣ, отъ низу до верху. Вверху же, у самого ея темени, примѣшивались къ ихъ зеленымъ верхушкамъ красныя крышки господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ, верхняя надстройка господскаго дома съ рѣзнымъ балкономъ и большимъ полукруглымъ окномъ. И надъ всѣмъ этимъ собраньемъ деревъ и крышъ старинная деревянная церковь возносилась своими пятью позлащенными играющими верхушками. На всѣхъ ея главахъ стояли золотые прорѣзные кресты, утвержденные золотыми прорѣзными же цѣпями, такъ что издали казалось — висѣло на воздухѣ ничѣмъ неподдержанное, сверкавшее горячими червонцами золото. И все это, въ опрокинутомъ видѣ, верхушками, крышками, крестами внизъ, миловидно отражалось въ рѣкѣ, гдѣ безобразно-дуплистыя ивы, однѣ стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви, и листья, опутанныя склизкой бодягой, плававшею по водѣ вмѣстѣ съ желтыми кувшинчиками, точно какъ-бы разсматривали это чудное изображенье.

Видъ былъ очень хорошъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на отдаленье, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель. Отъ изумленія у него захватывало въ груди духъ, и онъ только вскрикивалъ: »Господи, какъ здѣсь просторно!« Безъ конца, безъ предѣловъ, открывались пространства. За лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, въ нѣсколько зеленыхъ поясовъ, зеленѣли лѣса. За лѣсами, сквозь воздухъ, уже начинавшій становиться мглистымъ, желтѣли пески; и вновь лѣса, уже синѣвшіе, какъ море, или туманъ, далеко разливавшійся; и вновь пески, еще блѣднѣй, но всё желтѣвшіе... На отдаленномъ небосклонѣ лежали гребнемъ мѣловыя горы, блиставшія бѣлизною даже и въ ненастное время, какъбы освѣщало ихъ вѣчное солнце. По ослѣпительной бѣлизнѣ ихъ, у подошвъ, мѣстами мелькали какъ-бы дымившіяся, туманносизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ расмотрѣть человѣческій глазъ. Только вспыхивавшая при солнечномъ освѣщеніи искра золотой церковной маковки давала знать, что это

было людное большое селенье. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, пропадавшіе въ пространствахъ. Словомъ, гость, стоявшій на балконѣ, и послѣ какого-нибудь двухъ-часового созерцанія, ничего другого не могъ выговорить, какъ только: »Господи! какъ здѣсь просторно!«

Кто жъ былъ жилецъ и владѣтель этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны, гдѣ въ-разсыпку дубы встрѣчали привѣтливо подъѣзжавшаго гостя, распростирая развѣсистыя (¹) вѣтви, какъ дружескія объятья, и провожая его къ лицу того самого дома, котораго верхушку видѣли мы сзади и который стоялъ теперь весь на лицо, имѣя по одну сторону рядъ избъ, выказывавшихъ коньки и рѣзные гребни, а по другую — церковь, блиставшую золотыми крестами и золотымъ прорѣзнымъ узоромъ висѣвшей въ воздухѣ цѣпи. Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

Помѣщику Тремалаханскаго уѣзда, Андрею Ивановичу Тентетникову, молодому тридцати-трехлѣтнему счастливцу, и притомъ еще и неженатому человѣку.

Кто жъ онъ, что жъ онъ, какихъ качествъ, какихъ свойствъ человѣкъ (²)? У сосѣдей, читательницы, у сосѣдей слѣдуетъ разспросить. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи ловкихъ, уже нынѣ вовсе исчезающихъ, отставныхъ штабъ-офицеровъ-брандеровъ, изъяснялся о немъ лаконическимъ выраженьемъ: »Естественнѣйшій скотина!« Генералъ, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: »Молодой человѣкъ неглупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня не безъ связей и въ Петербургѣ, и даже при....« генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ давалъ такой оборотъ отвѣту: »Да вѣдь чинишка на немъ — дрянь, а вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!« Мужикъ его деревни, на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Стало быть, мнѣнье о немъ было неблагопріятное.

(¹) *Карандашомъ*: разставляя широко распростертыя...
(²) *Каранд*: что жъ онъ такое? какого роду человѣкъ?

Безпристрастно же сказать — онъ не былъ дурной человѣкъ, онъ, просто, былъ коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, которые коптятъ небо, то почему жъ и Тентетникову не коптить его? Впрочемъ, вотъ, на выдержку, день изъ его жизни, совершенно похожій на всѣ другіе, и пусть изъ него судитъ читатель самъ, какой у него былъ характеръ, и какъ его жизнь соотвѣтствовала окружавшимъ его красотамъ.

Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. И такъ какъ глаза, на бѣду, были маленькіе, то протиранье ихъ производилось необыкновенно долго, и во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло, съ рукомойникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, отправлялся потомъ на кухню, потомъ вновь приходилъ, — баринъ всё еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ и выходилъ въ гостинную, затѣмъ чтобы пить чай, кофій, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. Два часа просиживалъ онъ за чаемъ, и этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ; у окна же происходила всякой день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ Григорій, дворовый человѣкъ въ качествѣ буфетчика, относившійся къ Перфильевнѣ, ключницѣ, почти въ сихъ выраженіяхъ: »Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной бабѣ, молчать да и только.«

»А не хочешь ли вотъ этого?« вскрикивала ничтожность, или Перфильевна, показывая кукишъ, — баба, жесткая въ поступкахъ, не смотря на то, что охотница была до изюму, пастилы и всякихъ сластей, бывшихъ у нея подъ замкомъ.

»Вѣдь ты и съ прикащикомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная!« ревѣлъ Григорій.

»Да и прикащикъ воръ такой же, какъ и ты. Думаешь, баринъ не знаетъ васъ? вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ.«

»Гдѣ баринъ?«

»Да вотъ онъ сидитъ у окна; онъ все видитъ.«

И точно баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенью содома, кричалъ кричмя дворовой рябятишка, получившій отъ матери затрещину, визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ. Словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ. И только тогда, когда это дѣлалось до такой степени несносно, что мѣшало даже ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда, уходилъ онъ къ себѣ въ кабинетъ, затѣмъ чтобы заняться серьезно сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ, съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность; словомъ, все такъ и въ томъ видѣ, какъ любитъ задавать себѣ современный человѣкъ. Впрочемъ колоссальное предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все-это отодвигалось на сторону, бралась, намѣсто того, въ руки книга и уже не выпускалась до самого обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. За тѣмъ слѣдовала трубка съ кофіемъ, игра въ шахматы съ самимъ собой. Что же дѣлалось потомъ до самого ужина, право, уже и сказать трудно. Кажется, просто, ничего не дѣлалось.

И этакъ проводилъ время, одинъ одинешенекъ въ цѣломъ мірѣ, молодой тридцати-трехъ-лѣтній человѣкъ, сидень сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже поднятся вверхъ—взглянуть на отдаленности и виды, не хотѣлось растворять окна, за тѣмъ чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату, и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина. Изъ этого можетъ читатель видѣть, что Андрей Ивановичъ Тентетниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся, которымъ прежде имена

были — увальни, лежебоки, и которыхъ теперь, право, не знаю, какъ назвать. Родятся ли уже сами собою такіе характеры, или образуются потомъ, какъ порожденіе печальныхъ обстоятельствъ сурово обстанавливающихъ человѣка? Вмѣсто отвѣта на это, лучше разсказать исторію его воспитанія и дѣтства.

Казалось, все клонилось къ тому, чтобы вышло изъ него что-то путное. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, остроумный, полузадумчиваго свойства, полуболѣзненнаго (сложенія), попалъ онъ въ учебное заведеніе, котораго начальникомъ на ту пору былъ человѣкъ необыкновенный. Идолъ юношей, диво-воспитатель, несравненный Александръ Петровичъ одаренъ былъ чутьемъ слышать природу человѣка. Какъ онъ зналъ свойства Русскаго человѣка! Какъ зналъ онъ дѣтей! Какъ умѣлъ двигать ихъ! Не было у него и рѣчи къ нимъ о хорошемъ поведеніи. Онъ обыкновенно говорилъ: »Я требую ума, а не чего-либо другого ([1]). Кто помышляетъ о томъ, чтобъ быть умнымъ, тому некогда шалить: шалость должна изчезнуть сама собою.« И точно шалость изчезала сама собою, какъ ни казался на видъ рѣзовъ его шалунъ. Презрѣнью товарищей подвергался тотъ, кто не стремился быть (лучше). Обиднѣйшія прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки отъ самыхъ малолѣтныхъ и не смѣли ихъ тронуть пальцемъ ([2]). Малѣйшее движенье

([1]) *Прежняя поправка:* Какъ отвѣчать на это? Вотъ лучше, вмѣсто того, исторія его воспитанія и дѣтства — и пусть читатель выводитъ.... Директоромъ училища, въ которое попалъ онъ, былъ человѣкъ необыкновенный. Александръ Петровичъ имѣлъ чутье слышать природу человѣка. Не было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришелъ (бы) къ нему самъ и не повинился во всемъ. Этого мало: шалунъ уходилъ отъ него, не повѣсивши носъ, но поднявъ его, съ бодрымъ желаніемъ загладить свой поступокъ. Въ самомъ упрекѣ Александра Петровича было что-то ободряющее, что-то говорившее: »Впередъ! подымайся скорѣе на ноги, не смотря на то, что ты упалъ!« Честолюбіе онъ называлъ силою, толкающею впередъ способности человѣка и потому особенно старался возбудить (его). О поведеніи у Александра Петровича не было и рѣчи.

([2]) *Приписка сбоку другими чернилами:* »Это уже слишкомъ« — говорили многіе. »Умники выдутъ люди заносчивые«. — »Нѣтъ, это не слишкомъ«, говорилъ онъ. »Неспособныхъ я не держу долго; съ нихъ довольно одного курса, а для умныхъ у меня другой курсъ«. И точно всѣ способные выдерживали у него другой курсъ.

Между строкъ поправка: Его упрекали въ томъ, что уже слишкомъ много далъ воли умникамъ, позволяя имъ насмѣхаться и даже оскорблять ма-

ихъ помышленій было ему извѣстно. Кажется, какъ-бы онъ и не глядѣлъ, но, какъ сокрытый магъ изъ недоступной, сокровенной сѣни, слѣдилъ онъ всѣ наклонности и способности ихъ, и потому многихъ рѣзвостей онъ не удерживалъ вовсе, видя въ нихъ начало развитія свойствъ душевныхъ и говоря, что онѣ ему нужны, какъ сыпи врачу, затѣмъ чтобы узнать достовѣрно, что̀ именно заключено внутри человѣка.

Какъ любили его всѣ мальчики! Нѣтъ, никогда не бываетъ такой привязанности у дѣтей къ своимъ родителямъ. Нѣтъ, ни даже въ безумные годы безумныхъ увлеченій не бываетъ такъ сильна неугасаемая страсть, какъ сильна была любовь (къ нему). До гроба, до позднихъ дней благодарный воспитанникъ, поднявъ бокалъ въ день рожденія своего чуднаго вос(питателя), уже давно бывшаго въ могилѣ, закрывалъ глаза и лилъ слезы....

Множество всякихъ свѣдѣній и предметовъ онъ считалъ дѣломъ излишнимъ и мѣшающимъ самобытному развитію ума. У него больше было отдано времени для занятія въ саду ручными ремеслами, укрѣпляющими тѣло. (1)

Малоспособныхъ онъ не держалъ долго: для нихъ у него былъ коротенькій курсъ. Но способные должны были у него выдержи-

лоспособныхъ. На это онъ отвѣчалъ: »Что̀ жъ дѣлать? Я пристрастенъ къ умникамъ и хочу, чтобъ всѣ это видѣли.« Прежде онъ считалъ также необходимымъ прежде всего....

Приписка сбоку, внизу страницы: Все, что̀ не старалось быть умнымъ и успѣвать въ ученьи, называлось у него дурачьемъ и было предметомъ неистощимыхъ насмѣшекъ и оскорбленій. Умники не только трунили надъ ослами, но могли даже ихъ бить, а тѣ не смѣли поднять на нихъ и пальца, и должны были терпѣть даже и тогда, когда были кругомъ правы.

(1) *Послѣ этого, между строкъ:* Его малѣйшее ободреніе уже бросало въ дрожь и въ радостный трепетъ и толкало̀ честолюбивое желаніе всѣхъ превзойти....

...Какъ завидовалъ онъ всѣмъ тѣмъ, которые находились въ высшемъ (курсѣ) и пользовались возможностію быть съ нимъ неразлу(чно)! Этотъ высшій курсъ давалъ Александръ Петровичъ только для самыхъ способнѣйшихъ, превышав(шихъ).... Онъ находилъ, что малоспособныхъ, также какъ и дѣтей, не слѣдуетъ томить долгимъ сидѣніемъ....

...И эту-то науку умѣлъ онъ сдѣлать предметомъ ученія.... Отличнѣйшихъ онъ не выпускалъ изъ своей школы вмѣстѣ съ другими, но оставлялъ ихъ на другой курсъ и выдерживалъ съ ними двойное ученіе. Тутъ-то уже онъ требовалъ отъ нихъ всего того, что̀ иногда неблагоразумно требуютъ иные воспитатели отъ дѣтей.

вать двойное ученье, и послѣдній классъ, который былъ у него для однихъ избранныхъ, вовсе не походилъ на тѣ, какіе бываютъ въ другихъ заведенія(хъ). Тутъ только онъ требовалъ отъ воспитанника всего, чего иные неблагоразумно (требуютъ) отъ дѣтей,— того высшаго ума, который умѣетъ не посмѣяться, но вынести всякую насмѣшку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти изъ себя, не мстить ни въ какомъ (случаѣ) и пребывать въ гордомъ покоѣ невозмущенной души; и все, что способно образовать изъ человѣка твердаго мужа, тутъ было употреблено въ дѣйствіе, и онъ самъ дѣлалъ съ ними безпрерывныя пробы. О, какъ зналъ онъ науку жизни! (1)

Учителей у него не было много. Большую часть наукъ читалъ онъ самъ. Безъ педантскихъ терминовъ, напыщенныхъ воззрѣній и взглядовъ, онъ умѣлъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтному было видно, на что она ему нужна. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что ожидаетъ юношу впереди, и весь горизонтъ его поприща умѣлъ онъ очертить такъ, что юноша, еще находясь на лавкѣ, мыслями и душой жилъ уже тамъ, на службѣ (2). Всѣ огорченья и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенья и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ передъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно какъ-бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званьяхъ и должностяхъ. Оттого ли, что (3) честолюбіе уже такъ сильно было въ нихъ возбуждено, оттого ли, что въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ: *впередъ!* это

(1) *Въ этомъ пунктѣ, между строкъ:* Одаренными талантами считалъ онъ необходимымъ заняться несравненно больше того, какъ занимаются въ другихъ заведеніяхъ... Онъ проходилъ двойной курсъ противу того, какъ бываетъ въ другихъ заведеніяхъ, и въ этомъ послѣднемъ курсѣ онъ уже являлся совершенно другимъ человѣ(комъ). Онъ требовалъ тоже ума отъ своихъ воспитанниковъ, но уже того высшаго ума, котораго неблагоразумно иногда иные наставники требуютъ отъ дѣтей... съ которымъ побѣждаетъ человѣкъ свои страсти... какъ умѣть вынести обиду...

Послѣ словъ: »твердаго мужа«: и гражданина своей... Науки читались только тѣ, которыя способны были образ(овать)...

(2) *Дальше:* Ничего не скрывалъ...

(3) *Сверху:* силы уже развились...

словцо, знакомое Русскому человѣку, производящее чудеса надъ его чуткой природой, — но юноша съ самого начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать тамъ, гдѣ больше препятствій, гдѣ нужно было показать бо́льшую силу души. Немногіе выходили изъ этого курса, но зато эти немногіе были крѣпыши, были обкуренные порохомъ люди въ службѣ. Они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, гораздо ихъ умнѣйшіе, не вытерпѣвъ, изъ-за мелочныхъ личныхъ непріятностей, бросили все, или же, осовѣвъ и облѣнившись ([1]), очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но они не пошатнулись и, зная и жизнь, и человѣка, и умудренные мудростію, возъимѣли сильное вліяніе даже на дурныхъ людей.

Какъ поразилъ этотъ чудный наставникъ еще въ отрочествѣ Андрея Ивановича! Пылкое сердце честолюбиваго мальчика долго билось при одной мысли, что онъ попадетъ на высшій курсъ, и шестнадцати лѣтъ Тентетниковъ, выперодивши своихъ сверстниковъ, былъ удостоенъ перевода въ этотъ высшій курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, и самъ тому не вѣрилъ ([2]). Что, казалось, могло быть лучше этого воспитателя для нашего Тентетникова! Но нужно же, чтобы въ то самое время, когда онъ переведенъ былъ въ этотъ курсъ избранныхъ, чего такъ сильно желалъ, необыкновенный наставникъ, которого одно одобрительное слово уже бросало его въ сладкой трепетъ, заболѣлъ и скоропостижно умеръ! О, какой это былъ для него ударъ! какая страшная, первая потеря! Ему казалось, какъ-бы все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Ѳедоръ Ивановичъ, человѣкъ добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что-то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе-то внѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой-то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ арши

([1]) *Сперва было написано*: обезумѣвъ и опустившись.

([2]) Отъ начала пункта до слова *не вѣрилъ* написано въ одной изъ записныхъ книжекъ Гоголя, послѣ того, какъ онъ набросалъ это мѣсто въ рукописи, въ разбивку, то внизу, то вверху, самымъ небрежнымъ образомъ.

номъ размѣрять разстояніе отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, разсадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшіе куски, умнымъ оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно, когда новый начальникъ, точно какъ на-перекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведеніе, что, если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочитаетъ его умнику. Но именно того-то и не получилъ Өедоръ Ивановичъ, чего добивался ([1]). Завелись шалости потаенныя. Все было въ струнку днемъ и шло попарно, а по ночамъ кутежи. ([2])

Въ высшемъ курсѣ онъ также все переворотилъ вверхъ дномъ. Съ самыми благими намѣреніями завелъ онъ всякія нововведенія и всѣ не въ-попадъ......

Съ науками тоже случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, съ новыми взглядами и новыми углами и точками воззрѣній. Забросали они слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; показали они въ изложеньи своемъ и логическую связь, и слѣдованье за новыми открытіями, и горячку собственнаго увлеченья; но увы! не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной отозвалась въ устахъ ихъ мертвая наука. Однимъ словомъ, все пошло на-выворотъ. Но хуже всего было то, что потерялось уваженіе къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями; директора стали называть Өедькой, булкой и другими разными именами. Развратъ завелся уже вовсе не дѣтскій: завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать. Въ два года узнать нельзя было заведенія.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Его не могли увлечь ни ночныя оргіи сотоварищей, которые обзавелись какой-то дамой пе-

([1]) Мѣсто, отъ словъ: *какой-то Өедоръ Ивановичъ*, до словъ: *чего добивался*, написалъ Гоголь въ своей записной книжкѣ, послѣ наброски въ рукописи.

([2]) *Въ этомъ пунктѣ, между строкъ:* Только что было пробуждено честолюбіе въ молодомъ Тентентниковѣ, только что онъ былъ переведенъ въ высшій курсъ, всѣхъ выпередивши сверстниковъ...... Сталъ требовать отъ дѣтей того, чего можно требовать только отъ взрослыхъ. Въ свободной ихъ развязности почудилось ему что-то необузданное.

редъ самыми окнами директорской квартиры, ни кощунство ихъ надъ святыней изъ-за того только, что попался не весьма умный попъ. Нѣтъ, душа его и сквозь сонъ слышала небесное свое происхожденіе [1]. Но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе уже было возбуждено, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше бъ было и не возбуждать его. Онъ слушалъ горячившихся на каѳедрахъ профессоровъ и воспоминалъ прежняго наставника, который не горячась умѣлъ говорить понятно. Какихъ предметовъ и какихъ курсовъ онъ не слушалъ! Медицину и химію, философію правъ и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе да развитіе общинъ какихъ-то Нѣмецкихъ городовъ, — и Богъ знаетъ, чего онъ не слушалъ! Но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ чувствовалъ [2], что не такъ должно преподавать, а какъ, не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и такъ ему бывало грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но молодость счастлива тѣмъ, что у нея есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось. Онъ говорилъ себѣ: »Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленье къ жизни; настоящая жизнь на службѣ: тамъ подвиги.« И, не взглянувши на прекрасный уголокъ, такъ поражавшій всякаго гостя-посѣтителя, не поклонившись праху своихъ родителей, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно стремится отъ всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь—служить, блистать, выслуживаться, или же, просто, схватывать вершки безцвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованья. Честолюбивое стремленье Андрея Ивановича осадилъ, однако, съ самого начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные сановники [3]. Съ большимъ трудомъ и съ помощью

(1) *Далѣе:* Его не могли увлечь....

(2) *Сверху:* слышалъ.

(3) *Подъ этими словами написано карандашомъ:* Можетъ быть, въ иномъ и справедливъ (дядя), но этаго не любитъ слушать пылкой воспитанникъ. И вотъ

дядиныхъ протекцій, наконецъ онъ опредѣлился въ какой-то департаментъ. Когда ввели его въ великолѣнный, свѣтлый залъ, съ паркетами и письменными лакированными столами, походившій на то, какъ-(бы) засѣдали здѣсь первые вельможи государства, трактовавшіе о судьбѣ всего государства, и увидѣлъ (онъ) легіоны красивыхъ пишущихъ господъ, шумѣвшихъ перьями, склонивши голову на бокъ, и посадили его самого за столъ, предложа тутъ же переписать какую-то бумагу какъ нарочно нѣсколько мелкаго содержанія [переписка шла о трехъ рубляхъ, производившаяся полгода],—необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему показалось, какъ-бы онъ очутился въ катой-то малолѣтной школѣ, за тѣмъ чтобы съизнова учиться. Какъ-бы за проступокъ перевели его изъ верхняго класса въ нижній. Сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! къ довершенію сходства, иные изъ нихъ читали глупой романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ-бы занимались самимъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленіи начальника. Такъ это все ему показалось странно, такъ занятія прежнія значительнѣе нынѣшнихъ, пріуготовленіе къ службѣ лучше самой службы! Ему стало жалко школы. И вдругъ, какъ живой, предсталъ предъ нимъ Александръ Петровичъ—и чуть, чуть онъ не заплакалъ. Комната закружилась, перемѣшались чиновники и столы, и чуть удержался онъ отъ мгновеннаго потемнѣнія. »Нѣтъ«, подумалъ онъ въ себѣ, очнувшись, »примусь за дѣло, какъ-бы оно ни казалось съ

онъ вырвался съ разу на поприще, вотъ онъ столоначальникъ, рѣшаетъ и строитъ дѣла, 20-лѣтній юноша бойко сочиняетъ уже проэкты всеобщаго преобразованія. Засѣлъ подписывать. Пылкій студентъ хочетъ принести благо всему государству.

Сбоку, на другой страницѣ, карандашомъ же: Слава Богу, ослѣпленіе не долго (длилось). Случай привелъ увидѣть, въ какомъ видѣ исполняется на дѣлѣ то, что красно на словахъ, и дыбомъ поднялся у него (волосъ) на головѣ. Съ ужасомъ увидалъ онъ, сколько можетъ надѣлать вреда даже и стремящійся принести пользу,—какъ безумны столоначальники, думающіе, что они могутъ заглазно управлять и заочно рѣшать! Оно охладѣло вдругъ, честолюбивое стремленіе.... И посадили его самого, и сталъ онъ, по примѣру другихъ столоначальниковъ, рѣшать на бумагѣ дѣла людей, живущихъ за три тысячи (верстъ отъ) мѣста, куда предписываетъ законъ.... Чувство самолюбивой гордости въ немъ сильно зашевелилось. Но честолюбивое (стремленье) продолжало(сь не долго).... Вотъ онъ перешагнулъ первую трудно(сть).... вотъ онъ и не...

началѣ мелкимъ!« Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить, по примѣру прочихъ. [1]

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, не смотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый, трудцати-градусный морозъ; взвизгиваетъ исчадье сѣвера, вѣдьма-вьюга, заметая тротуары, слѣпя глаза, пудря мѣховые воротники, усы людей и морды мохнатыхъ скотовъ; но привѣтливо, сквозь летающія перекрестно охлопья (снѣга), свѣтитъ вверху окошко, гдѣ-нибудь въ четвертомъ этажѣ; въ уютной комнаткѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце, и душу разговоръ, читается свѣтлая страница вдохновеннаго Русскаго поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не водится въ другихъ земляхъ и подъ полуденнымъ роскошнымъ небомъ.

Скоро Тентетниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было въ началѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленьемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить оставшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, уже начиналъ-было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Въ числѣ друзей Андрея Ивановича, которыхъ у него было довольно, попалось два человѣка, которые были то, что называется огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ

[1] *Въ этомъ пунктѣ, между строкъ:* Нечего дѣлать, нужно было облагороживать свой почеркъ, который былъ похожъ больше на то, какъ.... (другими чернилами:) У бѣднаго Андрея Ивановича.... Не только не показалось это ему похожимъ на существенные подвиги, сравнительно передъ школой, но какъ.... (друг. черн.) странное чувство.... неопытнаго юно.... Все это показалось ему такъ дѣтскимъ, а прежнія занятія ученіемъ такъ значительными и высшими, приготовленіе къ службѣ показалось значительнѣе самой службы, что ему вдругъ захотѣлось съизнова въ школу.... Жизнь въ школѣ такъ ему показалась значительнѣе, въ сравненіи съ тѣмъ.... Но, не смотря на то, помня твердость....

своихъ дѣйствіяхъ, требуя къ себѣ снисхожденія и въ то же время исполненные нетерпимости къ другимъ, они подѣйствовали на него сильно и пылкой рѣчью, и образомъ благороднаго негодованья противу общества. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманіе. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лѣницынъ, начальникъ одного изъ отдѣленій, помѣщавшихся въ великолѣпныхъ залахъ, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ. Ему показалось, что Лѣницынъ въ разговорахъ съ высшими весь превращался въ какой-то приторный сахаръ, — и въ уксусъ, когда обращался къ нему подчиненный; что будто, по примѣру всѣхъ мелкихъ людей, бралъ онъ на замѣчанье тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленьемъ въ праздники, мстилъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ; и въ слѣдствіе этого, онъ почувствовалъ къ нему отвращенье нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ на то наискивался съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до того крупно, что ему объявлено было отъ начальства, либо просить извиненія, либо выходить въ отставку. Онъ подалъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему, перепуганный и умоляющій: »Ради самого Христа! помилуй, Андрей Ивановичъ! что̀ это ты дѣлаешь? оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался не такой, какъ хочется, начальникъ. Помилуй! что̀ ты? что̀ это ты? Вѣдь если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбье, поѣзжай и объяснись съ нимъ!«

»Не въ томъ дѣло, дядюшка«, сказалъ племянникъ. »Мнѣ не трудно попросить у него извиненья. Я виноватъ: онъ начальникъ, и не слѣдовало такъ говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. У меня есть другая служба: триста душъ крестьянъ, имѣнье въ разстройствѣ, управляющій дуракъ. Государству утраты немного, если, вмѣсто меня, сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу; но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Что̀ вы думаете? Я помѣщикъ.... если я позабочусь о сохраненьи,

сбереженьи и улучшеньи участи вверенныхъ мнѣ людей и представлю государству триста исправнѣйшихъ, трезвыхъ, работящихъ подданныхъ, — чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія, Лѣницына?«

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленья. Такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ: »Но всё же таки.... но какъ же таки.... какъ же запропастить себя въ деревню? Какое же общество можетъ быть между мужичьемъ? Здѣсь всё-таки на улицѣ попадется на-встрѣчу генералъ, князь. Пройдешь и самъ мимо какого-нибудь.... тамъ.... ну, и газовое освѣщеніе, промышленная Европа; а вѣдь тамъ что ни попадетъ, все это или мужикъ, или баба. За что жъ такъ... за что же себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?«

Но убѣдительныя представленія дяди на племянника не произвели дѣйствія. Департаментъ и столица стали (ему) надоѣдать. Деревня начинала представляться ему какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспитательницею думъ и помышленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Ужъ онъ откопалъ и новѣйшія книги по части сельскаго хозяйства.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого разговора, былъ онъ уже въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пронеслось его дѣтство, невдалекѣ отъ того прекраснаго уголка, которымъ не могъ налюбоваться никакой гость и посѣтитель. Въ душѣ его стали просыпаться прежнія, давно невыходившія наружу впечатлѣнія. Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. И вотъ, неизвѣстно отчего, вдругъ забилось у него сердце. Когда же дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ обхватъ, въ перемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перераставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: чей лѣсъ? ему сказали: Тентетникова; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и двумя мостами перелетѣла въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то

вправо, то влѣво отъ себя, и когда на вопросъ: чьи луга и поемныя мѣста? отвѣчали ему: Тентетникова; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности, — съ одной стороны мимо неснятыхъ хлѣбовъ пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ показались въ сокращенномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревъ, размѣстившихся въ-разсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали рѣзныя избы мужиковъ и красныя крыши господскихъ строеній, и блеснули золотые верхи церкви, когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куда онъ пріѣхалъ: ощущенья и мысли, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись наконецъ въ громогласныхъ словахъ:

»Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, а я закабалилъ себя въ кропатели мертвыхъ бумагъ! Учившись, воспитавшись, просвѣтясь, сдѣлавъ запасъ свѣдѣній, нужныхъ для распространенія добра между людьми вокругъ себя, для улучшенія цѣлой волости, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, являющагося и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣждѣ-управителю, а себѣ предпочесть заочное производство дѣлъ, между людьми, которыхъ я и въ глаза не видалъ, которыхъ я ни характеровъ, ни качествъ не знаю, предпочесть настоящему управленью это бумажно-фантастическое управленіе провинціями, отстоящими за тысячи верстъ, гдѣ не была никогда нога моя и гдѣ могу надѣлать только кучи несообразностей и глупостей!«

А между тѣмъ его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, мужики (и бабы) собрались къ крыльцу. Сороки, кички, повойники, зипуны, бороды, съ картинными окладами красиваго населенія, обступили его кругомъ. Когда раздались слова: »Кормилецъ ты нашъ!...« и невольно заплакали старики и старухи, помнившіе и его дѣда, и прадѣда, не могъ онъ самъ удержаться отъ слезъ и думалъ про-себя: »Столько любви! и за что? За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими!« И далъ онъ себѣ обѣтъ раздѣлить съ (ними) труды и занятья

(ихъ), чтобы не даромъ была любовь ихъ къ нему, чтобы онъ точно былъ кормилецъ (ихъ).

И сталъ онъ хозяйничать и распоряжаться. Уменьшилъ барщину, убавивъ дни работъ на помѣщика и прибавивъ времени мужику. Дурака управителя выгналъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоновъ.

»Да онъ, вишь ты, востроногой!« стали говорить мужики, и даже облѣнившіеся начинали почесываться въ затылкахъ.

Но продолжалось это не долго. Мужикъ смѣтливъ. Онъ понялъ скоро, что баринъ, хоть и прытокъ, и есть тоже охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслитъ, говоритъ громотѣйно и не въ-долбежъ. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту.

Тентетниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей. Сѣялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо. Онъ самъ присутствовалъ (при работахъ) и приказалъ выдать даже по чапорухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ давно уже колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо, а у него едва начиналъ только идти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ, просто, плутуетъ, не смотря на всѣ льготы.

Попробовалъ онъ укорить, но получилъ такой отвѣтъ: »Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то есть, выгодѣ не радѣли! Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли. По чапорухѣ водки приказали подать.« Что̀ было на это возражать?

»Да отчего жъ теперь вышло скверно?« допрашивалъ баринъ.

»Кто его знаетъ? видно, червь подъѣлъ снизу. Да и лѣто вишь ты какое: совсѣмъ дождей не было.«

Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подъѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосою: мужику угодилъ, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ.

Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягости барщины. Странное

дѣло! онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ-то было. Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ, такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами: »Баринъ, уйми бѣса-бабу. Точно чортъ какой! житья нѣтъ отъ нея!«

Хотѣлъ онъ было, скрѣпя свое сердце, приняться за строгость. Но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой, такъ развизгивалась, такая была хворая, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ; ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть. »Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ! Богъ съ тобой!« говорилъ бѣдный Тентетниковъ и вслѣдъ затѣмъ видѣлъ, какъ больная, вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и такъ отламывала ей бока, какъ не съумѣетъ и здоровый мужикъ.

Вздумалъ онъ было попробовать какую-то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ; лучше было и не задумывать ([1])! Въ дѣлахъ судейскихъ и разбирательствахъ оказались ровно ни къ чему всѣ эти юридическія тонкости, на которыя навели его профессора́-философы. И та сторона вретъ, и другая вретъ, и чортъ ихъ разберетъ! Видѣлъ онъ, что нужнѣе тутъ было юридическихъ тонкостей и философскихъ книгъ простое познанье человѣка, и видѣлъ онъ, что въ немъ чего-то не достаетъ, а чего, Богъ вѣсть. И случилось обстоятельство, такъ часто случающееся: ни мужикъ не узналъ барина, ни баринъ мужика; и мужикъ сталъ къ барину дурной стороной, и баринъ къ мужику, — и рвенье помѣщика охладѣло.

При работахъ онъ уже присутствовалъ безъ вниманія. Шумѣли ли тихо косы на покосахъ, метали ль стога, клались ли клади, вблизи ли ладилось сельское дѣло, — его глаза глядѣли подальше; вдали ли производилась работа, — они отыскивали предметы по-

([1]) *Сбоку карандашомъ*: ... Школа.... времени никому не было. Мальчикъ съ 10 лѣтъ уже былъ помощникомъ во всѣхъ работахъ, и тамъ воспитывался.... (отъ) разнообразія работъ былъ уже умнѣе....

ближе, или смотрѣли въ сторону на какой-нибудь извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынъ, разумѣется, птица, а не человѣкъ. Они смотрѣли любопытно, какъ онъ, поймавъ у берега рыбу, держалъ ее поперегъ въ носу, какъ-бы раздумывая, глотать, или не глотать, и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ въ отдаленьи бѣлѣлся другой мартынъ, еще непоймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу. Или же бросивъ обоихъ мартыновъ вмѣстѣ съ извивомъ рѣки, зажмуривъ вовсе глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ воздушнымъ, предоставлялъ онъ обонянью впивать запахъ полей, а слуху поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенья, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ звукосогласный хоръ, не переча другъ другу. Во ржи бьетъ перепелъ, въ травѣ дергаетъ дергунъ, урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, блеетъ поднявшійся на воздухъ барашекъ, по невидимой воздушной лѣстницѣ сыплются трели жаворонковъ, и звонами трубъ отдается турлыканье журавлей, строющихъ треугольники свои въ небесахъ, и откликается вся въ звуки превратившаяся окрестность.... Творецъ! какъ еще прекрасенъ Твой міръ въ глуши, въ деревушкѣ, вдали отъ подлыхъ большихъ дорогъ и городовъ (1)! Но и это стало ему наскучать. Скоро онъ и вовсе пересталъ ходить въ поля, засѣлъ въ комнаты, отказался принимать даже съ докладами прикащика.

Прежде изъ сосѣдей завернетъ къ нему бывало отставной гусаръ-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или же рѣзкаго направленья недоучившійся студентъ, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными, Европейски открытое обращенье съ потрепкой по колѣну и прочія развязности — уже черезъ-чуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился раззнакомиться со всѣми и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда наиріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, представитель уже нынѣ отходящихъ

(1) *Въ этомъ пунктѣ, между строкъ:* И оттуда, и отсюда, и съ тѣхъ сторонъ мѣста.... Трещатъ жаворонки, исчезая въ свѣтѣ....

Какъ упоительно Твое лѣто въ отдаленной деревушкѣ....

полковниковъ-брандеровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ передовой начинавшагося новаго образа мыслей, Варваръ Николаичъ Вишнепокромовъ, пріѣхалъ къ нему, затѣмъ чтобы наговориться вдоволь, коснувшись политики и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянья финансовъ въ Англіи, — онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: скотина! Другой послалъ ему съ досады тоже что-то въ родѣ свиньи. Тѣмъ и кончились сношенья. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто.

Онъ этому былъ радъ и предался обдумыванью большого сочиненья о Россіи. Какъ обдумывалось это сочиненіе, читатель уже видѣлъ. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ-будто пробуждался онъ ото сна. Когда привозила почта газеты и журналы, и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы, или приносившаго посильную дань наукамъ и дѣлу всемірному, тайная тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силою воскресало предъ нимъ школьное минувшее время, и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ.... и градомъ лились изъ глазъ его слезы....

Что значили эти слезы? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни, что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ, что, неиспытанный измлада въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянья возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки; что слишкомъ для него рано умеръ необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы воздвигнулъ шатаемыя вѣчными колебаньями силы и лишенную упругости немощную волю, кто бы крикнулъ душѣ пробуждающимъ крикомъ это бодрящее слово: *впередъ!* котораго жаждетъ повсюду,

на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій и званій, и промысловъ, Русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ Руской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ?* кто, зная всѣ силы и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы устремить насъ на высокую жизнь? Какими слезами, какой любовью заплатилъ бы ему благодарный Русской человѣкъ! Но вѣки проходятъ за вѣками, позорной лѣнью и безумной дѣятельностью незрѣлаго юноши объемлется (Русь), и не дается Богомъ мужъ, умѣющій произносить его, это всемогущее слово!

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его и чуть было не произвело переворота въ его характерѣ. Случилось что-то похожее на любовь. Но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не весьма благосклонно о Тентетниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтенье, самъ визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо дотолѣ невиданное. Иногда случается человѣку во снѣ увидѣть что-то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже во всю жизнь свою грезитъ этимъ сновидѣньемъ,—дѣйствительность для него пропадаетъ навсегда, и онъ рѣшительно ни на что не годится.

Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее учила Англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-Русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Это было что-то живое, какъ сама жизнь. Какъ въ ребенкѣ, возросшемъ на свободѣ, въ ней было все своеправно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ своимъ отцомъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданье. Но гнѣвъ ея вспыхивалъ только тогда, когда она слышала о какой-нибудь несправедливости, или дурномъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. Но никогда не спорила она за себя самое и не оправдывала себя; и гнѣвъ ея исчезнулъ бы вдругъ, если бы она увидѣла въ

несчастіи того самого, на кого гнѣвалась. При первой просьбѣ о подаяніи (отъ) кого бы то ни было, она бросала все, что имѣла, еще прежде чѣмъ успѣвала подумать о томъ, что бросить неприлично кошелекъ со всѣмъ, что въ немъ ни было. Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслѣдъ за мыслью — выраженье лица, выраженье разговора, движенье рукъ; самыя складки платья какъ-бы стремились въ ту же сторону и, казалось, какъ-бы она сама вотъ улетитъ вслѣдъ за собственными словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни предъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступило бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ; самый развязный и бойкій на слова не находилъ съ нею слова и терялся, а застѣнчивый могъ разговориться съ нею, какъ никогда въ жизни своей ни съ кѣмъ, и съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее и какъ-бы эти самыя черты ея ему гдѣ-то уже видѣлись, что случилось это во дни какого-то незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы; и надолго послѣ того становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Точно то же случилось и съ Тентетниковымъ. Ему показалось съ перваго дня знакомства, что онъ былъ знакомъ съ нею вѣчно. Неизъяснимое, новое чувство вошло къ нему въ душу. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась.

Генералъ принималъ сначала Тентетникова довольно хорошо и радушно; но сойтись между собою они не могли. Разговоры ихъ оканчивались споромъ и какимъ-то непріятнымъ ощущеньемъ съ обѣихъ сторонъ, потому что генералъ не любилъ противорѣчья и возраженья, Тентетниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Разумѣется, что ради дочери прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы, графиня Бордырева и княжна Юзякина, отсталыя фрейлины прежняго двора, но удержавшія и донынѣ кое-

какія связи въ Петербургѣ, въ слѣдствіе чего генералъ передъ ними немножко подличалъ. Съ самого ихъ пріѣзда, Тентетникову показалось, что онъ сталъ къ нему холоднѣе, не замѣчалъ его, или обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ; говорилъ ему какъ-то пренебрежительно: *любезнѣйшій, послушай, братецъ*, и одинъ разъ сказалъ ему даже *ты*.

Это его наконецъ взорвало. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри его кипѣло: »Я благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ *ты*, вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ *ты*. Но различіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамиліярному между нами обращенію.«

Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* [о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова].

Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самомъ началѣ. Потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшія за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣй. Все поворотило на жизнь, которую читатель видѣлъ въ началѣ главы, — на лежанье и бездѣйствіе. Въ домѣ завелись гадость и безпорядокъ. Половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ. Панталоны заходили даже въ гостинную. На щеголеватомъ столѣ передъ диваномъ лежали засаленныя подтяжки, точно какое угощенье гостю, и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашніе куры. Взявши перо, безсмысленно чертилъ онъ на бумагѣ по цѣлымъ часамъ рогульки, домики, избы, телеги, тройки. Но иногда, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку съ тонкими чертами, съ быстрымъ, пронзительнымъ взглядомъ и приподнятой прядью волосъ, и въ изумленьи видѣлъ хозяинъ, какъ выходилъ портретъ той, съ которой портрета, кажется, не могъ бы написать даже никакой художникъ.

И еще грустнѣе ему становилось, и вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ еще болѣе послѣ того скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таково было состояніе души Андрея Ивановича Тентетникова. Вдругъ въ одинъ день, подходя, обычнымъ порядкомъ, къ окну, съ трубкой и чашкой въ рукахъ, и къ изумленью своему не слыша ни Григорья, ни Перфильевны, замѣтилъ онъ во дворѣ движенье и нѣкоторую суету. Поварчонокъ и поломойка бѣжали отворять вороты. Въ воротахъ показались кони, точь-въ-точь какъ лѣпятъ, или рисуютъ ихъ на тріумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налѣво, морда посерединѣ. Свыше ихъ на козлахъ—кучеръ и лакей, въ широкомъ сюртукѣ, опоясавшій себя носовымъ платкомъ. За ними господинъ, въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что̀ другое, какъ рессорна́я легкая бричка. Господинъ, необыкновенно приличной наружности, соскочилъ на крыльцо, съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ. Онъ принялъ его за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было-замѣшался въ одно неразумное дѣло. Два философа изъ гусаръ да [1] недокончившій учебнаго курса эстетикъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго плута и массона, и тоже карточнаго игрока, но краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ обширною цѣлью — доставить прочное счастье всему человѣчеству, отъ береговъ Темзы до Камчатки. Касса денегъ потребовалась огромная; пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ непмовѣрныя. Куда это все пошло, зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это затянули его два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые, отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенія и будущихъ одолженій человѣчеству, сдѣлались потомъ формальными пьяницами. Тентетниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже

(1) *Другими чернилами:* начитавшійся всякихъ брошюръ.

запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому немудрено, что онъ, и вышедши, и разорвавши всякія сношенія съ ними, не могъ, однакоже, оставаться покоенъ. На совѣсти у него было не совсѣмъ ловко. Не безъ страха глядѣлъ онъ и теперь на растворившуюся дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положеніе головы, нѣсколько на бокъ. Въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью, что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря уже объ обиліи промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картиннымъ мѣстоположеніемъ его деревни; что, не смотря, однакоже, на мѣстоположеніе, онъ не дерзнулъ бы обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, если бы не случилось, по поводу весеннихъ разлитій и дурныхъ дорогъ, внезапной изломки въ экипажѣ его, требующей помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, если бы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтенье.

Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностью, подшаркнулъ ногой, обутой въ щегольской лайковый полусапожекъ, застегнутый на перламутровыя пуговки, и, не смотря на полноту корпуса, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

Успокоившійся Андрей Ивановичъ заключилъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи, можетъ быть, затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія, (а) можетъ быть, предметы ископаемые. Тотъ же часъ изъявилъ онъ ему всякую готовность споспѣшествовать во всемъ; предложилъ своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ; просилъ расположиться, какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ его въ большія Вольтеровскія (кресла) и приготовился слушать его разсказъ по части естественныхъ наукъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра.

Уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣроломными вѣтрами, упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много мѣстъ и должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ онъ такого, что показывало въ немъ скорѣе практическаго человѣка. Въ заключенье же рѣчи, высморкался онъ въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подъ часъ попадается въ оркестрѣ такая пройдоха-труба, которая когда хватитъ, покажется, что крякнуло не въ оркестрѣ, но въ собственномъ ухѣ. Точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вслѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханіе одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встрехнутьемъ носового батистоваго платка.

Читатель, можетъ быть, уже догадался, что гость былъ не другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ-бы и самый фракъ на немъ немножко поизветшалъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь, какъ-бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ-бы и самые финансы даже не были въ завидномъ состояніи. Но выраженье лица, приличье, обхожденье остались тѣ же. Даже какъ-бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ, еще ловче подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла. Еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженьяхъ, болѣе умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣй и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, не смотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ,— хоть на имянинный обѣдъ. Щеки и подбородокъ выбриты были такъ, что одинъ слѣпой могъ не полюбоваться пріятною выпуклостью круглоты ихъ.

Въ домѣ тотъ же часъ произошло преобразованье. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ, и скоро все приняло такой видъ. Комната,

опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночного туалета. Комната, опредѣленная быть кабинетомъ... но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный — передъ диваномъ, другой ломберный — между окнами, передъ зеркаломъ, третій угольный — въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ [съ инвалидною мебелью, служившій теперь передней], въ который дотолѣ съ годъ не заходилъ никто. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, а именно: панталоны подъ фракъ, панталоны новые, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ, и сюртукъ. Все это размѣстилось одно на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: одни не совсѣмъ новые, другіе совсѣмъ новые, лакированные полусапожки и спальные. Онѣ также стыдливо занавѣсились шелковымъ платкомъ, — такъ какъ-бы ихъ тамъ вовсе не было. На письменномъ столѣ тотчасъ же въ большомъ порядкѣ размѣстились: шкатулка, банка съ одеколономъ, зубныя щетки, календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля, ѣздившая по дорогамъ для внушенія страха ворамъ, помѣстилась тоже въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Все приняло видъ чистоты и опрятности необыкновенной. Нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился. Утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мущины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ переднемъ залѣ покушался-было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненьями въ образѣ жизни и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный. Но опасенья были

напрасны. Павелъ Ивановичъ нашъ показалъ необыкновенно-гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обѣщаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеніи выразился весьма счастливо, именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалой о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Выронилъ словъ немного, но съ вѣсомъ. Въ поступкахъ же своихъ показалъ онъ еще болѣе такту. Во́ время являлся, во́ время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда одинъ пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ, однакоже, соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана серебряную съ чернью табакерку и, утвердивъ ее межку двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобье того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же такъ по ней барабанилъ пальцемъ, въ-присвистку. Словомъ, онъ не мѣшалъ хозяину. »Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить«, говорилъ про-себя Тентетниковъ. »Вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей, и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно ровнаго характера, людей, съ которыми можно бы прожить вѣкъ и не поссориться, — я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей. Вотъ первый человѣкъ, котораго я вижу.« Такъ отзывался Тентетниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Приотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ гемороидальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна, долго задерживаемая холодами, вдругъ началась во всей красѣ своей, и жизнь заиграла повсюду. По свѣжему изумруду первой зелени уже голубѣли пролѣски, желтѣлъ одуванчикъ, лилово-розовый анемонъ наклонялъ нѣжную головку. Рои мошекъ и кучи (всякихъ) на-

сѣкомыхъ показались на болотахъ; за ними въ-догонъ бѣгалъ уже водяной паукъ, а за ними всякая птица собралась въ сухіе тростники отовсюду. На озера и разлившіяся рѣки налетѣли утки и всякая водяная птица. Прилетъ стадами птицъ начался еще прежде. Вдругъ населилась земля, проснулись лѣса, луга зазвучали. Чтò яркости въ зелени! чтò свѣжести въ воздухѣ! чтò птичьяго крику въ садахъ! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пѣла, какъ-бы на свадьбѣ (1). Прогулкамъ и гуляньямъ былъ раздолъ повсюду...

Чичиковъ ходилъ много. То направлялъ онъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній, въ виду разстилавшихся внизу долинъ, по которымъ повсюду оставались еще большія озера отъ водополія, и островами темнѣли на нихъ еще безлистные лѣса; или вступалъ въ лѣсные овраги, гдѣ начинали убираться листьями столпившіяся густо деревья, отягченныя птичьими гнѣздами каркающихъ воронъ, перекрестнымъ летаньемъ помрачавшихъ небо; или по просохнувшей землѣ отправлялся къ пристани, откуда, съ горохомъ, ячменемъ и пшеницей, отчаливали первыя суда, между тѣмъ какъ въ то же время съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на колеса начинавшей работать мельницы. Ходилъ наблюдать первыя весеннія работы,—глядѣть, какъ свѣжая орань черной полосой проходила по зелени, или же какъ ловкій сѣятель, постукивая рукою о сито, висѣвшее у него на груди, горстью разбрасывалъ сѣмена ровно, ни зернышка не передавши на ту, или на другую сторону.

Чичиковъ вездѣ побывалъ. Толковалъ и говорилъ и съ прикащикомъ, и съ мужикомъ, и съ мельникомъ. Узналъ все, обо всемъ, и чтò, и какъ, и какимъ образомъ идетъ хозяйство, и на сколько хлѣба продается, и чтò выбираютъ весной и осенью за умолъ муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормитъ свинью, словомъ—все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ. Оказалось немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вругъ, что не завидно идетъ хозяйство у

(1) *Сбоку:* Въ деревнѣ пошли хороводы... Гулянью былъ просторъ... Еще обнаженные лѣса звучали.... И все собиралось поближе другъ къ другу. Налетѣвшая дичь, кулики всѣхъ сортовъ....

Андрея Ивановича. Повсюду упущенья, нерадѣнье, воровство, не мало и пьянства. И мысленно говорилъ онъ самъ въ себѣ: »Какая, однакоже, скотина Тентетниковъ! Этакое имѣніе и этакъ запустить! Можно бы имѣть пятьдесятъ тысячъ годового доходу!«

Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибуь самому, — т. е. не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ, разумѣется, сейчасъ представлялась ему молодая, свѣжая, бѣлолицая бабенка, изъ купеческаго, или другого богатаго сословія, которая бы даже знала и музыку. Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвчонки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ какой-нибудь тѣнью, или призракомъ по землѣ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Тогда ему начинало представляться даже и то, что не дурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный.... И мало ли чего не приходитъ въ умъ, во время прогулокъ, человѣку, что̀ такъ часто уноситъ его отъ скучной настоящей минуты, теребитъ, дразнитъ, шевелитъ воображенье и бываетъ ему любо даже тогда, когда онъ увѣренъ самъ, что это никогда не сбудется!

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они, такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григорьемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорью пыль въ глаза своею бывалостью въ разныхъ мѣстахъ; Григорій же осадилъ его съ разу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ-было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что служитель Павла Ивановича осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Дѣло, однакожъ, кончилось между ними самой тѣсной дружбой. Въ концѣ

деревни лысый Пименъ, дядя всѣхъ крестьянъ, держалъ кабакъ, которому имя было Акулька. Въ этомъ заведеньи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои, или то, что называютъ въ народѣ — кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другого рода примашка. На деревнѣ, что ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались весенніе хороводы. Породистыя, стройныя дѣвки, какихъ уже трудно теперь найти въ большихъ деревняхъ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя, у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ, или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и, выходя также стѣной на-встрѣчу имъ, громко выпѣвали усмѣхаясь горластыя дѣвки: »Бояре, покажите жениха!« и погасалъ рдѣющій вечеръ, и тихо померкала вокругъ окольность, и раздававшійся далеко за рѣкой возвращался грустнымъ назадъ отголосокъ напѣва, — не зналъ онъ и самъ тогда, что съ нимъ дѣлалось. Во снѣ и на яву, утромъ и въ сумерки, всё мерещилось ему потомъ, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки, и движется онъ въ хороводѣ...

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и засѣдатель, и самый чубарый, нашли пребыванье у Тентетникова совсѣмъ нескучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположенье конюшенъ необыкновенно удобнымъ. У всякаго стойло, хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, если бы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, блажь вдругъ заржать, можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились какъ дома. Что же касается до той надобности, ради которой Павелъ Ивановичъ объѣзжалъ пространную Россію, до мертвыхъ душъ, то на счетъ этого предмета онъ сдѣлался очень остороженъ и деликатенъ, если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми. Но Тентетниковъ, какъ-бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего, зачѣмъ и почему, »Нѣтъ, лучше поис-

кать, нельзя ли съ другого конца.« Такъ думалъ онъ. Раздобаривая почасту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... Но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ всё рисовалъ какія-то головы, одна на другую похожія.

Одинъ разъ, послѣ обѣда, оборачивая по обыкновенію пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ: »У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного только не достаетъ.«

»Чего?« спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ.

»Подруги жизни«, сказалъ Чичиковъ.

Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился.

Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ: »А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться.«

Хоть бы слово сказалъ на это Тентетниковъ, точно какъ-бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна!

Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ: »А всё-таки, какъ ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію.«

Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположеніе духа въ этотъ день у него особенно настроено было къ откровенности, — онъ вздохнулъ и сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ: »На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Ивановичъ«, и разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло, и увидѣлъ, что изъ одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Съ минуту смотрѣлъ пристально въ глаза Тентетникову и не зналъ, какъ рѣшить: дѣйствительно ли онъ былъ круглый дуракъ, или только съ придурью?

»Андрей Ивановичъ! помилуйте!« сказалъ онъ наконецъ, взяв-

ши его за обѣ руки, »какое жъ (тутъ) оскорбленіе? что̀ жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты?*«

»Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго«, сказалъ Тентетниковъ, »но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленье. *Ты*—это значитъ: »Помни, »что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого »лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина — ты знай свое »мѣсто, стой у порога.« Вотъ что̀ это значитъ! Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженье оскорбленнаго чувства.

»Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, что̀ жъ тутъ такого?« сказалъ Чичиковъ.

»Какъ! вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?«

»Да какой же это поступокъ? это даже не поступокъ!« сказалъ Чичиковъ.

»Какъ не поступокъ?« спросилъ въ изумленьи Тентетниковъ.

»Это генеральская привычка, а не поступокъ; они всѣмъ говорятъ *ты*. Да впрочемъ, почему жъ этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?«

»Это другое дѣло«, сказалъ Тентетниковъ. »Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно.«

»Онъ совсѣмъ дуракъ«, подумалъ про-себя Чичиковъ. »Оборвышу позволить, а генералу не позволить! — Хорошо!« сказалъ онъ вслухъ; »положимъ, онъ васъ оскорбилъ, зато вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Но ссориться, разставаться навсегда изъ пустяка, это—извините.... Если уже избрана цѣль, ужъ нужно идти на-проломъ. Что̀ глядѣть на то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется: онъ такъ уже созданъ. Да вы не отыщете теперь во всемъ свѣтѣ такого, который бы не плевался.«

»Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!« думалъ про-себя въ недоумѣніи Тентетниковъ, совершено озадаченный такими словами.

»Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тентетниковъ!« думалъ между тѣмъ Чичиковъ. »Андрей Ивановичъ! я буду съ вами говорить, какъ братъ съ братомъ. Вы человѣкъ неопытный. Позвольте мнѣ обдѣлать это дѣло. Я съѣзжу къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанію людей и свѣта.«

»Подличать передъ нимъ я не намѣренъ«, сказалъ оскорбившись Тентетниковъ, »да и васъ не могу на это уполномочить.«

»Подличать я неспособенъ«, сказалъ оскорбившись Чичиковъ. »Въ другомъ проступкѣ, по человѣчеству, могу провинится, но въ подлости никогда.... Извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желанье, я не ожидалъ, чтобы слова (мои) принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ.« Все это было сказано съ чувствомъ достоинства.

»Я виноватъ, простите!« сказалъ торопливо тронутый Тентетниковъ, схвативъ его за обѣ руки. »Я не думалъ васъ оскорбить. Клянусь, ваше доброе участіе мнѣ дорого! Но оставимъ этотъ разговоръ. Не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!«

»Въ такомъ случаѣ, я такъ поѣду къ генералу.«

»Зачѣмъ?« спросилъ Тентетниковъ, смотря съ недоумѣньемъ ему въ глаза.

»Засвидѣтельствовать почтенье.«

»Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!« подумалъ Тентетниковъ.

»Странный человѣкъ этотъ Тентетниковъ!« подумалъ Чичиковъ.

»Я завтра же, Андрей Ивановичъ, около десяти часовъ утра къ нему и поѣду. По-моему, чѣмъ скорѣе засвидѣтельствовать почтенье человѣку, тѣмъ лучше. Такъ какъ бричка моя не пришла въ надлежащее состояніе, то позвольте взять у васъ коляску. Я бы завтра же, эдакъ около десяти часовъ утра, къ нему бы и съѣздилъ.«

»Помилуйте, что̀ за просьба? Вы полный господинъ, и экипажъ, и все въ вашемъ распоряженіи.«

Послѣ такого разговора, они простились и разошлись спать, не безъ размышленія о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь! На другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочилъ онъ въ коляску, съ легкостью почти военнаго человѣка, въ новомъ фракѣ, бѣломъ галстукѣ и жилетѣ, и покатился свидѣтельствовать почтенье генералу, Тентетниковъ пришелъ въ такое волненье духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить,—безуспѣшное хотѣнье! мысль не лѣзла къ нему въ голову. То старался ни очемъ не мыслить,—безуспѣшное старанье! отрывки чего-то похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей, лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. »Странное состоянье!« сказалъ онъ и придвинулся къ окну — глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась неуспѣвшая улечься пыль, поднятая уѣхавшей коляской. Но оставимъ Тентетникова и послѣдуемъ за Чичиковымъ.

ГЛАВА II.

Добрые кони въ полчаса съ небольшимъ пронесли Чичикова черезъ десятиверстное пространство: сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открывались виды на отдаленье, потомъ широкою аллеею липъ, едва начинавшихъ развиваться, внесли его въ середину самой деревни. Тутъ аллея липъ своротила направо и, превратясь въ улицу тополей, огороженныхъ снизу плетенными коробками, уперлась въ чугунныя сквозныя вороты, сквозь которыя глядѣлъ кудряво богатый рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь Коринфскихъ колоннъ. Повсюду несло масляной краской, все обновлявшей и ничему недававшей состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Подкативъ къ подъѣзду, Чичиковъ съ почтеньемъ соскочилъ на крыльцо, приказалъ о себѣ доложить

генералу и былъ введенъ къ нему прямо въ кабинетъ. Генералъ поразилъ его величественной наружностью. Онъ былъ въ атласномъ стеганомъ халатѣ, великолѣпнаго пурпура. Открытый взглядъ, лицо мужественное, усы и большіе бакенбарды съ просѣдью, стрижка на затылкѣ низкая, подъ гребенку, шея сзади толстая, называемая въ три этажа, или въ три складки, съ трещиной поперегъ. Словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ картинныхъ генераловъ, которыми такъ богатъ былъ знаменитый 12-й годъ. Генералъ Бетрищевъ заключалъ въ себѣ кучу достоинствъ и кучу недостатковъ. То и другое, какъ водится въ Русскомъ человѣкѣ, было набросано у него въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Въ рѣшительныя минуты великодушіе, храбрость, умъ, безпримѣрная щедрость во всемъ и, въ примѣсь къ этому, капризы честолюбія и та мелкая личная щекотливость, безъ которой не обходится ни одинъ Русской, когда онъ сидитъ безъ дѣла и не требуется отъ него рѣшительности. Онъ не любилъ всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, и выражался о нихъ ѣдко, въ колкихъ эпиграмахъ. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, котораго онъ считалъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, и какъ нарочно тѣхъ, въ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ-бы въ зависимости отъ него. Въ отмщеніе, язвилъ его при всякомъ случаѣ, порочилъ всякое распоряженье и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Въ немъ было все какъ-то странно, начиная съ просвѣщенія, котораго онъ былъ поборникомъ и ревнителемъ: любилъ опміамъ, любилъ блескъ, любилъ похвастаться умомъ, любилъ также знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль Русскаго барина. И не мудрено, что съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ множество непріятностей, въ слѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картин-

ную величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ— онъ былъ всё тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженья, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ, если не уваженіе, то по крайней мѣрѣ робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженье, и робость. Наклоня почтительно голову на бокъ и разставивъ руки на-отлетъ, какъ-бы готовился приподнять ими поднось съ чашками, онъ изумительно ловко нагнулся всѣмъ корпусомъ и сказалъ: »Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженье къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству.«

Генералу, какъ видно, не не понравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма благосклонное движенье головою, онъ сказалъ: »Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?«

»Поприще службы моей«, сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не посерединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ, »началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченье оной совершалъ по разнымъ мѣстамъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ коммиссіи построеній, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить какъ-бы судну среди волнъ, ваше превосходительство. Терпѣньемъ, можно сказать, повитъ, спеленанъ и, будучи, такъ сказать, самъ одно олицетворенное терпѣнье.... А что было отъ враговъ, покушавшихся на самую жизнь, такъ это ни слова, ни краски, ни самая, такъ сказать, кисть не съумѣетъ передать... Такъ что на склонѣ жизни своей ищу только уголка, гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же, покуда, у близкаго сосѣда вашего превосходительства...«

»У кого это?«

»У Тентетникова, ваше превосходительство.«

Генералъ поморщился.

»Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаевается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженья...«

»Къ чему?«

»Къ заслугамъ вашего превосходительства. Не находитъ

словъ.... Говоритъ: »Если бы я только могъ чѣмъ-нибудь.... потому что точно«, говоритъ, »умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ »отечество«, говоритъ.«

»Помилуйте, что жъ онъ? Да вѣдь я не сержусь«, сказалъ смягчившійся генералъ. »Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ.«

»Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство. Истинно преполезный человѣкъ; можетъ побѣждать даромъ слова и владѣетъ перомъ.«

»Но пишетъ, я чай, пустяки какіе-нибудь и стишки?«

»Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки.... Онъ что-то дѣльное пишетъ.... Исторію, ваше превосходительство.«

»Исторію? о чемъ исторію?«

»Исторію...« тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: »исторію о генералахъ, ваше превосходительство.«

»Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?«

»Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ.«

Чичиковъ совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнулъ самъ и мысленно сказалъ: »Господи, что за вздоръ такой несу!«

»Извините, я не очень понимаю.... что жъ это? выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи?« и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году.

»Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году!« Проговоривши это, онъ подумалъ въ себѣ: »Хоть убей, не понимаю!«

»Такъ что жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ.«

»Робѣетъ, ваше превосходительство.«

»Какой вздоръ! Изъ-за какого-нибудь пустого слова.... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать.«

»Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ«, сказалъ

Чичиковъ, оправясь совершенно, ободрился и подумалъ: »Экая оказая! какъ генералы пришлись кстати! а вѣдь языкъ взболтнулъ съ-дуру.«

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкафа отворилась сама собою и на отворившейся обратной половинѣ ея, ухатившись рукой за мѣдную ручку замка́, явилась живая фигурка. Если бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сильно сзади лампами, — она бы такъ не поразила внезапностію своего явленія. Видно было, что она взошла съ тѣмъ, чтобы что-то сказать, но увидѣла незнакомаго человѣка. Съ нею вмѣстѣ, казалось, влетѣлъ солнечный лучъ, и какъ-будто разсмѣялся нахмурившійся кабинетъ генерала. Пряма и легка, какъ стрѣлка, она какъ-бы возвышалась надъ всѣмъ своимъ (поломъ). Но это было обольщенье. Она была вовсе не высокаго роста. Происходило это отъ необыкновенно-согласнаго соотношенья между собою всѣхъ частей тѣла. Платье сидѣло на ней такъ, что, казалось, лучшія швеи совѣщались между собой, какъ получше убрать ее. Но это было также обольщенье. Одѣлась она какъ-будто сама собой: въ двухъ, трехъ мѣстахъ схватила игла кое-какъ неизрѣзанный кусокъ одноцвѣтной ткани, и онъ уже собрался и расположился вокругъ нея въ такихъ сборкахъ и складкахъ, что если бы перенести ее (на холстъ) со всѣми этими складками обольнувшаго ее платья, — назвали бы ее копіею геніальною. Всѣ барышни, одѣтыя по модѣ, показались бы передъ ней какими-то пеструшками, издѣліемъ лоскутнаго ряда.... Одно было нехорошо: она была черезъ-(чуръ) уже тонка и худа.

»Рекомендую вамъ мою баловницу!« сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. — »Однакожъ фамиліи вашей, имени и отчества до сихъ поръ не знаю.«

»Должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, неознаменовавшаго себя доблестями?« сказалъ скромно Чичиковъ, наклонивши голову.

»Всё же, однакожъ, нужно знать....«

»Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство«, сказалъ Чичиковъ, поклонившись съ ловкостью почти военнаго человѣка и отпрыгнувши назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

»Улинька!« сказалъ генералъ, обратясь къ дочери, »Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ, Тентетниковъ, совсѣмъ не такой глупой человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года.«

»Да кто же думалъ, что онъ глупой человѣкъ?« проговорила она быстро. »Развѣ одинъ только Вишнепокромовъ, которому ты вѣришь, который и пустой, и низкой человѣкъ!«

»Зачѣмъ же низкой? Онъ пустоватъ, это правда«, сказалъ генералъ.

»Онъ подловатъ и гадковатъ, не только что пустоватъ. Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкой человѣкъ.«

»Да вѣдь это разсказываютъ только.«

»Такихъ вещей разсказывать не будутъ напрасно. Я не понимаю, отецъ, какъ съ добрѣйшей душой, какая у тебя, и съ такимъ рѣдкимъ сердцемъ, ты будешь принимать человѣка, который какъ небо отъ земли, отъ тебя и о которомъ самъ знаешь, что онъ дуренъ.«

»Вотъ этакъ вы видите«, сказалъ генералъ, усмѣхаясь Чичикову, »вотъ этакъ мы всегда съ ней споримъ«, и обратясь къ дочери, продолжалъ:

»Душа моя! Вѣдь мнѣ жъ не прогнать его?«

»Зачѣмъ прогонять? Но зачѣмъ и показывать ему такое вниманіе? зачѣмъ и любить?«

Здѣсь Чичиковъ почелъ долгомъ ввернуть и отъ себя словцо. »Всѣ требуютъ къ себѣ любви, сударыня«, сказалъ Чичиковъ. »Что жъ дѣлать? И скотина любитъ, чтобы ее погладили. Сквозь хлѣвъ просунетъ морду: на, погладь!«

Генералъ разсмѣялся. »Именно просунетъ морду: на, погладь!... Ха, ха, ха! У иного не только что рыло, но весь въ сажѣ, а вѣдь тоже требуетъ, какъ говорится, поощренья... Ха, ха, ха, ха!« И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густые эполеты, тряслись, точно какъ-бы носили и нынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъува-

женья къ генералу, пустилъ его на букву *е*: хе, хе, хе, хе, хе! И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густыхъ эполетъ.

»Обокрадетъ, обворуетъ казну, да еще каналья, наградъ проситъ. Нельзя, говоритъ, безъ поощренья, трудился... Ха, ха, ха, ха!«

»А изволили, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о томъ, что̀ такое—*полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякой полюбитъ?*« сказалъ Чичиковъ, обратясь къ генералу съ улыбкой, уже нѣсколько плутоватой.

»Нѣтъ, не слыхалъ.«

»Симпатическій анекдотъ, ваше превосходительство! Въ имѣніи, ваше превосходительство, у князя Гукзовскаго, котораго, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство изволите знать...«

»Не знаю.«

»Былъ управитель, изъ Нѣмцевъ, ваше превосходительство, молодой человѣкъ. По случаю поставки рекрутъ и прочаго, имѣлъ онъ надобность пріѣзжать въ городъ, водиться съ судейскими, ну, и.... сами изволите знать.... подмазывать. [Чичиковъ, прищуря глазъ, выразилъ въ лицѣ своемъ, какъ подмазываются судейскіе].... Впрочемъ и они тоже угощали его, такъ что одинъ разъ, обѣдая у нихъ, онъ говоритъ: »Что̀ жъ, господа? когда-нибудь и ко мнѣ, въ имѣнье къ князю!« Тѣ говорятъ: »Пріѣдемъ.« Случилось, ваше превосходительство, въ непродолжительномъ времени, выѣхать суду на слѣдствіе по дѣлу, приключившемуся во̀ владѣніяхъ графа Трехметьева, котораго ваше превосходительство, безъ сомнѣнія, тоже изволите знать...«

»Не знаю.«

»Самого-то слѣдствія они не дѣлали, а заворотили телеги на экономическій дворъ, къ эконому, да три дня и три ночи, не переводя духу, и прокозыряли въ карты. Самоваръ и пуншъ, ваше превосходительство, со стола не сходятъ. Старику-то, графскому эконому, уже они засѣли, такъ сказать, въ горлѣ. [Чичиковъ показалъ себѣ на горло]. Чтобы какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлаться, онъ и говоритъ: »Вы бы, господа, заѣхали къ княжому управителю, »Нѣмцу: онъ не далеко отсюда и васъ ждетъ.«—»А и въ самомъ дѣлѣ, говорятъ: »онъ же насъ и звалъ!« И все это, какъ было, заспанное,

небритое, — на телеги, да къ Нѣмцу.... А Нѣмецъ, ваше превосходительство, только-что женился. Женился на институткѣ, моloденькой, субтильной. [Чичиковъ выразилъ въ лицѣ своемъ субтильность.] Находясь, такъ сказать, въ медовомъ мѣсяцѣ, сидятъ они, въ родѣ двухъ ангелончиковъ, за чаемъ. Вдругъ отворяются двери — и ввалилось сонмище.«

»Воображаю — хороши!« сказалъ генералъ смѣясь.

»Нѣмца такъ это поразило, ваше превосходительство, что потерялся совсѣмъ. Подходитъ къ нимъ и говоритъ: »Что вамъ угод-»но?« — »А, такъ вотъ ты какъ!« Перемѣна декорацій: другой оборотъ, другая рѣчь: »За дѣломъ. Сколько вина выкуривается по »имѣнью? Покажи книги!« Тотъ сюды-туды. »Эй понятыхъ!« Взяли, связали да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ Нѣмецъ въ тюрьмѣ.«

»Вотъ на!« сказалъ генералъ.

Улинька всплеснула руками.

»Жена, ваше превосходительство, хлопотать! Ну что жъ можетъ какая-нибудь молодая женщина, неискушенная, такъ сказать, горниломъ опыта? Спасибо, что случились добрые люди, которые научили пойти на мировую. Отдѣлался Нѣмецъ, ваше превосходительство, двумя тысячами да угостительнымъ обѣдомъ. Да ужъ за обѣдомъ, когда ужъ всѣ того... и онъ также... говоря просто, налимонились, они и говорятъ ему: »Вотъ видишь! погнушался нами! Ты всё бы хотѣлъ видѣть выбритыхъ. Нѣтъ, *ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякой полюбитъ.*«

Генералъ расхохотался.

Болѣзненное чувство выразилось на благородно-миломъ лицѣ дѣвушки.

»Ахъ, папа! я не понимаю, какъ ты можешь смѣяться. На меня эти безчестные поступки наводятъ уныніе и ничего болѣе. Когда я вижу, что въ глазахъ совершается обманъ, въ виду всѣхъ, и не наказываются эти люди всеобщимъ презрѣньемъ, — я не знаю, что со мной дѣлается, я на ту пору становлюсь зла, я думаю, думаю....« и чуть она не заплакала.

»Только пожалуйста не гнѣвайся на насъ«, сказалъ генералъ. »Мы тутъ ни въ чемъ невиноваты. Не правда ли?« продолжалъ онъ

обращаясь къ Чичикову.—»Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ. Я сейчасъ стану одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты«, сказалъ онъ, посмотрѣвъ Чичикову въ глаза, »надѣюсь, обѣдаешь у меня?«

»Если только, ваше превосходительство. . .«

»Безъ чиновъ, что̀ тутъ? Я вѣдь еще, слава Богу, могу накормить. Щи есть.«

Бросивъ ловко обѣ руки на-отлетъ, Чичиковъ признательно и почтительно наклонилъ голову книзу, такъ что на время скрылись изъ его взоровъ всѣ предметы въ комнатѣ и остались видны ему только одни носки своихъ собственныхъ полусапожекъ. Когда же, пробывъ нѣсколько времени въ такомъ почтительномъ расположеніи, приподнялъ онъ голову снова кверху, онъ уже не увидалъ Улиньки. Она исчезнула. Намѣсто ея, предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лоханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

»Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?«

»Не только одѣваться, но можете совершить при мнѣ все, что̀ угодно вашему превосходительству.«

Спустя съ одной руки халатъ и засуча рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ, генералъ сталъ умываться, брызгаясь и фыркая, какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

»Какъ бишь?« сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою шею... »Полюби насъ бѣленькими. . . .«

»Черненькими, ваше превосходительство. . .«

»Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякой полюбитъ. Очень, очень хорошо! Любятъ, любятъ, точно любятъ поощренье. Погладь, погладь его! а вѣдь безъ поощренья, такъ и красть не станетъ... Ха, ха, ха!«

Чичиковъ былъ въ духѣ неописанномъ. Вдругъ налетѣло на него вдохновенье. »Генералъ весельчакъ и добрякъ — попробовать!« подумалъ (онъ) и, увидя, что камердинеръ съ лоханью вышелъ, вскрикнулъ: »Ваше превосходительство! такъ какъ вы уже такъ добры ко всѣмъ и внимательны, имѣю къ вамъ крайнюю просьбу.«

»Какую?«

»Есть, ваше превосходительство, у меня дряхлый старикашка-

дядя«, сказалъ Чичиковъ, оглянувшись вокругъ. »У него триста душъ и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣньемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ: »Я«, говоритъ, »племянника не знаю; »можетъ быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный »человѣкъ: пусть пріобрѣтетъ прежде самъ собой триста душъ; »тогда я ему отдамъ и свои триста душъ.«

»Да что̀ жъ онъ? выходитъ, совсѣмъ дуракъ?« спросилъ генералъ.

»Дуракъ бы еще пусть, это при немъ бы и осталось. Но положенье-то моѐ, ваше превосходительство! У старикашки завелась какая-то ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ.«

»Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего«, сказалъ генералъ. »Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить?« говорилъ онъ, смотря съ изумленьемъ на Чичикова.

»Я придумалъ вотъ что̀. Если вы всѣхъ мертвыхъ душъ вашей деревни, ваше превосходительство, передадите мнѣ въ такомъ видѣ, какъ-бы онѣ были живыя, съ совершеньемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику и онъ наслѣдство бы мнѣ отдалъ.«

Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ. Какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

»Отецъ, что̀ съ тобой случилось?« говорила она, въ страхѣ и недоумѣньи смотря ему въ глаза.

Но генералъ долго не могъ издать никакого звука. »Ничего, мой другъ. Ступай къ себѣ; мы сейчасъ явимся обѣдать. Будь спокойна. Ха, ха, ха!«

И, нѣсколько разъ задохнувшись, вырывался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь отъ передней до послѣдней комнаты.

Чичиковъ былъ въ безпокойствѣ.

»Дядя-то, дядя! въ какихъ дуракахъ будетъ, ха, ха, ха! мертвыхъ вмѣсто живыхъ получитъ! Ха, ха, ха!«

»Экъ его, щекотливый какой на нервы!« думалъ про-себя Чичиковъ.

»Ха, ха, ха!« продолжалъ генералъ. »Экой оселъ! вѣдь придетъ же въ умъ требовать: пусть прежде самъ собой изъ ничего достанетъ триста душъ, такъ тогда дамъ ему триста душъ! Вѣдь онъ оселъ?«

»Оселъ, ваше превосходительство.«

»Ну, да и твоя-то штука попотчивать старика мертвыми! Ха, ха, ха! Я бы Богъ знаетъ что̀ далъ, чтобы посмотрѣть, какъ ты ему поднесешь на нихъ купчую крѣпость. Ну, что̀ онъ? каковъ? Онъ изъ себя очень старъ?«

»Лѣтъ восемьдесятъ.«

»Однакожъ движется, бодръ? Вѣдь онъ долженъ же быть крѣпокъ, потому что при немъ вѣдь живетъ и ключница...«

»Какая крѣпость! песокъ сыплется, ваше превосходительство!«

»Экой дуракъ! Вѣдь онъ дуракъ?«

»Дуракъ, ваше превосходительство.«

»Однакожъ выѣзжаетъ, бываетъ въ обществахъ? съ виду бодръ? держится еще на ногахъ?«

»Держится, но съ трудомъ.«

»Экой дуракъ! но крѣпокъ, однакожъ, есть еще зубы?«

»Два зуба всего, ваше превосходительство.«

»Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись... Хоть онъ тебѣ и дядя, а вѣдь онъ оселъ?«

»Оселъ, ваше превосходительство. Хоть и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но что̀ жъ дѣлать?«

Вралъ Чичиковъ: ему вовсе не тяжело было сознаваться, потому что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя.

»Такъ ужъ будьте, ваше превосходительство, такъ добры, отпустите мнѣ...«

»Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку, я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ-то! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха, ха!...«

И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ. (1)

(1) *Примѣчаніе С. П. Шевырева.* Здѣсь пропущено примиреніе генерала Бетрищева съ Тентетниковымъ; обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о двѣнадцатомъ

ГЛАВА III.

»Если полковникъ Кошкаревъ точно сумасшедшій, то это недурно«, говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ, когда всё исчезло и только остался одинъ небесный сводъ да два облака въ сторонѣ.

»Ты, Селифанъ, разспросилъ ли хорошенько, какъ дорога къ полковнику Кошкареву?«

»Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ всё хлопоталъ около коляски, такъ мнѣ некогда было; а Петрушка разспрашивалъ у кучера.«

»Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка бревно, Петрушка глупъ, Петрушка, чай, и теперь пьянъ.«

»Вѣдь тутъ не мудрость какая!« сказалъ Петрушка, полуоборотясь и глядя искоса. »Окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять лугомъ, ничего больше и нѣтъ.«

»А ты, окромѣ сивухи, ничего и въ ротъ не бралъ? Хорошъ, очень хорошъ! Ужъ вотъ можно сказать: удивилъ красотой Европу!« Сказавъ это, Чичиковъ погладилъ свой подбородокъ и подумалъ: »Какая, однакожъ, разница между просвѣщеннымъ дворяниномъ и грубой лакейской физіономіей!«

Коляска стала между тѣмъ спускаться. Открылись опять луга и пространства, усѣянныя осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругихъ пружинахъ, продолжалъ бережно спускаться незамѣтнымъ косогоромъ покойный экипажъ и наконецъ понесся лугами, мимо мельницъ, то съ легкимъ громомъ по мостамъ, то съ небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы одинъ бугорокъ, или кочка дали себя почувствовать бокамъ. Утѣшенье, а не коляска!

Быстро пролетали мимо ихъ кусты лозъ, тонкихъ ольхъ, серебристыхъ тополей, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Се-

годѣ; помолвка Улиньки за Тентетникова; молитва ея и плачъ на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его, для извѣщенія о помолвкѣ дочери, и ѣдетъ къ одному изъ этихъ родственниковъ, полковнику Кошкареву.

лифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза, или даже придержать рукою всё не хотѣлъ, надѣясь, что это въ послѣдній разъ и дальше не случится. Къ деревьямъ же скоро присоединились—осина, береза, ель. Лѣсъ затемнѣлъ и, казалось, готовился превратиться въ ночь. Но вдругъ отовсюду, промежъ вѣтвей и пней, сверкнули проблески свѣта, какъ-бы сіяющія зеркала. Деревья зарѣдѣли, блески становились больше... и вотъ передъ ними озеро,—водная равнина версты четыре въ поперечникѣ. На супротивномъ берегу, надъ озеромъ, высыпалась сѣрыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались въ водѣ. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Случилась оказія. Вмѣстѣ съ рыбою запутался какъ-то круглый человѣкъ, такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, точный арбузъ, или бочонокъ. Онъ былъ въ отчаянномъ положеньи и кричалъ во всю глотку: »Телепень Денисъ, передавай Кузьмѣ! Кузьма, бери конецъ у Дениса! Не напирай такъ, Ѳома Большой! Ступай туды, гдѣ Ѳома Меньшой. Черти! говорю вамъ, оборвете сѣти!« Арбузъ, какъ видно, боялся не за себя: потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ, и, какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его всё выносила на верхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ болдыри. Но онъ боялся крѣпко, чтобы не оборвался неводъ и не ушла рыба, и потому, сверхъ прочаго, тащили еще и его, накинутыми веревками, нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на берегу.

»Долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ«, сказалъ Селифанъ.«

»Почему?«

»Оттого что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.«

Барина, запутаннаго въ сѣти, притянули между тѣмъ уже значительно къ берегу. Почувствовавъ, что можетъ достать нога-

зи, онъ сталъ на ноги, и въ это время увидѣлъ спускавшуюся съ плотины коляску и въ ней сидящаго Чичикова.

»Обѣдали?« закричалъ баринъ, выходя съ пойманною рыбою на берегъ, весь опутанный въ сѣть, какъ, въ лѣтнее время, дамская ручка въ сквозную перчатку, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже — на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

»Нѣтъ«, сказалъ Чичиковъ, приподнимая картузъ и продолжая раскланиваться изъ коляски.

»Ну, такъ благодарите же Бога!«

»А что?« спросилъ Чичиковъ съ любопытствомъ, держа надъ головою картузъ.

»А вотъ что! Брось, Ѳома Меньшой, сѣть да приподними осетра изъ лоханки! Телепень Кузьма, ступай, помоги!« Двое рыбаковъ приподняли изъ лоханки голову какого-то чудовища. »Вока какой князь! изъ рѣки зашелъ«, кричалъ круглый баринъ. »Поѣзжайте во дворъ. — Кучеръ, возьми дорогу пониже черезъ огородъ. — Побѣги, телепень Ѳома Большой, снять перегородку. — Онъ васъ проводитъ, а я сейчасъ!«

Длинноногій, босой Ѳома Большой, какъ былъ, въ одной рубашкѣ, побѣжалъ впереди коляски черезъ всю деревню, гдѣ у всякой избы развѣшены были бредни, сѣти и морды: всѣ мужики были рыбаки; потомъ вынулъ изъ какого-то огорода перегородку, и огородами выѣхала коляска на площадь, близъ деревяной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши господскихъ строеній.

»Чудаковатъ этотъ Кошкаревъ«, думалъ онъ про-себя.

»А вотъ я и здѣсь«, раздался голосъ сбоку. Чичиковъ оглянулся. Баринъ уже ѣхалъ возлѣ него, одѣтый въ травяно-зеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны, а шея безъ галстука, на манеръ Купидона. Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Чичиковъ хотѣлъ-было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались снова на томъ мѣстѣ, гдѣ вытаскивали рыбу. Раздались снова голоса: »Ѳома Большой да Ѳома Меньшой! Кузьма да Денисъ!« Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленію его, толстый баринъ

былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятья. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались, по старому Русскому обычаю, троекратно навкрестъ. Баринъ былъ стараго покроя.

»Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства«, сказалъ Чичиковъ.

»Отъ какого превосходительства?«

»Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича.«

»Кто это Александръ Дмитріевичъ?«

»Генералъ Бетрищевъ«, отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

»Незнакомъ.«

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

»Какъ же это?.. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ.«

»Нѣтъ, не надѣйтесь. Слава Богу, вы пріѣхали, не къ нему, а ко мнѣ. Петръ Петровичъ Пѣтухъ, Пѣтухъ Петръ Петровичъ«, подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ. »Какъ же?« сказалъ онъ, оборотясь къ Селифану и Петрушкѣ, которые оба разинули рты и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски, какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано: къ полковнику Кошкареву! А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ....«

»Ребята сдѣлали отлично! »Ступайте на кухню: тамъ вамъ дадутъ по чапорухѣ водки«, сказалъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ. »Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!«

»Я совѣщусь: такая нежданая ошибка....« говорилъ Чичиковъ.

»Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажите: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу«, сказалъ (Пѣтухъ), взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои. Изъ покоевъ вышли къ нимъ на-встрѣчу двое юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ, — тонкіе, точно ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ выгнало ихъ выше отцовскаго роста.

»Сыны мои, гимназисты, пріѣхали на праздники.—Николаша,

ты побудь съ гостемъ, а ты, Алексаша, ступай за мною.« Сказавъ это, хозяинъ исчезнулъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша, кажется, былъ будущій человѣкъ-дрянцо. Онъ разсказалъ съ первыхъ же разовъ Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться, что они съ братомъ хотятъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стòитъ того, чтобы въ ней жить.

»Понимаю«, подумалъ Чичиковъ: »кончится дѣло кондитерскими да булеварами. — А чтò?« спросилъ онъ вслухъ, »въ какомъ состояньи имѣнье вашего батюшки?«

»Заложено«, сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной, »заложено.«

»Плохо«, подумалъ Чичиковъ. »Этакъ скоро не останется ни одного имѣнья. Нужно торопиться. — Напрасно, однакоже«, сказалъ онъ съ видомъ соболѣзнованья, »поспѣшили заложить.«

»Нѣтъ, ничего«, сказалъ Пѣтухъ. »Говорятъ, выгодно. Всѣ закладываютъ: какъ же отставать отъ другихъ? Притомъ же всё жилъ здѣсь: дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья тоже уговариваютъ, хотятъ просвѣщенья столичнаго.«

»Дуракъ, дуракъ!« думалъ Чичиковъ: »промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотами. Имѣньице порядочное. Поглядишь — и мужикамъ хорошо, и имъ недурно. А какъ просвѣтятся тамъ у ресторановъ да по театрамъ — все пойдетъ къ чорту. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ!«

»А вѣдь я знаю, чтò вы думаете?« сказалъ Пѣтухъ.

»Чтò?« спросилъ Чичиковъ, смутившись.

»Вы думаете: »Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ! зазвалъ обѣдать, »а обѣда до сихъ поръ нѣтъ.« Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ.«

»Батюшка! Платонъ Михайлычъ ѣдетъ!« сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

»Верхомъ на гнѣдой лошади, подхватилъ Николаша«, нагибаясь къ окну.

»Гдѣ, гдѣ?« закричалъ Пѣтухъ, подступивъ (къ окну).

»Кто это Платонъ Михайловичъ?« спросилъ Чичиковъ у Алексаши.

»Сосѣдъ нашъ, Платонъ Михайловичъ Платоновъ, прекрасный человѣкъ«, сказалъ Алексаша.

Между тѣмъ вошелъ въ комнату самъ Платоновъ, красавецъ, стройнаго роста, съ свѣтлорусыми блестящими волосами, завивавшимися въ кудри. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, именемъ Ярбъ, вошелъ вслѣдъ за нимъ.

»Обѣдали?« спросилъ хозяинъ.

»Обѣдалъ.«

»Чтó жъ вы, смѣяться, чтó ли, надо мной пріѣхали? Чтó мнѣ въ васъ послѣ обѣда?«

Гость усмѣхнувшись сказалъ: »Утѣшу васъ тѣмъ, что ничего не ѣлъ за обѣдомъ: вовсе нѣтъ аппетита.«

»А каковъ былъ уловъ, если бъ вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! какіе карасищи, коропищи какіе!«

»Даже досадно васъ слушать. Отчего вы всегда такъ веселы?«

»Да отчего же скучать? помилуйте«, сказалъ хозяинъ.

»Какъ отчего скучать? оттого что скучно.«

»Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку. Прежде никто не скучалъ.«

»Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?«

»Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Поутру проснешься — тутъ сейчасъ поваръ, нужно заказывать обѣдъ, тутъ чай, тутъ прикащикъ, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть—опять поваръ, нужно заказывать ужинъ... Когда же скучать?«

Во все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя, который его изумлялъ необыкновенной красотой своей, стройнымъ, картиннымъ ростомъ, свѣжестью нерастраченной юности, дѣвственной чистотой ни однимъ прыщикомъ неопозореннаго лица. Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волненье и безпокойство не дерзнули коснуться его дѣвственнаго лица и положить на немъ морщину, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его. Оно оставалось какъ-то сонно, не смотря на ироническую усмѣшку, временами его оживлявшую.

»Я также, позвольте замѣтить«, сказалъ Чичиковъ, »не могу

понять, какъ при такой наружности, какова ваша, скучать. Конечно, если недостача денегъ, или враги, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь...«

»Повѣрьте«, прервалъ красавецъ-гость, »что для разнообразія я бы желалъ иногда имѣть какую-нибудь тревогу. Ну, хоть бы кто разсердилъ меня! И того нѣтъ. Скучно, да и только.«

»Стало быть, недостаточность земли по имѣнію, малое количество душъ?«

»Ни чуть. У насъ съ братомъ земли десять тысячъ десятинъ, и при нихъ больше тысячи человѣкъ крестьянъ.«

»Странно, не понимаю! Но, можетъ быть, неурожаи, болѣзни, много вымерло мужеска пола людей?«

»Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ.«

»И при этомъ скучать! не понимаю«, сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

»А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ«, сказалъ хозяинъ. »Бѣги, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? зачѣмъ не даютъ закуски?«

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ, со всякой подстрекающей снѣдью. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка расправлялись отлично. Названья эти были имъ даны такъ, для поощренья. Баринъ былъ вовсе не охотникъ браниться, онъ былъ добрякъ; но ужъ Русской человѣкъ какъ-то безъ пряннаго слова не можетъ (обойтись). Оно ему нужно, какъ рюмка водки для варенья въ желудкѣ. Что жъ дѣлать? такая натура: ничего прѣснаго не любитъ. (¹)

(¹) *Сбоку карандашомъ:* Пряное какъ-то уже въ чести у народа. Любо дать его, любо и получить, — точно перецъ, или рюмка водки, безъ которой не варивается въ желудкѣ.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ — подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: »Безъ пары, ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ.« У кого два — подваливалъ ему третій, приговаривая: »Что жъ за число два? Богъ любитъ троицу.« Съѣдалъ гость три — онъ ему: »Гдѣ жъ бываетъ телега о трехъ колесахъ? Кто жъ строитъ избу о трехъ углахъ?« На четыре у него была тоже поговорка, на пять — опять. Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: »Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ.« Не тутъ то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жареннаго на вертелѣ, съ почками, да и какого теленка!

»Два года воспитывалъ на молокѣ«, сказалъ хозяинъ, »ухаживалъ, какъ за сыномъ!«

»Не могу«, сказалъ Чичиковъ.

»Вы попробуйте да потомъ скажите *не могу*.«

»Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.«

»Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій — нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій.«

Попробовалъ Чичиковъ — дѣйствительно кусокъ былъ въ родѣ городничаго. Нашлось ему мѣсто, а казалось, ничего нельзя помѣстить.

»Ну, какъ этакому человѣку ѣхать въ Петербургъ, или въ Москву? съ этакимъ хлѣбосольствомъ онъ тамъ въ три года проживется въ пухъ!« думалъ Чичиковъ; слѣдовательно онъ не зналъ того, что теперь это усовершенствовалось, — что и безъ хлѣбосольства можно спустить все не въ три года, а въ три мѣсяца.

Съ винами была та же исторія. Получивши деньги изъ ломбарда, Петръ Петровичъ запасся провизіею на десять лѣтъ впередъ. Онъ то и дѣло подливалъ да подливалъ; чего жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой: впередъ видно было, на какую часть человѣческихъ познаній обратятъ они вниманіе, по пріѣздѣ въ столицу. Съ

гостьми было не то: въ-силу, въ-силу перетащились они на балконъ и въ-силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его, превратившись въ кузнечный мѣхъ, стала издавать, черезъ открытый ротъ и носовыя продухи, такіе звуки, какіе рѣдко приходятъ въ голову и новаго сочинителя: и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый звукъ, точно собачій лай.

»Экъ его насвистываетъ!« сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ разсмѣялся.

»Разумѣется, если этакъ пообѣдаешь, какъ тутъ придти скукѣ! Тутъ сонъ придетъ, не правда ли?«

»Да. Но я, однакоже — вы меня извините — не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ.«

»Какія же?«

»Да мало ли для молодого человѣка? Танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ... а не то — жениться.«

»На комъ?«

»Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?«

»Да нѣтъ.«

»Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить.« И богатая мысль сверкнула вдругъ въ головѣ Чичикова. »Да вотъ прекрасное средство!« сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

»Какое?«

»Путешествіе.«

»Куда жъ ѣхать?«

»Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной«, сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: »А это было бы хорошо. Тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ.«

»А вы куда ѣдете?«

»Покамѣстъ, ѣду я не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и можно сказать благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ... Конечно, родственники родственниками; но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо видѣть свѣтъ, коловращенье людей — кто что ни говори, есть какъ-бы живая книга, вторая на-

ука.« И, сказавши это, Чичиковъ между тѣмъ такъ помышлялъ: »Право, было бы хорошо. Можно даже и всѣ издержки на его счетъ, даже и отправиться на его лошадяхъ, а мои бы покормились у него въ деревнѣ.«

»Почему жъ не проѣздиться?« думалъ между тѣмъ Платоновъ. »Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало быть, разстройства никакого. Почему жъ въ самомъ дѣлѣ не проѣздиться? — А согласны ли вы«, сказалъ онъ вслухъ, »погостить у брата денька два? Иначе онъ меня не отпуститъ.«

»Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три.«

»Ну, такъ по рукамъ! ѣдемъ!« сказалъ оживясь Платоновъ.

Они хлопнули по рукамъ. »Ѣдемъ!«

»Куда, куда?« вскрикнулъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. »Нѣтъ, сударики! и колеса у коляски приказано снять, а вашего жеребца, Платонъ Михайловичъ, угнали отсюда за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ.«

Чтò было дѣлать съ Пѣтухомъ? Нужно было остаться. За то награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами на обѣ стороны, подходя безпрестанно подъ протянутые поперегъ рѣки канаты, для ловли. Хоть бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись предъ ними, одинъ за другимъ, виды, и роща за рощей тѣшила взоры разнообразнымъ размѣщеньемъ деревъ. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ — и катеръ, самъ собой, какъ легкая птица, стремился по неподвижной зеркальной поверхности. Парень-запѣвало, плечистый дѣтина, третій отъ руля, починалъ чистымъ, звонкимъ голосомъ, выводя какъ-бы изъ соловьинаго горла начальные запѣвы пѣсни; пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она безпредѣльная, какъ Русь. Самъ Пѣтухъ, встрепенувшись, пригаркивалъ поддавая, гдѣ не хватало у хора силы, и самъ Чичиковъ чувствовалъ, что онъ Русской. Одинъ только Платоновъ думалъ: »Чтò хорошаго въ

этой заунывной пѣснѣ? Отъ нея еще бо́льшая тоска находитъ на душу«.

Возвращались назадъ уже сумерками. Въ-потьмахъ ударяли весла по водамъ, уже неотражавшимъ неба. Въ темнотѣ пристали они къ берегу, по которому разложены были огни и на треногахъ варили рыбаки уху изъ животрепещущихъ ершей. Все уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль отъ нихъ улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая крынки молока и приглашенья къ ухѣ. Въ сумеркахъ слышался тихой гомонъ людской и брехание собакъ, гдѣ-то отдававшееся изъ чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и начали озаряться потемнѣвшія окрестности, и все озарилось. Чудныя картины! Но некому было ими любоваться. Николаша и Алексаша, вмѣсто того, чтобы пронестись, въ это время, передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ-обгонку другъ друга, думали о Москвѣ, о кондитерскихъ, о театрахъ, о которыхъ натолковалъ имъ заѣзжій изъ столицы кадетъ; отецъ ихъ думалъ о томъ, какъ-бы окормить своихъ гостей; Платоновъ зѣвалъ. Всѣхъ живѣй оказался Чичиковъ. »Эхъ, право! заведу когда-нибудь деревеньку!« (1) (думалъ онъ), и стали ему представляться и бабенка, и Чичо́нки.

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: »Барабанъ!« сказалъ (онъ). »Никакой городничій не взойдетъ!« Надобно же было (случиться) такому стеченью обстоятельствъ, что за стѣной былъ кабинетъ хозяина! Стѣна была тонкая, и слышалось все, что̀ тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрешній день, рѣшительный обѣдъ, и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ. Раздавалось только: »Да поджарь, да дай взопрѣть хорошенько!« А поваръ пригозаривалъ тоненькой фистулой: »Слушаю-съ. Можно-съ.«

»Да кулебяку сдѣлай на четыре угла«, говорилъ онъ съ присасываньемъ и забирая въ себя духъ. »Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязиги, въ другой гречневой кашицы, да

(1) *Карандашомъ:* Ка́къ можно жить въ другомъ мѣстѣ, какъ не въ деревнѣ!

грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого… какого-нибудь тамъ того…«

»Слушаю-съ. Можно будетъ и такъ.«

»Да чтобы она съ одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то… пропеки ее такъ, чтобы всю ее прососало, проняло бы такъ, чтобы она вся, знаешь, этакъ разтого, не то, чтобы разсыпалась, а истаяла бы во во рту, какъ снѣгъ какой, такъ чтобы и не услышалъ.« Говоря это, Пѣтухъ присмактывалъ и подшлепывалъ губами.

»Чортъ побери! не дастъ спать«, думалъ Чичиковъ и закуталъ голову въ одѣяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одѣяло было слышно:

»А въ обкладку къ осетру подпусти свеклу звѣздочкой да снѣточковъ, да груздочковъ, да тамъ, знаешь, рѣпушки, да морковки, да бобковъ, тамъ чего-нибудь этакого, знаешь, того разтого, чтобы гарниру, гарниру всякаго побольше. Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычугъ: кольни ледку, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько.

Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдъ. Только и раздавалось: »Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько!« Заснулъ Чичиковъ уже на какомъ-то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ. Жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

»Это ужъ слишкомъ«, сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора.

»А не скучаетъ, вотъ что̀ досадно!« сказалъ Платоновъ.

»Было бы у меня, какъ у тебя, семьдесятъ тысячъ въ годъ доходу«, подумалъ Чичиковъ, »да я бы скуку и на глаза къ себѣ не пустилъ! Вотъ откупщикъ Муразовъ — легко сказать! десять милліоновъ…«

»Что̀ вамъ, ничего заѣхать въ одну деревню, отсюда верстъ десять«? спросилъ Платоновъ. »Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрою и съ зятемъ.«

»Съ большимъ удовольствіемъ«, сказалъ Чичиковъ.

»Если вы охотникъ до хозяйства«, сказалъ Платоновъ, »то вамъ будетъ съ нимъ интересно познакомиться. Ужъ лучше хо-

зяина вы не сыщете. Онъ въ десять лѣтъ возвелъ свое имѣнье до того, что вмѣсто 30, теперь получаемъ 200 тысячъ дохода.

»Ахъ, да это конечно препочтенный человѣкъ! Это преинтересно будетъ съ этакимъ человѣкомъ познакомиться! Какъ же? Да вѣдь это сказать... А какъ по фамиліи?«

»Костанжогло.«

»А имя и отчество? позвольте узнать.«

»Константинъ Ѳедоровичъ.«

»Константинъ Ѳедоровичъ Костанжогло! Очень будетъ интересно познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка.«

Платоновъ принялъ на себя руководить Селифаномъ, что̀ было нужно, потому что тотъ едва держался на козлахъ. Петрушка два раза сторчакомъ слетѣлъ съ коляски, такъ что необходимо было наконецъ привязать его веревкой къ козламъ. »Экая скотина!« повторялъ только Чичиковъ.

»Вотъ поглядите-ка, начинаются его земли«, сказалъ Платоновъ. »Совсѣмъ другой видъ.« И въ самомъ дѣлѣ, черезъ все поле, сѣянный лѣсъ, ровный, деревья какъ стрѣлки; за нимъ другой повыше, тоже молодникъ; за нимъ старый лѣсъ, и всё одинъ выше другого. Потомъ опять полоса поля, покрытая густымъ хлѣбомъ, и снова такимъ же образомъ молодой лѣсъ, и опять старый. И три раза проѣхали (они), какъ сквозь ворота стѣнъ, сквозь лѣса. »Это все у него выросло какихъ-нибудь лѣтъ въ восемь, въ десять, что̀ у другого и въ двадцать (не выростетъ).«

»Какъ же это онъ сдѣлалъ?«

»Ну, разспросите у него. Это землевѣдъ такой, — у него ничего нѣтъ даромъ. Мало, что онъ почву знаетъ, но знаетъ, какое сосѣдство для чего нужно, возлѣ какого хлѣба какое дерево. Все у него три, четыре должности разомъ отправляетъ. Ужъ если и лѣсъ у него, кромѣ того, что для лѣса, нуженъ затѣмъ, чтобы въ такомъ-то мѣстѣ на столько-то влаги прибавить полямъ, на столько-то унавозить падающимъ листомъ, на столько-то дать тѣни... Когда вокругъ засуха, у него нѣтъ засухи; когда вокругъ неурожай, у него нѣтъ неурожая. Жаль, что я самъ мало эти вещи знаю, не умѣю разсказать, а у него такія штуки... Его называютъ колдуно̀мъ. Много, много у него увидите. А всё, однакоже, скучно...«

»Въ самомъ дѣлѣ, это изумительный мужъ«, подумалъ Чичиковъ. »Весьма прискорбно, что молодой человѣкъ поверхностенъ и не умѣетъ разсказать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю увидѣть.«

Наконецъ показалась деревня. Какъ-бы городъ какой, высыпалась она множествомъ избъ на трехъ возвышеньяхъ, увѣнчанныхъ тремя церквами, да перегораждалась повсюду исполинскими скирдами и кладями. »Да«, подумалъ Чичиковъ, »видно, что живетъ хозяинъ-тузъ.« Избы всё крѣпкія; улицы торныя; стояла ли гдѣ телега—телега была крѣпкая и новешенькая; мужикъ попадался съ какимъ-то умнымъ выраженьемъ лица; рогатый скотъ на отборъ; даже крестьянская свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ Англійскихъ парковъ и газоновъ, бесѣдокъ и мостовъ со всякими затѣями; но, постаринному, шелъ проспектъ амбаровъ и рабочихъ домовъ вплоть до самого дому, чтобы все было видно барину, что ни дѣлается вокругъ его, и къ довершенью, на крышѣ дома возвышался башней высокій фонарь, обозрѣвавшій на пятнадцать верстъ кругомъ всю окольность, не для красы, или видовъ, но для наблюденья за работающими въ отдаленныхъ поляхъ. У крыльца ихъ встрѣтили слуги расторопные, совсѣмъ непохожіе на пьяницу-Петрушку, хоть на нихъ не было фраковъ, а козацкіе чекмени синяго домашняго сукна.

Хозяйка дома выбѣжала сама на крыльцо. Свѣжа она была, какъ кровь съ молокомъ; хороша, какъ Божій день; походила, какъ двѣ капли, на Платонова, съ той разницей только, что не была вяла, какъ онъ, но разговорчива и весела.

»Здравствуй, братъ! Ну, какъ же я рада, что ты пріѣхалъ! А Константина нѣтъ дома; но онъ скоро будетъ.«

»Гдѣ жъ онъ?«

»У него есть дѣло на деревнѣ съ какими-то покупщиками«, говорила она, вводя гостей въ комнату.

Чичиковъ съ любопытствомъ разсматривалъ жилище этого необыкновеннаго человѣка, который получалъ 200 (тысячъ дохода), думая на немъ отыскать слѣды свойствъ самого хозяина, какъ по оставленной раковинѣ заключаютъ объ устрицѣ, или улиткѣ, нѣ-

когда въ ней сидѣвшей, и оставившей свой отпечатокъ. Но нельзя было вывести никакого заключенья. Комнаты были просты, даже пусты: ни фресковъ, ни картинъ, ни бронзъ, ни цвѣтовъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ, ни даже книгъ. Словомъ, все показывало, что главная жизнь существа, здѣсь обитавшаго, проходила вовсе не въ четырехъ стѣнахъ комнаты, но въ полѣ, и что самыя мысли его не обдумывались заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня, передъ каминомъ, въ покойныхъ креслахъ, но тамъ же, на мѣстѣ дѣла, приходили въ голову, и тамъ же гдѣ приходили, тамъ и претворялись въ дѣло. Въ комнатахъ могъ только замѣтить Чичиковъ слѣды женскаго домоводства. На столахъ и стульяхъ были поставлены чистыя липовыя доски и на нихъ лепестки какихъ-то цвѣтовъ, приготовленные къ сушкѣ...

»Что̀ это у тебя, сестра, за дрянь такая наставлена?« сказалъ Платоновъ.

»Какъ дрянь!« сказала хозяйка. »Это лучшее средство отъ лихорадки. Мы вылечили имъ прошлый (годъ) всѣхъ мужиковъ. А это для настоекъ. А это для варенья. Вы всё смѣетесь надъ вареньями да надъ соленьями, а потомъ, когда ѣдите, сами же подхваливаете.«

Платоновъ подошелъ къ фортепіано и сталъ разбирать ноты. »Господи! что̀ за старина!« сказалъ онъ. »Ну, не стыдно ли тебѣ, сестра?«

»Ну, ужъ извини, братъ, музыкой мнѣ и подавно некогда заниматься. У меня осьмилѣтняя дочь, которую я должна учить. Сдать ее на руки чужеземной гувернанткѣ затѣмъ только, чтобы самой имѣть свободное время для музыки—нѣтъ, извини, братъ, этого-то не сдѣлаю!«

»Какая ты, право, стала скучная, сестра!« сказалъ братъ и подошелъ къ окну. — »А, вотъ онъ! идетъ, идетъ!« сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человѣкъ, живой, смуглой наружности. На немъ былъ триповый картузъ и сюртукъ верблюжьяго сукна. О нарядѣ своемъ онъ не думалъ. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли два человѣка низшаго сословія, о чемъ-то съ нимъ толкуя: одинъ—простой му-

жикъ; другой—какой-то заѣзжій кулакъ и пройдоха, въ синей сибиркѣ. Такъ какъ остановились они всѣ около крыльца, то и разговоръ ихъ былъ слышенъ въ комнатахъ.«

»Вы вотъ что̀ лучше сдѣлайте« (говорилъ Костанжогло): »вы откупитесь у вашего барина. Я вамъ, пожалуй, дамъ въ-займы: вы послѣ мнѣ отработаете.«

»Нѣтъ, что̀ ужъ откупаться? Возьмите насъ. Ужъ у васъ всякому уму выучишься. А вѣдь теперь бѣда та, что себя никакъ не убережешь. Цѣловальники такія завели теперь настойки, что съ одной рюмки такъ те станетъ задирать въ животѣ, что вотъ ведро бы выпилъ. Не успѣешь опомниться, какъ все спустишь. Много соблазну. Лукавый, что ли, міромъ ворочаетъ, ей Богу! все заводятъ, чтобы сбить съ толку... Стали заводить и табакъ, и всякія такія... Что̀-жъ дѣлать, Константинъ Ѳедоровичъ? Человѣкъ передъ Богомъ — человѣкъ: не удержишься.«

»Послушай: да вѣдь вотъ въ чемъ дѣло. Вѣдь у меня всё-таки не воля. Это правда, что съ перваго разу все получишь — и корову, и лошадь, да вѣдь дѣло въ томъ, что я такъ требую съ мужиковъ, какъ нигдѣ. У меня работа—первое; мнѣ ли, или себѣ, но ужъ я не дамъ никому залежаться. Я и самъ работаю какъ волъ, и мужики у меня, потому что испыталъ, братъ: вся дрянь лѣзетъ въ голову оттого, что не работаешь. Такъ вы объ этомъ всѣ подумайте міромъ и потолкуйте между собою.«

»Да мы-съ толковали ужъ объ этомъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Ужъ это и старики говорятъ: »Что̀?« говорятъ, »вѣдь всякой »мужикъ у васъ богатъ: ужъ это не даромъ. И священники такіе »сердобольные; а вѣдь у насъ и тѣхъ взяли, и хоронить некому.«

»Всё-таки ступай и переговори.«

»Слушаю-съ, Константинъ Ѳедоровичъ...«

»Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... посбавьте«, говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.«

»Ужъ я сказалъ тебѣ. Торговаться я не охотникъ. Я не то, что̀ другой помѣщикъ, къ которому ты подъѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ: у васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что̀ жъ тутъ му-

дренаго? Ему приспичитъ, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ что̀ твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи. Мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать.«

»Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я того-съ, оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять.« Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Констанжогло прехладнокровно взялъ ихъ и не считая сунулъ въ заднiй карманъ своего сюртука.

»Гм!« подумалъ Чичиковъ: »точно какъ-бы носовой платокъ!«

Констанжогло показался въ дверяхъ гостиной. Онъ еще болѣе поразилъ Чичикова смуглостью лица, жесткостью темныхъ волосъ, мѣстами до времени посѣдѣвшихъ, живымъ выраженьемъ глазъ и какимъ-то желчнымъ отпечаткомъ пылкаго южнаго происхожденья. Онъ самъ не зналъ, откуда вышли его предки. Онъ не занимался своимъ родословiемъ, находя, что это въ строку не iйдетъ и въ хозяйствѣ вещь лишняя. Онъ былъ не совершенно Русскiй, это и черты лица его показывали, (но) былъ совершенно увѣренъ, что онъ Русской, да и не зналъ другого языка, кромѣ Русскаго.

Платоновъ представилъ Чичикова. Они поцѣловались.

»Чтобы вылечиться отъ хандры, я придумалъ, Константинъ, проѣздиться по разнымъ губернiямъ«, сказалъ Платоновъ. »И вотъ Павелъ Ивановичъ предложилъ ѣхать съ нимъ размыкать хандру.«

»Прекрасно«, сказалъ Костанжогло. — »Въ какiя же мѣста«, продолжалъ онъ обращаясь къ Чичикову, »предполагаете теперь направить путь?«

»Признаюсь«, сказалъ Чичиковъ, привѣтливо наклоня голову на бокъ и въ то же время поглаживая рукой кресельную ручку, »ѣду я, покамѣстъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкой прiятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но съ другой стороны, такъ сказать, и для самого себя; потому что точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ геморoидальномъ отношенiи, увидѣть свѣтъ, коловращенье людей — есть, такъ сказать, живая книга, та же наука.«

»Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ.«

»Превосходно изволили замѣтить: именно, истинно, дѣйствительно не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ. Какъ вотъ, напримѣръ, теперь представился случай.... Къ вамъ прибѣгаю, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ! научите, научите, оросите жажду мою вразумленьемъ истины. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ.«

»Чему же, однако?... чему научить?« сказалъ Костанжогло, смутившись. »Я и самъ учился на мѣдныя деньги.«

»Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости, — мудрости управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрости извлекать доходы вѣрные, пріобрѣсть имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тѣмъ долгъ гражданина, заслужа уваженье соотечественниковъ.«

»Знаете ли что?« сказалъ Костанжогло, смотря на него въ размышленьи. »Останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и разскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ.«

»Останьтесь«, сказала хозяйка и, обратясь къ брату, прибавила: »Братъ, оставайся: куда тебѣ торопиться?«

»Мнѣ все равно. Какъ Павелъ Ивановичъ?«

»Я тожъ, я съ большимъ удовольствіемъ.... Но вотъ обстоятельство: нужно посѣтить родственника генерала Бетрищева. Нѣкто полковникъ Кошкаревъ...«

»Да вѣдь онъ сумасшедшій!«

»Это такъ, сумасшедшій; я бы къ нему и не ѣхалъ, но генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель...«

»Въ такомъ случаѣ знаете что?« сказалъ (Костанжогло). »Къ нему и десяти верстъ нѣтъ. У меня стоитъ готовая пролетка. Поѣзжайте къ нему теперь же. Вы успѣете къ чаю возвратиться назадъ.«

»Превосходная мысль!« вскрикнулъ Чичиковъ, взявши шляпу.

Пролетка была ему подана и въ полчаса примчала его къ полковнику. Вся деревня была въ-разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстрое-

ны были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Депо земледѣльческихъ орудій*; на другомъ: *Главная счетная экспедиція*; далѣе: ***Комитетъ сельскихъ дѣлъ;*** (далѣе): ***Школа нормальнаго просвѣщенья поселянъ.*** Словомъ, чортъ знаетъ чего не было!

Полковника онъ засталъ за пульпитромъ конторки, съ перомъ въ зубахъ. Онъ принялъ Чичикова отмѣнно ласково. По виду, онъ былъ предобрѣйшій, преобходительный человѣкъ: сталъ ему разсказывать о томъ, сколькихъ трудовъ ему стоило возвесть имѣніе до нынѣшняго благосостоянія; съ соболѣзнованіемъ жаловался, какъ трудно дать понять мужику, что есть высшія побужденія, которыя доставляетъ человѣку просвѣщенная роскошь, искусство и художество; что бабъ онъ до сихъ поръ не могъ заставить ходить въ корсетахъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано; что, однакоже, не смотря на все упорство со стороны невѣжества, онъ непремѣнно достигнетъ того, что мужикъ его деревни, идя за плугомъ, будетъ въ то же время читать книгу о громовыхъ отводахъ, Франклина, или Виргиліевы георгики, или химическое изслѣдованіе почвъ.

»Да, какъ бы не такъ!« подумалъ Чичиковъ. »А вотъ я до сихъ поръ еще »Герцогини Лавальеръ« не прочелъ: все нѣтъ времени.«

Много еще говорилъ полковникъ о томъ, какъ привести людей къ благополучію. Костюмъ у него имѣлъ большое значеніе. Онъ ручался головой, что если только одѣть половину Русскихъ мужиковъ въ Нѣмецкіе штаны,—науки возвысятся, торговля подымется, и золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи.

Чичиковъ слушалъ, слушалъ, глядя пристально ему въ глаза, и наконецъ подумалъ: »Съ этимъ, кажется, чиниться нечего!« и тутъ же объявилъ, что имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершеніемъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

»Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ«, сказалъ полковникъ, ни мало не смутясь, »это просьба; не такъ ли?«

»Такъ точно.«

»Въ такомъ случаѣ, изложите ее письменно. Она пойдетъ въ коммиссію принятья рапортовъ и донесеній. Коммиссія, помѣтивши,

препроводитъ ее ко мнѣ. Отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ. Оттолѣ, по сдѣланіи выправокъ, къ управляющему. Управляющій, списясь съ моимъ секретаремъ...«

»Помилуйте!« вскрикнулъ Чичиковъ, »вѣдь этакъ затянется Богъ знаетъ на сколько. И какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло! Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя!«

»Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя.«

»Но вѣдь какъ же мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ-бы были живыя.«

»Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно, или требуется, желается, ищется, чтобы казались, какъ-бы живыя.* Безъ бумажнаго производства нельзя этого сдѣлать. Примѣръ Англія и самъ даже Наполеонъ. Я вамъ отряжу коммиссіонера, который васъ проводитъ по всѣмъ мѣстамъ.«

Онъ ударилъ въ звонокъ. Явился какой-то человѣкъ, секретарь.

»Позвать ко мнѣ коммиссіонера!« Предсталъ коммиссіонеръ, какой-то не то мужикъ, не то чиновникъ. »Вотъ онъ васъ проводитъ по всѣмъ самонужнѣйшимъ мѣстамъ.«

Чичиковъ рѣшился, изъ любопытства, пойти съ коммиссіонеромъ осмотрѣть всѣ эти самонужнѣйшія мѣста. Коммиссія подачи рапортовъ существовала только на вывѣскѣ, и двери были заперты. Правитель дѣлъ ея былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ камердинеръ Березовскій; но онъ тоже былъ куда-то откомандированъ коммиссіею построенія. Толкнулись они въ департаментъ сельскихъ дѣлъ — тамъ передѣлка; разбудили какого-то пьянаго, но не добрались отъ него никакого толку. »У насъ бестолковщина«, сказалъ наконецъ Чичикову коммиссіонеръ. »Барина за носъ водятъ. Всѣмъ у насъ распоряжается коммиссія построенія: отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ куда угодно. Только и выгоды, что въ коммиссіи построенія.« Онъ, какъ видно, былъ недоволенъ коммиссіею построенія. И въ самомъ дѣлѣ, взглянулъ Чичиковъ — все строится. Далѣе онъ не хотѣлъ и смотрѣть. Пришедши, разсказалъ полковнику, что такъ и такъ, что у него каша и никакого толку нельзя

добиться, и коммиссіи подачи рапортовъ вовсе нѣтъ, а построенія воруетъ на пропалую.

Полковникъ воскипѣлъ благороднымъ негодованьемъ, крѣпко пожавши руку Чичикову, въ знакъ благодарности. Тутъ же, схвативши бумагу и перо, написалъ восемь наистрожайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи коммиссія построенія самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы правитель дѣлъ, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ коммиссія подачи рапортовъ и донесеній?

»Ну, пойдетъ кутерма!« подумалъ Чичиковъ и хотѣлъ уже уѣхать.

»Нѣтъ, я васъ не отпущу. Теперь уже собственное мое честолюбіе затронуто. Я докажу, что̀ значитъ органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дѣло такому человѣку, который одинъ сто̀итъ всѣхъ. Окончилъ университетскій курсъ. Вотъ каковы у меня крѣпостные люди! Чтобы не терять драгоцѣннаго времени, (прошу) посидѣть у меня въ библіотекѣ«, (сказалъ полковникъ), отворяя боковую дверь. »Тутъ книги, бумага, перья, карандаши, все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ: вы господинъ. Просвѣщенье должно̀ быть открыто всѣмъ.«

Такъ говорилъ Кошкаревъ, вводя его въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, снизу до верху уставленный книгами. Были тамъ даже и чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ: по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства, спеціальные журналы по всѣмъ частямъ, которые только разсылаются съ обязанностью подписки, но никто (ихъ) не читаетъ. Видя, что всё это были книги не для препровожденія (времени, Чичиковъ) обратился къ другому шкафу, — изъ огня да въ полымя. Всё книги философскія. Шесть огромныхъ томищей предстало ему предъ глаза, подъ названіемъ: »Предуготовительное Вступленіе въ Область Мышленія, (или) Теорія Общности, Совокупности, Сущности, въ Примѣненіи къ Уразумѣнію Органическихъ Началъ обоюднаго Раздвоенья общественной Производительности.« Что̀ ни разворочивалъ Чи-

чиковъ книгу, на всякой страницѣ — *проявленье, развитіе, абстрактъ, замкнутость и сомкнутость,* и чортъ знаетъ чего тамъ не было! »Это не по мнѣ«, сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему шкафу, гдѣ были книги по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными миѳологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ (лѣтъ), а иногда и тѣмъ старикашкамъ, которые подзадориваютъ себя балетами и прочими пряностями. Окончивши разсматриваніе этой книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую въ томъ же родѣ, какъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

»Все сдѣлано и сдѣлано отлично! Человѣкъ, о которомъ я вамъ говорилъ, рѣшительный геній. За это я поставлю его выше всѣхъ, и для него одного заведу цѣлой департаментъ. Вы посмотрите, какая свѣтлая голова и какъ въ нѣсколько минутъ онъ рѣшилъ все.«

»Ну, слава те, Господи!« подумалъ Чичиковъ и приготовился слушать. Полковникъ сталъ читать:

»Приступая къ обдумыванью возложеннаго на меня вашимъ высокородіемъ порученія... ну, тутъ.... честь имѣю симъ донести на оное:

»I-е. Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумѣнье, ибо неосмотрительнымъ образомъ ревизскія души названы умершими. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія. Да и самое таковое названье уже показываетъ изученье эмпирическое, вѣроятно, ограничившееся приходскимъ училищемъ; ибо душа безсмертна.«

»Плутъ!« сказалъ остановившись Кашкаревъ съ самоудовольствіемъ, »Тутъ онъ немножко кольнулъ васъ. Но сознайтесь, какое бойкое перо!«

»Во II-хъ, никакихъ незаложенныхъ ревижскихъ, не только близкихъ къ смерти, но и всякихъ прочихъ, по имѣнью не имѣется; ибо всѣ въ совокупности не токмо заложены безъ изъятья, но и перезаложены, съ прибавкой по полутораста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни Гурмайловки, находящейся въ спорномъ поло-

женіи, по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ и въ слѣдствіе того подъ запрещеньемъ, о чемъ объявлено въ 42 нумерѣ »Московскихъ Вѣдомостей.«

»Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? зачѣмъ изъ пустяковъ держали?« сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

»Да! да вѣдь нужно было, чтобы все это (вы) увидѣли сквозь форму бумажнаго производства. Этакъ не штука. Безсознательно можетъ и дуракъ увидѣть, но нужно сознательно.«

Въ-сердцахъ, схвативши шапку, Чичиковъ — бѣгомъ изъ дому, мимо всякихъ приличій. Кучеръ стоялъ съ пролеткой на-готовѣ, зная, что лошадей нечего откладывать, потому что о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Полковникъ, однакожъ, выбѣжалъ (провожать); насильно пожалъ Чичикову руку, прижалъ ее къ сердцу и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины управленья могутъ заржавѣть и ослабѣть; что, въ слѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль: устроить коммиссію, которая будетъ называться коммиссіею наблюденія за коммиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

Чичиковъ пріѣхалъ, сердитый и недовольный, поздно, когда уже давно горѣли свѣчи.

»Что̀ это вы такъ запоздали?« сказалъ Костанжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

»О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали?« спросилъ Платоновъ.

»Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ«, сказалъ (Чичиковъ).

»Это еще ничего«, сказалъ Костанжогло. »Кошкаревъ утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются каррикатурно и виднѣй глупости всѣхъ нашихъ вотъ этихъ умниковъ, которые, не узнавши прежде своего, забираютъ дурь изъ чужи. Завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и чортъ знаетъ чего не завели эти умники! Было поправились послѣ Француза, двѣнадцатаго года, такъ вотъ теперь все давай разстроивать

съизнова. Вѣдь хуже Француза разстроили, такъ что теперь какой-нибудь Петръ Петровичъ Пѣтухъ еще хорошій помѣщикъ.«

»Да вѣдь и онъ заложилъ теперь въ ломбардъ«, сказалъ Чичиковъ.«

»Ну, да! все въ ломбардъ, все пойдетъ въ ломбардъ.« Сказавъ это, Костанжогло сталъ понемногу сердиться. »Вонъ Шляпкинъ завелъ свѣчной заводъ, изъ Лондона мастеровъ выписалъ, свѣчнымъ торгашомъ сдѣлался! Помѣщикъ — этакое званье почтенное! идетъ въ мануфактуристы и фабриканты. Прядильныя машины заводитъ, кисеи дѣлаетъ шлюхамъ, городскимъ дѣвкамъ!...«

»Да вѣдь и у тебя же есть фабрики?« замѣтилъ Платоновъ.

»А кто ихъ заводилъ? Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда, — я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя, мужику надобныя, моему мужику. По дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берегъ въ продолженье шести лѣтъ сряду промышленники, — ну, куда ее дѣвать? я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ.«

»Экой чортъ!« думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза: »загребистая какая лапа!«

»Да и то потому занялся, что набрело много работниковъ, которые умерли бы съ голоду. Голодный годъ, а всё по милости фабрикантовъ, упустившихъ посѣвы. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Всякой годъ другая, смотря потому, отъ чего накопилось остатковъ и выбросковъ. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство, — всякая дрянь дастъ доходъ, такъ что отталкиваешь, говоришь: не нужно! Вѣдь я не строю для этого дворцовъ, съ колоннами да съ фронтонами.«

»Это изумительно! изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ!« сказалъ Чичиковъ.

»Да помилуйте, если бы только брать дѣло по-просту, какъ оно есть; ато вѣдь всякой механикъ, всякой хочетъ открыть ларчикъ инструментомъ, а не просто. Онъ для этого съѣздитъ нарочно въ Англію; вотъ въ чемъ дѣло! Дурачье!.. И вѣдь глупѣй въ-сотеро станетъ послѣ того, какъ возвратится изъ-за границы!«

Сказавши это, Костанжогло плюнулъ.

»Ахъ, Константинъ! ты опять разсердился«, сказала съ безпокойствомъ жена. »Вѣдь ты знаешь, что это для тебя вредно.«

»Да вѣдь какъ не сердиться? Добро бы это было чужое, ато вѣдь это близко собственному сердцу; вѣдь досадно то, что Руской характеръ портятъ; вѣдь теперь явилось въ Русскомъ характерѣ Донъ-Кишотство, котораго никогда не было! Просвѣщенье придетъ ему въ умъ—сдѣлается Донъ-Кишотомъ! Заведетъ такія школы, что дураку въ умъ не взойдетъ! Выйдетъ изъ школы такой человѣкъ, что никуда не годится, ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьяница, да чувствуетъ свое достоинство! Конечно въ грамотѣ ничего нѣтъ дурного, — скорѣй хорошее. . . Въ человѣколюбье пойдетъ — сдѣлается Донъ-Кишотомъ! Человѣколюбъ настроитъ на милліонъ безтолковыхъ больницъ да заведеній съ колоннами, разорится, да и пуститъ всѣхъ по міру: вотъ тебѣ и человѣколюбье! Дурачье, ослы!«

Разсердившись, Костанжогло плюнулъ.

Чичикову не до просвѣщенья было дѣло. Ему хотѣлось обстоятельно разспросить о томъ, какъ всякая дрянь даетъ доходъ. Но никакъ не далъ ему Костанжогло вставить сло́ва. Желчныя рѣчи уже лились изъ устъ его такъ, что уже ихъ онъ не могъ удержать.

»Думаютъ, какъ просвѣтить мужика... да ты сдѣлай его прежде богатымъ да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ (его дѣло)! Вѣдь какъ теперь, въ это время, весь свѣтъ поглупѣлъ, такъ вы не можете себѣ представить! Что̀ пишутъ теперь эти щелкоперы! Пуститъ какой-нибудь (изъ нихъ) книжку, и такъ вотъ всѣ и бросятся на нее. . . Вотъ что̀ стали говорить: »Крестьянинъ ведетъ ужъ очень »простую жизнь; нужно познакомить его съ предметами роскоши, »внушить ему потребности свыше состоянья. . .« Сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней чортъ знаетъ какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ осьмнадцати-лѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ какъ пузырь,—такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хоть одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да хлѣбопашецъ у насъ всѣхъ почтен-

нѣе, — что̀ вы его трогаете? Дай Богъ, чтобъ всѣ были, какъ хлѣбопашцы!«

»Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ (всего) доходливѣй заниматься?« спросилъ Чичиковъ.

»Законнѣе, а не то, что доходнѣе. Воздѣлывай зѐмлю въ потѣ лица своего, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ нравственнѣй, чище, благороднѣй, выше. Не говорю — не заниматься другимъ, но чтобы въ основаніе легло хлѣбопашество — вотъ что̀! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законныя фабрики, — того, что̀ нужно здѣсь, подъ рукой человѣку, на мѣстѣ, а не эти всякія потребности, разслабившія теперешнихъ людей. Не эти фабрики, что̀ потомъ, для поддержки ихъ, для сбыту, употребляютъ всѣ гнусныя мѣры, развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ. Да вотъ же не заведу у себя, какъ ты тамъ ни говори въ ихъ пользу, никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности производствъ, ни табаку, ни сахару, хоть бы потерялъ милліонъ. Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки! Пусть я буду передъ Богомъ правъ!... Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ; я знаю, какія отъ этого слѣдствія.«

»Для меня изумительнѣе всего, какъ, при благоразумномъ управленіи, изъ остатковъ, изъ обрѣзковъ, получается (выгода) и всякая дрянь даетъ доходъ«, сказалъ Чичиковъ.

»Гм! политическіе экономы!« говорилъ Костанжогло, не слушая его, съ выраженьемъ желчнаго сарказма въ лицѣ. »Хороши политическіе экономы! Дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ. Дальше своего глупаго носа не видитъ оселъ, а еще взлѣзетъ на каѳедру, надѣнетъ очки... Дурачье!« и въ гнѣвѣ онъ плюнулъ.

»Все это такъ и все справедливо, только пожалуста не сердись«, сказала жена. »Какъ-будто нельзя говорить объ этомъ, не выходя изъ себя!«

»Слушая васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, вникаешь, такъ сказать, въ смыслъ жизни, щупаешь самое ядро дѣла. Но, оставивъ общечеловѣческое, позвольте обратить вниманье на

приватное. Если бы, положимъ, сдѣлавшись помѣщикомъ, возъимѣлъ я мысль въ непродолжительное (время) разбогатѣть такъ, чтобы тѣмъ, такъ сказать, исполнить существенную обязанность гражданина; то какимъ образомъ, какъ поступить?«

»Какъ поступить, чтобы разбогатѣть?« подхватилъ Костанжогло. »А вотъ какъ!«

»Пойдемъ ужинать!« сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые, продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго человѣка, подлетѣлъ къ хозяйкѣ съ мягкимъ выраженьемъ въ лицѣ деликатнаго штатскаго человѣка, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, гдѣ уже на столѣ стояла суповая чашка и, лишенная крышки, разливала пріятное благоуханье супа, напитаннаго свѣжею зеленью и первыми кореньями весны. Всѣ сѣли за столъ. Слуги проворно поставили разомъ на столъ всѣ блюда, въ закрытыхъ соусникахъ, и все, что нужно, и тотчасъ ушли. Костанжогло не любилъ, чтобы лакеи слушали господскіе разговоры, а еще болѣе, чтобы глядѣли ему въ ротъ въ то время, когда онъ (ѣстъ).

Нахлебавшись супу и выпивши рюмку какого-то отличнаго питья, похожаго на Венгерское, Чичиковъ сказалъ хозяину такъ: »Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться?....« (1)

....Имѣнье, за которое, если бы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ.«

»Гм!« Чичиковъ задумался. »А отчего же вы сами«, проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью, »не покупаете его?«

»Да нужно знать наконецъ предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренным ъ ихъ положеньемъ, скупаю зéмли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ наконецъ надоѣло.«

(1) ***Примѣчаніе С. П. Шевырева.*** Здѣсь, въ разговорѣ между Костанжогло и Чичиковымъ, пропускъ. Должно полагать, что Костанжогло предложилъ Чичикову пріобрѣсти покупкою имѣнье сосѣда его, помѣщика Хлобуева.

»Какъ вообще люди способны къ злословью!« сказалъ Чичиковъ.

»А ужъ какъ въ нашей губерніи, — не можете себѣ представить. Меня иначе и не называютъ, какъ скавалыгой и скупцомъ первой степени. Себя они во всёмъ извиняютъ. »Я«, говоритъ, »конечно промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями »жизни, поощрялъ промышлениковъ [т. е. мошенниковъ]. А этакъ, »пожалуй, можно прожить свиньею, какъ Костанжогло.«

»Желалъ бы я быть этакой свиньей!« сказалъ Чичиковъ.

»И все это ложь и вздоръ. Какія высшія потребности! Кого они надуваютъ? Книги хоть онъ и заведетъ, но вѣдь ихъ не читаетъ. Дѣло кончится картами да шам(панскимъ)... И вѣдь это все оттого, что не задаю обѣдовъ да не даю имъ въ-займы денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило: я къ этому не привыкъ. А пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ, — милости просимъ. Не даю денегъ въ-займы—это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься моими деньгами; если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль,—я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ.«

»Это, однакоже, нужно принять къ свѣдѣнію«, подумалъ Чичиковъ.

»И никогда не откажу«, продолжалъ Костанжогло. »Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Чортъ побери, онъ затѣваетъ тамъ какой-нибудь обѣдъ своей любовницѣ, или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелями домъ, юбилеи тамъ какой-нибудь въ память того, что онъ даромъ вѣкъ прожилъ, а ему давай деньги въ-займы!«

Здѣсь Костанжогло плюнулъ и чуть-чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ, въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенья взволнованной желчи.

»Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора«, сказалъ Чичиковъ, выпивая еще рюмку малиновки, которая дѣйствительно была отличная. »Если бы, положимъ, я пріобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ

вы изволили упомянуть; то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени....«

»Если вы хотите«, подхватилъ сурово и отрывисто Костанжогло, еще полный нерасположенья въ духѣ, »разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашиваясь о времени, то разбогатѣете скоро.«

»Вотъ оно какъ!« сказалъ Чичиковъ.

»Да«, сказалъ Костанжогло отрывисто, точно какъ-бы онъ сердился на самого Чичикова. »Надобно имѣть любовь къ труду: безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство. Да повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они, въ этихъ глупыхъ своихъ клубахъ, трактирахъ, да театрахъ! Дураки, дурачье, ослиное поколѣнье! Хозяину нѣтъ времени скучать. Въ жизни его и на полвершка нѣтъ пустоты — всё полнота. Одно это разнообразье занятій,—занятій, истинно возвышающихъ духъ! Какъ бы то ни было, но вѣдь тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всего, что совершается въ твореньи. Разсмотрите-ка круговой годъ работъ: какъ, еще прежде, чѣмъ наступитъ весна, все ужъ на-сторожѣ и ждетъ ея: подготовка сѣмянъ, переборка, перемѣрка по анбарамъ хлѣба и пересушка; установленье новыхъ тяголъ. Все обсматривается впередъ и все разсчитывается въ началѣ. А какъ взломаетъ ледъ, да пройдутъ рѣки, да просохнетъ все и пойдетъ взрываться земля... по огородамъ и садамъ работаетъ заступъ, по полямъ соха и борона; садка, сѣвъ, посѣвы. Понимаете ли, что это? Бездѣлица: грядущій урожай сѣютъ! блаженство всей земли сѣютъ! пропитанье милліонамъ сѣютъ! А тутъ покосы, покосы.... И вотъ наступило лѣто; закипѣла вдругъ жатва; за рожью пошла пшеница, а тамъ ячмень и овесъ. Все кипитъ; нельзя пропустить минуты; хоть двадцать глазъ имѣй, всѣмъ имъ работа. А какъ отпразднуется все, да пойдетъ свозиться на гумна, складываться въ клади, да осенняя запашка, да чинка къ зимѣ анбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, и въ то же время всѣ бабьи (работы), да подведешь всему итогъ и увидишь, что сдѣлано,—да вѣдь это... А зима!

Молотьба по всѣмъ гумнамъ; перевозка перемолотаго хлѣба изъ ригъ въ анбары; по лѣсамъ рубка и пиленье дровъ; подвозъ кирпичу и дерева для весеннихъ построекъ. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочій дворъ, идешь и къ мужику, какъ онъ тутъ на себя копышется. Да для меня, просто, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ, я два часа готовъ передъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа. А если видишь еще, съ какой цѣлью все это творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ,—да я и разсказать не могу, что тогда въ тебѣ дѣлается. И не потому, что ростутъ деньги: деньги деньгами; но потому, что все это дѣло рукъ твоихъ; потому, что видишь, какъ ты всему причина, ты творецъ и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденье?« сказалъ Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Какъ царь, въ день торжественнаго вѣнчанья своего, сіялъ онъ весь, и казалось—какъ-бы лучи исходили изъ его лица. »Да, въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденья! Здѣсь, именно здѣсь подражаетъ Богу человѣкъ! Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенья, какъ высшее всѣхъ наслажденіе, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ подобнымъ творцомъ благоденствія вокругъ себя. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!«

Какъ пѣнья райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Самые глаза умаслились и выражали сладость, и всё бы онъ слушалъ.

»Константинъ! пора вставать«, сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Всѣ встали. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку, но уже не доставало ловкости въ его оборотахъ, потому что мысли были заняты существенными оборотами.

»Что ни разсказывай, а всё, однакоже, скучно«, говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

»Гость не глупый человѣкъ«, думалъ хозяинъ: »внимателенъ, степененъ въ словахъ и не щелкоперъ.« И подумавши такъ, сталъ онъ еще веселѣе, какъ-бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора и какъ-бы празднуя, что нашелъ человѣка, умѣющаго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ балкона и стеклянной двери въ садъ, и глядѣли къ нимъ оттолѣ звѣзды, блиставшія надъ вершинами заснувшаго сада, — Чичикову сдѣлалось такъ пріютно, какъ не бывало давно, точно какъ-бы послѣ долгихъ странствованій приняла уже его родная крыша и, по совершеньи всего, онъ уже получилъ все желаемое, и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: довольно! Такое обаятельное расположеніе навелъ ему на душу разумный разговоръ хозяина. Есть для всякаго человѣка такія рѣчи, которыя какъ-бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей; и часто, неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и безпутность современнаго шума, и лживость обмановъ, обманывающихъ человѣка; и живо врѣжется разъ навсегда и навѣки проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все удержитъ вѣрная память: и кто соприсутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ сидѣлъ, и что̀ было въ рукахъ его,—стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ: и эта малая неприхотливо убранная комната, и добродушное выраженье, воцарившееся на лицѣ умнаго хозяина, и даже рисунокъ обоевъ, потолокъ, и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: »Полно, не мучь его«, и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, глядѣвшая къ нимъ оттолѣ, облокотясь на вершины деревъ, осыпанныхъ звѣздами, оглашенная соловьями, громкопѣвно высвистывавшими изъ глубины зеленолиственныхъ чащей.

»Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Ѳедоровичъ«, произнесъ Чичиковъ. »Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ, по уму.«

Хозяинъ улыбнулся. Онъ самъ чувствовалъ что не несправедливы были эти слова. »Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ онъ. »Ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ дѣйствительно

есть одинъ, о которомъ точно можно сказать — умный человѣкъ, котораго я и подметки не стою.«

»Кто жъ бы это такой могъ быть?« съ изумленіемъ спросилъ Чичиковъ.

»Это нашъ откупщикъ Муразовъ.«

»Въ другой уже разъ про него слышу!« вскрикнулъ Чичиковъ.

»Это человѣкъ, который не то, что имѣньемъ помѣщика, цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ.«

»И говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ.«

»Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ.«

»Что̀ вы говорите!« вскрикнулъ Чичиковъ, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ.

»Всенепремѣнно. Это ясно. Медленно богатѣетъ тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ: что̀ ни захватитъ, такъ вдвое и втрое противу самого себя. Поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ. Съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему назначитъ, такая и останется: некому перебить.«

»Господи, ты Боже мой!« проговорилъ Чичиковъ, перекрестившись и смоля въ глаза Костанжогло, — захватило духъ въ груди ему. »Уму непостижимо! Каменѣетъ мысль отъ страха! Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваніи букашки; для меня болѣе изумительно то, что въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы! Позвольте предложить вамъ вопросъ на-счетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, въ началѣ пріобрѣтено не безъ грѣха?«

»Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами.«

»Не повѣрю! невѣроятно! Если бы тысячи, но милліоны....«

»Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ. Прямой таки дорогой такъ и ступай, все бери, что̀ ни лежитъ передъ тобою. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ, — нѣтъ

соперниковъ. Радіусъ великъ, говорю. Что̀ ни захватитъ — вдвое, или втрое противъ (капитала). А съ тысячи что̀? десятый, двадцатый процентъ.«

»И что̀ всего непостижимѣй — что дѣло вѣдь началось съ копейки!«

»Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей«, сказалъ Костанжогло. »Кто родился съ тысячами, воспитался на тысячахъ, тотъ уже не пріобрѣтетъ, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины, — съ копейки, а не съ рубля, — снизу, а не сверху: тутъ только узнаешь хорошо людъ и бытъ, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копейка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства; тогда тебя умудритъ и вышколитъ (такъ), что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ средины. Кто говоритъ мнѣ: »Дайте »мнѣ 100 тысячъ, я сейчасъ разбогатѣю«, я тому не повѣрю: онъ бьетъ на удачу, а не на вѣрняка. Съ копейки нужно начинать.«

»Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю«, сказалъ Чичиковъ, невольно помысливъ о мертвыхъ душахъ; »ибо дѣйствительно начинаю съ ничего.«

»Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть«, сказала хозяйка, »а ты всё болтаешь.«

»И непремѣнно разбогатѣете«, сказалъ Костанжогло, не слушая хозяйки. »Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куда дѣвать доходы.«

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грезъ и мечтаній. Кружилися его мысли. По золотому ковру грядущихъ прибытковъ, золотые узоры вышивало разыгравшееся воображенье, и въ ушахъ его отдавались слова: *рѣки, рѣки потекутъ....*

»Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать.«

»Да что̀ жъ тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось«, сказалъ хозяинъ и остановился, потому что громко по всей комнатѣ раздалось храпѣнье Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ затянулъ еще

громче. Замѣтивъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на ночлегъ, онъ растолкалъ Платонова, сказавши: »Полно тебѣ храпѣть!« и пожелалъ Чичикову спокойной ночи. Всѣ разбрелись и скоро заснули по своимъ постелямъ.

Одному только Чичикову не спаслось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, а существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ, все становилось такъ ясно! возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной! трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно, и такъ казалось свойственно самой его натурѣ! Только бы сбыть въ ломбардъ этихъ мертвецовъ да завести не фантастическое имѣнье! Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Костанжогло, — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое будетъ онъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двинутся всѣ пружины хозяйственной машины, толкая дѣятельно другъ друга. Трудъ закипитъ, — и подобно тому, какъ въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистоганъ да чистоганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ передъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное. Доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки. Собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка. Костанжогло былъ первый. Онъ понялъ, что съ этимъ нечего подыматься на какія-нибудь штуки. Его занималъ другой прожектъ — купить имѣніе Хлобуева. Десять тысячъ у него было; пятнадцать тысячъ предполагалъ онъ попробовать занять у Костанжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому желающему разбогатѣть; остальныя же какъ-нибудь, или заложивши въ ломбардъ, или такъ, просто, заставивши ждать. Вѣдь и это можно: ступай, возись по судамъ, если есть охота! И долго онъ объ этомъ думалъ. Наконецъ сонъ, который уже цѣлые четыре часа

держалъ весь домъ, какъ говорится, въ объятіяхъ, принялъ наконецъ и Чичикова въ свои объятія. Онъ заснулъ крѣпко.

ГЛАВА IV.

На другой день все обдѣлалось какъ нельзя лучше. Костанжогло далъ съ радостью десять тысячъ, безъ процентовъ, безъ поручительства,—просто, подъ одну росписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ пріобрѣтенью.

Онъ показалъ Чичикову все свое хозяйство. Ни минуты времени не терялось у него даромъ; ничто не обрывалось; ни малѣйшей неисправности не случалось у поселянина. Помѣщикъ, какъбы всевѣдецъ какой, вдругъ поднималъ его на ноги. Не было лѣнивца нигдѣ. Умъ и довольство выражались на лицахъ мужиковъ. Все было такъ просто и умно устроено, что шло само собою. Смѣны лѣса и пахатной земли не могли не поразить даже и Чичикова. Какъ много надѣлалъ этотъ человѣкъ безъ шуму, не сочиняя проэктовъ и трактатовъ о доставленіи благополучія всему человѣчеству! А какъ пропадаетъ безъ плодовъ жизнь столичнаго жителя, шаркателя по паркетамъ и любезника гостиныхъ! И тѣмъ болѣе укрѣплялся Чичиковъ въ желаніи сдѣлаться помѣщикомъ.

Костанжогло самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Чичиковъ былъ въ духѣ. Послѣ сытнаго завтрака, всѣ они отправились, сѣвши всѣ трое въ коляскѣ Павла Ивановича; пролетка хозяина слѣдовала за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Цѣлыя 15 верстъ тянулись по обѣимъ сторонамъ лѣса и пахатныя земли Костанжогло. Какъ только они прекратились, все пошло иначе: хлѣбъ жиденькой, на мѣсто лѣсовъ пни. Деревенька, не смотря на красивое мѣстоположеніе, показывала издали запущеніе. Новый каменный домъ, необитаемый, остававшійся вчернѣ нѣсколько лѣтъ, выглянулъ прежде всего, за нимъ другой обитаемый, маленькой и старенькой. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося. Ему было лѣтъ со-

рокъ; галстукъ у него былъ повязанъ на сторону; на сюртукѣ была заплата, на сапогѣ дырка. [1]

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ-бы увидѣлъ онъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

»Константинъ Ѳедоровичъ! Платонъ Михайловичъ! вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ, попрошу въ-займы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳедоровичъ! Вижу — самъ всему виной! Что̀ дѣлать? свинья свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Чѣмъ прикажете потчивать?«

»Безъ церемоніи. Мы къ вамъ за дѣломъ. Вотъ вамъ покупщикъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ«, сказалъ Костанжогло.

»Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку.«

Чичиковъ далъ ему обѣ.

»Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоющее вниманія... Да что̀, господа, позвольте спросить: вы обѣдали?«

»Обѣдали, обѣдали«, сказалъ Костанжогло, желая отдѣлаться. »Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же.«

»Въ такомъ случаѣ пойдемъ.« Хлобуевъ взялъ въ руки картузъ. »Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое.«

Гости надѣли на головы картузы, и всѣ отправились пѣшкомъ осматривать деревню. На всей почти улицѣ, съ обѣихъ сторонъ, глядѣли старыя лачуги, съ крохотными окнами, заткнутыми онучами.

»Пойдемъ-те осматривать безпорядки и безпутство мое«, повторилъ Хлобуевъ. »Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали.

(1) *Сбоку карандашомъ:* Всё провожали лѣса въ смѣшеніи съ лугами, точно садъ. Но когда начались земли Хлобуева, (пошли) скотомъ объѣденные кустарники на мѣсто лѣсовъ, тощая, едва подымавшая рожь, заглушенная куколемъ. Наконецъ вотъ выглянули необнесенныя загородою ветхія избы и посреди ихъ вчернѣ каменный необитаемый домъ. Крыши, видно, не на что̀ было покрыть, такъ онъ и остался покрытый сверху соломой и почернѣлый. Хозяинъ жилъ въ другомъ домѣ, одноэтажномъ. Онъ выбѣжалъ къ нимъ ... въ старомъ сюртукѣ, растрепанный и (въ) дырявыхъ сапогахъ, заспанный и опустившійся. Но было что-то доброе въ лицѣ. Обрадовался онъ какъ Богъ (вѣсть чему).

Повѣрите ли, Константинъ Ѳедоровичъ? курицы нѣтъ въ домѣ, — до того дожилъ!«

Онъ вздохнулъ и, какъ-бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Ѳедоровича, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Костанжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

»Трудно, Платонъ Михайловичъ, трудно!« говорилъ Хлобуевъ Платонову. »Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье! Вѣдь это для васъ слова иностраннаго языка. Трынъ-трава бы это было все, если бы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей, — сгрустнется, по неволѣ сгрустнется . . .«

»Ну, да если вы продадите деревню — это васъ поправитъ?« спросилъ Платоновъ.

»Какое поправитъ!« сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. »Все пойдетъ на уплату долговъ, а для себя не останется и тысячи.«

»Такъ что̀ жъ вы будете дѣлать?«

»А Богъ знаетъ.«

»Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ?«

»Что̀ жъ предпринять?

»Возьмите какое-нибудь мѣсто.«

»Вѣдь я губернскій секретарь. Какое же мнѣ могутъ дать мѣсто? Какъ мнѣ взять жалованье ничтожное, пять-сотъ? Вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей.«

»Подите въ управляющіе.«

»Да кто жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? я промоталъ свое.«

»Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой черезъ кого-либо въ городѣ выхлопотать какую-нибудь должность.«

»Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ«, сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку. »Не гожусь я теперь никуда. Одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куда мнѣ! что̀ разорять казну?

И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе!«

»Вотъ плоды безпутнаго поведенія!« подумалъ Платоновъ. »Это хуже моей спячки.«

А между тѣмъ, какъ они говорили между собой, Костанжогло, идя съ Чичикомъ позади ихъ, выходилъ изъ себя.

»Вотъ смотрите«, сказалъ Костанжогло, указывая пальцемъ: »Довелъ мужика до какой бѣдности! Вѣдь ни телеги, ни лошади. Случился падежъ—ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро! тутъ все свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дня безъ средствъ производить работу. А вѣдь теперь и годами не поправишь. Мужикъ ужъ излѣнился, загулялъ и сдѣлался пьяницей. Да этимъ только, что одинъ годъ далъ ему пробыть безъ работы, ты ужъ его развратилъ на-вѣки, ужъ онъ привыкъ къ лохмотью и бродяжничеству.... А земля-то какова! разглядите землю!« говорилъ онъ, указывая на луга, которые показались скоро за избами. »Всё поемныя мѣста! Да я заведу ленъ, да тысячъ на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю, на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите—по косогору рожь поднялась; вѣдь это все падаль. Онъ хлѣба не сѣялъ—я это знаю. А вонъ овраги... да здѣсь я разведу лѣса, что воронъ не долетитъ до вершины. И этакое сокровище-землю бросить! Ну, ужъ если нечѣмъ было пахать, такъ копай заступомъ подъ огородъ; огородомъ бы взялъ. Самъ возьми въ руку заступъ, жену, дѣтей, дворню заставь; умри, скотина, на работѣ! Умрешь по крайней мѣрѣ при исполненіи долга, а не то, (что) обожрешься свиньей за обѣдомъ!« Сказавши это, плюнулъ Костанжогло, и желчное расположенье осѣнило сумрачнымъ облакомъ его чело.

Когда подошли они ближе и стали надъ крутизной, обросшей чилизникомъ, и вдали блеснулъ извивъ рѣки, и въ перспективѣ показалась часть скрывавшагося въ рощахъ дома генерала Бетрищева, а за нимъ лѣсомъ обросшая гора, пылившаяся синеватой пылью отдаленья, по которой вдругъ догадался Чичиковъ, что это должна быть (деревня) Тентетникова, (онъ сказалъ:) »Здѣсь если развести лѣса,—да деревня можетъ превзойти красотою (все на свѣтѣ)!«

»А вы охотникъ до видовъ!« сказалъ Костанжогло, вдругъ взглянувъ на него строго. »Смотрите, погонитесь тутъ за видами, — останетесь безъ хлѣба и безъ видовъ. Смотрите на поля, а не на красоту. Красота сама придетъ. Примѣръ вамъ города: лучшіе и красивѣе до сихъ поръ города, которые сами построились, гдѣ каждый строился по своимъ надобностямъ и вкусу; а тѣ, которые выстроились по шнурку — казармы казармищами... Въ сторону красоту! Смотрите на потребности.«

»Жалко то, что долго нужно дожидаться: такъ бы хотѣлось увидѣть все въ томъ видѣ, какъ хочется...«

»Терпѣнье! (нѣсколько) лѣтъ работайте сряду: садите, сѣйте, ройте землю, не отдыхая ни на минуту. Трудно, трудно; но зато потомъ, какъ расшевелите хорошенько землю да станетъ она помогать вамъ сама, такъ это не то, что какая-нибудь маш(ина); нѣтъ, батюшка: у васъ, сверхъ вашихъ какихъ-нибудь 70-ти рукъ, будутъ работать 700 невидимыхъ. Все въ-десятеро! Я теперь ни пальцемъ не двигаю, — все дѣлается само собою. Да, природа любитъ терпѣнье: это законъ, данный ей самимъ Богомъ.«

»Слушая васъ, чувствуешь прибытокъ силъ. Духъ воздвигается«, сказалъ Чичиковъ.

»Вона земля какъ вспахана!« вскрикнулъ Костанжогло съ ѣдкимъ чувствомъ прискорбія, показывая на косогоръ. »Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть — глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣнье! Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ.« И, сказавши это, Костанжогло уже омрачился желчнымъ расположеніемъ взволнованнаго духа; простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться съ нимъ.

»Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ«, говорилъ удивленный хозяинъ: »только что пріѣхали, и назадъ!«

»Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома«, сказалъ Костанжогло. Простился, сѣлъ и уѣхалъ на своей пролеткѣ.

Казалось, какъ-будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда.

»Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ«, сказалъ онъ: »не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на этакое безпутное управленіе. Повѣрьте, Павелъ Ивановичъ, что даже хлѣба не сѣялъ

въ этомъ году. Какъ честный человѣкъ, сѣмянъ не было, не говоря уже о томъ, что нечѣмъ пахать. Братецъ вашъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, отличный хозяинъ; а Константинъ Ѳедоровичъ — что̀ ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, что̀ бы хоть каплю его въ мою глупую! — Тутъ смотрите, господа, осторожнѣе черезъ мостъ, чтобы не бултыхнуться въ лужу. До́ски весною приказывалъ поправить. — Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ. Я вижу, имъ нуженъ примѣръ, а съ меня что̀ за примѣръ? Что̀ прикажете дѣлать? не могу быть взыскательнымъ и строгимъ. Да и какъ мнѣ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ? Возьмите ихъ, Павелъ Ивановичъ, въ свое распоряженіе. Я бы ихъ отпустилъ давно на волю, но изъ этого не будетъ никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести ихъ въ такое состояніе, чтобы умѣли жить. Нуженъ строгій и справедливый человѣкъ, который жилъ бы съ ними долго и собственнымъ примѣромъ, неутомимою дѣятельностью (дѣйствовалъ на нихъ). Русской человѣкъ, вижу по себѣ, не можетъ безъ понукателя: такъ и задремлетъ, такъ и закиснетъ!«

»Странно«, сказалъ Платоновъ, »отчего Русской человѣкъ способенъ такъ задремать и закиснуть, что, если не смотришь во всѣ глаза за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?«

»Отъ недостатка просвѣщенія«, замѣтилъ Чичиковъ.

»Богъ вѣсть, отчего! (сказалъ Хлобуевъ) Вѣдь вотъ мы и просвѣтились. Я слушалъ лекціи въ Университетѣ, а что̀ изъ того, что я былъ въ Университетѣ? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще какъ-бы больше выучился искуству побольше издерживать денегъ на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? Нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Два, три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что̀ портитъ здоровье да и выманиваетъ деньги. Такъ изъ просвѣщенья-то мы всё-таки выберемъ то, что̀ погаже; наружность его схватимъ, а его самого

не возьмемъ. Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не умѣемъ мы жить отчего-то другого, а отчего, ей Богу, я не знаю.«

»Причины должны быть«, сказалъ Чичиковъ.

Глубоко вздохнулъ бѣдный Хлобуевъ и продолжалъ такъ: »Иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто Русскій человѣкъ — какой-то пропащій человѣкъ. Хочешь все сдѣлать, и ничего не можешь. Всё думаешь — съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами, и языкъ не ворочается. Какъ сова сидишь, глядя на всѣхъ. Право, и этакъ всѣ.«

»Да«, сказалъ Чичиковъ усмѣхнувшись, »эта исторія бываетъ.«

»Еще вотъ сюда поворотимъ«, сказалъ Хлобуевъ: »осмотримъ крестьянскія поля. — Мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньгу, не вѣрю я и тому. На старости и его чортъ попутаетъ. Спуститъ потомъ все вдругъ. И всѣ такъ, право: и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Нѣтъ, чего-то другого намъ недостаетъ, а чего, и самъ не знаю.« (1)

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба, въ замасляной де-

(1) *Карандашомъ на поляхъ и между строкъ:* Такъ говоря, обошли они избы, потомъ проѣхали въ коляскѣ по лугамъ... Мѣста были бы хороши, если бы не были вырублены. Открылись виды, въ сторонѣ засинѣли возвышенія тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ еще недавно былъ Чичиковъ, но ни деревни Тентетникова, ни генерала Бетрищева нельзя было (видѣть). Онѣ были заслонены горами. Опустившись внизъ къ лугамъ, гдѣ былъ одинъ только (жидкій) и низкій (лѣсъ) — высокія деревья были срублены, — они осмот(рѣли) плохую водяную мельницу, видѣли рѣку, по которой бы можно было сплавить, если бы только было что̀ сплавлять. Изрѣдка кое-гдѣ паслась тощая скотина. Осмотрѣвши, невствая съ коляски, они воротились снова въ деревню, гдѣ встрѣтили на улицѣ мужика, который, почесывая у себя рукою пониже (спины), такъ зѣвнулъ, что перепугалъ даже старостиныхъ индѣекъ. Зѣвота была видна на всѣхъ строеніяхъ... »Вотъ оно какъ у меня!« сказалъ Хлобуевъ. »Теперь посмотримъ домъ.« И повелъ въ жилые покои дома. Чичиковъ думалъ и тамъ встрѣтить лохмотье и предметы, возбуждающіе зѣвоту, но, къ изумленью (его, комнаты) были прибраны.

...что было въ родѣ изорваннаго платья на Русскій, или Нѣмецкій покрой не своего, но фабричнаго издѣлія, купленнаго; свои только сапоги. Мужикъ, въ изорванной рубахѣ, вышедъ изъ лачуги, зѣвалъ, почесывая...

рюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока всѣхъ чертей. Подальше два мужика глядѣли съ равнодушіемъ стоическимъ на гнѣвъ пьяной бабы. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна была на строеніяхъ, крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. »Мое-то будущее достоянье — мужики«, подумалъ Чичиковъ: »дыра на дырѣ и заплата на заплатѣ!« И точно, на одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, стащенными съ господскаго анбара. Въ хозяйствѣ, какъ видно, исполнялась система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

»Не завидно у васъ хозяйство«, сказалъ Чичиковъ, вошедши въ комнаты.

Въ домѣ они были поражены смѣшеньемъ нищеты съ блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Встрѣтила ихъ хозяйка, одѣтая со вкусомъ и по модѣ, — говорила о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. Четверо дѣтей тожъ одѣты были мило и со вкусомъ, и при нихъ даже гувернантка. Но оттого еще грустнѣе было глядѣть на нихъ. Лучше бы одѣлись они въ пестрядевыя юбки, въ простыя рубашки и бѣгали бы себѣ по двору, и не отличались ничѣмъ отъ крестьянскихъ дѣтей. Къ хозяйкѣ скоро пріѣхала гостья, какая-то пустая болтунья. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мущины остались одни.

»Такъ какая же будетъ ваша цѣна?« сказалъ Чичиковъ. »Спрашиваю, признаться, чтобы услышать крайнюю, послѣднюю цѣну; ибо помѣстье въ худшемъ положеніи, чѣмъ ожидалъ.«

»Въ самомъ скверномъ, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ Хлобуевъ. »И это еще не все. Я отъ васъ не скрою также и того, что изо ста душъ, числящихся по ревизіи, только пятьдесятъ въ живыхъ: такъ у насъ распорядилась холера; прочіе отлучились безпашпортно, такъ что почитайте ихъ какъ бы умершими. Если ихъ вытребывать по судамъ, такъ и все имѣнье останется по судамъ. Потому-то я и прошу съ васъ всего только тридцать тысячъ.

Чичиковъ сталъ, разумѣется, торговаться.

»Помилуйте, какъ это тридцать! за этакое (имѣніе) тридцать (тысячъ)! Ну, возьмите 25 тысячъ.«

Платонову сдѣлалось совѣстно. »Покупайте, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ онъ. »За имѣнье можно всегда дать это. Если вы не дадите за него тридцати тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ.«

»Очень хорошо, согласенъ«, сказалъ Чичиковъ испугавшись. »Хорошо, только съ тѣмъ, чтобы половину денегъ черезъ годъ.«

»Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! этого-то ужъ никакъ не могу. Половину мнѣ дайте теперь же, а остальныя черезъ 15 (дней). Вѣдь мнѣ эти же самыя деньги выдастъ ломбардъ: было бы только чѣмъ піявокъ накормить.«

»Какъ же, право? я ужъ не знаю«, сказалъ Чичиковъ: »у меня всего на-всего теперь десять тысячъ. Сказалъ и совралъ: всего у него было двадцать, включая деньги, занятыя у Костанжогло. Но какъ-то жалко ему было такъ много дать за одинъ разъ.

»Нѣтъ, пожалуста, Павелъ Ивановичъ! Я говорю, что необходимо мнѣ нужны пятнадцать тысячъ.«

»Да, право, недостаетъ пяти тысячъ. Не знаю самъ, откуда взять.«

»Я вамъ займу 5 тысячъ«, подхватилъ Платоновъ.

»Развѣ этакъ!« сказалъ Чичиковъ и подумалъ про-себя: »А это, однакоже, кстати, что онъ даетъ взаймы. »Ударили по рукамъ. Изъ коляски была принесена шкатулка, и тутъ же было изъ нея вынуто 10,000, которыя Чичиковъ и вручилъ Хлобуеву, въ видѣ задатка; остальныя же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра: то есть, обѣщано; предполагалось же привезти три другія тысячи потомъ, денька черезъ два, или три, а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ денегъ. Если жъ настояла крайняя необходимость, то всё-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То есть, онъ поступалъ, какъ всѣ мы. Вѣдь намъ пріятно же поводить просителя. Пусть его натретъ себѣ спину въ передней. Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ быть, всякой часъ ему дорогъ и

терпятъ оттого дѣла его! Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда.

»Гдѣ жъ вы послѣ этого будете жить?« спросилъ Платоновъ Хлобуева. »Есть у васъ другая деревушка?«

»Деревушки нѣтъ, а я переѣду въ городъ: тамъ у меня есть домишко. Всё же равно: это было нужно сдѣлать для дѣтей. Имъ надобны будутъ учители Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь въ деревнѣ нельзя достать.«

»Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей учитъ танцованью!« подумалъ Чичиковъ.

»Странно!« подумалъ Платоновъ.

»Однакожъ нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку«, сказалъ Хлобуевъ. »Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго.«

»Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть!« подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что̀ и думать.

Шампанскимъ Хлобуевъ обзавелся по необходимости. Онъ послалъ въ городъ, — что̀ дѣлать? въ лавочкѣ не даютъ квасу въ долгъ безъ денегъ, а пить хочется. А Французъ, который недавно пріѣхалъ съ винами изъ Петербурга, всѣмъ давалъ въ долгъ. Нечего дѣлать, нужно было брать бутылку шампанскаго.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался; сталъ милъ и уменъ; сыпалъ остротами и анекдотами. Въ рѣчахъ его обнаруживалось столько познанья людей и свѣта, такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ немногими словами сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся бaръ — и почему, и какъ, и отчего они разорились, такъ оригинально и смѣшно умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, что они оба были обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

»Мнѣ удивительно«, сказалъ Чичиковъ, »какъ вы, при такомъ умѣ, не найдете средствъ и оборотовъ?«

»Средства-то есть«, сказалъ Хлобуевъ, и тутъ же выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ

странны, такъ мало истекали изъ познанья людей и свѣта, что оставалось пожимать только плечами да говорить: »Господи Боже! какое необъятное разстоянье между знаньемъ свѣта и умѣньемъ пользоваться этимъ знаньемъ!« Все основывалось на потребности достать откуда-нибудь вдругъ сто, или двѣстѣ тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги, и оканчивалъ онъ рѣчь свою: »Но что̀ прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣстѣ, или хоть сто тысячъ въ-займы. Видно, ужъ Богъ не хочетъ.«

»Еще бы«, подумалъ Чичиковъ, »этакому дураку послалъ Богъ двѣстѣ тысячъ!«

»Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка«, сказалъ Хлобуевъ, »старушка Богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. Прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре; моськи, проживалки и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ подъ 60, хоть она и зоветъ его: »Эй, малой!« Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ. И обнесутъ: вотъ какъ!«

Платоновъ усмѣхнулся.

»А какъ ея фамилія и гдѣ проживаетъ?« спросилъ Чичиковъ.

»Живетъ она у насъ же въ городѣ. Александра Ивановна Ханасарова.«

»Отчего жъ вы не обратитесь къ ней?« сказалъ съ участьемъ Платоновъ. »Мнѣ кажется, если бы она вошла въ положенье вашего семейства, она бы не могла отказать.«

»Ну, нѣтъ, можетъ. У тетушки натура крѣпковата. Это старушка-кремень, Платонъ Михайловичъ! Да къ тому жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Тамъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы. Приплелся ей въ родню... Богъ съ нимъ! можетъ, и успѣетъ.«

»Дуракъ!« подумалъ Чичиковъ. »Да я бы за этакой тетушкой ухаживалъ, какъ нянька за ребенкомъ!«

»Чтò жъ вѣдь этакъ разговаривать сухо?« сказалъ Хлобуевъ. »Эй, Кирюшка! принеси-ка еще другую бутылку шампанскаго.«

»Нѣтъ, нѣтъ, я больше не буду пить«, сказалъ Платоновъ.

»Я также«, сказалъ Чичиковъ, и оба отказались они рѣшительно.

»Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ слово побывать у меня въ городѣ. 8 іюля я даю обѣдъ нашимъ городскимъ сановникамъ.«

«Помилуйте!« вскрикнулъ Платоновъ. »Въ такомъ состояніи, разорившись совершенно — и еще обѣдъ!«

»Чтò жъ дѣлать? нельзя. Это долгъ«, сказалъ Хлобуевъ. »Они меня также угощали.«

Платоновъ растопырилъ глаза. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ городахъ и столицахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь—совершенно необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ни откуда никакихъ средствъ, а задаетъ обѣдъ, и всѣ обѣдающіе говорятъ, что это послѣдній, что завтра же хозяина потащутъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ—мудрецъ всё еще держится на свѣтѣ, еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ, и такъ же задаетъ обѣдъ, на которомъ (опять) всѣ обѣдающіе думаютъ, что онъ послѣдній, и (снова) всѣ увѣрены, что завтра же потащутъ хозяина въ тюрьму.

Домъ Хлобуева въ городѣ представлялъ необыкновенное явленіе. Сегодня попъ, въ ризахъ, служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію Французскіе актеры. Въ иной день ни крошки хлѣба нельзя было отыскать; въ другой хлѣбосольной пріемъ всѣмъ артистамъ и художникамъ, и великодушная подача всѣмъ. Бывали такія подъ-часъ тяжелыя времена, что другой давно бы, на его мѣстѣ, повѣсился, или застрѣлился; но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ съ безпутною его жизнью. Въ эти тяжелыя, горькія минуты читалъ онъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитавшихъ духъ свой быть превыше несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ, и слезами исполнялись глаза его. Онъ молился, и — странное дѣло! почти всегда приходила къ нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь

проѣзжая незнакомка, нечаянно услышавъ о немъ исторію, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца, присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слышалъ. Благоговѣйно признавалъ онъ тогда необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

»Жалокъ онъ мнѣ, право, жалокъ«, сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они, простившись съ нимъ, выѣхали отъ него.

»Блудный сынъ!« сказалъ Чичиковъ. »О такихъ людяхъ и жалѣть нечего.«

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ — потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенья людей, такъ же какъ и на все въ мірѣ. Сердце его страдало и щемило при видѣ страданія другихъ, но впечатлѣнья какъ-то не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ не думалъ о Хлобуевѣ, потому что и о себѣ самомъ не думалъ. Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что въ самомъ дѣлѣ всѣ его мысли были заняты не на шутку покупкою. Какъ ни разсматривалъ онъ, на какую сторону ни оборачивалъ, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить однихъ только мертвецовъ и бѣглыхъ. Можно было поступить и такъ, чтобы прежде выпродать по частямъ всѣ лучшія земли, а потомъ уже заложить въ ломбардъ. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ по образцу Костанжогло, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы перепродать въ частныя (руки) имѣніе (разумѣется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ (1). Тогда представлялась

(1) *Карандашомъ на поляхъ:* Какъ бы то ни было, но очутившись вдругъ (изъ) фантастическаго настоящимъ, дѣйствительнымъ владѣльцемъ уже не фантастическаго (имѣнія), онъ сталъ задумываться, и предположенія, и мысли (его) стали степеннѣе и давали невольно значительное выраженіе (его лицу). »Терпѣнье, трудъ — вещи неновыя: съ ними познакомленъ, такъ сказать, съ пеленъ дѣтскихъ. Мнѣ они не въ диковину. Но станетъ ли теперь, въ эти годы, столько терпѣнья, сколько въ молодости?« Какъ бы то ни было, онъ ду-

и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Костанжогло денегъ, взятыхъ у него въ-займы. Странная мысль! не то, чтобы Чичиковъ возъимѣлъ ее, но она вдругъ, сама собой, предстала, дразня и усмѣхаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! егоза! И кто творецъ этихъ вдругъ набѣгающихъ мыслей?... Онъ почувствовалъ удовольствіе, удовольствіе оттого, что сталъ теперь помѣщикомъ, помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угодья, и люди, люди не мечтательные, не въ воображеньи пребывающіе, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подмигивать себѣ самому, и вытрубилъ на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ-бы на трубѣ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ вслухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ, постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторга, и когда Платоновъ, принявши кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него: »Чего?« онъ отвѣчалъ: »Ничего.«

»Стой!« закричалъ кучеру Платоновъ.

Чичиковъ оглянулся вокругъ себя и увидѣлъ, что они уже давно ѣхали прекрасной рощей. (Стволы) березъ и осинъ, блестя, какъ снѣжный частоколъ, стройно (и) легко возносились на нѣжной зелени недавно развившихся листьевъ. Соловьи въ-запуски громко щелкали... Лѣсные тюльпаны желтѣли въ травѣ. Онъ не могъ себѣ дать отчета, какъ онъ успѣлъ очутиться въ этомъ пре-

малъ и о томъ, какъ (сдѣлать) посѣвы, какъ бросить всѣ гл(упыя) занятья, какъ будетъ рано вставать по утрамъ, какъ до восхода солнца... распоряж(аться), какъ будетъ все... смотрѣть на это возрастанье и процвѣтанье мѣнья. Какъ весело... гля(дѣть) на дѣтей! Право, это настоящая жизнь. Правъ Костанжогло! И самое лицо Чичикова стало какъ-бы становиться лучшимъ отъ этихъ мыслей. Такъ уже одно помышленіе о дер(евнѣ) облагороживаетъ человѣка. Но, какъ всегда бываетъ съ человѣкомъ, вдругъ, вслѣдъ за одной мыслію, наступили противоположныя. »А можно поступить даже и такъ«, подумалъ (онъ), »что сначала спродавать по частямъ лучшія земли и заложить потомъ имѣніе въ ломбардъ вмѣстѣ съ мертвецами. Можно даже и самому улизнуть, не заплативъ д(енегъ) Костанжоглу. Словомъ, во всякомъ случаѣ покупка...« — »Стой!« закричалъ вдругъ кучеру его сотоварищъ. Слово это заставило (Чичикова) осмотрѣться.

красномъ мѣстѣ, когда еще недавно были открытыя поля. Между деревъ мелькала бѣлая каменная церковь. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ на-встрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ. Англійскій песъ, на высокихъ, тонкихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

»А вотъ и братъ«, сказалъ Платоновъ. »Кучеръ, стой!« и вышелъ изъ коляски; Чичиковъ также. Псы уже успѣли облобызаться. Тонконогой проворный Азоръ лизнулъ, проворнымъ языкомъ своимъ, Ярба въ морду, потомъ лизнулъ Платонову руку, потомъ вскочилъ на Чичикова и лизнулъ его въ ухо.

Братья обнялись.

»Помилуй, Платонъ, что̀ это ты со мною дѣлаешь?« сказалъ остановившійся братъ, котораго звали Василіемъ.

»Какъ что̀?« равнодушно отвѣчалъ Платонъ.

»Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дня отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. »Поѣхалъ«, говоритъ, »съ какимъ-то бариномъ.« Ну, хоть бы слово сказалъ: куда, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно такъ поступать? А я Богъ знаетъ чего не передумалъ въ эти дни!«

»Ну, что̀ жъ дѣлать? позабылъ«, сказалъ Платонъ. »Мы заѣхали къ Константину Ѳедоровичу... Онъ тебѣ кланяется, сестра также.— Павелъ Ивановичъ, рекомендую: братъ Василій.— Братъ Василій, это Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.«

Оба, приглашенные ко взаимному знакомству, пожали другъ другу руки и сняли картузы.

»Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ?« думалъ братъ Василій. »Братъ Платонъ на знакомства не разборчивъ.« И оглянулъ онъ Чичикова, на сколько позволяло приличіе, и увидѣлъ, что это былъ человѣкъ, по виду, очень благонамѣренный.

Съ своей стороны, Чичиковъ оглянулъ также, на сколько позволяло приличіе, брата Василія и увидѣлъ, что братъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его, и лицомъ далеко не такъ красивъ, но въ чертахъ его лица было гораздо больше жизни и одушевленья, больше сердечной доброты. Видно было, что онъ меньше дремалъ. Но на эту часть Павелъ Ивановичъ мало обращалъ вниманія.

»Я рѣшился, Вася, проѣздиться, вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ, по святой Руси. Авось-либо это размычетъ хандру мою.«

»Какъ же такъ вдругъ рѣшиться?« сказалъ озадаченный братъ Василій и чуть было не прибавилъ: »И еще ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ быть, и дрянь, и чортъ знаетъ что!« Полный недовѣрія, оглянулъ онъ искоса Чичикова и увидѣлъ благоприличіе изумительное.

Они повернули направо въ ворота. Дворъ былъ старинный; домъ тоже старинный, какихъ теперь не строятъ, съ навѣсами, подъ высокой крышей. Двѣ огромныя липы росли посереди двора и покрывали почти половину его своею тѣнью. Подъ ними было множество деревяныхъ скамеекъ. Цвѣтущія сирени и черемухи окружали дворъ, совершенно скрывавшійся подъ ихъ цвѣтами и листьями. Господскій домъ былъ почти весь закрытъ; только однѣ двери и окна миловидно глядѣли снизу изъ-подъ вѣтвей. Сквозь прямыя, какъ стрѣлы, лѣсины деревъ, сквозили кухни, кладовыя и погреба. Все было въ рощѣ. Соловьи высвистывали, громко оглашая всю рощу. Невольно вносилось въ душу какое-то безмятежно-пріятное чувство. Такъ и отзывалось все тѣми беззаботными временами, когда жилось всѣмъ добродушно и все было просто и несложно. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Они сѣли на скамьяхъ подъ липами.

Парень, лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ разноцвѣтными фруктовыми квасами всѣхъ сортовъ, то густыми, какъ масло, то шипѣвшими, какъ газовые лимонады. Поставивши графины, схватилъ онъ заступъ, стоявшій у дерева, и ушелъ въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ такъ же, какъ и у зятя ихъ Костанжогло, всѣ слуги были садовники, или лучше сказать — слугъ не было, но всѣ дворовые исправляли по очереди эту должность. Братъ Василій все утверждалъ, что слуги не сословіе, что безъ слугъ можно даже и вовсе обойтись: подать что-нибудь можетъ всякой, и для этого не стоитъ заводить особыхъ людей; что будто Русской человѣкъ потуда хорошъ и расторопенъ и не лѣнтяй, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ, но что, какъ только заберется въ Нѣмецкій сюртукъ, станетъ вдругъ неуклюжъ и нерасторопенъ, и лѣнтяй,

и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню перестаетъ вовсе ходить, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ Нѣмецкимъ и клопы, и блохъ несчетное множество. Въ этомъ, можетъ быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался особенно щеголевато: кички у женщинъ были всѣ въ золотѣ, а рукава на рубахахъ — точныя коймы Турецкой шали.

»Не угодно ли вамъ прохладиться?« сказалъ братъ Василій Чичикову, указывая на графины. »Это квасы, которыми издавна славится нашъ домъ.«

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина — точно липецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ; игра какъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ изо рта въ носъ. »Нектаръ!« сказалъ онъ. Выпилъ стаканъ изъ другого графина — еще лучше.

»Напитокъ напитковъ!« сказалъ Чичиковъ. »Могу сказать, что у почтеннѣйшаго вашего зятя, Константина Ѳедоровича, пилъ первѣйшую наливку, а у васъ первѣйшій квасъ.«

»Да вѣдь и наливки тоже отъ насъ: вѣдь это сестра завела. Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете ѣхать?« спросилъ братъ Василій.

»Ѣду я«, сказалъ Чичиковъ, слегка покачиваясь на лавкѣ и рукою поглаживая себя по колѣну, »не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо, не говоря уже о пользѣ въ гемороидальномъ отношеніи, видѣть свѣтъ и коловращенье людей — есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука.«

Братъ Василій задумался. »Говоритъ этотъ человѣкъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его, однакожъ, есть правда«, подумалъ онъ. Нѣсколько помолчавъ, сказалъ (онъ) обратясь къ Платону: »Я начинаю думать, Платонъ, что путешествіе можетъ точно расшевелить тебя. У тебя не что другое, какъ душевная спячка. Ты, просто, заснулъ, и заснулъ не отъ пресыщенья, или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чув-

ствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что ни случается.«

»Вольно жъ принимать все близко къ сердцу«, сказалъ Платонъ. »Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги.«

»Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность?« сказалъ Василій. »Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ? захватилъ пустошь, гдѣ у насъ празднуется красная горка. Во-первыхъ, пустоши этой я ни за какія деньги (не отдамъ). Здѣсь у меня крестьяне празднуютъ всякую весну красную горку. Съ ней связаны воспоминанія деревни; а для меня обычай святая вещь, и за него я готовъ пожертвовать всѣмъ.«

»Не знаетъ, потому и захватилъ«, сказалъ Платонъ. »Человѣкъ новый, только-что пріѣхалъ изъ Петербурга; ему нужно объяснить, растолковать.«

»Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью.«

»Тебѣ нужно было съѣздить самому, растолковать. Переговори съ нимъ самъ.«

»Ну, нѣтъ. Онъ черезъ-чуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Изволь, поѣзжай самъ, если хочешь ты.«

»Я бы поѣхалъ, но вѣдь я (въ хозяйство) не мѣшаюсь. Онъ можетъ меня и провести, и обмануть.«

»Да если угодно, такъ я поѣду«, сказалъ Чичиковъ.

Василій взглянулъ на него и подумалъ: »Экой охотникъ ѣздить!«

»Вы мнѣ дайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ«, сказалъ Чичиковъ, »и въ чемъ дѣло.«

»Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную коммиссію. Человѣкъ онъ, по-моему, дрянь: изъ мелко-помѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и заважничалъ. Тонъ задаетъ. Да у насъ народъ живетъ не глупой. Мода намъ не указъ, а Петербургъ не церковь.«

»Конечно«, сказалъ Чичиковъ; »а дѣло въ чемъ?«

»Видите ли? ему точно нужна (земля). Да если бы онъ не

такъ поступалъ, я бы съ охотою отвелъ въ другомъ мѣстѣ даромъ не то, что (пустошь). А теперь занозистый человѣкъ подумаетъ (что я испугался).«

»По-моему, лучше переговорить. Можетъ быть, (вы) мнѣ поручите дѣло и не раскаетесь. Вотъ тоже и генералъ Бетрищевъ...«

»Но мнѣ совѣстно, что вамъ придется говорить съ такимъ человѣкомъ.... (¹)

.... и наблюдая особенно, чтобъ это было втайнѣ«, сказалъ Чичиковъ; »ибо не столько самое преступленье, сколько соблазнъ вредоносенъ.«

»А, это такъ, это такъ«, сказалъ Лѣницынъ, наклонивъ совершенно голову на бокъ.

»Какъ пріятно встрѣтить единомысліе!« сказалъ Чичиковъ. »Есть и у меня дѣло, и законное, и незаконное вмѣстѣ: съ виду незаконное, въ существѣ законное. Имѣя надобность въ залогахъ, никого не хочу вводить въ рискъ платежомъ по два рубля за живую душу. Ну, случится лопну, чего Боже сохрани, не пріятно вѣдь владѣльцу; я и рѣшился воспользоваться бѣглыми и мертвыми, еще невычеркнутыми изъ ревизіи душами, чтобы однимъ разомъ сдѣлать и Христіянское дѣло, и снять съ бѣдныхъ владѣльцевъ тягость уплаты за нихъ податей. Мы только между собой сдѣлаемъ формальнымъ образомъ купчую, какъ бы на живыя.«

»Это, однако же, что-то такое престранное«, подумалъ Лѣницынъ и отодвинулся со стуломъ немного назадъ. »Да дѣло то, однакоже... такого рода...« началъ-было (онъ) вслухъ, но ничего не прибралъ сказать.

»А соблазну не будетъ, потому что втайнѣ«, отвѣчалъ Чичиковъ, »и притомъ между благонамѣренными людьми.«

»Да всё-таки, однакоже, какъ-то....«

»Чисто, а соблазну никакого«, отвѣчалъ весьма прямо и открыто Чичиковъ. »Дѣло такого рода, какъ сейчасъ (мы) разсуждали, между людьми благонамѣренными, благоразумныхъ лѣтъ, и, кажется, хорошаго чину, и притомъ втайнѣ.« И, говоря это, глядѣлъ онъ открыто и благородно ему въ глаза.

(¹) *Примѣчаніе С. П. Шевырева.* Здѣсь пропускъ, въ которомъ, вѣроятно, содержится разсказъ о томъ, какъ Чичиковъ отправился къ помѣщику Лѣницыну.

Какъ ни былъ изворотливъ Лѣницынъ, какъ ни былъ свѣдущъ вообще въ дѣлопроизводствахъ, но тутъ какъ-то совершенно пришелъ въ недоумѣнье, тѣмъ болѣе, что, какимъ-то страннымъ образомъ, онъ какъ-бы запутался въ собственныя сѣти. Онъ вовсе не былъ способенъ на несправедливости и не хотѣлъ бы сдѣлать ничего несправедливаго, даже и втайнѣ. »Экая удивительная окказія!« думалъ онъ про-себя. »Прошу входить въ тѣсную дружбу, даже съ хорошими людьми! Вотъ тебѣ и задача!«

Но судьба и обстоятельства какъ-бы нарочно благопріятствовали Чичикову. Точно (какъ-будто) затѣмъ, чтобы помочь этому затруднительному дѣлу, вошла въ комнату молодая хозяйка, супруга Лѣницына, блѣдная, худенькая, низенькая, но одѣтая по-Петербургскому, большая охотница до людей comme il faut. За нею былъ вынесенъ на рукахъ мамкой ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Ловкимъ подходомъ съ прискочкой и наклоненьемъ головы на бокъ, Чичиковъ совершенно обворожилъ Петербургскую даму, а вслѣдъ за нею и ребенка. Сначала тотъ было-разревѣлся, но словами: »Агу, агу, душенька«, прищелкиваніемъ пальцевъ и красотой сердоликовой печатки отъ часовъ, Чичикову удалось переманить его къ себѣ на руки. Потомъ онъ началъ его приподнимать къ самому потолку и возбудилъ этимъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, чрезвычайно обрадовавшую обоихъ родителей. Но, отъ взаимнаго удовольствія, или чего-либо другого, ребенокъ вдругъ повелъ себя не хорошо.

»Ахъ, Боже мой!« вскрикнула жена Лѣницына, »онъ вамъ испортилъ весь фракъ!«

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новешенькаго фрака былъ весь испорченъ. »Пострѣлъ бы тебя взялъ, чертенокъ!« подумалъ онъ въ-сердцахъ.

Хозяинъ, хозяйка, мамка, всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

»Ничего, ничего, совершенно ничего«, говорилъ Чичиковъ, стараясь сообщить лицу своему, сколько возможно, веселое выраженіе. »Можетъ ли что̀ испортить ребенокъ въ это золотое время своего возраста?« повторялъ онъ, а въ то же время думалъ: »Да вѣдь

какъ бестія, волки бъ его съѣли, мѣтко обдѣлалъ, канальчонокъ проклятой!«

Это, по-видимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина въ пользу дѣла Чичикова. Какъ отказать такому гостю, который оказалъ столько невинныхъ ласкъ малюткѣ и великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Чтобы не подать дурного примѣра, рѣшились (покончить) дѣло секретно, ибо не столько самое дѣло, сколько соблазнъ вредоносенъ.

»Позвольте жъ и мнѣ, въ вознагражденье за услугу, заплатить вамъ также услугой. Хочу быть посредникомъ вашимъ по дѣлу съ братьями Платоновыми. Вамъ нужна земля, не такъ ли?.....«

ГЛАВА?

Все на свѣтѣ обдѣлываетъ свои дѣла. *Чтò кому трéбитъ, тотъ то и терéбитъ,* говоритъ пословица. Путешествіе по сундукамъ произведено было съ успѣхомъ, такъ что кое-что отъ этой экспедиціи перешло въ собственную шкатулку (Чичикова). Словомъ, благоразумно было обстроено. Чичиковъ не то, чтобы укралъ, но попользовался. Вѣдь всякой изъ насъ чѣмъ-нибудь да попользуется: тотъ казеннымъ лѣсомъ, тотъ экономическими суммами, тотъ крадетъ у дѣтей своихъ ради какой-нибудь пріѣзжей актрисы, тотъ у крестьянъ ради мебелей Гамбса, или кареты. Чтò жъ дѣлать, если завелось такъ много приманокъ на свѣтѣ! и дорогіе рестораны съ сумасшедшими цѣнами, и маскарады, и гулянья, и плясанья съ Цыганами. Вѣдь нельзя жъ всегда удержать себя: человѣкъ не Богъ. Такъ и Чичиковъ, подобно размножившемуся количеству людей, любящихъ всякій комфортъ, поворотилъ дѣло въ свою пользу.

Чичикову слѣдовало бы уже и выѣхать, но дороги испортились. Въ городѣ между тѣмъ началась другая ярмарка, собственно дворянская. Прежняя была больше конная, скотомъ, сырыми произведеніями, да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками. Теперь же все, чтò куплено на Нижегородской ярмаркѣ краснорядцами панскихъ товаровъ, привезено сюда. Наѣхали истребители Русскихъ кошельковъ, Французы съ помадами и

Француженки съ шляпками, истребители добытыхъ кровью и трудами денегъ — эта Египетская саранча, по выраженью Костанжогло, которая, мало того, что все сожретъ, да еще и яицъ послѣ себя оставитъ, зарывши ихъ въ землю.

Только неурожай удержалъ многихъ помѣщиковъ по деревнямъ. Зато чиновники, нетерпящіе неурожая, развернулись; жены ихъ на бѣду также. Начитавшись разныхъ книгъ, распущенныхъ въ послѣднее время съ цѣлью внушить всякія новыя потребности человѣчеству, возъимѣли жажду необыкновенную испытать всякихъ новыхъ наслажденій. Французъ открылъ новое заведенье— какой-то дотолѣ неслыханный въ губерніи воксалъ, съ ужиномъ, будто бы по необыкновенно дешевой цѣнѣ и половину на кредитъ. Этого было достаточно, чтобы не только столоначальники, но даже и всѣ канцелярскіе, въ надеждѣ на будущія взятки съ просителей, (развернулись). Зародилось желанье пощеголять другъ передъ другомъ лошадьми и кучерами. Ужъ это столкновенье сословій для увеселенья!... Не смотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольскія коляски пролетали взадъ и впередъ. Откуда взялись онѣ, Богъ вѣсть, но и въ Петербургѣ не подгадили бы.... Купцы, прикащики, ловко приподнимая шляпы, зазывали къ себѣ барынь. Рѣдко гдѣ видны были бородачи, въ горлатныхъ шапкахъ. Все было Европейскаго вида....

Чичиковъ, въ Персидскомъ новомъ халатѣ изъ золотистой термаламы, разваляесь на диванѣ, торговался съ заѣзжимъ контрабандистомъ-купцомъ, Жидовскаго происхожденія и Нѣмецкаго выговора, и передъ нимъ уже лежали купленная штука первѣйшаго Голландскаго полотна на рубашки и двѣ бумажныя коробки съ отличнѣйшимъ мыломъ первостатейнѣйшаго свойства. Это было мыло то самое, которое онъ нѣкогда пріобрѣталъ на Радзивилловской таможнѣ. Оно имѣло дѣйствительно непостижимое свойство сообщать нѣжность и бѣлизну щекамъ изумительную. Въ то время, когда онъ, какъ знатокъ, покупалъ эти необходимые для воспитаннаго человѣка продукты, раздался громъ подъѣхавшей кареты, отозвавшійся легкимъ дрожаньемъ комнатныхъ оконъ и стѣнъ, и вошелъ его превосходительство Алексѣй Ивановичъ Лѣницынъ.

»На судъ вашего превосходительства представляю: каково по-

лотно и каково мыло, и какова эта вчерашняго дня купленная вещица!« При этомъ Чичиковъ надѣлъ на голову ермолку, вышитую золотомъ и бусами, и очутился, какъ Персидскій шахъ, исполненный достоинства и величія.

Но его превосходительство, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ съ озабоченнымъ видомъ: »Мнѣ нужно съ вами поговорить объ дѣлѣ.« Въ лицѣ его замѣтны были озабоченность и разстройство. Почтенный купецъ Нѣмецкаго выговора былъ тотъ же часъ высланъ, и они остались (одни).

»Знаете ли вы, какая непріятность? Отыскалось другое завѣщаніе старухи, сдѣланное назадъ тому пять лѣтъ. Половина имѣнья отдается на монастырь, а другая обѣимъ воспитанницамъ пополамъ, и ничего больше никому.«

Чичиковъ оторопѣлъ....

»Но это завѣщанье—вздоръ. Оно ничего не значитъ; оно уничтожено вторымъ«, (сказалъ онъ).

»Но вѣдь это не сказано въ послѣднемъ завѣщаньи, что имъ уничтожается первое.«

»Это само собою разумѣется. Первое уничтожается послѣднимъ. Это вздоръ. Первое завѣщанье никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы: я былъ при ней. Кто его подписалъ? кто были свидѣтели?«

»Засвидѣтельствовано оно, какъ слѣдуетъ, въ судѣ. Свидѣтелемъ были — бывшій совѣстный судья, Бурмиловъ, и Хавановъ.«

»Худо«, подумалъ Чичиковъ: »Хавановъ, говорятъ, честенъ; Бурмиловъ старый ханжа, читаетъ по праздникамъ апостола въ церквахъ. — Но вздоръ, вздоръ!« сказалъ онъ вслухъ и тутъ же почувствовалъ рѣшимость на всѣ штуки. »Я знаю это лучше: я участвовалъ при послѣднихъ минутахъ покойницы. Мнѣ это лучше всѣхъ извѣстно. Я готовъ присягнуть самолично.«

Слова эти и рѣшимость на минуту успокоили Лѣницына. Онъ былъ очень взволнованъ и уже начиналъ-было подозрѣвать, не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикаціи, относительно завѣщанія? Теперь укорилъ себя въ подозрѣніи. Готовность присягнуть была явнымъ доказательствомъ противнаго. Не знаемъ

мы, точно ли достало бы духу у Павла Ивановича присягнуть на святомъ (Евангеліи), но сказать это достало духу.

»Будьте покойны: я переговорю объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми юрисконсультами. Съ вашей стороны тутъ ничего не должно прилагать; вы должны быть совершенно въ сторонѣ. Я же теперь могу жить въ городѣ, сколько мнѣ угодно.«

Чичиковъ тотъ же часъ приказалъ подать экипажъ и отправился къ юрисконсульту. Этотъ юрисконсультъ былъ опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ находился подъ судомъ, и такъ умѣлъ распорядиться, что никакимъ (образомъ) нельзя было отрѣшить (его) отъ должности. Всѣ знали, что за подвиги его слѣдовало бы шесть разъ послать (его) на поселенье. Кругомъ и со всѣхъ сторонъ былъ онъ въ подозрѣніяхъ, но никакихъ нельзя было возвести явныхъ и доказательныхъ уликъ. Тутъ было дѣйствительно что-то таинственное, и его бы можно было смѣло признать колдуномъ, если бы исторія, нами описанная, принадлежала временамъ невѣжества.

Юрисконсультъ поразилъ (его) холодностью своего вида, замасленностью своего халата, представлявшаго совершенную противуположность (съ) хорошими мебелями краснаго дерева, золотыми часами подъ стеклянным колпакомъ, люстрою, сквозившей сквозь кисейный чехолъ, ее сохранявшій, и вообще со всѣмъ, что̀ было вокругъ его и носило на себѣ яркую печать Европейскаго просвѣщенія.

Не останавливаясь, однакожъ, скептической наружностью юрисконсульта, Чичиковъ объяснилъ затруднительные пункты дѣла и въ заманчивой перспективѣ изобразилъ необходимо послѣдующую благодарность за добрый совѣтъ и участіе.

Юрисконсультъ отвѣчалъ на это изображеньемъ невѣрности всего земного и далъ тоже искусно замѣтить, что журавль въ небѣ ничего не значитъ, а нужно синицу въ руки.

Нечего дѣлать, нужно было дать синицу въ руки. Скептическая холодность философа вдругъ исчезла. Оказалось, что это былъ наидобродушнѣйшій человѣкъ, наиразговорчивый и наиприятнѣйшій въ разговорахъ, неуступавшій ловкостью оборотовъ самому Чичикову.

»Позвольте вамъ сказать, вмѣсто того чтобы заводить длинное дѣло, — вы, вѣрно, не хорошо разсмотрѣли самое завѣщаніе: тамъ, вѣрно, есть какая-нибудь приписочка. Вы возьмите его на время къ себѣ. Хотя, конечно, подобныя вещи на домъ брать запрещено, но если хорошенько попросить нѣкоторыхъ чиновниковъ... Я съ своей стороны употреблю мое участіе.«

»Понимаю«, подумалъ Чичиковъ и сказалъ: »Въ самомъ дѣлѣ, я точно хорошо не помню, есть ли тамъ приписочка, или нѣтъ«, точно какъ-будто и не самъ писалъ это завѣщаніе.

»Лучше всего вы это посмотрите. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ«, продолжалъ онъ весьма добродушно, »будьте совсѣмъ покойны и не смущайтесь ничѣмъ, даже если бы и хуже что̀ произошло. Никогда и ни въ чемъ не отчаявайтесь. Нѣтъ дѣла неисправимаго. Смотрите на меня: я всегда покоенъ. Какіе бы ни были возводимы на меня казусы, спокойствіе мое непоколебимо.« Лицо юрисконсульта-философа пребывало дѣйствительно въ необыкновенномъ спокойствіи, такъ что Чичиковъ много (успокоился).

»Конечно, это первая вещь«, сказалъ (онъ); »но согласитесь, однакожъ, что могутъ быть такіе случаи и такія дѣла, и такіе поклепы со стороны враговъ, и такія затруднительныя положенія, что отлетитъ всякое спокойствіе.«

»Повѣрьте мнѣ, это малодушіе«, отвѣчалъ очень спокойно и добродушно философъ-юристъ. »Старайтесь только, чтобы производство дѣла было все основано на бумагѣ, чтобы на словахъ ничего не было. И какъ только увидите, что дѣло идетъ къ развязкѣ и удобно къ рѣшенію, старайтеся не то, чтобы оправдывать и защищать себя, нѣтъ, просто спутать новыми вводными, такими посторонностями...«

»То есть, чтобы...«

»Спутать, спутать и ничего больше; ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутали (бы) сюда и другихъ; сдѣлать сложнымъ и ничего больше! А тамъ пусть пріѣзжій изъ Петербурга чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ, пусть его разбираетъ!« повторилъ онъ, смотря съ необыкновеннымъ удовольствіемъ въ глаза Чичикову, какъ смотритъ учитель ученику, когда объясняетъ ему заманчивое мѣсто изъ Русской грамматики.

»Да хорошо, если подберешь такія обстоятельства, которыя способны пустить въ глаза мглу«, сказалъ Чичиковъ, смотря тоже съ удовольствіемъ въ глаза философа, какъ ученикъ, который понялъ заманчивое мѣсто, объясняемое учителемъ.

»Подберутся обстоятельства, подберутся. Повѣрьте: отъ частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выигрышъ многимъ: и чиновниковъ нужно больше, и жалованья имъ болѣе... Словомъ, втянуть въ дѣло побольше лицъ. Нѣтъ нужды, что иные напрасно попадутъ: да вѣдь имъ же оправдаться, имъ нужно отвѣчать на бумагѣ, имъ нужно окупиться... Вотъ ужъ и хлѣбъ!... Такъ можно спутать, такъ все перепутать, что никто ничего не пойметъ. Я почему спокоенъ? потому что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всѣхъ впутаю, и губернатора, и вице-губернатора и полиціймейстера, и казначея, — всѣхъ запутаю. Я знаю всѣ ихъ обстоятельства, — и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ упечь. Тамъ, пожалуй, пусть ихъ выпутываются, —другіе успѣютъ найтись. Вѣдь только въ мутной водѣ и ловится рыба. »Здѣсь юристъ-философъ посмотрѣлъ на Чичикова во всѣ глаза, опять съ тѣмъ же наслажденьемъ, съ какимъ учитель объясняетъ ученику еще заманчивѣйшее мѣсто изъ Русской грамматики.

»Нѣтъ, этотъ человѣкъ точно мудрецъ!« подумалъ про-себя Чичиковъ и разстался съ юрисконсультомъ въ наиприятнѣйшемъ и въ наилучшемъ расположеніи духа.

Совершенно успокоившись, онъ съ небрежною ловкостью бросился на эластическія подушки коляски и приказалъ Селифану откинуть кузовъ назадъ [къ юрисконсульту онъ ѣхалъ съ поднятымъ кузовомъ и даже застегнутой кожей] и расположился точь-въ-точь какъ отставной гусарскій полковникъ, или самъ Вишнепокромовъ, ловко подвернувши одну ножку подъ другую и обращая съ пріятностью ко всѣмъ встрѣчнымъ лицо, сіявшее изъ-подъ шелковой новой шляпы, надвинутой нѣсколько на ухо. Селифану было приказано держать направленье къ гостинному двору. Купцы, и пріѣзжіе, и туземцы, стоя у дверей лавокъ, почтительно снимали шляпы, и Чичиковъ, не безъ достоинства, приподнималъ имъ въ

отвѣтъ свою. Многіе изъ нихъ уже были ему знакомы; другіе были хотя пріѣзжіе, но, очарованные ловкимъ видомъ умѣющаго держать себя господина, привѣтствовали его, какъ знакомые. Ярмарка въ городѣ Тьфуславлѣ не прекращалась; отошла конная и земледѣльческая, началась съ красными товарами для господъ просвѣщенья высшаго. Купцы, пріѣхавшіе на колесахъ, располагали назадъ не иначе возвращаться, какъ на саняхъ.

»Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!« говорилъ у суконной лавки, учтиво рисуясь, съ открытой головою Нѣмецкой сюртукъ Московскаго шитья, съ шляпою въ одной рукѣ на-отлетѣ, придерживая двумя пальцами другой бритый круглый подбородокъ, съ выраженьемъ тонкаго просвѣщенья въ лицѣ.

Чичиковъ вошелъ въ лавку. »Покажите намъ, любезнѣйшій, суконца.«

Благопріятный купецъ тотчасъ приподнялъ вверхъ открывавшуюся доску у стола и, сдѣлавши такимъ образомъ себѣ проходъ, очутился въ лавкѣ, спиною къ товару и лицемъ къ покупателю, и съ обнаженной головою и шляпой на-отлетѣ, еще разъ привѣтствовалъ Чичикова. Потомъ надѣлъ шляпу и, пріятно нагнувшись, обѣими руками упершись въ столъ, сказалъ такъ: »Какого рода сукопъ-съ? Англійскихъ мануфактуръ, или отечественной фабрикаціи предпочитаете?«

»Отечественной фабрикаціи«, сказалъ Чичиковъ, »только лучшаго сорта, который называется Англійскимъ.«

»Какихъ цвѣтовъ пожелаете имѣть?« вопросилъ купецъ, всётаки пріятно колеблясь на двухъ упершихся въ столъ рукахъ.

»Съ искрой оливковыхъ, или бутылочныхъ, приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ«, сказалъ Чичиковъ.

»Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, лучше котораго только въ просвѣщенныхъ столицахъ можно найти. Малой! подай сукно сверху, что̀ за 34-мъ нумеромъ. Да не то, братецъ! Что̀ ты вѣчно выше своей сферы, точно пролетарій какой? Бросай его сюда. Вотъ суконце!« И, разворотивши его съ другого конца, купецъ поднесъ Чичикову къ самому носу, такъ что тотъ могъ не только погладить рукой шелковистый лоскъ, но даже и понюхать.

»Хорошо, но всё не то«, сказалъ Чичиковъ. »Вѣдь я служилъ

на таможнѣ; такъ мнѣ высшаго сорта, какое есть, и притомъ искрасна, не къ бутылкѣ, но къ брусникѣ чтобы приближалось.«

»Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой нынче въ моду входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства.«

Европеецъ полѣзъ. Штука упала. Развернулъ онъ ее съ искусствомъ прежнихъ временъ, даже на время позабывъ, что онъ принадлежитъ уже къ позднѣйшему поколѣнію, и поднесъ къ свѣту, даже вышедши изъ лавки, и тамъ его показалъ, прищурясь къ свѣту и сказавши: »Отличный цвѣтъ сукна, Наваринскаго дыму съ пламенемъ.«

Сукно понравилось; о цѣнѣ условились, хотя она и съ прификсомъ, какъ утверждалъ купецъ. Тутъ произведено было ловкое дранье обѣими руками. Завернуто оно было въ бумагу, по-Русски, съ быстротой неимовѣрной. Свертокъ завертѣлся подъ легкой бичевкой, охватившей его животрепещущимъ узломъ. Ножницы перерѣзали бичевку, и все было ужъ въ коляскѣ.

»Покажите чернаго сукна, раздался голосъ въ лавкѣ.«

»Вотъ чортъ побери, Хлобуевъ«, сказалъ про-себя Чичиковъ и поворотился спиною, чтобы не видать его, находя неблагоразумнымъ съ своей (стороны) заводить съ нимъ какое-либо объясненіе на-счетъ наслѣдства. Но (онъ) уже его увидѣлъ.

»Чтó это, право, Павелъ Ивановичъ? не съ умысломъ ли уходите отъ меня? Я васъ нигдѣ не могу найти, а вѣдь дѣлá такого (рода), что намъ нужно серьезно переговорить.«

»Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій«, сказалъ Чичиковъ, пожимая руки, »повѣрьте, что всё хочу съ вами побесѣдовать, да времени совсѣмъ нѣтъ.« А самъ думалъ: »Чортъ бы тебя побралъ!« и вдругъ увидѣлъ входящаго Муразова. »Ахъ, Боже мой, Аѳанасій Васильевичъ!« сказалъ Чичиковъ: »вотъ пріятное столкновеніе!«

И вслѣдъ за нимъ входя Вишнепокромовъ, повторилъ: »Аѳанасій Васильевичъ!« А благовоспитанный купецъ, отнеся шляпу отъ головы на столько, на сколько могла рука, и всѣмъ (тѣломъ) подавшись впередъ, произнесъ: »Аѳанасію Васильевичу наше нижайшее почтенье«! На лицахъ напечатлѣлась та

собачья услужливость, какую оказываетъ грѣшный людъ милліонщикамъ.

Старикъ, раскланялся со всѣми и обратился прямо къ Хлобуеву: »Извините меня: я, увидѣвши издали, какъ вы вошли въ лавку, рѣшился васъ побезпокоить. Если вамъ будетъ свободно и по дорогѣ мимо моего дома, такъ, сдѣлайте милость, зайдите на малость времени. Мнѣ съ вами нужно будетъ переговорить.« Хлобуевъ сказалъ: »Очень хорошо, Аѳанасій Васильевичъ.«

»Какая прекрасная погода у насъ, Аѳанасій Васильевичъ!« сказалъ Чичиковъ.

»Не правда ли, Аѳанасій Васильевичъ«, подхватилъ Вишнепокромовъ, »вѣдь это необыкновенно?«

»Да-съ, благодаря Бога, не дурна. Но нужно бы дождика для посѣва.«

»Очень, очень бы нужно«, сказалъ Вишнепокромовъ, »и даже и для охоты хорошо.«

»Да, дождика бы очень не мѣшало«, сказалъ Чичиковъ, которому совсѣмъ не нужно было дождика; но какъ-то уже пріятно согласиться съ тѣмъ, у кого милліоны.

»У меня, просто, голова кружится«, сказалъ Чичиковъ, по выходѣ Муразова, »какъ подумаешь, что у этого человѣка 10 милліоновъ. Это, просто, даже невѣроятно.«

»Противузаконная, однакожъ, вещь«, сказалъ Вишнепокромовъ: »капиталы не должны быть въ однѣхъ (рукахъ). Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Имѣешь деньги, — ну, сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ, ремесленникамъ.«

»Этого я не могу понять«, сказалъ Чичиковъ. »Десять милліоновъ, и живетъ какъ простой мужикъ! Вѣдь это съ десятью милліонами чортъ знаетъ что̀ можно сдѣлать! Вѣдь это можно такъ завести, что и общества другого у тебя не будетъ, какъ генералы и князья.«

»Да-съ«, прибавилъ купецъ, »у Аѳанасія Васильевича, при всѣхъ почтенныхъ качествахъ, непросвѣтительности много. Если купецъ почетный, такъ ужъ онъ не купецъ; онъ, нѣкоторымъ образомъ, есть уже негоціантъ. Я ужъ тогда долженъ взять и ложу въ театрѣ, и

дочь ужъ я за простого полковника, нѣтъ-съ, не выдамъ: я за генерала ее выдамъ. Что̀ мнѣ полковникъ! Обѣдъ мнѣ ужъ долженъ кундитеръ поставлять, а не кухарка...«

»Да что̀ говорить! помилуйте«, сказалъ Вишнепокромовъ: »съ десятью милліонами чего не сдѣлаешь? Дайте мнѣ десять милліоновъ, вы посмотрите, что̀ я сдѣлаю.«

»Нѣтъ«, подумалъ Чичиковъ, »ты-то немного сдѣлаешь толку съ десятью милліонами. А вотъ если бъ мнѣ десять милліоновъ, я бы точно кое-что сдѣлалъ.«

»Нѣтъ, если бы мнѣ теперь, послѣ этихъ страшныхъ опытовъ, десять милліоновъ«, подумалъ Хлобуевъ. »Опытомъ узна́ешь цѣну всякой копейки. Э, теперь бы я не такъ...« И потомъ, минуту подумавши, спросилъ себя внутренно: точно ли бы теперь умнѣй распорядился? и, махнувши рукой, прибавилъ: »Кой чортъ! я думаю, такъ же бы растратилъ, какъ и прежде«, и вышелъ изъ лавки, сгарая желаніемъ знать, что̀ объявитъ ему Муразовъ.

»Васъ жду, Семенъ Семеновичъ«, сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева. »Пожалуйте ко мнѣ въ комнатку.« И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

»Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, ваши обстоятельства получше. Послѣ тетушки всё-таки вамъ досталось кое-что.«

»Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ да тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ, и у меня вновь ровно ничего. А главное, что дѣло по этому завѣщанью самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества... Я вамъ сейчасъ разскажу, и вы подивитесь, что̀ такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...«

»Позвольте, Семенъ Семеновичъ, прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенью, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно, чтобы совершенно выпутаться изъ (вашихъ) обстоятельствъ?«

»Мои обстоятельства трудныя«, сказалъ Хлобуевъ. »Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно по крайней мѣрѣ 100 тысячъ, если не больше.«

»Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?«

»Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаніемъ дѣтей. О себѣ нечего уже думать: карьеръ мой конченъ; я ужъ никуда не гожусь.«

»И всё-таки жизнь останется праздною, а въ праздности приходятъ искушенья, о которыхъ бы и не подумалъ человѣкъ, занявшись работою.«

»Не могу, никуда не гожусь, осовѣлъ; болитъ поясница.«

»Да какъ же жить безъ работы, какъ быть на свѣтѣ безъ должности, безъ мѣста? Помилуйте! Взгляните на всякое творенье Божье: всякое чему-нибудь да служитъ и имѣетъ свое отправленье. Даже камень, и тотъ затѣмъ, чтобы употребляли его на дѣло, а человѣкъ, разумнѣйшее существо, чтобы оставался безъ пользы,— статочное ли это дѣло?«

»Ну, да я всё-таки не безъ дѣла. Я могу заняться воспитаньемъ дѣтей.«

»Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, нѣтъ, это всего труднѣе. Какъ воспитать тому дѣтей, кто самъ себя не воспиталъ? Дѣтей вѣдь можно воспитать примѣромъ собственной жизни. А ваша жизнь годится ли имъ въ примѣръ? Чтобы выучиться развѣ тому, какъ въ праздности проводить время да играть въ карты? Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, отдайте дѣтей мнѣ: вы ихъ испортите. Подумайте не шутя: васъ сгубила праздность,—вамъ нужно отъ нея бѣжать. Какъ жить на свѣтѣ неприкрѣпленному ни къ чему? Какой-нибудь да должно исполнять долгъ. Поденщикъ вѣдь, и тотъ служитъ. Онъ ѣстъ грошовый хлѣбъ, да вѣдь онъ его добываетъ и чувствуетъ интересъ своего занятія.«

»Ей Богу, пробовалъ, Аѳанасій Васильевичъ, старался преодолѣть! Что̀ жъ дѣлать! постарѣлъ, сдѣлался неспособенъ. Ну, какъ мнѣ поступить? Неужли опредѣлиться мнѣ въ службу? Ну, какъ же мнѣ, въ сорокъ-пять лѣтъ, сѣсть за одинъ столъ съ начинаю-

щими канцелярскими чиновниками? Притомъ я неспособенъ къ взяткамъ,—и себѣ помѣшаю, и другимъ поврежу. Тамъ ужъ у нихъ и касты свои образовались. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, думалъ, пробовалъ, перебиралъ всѣ мѣста,—вездѣ буду неспособенъ. Только развѣ въ Богадѣльню...«

»Богадѣльня тѣмъ, которые трудились, а тѣмъ, которые веселились все время въ молодости, отвѣчаютъ какъ муравей стрекозѣ: »Поди попляши!« Да и въ Богадѣльнѣ сидя, тоже трудятся и работаютъ, въ вистъ не играютъ. Семенъ Семеновичъ, вы обманываете и себя, и семью.«

Говоря это, Муразовъ пристально глядѣлъ ему въ лицо. Но бѣдный Хлобуевъ ничего не могъ отвѣчать. Муразову стало его жалко.

»Послушайте, Семенъ Семеновичъ... Но вѣдь вы же мо́литесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вамъ хоть и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымался.«

»Это другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я знаю, что это я дѣлаю не для человѣка, но для Того, Кто приказалъ намъ всѣмъ быть на свѣтѣ. Что̀ жъ дѣлать! Я вѣрю, что Онъ милостивъ ко мнѣ, что какъ я ни мерзокъ, ни гадокъ, но Онъ меня можетъ простить и принять, тогда какъ люди оттолкнутъ ногою и наилучшій изъ друзей продастъ меня, — да еще и скажетъ потомъ, что онъ продалъ изъ благой цѣли.«

Огорченное чувство выразилось въ лицѣ (Хлобуева). Муразовъ минуту помолчалъ, какъ-бы съ тѣмъ, чтобы дать ему придти въ себя, и сказалъ: »Зачѣмъ же не возьмете вы и должности не для человѣка и не для угожденья обществу? Послужите же Тому, Который такъ милостивъ. Ему также угоденъ трудъ, какъ и молитва. Возьмите какое ни есть занятіе, но возьмите, какъ-бы вы дѣлали для Него, а не для людей. Ну, просто, хоть воду толочь въ ступѣ, но помышляйте только, что вы дѣлаете для Него. Ужъ этимъ будетъ выгода, что для дурного не останется времени,—для проигрыша въ карты, для пирушки съ объѣдалами, для сидячей жизни. Эхъ, Семенъ Семеновичъ! знаете ли вы Ивана Потапыча?«

»Знаю и очень уважаю.«

»Вѣдь хорошій былъ торговецъ. Полмилліона было. Да какъ увидѣлъ во всемъ прибыль—и развернулся. Сына по-Французски сталъ учить, дочь выдалъ за генерала. И уже не въ лавкѣ, или въ биржевой улицѣ, а всё какъ бы встрѣтить пріятеля да затащить въ трактиръ; пировалъ по цѣлымъ днямъ, да и обанкрутился. А тутъ Богъ несчастье (послалъ): сына не стало. Теперь онъ—видите ли? прикащикомъ у меня. Началъ съизнова. Дѣла-то поправились его. Онъ могъ бы опять торговать на пять-сотъ-тысячъ. »Прикащикомъ былъ, прикащикомъ хочу и умереть. Теперь«, говоритъ, »я сталъ здоровъ и свѣжъ, а тогда у меня брюхо, де, заводилось, да и водяная началась. Нѣтъ!« говоритъ. И чаю онъ теперь въ ротъ не беретъ. Щи да кашу и больше ничего,—да-съ. А ужъ молится онъ такъ, какъ никто изъ насъ не молится; а ужъ помогаетъ онъ бѣднымъ такъ, какъ никто изъ насъ не помогаетъ. И другой радъ бы помочь, да деньги свои промоталъ.«

Бѣдный Хлобуевъ задумался.

Старикъ взялъ его за обѣ руки. »Семенъ Семеновичъ! Если бы вы знали, какъ мнѣ васъ жалко! Я объ васъ все время думалъ. И вотъ послушайте. Вы знаете, что въ монастырѣ есть затворникъ, который никого не видитъ. Человѣкъ этотъ большого ума, такого-съ ума, что я не знаю. Но ужъ если дастъ совѣтъ...! Я началъ ему говорить, что вотъ у меня есть этакой пріятель, но имени не (сказалъ), что болѣетъ онъ вотъ чѣмъ. Онъ началъ слушать да вдругъ прервалъ словами: »Прежде Божье дѣло, чѣмъ свое. Церковь »строятъ, а денегъ нѣтъ: собирать нужно на церковь!« Да и захлопнулъ дверью. Я думалъ, что жъ это значитъ? Не хочетъ, видно, дать совѣтъ.« Да и зашелъ къ нашему архимандриту. Только что я въ дверь, а онъ мнѣ съ первыхъ же словъ: не знаю ли я такого человѣка, которому бы можно было поручить сборъ на церковь, который бы былъ или изъ дворянъ, или (изъ) купцовъ, повоспитаннѣй другихъ, смотрѣлъ бы на такой (подвигъ), какъ на спасенье свое? Я такъ съ перваго же разу и остановился: »Ахъ, Боже мой! »да вѣдь это схимникъ назначаетъ эту должность Семену Семено»вичу. Дорога для его болѣзни хороша. Переходя съ книгой отъ »помѣщика къ крестьянину и отъ крестьянина къ мѣщанину, онъ

»узна́етъ и то, какъ кто живетъ, кто въ чемъ нуждается, — такъ »что воротится потомъ, обошедши нѣсколько губерній, такъ узнаетъ »мѣстность и край получше всѣхъ тѣхъ людей, которые живутъ »въ городахъ....« А этакіе люди теперь нужны. Вотъ мнѣ князь сказывалъ, что онъ много бы далъ, чтобы достать такого чиновника, который бы зналъ не по бумагамъ дѣла́, а точно такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ, потому что изъ бумагъ, говоритъ, ничего ужъ не видать: такъ все запуталось.«

»Вы меня совершенно смутили, сбили, Аѳанасій Васильевичъ«, сказалъ Хлобуевъ, въ изумленьи смотря (на него). »Я даже не вѣрю тому, что вы точно мнѣ это говорите. Для этого нуженъ неутомимый, дѣятельный человѣкъ; притомъ какъ же мнѣ бросить жену, дѣтей?«

»О супругѣ и дѣтяхъ не заботьтесь. Я возьму ихъ на свое попеченіе, и учителя́ будутъ у дѣтей. Чѣмъ вамъ ходить съ котомкой и выпрашивать милостыню для себя, благороднѣе и лучше просить для Бога. Я вамъ дамъ простую (кибитку), тряски не бойтесь: это для вашего здоровья. Я дамъ вамъ на дорогу денегъ, чтобы вы могли мимоходомъ дать тѣмъ, которые посильнѣе другихъ нуждаются. Вы здѣсь можете много добрыхъ дѣлъ сдѣлать. Вы ужъ не ошибетесь, а кому дадите, тотъ точно будетъ стоить. Эдакимъ образомъ ѣздя, вы точно узна́ете всѣхъ, кто какъ живетъ. Это не то, что иной чиновникъ, котораго всѣ боятся, а съ вами, зная, что вы просите на церковь, охотно разговорятся.«

»Я вижу, это прекрасная мысль, и я бы очень (желалъ) исполнить хоть часть ея; но, право, мнѣ кажется, это свыше силъ моихъ.«

»Да что̀ же по нашимъ силамъ?« сказалъ Муразовъ. »Вѣдь ничего нѣтъ по нашимъ силамъ; все свыше нашихъ силъ. Безъ помощи свыше, ничего нельзя. Молитва собираетъ силы. Перекрестясь, говоритъ человѣкъ: »Господи, помилуй!« гребетъ и доплываетъ до берега. Объ этомъ не нужно и думать долго; это нужно, просто, принять за повелѣнье Божіе. Кибитка будетъ вамъ сейчасъ готова, а вы забѣгите къ отцу архимандриту за книгой и за благословеньемъ, да и въ дорогу.«

»Повинуюсь вамъ и принимаю не иначе, какъ за указаніе Божіе.—

Господи, благослови!« сказалъ онъ внутренно, и почувствовалъ, что бодрость и сила стала проникать къ нему въ душу. Самый умъ его какъ-бы сталъ пробужденъ надеждой на исходъ изъ своего печально-неисходнаго положенья. Свѣтъ сталъ мерцать вдали...

»Теперь позвольте васъ спросить«, сказалъ Муразовъ. »Что̀ жъ Чичиковъ и какого роду (человѣкъ)?«

»Про Чичикова я вамъ разскажу вещи неслыханныя. Даластъ онъ такія дѣла... Знаете ли, Аѳанасій Васильевичъ, что завѣщаніе вѣдь ложное? Отыскалось настоящее, — гдѣ все имѣніе принадлежитъ воспитанницамъ.«

»Что̀ вы говорите? Да ложное-то завѣщаніе кто смастерилъ?«

»Въ томъ то и дѣло, что премерзѣйшее дѣло! Говорятъ, Чичиковъ и что подписано завѣщаніе уже послѣ смерти. Нарядили какую-то бабу, намѣсто покойницы, и она ужъ подписала. Словомъ, дѣло соблазнительнѣйшее. Тысяча просьбъ поступила съ разныхъ сторонъ. Къ Марьѣ Еремѣевнѣ теперь подъѣзжаютъ женихи; двое ужъ чиновныхъ лицъ изъ-за нея дерутся. Вотъ какого рода дѣло, Аѳанасій Васильевичъ!«

»Не слышалъ я объ этомъ ничего, а дѣло точно не безъ грѣха. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, признаюсь, для меня презагадочный (человѣкъ)«, сказалъ Муразовъ.

»Я подалъ отъ себя также просьбу, затѣмъ, чтобы напомнить, что существуетъ ближайшій наслѣдникъ....

....А мнѣ — пусть ихъ всѣ передерутся«, думалъ Хлобуевъ выходя. Аѳанасій Васильевичъ не глупъ. Онъ далъ мнѣ это порученье, вѣрно, обдумавши. Исполнить его — вотъ и все. Онъ сталъ думать о дорогѣ, въ то время, когда Муразовъ всё еще повторялъ въ себѣ: »Презагадочный для меня человѣкъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Вѣдь если бы съ этакой волей и настойчивостью да на доброе дѣло!«

А между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ по судамъ шли просьбы за просьб(ами). Оказались родственники, о которыхъ и не слыхалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова, на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подлож-

ность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможнѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, какъ все это пронюхали и вызнали? Только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ, все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: »Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня, но помните, что тревожиться никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло—спокойствіе. Обдѣлаемъ все.« Записка эта успокоила совершенно его. »Точно геній!« сказалъ Чичиковъ. Въ довершенье хорошаго, портной въ это время принесъ платье: онъ получилъ желанье сильно посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ Наваринскаго дыму съ пламенемъ, натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хоть рисуй. Ляжки и икры тоже славно обтянуло сукно: обхватило всю массу, сообща ей еще бо́льшую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: »Вѣдь какой дуракъ, а въ цѣломъ онъ составляетъ картину!« Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянуты, выгнулся на перехватѣ, показавши весь его перегибъ. На замѣчаніе Чичикова, (что) подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало на таліи. »Будьте покойны, будьте покойны, н-асчетъ работы«, повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ. »Кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ.« Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: *Иностранецъ изъ Лондона и Парижа.* Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ чтобы впередъ никто не появился съ такими городами, и пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь Карлсору или Копенгара.

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркалѣ, какъ

артистъ съ эстетическимъ чувствомъ и con amore. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щеки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ, новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный (жилетъ) давалъ (тонъ) манишкѣ, а фракъ Наваринскаго дыму съ пламенемъ, блистая какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо — хорошо! поворотился налѣво — еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера, или у такого господина, который такъ и чешетъ по-Французски, который, даже и разсердясь, не срамитъ себя непристойнымъ словомъ на Русскомъ языкѣ, а распечетъ Французскимъ діалектомъ. Деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня голову нѣсколько на бокъ, принять позу, какъ-бы адрессовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенья. Выходила, просто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкой прыжокъ въ родѣ антраша. Вздрогнулъ коммодъ и шлепнулась на землю стклянка съ одеколономъ. Но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую стклянку дурой, и подумалъ: »Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше....« Какъ вдругъ въ передней послышалось въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ со шпорами, и жандармъ вошелъ въ полномъ вооруженіи, (съ такимъ видомъ), какъ-будто въ лицѣ его было цѣлое войско. »Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!« Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье и чортъ знаетъ что̀. Цѣлое войско въ одномъ лицѣ, да и только! Онъ началъ-было возражать, но грубо заговорило страшилище: »Приказано сей же часъ!« Взглянувъ сквозь дверь въ переднюю, онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшилище; взглянулъ въ окошко—на дворѣ экипажъ. Что̀ тутъ дѣлать? Такъ какъ былъ, во фракѣ Наваринскаго дыму съ пламенемъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генералъ-губернатору, и жандармъ съ нимъ. Въ передней не дали даже и опомниться ему. »Ступайте! васъ князь уже ждетъ«,

сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: »Вотъ какъ схватитъ да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!« Сердце его забилось съ такою силою, съ какой не бьется даже у наиревнивѣйшаго любовника. Наконецъ растворилась передъ нимъ дверь: предсталъ кабинетъ съ портфелями, шкафами и книгами, и князь, гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

»Губитель, губитель!« сказалъ Чичиковъ. »Онъ меня зарѣжетъ какъ волкъ ягненка.«

»Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ!«

Губы князя дрожали отъ гнѣва.

»Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ?« спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

»Женщина«, произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову, »женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку.«

Свѣтъ помутился въ очахъ Чичикова, блѣднаго, какъ полотно.

»Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я виноватъ, точно виноватъ, но не такъ виноватъ.... Меня обнесли враги.«

»Васъ не можетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можетъ (выдумать) послѣдній лжецъ. Вы во всю жизнь, я думаю, не дѣлали не-безчестнаго дѣла. Всякая копейка, добытая вами, добыта безчестнѣйшимъ образомъ, есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь. Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ (ждать) разрѣшенья участи своей. И это мало еще, потому что хуже ты въ нѣсколько разъ, чѣмъ тѣ, что въ армякахъ и въ тулупахъ, а вѣдь ты...« Онъ взглянулъ на

фракъ Наваринскаго дыму съ пламенемъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

»Ваше сіятельство!« вскрикнулъ Чичиковъ, »умилосердитесь: вы отецъ семейства! Не меня пощадите, старуху мать!«

»Врешь!« вскрикнулъ гнѣвно князь. »Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, какъ теперь матерью.«

»Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй«, сказалъ Чичиковъ. »Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженье гражданъ и начальства. Но что̀ за бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Ваше сіятельство! кровью нужно было добывать насущное существованье. На всякомъ шагу соблазны и искушенье.... враги и губители, и похитители. Вся жизнь была — точно вихорь буйный, или судно среди волнъ, по волѣ вѣтровъ. Я человѣкъ, ваше сіятельство!«

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ какъ былъ, во фракѣ Наваринскаго дыму съ пламенемъ, въ бархатномъ жилетѣ, въ атласномъ галстукѣ, въ чудесно сшитыхъ штанахъ, и ударился лбомъ, головной прической, изливавшей токъ сладкаго дыханья первѣйшаго одеколона.

»Поди прочь отъ меня! Позвать солдатъ, чтобы его взяли!« сказалъ князь взошедшему.

»Ваше сіятельство!« кричалъ Чичиковъ, обхвативъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганья пробѣжало по всѣмъ жиламъ (князя).

»Подите прочь, говорю вамъ!« сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятій Чичикова.

»Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости«, говорилъ Чичиковъ, не выпуская и прижимая сапогъ князя къ груди, и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу, во фракѣ Наваринскаго дыму съ пламенемъ.

»Подите, говорю вамъ!« говорилъ онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенья, какое чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой.

Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ носъ, губы и округленный подбородокъ. Но не выпустилъ сапога и еще съ большей силой держалъ ногу въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма насилу оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему....

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницѣ встрѣтилъ его Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной, вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

»Батюшка, Павелъ Ивановичъ, что̀ съ вами?«

»Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть...« Жандармы схватили его и повели, не дали даже дослышать.

Промозглый, сырой чуланъ, съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашенный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзной рѣшеткой окно, дрянная печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало: вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ Чичиковъ, уже нечаявшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманье соотечественниковъ, въ тонкомъ новомъ фракѣ Наваринскаго пламени и дыма. Не дали ему даже распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги.... Бумаги, крѣпости на мертвыя души, все было теперь у чиновниковъ. Онъ повалился на землю, и безнадежная грусть плотояднымъ червемъ обвилась около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это ничѣмъ незащищенное сердце. Еще день, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но и надъ Чичиковымъ не дремала чья-то всеспасающая рука. Часъ спустя, двери тюрьмы растворились. Взошелъ старикъ Муразовъ.

Если бы истерзанному палящей жаждой, покрытому прахомъ и пылью дороги, изнуренному и измождённому путнику, влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды, — не такъ бы его онъ освѣжилъ и подкрѣпилъ, какъ оживился бѣдный Чичиковъ.

»Спаситель мой!« сказалъ онъ, вдругъ схватившись съ полу,

на который бросился въ разрывающей его печали, схватилъ его за руку, быстро поцѣловалъ ее и прижалъ къ груди. »Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!«

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только: »Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что̀ вы сдѣлали!«

»Что̀ жъ дѣлать! сгубило проклятое незнаніе мѣры, не съумѣлъ во время остановиться. Сатана проклятый обольстилъ, вывелъ изъ предѣловъ разума и благоразумья человѣческаго. Преступилъ, преступилъ! Но только какъ же можно этакъ поступить? Дворянина, дворянина, безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму... дворянина, Аѳанасій Васильевичъ! Да вѣдь какъ же не дать времени зайти къ себѣ, распорядиться съ вещами? Вѣдь тамъ у меня все осталось теперь безъ присмотра. Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ, шкатулка! Вѣдь тамъ все имущество. Потомъ пріобрѣлъ, кровью, лѣтами трудовъ, лишеній... Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ! Вѣдь все украдутъ, разнесутъ! О Боже!«

И, не въ силахъ будучи удержать порыва вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленьи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ Наваринскаго пламени съ дымомъ.

»Ахъ, Павелъ Ивановичъ! какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы не видали страшнаго своего положенія.«

»Благодѣтель, спаситель, спасите!« отчаянно закричалъ бѣдный Павелъ Ивановичъ, повалившись ему въ ноги. »Князь васъ любитъ, для васъ все сдѣлаетъ.«

»Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не могу, какъ бы ни хотѣлъ, какъ бы ни желалъ. Вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка.«

»Искусилъ шельма сатана, извергъ человѣческаго рода!« (Сказавъ это, Чичиковъ) ударился головою въ стѣну, а рукой хватилъ по столу такъ, что разбилъ въ кровь кулакъ; но ни боли въ головѣ, ни жестокости удара не почувствовалъ.

»Павелъ Ивановичъ, успокойтесь, подумайте, какъ бы прими-

риться съ Богомъ, а не съ людьми; о бѣдной душѣ своей помыслите.«

»Но вѣдь судьба какая, Аѳанасій Васильевичъ! Досталась ли хоть одному человѣку такая судьба? Вѣдь съ терпѣньемъ, можно сказать, кровавымъ, добывалъ копейку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбилъ, или казну обворовалъ, какъ дѣлаютъ. Зачѣмъ добывалъ копейку? Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней, оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству. Вотъ для чего хотѣлъ пріобрѣсти! Покривилъ, не скрою, покривилъ... что жъ дѣлать! но вѣдь покривилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямой дорогой не возьмешь и что косой дорогой больше на-прямикъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. Если бралъ, такъ съ богатыхъ. А эти мерзавцы, которые по судамъ берутъ тысячи съ казны, небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копейку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего! Что жъ за несчастіе такое! Скажите, всякой разъ, какъ только начинаешь достигать плодовъ и, такъ сказать, уже касаться рукой, вдругъ буря, подводный камень, сокрушенье въ щепки всего корабля! Вотъ тысячъ тридцать было капиталу; трехъ-этажный домъ былъ уже; два раза деревню покупалъ... Ахъ, Аѳанасій Васильевичъ! за что жъ такіе удары? Развѣ и безъ того жизнь моя не была какъ судно среди волнъ? Гдѣ справедливость Небесъ? гдѣ награда за терпѣнье, за постоянство безпримѣрное? Вѣдь я три раза съизнова начиналъ; все потерявши, начиналъ вновь съ копейки, тогда какъ иной давно бы съ отчаянья запилъ и сгнилъ въ кабакѣ. Вѣдь сколько нужно было побороть, сколько вынести! вѣдь всякая (копейка) выработана, такъ сказать, всѣми силами души!... Положимъ, другимъ доставалось легко, но вѣдь для меня была *всякая копейка*, какъ говоритъ пословица, *алтыннымъ гвоздемъ прибита*, и эту алтыннымъ гвоздемъ прибитую копейку я доставалъ, видитъ Богъ, съ этакой желѣзной неутомимостью...«

Громко, отъ нестерпимой боли сердца, онъ зарыдалъ и упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую, разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя, и, запустивши обѣ руки себѣ въ волосы, объ укрѣпленіи которыхъ прежде старался, без-

жалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить ничѣмъ неугасимую боль сердца.

Долго сидѣлъ молча передъ нимъ Муразовъ, глядя на это необыкновенное, въ первый разъ имъ увиданное неистовство ожесточеннаго человѣка. Еще недавно порхавшій вокругъ съ развязною ловкостью свѣтскаго, или военнаго человѣка, метался теперь въ растрепанномъ, непристойномъ, разорванномъ фракѣ и разстегнутыхъ шароварахъ, съ окровавленнымъ разбитымъ кулакомъ, изливая хулу на враждебныя силы, перечащія человѣку.

»Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы съ такою и силою, и терпѣніемъ, да подвизались бы на добромъ пути, имѣя лучшую цѣль! Боже мой, сколько-бы вы надѣлали добра! Если бы хотя кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребилъ бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копейки, да съумѣлъ бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честобіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копейки, — Боже мой, какъ процвѣла бы наша земля!... Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Не то жаль, что виноваты вы стали передъ другими, а то жаль, что передъ собой стали виноваты, передъ богатыми силами и дарами, которые достались въ удѣлъ вамъ. Назначенье ваше быть великимъ человѣкомъ, а вы себя запропастили и погубили.«

Есть тайны души: какъ бы ни далеко отшатнулся отъ прямого пути заблуждающійся, какъ бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступникъ, какъ-бы ни коснѣлъ, твердѣя въ своей совращенной жизни; но если попрекнешь его имъ же, его же достоинствами, имъ опозоренными, въ немъ пробудится душа невольно, и весь онъ потрясется.

»Аѳанасій Васильевичъ«, сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руку. »О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество, — клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!«

»Что жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, если бъ я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ, — онъ ни за что не отступитъ.«

»Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашаетъ, я передъ закономъ найду средства, но то, что я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, штакулка.... спасите!«

Онъ обнялъ ноги старика и облилъ слезами.

»Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!« говорилъ старикъ Муразовъ, качая (головою). »Какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите.«

»Подумаю и о душѣ, но спасите!«

»Павелъ Ивановичъ...« сказалъ старикъ Муразовъ и остановился. »Спасти васъ не въ моей власти: вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, — Павелъ Ивановичъ, я попрошу у васъ награды за труды. Бросьте всѣ эти поползновенья на эти пріобрѣтенья. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, а у меня его больше чѣмъ у васъ, — я бы не заплакалъ. Ей, ей, (дѣло) не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ добрымъ людямъ; или, если знобитъ сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству; забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти. Пусть и онъ васъ позабудетъ. Въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искуситель, или предатель.«

»Непремѣнно, непремѣнно! Я уже хотѣлъ, уже намѣревался повести жизнь, какъ слѣдуетъ душѣ, заняться хозяйствомъ, умѣрить жизнь. Демонъ-искуситель сбилъ, совлекъ съ пути, сатана, чортъ, исчадье!«

Какія-то невѣдомыя, дотолѣ необъяснимыя ему чувства явились въ немъ, какъ-будто хотѣло въ немъ пробудиться что-то далекое, что-то прежде зароненное, что-то подавленное изъ дѣтства суровымъ мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣт-

ства, пустынностью родного жилища, безсмѣннымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутное (стекло), занесенное зимней вьюгой.

Стенанье изнеслось изъ устъ его и, наложивъ обѣ ладони на лицо свое, скорбнымъ голосомъ произнесъ онъ: »Правда, правда!«

»И познанье людей и опытность не помогли на незаконномъ основаньи. А если бы къ этому да основанье законное.... Эхъ, Павелъ Ивановичъ! зачѣмъ вы себя погубили! Проснитесь, еще не поздно. Есть еще время...«

»Нѣтъ, поздно, поздно!« застоналъ онъ голосомъ, отъ котораго у Муразова чуть не разорвалось сердце. »Начинаю чувствовать, слышу, что не такъ, не такъ иду и что далеко отступился отъ прямого (пути), но ужъ не могу! Нѣтъ, не такъ воспитанъ. Отецъ мнѣ твердилъ нравоученья, билъ, заставлялъ переписывать съ нравственныхъ правилъ, а самъ кралъ передо мною у сосѣдей лѣсъ и меня еще заставлялъ помогать ему. Завязалъ при мнѣ неправую тяжбу; развратилъ сиротку, которой онъ былъ опекуномъ. Примѣръ сильнѣе правилъ. Вижу, чувствую, Аѳанасій Васильевичъ, что жизнь веду не такую, но нѣтъ большого отвращенья отъ порока: огрубѣла натура; нѣтъ любви къ добру, этой прекрасной наклонности къ дѣламъ Богоугоднымъ, обращающейся въ привычку; нѣтъ такой охоты подвизаться для добра, какая есть для полученія имущества! Говорю правду... что жъ дѣлать!«

Сильно вздохнулъ старикъ...

»Павелъ Ивановичъ! у васъ столько воли, столько терпѣнья. Лекарство горько, но вѣдь больной принимаетъ, зная, что иначе не выздоровѣетъ. У васъ нѣтъ любви къ добру, — дѣлайте добро насильно, безъ любви къ нему. Вамъ это зачтется еще въ бо́льшую заслугу, чѣмъ тому, кто дѣлаетъ добро по любви къ нему. Заставьте (себя) только нѣсколько разъ,—потомъ получите и любовь. Повѣрьте, все (такъ) дѣлается. *Царство нудится,* сказано намъ. Только насильно пробираясь къ нему... (да), насильно нужно пробираться, брать его насильно. Эхъ, Павелъ Ивановичъ! вѣдь въ васъ есть эта сила, которой нѣтъ у другихъ, это желѣзное терпѣнье — и

вамъ ли не одолѣть? Да вы, мнѣ кажется, были бы богатырь. Вѣдь теперь всѣ люди безъ воли, всё слабые.«

Замѣтно было, что слова эти вонзились въ самую душу Чичикову и задѣли что-то самолюбивое на днѣ ея. Если не рѣшимость, то что-то крѣпкое и на нее похожее блеснуло въ глазахъ его...

»Аѳанасій Васильевичъ!« сказалъ онъ твердо, »если только вымолите мнѣ избавленіе и средство уѣхать отсюда съ какимъ-нибудь имуществомъ, я даю вамъ слово начать другую (жизнь): куплю деревеньку, сдѣлаюсь хозяиномъ, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другимъ, буду дѣлать добро, сколько будетъ силъ; позабуду себя и всякія городскія объяденья и пиршества, поведу простую, трезвую жизнь.«

»Богъ васъ да подкрѣпитъ въ этомъ намѣреньи!« сказалъ обрадовавшись старикъ. »Буду стараться изо всѣхъ силъ, чтобы вымолить у князя ваше освобожденье. Удастся, или не удастся, это Богъ (знаетъ). Во всякомъ случаѣ, участь ваша, вѣрно, смягчится. Ахъ, Боже мой! обнимите меня. Позвольте мнѣ васъ обнять. Какъ вы меня, право, обрадовали! Ну, съ Богомъ, сейчасъ же иду къ князю.«

Чичиковъ остался (одинъ).

Вся природа его потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина, твердѣйшій изъ металловъ, всѣхъ долѣе противящійся огню: когда усилять въ горнилѣ огонь, дуютъ мѣхами и восходитъ нестерпимый жаръ огня, тогда бѣлѣетъ упорнѣйшій изъ металловъ и превращается также въ жидкость. Подается и крѣпчайшій отъ внутренней муки несчастій, когда усиливаясь они нестерпимымъ огнемъ своимъ жгутъ отвердѣлую природу...

»Самъ не имѣю чувствъ, не чувствую, но всѣ силы употреблю, чтобы другимъ дать почувствовать; самъ дурной и нестоющій, но всѣ силы употреблю, чтобы другихъ настроить; самъ дурной Христіянинъ, но всѣ силы (употреблю), чтобы не подать соблазну. Буду трудиться, буду работать въ потѣ лица. Въ деревнѣ я займусь честно, такъ чтобы имѣть доброе вліянье и на другихъ. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный! Есть способности къ хозяйству; я имѣю качества и бережливости, и

расторопности, и благоразумія, даже постоянства. Стоитъ только рѣшиться.«

Такъ думалъ Чичиковъ и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязалъ. Казалось, природа его темнымъ чутьемъ стала слышать, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять всюду, на всякомъ углу, не смотря на всякія обстоятельства, смятенья и движенья, летающія вокругъ человѣка, на всякомъ мѣстѣ, на которомъ онъ поставленъ. И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и тѣхъ обольщеній, которыя отъ праздности выдумалъ человѣкъ, забывши о трудѣ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ всю непріятность своего положенія и, можетъ быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣнье за этотъ тяжелый ударъ, если только выпустятъ его и отдадутъ хотя часть.... Но, одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась; вошла чиновная особа, Самосвитовъ, Эпикуреецъ, лихачъ, въ плечахъ аршинъ, ноги страшныя, отличный товарищъ, кутило и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ. Если бы послать его куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть подъ носомъ у самого непріятеля пушку, — это его бы дѣло. Но, за неимѣньемъ военнаго поприща, на которомъ бы, можетъ быть, его сдѣлали честнымъ человѣкомъ, онъ пакостилъ изо всѣхъ силъ и—непостижимое дѣло! странныя онъ имѣлъ убѣжденія и правила: съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробираться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ, или упущеніемъ...

»Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали«, сказалъ, онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. »Ничего, ничего, не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ стали работать за васъ и—ваши слуги. Тридцать тысячъ на всѣхъ, и ничего больше.«

»Будто!« вскрикнулъ Чичиковъ, и я буду совершенно оправданъ?«

»Кругомъ! еще и вознагражденье получите за убытки.«

»И за трудъ?«

»Тридцать тысячъ. Тутъ уже все вмѣстѣ, и нашимъ, и генералъ-губернаторскимъ, и секретарю.«

»Но позвольте, какъ же я могу...? Мои всѣ вещи, шкатулка, все это теперь запечатано, подъ присмотромъ....«

»Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что ли?«

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно...

»Пока, прощайте! Поручилъ вамъ (сказать) нашъ общій пріятель, что главное дѣло — спокойствіе и присутствіе духа.«

»Гм!« подумалъ Чичиковъ: »понимаю, юрисконсультъ!«

Самосвитовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, всё еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка, бумаги, и даже все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя; выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, осмотрѣлъ, приказалъ потребовать еще лишнихъ солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова. Связавъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что̀ нужно было для покрытія бреннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возъимѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія приманки: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и тишина стали казаться ему блѣднѣй; городъ и шумъ опять ярче, яснѣй. О жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, любуясь, какъ художники, крючковатой строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно прежде, чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвитовъ превзошелъ самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная женщина, онъ явился

прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку. »Давно ты здѣсь стоишь?« — »Съ утра, ваше благородіе; до моей смѣны три часа, ваше благородіе.« — »Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы на мѣсто тебя отрядилъ другого.« — »Слушаю, ваше благородіе!« И, уѣхавъ домой на минуту, чтобы не замѣшивать никого и всѣ концы въ воду, самъ нарядился жандармомъ, оказался въ усахъ и бакенбардахъ. Самъ чортъ бы не узналъ. Явился въ домѣ, гдѣ былъ Чичиковъ, и, схвативъ первую бабу, какая попалась, сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовому: »Ступай! меня прислалъ командиръ выстоять на мѣсто тебя смѣну.« Обмѣнился и сталъ самъ съ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, намѣсто прежней бабы, очутилась другая, ничего незнавшая и непонимавшая. Прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ донесенія; жандармскому чиновнику далъ знать, что секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживавшаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ, и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносѣ, и пошли открываться такія дѣла, которыхъ на лицо не видно, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконно-рожденный сынъ, и какого рода и званья, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никакимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшею чепухою. Оба казались равнаго достоинства. Когда стали наконецъ поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума. Никакимъ образомъ нельзя

было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непріятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился Антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили, и, подъ видомъ изловить Антихриста, укокошили не Антихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны быть помѣщиками и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужиками, и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ, отказалась платить капитанъ-исправникамъ всякую подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ. »Пусть войдетъ«, сказалъ князь. Старикъ вошелъ.

»Вотъ вамъ Чичиковъ. Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится.«

»Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло.«

»Подлогъ завѣщанія, и еще какой!... Публичное наказаніе плетьми за этакое дѣло.«

»Ваше сіятельство, скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова. Но вѣдь это дѣло не доказанное. Слѣдствіе еще не сдѣлано.«

»Улика. Женщина, которая была наряжена намѣсто умершей, схвачена! Я ее хочу разспросить нарочно при васъ. Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину.«

Муразовъ замолчалъ.

»Безчестнѣйшее дѣло, и, къ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники!« сказалъ князь съ жаромъ.

»Вѣдь губернаторъ — наслѣдникъ; онъ имѣлъ право на притязаніе; а что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ.

ваше сiятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженья умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться — человѣческое дѣло.«

»Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать? Подлецы!« сказалъ князь съ чувствомъ негодованья. »Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго; всѣ мерзавцы!«

»Ваше сiятельство! да кто жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города — люди; имѣютъ достоинства и многiе очень знающiе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ.«

»Послушайте, Аѳанасiй Васильевичъ, скажите мнѣ — я васъ одного знаю за честнаго человѣка — что̀ у васъ за страсть защищать всякого рода мерзавцевъ?«

»Ваше сiятельство!« сказалъ Муразовъ, »кто бы ни былъ человѣкъ, которого вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, когда знаю, что онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнiя? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу и всякую минуту бываемъ причиной несчастiя другого, даже и не съ дурнымъ намѣреньемъ. Вѣдь, ваше сiятельство, сдѣлали также большую несправедливость.«

»Какъ!« воскликнулъ въ изумленiи князь, совершенно пораженный такимъ нежданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ-бы соображая что-то, и наконецъ сказалъ: »Да вотъ хоть бы по дѣлу Дерпенникова.«

»Аѳанасiй Васильевичъ! преступленье противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей.«

»Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, былъ обольщенъ и смамленъ другими, осудятъ такъ, какъ и того, который былъ однимъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла равная и Дерпенникова и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а вѣдь преступленья ихъ не равны.«

»Ради Бога...«, сказалъ князь съ замѣтнымъ волненьемъ, »вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно писалъ еще прямо въ Петербургъ о смягченiи его участи.«

»Нѣтъ, ваше сiятельство, я не на-счетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя точно ѐсть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да

онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили ли вы тогда слишкомъ поспѣшить? Извините, ваше сіятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы нѣсколько разъ приказывали мнѣ откровенно говорить. У меня-съ, когда я еще былъ начальникомъ, много было всякихъ работниковъ, и дурныхъ, и хорошихъ; такъ если не примешь во вниманье и прежнюю жизнь человѣка, если не разспросишь обо всемъ хладнокровно, а накричишь съ перваго раза, запугаешь только его,—да и признанья настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата,—самъ-съ все выскажетъ и даже не проситъ о смягченьи, и ожесточенья ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видитъ, что не я его наказываю, а законъ.«

Князь задумался. Въ это время вошелъ молодой чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его лицѣ, молодомъ и еще свѣжемъ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученьямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые занимались дѣлопроизводствомъ con amore, не сгарая ни честолюбьемъ, ни желаньемъ прибытковъ, ни подражаньемъ другимъ. Онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла разъяснить его — это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло наконецъ начинало передъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ отчетливо и ясно, такъ что (всякому) будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда передъ нимъ раскрывалась какая-(либо) труднѣйшая фраза и обнаруживался настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда передъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло Зато... [1]

...хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть получше знаю чиновниковъ, разсмотрю самолично, что̀ кому нужно. Да

[1] Тутъ — пропускъ. *Н. К.*

если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они-то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся. Такъ Богъ вѣсть, можетъ быть, помогу уладить съ ними миролюбно. А чиновники не сладятъ. Завяжется объ этомъ переписка, да притомъ они такъ запутались въ бумагахъ, что ужъ дѣла изъ нихъ и не видятъ. А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голоду. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ.«

»Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что — вы сами можете чувствовать — всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать на-счетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ?«

»Ваше сіятельство, ей Богу, этакъ нельзя назвать! тѣмъ болѣе, что изъ (нихъ) есть многіе, весьма достойные. Затруднительны положенья человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человѣкъ... а какъ войдешь, — даже и не онъ.«

»Но что̀ скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они напугали. Они первые будутъ не уважать...«

»Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе, точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта, что̀ бы изъ нихъ каждый сдѣлалъ въ вашемъ положеніи?«

»Да, вы думаете, имъ будутъ доступны движенья благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться! Повѣрьте, они надо мной посмѣются.«

»Не думаю-съ, ваше сіятельство. У человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, всё-таки чувство справедливо. Развѣ ужъ

Жидъ какой-нибудь, а не Русской. Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо (мной). Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ,— такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Что жъ вамъ? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ-бы вы не передъ ними, а передъ самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь.«

»Аѳанасій Васильевичъ«, сказалъ князь въ раздумьи, »я объ этомъ подумаю, а покуда, благодарю васъ очень за совѣтъ.«

»А Чичикова, ваше сіятельство, прикажете отпустить?«

»Скажите этому Чичикову, чтобы онъ убирался отсюда, какъ можно поскорѣе, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то уже я бы никогда не простилъ.«

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ, въ фаянсовыхъ судкахъ, изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое-съ-кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юрисконсульта.

»Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ онъ: »я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настроиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ его. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы одному ему не скучно было, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеньи хорошемъ, лучшемъ, нежели въ какомъ (вы) теперь. Совѣтую вамъ совсѣмъ не въ шутку. Ей, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди и рѣжутъ другъ друга, точно какъ-(будто) можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помышляя о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ бросая все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго

имущества, не установится благоустройство и земного имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Что ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло. Когда же хотите, чтобы шло какъ слѣдуетъ, подумайте не о мертвыхъ душахъ, а о своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу. Я тожъ выѣзжаю завтрешній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ.«

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значенье жизни опять показалось (ему) немаловажнымъ. »Муразовъ правъ«, сказалъ онъ. »Пора на другую дорогу!« Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку. Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденью барина. »Ну, любезные«, сказалъ Чичиковъ, обратившись (къ нимъ) милостиво, »нужно укладываться да ѣхать.«

»Покатимъ, Павелъ Ивановичъ«, сказалъ Селифанъ. »Дорога должно быть, установилась; снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы.«

»Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки«, сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни къ кому не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ этого событія было и неловко, — тѣмъ болѣе, что о немъ много ходило въ городѣ самыхъ неблагопристойныхъ исторій. Онъ избѣгалъ всякихъ (встрѣчъ) и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна Наваринскаго пламени съ дымомъ; взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны, и отправился самъ къ тому же портному. За двойную (цѣну), мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселенье иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади были запряжены; Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ, точь-въ-точь, какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что-то гладкое, и примолвилъ грустно: »И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенью? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно.« Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ наконецъ изъ города въ какомъ-то странномъ положеніи. Это былъ

не прежній Чичиковъ; это была какая-то развалина прежняго Чичикова. Можно было бы сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеніемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое, а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ еще отъ архитектора опредѣлительный планъ и работники остались въ недоумѣніи. Часомъ прежде его отправился старикъ Муразовъ въ рогожной кибиткѣ вмѣстѣ съ Потапычемъ, а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло (по городу) приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до единаго.

Въ большомъ залѣ генералъ-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣлъ, совѣтники, ассессоры, Кислоѣдовъ, Красноносовъ, Самосвитовъ, небравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе некривившіе. Всѣ не безъ волненія и безпокойства ожидали выхода генералъ-губернатора. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: взоръ его былъ твердъ, также какъ и шагъ. Все чиновное собраніе поклонилось, многіе въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

»Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ, не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже наконецъ и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже, и кто главный, и чье тутъ сокровенное дѣйствіе, хотя онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованьемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ, какъ въ военное время, и надѣюсь, что Государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести это гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ бумагами и наконецъ излишествомъ лживыхъ постороннихъ показаній и ложными доносами стараются

затемнить и безъ того довольно темное дѣло, — я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше.«

Князь остановился, какъ-(бы) ожидая отвѣта.

Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многіе были блѣдны.

»Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства.«

Кто-то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливѣйшихъ тоже смутились.

»Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно̀ послѣдовать лишенье чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшенье отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Что̀ жъ дѣлать! дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ; не смотря на все это, я долженъ поступить жестоко, потому что вопіетъ правосудье. Знаю, что будутъ меня обвинять въ суровой жестокости, но знаю, что̀ тѣ будутъ еще менѣе меня обвинять, (для которыхъ) я долженъ обратиться только въ одно безчувственное орудіе правосудія, которое должно упасть на (ихъ) головы.«

Содроганье невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенья душевнаго не выражало его лицо.

»Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ, и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый теперь васъ всѣхъ проситъ. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду самъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаньями нельзя искоренить неправды. Она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и

для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже даже невозможно многимъ идти противу всеобщаго теченья. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякой гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ, я долженъ сдѣлать кличъ, хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди Русское сердце и понятно сколько-нибудь слово *благородство*. Что̀ тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ быть, слишкомъ сурово васъ принялъ въ началѣ; можетъ быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными. Если они уже дѣйствительно любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться надменностью моего обращенья, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать своей личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженья и высшей любви къ добру и не принялъ бы наконецъ отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Всё-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ нраву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй по крайней мѣрѣ и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ дѣйствія дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели къ нимъ другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствуетъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху возстанія народовъ вооружался, долженъ возстать такъ противъ неправды. Какъ Русской, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, я теперь обращаюсь къ вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто

имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что̀ такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность занимаемой должности, потому что это же намъ всѣмъ темно представляется и мы сдѣ.....«

КОНЕЦЪ МЕРТВЫХЪ ДУШЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ МЕРТВЫХЪ ДУШЪ.

I.

ПРЕДИСЛОВІЕ Н. В. ГОГОЛЯ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ МЕРТВЫХЪ ДУШЪ, ВЪ 1846 Г.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли ты высшимъ чиномъ, или человѣкъ простого сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ.

Въ книгѣ, которая передъ тобой, которую, вѣроятно, ты уже прочелъ въ ея первомъ изданіи, изображенъ человѣкъ, взятый изъ нашего государства. Ѣздитъ онъ по нашей Русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, отъ благородныхъ до простыхъ. Взятъ онъ больше затѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки Русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также затѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки: лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ. Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что̀ дѣлается въ нашей землѣ. Притомъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ что на всякой страницѣ есть, что̀ поправить. Я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не прене-

береги такимъ дѣломъ. Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія, — я прошу тебя это сдѣлать. А ты, читатель невысокаго образованія и простого званія, не считай себя такимъ невѣжею, чтобы ты не могъ меня чему-нибудь поучить. Всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что-нибудь такое, чего другой не замѣтилъ, и узналъ что-нибудь такое, чего другіе не знаютъ; а потому не лиши меня твоихъ замѣчаній. Не можетъ быть, чтобы ты не нашелся чего-нибудь сказать на какое-нибудь мѣсто во всей книгѣ, если только внимательно прочтешь ее.

Какъ бы, напримѣръ, хорошо было, если бы хотя одинъ изъ тѣхъ, которые богаты опытомъ и познаніемъ жизни и знаютъ кругъ тѣхъ людей, которые мною описаны, сдѣлалъ свои замѣтки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного листа ея, и принялся бы читать ее не иначе, какъ взявши въ руки перо и положивши предъ собою листъ почтовой бумаги, и послѣ прочтенья нѣсколькихъ страницъ припомнилъ бы себѣ всю жизнь свою и всѣхъ людей, съ которыми встрѣчался, и всѣ происшествія, случившіяся передъ его глазами, и все, что видѣлъ самъ, или что слышалъ отъ другихъ подобнаго тому, что изображено въ моей книгѣ, или противоположнаго тому, все бы это описалъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно предстало памяти, и посылалъ бы ко мнѣ всякой листъ, по мѣрѣ того, какъ онъ испишется, покуда такимъ образомъ не прочтется имъ вся книга. Какую бы кровную онъ оказалъ мнѣ услугу! О слогѣ, или красотѣ выраженій здѣсь нечего заботиться: дѣло въ дѣлѣ и въ правдѣ дѣла, а не въ слогѣ. Нечего ему также передо мною чиниться, если бы захотѣлось меня попрекнуть, или побранить, или указать мнѣ вредъ, какой я произвелъ, намѣсто пользы, необдуманнымъ и невѣрнымъ изображеніемъ чего бы то ни было. За все буду ему благодаренъ.

Хорошо бы также, если бы кто нашелся изъ сословія высшаго, отдаленный всѣмъ, и самой жизнью, и образованіемъ, отъ того круга людей, который изображенъ въ моей книгѣ, но знающій зато жизнь того сословія, среди котораго живетъ, и рѣшился бы та-

кимъ же самимъ образомъ прочесть съизнова мою книгу и мысленно припомнить себѣ всѣхъ людей сословія высшаго, съ которыми встрѣчался на вѣку своемъ, и разсмотрѣть внимательно, нѣтъ ли какого сближенія между этими сословіями и не повторяется ли иногда то же самое въ кругѣ высшемъ, что дѣлается въ низшемъ, и все, что ни придетъ ему на умъ по этому поводу, то есть, всякое происшествіе высшаго круга, служащее въ подтвержденье, или въ опроверженіе этого, описалъ бы, какъ оно случилось передъ его глазами, не пропуская ни людей съ ихъ нравами, склонностями и привычками, ни бездушныхъ вещей, ихъ окружающихъ, отъ одеждъ до мебелей и стѣнъ домовъ, въ которыхъ живутъ они. Мнѣ нужно знать это сословіе, которое есть цвѣтъ народа. Я не могу выдать послѣднихъ томовъ моего сочиненія по тѣхъ поръ, покуда сколько-нибудь не узнаю Русскую жизнь со всѣхъ ея сторонъ, хотя въ такой мѣрѣ, въ какой мнѣ нужно ее знать для моего сочиненія.

Не дурно также, если бы кто-нибудь такой, кто надѣленъ способностью воображать, или представлять себѣ различныя положенія людей и преслѣдовать ихъ мысленно на разныхъ поприщахъ, словомъ—кто способенъ углубляться въ мысль всякаго читаемаго имъ автора, или развивать ее, прослѣдилъ бы пристально всякое лицо, выведенное въ моей книгѣ, и сказалъ бы мнѣ, какъ оно должно поступить въ такихъ и такихъ случаяхъ, что съ нимъ, судя по началу, должно случиться далѣе, какія могутъ ему представиться обстоятельства новыя и что было бы хорошо прибавить къ тому, что уже мной описано. Все это желалъ бы я принять въ соображенье къ тому времени, когда воспослѣдуетъ изданіе новое этой книгѣ, въ другомъ и лучшемъ видѣ.

Объ одномъ прошу крѣпко того, кто захотѣлъ бы надѣлить меня своими замѣчаніями: не думать въ это время, какъ онъ будетъ писать, что пишетъ онъ ихъ для человѣка, ему равнаго по образованію, который одинаковыхъ съ нимъ вкусовъ и мыслей, и можетъ уже многое смекнуть и самъ безъ объясненія; но, вмѣсто того, воображать себѣ, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, несравненно его низшій образованьемъ, неучившійся. Лучше даже, если, намѣсто меня, онъ себѣ представитъ какого-нибудь деревенскаго

дикаря, котораго вся жизнь прошла въ глуши, съ которымъ нужно входить въ подробнѣйшее объясненіе всякаго обстоятельства и быть просту въ рѣчахъ, опасаясь ежеминутно, чтобы не употребить выраженій свыше его понятія. Если это безпрерывно будетъ имѣть въ виду тотъ, кто станетъ дѣлать замѣчанья на мою книгу; то его замѣчанья выйдутъ болѣе значительны и любопытны, чѣмъ онъ думаетъ самъ, а мнѣ принесутъ истинную пользу.

Итакъ, если бы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена моими читателями и нашлись бы изъ нихъ дѣйствительно такія добрыя души, которыя захотѣли бы сдѣлать все такъ, какъ я хочу; то вотъ какимъ образомъ они могутъ мнѣ переслать свои замѣчанія. Сдѣлавши сначала пакетъ на мое имя, завернуть его потомъ въ другой пакетъ, или на имя ректора С.-Петербургскаго университета, его превосходительства Петра Александровича Плетнева, адрессуя прямо въ С.-Петербургскій университетъ, или на имя профессора Московскаго университета, его высокор. Степана Петровича Шевырева, адрессуя въ Московскій университетъ, смотря по тому, къ кому какой городъ ближе.

А всѣхъ, какъ журналистовъ, такъ и вообще литераторовъ, благодаря искренно за всѣ ихъ прежніе отзывы о моей книгѣ, которые, не смотря на нѣкоторую неумѣренность и увлеченія, свойственныя человѣку, принесли, однакожъ, пользу большую, какъ головѣ, такъ и душѣ моей, прошу не оставить и на этотъ разъ меня своими замѣчаніями. Увѣряю искренно, что все, что̀ ни будетъ ими сказано на вразумленье, или поученье мое, будетъ принято мною съ благодарностью.

II.

ВАРІАНТЪ ОКОНЧАНІЯ IX ГЛАВЫ. (1)

Судили судили, и рѣшили на томъ, чтобы разспросить покупщиковъ, у которыхъ Чичиковъ торговалъ и купилъ эти зага-

(1) Трудно опредѣлительно сказать, когда онъ написанъ: въ одно ли время съ первымъ томомъ, или же въ послѣдствіи. Судя по почерку, можно предполагать скорѣе послѣднее, — тѣмъ болѣе, что Гоголь, какъ видно изъ его писемъ, при изданіи слѣдующихъ томовъ »Мертвыхъ Душъ« предполагалъ издать первый въ исправленномъ видѣ. *Прим. П. П. Трушковскаго.*

дочныя мертвыя души. Прокурору выпалъ жребій переговорить съ Собакевичемъ, а предсѣдатель вызвался самъ идти къ Коробочкѣ. А потому отправимся мы вслѣдъ за ними и посмотримъ, что̀ такое тамъ разузнали.

Собакевичъ квартировалъ съ супругой въ домѣ нѣсколько поотдаль отъ шумныхъ мѣстъ. Домъ выбралъ этакой крѣпкій, чтобы потолокъ не проломился и можно бы въ немъ жить благополучно. Хозяинъ былъ купецъ Колотыркинъ, человѣкъ тоже прочный. Собакевичъ былъ (одинъ) съ супругой; дѣтей при немъ не было. Онъ начиналъ уже скучать и помышлялъ объ отъѣздѣ, ожидалъ только оброка за землю, которую нанимали подъ рѣпу трое городскихъ мѣщанъ, да окончанья какого-то моднаго капота на ватѣ, который вздумала заказать городскому портному супруга. Онъ уже, сидя на креслахъ, начиналъ побранивать и мошенничество (мѣщанъ), и прихоть (жены), а самъ всё глядѣлъ на уголъ печки, а не на жену. Въ это время вошелъ прокуроръ. Собакевичъ сказалъ: »Прошу«, и приподнявшись сѣлъ опять на стулъ. Прокуроръ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны и, приложившись къ ней, сѣлъ также на стулъ. Ѳеодулія Ивановна, получивши себѣ на руку поцѣлуй, сѣла также на стулъ. Всѣ три стула были выкрашены зеленою масленою краской, съ малеванными кувшинчиками по уголкамъ.

»Пришелъ съ вами переговорить объ дѣлѣ«, сказалъ прокуроръ.

»Душенька, ступай въ свою комнату! Тамъ тебя, вѣрно, ждетъ портниха«, (сказалъ Собакевичъ).

Ѳеодулія Ивановна пошла въ свою комнату.

Прокуроръ началъ такъ: »Позвольте васъ спросить: какого рода людей продали вы Павлу Ивановичу Чичикову?«

»Какъ, какого рода?« сказалъ Собакевичъ. »Вѣдь на это крѣпость есть; тамъ означено, какого рода: одинъ каретникъ....«

»По городу, однакожъ«, сказалъ прокуроръ, нѣсколько замявшись, »по городу разнеслись слухи...«

»Много въ городѣ дураковъ, оттого и слухи«, сказалъ спокойно Сабакевичъ.

»Однакожъ, Михаилъ Семеновичъ, такіе слухи, что голова кружится: что души — не души, что цѣль совсѣмъ не та, чтобы пе-

реселить, и что самъ Чичиковъ—загадочный человѣкъ. Оказались такія подозрѣнія.... По городу пошли такіе пересуды....«

»Да позвольте спросить васъ: вы сами баба, что̀ ли?« спросилъ Собакевичъ.

Этотъ вопросъ озадачилъ прокурора. Онъ самъ у себя никогда еще не спрашивалъ, баба ли онъ, или что̀ другое.

»Вы бы съ этакими запросами посовѣстились даже и приходить ко мнѣ«, сказалъ Собакевичъ.

Прокуроръ началъ извиняться.

»Вы бы пошли къ какимъ-нибудь пряхамъ, что по вечерамъ говорятъ объ вѣдьмахъ. Ужъ если Богъ не далъ о чемъ поумнѣй завести разговоръ, играли бы въ бабки съ малыми ребятами. Что̀ вы въ самомъ дѣлѣ пришли смущать честнаго человѣка? Что̀ я вамъ, въ насмѣшку, что̀ ли? Въ службѣ своей какъ слѣдуетъ не упражняетесь; чтобы отечеству какъ-нибудь послужить, охраняя товарищей на пользу ближнему, о томъ не думаете; а вотъ только чтобы быть подальше другихъ. Куда дураки подтолкнутъ, туда и плететесь. Такъ себѣ за ничто и пропадете, и добраго слѣда отъ васъ не останется.«

Прокуроръ совсѣмъ не нашелся, что̀ отвѣчать на такое неожиданное поученіе. Разбитый въ прахъ и уничтоженный, пошелъ онъ отъ Собакевича.

Въ это время вошла Ѳеодулія Ивановна.

»Что̀ это отъ тебя прокуроръ такъ скоро вышелъ?« сказала она.

»Угрызенье совѣсти ощутилъ, такъ и вышелъ«, сказалъ Собакевичъ. »Вотъ тебѣ, душа моя, въ глазахъ примѣръ. Какой старой человѣкъ, ужъ и волосъ сѣдой въ головѣ, а я знаю, что онъ досихъ поръ по чужимъ женамъ ходитъ. У нихъ ужъ обычаи, у всѣхъ собакъ, свои. Мало того, что даромъ бременятъ землю, да еще дѣла такія дѣлаютъ.... что ихъ всѣхъ бы въ одинъ мѣшокъ да въ воду! Весь городъ—разбойничій вертепъ. Не зачѣмъ намъ здѣсь оставаться больше, уѣдемъ!«

Супруга хотѣла-было представить, что еще не готовъ капотъ и нужно купить для праздника лентъ на чепцы; но Собакевичъ сказалъ: »Это, душа моя, всё модныя выдумки; онѣ тебя къ добру не доведутъ.« Велѣлъ собирать все въ дорогу, а самъ пошелъ,

вмѣстѣ съ квартальнымъ, къ мѣщанамъ и взялъ съ нихъ оброкъ за рѣпу. Потомъ зашелъ къ портнихѣ и взялъ капотъ непошитый, такъ какъ былъ въ работѣ, съ воткнутою иголкой и ниткой, съ тѣмъ чтобы дошить его въ деревнѣ, и выѣхалъ изъ города, приговаривая, что опасно даже заѣзжать сюда, потому что мошенникъ сидитъ на мошенникѣ и можно легко самому погрязнуть вмѣстѣ съ ними во всякихъ порокахъ.

Прокуроръ между тѣмъ такъ былъ озадаченъ пріемомъ Собакевича, что недоумѣвалъ, какъ и разсказать объ этомъ предсѣдателю.

Но и предсѣдатель тоже немного успѣлъ въ объясненіяхъ. Начать съ того, что, поѣхавши на дрожкахъ, попалъ онъ въ такой грязный и узкій переулокъ, что во всю дорогу то правое колесо выше лѣваго, то лѣвое выше праваго. Отъ этого ударилъ онъ самого себя весьма (сильно) палкой въ подбородокъ, потомъ (стукнулся) затылкомъ и, въ заключенье, забрызгался сильно грязью. Въѣхалъ онъ къ протопопу среди чавканья, шлепанья грязи, свиннаго хрюканья; оставивши дрожки и пробравшись пѣшкомъ позади всякихъ клѣтуховъ, вступилъ наконецъ въ сѣни. Здѣсь онъ прежде спросилъ полотенце и вытеръ лицо. Коробочка встрѣтила его также какъ и Чичикова, съ тѣмъ же меланхолическимъ видомъ. На шеѣ у ней было что-то наверчено, въ родѣ фланели. Въ комнатѣ было безчисленное множество мухъ и какое-то отвратительное для нихъ блюдо, къ которому онѣ, казалось, уже привыкли. Коробочка попросила его садиться.

Предсѣдатель, начавши тѣмъ, что зналъ нѣкогда ея мужа, вдругъ перешелъ къ такому вопросу: »Скажите пожалуста, точно ли къ вамъ, въ ночное время, съ пистолетомъ въ рукѣ, пріѣзжалъ одинъ человѣкъ, покушавшійся васъ убить, если вы не отдадите какихъ-то душъ? и не можете ли вы объяснить намъ, какое было его намѣреніе?«

»Да ужъ какъ не могу! Возьмите вѣдь мое положеніе: двадцать пять рублей бумажками! Вѣдь я не знаю, право: я вдова, я человѣкъ неопытный; меня не трудно обмануть въ дѣлѣ, въ которомъ я, признаться вамъ сказать, батюшка, ничего не знаю. Пенькѣ-то я знаю цѣну, сало тоже продала, тряпье....«

»Да разскажите прежде пообстоятельнѣе: какъ это? пистолетъ при немъ былъ?«

»Нѣтъ, батюшка, пистолетовъ, оборони Богъ, я не видала. А мое дѣло вдовье,—я не могу знать, по чемъ ходятъ мертвыя души. Ужъ, батюшка, не оставьте, поясните по крайней мѣрѣ, чтобы я знала цѣну-то настоящую.«

»Какую цѣну?«

»Да мертвая-то душа по чемъ теперь ходитъ?«

»Да она дура отъ роду, или рехнулась!« подумалъ предсѣдатель, смотря ей въ глаза.

»Что̀ жъ, двадцать-пять рублей? Вѣдь я не знаю; можетъ быть, она пятьдесятъ, или свыше.«

»А покажите бумажку«, сказалъ предсѣдатель и посмотрѣлъ ее противъ свѣта, не фальшивая ли. Но бумажка была—какъ бумажка.

»Да разскажите же вы, какъ онъ у васъ купилъ? что̀ купилъ? Я въ голову ничего.... не могу сообразить....«

»Купилъ«, сказала Коробочка. »Да вы-то, батюшка, что̀ жъ вы-то не хотите мнѣ сказать, по чемъ ходитъ мертвая душа? Право, грѣхъ. Я не знаю настоящую цѣну мертвыхъ душъ.«

»Да помилуйте, что̀ это вы говорите! гдѣ жъ видано, чтобъ мертвыхъ продавали?«

»Да что̀ жъ вы цѣны не хотите сказать?«

»Да что̀ жъ цѣны? Помилуйте, какая цѣна! Скажите мнѣ серьезно: какъ было дѣло? Угрожалъ онъ вамъ чѣмъ, хотѣлъ обольстить?«

»Нѣтъ, батюшка; да вы, право.... Теперь я вижу, что вы тоже покупщикъ.« И посмотрѣла подозрительно въ глаза.

»Да я предсѣдатель, матушка, здѣшней палаты.«

»Нѣтъ, батюшка, вы это ужъ того.... изволите такъ, хотите сами меня обмануть. Да вѣдь что̀ жъ вамъ изъ того? вѣдь вамъ же хуже. Я бы вамъ продала и птичекъ. У меня объ Рождествѣ и птичьи перья будутъ.«

»Матушка, говорю вамъ, что я предсѣдатель. Что̀ мнѣ ваши птичьи перья! Не покупаю ничего.«

»Да вѣдь торгъ — честное дѣло«, продолжала Коробочка. »Се-

годня я тебѣ, завтра ты мнѣ продашь. Что̀ жъ? если мы станемъ этакъ другъ друга обманывать, да гдѣ жъ и правда тогда? Вѣдь это передъ Богомъ грѣхъ.«

»Матушка, я не покупщикъ, я предсѣдатель!«

»Да Богъ знаетъ. Можетъ быть, вы и предсѣдатель; вѣдь я не знаю. Да что̀ жъ вы такъ разспрашиваете? Нѣтъ, батюшка, я вижу, что вы сами… того… хотите купить ихъ.«

»Матушка, я вамъ совѣтую полечиться«, сказалъ предсѣдатель разсердившись. »У васъ вотъ (тутъ) не достаетъ«, сказалъ онъ, постучавши себя палкою по лбу, и вышелъ отъ Коробочки.

Коробочка такъ на этомъ и осталась, что это былъ покупщикъ; но удивлялась только тому, какой сердитый сталъ народъ на бѣломъ свѣтѣ и какъ трудно бѣдной вдовѣ. А предсѣдатель извлекъ для себя то, что изломалъ колесо въ дрожкахъ и забрызгался вонючею грязью. Вотъ все, что̀ пріобрѣлъ онъ въ этой неудачной экспедиціи, включая сюда разбитый палкою подбородокъ. Подъѣзжая къ дому, встрѣтилъ онъ прокурора, который тоже ѣхалъ на дрожкахъ не въ духѣ. »Ну, что̀ узнали отъ Собакевича?«

Прокуроръ повѣсилъ голову и сказалъ: »Во всю жизнь не былъ трактованъ (такимъ образомъ).«

»А что̀?«

»Оплевалъ совсѣмъ«, сказалъ прокуроръ съ огорченнымъ видомъ.

»Какъ?«

»Говоритъ, что на службѣ отъ меня проку нѣтъ. (А я) ни одного доноса не подалъ на товарищей. Въ другихъ мѣстахъ прокуроръ, что недѣля, посылаетъ доносъ; я выставлялъ *челъ* на всякомъ листкѣ, даже и тогда, когда не разъ и слѣдовало бы подать доносомъ; не задерживалъ ни одной бумаги.«

Прокуроръ истинно сокрушался.

»Такъ что̀ жъ онъ объ Чичиковѣ говоритъ?« сказалъ предсѣдатель.

»Что̀ говоритъ? Бабами назвалъ всѣхъ, обругалъ дураками.«

Предсѣдатель задумался. Въ это время подъѣхали третьи дрожки. На нихъ сидѣлъ вице-губернаторъ.

»Господа! я долженъ васъ извѣстить, что нужно быть осто-

рожну. Говорятъ, дѣйствительно въ нашу губернію назначается генералъ-губернаторъ. И предсѣдатель, и прокуроръ разинули ротъ. Предсѣдатель подумалъ про-себя: »Вотъ кстати пріѣдетъ на расхлебки! Заварили супъ такой, что чортъ и вкусъ въ немъ какой отыщетъ! Увидитъ, какая безтолковщина!«

»Одно за другимъ!« подумалъ огорченный прокуроръ.

»Не знаете о томъ ничего, кто назначенъ въ генералъ-губернаторы, какого нрава, какого свойства?«

»Ничего еще не извѣстно«, сказалъ (вице-губернаторъ).

Въ это время подъѣхалъ на дрожкахъ почтмейстеръ. »Господа! могу васъ поздравить съ генералъ-губернаторомъ.«

»Слышали, да вѣдь еще не извѣстно«, сказалъ вице-губернаторъ.

»Извѣстно даже, и кто«, сказалъ почтмейстеръ: »князь Одноозоровскій-Чементинскій.«

»Чтó жъ говорятъ?«

»Строжайшій человѣкъ, судырь мой«, сказалъ почтмейстеръ, »дальновиднѣйшій и крутѣйшаго нрава. Былъ онъ прежде въ эдакомъ, понимаете, большомъ казенномъ построеніи. Завелись также кое-какіе грѣхи. Всѣхъ, судырь, распушилъ, стеръ въ прахъ, такъ что, понимаете, и подметать было нечего.«

»А здѣсь въ городѣ нѣтъ никакой надобности въ строгихъ мѣрахъ.«

»Палата, судырь мой, свѣдѣній, человѣкъ размѣра, понимаете, колоссальнаго!« продолжалъ почтмейстеръ. »Случилось одинъ разъ...«

»Однакожъ«, сказалъ предсѣдатель, »мы говоримъ на улицѣ при кучерахъ. Лучше мы заѣдемъ.«

Всѣ опомнились. А ужъ на улицѣ собрались наблюдатели и глядѣли, разинувъ рты на разговаривающихъ съ четырехъ дрожекъ. Кучерá закричали, и четверо дрожекъ подъѣхали къ предсѣдателю.

»Кстати чортъ принесъ этого Чичикова«, думалъ предсѣдатель, снимая съ себя въ передней забрызганную грязью шубу.

»Я всё не могу разобрать этого дѣла«, сказалъ вице-губернаторъ, скидая шубу.

Почтмейстеръ ничего не сказалъ, сбросилъ просто.

Вошли въ комнату, гдѣ вдругъ явилась закуска. Губернскія

власти не обходятся безъ закуски, и, если въ губерніи хоть два человѣка сойдутся, самъ-третей является закуска.

Предсѣдатель подошелъ и налилъ самой горькой, полынной водки, сказавши: »Я, хоть убей, не знаю, кто таковъ этотъ Чичиковъ.«

»Я и подавно«, сказалъ прокуроръ. »Этакого запутаннаго дѣла я и въ бумагахъ не читывалъ, и не имѣю духу приступить...«

»Тѣмъ болѣе, что того.... человѣкъ свѣтскаго лоску«, сказалъ почтмейстеръ, наливая сначала темной и розовой, и составивъ себѣ смѣсь изъ разныхъ водокъ, »и, судя по поступкамъ, должно быть, имѣлъ обращеніе съ высшимъ политесомъ общества. Я думаю, что едва ли не дипломатикъ...«

Въ это время, входя, полиціймейстеръ, извѣстный благотворитель города, любимецъ купечества и чудотворецъ въ угощеніяхъ, сказалъ: »Господа! о Чичиковѣ я ничего не могъ узнать. Въ собственныхъ бумагахъ его порыться не могъ. Изъ комнаты не выходитъ: чѣмъ-то заболѣлъ. Разспрашивалъ людей. Лакей пришелъ Петрушка, кучеръ Селифанъ. Первый былъ не въ трезвомъ состояніи, да и всегда былъ таковъ.« При этомъ полиціймейстеръ подошелъ къ водкѣ и составилъ смѣсь изъ трехъ водокъ. »Петрушка говоритъ, что баринъ какъ баринъ, водился съ людьми, кажется, хорошими. Назвалъ много помѣщиковъ,—всё коллежскіе и статскіе совѣтники. Кучеръ Селифанъ — неглупымъ человѣкомъ, говоритъ, назывался всѣми за то, что службу хорошо исполнялъ. Былъ въ таможнѣ, при какихъ-то казенныхъ постройкахъ, а въ какихъ именно — не могъ сказать. Лошади три: одна куплена, говоритъ, три года назадъ тому; сѣрая, говоритъ, вымѣнена на сѣрую, третья куплена.... А самъ Чичиковъ, дѣйствительно, называется Павелъ Ивановичъ и точно коллежскій совѣтникъ.«

Всѣ чиновники задумались.

»Порядочный человѣкъ и коллежскій совѣтникъ«, подумалъ прокуроръ, »и рѣшиться на такое дѣло, какъ увозить губернаторскую дочку, или возымѣть безуміе покупать мертвыхъ, пугать по ночамъ спокойныхъ, престарѣлыхъ помѣщицъ! Это прилично какому-нибудь гусарскому юнкеру, а не коллежскому совѣтнику.«

»Если коллежскій совѣтникъ, какъ же пуститься въ такое уголовное преступленіе, какъ дѣлать бумажки!« подумалъ вице-губер-

наторъ, который былъ самъ коллежскій совѣтникъ, любилъ играть на флейтѣ и душу имѣлъ склонную къ искусству изящному, а не къ преступленью.

»Воля ваша, господа, а вѣдь дѣло какъ-нибудь нужно кончить. Пріѣдетъ генералъ-губернаторъ, увидитъ, что у насъ, просто, чортъ знаетъ что«, сказалъ наконецъ полиціймейстеръ. »Я думаю, надобно поступить рѣшительно.«

»Какъ же рѣшительно?« сказалъ предсѣдатель.

»Задержать его, какъ подозрительнаго человѣка.«

»А если онъ насъ задержитъ, какъ подозрительныхъ людей?«

»Какъ такъ?«

»Ну, а если онъ подосланъ? ну, что если онъ съ тайными порученіями? Мертвыя души! Богъ знаетъ, что это за мертвыя души. А можетъ быть, разысканіе обо всѣхъ тѣхъ умершихъ, о которыхъ было подано, отъ неизвѣстныхъ случаевъ.«

Эти слова погрузили всѣхъ въ молчаніе.

Прокурора эти слова поразили. Предсѣдатель также, сказавши ихъ, задумался.

III.

ЗАМѢТКИ НА ЛОСКУТКАХЪ.

Къ 1-й части.

Идея города. Возникшая до высокой степени пустота. Пустословіе, сплетни, перешедшія предѣлы. Какъ все это возникло изъ бездѣлья и приняло выраженіе, смѣшное въ высшей степени. Какъ люди неглупые доходятъ до дѣланія совершенныхъ глупостей.

Частности въ разговорахъ дамъ. Какъ къ общимъ сплетнямъ примѣшиваются частныя сплетни. Какъ въ нихъ не щадятъ одна другую. Какъ созидаются соображенія. Какъ эти соображенія восходятъ до верха смѣшного. Какъ все невольно занимаютъ, и какого рода бабичи и юпки образуются.

Какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняются мутною, ничего неговорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются. Смерть поражаетъ не-

трогающійся міръ. И еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни.

Проходитъ страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта въ томъ тайна. Не ужасное ли это явленіе — жизнь безъ подпоры прочной? не страшно ли великое она явленье? Такъ слѣпа.... [1] жизнь при бальномъ сіяніи, при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ. Никто не признаетъ.....

Частности. Дамы ссорятся именно изъ-за того, что одной хочется, чтобы Чичиковъ былъ тѣмъ-то, другой — тѣмъ-то, и потому (каждая) принимаетъ только тѣ слухи, которые сообразны съ ея идеями.

Явленіе другихъ дамъ на сцену.

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ чувственныя наклонности и любитъ разсказывать, какъ иногда она побѣждала чувственныя наклонности посредствомъ ума своего и какъ умѣла не допустить до слишкомъ короткихъ съ нею изъясненій. Впрочемъ это случилось само собою, очень невиннымъ образомъ. До короткихъ объясненій никто не доходилъ уже потому, что она и въ молодости своей имѣла что-то похожее на будочника, не смотря на всѣ свои пріятности и хорошія качества.

Нѣтъ, милая, я люблю — понимаешь? — сначала мущину приблизить и потомъ удалить, и потомъ приблизить. Такимъ же образомъ она поступаетъ и на балѣ съ Чичиковымъ. У другихъ тоже составляются идеи по собственной высотѣ. Одна почтительна. Двѣ дамы, взявшись подъ руки, ходили и рѣшились хохотать даже. Потомъ нашли, что совсѣмъ у Чичикова нѣтъ манеръ истинно хорошихъ.

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ любила читать всякія описанія баловъ. Описаніе Вѣнскаго конгреса... Все очень занимат(ельно). Просто, любила дама, то есть, замѣчать на другихъ, что̀ на комъ хорошо и что̀ не хорошо.

Сидя разсматриваютъ входящихъ. Н. совсѣмъ не умѣетъ одѣваться, совсѣмъ не умѣетъ. Этотъ шарфъ такъ ей не идетъ... Какъ хорошо одѣта губернаторская дочка... Милая, она... гадко одѣта. Ужъ если и......

[1] Точки означаютъ мѣста, которыхъ нельзя было прочитать. *П. К.*

Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетень: прообразованіе бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ. Рожденъ балъ и всѣ соединенія. Сторона славная и бальная общества.

Противупо(ложно) ему прообразовать во II занятій, разорванныхъ бездѣльемъ.

Какъ низвести всемірн(ую картину) бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ? и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья міра?

Для... включить всѣ сходства и внести постепенный ходъ.

IV.

ПОВѢСТЬ О КАПИТАНѢ КОПЕЙКИНѢ.

(Въ первоначальномъ видѣ.)

Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, судырь ты мой [такъ началъ почтмейстеръ, не смотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ судырь, а цѣлыхъ шестеро], послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ раненными присланъ былъ и капитанъ Копейкинъ, пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ, всего отвѣдалъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не успѣли сдѣлать на-счетъ раненныхъ никакихъ, знаете, эдакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, послѣ. Капитанъ Копейкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался-было домой къ отцу; отецъ говоритъ: »Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я«, можете представить себѣ, »самъ едва достаю хлѣбъ.« Вотъ мой капитанъ Копейкинъ рѣшился отправиться, судырь мой, въ Петербургъ, чтобы просить Государя, не будетъ ли какой Монаршей милости, что вотъ, де, такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь... Какъ-то тамъ, знаете, съ обозами, или фурами казенными, словомъ, судырь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: эдакой, какой-нибудь, то есть, капитанъ Копейкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ ска-

зать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехеразада, понимаете, эдакая! Вдругъ какой-нибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій прешпектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ эдакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ эдакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ эдакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то есть, прикосновенія; словомъ, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался-было нанять квартиру, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персія, судырь мой, такая... словомъ, относительно, такъ сказать, ногой попираешь капиталы. Идешь по улицѣ, а ужъ носъ слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнаціонный банкъ изъ какихъ-нибудь десяти синюгъ, да серебра мелочь. Ну, деревни на это не купишь, то есть, и купишь, можетъ быть, если приложишь тысячъ сорокъ, да сорокъ-то тысячъ нужно занять у Французскаго короля. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ Ревельскомъ трактирѣ, за рубль въ сутки; обѣдъ — щи, кусокъ битой говядины... На другой день, судырь мой, рѣшился пойти къ министру. А Государя — нужно знать вамъ — въ то время не было еще въ столицѣ: войска, можете себѣ представить, еще не возвращались изъ Парижа, изъ-за границы. Вотъ, судырь мой, вставши пораньше, поскребъ онъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цирюльнику, это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ; натащилъ на себя мундиришко и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился къ министру. Разспросилъ у бутошника квартиру. »Вонъ«, говоритъ, указавъ ему домъ на Дворцовой набережной. Избенка, понимаете, мужичья: стеклышки въ окнахъ, можете себѣ представить, полутора-саженныя зеркала, такъ что вазы, понимаете, и все, что тамъ ни есть въ комнатахъ, кажется снаружи; могъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, казалось, рукой достать; вездѣ драгоцѣнные мраморы, металлическія галантереи, судырь ты мой... словомъ, ума помраченье! Металлическая ручка какая-нибудь у двери — комфортъ первѣйшаго свойства, такъ что прежде, понимаете, нужно забѣжать въ лавочку да купить на грошъ мыла, да часа съ два, въ нѣкоторомъ родѣ, тереть имъ руки, да ужъ

послѣ развѣ можно взяться за нее. Одинъ швейцаръ уже смотритъ генералиссимусомъ. Вызолоченная булава; графская эдакая физіогномія; батистовые воротнички; какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь... Копейкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку, или Индію — раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что пришелъ еще въ такое время, когда министръ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели и камердинеръ поднесъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній эдакихъ. Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ наконецъ адъютантъ, или тамъ другой дежурный чиновникъ. »Министръ«, говоритъ, »сейчасъ выйдетъ въ пріемную.« А въ пріемной ужъ, понимаете, народу — какъ бобовъ на тарелкѣ. Все это не то, что̀ нашъ братъ, холопъ: четвертаго класса, полковники, а кое-гдѣ и золотые макароны блестятъ на эполетахъ; генералитетъ, словомъ, такой.... Вдругъ все засуетилось, пошло по комнатѣ *шу-шу, шу-шу*, и наконецъ тишина настала страшная. Входитъ министръ.... ну, можете представить себѣ, государственный человѣкъ. Въ лицѣ, такъ сказать.... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете, съ высокимъ постомъ.... Все тутъ, разумѣется, что̀ ни было, въ струнку. Разумѣется, все ждетъ рѣшенія, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Подходитъ къ одному, къ другому: »Зачѣмъ вы? что̀ вамъ угодно? какое ваше дѣло?« Наконецъ, судырь мой, къ Копейкину. Копейникъ: »Такъ и такъ«, говоритъ, »проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу, — осмѣливаюсь просить Монаршей милости.« Министръ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: »Хорошо«, говоритъ, »понавѣдайтесь на дняхъ.« Дня черезъ три-четыре является онъ, судырь ты мой, къ министру. »Пришелъ«, говоритъ, »узнать: такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь...« и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. Министръ тотчасъ узналъ его. »А!« говоритъ. »На этотъ разъ ничего не могу сказать болѣе, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать

даря. Тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія на-счетъ раненныхъ; а безъ Монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу оказать.« Поклонъ, понимаете, и — прощайте! Копейкинъ, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи, въ нѣкоторомъ родѣ, сомнительномъ, не получивши, такъ сказать, ни *да*, ни *нѣтъ*. А между тѣмъ, можете вообразить себѣ, столичная жизнь становится для него съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Думаетъ себѣ: »Пойду опять къ министру! Какъ рѣшите, ваше высокопревосходительство? Послѣдній кусокъ доѣдаю; не поможете — долженъ умирать, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода.« Словомъ, приходитъ онъ, судырь мой, опять. Говорятъ: »Нельзя! министръ не принимаетъ. Приходите завтра.« На другой день — то же. Швейцаръ на него, просто, смотрѣть не хочетъ. А между тѣмъ у него изъ синюхъ-то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ. То бывало ѣдалъ щи, говядины кусокъ, а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку, или огурецъ соленый, да хлѣба на два гроша. Словомъ, голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакого какого-нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете представить, иностранецъ, Французъ эдакой, съ открытой физіогноміей, бѣлье на немъ Голландское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, снѣгамъ, работаетъ фензервъ какой-нибудь эдакой, котлетки съ трюфелями, словомъ, разсупе-деликатесъ такой, что, просто, себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ, — тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штучка, арбузъ-громадище, дилижансъ эдакой высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей; словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ, относительно, такъ сказать, слюнки текутъ; а онъ жди! Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо, подъ названьемъ *завтра*. Наконецъ сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, не въ-терпежъ; рѣшается, во что бы то ни стало, пролѣзть къ министру. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ съ своей деревяшкой въ

пріемную. Министръ, по обыкновенію, выходитъ. »Зачѣмъ вы?... Зачѣмъ вы?... А!« говоритъ, увидѣвши Копейкина. »Вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія.« — »Помилуйте, ваше высокопревосходительство! не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба.« — »Что жъ дѣлать! Я для васъ ничего не могу сдѣлать. Старайтесь, покамѣстъ, помочь себѣ сами, ищите сами средствъ.« — »Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу отыскать, не имѣя ни руки, ни ноги!« Онъ-то хотѣлъ прибавить: »А носомъ и подавно ничего не сдѣлаешь; только развѣ высморкаешься, да и для того нужно купить платокъ!« Только министръ, судырь мой, или ужъ онъ ему надоѣлъ такъ, или въ самомъ дѣлѣ онъ, можетъ, занятъ былъ дѣлами государственными, — началъ, можете себѣ представить, сердиться. »Ступайте же!« говоритъ. »У меня много такихъ, какъ вы! Ожидайте покойно!« А мой Копейкинъ [голодъ, знаете, пришпорилъ его]: »Какъ хотите«, говоритъ, »ваше высокопревосходительство!« Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя! Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, примѣра, чтобы какой-нибудь Копейкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ! »Грубіянъ!« закричалъ онъ. »Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать«, говоритъ, »фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!« А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужчина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, словомъ — дантистъ эдакой... Вотъ его раба Божія въ тележку, да съ фельдъ-егеремъ. »Ну«, Копейкинъ думаетъ, »по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то.« Ѣдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егерѣ, да ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: »Хорошо«, говоритъ, »вотъ ты, молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ бы; хорошо«, говоритъ, »я«, говоритъ, »найду средства!« Ну, ужъ какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого не извѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копей-

кинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итакъ, куда дѣлся Копейкинъ, не извѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ Рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой, какъ нашъ капитанъ Копейкинъ. Набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ, нѣкоторымъ образомъ, банду цѣлую. Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны. Все привыкло, знаете, къ распускной жизни, всякому жизнь—копейка, забубень вездѣ такой — хоть трава не рости. Словомъ, судырь мой, у него, просто, армія. По дорогамъ никакого проѣзда нѣтъ, и все это собственно, такъ сказать, устремлено на одно только казенное. Если проѣзжающій по какой-нибудь своей надобности, спросятъ только, зачѣмъ, да и ступай своей дорогой. А какъ только какой-нибудь фуражъ казенный, провіантъ, или деньги, словомъ — все, что носитъ, такъ сказать, имя казны, — спуска никакого! Ну, можете себѣ представить, казенный карманъ опустошается ужасно. Услышитъ ли, что въ деревнѣ приходитъ срокъ платить казенный оброкъ, — онъ ужъ тамъ. Тотъ же часъ требуетъ къ себѣ старосту: »Подавай, братъ, казенные оброки и подати!« Ну, мужикъ видитъ — такой безногій чортъ, на воротникѣ-то у него, понимаете, жаръ-птица, красное сукно, пахнетъ, чортъ возьми, оплеухой... »На, батюшка! вотъ тебѣ, отвяжись только!« Думаетъ: »Ужъ, вѣрно, какой-нибудь капитанъ-исправникъ, а, можетъ, еще и хуже.« Только, судырь мой, деньги, понимаете, приметъ онъ, какъ слѣдуетъ, и тутъ же крестьянамъ пишетъ росписку, чтобы, нѣкоторымъ образомъ, оправдать ихъ, что деньги точно, молъ, взяты и подати сполна всѣ выплачены, и принялъ вотъ такой-то капитанъ Копейкинъ; еще даже и печать свою приложитъ. Словомъ, судырь мой, грабитъ да и полно. Посылали-было нѣсколько разъ команды изловить его, но Копейкинъ мой и въ усъ не дуетъ. Голодеры, понимаете, собрались всѣ такіе... Но наконецъ, можетъ быть, испугавшись самъ, видя, что дѣло, такъ сказать, заварилъ не на шутку и что преслѣдованія ежеминутно усиливались, а между тѣмъ деньжонокъ у него набрался капиталецъ порядочный;

онъ, судырь мой, за границу, и за границу-то, судырь мой, понимаете, въ Соединенные Штаты! и пишетъ оттуда, судырь мой, письмо къ Государю, краснорѣчивѣйшее, какъ только можете себѣ вообразить. Въ древности Платоны и Демосѳены какіе-нибудь, все это, можно сказать, тряпка, дьячокъ въ сравненіи съ нимъ: »Не подумай, Государь«, говоритъ, »чтобы я того и того... [круглоту періодовъ запустилъ такую...] Необходимость«, говоритъ, »была причиною моего поступка. Проливалъ кровь, не щадилъ, нѣкоторымъ образомъ, жизни, и хлѣба, какъ бы сказать, для пропитанія нѣтъ теперь у меня. Не наказуй«, говоритъ, »моихъ сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, такъ сказать, собственно мной; а окажи лучше Монаршую Свою милость, чтобы впредь, то есть, если тамъ попадутся раненные, такъ чтобы, примѣромъ, за ними эдакое, можете себѣ представить, смотрѣніе...« Словомъ, краснорѣчиво необыкновенно. Ну, Государь, понимаете, былъ тронутъ. Дѣйствительно его Монаршему сердцу было прискорбно... Хотя онъ точно былъ преступникъ и достоинъ, въ нѣкоторомъ родѣ, смертнаго наказанія, но видя, такъ сказать, какъ можетъ невинно иногда произойти подобное упущеніе... Да и невозможно, впрочемъ, чтобы въ тогдашнее смутное время все было можно вдругъ устроить. Одинъ Богъ, можно сказать, только развѣ безъ проступковъ. Словомъ, судырь мой, Государь изволилъ на этотъ разъ оказать безпримѣрное великодушіе, повелѣлъ остановить преслѣдованіе виновныхъ, а въ то же время издалъ строжайшее предписаніе составить комитетъ, исключительно съ тѣмъ, чтобы заняться улучшеніемъ участи всѣхъ, то есть, раненныхъ. И вотъ, судырь мой, это была, такъ сказать, причина, въ силу которой положено было основаніе инвалидному капиталу, обезпечившему, можно сказать, теперь раненныхъ совершенно, такъ что подобнаго попеченія дѣйствительно ни въ Англіи, ни въ разныхъ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ не имѣется. Такъ вотъ кто, судырь мой, этотъ капитанъ Копейкинъ. Теперь я полагаю, вотъ что. Въ Соединенныхъ Штатахъ денежки онъ, безъ сомнѣнія, прожилъ, да вотъ и воротился къ намъ, чтобы еще какъ-нибудь попробовать — не удастся ли, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, новое предпріятіе...

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

МЕРТВЫЯ ДУШИ, ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МЕРТВЫЯ ДУШИ, ТОМЪ ВТОРОЙ,

въ первоначальномъ видѣ.

МЕРТВЫЯ ДУШИ, ТОМЪ ВТОРОЙ,

въ исправленномъ видѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ МЕРТВЫХЪ ДУШЪ.

Опечатка: на стр. 204, *сударь*, а слѣдовало бы *судырь*.

